99
Т 671

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

Профессиональный союз
РСХМ СССР
Заводской комитет
завода №
"_____" 19__ г.
№_____

Приложеніе къ журналу „Нива" за 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

КЛАРА МИЛИЧЪ.

(повѣсть.)

I.

Весной 1878 года, проживалъ въ Москвѣ, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ на Шаболовкѣ — молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, по имени Яковъ Аратовъ. Съ нимъ проживала его тетка, старая дѣвица, лѣтъ пятидесяти слишкомъ, сестра его отца, Платонида Ивановна. Она завѣдывала его хозяйствомъ и вела его расходы, на что Аратовъ совершенно не былъ способенъ. Другихъ родныхъ у него не было. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отецъ его, небогатый дворянчикъ Т....ой губерніи, переѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ нимъ и Платонидой Ивановной, которую, впрочемъ, всегда звалъ Платошей; и племянникъ такъ же ее звалъ. Покинувъ деревню, въ которой они всѣ до тѣхъ поръ постоянно жили, старикъ Аратовъ поселился въ столицѣ съ цѣлью помѣстить сына въ университетъ, къ которому самъ его подготовилъ; купилъ за безцѣнокъ домикъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ и устроился въ немъ со всѣми своими книгами и „препаратами". А книгъ и препаратовъ у него было много— ибо человѣкъ онъ былъ не лишенный учености... „чу-

такъ преестественный“, по словамъ сосѣдей. Онъ даже слылъ у нихъ чернокнижникомъ: даже прозвище получилъ „инсектонаблюдателя“. Онъ занимался химіей, минералогіей, энтомологіей, ботаникой и медициной; лѣчилъ добровольныхъ паціентовъ травами и металлическими порошками собственнаго изобрѣтенія, по методѣ Парацельсія. Этими самыми порошками онъ свелъ въ могилу свою молоденькую, хорошенькую, но ужъ слишкомъ тоненькую жену, которую любилъ страстно, и отъ которой имѣлъ единственнаго сына. Тѣми же металлическими порошками онъ порядкомъ попортилъ здоровье также и сына, которое, напротивъ, желалъ подкрѣпить, находя въ его организмѣ анемію и склонность къ чахоткѣ, унаслѣдованныя отъ матери. Имя „чернокнижника“ онъ, между прочимъ, получилъ отъ того, что считалъ себя правнукомъ—не по прямой линіи, конечно, — знаменитаго Брюса, въ честь котораго онъ и сына назвалъ Яковомъ. Человѣкъ онъ былъ, что называется, „добрѣйшій“, но нрава меланхолическаго, копотливый, робкій,—склонный ко всему таинственному, мистическому... Полушопотомъ произнесенное:— А! было его обычнымъ восклицаніемъ; онъ и умеръ съ этимъ восклицаніемъ на устахъ,— года два спустя послѣ переселенія въ Москву.

Сынъ его, Яковъ, наружностью не походилъ на отца, который былъ некрасивъ собою, неуклюжъ и неловокъ; онъ скорѣй напоминалъ свою мать. Тѣ же тонкія, миловидныя черты, тѣ же мягкіе волосы пепельнаго цвѣта, тотъ же маленькій носъ съ горбиной, тѣ же выпуклыя, дѣтскія губки—и большіе, зеленовато-сѣрые глаза съ поволокой и пушистыми рѣсницами. Зато нравомъ онъ походилъ на отца;—и несхожее съ отцовскимъ лицо носило отпечатокъ отцовскаго выраженія — и руки имѣлъ онъ узловатыя, и впалую грудь, какъ старикъ Аратовъ, котораго, впрочемъ, едва ли слѣдуетъ называть старикомъ, такъ какъ онъ и до пятидесяти лѣтъ не дотянулъ. Еще при жизни его Яковъ поступилъ въ университетъ, по физико-математическому факультету; однако, курса не кончилъ — не по лѣности, а потому, что, по его попя-

тіямъ, въ университетѣ не узнаешь больше того, чему можно научиться и дома; а за дипломомъ онъ не гонялся, такъ какъ на службу поступить не разсчитывалъ. Онъ дичился своихъ товарищей, почти ни съ кѣмъ не знакомился, въ особенности чуждался женщинъ, и жилъ очень уединенно, погруженный въ книги. Онъ чуждался женщинъ, хотя сердце имѣлъ очень нѣжное и плѣнялся красотою... Онъ даже пріобрѣлъ роскошный англійскій кипсэкъ — и (о, позоръ!) любовался „украшавшими“ его изображеніями разныхъ восхитительныхъ Гюльнаръ и Медоръ... Но его постоянно сдерживала прирожденная стыдливость. Въ домѣ онъ занималъ бывшій отцовскій кабинетъ, который былъ также его спальней; и постель его была та же самая, на которой скончался его отецъ.

Великимъ подспорьемъ всего его существованія, неизмѣннымъ товарищемъ и другомъ, была ему его тетка, та Платоша, съ которой онъ едва ли мѣнялся десятью словами въ день, но безъ которой онъ не могъ бы ступить шагу. Это было длинполицое, длиннозубое существо, съ блѣдными глазами на блѣдномъ лицѣ, съ неизмѣннымъ выраженіемъ не то грусти, не то озабоченнаго испуга. Вѣчно одѣтая въ сѣрое платье и сѣрую шаль, отъ которой пахло камфарой, она скиталась по дому, какъ тѣнь, неслышными шагами; вздыхала, шептала молитвы — особенно одну, любимую, состоявшую всего изъ двухъ словъ: „Господи, помози!“ — и очень дѣльно распоряжалась по хозяйству, берегла каждую копейку и все закупала сама, Племянника своего она обожала; постоянно кручинилась объ его здоровьѣ—всего боялась—не за себя, а за него— и, бывало, чуть что ей покажется, сейчасъ тихонько подойдетъ и поставитъ ему на письменный столъ чашку грудного чаю, или погладитъ его по спинѣ своими мягкими, какъ вата, руками. Яковъ не тяготился этимъ ухаживаньемъ, — грудного чаю, однако, не пилъ — и только одобрительно покачивалъ головою. Впрочемъ, здоровьемъ онъ тоже похвастаться не могъ. Очень онъ былъ впечатлителенъ, нервенъ, мнителенъ, страдалъ сердцебіеньемъ. иногда одышкой; подобно отцу, вѣрилъ, что существуютъ

въ природѣ и въ душѣ человѣческой тайны, которыя можно иногда прозрѣвать, но постигнуть — невозможно; вѣрилъ въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вѣяній, иногда благосклонныхъ, но чаще враждебныхъ... и вѣрилъ также въ науку, въ ея достоинство и важность. Въ послѣднее время онъ пристрастился къ фотографіи. Запахъ употребляемыхъ при этомъ снадобій очень безпокоилъ старухутетку—опять-таки не для себя, а для Яши, для его груди; но, при всей мягкости нрава, въ немъ было не мало упорства — и онъ настойчиво продолжалъ полюбившееся ему занятіе. „Платоша“ покорилась, и только пуще прежняго вздыхала и шептала: „Господи, помози!“ глядя на его окрашенные іодомъ пальцы.

Яковъ, какъ уже сказано, чуждался товарищей; однако съ однимъ изъ нихъ сошелся довольно близко и видалъ его часто, даже послѣ того, какъ этотъ товарищъ, выйдя изъ университета, поступилъ на службу, мало, впрочемъ, обязательную: онъ, говоря его словами, „примостился“ къ постройкѣ Храма Спасителя, ничего, конечно, въ архитектурѣ не смысля. Странное дѣло: этотъ единственный пріятель Аратова, по фамиліи Купферъ, нѣмецъ до того обрусѣвшій, что ни одного слова по-нѣмецки не зналъ и даже ругался „нѣмцемъ“, — этотъ пріятель не имѣлъ съ нимъ, повидимому, ничего общаго. Это былъ чернокудрый, краснощекій малый, весельчакъ, говорунъ и большой любитель того самаго женскаго общества, котораго такъ избѣгалъ Аратовъ. Правда, Купферъ и завтракалъ, и обѣдалъ у него частенько — и даже, будучи человѣкомъ небогатымъ, занималъ у него небольшія суммы; но не это заставляло развязнаго нѣмчика прилежно посѣщать укромный домикъ на Шаболовкѣ. Душевная чистота, „идеальность“ Якова ему полюбилась, быть-можетъ, какъ противорѣчіе тому, что онъ каждый день встрѣчалъ и видѣлъ; — или, быть-можетъ, въ этомъ самомъ влеченіи къ „идеальному“ юношѣ сказывалась его все-таки германская кровь. А Якову нравилась добродушная откровенность Купфера; да кромѣ того, разсказы его о театрахъ, о концертахъ, о балахъ, гдѣ онъ былъ завсегдатаемъ, —

вообще, о томъ чуждомъ мірѣ, куда Яковъ не рѣшался проникнуть—тайно занимали и даже волновали молодого отшельника, не возбуждая, впрочемъ, въ немъ желанія извѣдать все это собственнымъ опытомъ. И Платоша жаловала Купфера; правда, она находила его иногда черезчуръ безцеремоннымъ, но инстинктивно чувствуя и понимая, что онъ искренно привязанъ къ ея дорогому Яшѣ, она не только терпѣла шумнаго гостя, но благоволила къ нему.

II.

Въ то время, о которомъ идетъ наша рѣчь, обрѣталась въ Москвѣ нѣкая вдова, грузинская княгиня, — личность неопредѣленная, почти подозрительная. Ей было уже подъ сорокъ лѣтъ; въ молодости она, вѣроятно, цвѣла той особенной восточной красотой, которая такъ скоро блекнетъ; теперь она бѣлилась, румянилась и красила волосы въ желтую краску. О ней ходили разные, не совсѣмъ выгодные и не совсѣмъ ясные слухи; мужа ея никто не знавалъ—и ни въ одномъ городѣ она подолгу не живала. Ни дѣтей, ни состоянія у ней не было; но она жила открыто—въ долгъ или иначе; держала, какъ говорится, салонъ и принимала довольно смѣшанное общество—большей частью молодежь. Все въ ея домѣ, начиная съ собственнаго ея туалета, мебели, стола—и кончая экипажемъ и прислугой — носило печать чего-то недоброкачественнаго, поддѣльнаго, временного... но и сама княгиня, и ея гости, повидимому, ничего лучшаго не требовали. Княгиня слыла любительницей музыки, литературы, покровительницей артистовъ и художниковъ; да и дѣйствительно интересовалась всѣми этими „вопросами“ — даже до восторженности — и до восторженности, не совсѣмъ напускной. Эстетическая жилка въ ней несомнѣнно билась. Къ тому же, она была очень доступна, любезна, безъ чванливости и ломанія — и, чего многіе не подозрѣвали — въ сущности очень добра, мягкосердечна и снисходительна... Качества рѣдкія—и тѣмъ болѣе дорогія—именно въ подобнаго рода личностяхъ? — „Пустая баба!“ выразился о

ней одинъ умникъ — „а въ рай попадетъ непремѣнно! Потому: все прощаетъ — и ей все простится!“ О ней говорили также, что когда она исчезала изъ какого-нибудь города—она всегда оставляла въ немъ столько же заимодавцевъ, сколько людей облагодѣтельствованныхъ ею. Мягкое сердце въ какую хочешь сторону гнется.

Купферъ, какъ и слѣдовало ожидать, попалъ въ ея домъ — и сталъ къ ней близкимъ... злые языки увѣряли: слишкомъ близкимъ человѣкомъ. Самъ же онъ всегда отзывался о ней не только дружески, но съ уваженіемъ; величалъ ее золотою женщиной—что̀ тамъ ни толкуй! — и твердо вѣрилъ и въ ея любовь къ искусству, и въ пониманіе ею искусства!—Вотъ, однажды, послѣ обѣда, у Аратовыхъ, разговорившись о княгинѣ и о ея вечерахъ, онъ началъ убѣждать Якова нарушить хоть разъ свою анахоретскую жизнь и позволить ему, Купферу, представить его своей пріятельницѣ. Яковъ сперва и слушать не хотѣлъ.— Да ты что думаешь?—воскликнулъ, наконецъ, Купферъ:— о какомъ представленіи рѣчь? Просто, возьму тебя, вотъ, какъ ты теперь сидишь, въ сюртукѣ, и повезу тебя къ ней на вечеръ. Никакихъ тамъ, братъ, этикетовъ не водится! Ты, вотъ, и ученый, и литературу любишь, и музыку (у Аратова въ кабинетѣ дѣйствительно находилось піанино, на которомъ онъ изрѣдка бралъ аккорды съ уменьшенной септимой), а у ней въ домѣ всего этого добра вдоволь!.. И людей ты тамъ встрѣтишь симпатическихъ, безо всякихъ претензій! Да и, наконецъ, нельзя же въ твои годы, съ твоей наружностью (Аратовъ опустилъ глаза и махнулъ рукою)—да, да, съ твоей наружностью, такъ чуждаться общества, свѣта! Вѣдь не къ генераламъ я тебя везу! Впрочемъ, я самъ генераловъ не знаю!.. Не упирайся, голубчикъ! Нравственность — дѣло хорошее, почтенное... Но зачѣмъ же въ аскетизмъ вдаваться? Не въ монахи же ты себя готовишь!

Аратовъ, однако, продолжалъ упираться; но на подмогу Купферу неожиданно явилась Платонида Ивановна. Хотя она и не поняла хорошенько, что̀ это за слово такое: аскетизмъ? однако, тоже нашла, что Яшенькѣ не худо

развлечься, на людей посмотрѣть и себя показать.—Тѣмъ болѣе, — прибавила она: — что я увѣрена въ Ѳедоръ-Ѳедорычѣ! Въ дурное мѣсто онъ тебя не повезетъ!.. — Во всей непорочности представлю его вамъ обратно!—вскричалъ Купферъ, на котораго Платонида Ивановна, несмотря на свою увѣренность, бросала безпокойные взгляды. Аратовъ покраснѣлъ до ушей, но возражать пересталъ.

Кончилось тѣмъ, что на слѣдующій день Купферъ повезъ его на вечеръ къ княгинѣ. Но Аратовъ не долго тамъ остался. Во-первыхъ, онъ нашелъ у ней человѣкъ двадцать гостей, мужчинъ и женщинъ, положимъ, и симпатическихъ, но все-таки чужихъ; и это его стѣсняло, хотя бесѣдовать ему пришлось очень немного: а этого онъ больше всего боялся. Во-вторыхъ, сама хозяйка ему не понравилась, хотя она и приняла его очень радушно и просто. Все въ ней ему не понравилось: и раскрашенное лицо, и взбитыя кудри, и хрипловато-слащавый голосъ, визгливый смѣхъ, манера закатывать глаза подъ лобъ, излишнее декольтэ и эти пухлые, глянцовитые пальцы со множествомъ колецъ!.. Забившись въ уголъ, онъ то быстро пробѣгалъ глазами по всѣмъ лицамъ гостей, какъ-то даже не различая ихъ, то упорно глядѣлъ себѣ на ноги. Когда же, наконецъ, одинъ заѣзжій артистъ съ испитымъ лицомъ, длиннѣйшими волосами и стеклышкомъ подъ съёженной бровью, сѣлъ за рояль и, ударивъ съ размаху руками по клавишамъ, а ногой по педали, началъ валять фантазію Листа на вагнеровскія тэмы, Аратовъ не выдержалъ и улизнулъ, унося въ душѣ смутное и тяжелое впечатлѣніе, сквозь которое, однако, пробивалось нѣчто ему самому непонятное, но значительное и даже тревожное.

III.

Купферъ пришелъ на другой день обѣдать; однако, распространяться о вчерашнемъ вечерѣ не сталъ, даже не попрекнулъ Аратова за его поспѣшное бѣгство и только пожалѣлъ о томъ, что онъ не дождался ужина, за которымъ подавали шампанское! (нижегородскаго издѣлія,

замѣтимъ въ скобкахъ). Купферъ, вѣроятно, понялъ, что напрасно вздумалъ расшевелить своего пріятеля, и что Аратовъ къ тому обществу и образу жизни человѣкъ рѣшительно „не подходящій“. Съ своей стороны, Аратовъ тоже не заговаривалъ ни о княгинѣ, ни о вчерашнемъ вечерѣ. Платонида Ивановна не знала, радоваться ли неуспѣху этой первой попытки, или сожалѣть о немъ?. Она рѣшила, наконецъ, что здоровье Яши могло пострадать отъ подобныхъ выѣздовъ, и успокоилась. Купферъ ушелъ тотчасъ послѣ обѣда, и цѣлую недѣлю потомъ не показывался. И не то, чтобы онъ дулся на Аратова за неудачу своей рекомендаціи—добрякъ на это не былъ способенъ, — но онъ, очевидно, нашелъ нѣкоторое занятіе, которое поглощало все его время, всѣ его помыслы, потому что и впослѣдствіи являлся рѣдко къ Аратовымъ, видъ имѣлъ разсѣянный, говорилъ мало и въ скорости исчезалъ... Аратовъ продолжалъ жить попрежнему; но какая-то, если можно такъ выразиться, закорючка засѣла ему въ душу. Онъ все что-то припоминалъ, самъ не зная хорошенько, что именно, и это „что-то“ относилось къ вечеру, проведенному у княгини. Со всѣмъ тѣмъ, вернуться къ ней онъ не желалъ нисколько, и свѣтъ, часть котораго онъ улицезрѣлъ у нея въ домѣ, отталкивалъ его больше, чѣмъ когда-либо. Такъ прошло недѣль шесть.

И вотъ, въ одно утро, опять предсталъ предъ нимъ Купферъ, на этотъ разъ съ нѣсколько смущеннымъ лицомъ. — Я знаю, — началъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ,—что тебѣ не по вкусу пришелся твой тогдашній визитъ; но я надѣюсь, что ты все-таки согласишься на мое предложеніе... не откажешь мнѣ въ моей просьбѣ!

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Аратовъ.

— Вотъ, видишь ли,—продолжалъ Купферъ, все болѣе и болѣе оживляясь:—здѣсь есть одно общество любителей, артистовъ, которое отъ времени до времени устраиваетъ чтенія, концерты, даже театральныя представленія съ благотворительной цѣлью...

— И княгиня участвуетъ?—перебилъ Аратовъ.

— Княгиня всегда въ добрыхъ дѣлахъ участвуетъ,—но

это ничего. Мы затѣяли литературно-музыкальное утро... и на этомъ утрѣ ты можешь услышать дѣвушку... необыкновенную дѣвушку! — Мы еще не знаемъ хорошенько: Рашель она, или Віардо?.. потому что она и поетъ превосходно, и декламируетъ, и играетъ... Талантъ, братецъ ты мой, первоклассный! Безъ преувеличенія говорю.— Такъ вотъ... не возьмешь ли ты билетъ? — Пять рублей, если въ первомъ ряду.

— А откуда взялась эта удивительная дѣвушка? — спросилъ Аратовъ.

Купферъ осклабился. — Ужъ этого я не могу сказать... Въ послѣднее время она пріютилась у княгини. Княгиня, ты знаешь, всѣмъ такимъ покровительствуетъ... Да ты ее, вѣроятно, видѣлъ на томъ вечерѣ.

Аратовъ дрогнулъ — внутренно, слабо... но ничего не промолвилъ.

— Она даже играла гдѣ-то въ провинціи,—продолжалъ Купферъ: — и вообще, она создана для театра. Вотъ, ты самъ увидишь!

— Какъ ея имя?—спросилъ Аратовъ

— Клара...

— Клара? — вторично перебилъ Аратовъ. — Не можетъ быть?

— Отчего не можетъ быть?—Клара... Клара Миличъ; это не настоящее ея имя... но ее такъ называютъ. Пѣть она будетъ Глинкинскій романсъ... и Чайковскаго, а потомъ письмо изъ „Евгенія Онѣгина“ прочтетъ.—Что жъ? берешь билетъ?

— А когда это будетъ?

— Завтра... завтра, въ половинѣ второго, въ частной залѣ, на Остоженкѣ... Я заѣду за тобой. Въ пять рублей билетъ?.. Вотъ онъ... пѣтъ — это трехрублевый. — Вотъ. Вотъ и афишка.—Я одинъ изъ распорядителей.

Аратовъ задумался. Платонида Ивановна вошла въ эту минуту и, взглянувъ ему въ лицо, вдругъ перетревожилась. — Яша, — воскликнула она: — что съ тобою? Отчего ты такой смущенный? Ѳедоръ Ѳедоровичъ, что вы ему такое сказали?

Но Аратовъ не далъ своему пріятелю отвѣтить на вопросъ тетки, и торопливо выхвативъ протянутый къ нему билетъ, приказалъ Платонидѣ Ивановнѣ сейчасъ выдать Купферу пять рублей.

Та удивилась, глазами заморгала... Однако, вручила Купферу деньги молча. Очень ужъ строго крикнулъ на нее Яшенька.

— Я тебѣ говорю, чудо изъ чудесъ!—воскликнулъ Купферъ, и бросился къ дверямъ.—Жди меня завтра!

— У ней черные глаза? — промолвилъ ему вслѣдъ Аратовъ.

— Какъ уголь! — весело гаркнулъ Купферъ и исчезъ.

Аратовъ ушелъ къ себѣ въ комнату, а Платонида Ивановна такъ и осталась на мѣстѣ, шопотомъ повторяя: „Помози, Господи! Господи, помози!“

IV.

Большая зала въ частномъ домѣ на Остоженкѣ уже на половину была полна посѣтителями, когда Аратовъ съ Купферомъ прибыли туда. Въ этой залѣ давались иногда театральныя представленія, но на этотъ разъ не было видно ни декорацій, ни занавѣса. Учредители „утра“ ограничились тѣмъ, что воздвигнули на одномъ концѣ эстраду, поставили на ней фортепіано, пару пюпитровъ, нѣсколько стульевъ, столъ съ графиномъ воды и стаканъ, да завѣсили краснымъ сукномъ дверь, которая вела въ комнату, предоставленную артистамъ. Въ первомъ ряду уже сидѣла княгиня въ ярко-зеленомъ платьѣ; Аратовъ помѣстился въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, едва обмѣнявшись съ ней поклономъ. Публика была, что называется, разношерстная; все больше молодые люди изъ учебныхъ заведеній. Купферъ, какъ одинъ изъ распорядителей, съ бѣлымъ бантомъ на обшлагѣ фрака, суетился и хлопоталъ изо всѣхъ силъ; княгиня видимо волновалась, оглядывалась, посылала во всѣ стороны улыбки, заговаривала съ сосѣдями... около нея были одни мужчины. Первымъ на эстрадѣ явился флейтистъ чахоточнаго вида и престарательно пропилевалъ... то-бишь! просвисталъ

пьеску тоже чахоточнаго свойства; два человѣка закричали: браво! Потомъ какой-то толстый господинъ въ очкахъ, очень на видъ солидный и даже угрюмый, прочелъ басомъ Щедринскій очеркъ; хлопали очерку, не ему; потомъ явился фортепіанистъ, уже знакомый Аратову, и пробарабанилъ ту же Листовскую фантазію; фортепіанистъ удостоился вызова. Онъ кланялся, опершись рукою на спинку стула, и послѣ каждаго поклона взмахивалъ волосами, совсѣмъ какъ Листъ! Наконецъ, послѣ довольно долгаго промежутка, красное сукно на двери за эстрадой зашевелилось, распахнулось широко—и появилась Клара Миличъ. Зала огласилась рукоплесканіями. Нерѣшительными шагами подошла она къ передней части эстрады, остановилась и осталась неподвижной, сложивъ передъ собою большія, красивыя руки безъ перчатокъ, не присѣдая, не наклоняя головы и не улыбаясь.

Это была дѣвушка лѣтъ девятнадцати, высокая, нѣсколько широкоплечая, но хорошо сложенная. Лицо смуглое, не то еврейскаго, не то цыганскаго типа, глаза небольшіе, черные, подъ густыми, почти сросшимися бровями, носъ прямой, слегка вздернутый, тонкія губы съ красивымъ, по рѣзкимъ выгибомъ, громадная черная коса, тяжелая даже на видъ, низкій, неподвижный, точно каменный лобъ, крошечныя уши... все лицо задумчивое, почти суровое. Натура страстная, своевольная,—и едва ли добрая, едва ли очень умная — но даровитая — сказывалась во всемъ.

Она нѣкоторое время не поднимала глазъ, но вдругъ встрепенулась и провела по рядамъ зрителей свой пристальный, но не внимательный, словно въ себя углубленный взглядъ... „Какіе у нея трагическіе глаза!“ замѣтилъ сидѣвшій позади Аратова нѣкій сѣдоволосый фатъ съ лицомъ кокотки изъ Ревеля, извѣстный по Москвѣ сотрудникъ и соглядатай. Фатъ былъ глупъ и хотѣлъ сказать глупость... а сказалъ правду! Аратовъ, который съ самаго появленія Клары не спускалъ съ нея взора, только тутъ вспомнилъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ ее у княгини; и не только видѣлъ ее, но даже замѣтилъ, что она нѣ-

сколько разъ съ особенной настойчивостью посмотрѣла на него своими темными, пристальными глазами. Да и теперь... или это ему показалось? — она, увидавъ его въ первомъ ряду, какъ будто обрадовалась, какъ будто покраснѣла — и опять настойчиво посмотрѣла на него. Потомъ она, не оборачиваясь, отступила шага два въ направленіи фортепіано, за которымъ уже сидѣлъ ея аккомпаніаторъ, длинноволосый чужестранецъ. Ей приходилось исполнить романсъ Глинки: „Только узналъ я тебя“... Она тотчасъ начала пѣть, не перемѣнивъ положенія рукъ и не глядя на ноты. Голосъ у ней былъ звучный и мягкій — контральто — слова она выговаривала отчетливо и вѣско, пѣла однообразно, безъ оттѣнковъ, но съ сильнымъ выраженіемъ. — „Съ убѣжденьемъ поетъ дѣвка“, промолвилъ тотъ же фатъ, сидѣвшій за спиной Аратова, — и опять сказалъ правду. — Крики: bis! браво! раздались кругомъ — но она бросила быстрый взглядъ на Аратова, который не кричалъ и не хлопалъ—ему не особенно понравилось ея пѣніе,—слегка поклонилась и ушла, не принявъ подставленной калачикомъ руки волосатаго піаниста. Ее вызвали... она не скоро появилась, тѣми же нерѣшительными шагами подошла къ фортеніано — и шепнувъ слова два аккомпаніатору, которому пришлось достать и положить передъ собою не приготовленныя, а другія ноты — начала романсъ Чайковскаго: „Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ свиданья жажду“... Этотъ романсъ она спѣла иначе, чѣмъ первый — вполголоса, словно усталая... и только на предпослѣднемъ стихѣ: „Пойметъ, какъ я страдалъ“—у нея вырвался звенящій горячій крикъ. Послѣдній стихъ: „И какъ я стражду“... она почти прошептала, горестно растянувъ послѣднее слово. Романсъ этотъ произвелъ меньшее впечатлѣніе на публику, чѣмъ Глинкинскій; однако, хлопанья было много... Особенно отличался Купферъ: складывая ладони при ударѣ особеннымъ манеромъ, въ видѣ боченка, онъ производилъ необыкновенно-гулкій звукъ. Княгиня передала ему большой, растрепанный букетъ съ тѣмъ, чтобы онъ преподнесъ его пѣвицѣ; но она словно не замѣтила наклоненной фигуры Купфера, его

вытянутой съ букетомъ руки, повернулась и ушла, вторично не дождавшись піаниста, который поспѣшнѣе прежняго вскочилъ, чтобы ее проводить—и, оставшись не при чемъ, тажъ взмахнулъ волосами, какъ, вѣроятно, самъ Листъ никогда не взмахивалъ!

Во все время пѣнія, Аратовъ наблюдалъ лицо Клары. Ему казалось, что глаза ея, сквозь прищуренныя рѣсницы, были обращены опять-таки на него; но его въ особенности поразила неподвижность этого лица, лба, бровей — и только при ея страстномъ вскрикѣ онъ замѣтилъ, какъ сквозь едва раскрытыя губы тепло сверкнулъ рядъ бѣлыхъ, тѣсно поставленныхъ зубовъ. Купферъ подошелъ къ нему.

— Ну, что, братъ, какъ ты находишь?—спросилъ онъ, весь сіяя удовольствіемъ.

— Голосъ хорошій,—отвѣтилъ Аратовъ:—но она пѣть еще не умѣетъ, настоящей школы нѣтъ. (Почему онъ это сказалъ и какое онъ самъ имѣлъ понятіе о „школѣ“ — Господь вѣдаетъ!).

Купферъ удивился.—Школы нѣтъ,—повторилъ онъ съ разстановкой... — Ну, это... Она еще подучиться можетъ. Зато какая душа! Да вотъ, погоди: ты ее въ письмѣ Татьяны послушаешь.

Онъ отбѣжалъ прочь отъ Аратова — а тотъ подумалъ: „Душа! Съ этимъ неподвижнымъ лицомъ!“ — Онъ находилъ, что она и держится, и движется, какъ намагнетизированная, какъ сомнамбула.—И въ то же время она несомнѣнно... Да! несомнѣнно смотритъ на него.

Между тѣмъ, „утро“ продолжалось. Толстый человѣкъ въ очкахъ появился опять; несмотря на свою серьезную наружность, онъ воображалъ себя комикомъ — и прочелъ сцену изъ Гоголя, не вызвавши на этотъ разъ ни единаго знака одобренія. Промелькнулъ опять флейтистъ; прогремѣлъ опять піанистъ; двѣнадцатилѣтній мальчикъ, напомаженный и завитой, но со слѣдами слезъ на щекахъ, пропиликалъ какія-то варіаціи на скрипкѣ. Страннымъ могло показаться то, что въ промежуткахъ чтенія и музыки, изъ комнаты артистовъ изрѣдка доносились отры-

вистые звуки валторны; между тѣмъ этотъ инструментъ такъ и остался безъ употребленія. Впослѣдствіи выяснилось, что любитель, вызвавшійся поиграть на немъ, заробѣлъ въ моментъ выхода передъ публикой. Вотъ, наконецъ, опять появилась Клара Миличъ.

Она держала въ рукѣ томикъ Пушкина; однако, во время чтенія ни разу въ него не заглянула... Она явно робѣла; небольшая книжка слегка дрожала въ ея пальцахъ. Аратовъ замѣтилъ также выраженіе унылости, разлитое *теперь* по всѣмъ ея строгимъ чертамъ. Первый стихъ: „Я къ вамъ пишу... чего же болѣ?“ она произнесла чрезвычайно просто, почти наивно—и съ наивнымъ искреннимъ, безпомощнымъ жестомъ протянула обѣ руки впередъ. Потомъ она стала немного спѣшить; но уже начиная со стиховъ: „Другой! нѣтъ! Никому на свѣтѣ не отдала бы сердце я!“—она овладѣла собою, оживилась—и когда дошла до словъ: „Вся жизнь моя была залогомъ свиданья вѣрнаго съ тобой“,—ея до тѣхъ поръ довольно глухой голосъ зазвенѣлъ восторженно и смѣло—а глаза ея такъ же смѣло и прямо вперились въ Аратова. Съ такимъ же увлеченіемъ продолжала она—и только къ концу голосъ ея опять понизился—и въ немъ, и на лицѣ отразилась прежняя унылость. Послѣднее четверостишіе она совсѣмъ, какъ говорится, скомкала,—томикъ Пушкина вдругъ выскользнулъ изъ ея рукъ—и она поспѣшно удалилась.

Публика принялась рукоплескать отчаянно, вызывать... Одинъ семинаристъ изъ малороссовъ, между прочимъ, такъ громогласно оралъ: „Мылычъ! Мылычъ!“—что его сосѣдъ вѣжливо, съ участьемъ попросилъ „пощадить въ себѣ будущаго протодьякона!“—Но Аратовъ тотчасъ всталъ и направился къ выходу. Купферъ нагналъ его... — Помилуй, куда же ты?—возопилъ онъ:—хочешь, я тебя представлю Кларѣ? — Нѣтъ, спасибо, — торопливо возразилъ Аратовъ, и почти бѣгомъ пустился домой.

V.

Странныя, ему самому неясныя ощущенія волновали его. Въ сущности, чтеніе Клары тоже не совсѣмъ ему

понравилось... хоть онъ и не могъ себѣ отдать отчета: почему именно? Оно его безпокоило, это чтеніе; оно казалось ему рѣзкимъ, не-гармоническимъ... Оно какъ будто нарушало что-то въ немъ, являлось какимъ-то насиліемъ. И эти пристальные, настойчивые, почти навязчивые взгляды—къ чему они? Что они значатъ?

Скромность Аратова не допускала въ немъ даже мгновенной мысли о томъ, что онъ могъ понравиться этой странной дѣвушкѣ, могъ внушить ей чувство, похожее на любовь, на страсть!.. Да и онъ самъ совсѣмъ не такою представлялъ себѣ ту, еще невѣдомую женщину, ту дѣвушку, которой онъ отдастся весь, которая и его полюбитъ, станетъ его невѣстой, его женой... Онъ рѣдко мечталъ объ этомъ: онъ и душой и тѣломъ былъ дѣвственникъ;—но чистый образъ, возникавшій тогда въ его воображеніи, былъ навѣянъ другимъ образомъ,—образомъ его покойной матери, которую онъ едва помнилъ, но потретъ который онъ сохранилъ, какъ святыню. Портретъ этотъ былъ писанъ акварелью, довольно неискусно, пріятельницей-сосѣдкой, но сходство, по увѣренью всѣхъ, было поразительное. Такой же нѣжный профиль, такіе же добрые, свѣтлые глаза, такіе же шелковистые волосы, такую же улыбку, такое же ясное выраженіе должна была имѣть та женщина, та дѣвушка, которой онъ даже еще не осмѣливался ожидать...

А эта черномазая, смуглая, съ грубыми волосами, съ усиками на губѣ, она навѣрно недобрая, взбалмошная...— „Цыганка“ (Аратовъ не могъ придумать худшаго выраженія),—что она ему?

И между тѣмъ, Аратовъ не въ силахъ былъ выкинуть изъ головы своей эту черномазую цыганку,—пѣніе и чтеніе и самая наружность которой ему не нравились. Онъ недоумѣвалъ, онъ сердился на себя. Незадолго передъ тѣмъ онъ прочелъ романъ Вальтеръ-Скотта „Сенъ-Ронанскія воды“ (полное собраніе сочиненій Вальтеръ-Скотта находилось въ библіотекѣ его отца, который уважалъ въ англійскомъ романистѣ серьёзнаго, чуть не научнаго писателя). Героиня этого романа называется Клара Мобрай

Поэтъ 40-хъ годовъ, Красовъ, написалъ на нее стихотворніе, оканчивающееся словами:

Несчастная Клара! безумная Клара!
Несчастная Клара Мобран!

Аратовъ зналъ также это стихотвореніе... И вотъ, теперь эти слова безпрестанно приходили ему на память... „Несчастная Клара! безумная Клара!..“ (Отъ того онъ и удивился такъ, когда Купферъ назвалъ ему Клару Миличъ). Сама Платоша замѣтила — не то чтобы перемѣну въ настроеніи Якова,— въ немъ, собственно, никакой перемѣны не произошло — а что-то неладное въ его взглядахъ, въ его рѣчахъ. Она осторожно разспросила его о литературномъ утрѣ, на которомъ онъ присутствовалъ; — пошептала, повздыхала, поглядѣла на него спереди, поглядѣла сбоку, сзади—и вдругъ, хлопнувъ ладонями себѣ по ляжкамъ, воскликнула: — Ну, Яша! — Я вижу, въ чемъ дѣло!

— Что такое?—переспросилъ Аратовъ.

— Ты навѣрное на этомъ утрѣ встрѣтилъ какую-нибудь изъ этихъ хвостовозокъ (Платонида Ивановна называла такъ всѣхъ барынь, носящихъ модныя платья)... Рожица у ней смазливая—и *такъ* она ломается—и *сякъ* кривляется (Платоша представила все это въ лицахъ), и глазами такіе круги описываетъ... (и это она представила, проводя указательнымъ пальцемъ большіе круги по воздуху)... Тебѣ съ непривычки и показалось... но вѣдь это ничего, Яша... ни-и-чего не значитъ! Выпей чайку на ночь... и конецъ!.. Господи, помози!

Платоша умолкла и удалилась... Она отроду едва ли произносила такую длинную и оживленную рѣчь... а Аратовъ подумалъ: „Тетка-то, чай, права... Съ непривычки все это... (Ему дѣйствительно въ первый разъ пришлось возбудить къ себѣ вниманіе особы женскаго пола... во всякомъ случаѣ, онъ этого прежде не замѣчалъ.) Баловать себя не надо“.

И онъ принялся за свои книги — а на ночь напился липоваго чаю — и даже спалъ хорошо всю эту ночь — и

сновъ не видѣлъ. На слѣдующее утро онъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, занялся фотографіей...

Но къ вечеру его душевный покой возмутился снова.

VI.

А именно: разсыльный принесъ ему записку слѣдующаго содержанія, написанную неправильнымъ и крупнымъ женскимъ почеркомъ:

„Если вы догадаетесь, кто вамъ пишетъ, и если это „вамъ не скучно, приходите завтра, послѣ обѣда, на „Тверской бульваръ — около пяти часовъ — и ждите. „Васъ задержатъ не долго. Но это очень важно. При„дите“.

Подписи не было. Аратовъ тотчасъ догадался, кто была его корреспондентка,—и это именно его возмутило.— „Что за вздоръ!“ промолвилъ онъ почти вслухъ: „этого еще недоставало. Разумѣется, я не пойду“.—Онъ, однако, велѣлъ позвать разсыльнаго, отъ котораго узналъ только то, что письмо ему было вручено горничной на улицѣ. Отпустивъ его, Аратовъ перечелъ письмо, бросилъ его на полъ... Но, погодя немного, поднялъ и опять перечелъ; вторично воскликнулъ: вздоръ! — однако, на полъ письма уже не бросилъ, а спряталъ въ ящикъ. Аратовъ принялся за свои обычныя занятія, то за одно, то за другое; но дѣло у него не спорилось и не клеилось. Онъ вдругъ замѣтилъ за самимъ собою, что ожидаетъ Купфера! Хотѣлъ ли онъ разспросить его, или, быть-можетъ, даже сообщить ему... Но Купферъ не являлся. Потомъ Аратовъ досталъ Пушкина, прочелъ письмо Татьяны и снова убѣдился, что та „цыганка“ совсѣмъ не поняла настоящаго смысла этого письма. А этотъ шутъ Купферъ кричитъ: Рашель! Віардо! Потомъ онъ подошелъ къ своему піанино, какъ-то безсознательно приподнялъ его крышку, попытался отыскать на память мелодію романса Чайковскаго; но тотчасъ же съ досадой захлопнулъ піанино и пошелъ къ теткѣ, въ ея особенную, всегда жарко натопленную комнату, съ вѣчнымъ запахомъ мяты, шалфея и другихъ цѣлебныхъ травъ и съ такимъ множе-

ствомъ ковриковъ, этажерокъ, скамеечекъ, подушечекъ и разной мягкой мебели, что непривычному человѣку и повернуться было въ этой комнатѣ трудно, и дышать стѣснительно. Платонида Ивановна сидѣла подъ окномъ со спицами въ рукахъ (она вязала Яшенькѣ шарфъ, счетомъ, въ теченіе его жизни — тридцать восьмой) — и очень изумилась. Аратовъ заходилъ къ ней рѣдко, и если ему было что нужно, всякій разъ кричалъ тоненькимъ голосомъ изъ своего кабинета: — Тетя Платоша! — Однако, она его усадила и, въ ожиданіи его первыхъ словъ, насторожилась, глядя на него однимъ глазомъ черезъ круглыя очки, другимъ—выше ихъ. Она не освѣдомилась о его здоровьѣ и не предложила ему чаю, ибо видѣла, что онъ пришелъ не за тѣмъ. Аратовъ немного помялся... потомъ заговорилъ... заговорилъ о своей матери, о томъ, какъ она жила съ отцомъ, и какъ отецъ съ ней познакомился. Все это онъ зналъ очень хорошо... но ему хотѣлось говорить именно объ этомъ. На его бѣду, Платоша совсѣмъ бесѣдовать не умѣла; отвѣчала очень кратко, словно она подозрѣвала, что и не за этимъ пришелъ Яша.

— Что жъ!—повторяла она, поспѣшно, чуть не съ досадой шевеля спицами: — Извѣстно: мать твоя была голубка... голубка, какъ есть... И отецъ твой любилъ ее, какъ слѣдуетъ мужу, вѣрно и честно, по самый гробъ; и никакой другой женщины онъ не любилъ,—прибавила она возвысивъ голосъ и спявъ очки.

— А робкаго она была права? — спросилъ, помолчавъ, Аратовъ.

— Извѣстно, робкаго. Какъ слѣдуетъ женскому полу. Смѣлыя-то въ послѣднее время завелись.

— А въ ваше время смѣлыхъ не было?

— Было и въ наше... какъ не быть! Да вѣдь кто? Такъ, потаскушка какая-нибудь, безстыжая. Зашлюндаетъ подолъ—да и мечется зря... Ей что? Какая печаль? Подвернется дурачокъ—ей и на руку. А степенные люди пренебрегали. Ты вспомни, развѣ ты въ нашемъ домѣ такихъ видалъ?

Аратовъ ничего не отвѣтилъ и вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Платонида Ивановна посмотрѣла ему вслѣдъ, покачала головою и опять надѣла очки, опять взялась за шарфъ... но не разъ задумывалась и роняла спицы на колѣни.

А Аратовъ до самой ночи, — нѣтъ, нѣтъ, да и начнетъ опять съ той же досадою, съ тѣмъ же озлобленіемъ размышлять объ этой запискѣ, о „цыганкѣ", о назначенномъ свиданіи, на которое онъ навѣрное не пойдетъ! И ночью она его безпокоила. Ему все мерещились ея глаза, то прищуренные, то широко раскрытые, съ ихъ настойчивымъ, прямо на него устремленнымъ взглядомъ— и эти неподвижныя черты съ ихъ властительнымъ выраженіемъ...

На слѣдующее утро онъ опять почему-то все ожидалъ Купфера; чуть-чуть было не написалъ ему письма... а впрочемъ, ничего не дѣлалъ... все больше расхаживалъ по своему кабинету. Онъ ни на одно мгновеніе не допускалъ въ себѣ даже мысли, что пойдетъ на этотъ глупый „рандеву"... и въ половинѣ четвертаго часа, послѣ торопливо проглоченнаго обѣда, внезапно надѣвъ шинель и нахлобучивъ шапку, украдкой отъ тетки выскочилъ на улицу и отправился на Тверской бульваръ.

VII.

Аратовъ засталъ на немъ немного прохожихъ. Погода стояла сырая и довольно холодная. Онъ старался не размышлять о томъ, что дѣлалъ, заставлялъ себя обращать вниманіе на всѣ попадавшіеся предметы и какъ бы увѣрилъ себя, что и онъ такъ же вышелъ погулять, какъ и тѣ прохожіе... Вчерашнее письмо находилось у него въ боковомъ карманѣ, и онъ постоянно чувствовалъ его присутствіе. Онъ прошелся раза два по бульвару, зорко вглядываясь въ каждую подходившую къ нему женскую фигуру — и сердце его билось, билось... Онъ почувствовалъ усталость и присѣлъ на лавочку. И вдругъ ему пришло въ голову: „Ну, а если это письмо написано не ею,

а кѣмъ-нибудь другимъ, другой женщиной?“ По-настоящему, это для него должно было быть все едино... и однакоже, онъ долженъ былъ самому себѣ признаться, что этого онъ не желалъ. „Ужъ очень было бы глупо“, подумалось ему: „еще глупѣй *того!*“ Первное безпокойство начинало овладѣвать имъ; онъ сталъ зябнуть — не извнѣ, а изнутри. Онъ нѣсколько разъ вынималъ часы изъ кармана жилета, глядѣлъ на циферблатъ, клалъ ихъ обратно, и всякій разъ забывалъ, сколько оставалось минутъ до пяти часовъ. Ему казалось, что всѣ мимо идущіе какъ-то особенно, съ какимъ-то насмѣшливымъ удивленіемъ и любопытствомъ оглядывали его. Дрянная собачонка подбѣжала, понюхала его ноги и стала вертѣть хвостомъ. Онъ сердито на нее замахнулся. Больше всѣхъ надоѣдалъ ему фабричный мальчикъ въ затрапезномъ халатѣ, который усѣлся на скамьѣ, по той сторонѣ бульвара—и то посвистывая, то почесываясь и болтая ногами въ громадныхъ прорванныхъ сапогахъ, — то и дѣло посматривалъ на него. „Вѣдь вотъ“, думалъ Аратовъ: „хозяинъ навѣрное его ждетъ, а онъ тутъ, лѣнтяй, баклуши бьетъ...“

Но въ это самое мгновенье ему почудилось, что кто-то подошелъ и близко сталъ сзади его... чѣмъ-то теплымъ повѣяло оттуда...

Онъ оглянулся... Она!

Онъ тотчасъ узналъ ее, хотя густая темно-синяя вуаль закрывала ея черты. Онъ мгновенно вскочилъ со скамьи— да такъ и остался, и слова не могъ промолвить. Она тоже молчала. Онъ чувствовалъ большое смущеніе... но и ея смущенье было не меньше: Аратовъ даже сквозь вуаль не могъ не замѣтить, какъ мертвенно она поблѣднѣла. Однако, она заговорила первая.

— Спасибо, — начала она прерывистымъ голосомъ: — спасибо, что пришли. Я не надѣялась...—Она слегка отвернулась и пошла по бульвару. Аратовъ отправился вслѣдъ за нею.

— Вы, можетъ-быть, меня осудили, — продолжала она, не оборачивая головы. — Дѣйствительно, мой поступокъ

очень страненъ... Но я много слышала о васъ... да нѣтъ! Я... не по этой причинѣ... Если бъ вы знали... Я такъ много хотѣла вамъ сказать, Боже мой!.. Но какъ это сдѣлать... Какъ это сдѣлать!

Аратовъ шелъ съ ней рядомъ, немного позади. Онъ не видѣлъ ея лица; онъ видѣлъ только ея шляпу да часть вуали... да длинную, черную, уже поношенную мантилью. Вся его досада и на нее, и на себя, вдругъ къ нему вернулась; все смѣшное, все нелѣпое этого свиданья, этихъ объясненій между совершенно незнакомыми людьми, на публичномъ бульварѣ, предстало ему вдругъ.

— Я явился на ваше приглашеніе, — началъ онъ въ свою очередь:—явился, милостивая государыня (ея плечи тихонько дрогнули—она свернула на боковую дорожку—онъ послѣдовалъ за ней), для того только, чтобы разъяснить, чтобы узнать, вслѣдствіе какого страннаго недоразумѣнія вамъ было угодно обратиться ко мнѣ, человѣку вамъ чужому, который... который потому только и *догадался*—какъ вы выразились въ вашемъ письмѣ,—что писали ему именно вы... потому догадался, что вамъ, въ теченіе того литературнаго утра, захотѣлось выказать ему слишкомъ... слишкомъ явное вниманіе!

Вся эта небольшая рѣчь была произнесена Аратовымъ — тѣмъ, хоть и звонкимъ, но твердымъ голосомъ, какимъ очень еще молодые люди отвѣчаютъ на экзаменѣ по предмету, къ которому они хорошо приготовились... Онъ сердился; онъ гнѣвался... Этотъ-то самый гнѣвъ и развязалъ его, въ обыкновенное время не очень свободный, языкъ.

Она продолжала идти по дорожкѣ нѣсколько замедленными шагами... Аратовъ попрежнему шелъ за нею и попрежнему видѣлъ одну эту старенькую мантилью да шляпку, тоже не совсѣмъ новую. Самолюбіе его страдало при мысли, что вотъ, теперь она должна думать: „мнѣ стоило только знакъ подать—и онъ тотчасъ прибѣжалъ!“

Аратовъ молчалъ... онъ ожидалъ, что она ему отвѣтитъ; но она не произносила ни слова.

— Я готовъ выслушать васъ, — началъ онъ опять: — и очень даже буду радъ, если могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ... хотя, все-таки, мнѣ, признаюсь, удивительно... при моей уединенной жизни...

Но при послѣднихъ его словахъ Клара внезапно къ нему обернулась — и онъ увидалъ такое испуганное, такое глубоко-опечаленное лицо, съ такими свѣтлыми, большими слезами на глазахъ, съ такимъ горестнымъ выраженіемъ вокругъ раскрытыхъ губъ — и такъ было это лицо прекрасно,—что онъ невольно запнулся, и самъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ испуга — и сожалѣнія, и умиленія.

— Ахъ, зачѣмъ... зачѣмъ вы такъ... — промолвила она съ неотразимо-искренней и правдивой силой, и какъ трогательно зазвенѣлъ ея голосъ. — Неужели мое обращеніе къ вамъ могло оскорбить васъ... неужели вы ничего не поняли?.. Ахъ, да! Вы не поняли ничего, вы не поняли, что я вамъ говорила, вы Богъ знаетъ что вообразили обо мнѣ, вы даже не подумали, чего мнѣ это стоило—написать вамъ!.. Вы только о себѣ заботились, о своемъ достоинствѣ, о своемъ покоѣ!.. Да развѣ я... (она такъ сильно стиснула свои поднесенныя къ губамъ руки, что пальцы явственно хрустнули)... Точно я какія требованія къ вамъ предъявляла, точно нужны были сперва разъясненія... „Милостивая государыня“... „мнѣ даже удивительно“... „я могу быть полезнымъ“... Ахъ, я безумная!—Я обманулась въ васъ, въ вашемъ лицѣ!.. Когда я увидала васъ въ первый разъ... Вотъ... Вы стоите... И хоть бы слово! Такъ-таки ни слова?

Она умоляла... Лицо ея внезапно вспыхнуло — и такъ же внезапно приняло злое и дерзкое выраженіе.—Господи! какъ это глупо! — воскликнула она вдругъ съ рѣзкимъ хохотомъ. — Какъ наше свиданіе глупо! Какъ я глупа!.. да и вы... Фуй!

Она презрительно двинула рукою, словно отстраняя его прочь съ дороги и, минуя его, быстро сбѣжала съ бульвара и исчезла.

Это движеніе рукою, этотъ оскорбительный хохотъ, это

послѣднее восклицаніе разомъ возвратили Аратову его прежнее настроеніе и заглушили въ немъ то чувство, которое возникло въ его душѣ, когда со слезами на глазахъ она къ нему обратилась. Онъ опять разсердился — и чуть не закричалъ вслѣдъ удалявшейся дѣвушкѣ: „Изъ васъ можетъ выйти хорошая актриса, — но зачѣмъ вы вздумали надо мной-то комедію ломать?“

Большими шагами вернулся онъ домой, — и хотя продолжалъ и досадовать, и негодовать въ теченіе всей дороги—однако, въ то же время, сквозь всѣ эти нехорошія, враждебныя чувства невольно пробивалось воспоминаніе о томъ чудномъ лицѣ, которое онъ видѣлъ одинъ только мигъ... Онъ даже поставилъ себѣ вопросъ: „Отчего я не отвѣтилъ ей, когда она требовала отъ меня хоть слово?“— „Я не успѣлъ“... думалъ онъ... „Она мнѣ не дала произнести это слово“... „И какое слово я бы произнесъ?“

Но онъ тотчасъ тряхнулъ головою и съ укоризной промолвилъ: „актерка!“

И опять-таки, въ то же время,—самолюбіе неопытнаго, первическаго юноши, сперва оскорбленное, теперь какъ будто было польщено тѣмъ, что вотъ, однако, какую онъ внушилъ страсть...

„Но за то, въ эту минуту“, продолжалъ онъ свои размышленія, „все это, разумѣется, кончено... Я долженъ былъ показаться ей смѣшнымъ“...

Эта мысль ему была непріятна—и онъ снова сердился... и на нее... и на себя. Возвратившись домой, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Ему не хотѣлось видѣться съ Платошей. Добрая старушка раза два подходила къ его двери — прикладывалась ухомъ къ замочной скважинѣ — и только вздыхала, да шептала свою молитву...

„Началось!“ думалось ей... „А ему всего 25-й годъ... Ахъ, рано, рано!“

VIII.

Весь слѣдующій день Аратовъ былъ очень не въ духѣ.— „Что это, Яша? — говорила ему Платонида Ивановна: — ты сегодня какой-то растрепанный?!..“ На своеобразномъ

языкѣ старушки выраженіе это довольно вѣрно опредѣляло нравственное состояніе Аратова. Работать онъ не могъ, да и самъ не зналъ, чего ему желалось? То онъ опять поджидалъ Купфера (онъ подозрѣвалъ, что Клара именно отъ Купфера получила его адресъ... да и кто другой могъ ей „много говорить“ о немъ?); то онъ недоумѣвалъ: неужели такъ и должно кончиться его знакомство съ нею?—то онъ воображалъ, что она ему напишетъ опять; то онъ себя спрашивалъ, не слѣдуетъ ли ему написать ей письмо, въ которомъ онъ все объяснитъ,—такъ какъ онъ все же не желаетъ оставить невыгодное о себѣ мнѣніе... Но собственно—*что* объяснить?—То онъ возбуждалъ въ себѣ чуть не отвращеніе къ ней, къ ея назойливости, дерзости; то ему снова представлялось это несказанно-трогательное лицо и слышался неотразимый голосъ; то онъ припоминалъ ея пѣнье, ея чтенье — и не зналъ, правъ ли онъ былъ въ своемъ огульномъ осужденіи?— Однимъ словомъ: растрепанный человѣкъ! Наконецъ, это ему все надоѣло — и онъ рѣшился, какъ говорится, „взять на себя“ и *похѣрить* всю эту исторію, такъ какъ она, несомнѣнно, мѣшала его занятіямъ и нарушала его покой. — Не такъ-то легко далось ему исполнить это рѣшеніе... Болѣе недѣли прошло, прежде чѣмъ онъ опять попалъ въ обычную колею. Къ счастью, Купферъ совсѣмъ не являлся: точно его и въ Москвѣ не было. Незадолго до „исторіи“, Аратовъ началъ заниматься живописью для фотографическихъ цѣлей; онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся за нее.

Такъ, незамѣтно, съ нѣкоторыми, какъ выражаются доктора, „возвратными припадками“, состоящими, напр., въ томъ, что онъ разъ чуть не отправился съ визитомъ къ княгинѣ,—прошло два... прошло три мѣсяца... и Аратовъ сталъ прежнимъ Аратовымъ. Только тамъ, внизу, подъ поверхностью его жизни, что-то тяжелое и темное тайно сопровождало его па всѣхъ его путяхъ. Такъ большая, только-что пойманная на крючокъ, но еще не выхваченная рыба плыветъ по дну глубокой рѣки подъ самой той лодкой, на которой сидитъ рыбакъ, съ крѣпкой лесою въ рукѣ.

И вотъ, однажды, пробѣгая уже не совсѣмъ свѣжія „Московскія Вѣдомости“, Аратовъ наткнулся на слѣдующую корреспонденцію:

„Съ великимъ прискорбіемъ“, писалъ нѣкій мѣстный литераторъ изъ Казани, „заносимъ мы въ нашу театральную лѣтопись вѣсть о внезапной кончинѣ нашей даровитой актрисы Клары Миличъ, успѣвшей въ короткое время ея ангажемента сдѣлаться любимицей нашей разборчивой публики. Прискорбіе наше тѣмъ сильнѣе, что г-жа Миличъ самовольно покончила со своей молодой, столь много обѣщавшей жизнью, — посредствомъ отравленія. И это отравленіе тѣмъ ужаснѣе, что артистка приняла ядъ въ самомъ театрѣ! Ее едва довезли домой, гдѣ она, къ общему сожалѣнію, скончалась. Въ городѣ ходятъ слухи, что неудовлетворенная любовь довела ее до этого страшняго поступка“.

Аратовъ тихонько положилъ нумеръ газеты на столъ. На видъ онъ остался совершенно спокойнымъ... но что-то разомъ толкнуло его въ грудь и голову—и медленно поплыло потомъ по всѣмъ его членамъ. Онъ всталъ, постоялъ немного на мѣстѣ—и опять сѣлъ, опять перечелъ эту корресподенцію. Потомъ онъ опять всталъ, легъ на кровать, и, заложивъ руки за голову, какъ отуманенный, долго глядѣлъ на стѣну. — Понемногу эта стѣна словно сгладилась... исчезла... и онъ увидалъ передъ собою и бульваръ подъ сѣрымъ небомъ, и *ее* въ черной мантильѣ... потомъ ее же на эстрадѣ... увидалъ даже самого себя возлѣ нея. — То, что такъ сильно толкнуло его въ грудь въ первое мгновенье, стало теперь подниматься... подниматься къ горлу... Онъ хотѣлъ откашляться, хотѣлъ позвать кого-нибудь—но голосъ измѣнилъ ему—и, къ собственному его изумленью, изъ его глазъ неудержимо покатились слезы... Что вызвало эти слезы? Жалость? Раскаяніе? Или просто нервы не выдержали внезапнаго потрясенія? — Вѣдь для него она была ничѣмъ? Не такъ ли?

„Да, можетъ-быть, это еще не правда?“ вдругъ осѣнила его мысль. „Надо узнать! Но отъ кого? Отъ княгини? —

Нѣтъ, отъ Купфера... отъ Купфера? Да его, говорятъ, въ Москвѣ нѣтъ?—Все равно! Сперва къ нему надо!“

Съ этими соображеніями въ головѣ, Аратовъ наскоро одѣлся, взялъ извозчика и поскакалъ къ Купферу.

IX.

Не надѣялся онъ его застать... а засталъ. Купферъ, точно, отлучался изъ Москвы на нѣкоторое время, но уже съ недѣлю какъ вернулся и даже снова собирался посѣтить Аратова. — Онъ встрѣтилъ его съ обычнымъ радушіемъ — и началъ-было ему что-то объяснять... но Аратовъ тотчасъ перебилъ его нетерпѣливымъ вопросомъ:

— Ты читалъ?—Правда?

— Что: правда?—отвѣчалъ озадаченный Купферъ.

— Насчетъ Клары Миличъ?

Лицо Купфера выразило сожалѣніе. — Да, да, братъ, правда; отравилась! Такое горе!

Аратовъ помолчалъ. — Да ты тоже въ газетѣ вычиталъ? — спросилъ онъ: — или, можетъ-быть, самъ ѣздилъ въ Казань!

— Я ѣздилъ въ Казань, точно; мы съ княгиней ее туда отвезли.—Она на сцену тамъ поступила—и большой успѣхъ имѣла. Только до самой катастрофы я тамъ не дожилъ... Я въ Ярославлѣ былъ.

— Въ Ярославлѣ?

— Да. — Я княгиню туда проводилъ... Она теперь въ Ярославлѣ поселилась.

— Но ты имѣешь вѣрныя свѣдѣнія?

— Вѣрнѣйшія... изъ первыхъ рукъ! — Я въ Казани съ ея семействомъ познакомился. — Да постой, братъ... тебя, кажется, это извѣстіе очень волнуетъ?—А, помнится, тебѣ Клара тогда не понравилась! Напрасно! Чудная была дѣвушка — только голова! Бѣдовая голова! Очень я о ней сокрушался!

Аратовъ не промолвилъ слова, опустился на стулъ—и, погодя немного, попросилъ Купфера разсказать ему... онъ запнулся.

— Что?—спросилъ Купферъ.

— Да... все, — отвѣтилъ съ разстановкой Аратовъ. — Вонъ, хоть насчетъ ея семейства... и прочаго. Все, что знаешь!

— А это тебя интересуетъ?—Изволь!

И Купферъ, по лицу котораго вовсе нельзя было замѣтить, чтобы онъ уже очень такъ сокрушался о Кларѣ, началъ разсказывать.

Изъ его словъ Аратовъ узналъ, что настоящее имя Клары Миличъ было — Катерина Миловидова; что отецъ ея, теперь уже умершій, былъ штатнымъ учителемъ рисованія въ Казани, писалъ плохіе портреты и казенные *образа* — да къ тому же, слылъ за пьяницу и за домашняго тирана... а еще *образованный* человѣкъ!.. (тутъ Купферъ самодовольно засмѣялся, намекая тѣмъ на сдѣланный имъ каламбуръ); — что послѣ него остались, во-первыхъ: вдова изъ купеческаго рода, совсѣмъ глупая баба, прямо изъ комедій Островскаго; а во-вторыхъ: дочь, гораздо старше Клары и на нее не похожая — дѣвушка очень умная, только восторженная, больная, замѣчательная дѣвушка — и преразвитая, братецъ ты мой! Что живутъ онѣ обѣ—и вдова, и дочь, безбѣдно, въ порядочномъ домикѣ, пріобрѣтенномъ отъ продажи тѣхъ плохихъ портретовъ и образовъ; что Клара... или Катя, какъ хочешь, съ дѣтскихъ лѣтъ поражала всѣхъ своей даровитостью— но права была непокорнаго, капризнаго — и постоянно грызлась съ отцомъ; что имѣя врожденную страсть къ театру, на шестнадцатомъ году убѣжала изъ родительскаго дома съ актрисой...

— Съ актеромъ?—перебилъ Аратовъ.

— Нѣтъ, не съ актеромъ, а съ актрисой, къ которой привязалась... Правда, у этой актрисы былъ покровитель, богатый и уже старый баринъ, который потому только на ней не женился, что самъ былъ женатъ — да и актриса, кажется, была женщина замужняя.— Далѣе, Купферъ сообщилъ Аратову, что Клара уже до пріѣзда въ Москву играла и пѣла на провинціальныхъ театрахъ; что, потерявъ свою пріятельницу актрису (баринъ тоже, кажется, умеръ! или опять съ женой сошелся—этого Купферъ хорошенько

не помнилъ...), познакомилась съ княгиней, этой золотой женщиной, которую ты, другъ мой, Яковъ Андреичъ,— прибавилъ съ чувствомъ разсказчикъ:—не умѣлъ оцѣнить какъ слѣдуетъ; что, наконецъ, Кларѣ предложили ангажементъ въ Казани—и что она его приняла, хотя передъ тѣмъ увѣряла, что Москвы никогда не покинетъ!—За то, какъ казанцы ее полюбили — даже удивительно!—Что ни представленіе—букеты и подарокъ! букеты и подарокъ!— Хлѣбный торговецъ, первый по губерніи тузъ, тотъ даже золотую чернильницу преподнесъ! — Купферъ разсказалъ все это съ большимъ оживленіемъ, не высказывая, впрочемъ, особой сентиментальности, и перерывая рѣчь вопросами.—Это тебѣ зачѣмъ?.. или: — Это на что?—когда Аратовъ, слушавшій его съ пожирающимъ вниманіемъ, требовалъ все бо̀льшихъ да бо̀льшихъ подробностей. Все было высказано, наконецъ, и Купферъ умолкъ, наградивъ себя за трудъ сигаркой.

— А отчего же она отравилась?—спросилъ Аратовъ.— Въ газетѣ напечатано...

Купферъ взмахнулъ руками. — Ну... этого я не могу сказать... Не знаю. А газета вретъ. Вела себя Клара примѣрно... амуровъ никакихъ... Да и гдѣ съ ея гордостью! Горда она была — какъ самъ сатана — и неприступна!— Бѣдовая голова! Тверда, какъ камень! Вѣришь ли ты мнѣ— ужъ на что я ее близко зналъ—а никогда на ея глазахъ слезъ не видѣлъ!

„А я видѣлъ“,—подумалъ про себя Аратовъ.

— Только вотъ что, — продолжалъ Купферъ: — въ послѣднее время я большую въ ней перемѣну замѣтилъ: скучная такая стала, молчитъ, по цѣлымъ часамъ слова отъ нея не добьешься. Ужъ я ее спрашивалъ: не обидѣлъ ли кто васъ, Катерина Семеновна? Потому, я зналъ ея нравъ: обиду перенести она не могла! Молчитъ, да и баста! Даже успѣхи на сценѣ ее не веселили; букеты сыплются... а она и не улыбнется! На золотую чернильницу взглянула разъ — и въ сторону! — Жаловалась, что настоящей роли, какъ она ее понимаетъ, никто ей не напишетъ. И пѣть совсѣмъ бросила. Я, братъ, виноватъ!..

передалъ ей тогда, что ты въ ней *школы* не находишь. Но все-таки... отчего она отравилась—непостижимо! Да и какъ отравилась!..

— Въ какой роли она больше имѣла успѣха?—Аратовъ хотѣлъ-было узнать, въ какой роли она выступила въ послѣдній разъ—но почему-то спросилъ другое.

— Помнится, въ „Грунѣ“ Островскаго. Но, повторяю тебѣ: амуровъ никакихъ! Ты одно посуди: жила она у матери въ домѣ... Знаешь—есть такіе купеческіе дома: въ каждомъ углу кіотъ и лампадка передъ кіотомъ, духота смертельная, пахнетъ кислятиной, въ гостиной по стѣнамъ одни стулья, на окнахъ ерань—а пріѣдетъ гость—хозяйка взахается—словно непріятель подступаетъ. Какіе ужъ тутъ ферлакуры да амуры? Бывало, даже меня не пускаютъ. Служанка ихняя, баба здоровенная, въ кумачномъ сарафанѣ, съ отвислыми грудями, станетъ въ передней поперекъ—да и рычитъ: куды?—Нѣтъ, я рѣшительно не понимаю, съ чего она отравилась. Жить, значитъ, надоѣло, — философически заключилъ Купферъ свои разсужденія.

Аратовъ сидѣлъ, потупя голову.—Можешь ты мнѣ дать адресъ этого дома въ Казани?—промолвилъ онъ, наконецъ.

— Могу; но на что тебѣ?—Или ты письмо туда послать хочешь?

— Можетъ-быть.

— Ну, какъ хочешь. Только старуха тебѣ не отвѣтитъ, ибо безграмотна. Вотъ, развѣ сестра... О, сестра умница!—Но опять-таки удивляюсь, братъ, тебѣ! Какое прежде равнодушіе... а теперь какое вниманіе! Все это, любезный, отъ одиночества!

Аратовъ ничего не отвѣтилъ на это замѣчаніе и ушелъ, запасшись казанскимъ адресомъ.

Когда онъ ѣхалъ къ Купферу, на лицѣ его изображалось волненіе, изумленіе, ожиданіе... Теперь онъ шелъ ровной походкой, съ опущенными глазами, съ надвинутой на лобъ шляпой; почти каждый встрѣчный прохожій провожалъ его пытливымъ взоромъ... но онъ не замѣчалъ прохожихъ... не то, что на бульварѣ!..

„Несчастная Клара! безумная Клара!“—звучало у него на душѣ.

X.

Однако, слѣдующій день Аратовъ провелъ довольно спокойно. Онъ даже могъ предаться обычнымъ занятіямъ. Одно только: и во время занятій, и въ свободное время, онъ постоянно думалъ о Кларѣ, о томъ, что ему наканунѣ сказалъ Купферъ. Правда, его думы были тоже довольно мирнаго свойства. Ему казалось, что эта странная дѣвушка интересовала его съ психологической точки зрѣнія, какъ нѣчто въ родѣ загадки, надъ разрѣшеніемъ которой стоило бы поломать голову.—„Убѣжала съ актрисой на содержаньи“, думалось ему:—„отдалась подъ покровительство этой княгини, у которой, кажется, жила—и никакихъ *амуровъ*? Неправдоподобно!.. Купферъ говоритъ: гордость! Но, во-первыхъ, мы знаемъ“ (Аратову слѣдовало сказать: мы вычитали въ книгахъ)... „мы знаемъ, что гордость уживается съ легкомысленнымъ поведеніемъ; а во-вторыхъ, какъ же она, такая гордая, назначила свиданіе человѣку, который могъ оказать ей презрѣніе—и оказалъ... да еще въ публичномъ мѣстѣ... на бульварѣ!“—Тутъ Аратову вспомнилась вся сцена на бульварѣ—и онъ спросилъ себя: точно ли онъ оказалъ Кларѣ презрѣніе?—Нѣтъ,—рѣшилъ онъ... Это было другое чувство... чувство недоразумѣнія... недовѣрчивости, наконецъ!—„Несчастная Клара!“ снова прозвучало у него въ головѣ.—Да, несчастная,—рѣшилъ онъ опять... Это самое подходящее слово.—А коли такъ—я былъ несправедливъ. Она вѣрно сказала, что я ея не понялъ. Жаль!—Такое, быть-можетъ, замѣчательное существо прошло такъ близко мимо... и я не воспользовался, я оттолкнулъ... Ну, ничего! Жизнь еще вся впереди. Пожалуй, еще не такія случатся встрѣчи!

— Но съ какой стати она именно *меня* выбрала?—Онъ взглянулъ на зеркало, мимо котораго проходилъ.—Что во мнѣ особеннаго? И какой я красавецъ? Такъ, лицо... какъ всѣ лица... Впрочемъ, и она не красавица.

— Не красавица... а какое выразительное лицо! Непо-

движное... а выразительное! Я такого лица еще не встрѣчалъ.—И талантъ у ней есть... то-есть, былъ, несомнѣнный. Дикій, неразвитый, даже грубый... но несомнѣнный... И въ этомъ случаѣ я былъ къ ней несправедливъ.—Аратовъ мысленно перенесся на литературно-музыкальное утро... и самъ замѣтилъ за собою, что онъ чрезвычайно ясно вспоминалъ каждое пропѣтое и сказанное ею слово, каждую интонацію... Этого бы не случилось, если бы она была лишена таланта.

— И теперь все это въ могилѣ, куда она сама себя толкнула... Но я тутъ не при чемъ... Я не виноватъ! Было бы даже смѣшно думать, что я виноватъ.—Аратову опять пришло въ голову, что если бы даже и было у ней „что-нибудь такое“ — его поведеніе во время свиданія несомнѣнно ее разочаровало. Оттого-то она такъ жестоко и разсмѣялась на прощаніе.—Да и гдѣ доказательство, что она отравилась отъ несчастной любви? Это одни газетные корреспонденты всякую подобную смерть приписываютъ несчастной любви! Людямъ съ такимъ характеромъ, какъ у Клары, жизнь легко становится постылой... скучной. Да, скучной. Купферъ правъ: просто, ей надоѣло жить.

— Несмотря на успѣхи, на оваціи? — Аратовъ задумался.—Ему даже пріятенъ былъ психологическій анализъ, которому онъ предавался. Чуждый до сихъ поръ всякаго соприкосновенія съ женщинами, онъ и не подозрѣвалъ, какъ знаменательно было для него самого это напряженное разбирательство женской души.

— Значитъ,—продолжалъ онъ свои размышленія:—искусство не удовлетворяло ея, не наполняло пустоты ея жизни. Настоящіе художники только и существуютъ для художества, для театра... Все остальное блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что они считаютъ своимъ призваніемъ... Она была дилетантка!

Тутъ Аратовъ опять задумался. — Нѣтъ, слово „дилеттантка“ не вязалось съ тѣмъ лицомъ, съ выраженіемъ того лица, тѣхъ глазъ...

И передъ нимъ опять всплылъ образъ Клары съ устре-

мленнымъ на него, залитымъ слезами взоромъ, съ приподнятыми къ губамъ, стиснутыми руками...

„Ахъ, не надо, не надо... — прошепталъ онъ... — Къ чему?“

Такъ прошелъ цѣлый день. За обѣдомъ Аратовъ много разговаривалъ съ Платошей, разспрашивалъ ее о старинѣ, которую она, впрочемъ, и помнила, и передавала плохо, такъ какъ не очень-то владѣла языкомъ—и кромѣ своего Яши, въ теченіе своей жизни, почти ничего не замѣчала. Она только радовалась тому, что вотъ, онъ какой сегодня добрый да ласковый! — Къ вечеру Аратовъ затихъ до того, что сыгралъ нѣсколько разъ съ теткой въ свои козыри.

Такъ прошелъ день...—зато ночь!!

XI.

Началась она хорошо; — онъ скоро заснулъ — и когда тетка вошла къ нему на цыпочкахъ, чтобы трижды перекрестить его спящаго — она это дѣлала каждую ночь,— онъ лежалъ и дышалъ спокойно, какъ дитя. Но передъ зарею ему привидѣлся сонъ.

Ему снилось: онъ шелъ по голой степи, усѣянной камнями подъ низкимъ небомъ. Между камнями вилась тропинка; онъ пошелъ по ней.

Вдругъ передъ нимъ поднялось нѣчто въ родѣ тонкаго облачка. Онъ вглядывается; облачко стало женщиной, въ бѣломъ платьѣ, съ свѣтлымъ поясомъ вокругъ стана. Она спѣшитъ отъ него прочь. Онъ не видѣлъ ни лица ея, ни волосъ... ихъ закрывала длинная ткань. Но онъ непремѣнно хотѣлъ догнать ее и заглянуть ей въ глаза. Только какъ онъ ни торопился—она шла проворнѣе его.

На тропинкѣ лежалъ широкій, плоскій камень, подобный могильной плитѣ. Онъ преградилъ ей дорогу. Женщина остановилась. Аратовъ подбѣжалъ къ ней. Она къ нему обернулась — но онъ все-таки не увидалъ ея глазъ... они были закрыты. Лицо ея было бѣлое, бѣлое, какъ снѣгъ, руки висѣли неподвижно. Она походила на статую.

Медленно, не сгибаясь ни однимъ членомъ, отклонилась она назадъ и опустилась на ту плиту... И вотъ, Аратовъ уже лежитъ съ ней рядомъ, вытянутый весь, какъ могильное изваяніе—и руки его сложены, какъ у мертвеца.

Но тутъ женщина вдругъ приподнялась—и пошла прочь. Аратовъ хочетъ тоже подняться... но ни пошевельнуться, ни разжать рукъ онъ не можетъ—и только съ отчаяньемъ глядитъ ей вслѣдъ.

Тогда женщина внезапно обернулась — и онъ увидалъ свѣтлые, живые глаза на живомъ, но незнакомомъ лицѣ. Она смѣется, она манитъ его рукою... а онъ все не можетъ пошевельнуться.

Она засмѣялась еще разъ—и быстро удалилась, весело качая головою, на которой заалѣлъ вѣнокъ изъ маленькихъ розъ.

Аратовъ силится закричать, силится нарушить этотъ страшный кошмаръ...

Вдругъ все кругомъ потемнѣло... и женщина возвратилась къ нему. Но это уже не та незнакомая статуя... это Клара. Она остановилась передъ нимъ, скрестила руки — и строго, и внимательно смотритъ на него. Губы ея сжаты—но Аратову чудится, что онъ слышитъ слова:

— „Коли хочешь знать, кто я, поѣзжай туда!“

— Куда?—спрашиваетъ онъ.

— „Туда!—слышится стенящій отвѣтъ.—Туда!“

Аратовъ проснулся.

Онъ приподнялся въ постели, зажегъ свѣчку, стоявшую на ночномъ столикѣ, — но не всталъ — и долго сидѣлъ, весь похолодѣлый, медленно осматриваясь кругомъ. Ему казалось, что съ нимъ что-то свершилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ легъ; что въ него что-то внѣдрилось... что-то завладѣло имъ. „Да развѣ это возможно?“ шепталъ онъ безсознательно. „Развѣ существуетъ такая власть?“

Онъ не могъ остаться въ постели. Онъ тихонько одѣлся—и до утра пробродилъ по комнатѣ. И странное дѣло! О Кларѣ онъ не думалъ ни минуты—и не думалъ оттого, что рѣшился на другой же день ѣхать въ Казань!

Онъ думалъ только объ этой поѣздкѣ, о томъ, какъ

это сдѣлать, и что съ собою взять,—и какъ онъ тамъ все разыщетъ и узнаетъ—и успокоится.—„Не поѣдешь“, рассуждалъ онъ самъ съ собою,—„пожалуй съ ума сойдешь!“ Онъ боялся этого; боялся своихъ нервовъ. Онъ былъ увѣренъ, что какъ только онъ тамъ все это увидитъ воочію—всякія наважденія разлетятся—какъ тотъ ночной кошмаръ.—„И всего-то на поѣздку пойдетъ недѣля“, думалъ онъ... „что такое недѣля? а иначе не отдѣлаешься“.

Вставшее солнце освѣтило его комнату; но свѣтъ дневной не разогналъ налегшихъ на него ночныхъ тѣней и не измѣнилъ его рѣшенія.

Съ Платошей чуть не сдѣлался ударъ, когда онъ сообщилъ ей это рѣшеніе. Она даже на корточки присѣла... ноги у ней подкосились. „Какъ въ Казань? зачѣмъ въ Казань?“ шептала она, выпучивъ и безъ того слѣпые глаза. Она бы не больше удивилась, если бы узнала, что ея Яша женится на сосѣдней булочницѣ или уѣзжаетъ въ Америку.—„И надолго въ Казань?“

— Я черезъ недѣлю вернусь,—отвѣчалъ Аратовъ, стоя въ полуоборотъ къ теткѣ, все еще сидѣвшей на полу.

Платонида Ивановна хотѣла еще возражать—но Аратовъ совершенно неожиданнымъ и необыкновеннымъ образомъ закричалъ на нее.—Я не ребенокъ,—закричалъ онъ и весь поблѣднѣлъ, губы его задрожали, и глаза сверкнули злобно.—Мнѣ двадцать-шестой годъ, я знаю, что дѣлаю,—я волёнъ дѣлать, что хочу!—Я никому не позволю... Дайте мнѣ денегъ на дорогу, приготовьте чемоданъ съ бѣльемъ и платьемъ... и не мучьте меня!—Я черезъ недѣлю вернусь, Платоша,—прибавилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ.

Платоша приподнялась, кряхтя, и уже не возражая болѣе, поплелась въ свою комнату. Яша испугалъ ее.—Не голова у меня на плечахъ,—говорила она кухаркѣ, помогавшей ей укладывать Яшины вещи:—не голова—а улей... и какія тамъ пчелы жужжатъ—не знаю. Въ Казань уѣзжаетъ, мать моя, въ Ка-за-ань!—Кухарка, видѣвшая накапунѣ, что дворникъ ихъ о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ городовымъ, хотѣла-было доложить объ этомъ

обстоятельствѣ своей госпожѣ—да не посмѣла, и только подумала: „въ Казань?—какъ бы не подальше куда-нибудь!“—А Платонида Ивановна до того растерялась, что даже обычной молитвы своей не произносила.—Въ такой бѣдѣ и Господь Богъ помочь не могъ!

Въ тотъ же день Аратовъ уѣхалъ въ Казань.

XII.

Не успѣлъ онъ прибыть въ этотъ городъ и занять номеръ въ гостиницѣ—какъ уже бросился отыскивать домъ вдовы Миловидовой. Во время всего путешествія онъ находился въ какомъ-то оцѣпенѣніи, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему принимать всѣ нужныя мѣры, въ Нижнемъ-Новгородѣ перебраться съ желѣзной дороги на пароходъ, кушать на станціяхъ и т. д. Онъ попрежнему былъ увѣренъ, что *тамъ* все разрѣшится—и потому отгонялъ отъ себя всякія воспоминанія и соображенія, удовлетворяясь однимъ—мысленнымъ приготовленіемъ того *спича*, въ которомъ онъ изложитъ передъ семействомъ Клары Миличъ настоящую причину своей поѣздки.—Вотъ, онъ, наконецъ, добрался до цѣли своего стремленья, велѣлъ о себѣ доложить. Его впустили... съ недоумѣніемъ и испугомъ—но впустили.

Домъ вдовы Миловидовой оказался дѣйствительно такимъ, какимъ описалъ его Купферъ; и сама вдова точно походила на одну изъ купчихъ Островскаго, хотя была чиновница: мужъ ея состоялъ въ чинѣ коллежскаго асессора. Не безъ нѣкотораго затрудненія Аратовъ, предварительно извиняясь въ своей смѣлости, въ странности своего посѣщенія, произнесъ приготовленный спичъ о томъ, какъ бы ему хотѣлось собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о столь рано погибшей даровитой артисткѣ; какъ имъ руководитъ въ этомъ случаѣ не праздное любопытство, а глубокое сочувствіе къ ея таланту, котораго онъ былъ поклонникомъ (онъ такъ и сказалъ: поклонникомъ); какъ, наконецъ, было бы грѣшно оставить публику въ невѣдѣніи о томъ, что она потеряла—и почему не сбылись ея надежды!—Г-жа Миловидова не прерывала Аратова; она

едва ли хорошо понимала, что такое ей говоритъ этотъ незнакомый гость—и только пучилась слегка и таращила на него глаза, находя, однако, что видъ у него смирный, одѣтъ онъ прилично — и не мазурикъ какой... денегъ не попроситъ.

— Вы это о Катѣ? — спросила она, какъ только Аратовъ умолкъ.

— Точно такъ... о вашей дочери.

— И вы для этого изъ Москвы пріѣхали?

— Изъ Москвы.

— Только для этого?

— Для этого.

Г-жа Миловидова вдругъ встрепенулась. — Да вы — сочинитель? Въ журналахъ пишете?

— Нѣтъ, я не сочинитель — и въ журналахъ до сихъ поръ не писалъ.

Вдова наклонила голову. Она недоумѣвала.

— Стало-быть... по собственной охотѣ?— спросила она вдругъ. Аратовъ не тотчасъ нашелся, что отвѣтить.

— По сочувствію, изъ уваженія къ таланту, — промолвилъ онъ, наконецъ.

Слово: „уваженіе“ понравилось г-жѣ Миловидовой. — Что жъ!—произнесла она со вздохомъ...—Я хоть и мать ея — и очень о ней горевала... Вѣдь такое вдругъ несчастье!.. Но должна сказать: шальная она была всегда— и покончила такимъ же манеромъ! Срамъ такой... Посудите: каково это для матери? Ужъ на томъ спасибо, что похоронили ее по-христіански...—Г-жа Миловидова перекрестилась.—Сызмала она никому не покорялась—родительскій домъ покинула... и, наконецъ,—легко сказать!— въ актерки пошла! Извѣстно: отъ дому я ей не отказала: вѣдь я любила ее! Вѣдь я все-таки мать! Не у чужихъ же ей жить — да побираться!.. — Тутъ вдова прослезилась.—А если у васъ, господинъ,—заговорила она снова, утирая глаза концами косынки:—точно есть такое намѣреніе, и вы противъ насъ никакого безчестія не замышляете—а, напротивъ, хотите вниманіе оказать—такъ вы, вотъ, съ моей другой дочкой поговорите. Она все вамъ

разскажетъ лучше моего...—Анночка!—кликнула г-жа Миловидова: — Анночка, подь сюда! Вотъ, здѣсь какой-то господинъ изъ Москвы насчетъ Кати побесѣдовать желаетъ!

Что-то стукнуло въ сосѣдней комнатѣ; но никто не появлялся.—Анночка!—кликнула опять вдова:—Анна Семеновна! иди, говорятъ тебѣ!

Дверь тихонько растворилась, и на порогѣ показалась дѣвушка уже немолодая, болѣзненнаго вида—и некрасивая — но съ очень кроткими и грустными глазами. Аратовъ поднялся съ мѣста ей навстрѣчу и отрекомендовался, при чемъ назвалъ своего друга Купфера. — А! Ѳедоръ Ѳедорычъ! — тихонько произнесла дѣвушка и тихонько опустилась на стулъ.

— Ну, вотъ, побесѣдуй съ господиномъ, — промолвила г-жа Миловидова, грузно поднимаясь съ мѣста: — потрудился, нарочно изъ Москвы пріѣхалъ,—о Катѣ свѣдѣнія собрать желаетъ. А вы меня, господинъ,—прибавила она, обращаясь къ Аратову: — извините... Я уйду, по хозяйству. Съ Анночкой вы можете хорошо объясниться—она вамъ и о театрѣ разскажетъ... и все такое. Она у меня умница, образованная: по-французски говоритъ и книжки читаетъ, не хуже сестры ея покойницы. Она же ее, можно сказать, воспитывала... Старше ея была—ну, и занялась.

Г-жа Миловидова удалилась. Оставшись наединѣ съ Анной Семеновной, Аратовъ повторилъ ей свой спичъ; но съ перваго же взгляда понявъ, что имѣетъ дѣло съ дѣвушкой, дѣйствительно образованной, не съ купеческой дочкой,—нѣсколько распространился—и выраженія другія употребилъ;—а подъ конецъ самъ разволновался, покраснѣлъ и почувствовалъ, что сердце у него застучало. Анна слушала его молча, положивъ руку на руку; печальная улыбка не сходила съ ея лица... горькое, непереболѣвшее горе сказывалось въ этой улыбкѣ.

— Вы знали мою сестру?—спросила она Аратова.

— Нѣтъ; я ея собственно не зналъ,—отвѣчалъ онъ.— Видѣлся съ нею и слышалъ ее разъ... но вашу сестру стоило разъ увидѣть и услышать...

— Вы хотите ея біографію написать?—спросила опять Анна.

Аратовъ не ожидалъ этого слова; однако, тотчасъ же отвѣтилъ, что—отчего же нѣтъ? Но главное, онъ хотѣлъ познакомить публику...

Анна остановила его движеніемъ руки.

— Это на что же? Публика ей безъ того много горя надѣлала; да и Катя только-что начинала жить. Но если вы сами (Анна посмотрѣла на него и опять улыбнулась той же печальной, но уже болѣе привѣтной улыбкой... она какъ будто подумала: да, ты внушаешь мнѣ довѣріе)... если вы сами питаете къ ней такое участіе, то позвольте васъ попросить придти къ намъ сегодня вечеромъ... послѣ обѣда. Я теперь не могу... такъ, вдругъ... Я соберусь съ силами... Я попытаюсь... Ахъ, я слишкомъ любила ее!

Анна отвернулась; она готова была зарыдать.

Аратовъ проворно поднялся со стула, поблагодарилъ за предложеніе, сказалъ, что придетъ непремѣнно... непремѣнно!—и ушелъ, унося въ душѣ впечатлѣніе тихаго голоса, кроткихъ и грустныхъ глазъ—и сгорая томленьемъ ожиданія.

XIII.

Аратовъ въ тотъ же день вернулся къ Миловидовымъ и цѣлыхъ три часа пробесѣдовалъ съ Анной Семеновной. Г-жа Миловидова ложилась спать тотчасъ послѣ обѣда—въ два часа—и „отдыхала“ до вечерняго чаю, до семи часовъ. Разговоръ Аратова съ сестрою Клары не былъ собственно бесѣдой: она говорила почти одна, сперва съ запинкой, съ смущеніемъ, но потомъ съ неудержимымъ жаромъ. Она, очевидно, боготворила свою сестру. Довѣріе, внушенное ей Аратовымъ, росло и крѣпло; она уже не стѣснялась; она даже раза два, молча, всплакнула передъ нимъ. Онъ казался ей достойнымъ ея откровенныхъ сообщеній и изліяній... въ ея собственной глухой жизни ничего такого еще не случалось!.. А онъ... онъ впивалъ каждое ея слово.

Вотъ, что онъ узналъ... многое, конечно, изъ недомолвокъ... многое онъ дополнилъ самъ.

Въ дѣтствѣ Клара была несомнѣнно непріятнымъ ребенкомъ; и въ дѣвушкахъ она была немногимъ мягче: своенольная, вспыльчивая, самолюбивая, она не ладила особенно съ отцомъ, котораго презирала за пьянство и за бездарность. Онъ это чувствовалъ и не прощалъ ей этого. Музыкальныя способности въ ней оказались рано; отецъ не давалъ имъ ходу, признавая художествомъ одну живопись, въ которой такъ мало самъ преуспѣлъ, но которая кормила и его, и семью. Мать свою Клара любила... нежно, какъ няню; сестру обожала, хоть и дралась съ ней, и кусала ее... Правда, она потомъ становилась на колѣни передъ нею и цѣловала укушенныя мѣста. Она была вся—огонь, вся—страсть и вся—противорѣчіе: мстительна и добра, великодушна и злопамятна; вѣрила въ судьбу и не вѣрила въ Бога (эти слова Анна прошептала съ ужасомъ): любила все красивое, а сама о своей красотѣ не заботилась и одѣвалась, какъ попало; терпѣть не могла, чтобы за ней ухаживали молодые люди, а въ книгахъ перечитывала только тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о любви; не хотѣла нравиться, не любила ласки и никогда ласки не забывала, какъ и не забывала оскорбленія; боялась смерти и сама себя убила! Она говаривала иногда: „Такого, какъ я хочу—я не встрѣчу... а другихъ мнѣ не надо!“ — Ну, а если встрѣтишь? — спрашивала Анна. — „Встрѣчу... возьму“. — А если не дастся? — „Ну, тогда... съ собой покончу. Значитъ, не гожусь“. Отецъ Клары (онъ иногда съ пьяныхъ глазъ спрашивалъ у жены:—„Отъ кого у тебя этотъ бѣсенокъ черномазый?— не отъ меня!“)—отецъ Клары, стараясь ее сбыть поскорѣе съ рукъ, просваталъ-было ее за богатаго молодого купчика, преглупенькаго, изъ „образованныхъ“. За двѣ недѣли до свадьбы (ей было всего шестнадцать лѣтъ), она подошла къ своему жениху, скрестивши руки и играя пальцами по локтямъ (любимая ея поза), да вдругъ, какъ хлопъ его по румяной щекѣ своей большой, сильной рукой! Онъ вскочилъ и только ротъ разинулъ, — надо ска-

зать, что онъ былъ смертельно въ нее влюбленъ... Спрашиваетъ: за что? Она засмѣялась и ушла. — Я тутъ же, въ комнатѣ находилась,—разсказывала Анна,—была свидѣтельницей. Побѣжала за ней, да говорю ей:—Катя, помилуй, что ты это? А она мнѣ въ отвѣтъ:—„Коли бъ настоящій былъ человѣкъ—прибилъ бы меня, а то—курица мокрая! И еще спрашиваетъ: за что? Коли любишь, и не отмстилъ, такъ терпи и не спрашивай: за что? Ничего ему отъ меня не будетъ—во вѣки вѣковъ!“ Такъ она замужъ за него и не пошла. Тутъ же скоро она съ той актрисой познакомилась и оставила нашъ домъ. Матушка поплакала, а отецъ только сказалъ: „Строптивую козу изъ стада вонъ!“ И хлопотать, разыскивать не сталъ. Отецъ не понималъ Клары. Меня она, наканунѣ своего бѣгства, прибавила Анна, чуть не задушила въ своихъ объятіяхъ, и все повторяла:—не могу! не могу иначе!.. Сердце пополамъ, а не могу! Клѣтка ваша мала... не по крыльямъ! Да и своей судьбы не минуешь...

— Послѣ этого, — замѣтила Анна: — мы съ ней рѣдко видались... Когда умеръ отецъ, она пріѣхала на два дня, ничего изъ наслѣдства не взяла, и опять скрылась. Ей у насъ было тяжело... Я это видѣла. Потомъ она пріѣхала въ Казань уже актрисой.

Аратовъ началъ разспрашивать Анну о театрѣ, о роляхъ, въ которыхъ появлялась Клара, объ ея успѣхахъ... Анна отвѣчала подробно, но съ тѣмъ же горестнымъ, хоть и живымъ увлеченіемъ. Она даже показала Аратову фотографическую карточку, на которой Клара была представлена въ костюмѣ одной изъ ея ролей. На карточкѣ она глядѣла въ сторону, словно отворачивалась отъ зрителей; перевитая лентой густая коса падала змѣей на обнаженную руку. Аратовъ долго разсматривалъ эту карточку, нашелъ ее схожей, спросилъ, не участвовала ли Клара въ публичныхъ чтеніяхъ, и узналъ, что нѣтъ; что ей нужно было возбужденіе театра, сцены... по другой вопросъ горѣлъ у него на губахъ.

— Анна Семеновна! — воскликнулъ онъ, наконецъ, не громко, но съ особенной силой: — скажите, умоляю васъ,

скажите, отчего она... отчего она рѣшилась на тотъ ужасный поступокъ?..

Анна опустила глаза. — Не знаю! — промолвила она, спустя нѣсколько мгновеній. — Ей-Богу, не знаю! — продолжала она стремительно, замѣтивъ, что Аратовъ развелъ руками, какъ бы не вѣря ей. — Съ самаго пріѣзда сюда, она, точно, была задумчива, мрачна. Съ ней непремѣнно что-нибудь въ Москвѣ случилось, чего я не могла разгадать! Но, напротивъ, въ тотъ роковой день она какъ будто была... если не веселѣе, то спокойнѣе обыкновеннаго. Даже у меня никакихъ предчувствій не было, — прибавила Анна съ горькой усмѣшкой, какъ бы упрекая себя въ этомъ.

— Видите ли,—заговорила она опять:—у Кати словно на роду было написано, что она будетъ несчастна. Съ раннихъ лѣтъ она была въ этомъ убѣждена. Подопрется такъ рукою, задумается и скажетъ: „Мнѣ не долго жить!“ У ней бывали предчувствія. Представьте, что она даже заранѣе, иногда во снѣ, а иногда и такъ, видѣла, что съ ней будетъ! „Не могу жить, какъ хочу, такъ и не надо“... тоже была ея поговорка. — „Вѣдь наша жизнь въ нашей рукѣ!“ И она это доказала!

Анна закрыла лицо руками и умолкла.

— Анна Семеновна, — началъ, погодя немного, Аратовъ: — вы, можетъ-быть, слышали, чему приписывали газеты...

— Несчастной любви?—перебила Анна, разомъ отдернувъ руки отъ лица. — Это клевета, клевета, выдумка!.. Моя нетронутая, неприступная Катя... Катя!.. и несчастная, отвергнутая любовь?!! И я бы этого не знала?.. Въ нее, въ нее всѣ влюблялись... а она... И кого бы она здѣсь полюбила? Кто, изо всѣхъ этихъ людей, кто былъ ея достоинъ? Кто доросъ до того идеала честности, правдивости, чистоты, главное—чистоты, который, при всѣхъ ея недостаткахъ, постоянно носился передъ нею?.. Ее отвергнуть... ее...

Голосъ прервался у Анны... Ея пальцы слегка задрожали. Она вдругъ вся покраснѣла... покраснѣла отъ не-

годованія, и въ этотъ мигъ—и только на мигъ—стала похожа на сестру.

Аратовъ началъ-было извиняться.

— Послушайте,—опять перебила Анна:—я непремѣнно хочу, чтобы вы и сами не вѣрили въ эту клевету, и разсѣяли бы ее, если это возможно! Вотъ, вы хотите написать о ней статью, что ли: вотъ вамъ случай защитить ея память! Я оттого и говорю съ вами такъ откровенно. Послушайте: отъ Кати остался дневникъ...

Аратовъ вздрогнулъ.—Дневникъ,—прошепталъ онъ.

— Да, дневникъ... то-есть, всего нѣсколько страничекъ. Катя не любила писать... по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не записывала... и письма ея были такія короткія. Но она всегда, всегда была правдива, она никогда не лгала... Съ ея самолюбіемъ, да лгать! Я... я вамъ покажу этотъ дневникъ! Вы увидите сами, былъ ли въ немъ хотя намекъ на какую-то несчастную любовь!

Анна торопливо достала изъ столоваго ящика тоненькую тетрадку, страницъ въ десять, не болѣе, и протянула ее Аратову. Тотъ схватилъ ее съ жадностью, узналъ неправильный, размашистый почеркъ, почеркъ того безъимяннаго письма, развернулъ ее на удачу, и тотчасъ же напалъ на слѣдующія строки:

„Москва.—Вторникъ ...го іюня. Пѣла и читала на литературномъ утрѣ. Сегодня для меня знаменательный день. *Онъ долженъ рѣшить мою участь.* (Эти слова были дважды подчеркнуты.) Я опять увидала...“ Тутъ слѣдовало нѣсколько тщательно замаранныхъ строкъ. И потомъ: „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Надо опять за прежнее, если только...“

Аратовъ опустилъ руку, въ которой онъ держалъ тетрадку, и голова его тихо свѣсилась на грудь.

— Читайте! — воскликнула Анна. — Что жъ вы не читаете? Прочтите сначала... Тутъ всего на пять минутъ чтенія, хоть и на цѣлыхъ два года тянется этотъ дневникъ. Въ Казани она уже ничего не записывала...

Аратовъ медленно поднялся со стула, и такъ и обрушился на колѣни передъ Анной.

Та просто окаменѣла отъ удивленія и испуга.

— Дайте... дайте мнѣ этотъ дневникъ, — заговорилъ Аратовъ замиравшимъ голосомъ, и протянулъ къ Аннѣ обѣ руки.—Дайте мнѣ его... и карточку... у васъ навѣрное есть другая—а дневникъ я вамъ возвращу... Но мнѣ нужно, нужно...

Въ его мольбѣ, въ искаженныхъ чертахъ его лица было что-то до того отчаянное, что оно походило даже на злобу, на страданіе... Да онъ и страдалъ дѣйствительно. Онъ словно самъ не могъ предвидѣть, что надъ нимъ стрясется такая бѣда, и раздраженно молилъ о пощадѣ, о спасеніи...

— Дайте,—повторилъ онъ.

— Да... вы... вы были влюблены въ мою сестру?—проговорила, наконецъ, Анна.

Аратовъ продолжалъ стоять на колѣняхъ.

— Я ее всего два раза видѣлъ... вѣрьте мнѣ!.. и если бы меня не побуждали причины, которыя я самъ ни понять, ни изъяснить хорошенько не могу... если бъ не была надо мною какая-то власть, сильнѣе меня... я не сталъ бы васъ просить... я бы не пріѣхалъ сюда. Мнѣ нужно... я долженъ... вѣдь вы сами сказали, что я обязанъ возстановить ея образъ!

— И вы не были влюблены въ сестру?—спросила Анна вторично.

Аратовъ не тотчасъ отвѣтилъ и отвернулся слегка, какъ отъ боли.

— Ну, да! былъ! былъ!—я и теперь влюбленъ...—воскликнулъ онъ съ тѣмъ же отчаяніемъ.

Послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ.

— Встаньте... встаньте...—поспѣшно промолвила Анна.— Къ намъ матушка идетъ.

Аратовъ приподнялся.

— И возьмите дневникъ и карточку, Богъ съ вами! Бѣдная, бѣдная Катя!.. Но вы дневникъ мнѣ возвратите,— прибавила она съ живостью. — И если вы что напишете, пришлите мнѣ, непремѣнно... Слышите?

Появленіе г-жи Миловидовой избавило Аратова отъ не-

обходимости отвѣчать. Онъ успѣлъ, однако, шепнуть: — Вы ангелъ! Спасибо! Пришлю все, что напишу...

Г-жа Миловидова съ просонья ни о чемъ не догадалась. Такъ Аратовъ и уѣхалъ изъ Казани съ фотографической карточкой въ боковомъ карманѣ сюртука. Тетрадку онъ возвратилъ Аннѣ, но, незамѣтно для нея, вырѣзалъ листикъ, на которомъ находились подчеркнутыя слова.

На обратномъ пути въ Москву имъ опять овладѣло оцѣпенѣніе. Хоть онъ и радовался втайнѣ, что добился-таки того, зачѣмъ ѣздилъ, однако, всѣ помышленія о Кларѣ онъ откладывалъ до возвращенія домой. Онъ гораздо больше думалъ о ея сестрѣ Аннѣ. — Вотъ, думалъ онъ, чудесное симпатическое существо! Какое тонкое пониманіе всего, какое любящее сердце, какое отсутствіе эгоизма! И какъ это у насъ, въ провинціи—да еще въ такой обстановкѣ—расцвѣтаютъ такія дѣвушки!—Она и болѣзненна, и собой дурна, и не молода,—а какой бы отличной была подругой для порядочнаго, образованнаго человѣка! Вотъ, въ кого слѣдовало бы влюбиться!..—Аратовъ думалъ такъ... но по прибытіи въ Москву дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ.

XIV.

Платонида Ивановна несказанно обрадовалась возвращенію своего племянника. Чего-чего она не передумала въ его отсутствіе! — „По меньшей мѣрѣ, въ Сибирь!“ шептала она, сидя неподвижно въ своей комнаткѣ:— „по меньшей мѣрѣ—на годъ!“—Къ тому же, и кухарка пугала ее, сообщая наивѣрнѣйшія извѣстія объ исчезновеніи то того, то другого молодого человѣка по сосѣдству. Совершенная невинность и благонадежность Яши нисколько не успокаивали старушку. — „Потому... мало ли что! — фотографіей занимается... ну, и довольно! Бери его!“ — И вотъ, ея Яшенька вернулся цѣлъ и невредимъ! Правда, она замѣтила, что онъ какъ будто похудѣлъ и въ личикѣ осунулся—дѣло понятное... безъ призора!—но разспрашивать его объ его путешествіи не посмѣла. Спросила

за обѣдомъ:—А хорошій городъ Казань?—Хорошій!—отвѣчалъ Аратовъ.—Чай, тамъ все татары живутъ?—Не одни татары. — А халата оттуда не привезъ? — Нѣтъ, не привезъ.—Тѣмъ и кончился разговоръ.

Но какъ только Аратовъ очутился одинъ въ своемъ кабинетѣ—онъ немедленно почувствовалъ, что его какъ бы кругомъ что-то охватило, что онъ опять находится *во власти*, именно во власти другой жизни, другого существа. Хоть онъ и сказалъ Аннѣ—въ томъ порывѣ внезапнаго изступленія, — что онъ влюбленъ въ Клару — но это слово ему самому теперь казалось безсмысленнымъ и дикимъ.—Нѣтъ, онъ не влюбленъ; да и какъ влюбиться въ мертвую, которая даже при жизни ему не нравилась, которую онъ почти забылъ? — Нѣтъ! но онъ во власти... въ *ея* власти... онъ не принадлежитъ себѣ болѣе. Онъ—*взятъ*. Взятъ до того, что даже не пытается освободиться ни насмѣшкой надъ собственной нелѣпостью, ни возбужденьемъ въ себѣ если не увѣренности, то хоть надежды, что это все пройдетъ, что это—одни нервы,—ни пріискиваньемъ къ тому доказательствъ, — ни чѣмъ инымъ! — „Встрѣчу—возьму“ — вспомнились ему слова Клары, переданныя Анной... вотъ, онъ и взятъ. — Да вѣдь она—мертвая? Да; тѣло ея мертвое... а душа? — развѣ она не безсмертная... развѣ ей нужны земные органы, чтобы проявить свою власть?—Вонъ, магнетизмъ намъ доказалъ вліяніе живой человѣческой души на другую живую человѣческую душу... Отчего же это вліяніе не продолжится и послѣ смерти—коли душа остается живой?— Да съ какой цѣлью? Что изъ этого можетъ выйти? — Но развѣ мы—вообще—постигаемъ, какая цѣль всего, что совершается вокругъ насъ?—Эти мысли до того занимали Аратова, что онъ внезапно, за чаемъ, спросилъ Платошу: вѣритъ ли она въ безсмертіе души?— Та сначала не поняла, что онъ такое спрашиваетъ—а потомъ перекрестилась и отвѣтила, что еще бы душѣ—да не быть безсмертной!—А коли такъ, можетъ она дѣйствовать послѣ смерти? — опять спросилъ Аратовъ. Старушка отвѣчала, что можетъ... за насъ молиться, то-есть; и то, когда прой-

детъ всѣ мытарства—въ ожиданьи Страшнаго Суда. А первые сорокъ дней она только витаетъ около того мѣста, гдѣ ей смерть приключилась.

— Первые сорокъ дней?

— Да; а потомъ пойдутъ мытарства.

Аратовъ подивился познаніямъ тетки — и ушелъ къ себѣ.—И опять почувствовалъ то же, ту же власть надъ собой.—Власть эта сказывалась и въ томъ, что ему безпрестанно представлялся образъ Клары, до малѣйшихъ подробностей, до такихъ подробностей, которыя онъ при жизни ея какъ будто и не замѣчалъ: онъ видѣлъ... видѣлъ ея пальцы, ногти, грядки волосъ на щекахъ подъ висками, небольшую родинку подъ лѣвымъ глазомъ; видѣлъ движенія ея губъ, ноздрей, бровей... и какая у ней походка — и какъ она держитъ голову немного на правый бокъ... все видѣлъ онъ! — Онъ вовсе не любовался всѣмъ этимъ; онъ только не могъ объ этомъ не думать и не видѣть. — Въ первую ночь послѣ своего возвращенія, она, однако, ему не снилась... онъ очень усталъ и спалъ, какъ убитый. Зато, какъ только онъ проснулся — она снова вошла въ его комнату—и такъ и осталась въ ней—точно хозяйка; точно она своей добровольной смертью купила себѣ это право, не спросясь его и не нуждаясь въ его позволеньи. — Онъ взялъ ея фотографическую карточку; началъ ее воспроизводить, увеличивать. Потомъ онъ вздумалъ ее приладить къ стереоскопу. Хлопотъ ему было много... наконецъ, это ему удалось. Онъ такъ и вздрогнулъ, когда увидалъ сквозь стекло ея фигуру, получившую подобіе тѣлесности. Но фигура эта была сѣрая, словно запыленная... и, къ тому же, глаза... глаза все смотрѣли въ сторону, все какъ будто отворачивались. Онъ сталъ долго, долго глядѣть на нихъ, какъ бы ожидая, что вотъ, они направятся въ его сторону... онъ даже нарочно прищуривался... но глаза оставались неподвижными, и вся фигура принимала видъ какой-то куклы. Онъ отошелъ прочь, бросился въ кресло, досталъ вырванный листокъ ея дневника, съ подчеркнутыми словами — и подумалъ: „вѣдь вотъ, говорятъ,

влюбленные цѣлуютъ строки, написанныя милой рукою— а мнѣ этого не хочется дѣлать—да и почеркъ мнѣ кажется некрасивымъ. Но въ этой строкѣ — мой приговоръ". — Тутъ ему пришло въ голову обѣщанье, данное Аннѣ насчетъ статьи. Онъ сѣлъ за столъ и принялся было ее писать; но все у него выходило такъ ложно, такъ риторично... главное, такъ ложно... точно онъ не вѣрилъ ни въ то, что онъ писалъ, ни въ собственныя чувства... да и сама Клара показалась ему незнакомой, непонятной! Она не давалась ему. — „Нѣтъ!—подумалъ онъ, бросая перо: — либо сочинительство вообще не мое дѣло, либо еще подождать надо!" — Онъ сталъ припоминать свое посѣщеніе у Миловидовыхъ — и весь разсказъ Анны, этой доброй, чудной Анны... Сказанное ею слово: „нетронутая!" внезапно поразило его. Словно что и обожгло его, и освѣтило. — Да,—промолвилъ онъ громко:— она нетронутая—и я нетронутый... Вотъ, что дало ей эту власть!

Мысли о безсмертіи души, о жизни за гробомъ снова посѣтили его. — Развѣ не сказано въ Библіи: „Смерть, гдѣ жало твое?" А у Шиллера: „И мертвые будутъ жить!" (Auch die Todten sollen leben!).— Или, вотъ, еще, кажется, у Мицкевича: „Я буду любить до скончанія вѣка... и по скончаніи вѣка!" — А одинъ англійскій писатель сказалъ: „Любовь сильнѣе смерти!" — Библейское изреченіе особенно подѣйствовало на Аратова. — Онъ хотѣлъ отыскать мѣсто, гдѣ находились эти слова... Библіи у него не было; онъ пошелъ попросить ее у Платоши.— Та удивилась; однако, достала старую-старую книгу въ покороблепномъ кожаномъ переплетѣ, съ мѣдными застежками, всю закапанную воскомъ,—и вручила ее Аратову. Онъ унесъ ее къ себѣ въ комнату—но долго не находилъ того изреченія... за то ему попалось другое:

„Бо́льшее сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя..." (Ев. отъ Іоанна, XV гл. 13 ст.).

Онъ подумалъ: „Не такъ сказано.—Надо было сказать: „Бо́льшее сея *власти* никто же имать..."

„А если она вовсе не за меня положила свою душу?— Если она только потому покончила съ собою, что жизнь ей стала въ тягость?—Если она, наконецъ, вовсе не для любовныхъ объясненій пришла на свиданіе?“

Но въ это мгновенье ему представилась Клара передъ разлукой на бульварѣ... Онъ вспомнилъ то горестное выраженіе на ея лицѣ—и тѣ слезы, и тѣ слова:—Ахъ, вы ничего не поняли!..

Нѣтъ! онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, изъ-за чего и для кого она положила свою душу...

Такъ прошелъ весь этотъ день, до ночи.

XV.

Аратовъ легъ рано, безъ особеннаго желанія спать; но онъ надѣялся найти отдыхъ въ постели. Напряженное состояніе его нервовъ причинило ему утомленіе, гораздо болѣе несносное, чѣмъ физическая усталость путешествія и дороги. Однако, какъ ни было велико его утомленіе, заснуть онъ не могъ. Онъ попытался читать... но строки путались передъ его глазами. Онъ погасилъ свѣчку,— и мракъ водворился въ его комнатѣ.—Но онъ продолжалъ лежать безъ сна, съ закрытыми глазами... И вотъ— ему почудилось: кто-то шепчетъ ему на ухо... „Стукъ сердца, шелестъ крови“, подумалъ онъ... Но шопотъ перешелъ въ связную рѣчь. Кто-то говорилъ по-русски, торопливо, жалобно и невнятно. Ни одного отдѣльнаго слова нельзя было уловить... Но это былъ голосъ Клары!

Аратовъ открылъ глаза, приподнялся, облокотился... Голосъ сталъ слабѣе, но продолжалъ свою жалобную, поспѣшную, попрежнему невнятную рѣчь...

Это несомнѣнно голосъ Клары!

Чьи-то пальцы пробѣжали легкими арпеджіями по клавишамъ піанино... Потомъ голосъ опять заговорилъ. Послышались болѣе протяжные звуки... какъ бы стоны... все одни и тѣ же. А тамъ начали выдѣляться слова...

„Розы... розы... розы...“

— Розы,—повторилъ шопотомъ Аратовъ.—Ахъ, да! это тѣ розы, которыя я видѣлъ на головѣ той женщины, во снѣ...

„Розы“, послышалось опять.

— Ты ли это?—спросилъ тѣмъ же шопотомъ Аратовъ.

Голосъ вдругъ умолкъ.

Аратовъ подождалъ... подождалъ—и уронилъ голову на подушку. „Галлюцинація слуха,—подумалъ онъ.—Ну, а если... если она, точно, здѣсь, близко?.. Если бы я ее увидѣлъ—испугался ли бы я?—Или обрадовался? Но чего бы я испугался? Чему бы обрадовался? Развѣ вотъ чему: это было бы доказательствомъ, что есть другой міръ, что душа безсмертна.—Но, впрочемъ, если бы я даже что-нибудь увидѣлъ—вѣдь это могло бы тоже быть галлюцинаціей зрѣнья...“

Однако, онъ зажегъ свѣчку—и быстрымъ взоромъ, не безъ нѣкотораго страха, обѣжалъ всю комнату... и ничего въ ней необыкновеннаго не увидѣлъ. Онъ всталъ, подошелъ къ стереоскопу... опять та же сѣрая кукла съ глазами, смотрящими въ сторону. Чувство страха замѣнилось въ Аратовѣ чувствомъ досады. Онъ какъ будто обманулся въ своихъ ожиданьяхъ... да и смѣшны ему показались эти самыя ожиданья.—Вѣдь это, наконецъ, глупо!—пробормоталъ онъ, снова ложась въ постель, и задулъ свѣчку. Опять водворилась глубокая темнота.

Аратовъ рѣшился заснуть на этотъ разъ... Но въ немъ возникло новое ощущеніе. Ему показалось, что кто-то стоитъ посреди комнаты, недалеко отъ него — и чуть замѣтно дышитъ. Онъ поспѣшно обернулся, раскрылъ глаза... Но что же можно было видѣть въ этой непроницаемой темнотѣ?—Онъ сталъ отыскивать спичку на ночномъ столикѣ... и вдругъ ему почудилось, что какой-то мягкій, безшумный вихрь пронесся черезъ всю комнату, черезъ него, сквозь него — и слово: „Я!“ явственно раздалось въ его ушахъ...

— „Я!... Я!..“

Прошло нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ онъ успѣлъ зажечь свѣчку.

Въ комнатѣ опять никого не было — и онъ уже не слышалъ ничего, кромѣ порывистаго стука собственнаго сердца. Онъ выпилъ стаканъ воды — и остался неподвиженъ, опершись головою на руку. Онъ ждалъ.

Онъ подумалъ: „Буду ждать. Либо это все вздоръ... либо она здѣсь. Не станетъ же она играть со мною, какъ кошка съ мышью!“ Онъ ждалъ, ждалъ долго... такъ долго, что рука, которой онъ поддерживалъ голову, отекла... но ни одно изъ прежнихъ ощущеній не повторялось. Раза два глаза его слипались... Онъ тотчасъ открывалъ ихъ... по крайней мѣрѣ, ему казалось, что онъ ихъ открывалъ. Понемногу они устремились на дверь и остановились на ней. Свѣча нагорѣла—и въ комнатѣ стало опять темно... но дверь бѣлѣла длиннымъ пятномъ среди полумрака. И вотъ, это пятно шевельнулось, уменьшилось, исчезло... и на его мѣстѣ, на порогѣ двери, показалась женская фигура. Аратовъ всматривается... Клара! И на этотъ разъ она прямо смотритъ на него, подвигается къ нему... На головѣ у ней вѣнокъ изъ красныхъ розъ... Онъ весь всколыхнулся, приподнялся...

Передъ нимъ стоитъ его тетка, въ ночномъ чепцѣ съ большимъ краснымъ бантомъ и въ бѣлой кофтѣ.

— Платоша!—съ трудомъ проговорилъ онъ.—Это вы?

— Это я,—отвѣтила Платонида Ивановна.—Я, Яшенёночекъ, я.

— Зачѣмъ вы пришли?

— Да ты меня разбудилъ. Сперва все какъ будто стоналъ... а потомъ вдругъ какъ закричишь: — Спасите! помогите!

— Я кричалъ?

— Да, кричалъ—и хрипло такъ:—Спасите!—Я подумала: Господи! Ужъ не боленъ ли онъ? Я и вошла. Ты здоровъ?

— Совершенно здоровъ.

— Ну, значитъ, тебѣ дурной сонъ приснился. Хочешь, ладанкомъ покурю?

Аратовъ еще разъ, пристально, вглядѣлся въ тетку— и громко засмѣялся... Фигура доброй старушки въ чепцѣ и кофтѣ, съ испуганнымъ, вытянутымъ лицомъ, была, дѣйствительно, очень забавна. Все то таинственное, что его окружало, что давило его — всѣ эти чары разлетѣлись разомъ.

— Нѣтъ, Платоша, голубушка, не надо, — промолвилъ онъ. — Извините, пожалуйста, что я нехотя васъ потревожилъ. Почивайте спокойно—и я усну.

Платонида Ивановна постояла еще немного на мѣстѣ, показала на свѣчку, поворчала: зачѣмъ-молъ, не гасишь... долго ли до бѣды!—и, уходя, не могла удержаться, чтобы хоть издали, да не перекрестить его.

Аратовъ немедленно заснулъ — и спалъ до утра. Онъ и всталъ въ хорошемъ расположеніи духа... хотя ему и было жаль чего-то... Онъ чувствовалъ себя легко и свободно. „Экія романтическія затѣи, подумаешь“, говорилъ онъ самому себѣ съ улыбкой. Онъ ни разу не взглянулъ ни на стереоскопъ, ни на вырванный имъ листикъ. Однако, тотчасъ послѣ завтрака, отправился къ Купферу.

Что его туда влекло... онъ сознавалъ смутно.

XVI.

Аратовъ засталъ своего сангвиническаго пріятеля дома. Поболталъ съ нимъ немного, попрекнулъ ему, что онъ совсѣмъ ихъ съ теткой забываетъ, — выслушалъ новыя похвалы золотой женщинѣ, княгинѣ, отъ которой Купферъ только-что получилъ изъ Ярославля ермолку, вышитую рыбьей чешуей... и вдругъ, усѣвшись передъ Купферомъ и глядя ему прямо въ глаза, объявилъ, что ѣздилъ въ Казань.

— Ты ѣздилъ въ Казань? Это зачѣмъ?

— Да вотъ, хотѣлъ собрать свѣдѣнія объ этой... Кларѣ Миличъ.

— О той, что отравилась?

— Да.

Купферъ покачалъ головою. — Вишь, ты какой! А еще тихоня! Тысячу верстъ отломалъ туда и сюда... изъ-за чего? А? И хоть бы женскій интересъ тутъ былъ какой! Тогда я все понимаю! все! всякія безумства! — Купферъ взъерошилъ себѣ волосы. — Но чтобы одни матеріалы собирать—какъ это у васъ говорится—у ученыхъ мужей... Слуга покорный! На это существуетъ статистическій ко-

митетъ! — Ну, и что жъ, познакомился ты со старухой и съ сестрой? Не правда ли, чудесная дѣвушка?

— Чудесная,—подтвердилъ Аратовъ.—Она мнѣ много любопытнаго сообщила.

— Сказала она тебѣ, какъ именно отравилась Клара?

— То-есть... какъ же?

— Да какимъ манеромъ?

— Нѣтъ... Она еще такъ была огорчена... Я не посмѣлъ слишкомъ-то разспрашивать. А развѣ было что особенное?

— Конечно, было. Представь: она должна была въ самый тотъ день играть—и играла. Взяла съ собою склянку яду въ театръ, передъ первымъ актомъ выпила — и такъ и доиграла весь этотъ актъ. Съ ядомъ-то внутри! Какова сила воли! Характеръ каковъ! И, говорятъ, никогда она съ такимъ чувствомъ, съ такимъ жаромъ не проводила своей роли! Публика ничего не подозрѣваетъ, хлопаетъ, вызываетъ... А какъ только занавѣсъ опустился — и она тутъ же, на сценѣ, упала. Корчи... корчи... и черезъ часъ и духъ вонъ! Да развѣ я тебѣ этого не разсказывалъ? И въ газетахъ объ этомъ было!

У Аратова внезапно похолодѣли руки и въ груди задрожало.

— Нѣтъ, ты мнѣ этого не разсказывалъ,—промолвилъ онъ наконецъ.—И ты не знаешь, какая это была пьеса?

Купферъ задумался.—Называли мнѣ эту пьесу... въ ней является обманутая дѣвушка... Должно-быть, драма какая-нибудь. Клара была рождена для драматическихъ ролей... Самая ея наружность... Но куда же ты?—перебилъ самого себя Купферъ, видя, что Аратовъ берется за шапку.

— Мнѣ что-то нездоровится, — отвѣчалъ Аратовъ.— Прощай... Я въ другой разъ зайду.

Купферъ остановилъ его и заглянулъ ему въ лицо.— Экой ты, братъ, нервическій человѣкъ! Посмотри-ка на себя... Побѣлѣлъ, какъ глина.

— Мнѣ нездоровится,—повторилъ Аратовъ, освободился отъ руки Купфера и отправился во-свояси. Только въ это мгновеніе ему стало ясно, что онъ и приходилъ-то къ Купферу съ единственной цѣлью поговорить о Кларѣ...

— „О безумной, о несчастной Кларѣ“...

Однако, придя домой, онъ опять скоро успокоился— до нѣкоторой степени.

Обстоятельства, сопровождавшія смерть Клары, сначала произвели на него потрясающее впечатлѣніе... но потомъ эта игра „съ ядомъ внутри“, какъ выразился Купферъ, показалась ему какой-то уродливой фразой, бравировкой— и онъ уже старался не думать объ этомъ, боясь возбудить въ себѣ чувство, похожее на отвращеніе. А за обѣдомъ, сидя передъ Платошей, онъ вдругъ вспомнилъ ея полуночное появленіе, вспомнилъ эту куцую кофту, этотъ чепецъ съ высокимъ бантомъ (и къ чему бантъ на ночномъ чепцѣ?!), всю эту смѣшную фигуру, отъ которой, какъ отъ свистка машиниста въ фантастическомъ балетѣ, всѣ его видѣнія разсыпались прахомъ! Онъ даже заставилъ Платошу повторить разсказъ о томъ, какъ она услышала его крикъ, испугалась, вскочила, не могла разомъ попасть ни въ свою, ни въ его дверь, и т. д. Вечеромъ онъ съ ней поигралъ въ карты и ушелъ въ свою комнату немного грустный, но опять-таки довольно спокойный.

Аратовъ не думалъ о предстоявшей ночи и не боялся ея: онъ былъ увѣренъ, что проведетъ ее какъ нельзя лучше. Мысль о Кларѣ отъ времени до времени пробуждалась въ немъ; но онъ тотчасъ вспоминалъ, какъ она „фразисто“ себя уморила, и отворачивался. Это „безобразіе“ мѣшало другимъ воспоминаніямъ о ней. Взглянувши мелькомъ на стереоскопъ, ему даже показалось, что она оттого смотрѣла въ сторону, что ей было стыдно. Прямо надъ стереоскопомъ, на стѣнѣ, висѣлъ портретъ его матери. Аратовъ снялъ его съ гвоздя, долго его разсматривалъ, поцѣловалъ и бережно спряталъ въ ящикъ. Отчего онъ это сдѣлалъ? Оттого ли, что тому портрету не слѣдовало находиться въ сосѣдствѣ той женщины... или по другой какой причинѣ—Аратовъ не отдалъ себѣ отчета. Но портретъ матери возбудилъ въ немъ воспоминаніе объ отцѣ... объ отцѣ, котораго онъ видѣлъ умирающимъ въ этой же самой комнатѣ, на этой постели. „Что ты думаешь обо всемъ этомъ, отецъ?—обратился

онъ мысленно къ нему. — Ты все это понималъ; ты тоже вѣрилъ въ шиллеровскій міръ духовъ.—Дай мнѣ совѣтъ!"

— Отецъ далъ бы мнѣ совѣтъ всѣ эти глупости бросить, — промолвилъ Аратовъ громко и взялся за книгу. Читать онъ, однако, долго не могъ и, чувствуя какое-то отяжелѣніе всего тѣла, раньше обыкновеннаго легъ въ постель, въ полной увѣренности, что заснетъ немедленно.

Оно такъ и случилось... но не оправдались его надежды на мирную ночь.

XVII.

Полночь еще не успѣла пробить, какъ ему уже привидѣлся необычайный, угрожающій сонъ.

Ему казалось, что онъ находится въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, котораго онъ былъ хозяиномъ. Онъ недавно купилъ и домъ этотъ, и все прилегавшее къ нему имѣніе. И все ему думается: „хорошо, теперь хорошо, а быть худу!" Возлѣ него вертится маленькій человѣчекъ, его управляющій; онъ все смѣется, кланяется и хочетъ показать Аратову, какъ у него въ домѣ и въ имѣніи все отлично устроено.—Пожалуйте, пожалуйте,—твердитъ онъ, хихикая при каждомъ словѣ:—посмотрите, какъ у васъ все благополучно! Вотъ лошади... экія чудесныя лошади!— И Аратовъ видитъ рядъ громадныхъ лошадей. Онѣ стоятъ къ нему задомъ въ стойлахъ; гривы и хвосты у нихъ удивительные... но какъ только Аратовъ проходитъ мимо, головы лошадей поворачиваются къ нему—и скверно скалятъ зубы.—Хорошо... думаетъ Аратовъ... а быть худу!— Пожалуйте, пожалуйте,—опять твердитъ управляющій:— пожалуйте въ садъ: посмотрите, какія у васъ чудныя яблоки!—Яблоки, точно, чудесныя, красныя, круглыя; но какъ только Аратовъ взглядываетъ на нихъ, они морщатся и падаютъ... „Быть худу", думаетъ онъ.—А вотъ и озеро, — лепечетъ управляющій: — какое оно синее, да гладкое! Вотъ и лодочка золотая... Угодно на ней прокатиться?.. она сама поплыветъ.—„Не сяду!—думаетъ Аратовъ:—быть худу!" и все-таки садится въ лодочку. На днѣ лежитъ, скорчившись, какое-то маленькое существо,

похожее на обезьяну; оно держитъ въ лапахъ склянку съ темной жидкостью.—Не извольте безпокоиться,—кричитъ съ берега управляющій...—Это ничего! Это смерть! Счастливаго пути!—Лодка быстро мчится... но вдругъ налетаетъ вихрь, не въ родѣ вчерашняго, безшумнаго, мягкаго—нѣтъ; черный, страшный, воющій вихрь!—Все мѣшается кругомъ — и среди крутящейся мглы Аратовъ видитъ Клару въ театральномъ костюмѣ: она подноситъ склянку къ губамъ, слышатся отдаленныя: браво! браво!—и чей-то грубый голосъ кричитъ Аратову на ухо:—А! ты думалъ, это все комедіей кончится?—Нѣтъ, это трагедія! трагедія!

Весь трепеща, проснулся Аратовъ. Въ комнатѣ не темно... Откуда-то льется слабый свѣтъ и печально, и неподвижно освѣщаетъ всѣ предметы. Аратовъ не отдаетъ себѣ отчета, откуда льется этотъ свѣтъ... Онъ чувствуетъ одно: Клара здѣсь, въ этой комнатѣ... онъ ощущаетъ ея присутствіе... онъ опять и навсегда въ ея власти!

Изъ губъ его исторгается крикъ:—Клара, ты здѣсь?

— Да! — раздается явственно среди неподвижно освѣщенной комнаты.

Аратовъ беззвучно повторяетъ свой вопросъ...

— Да!—слышится снова.

— Такъ я хочу тебя видѣть!—вскрикиваетъ онъ и соскакиваетъ съ постели.

Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, попирая голыми ногами холодный полъ. Взоры его блуждали: „гдѣ же? гдѣ?“ шептали его губы...

Ничего не видать, не слыхать...

Онъ осмотрѣлся—и замѣтилъ, что слабый свѣтъ, наполнявшій комнату, происходилъ отъ ночника, заслоненнаго листомъ бумаги и поставленнаго въ углу, вѣроятно, Платошей, въ то время, какъ онъ спалъ. Онъ даже почувствовалъ запахъ ладана... тоже, вѣроятно, дѣло ея рукъ.

Онъ поспѣшно одѣлся.—Оставаться въ постели, спать—было немыслимо. Потомъ онъ остановился посреди комнаты и скрестилъ руки. — Ощущеніе присутствія Клары было въ немъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

И вотъ, онъ заговорилъ не громкимъ голосомъ, но съ торжественной медленностью, какъ произносятся заклинанія:

— Клара, — такъ началъ онъ: — если ты точно здѣсь, если ты меня видишь, если ты меня слышишь — явись!.. Если эта власть, которую я чувствую надъ собою—точно *твоя* власть—явись! Если ты понимаешь, какъ горько я раскаиваюсь въ томъ, что не понялъ, что оттолкнулъ тебя—явись! Если то, что я слышалъ—точно твой голосъ; если чувство, которое овладѣло мною—любовь; если ты теперь увѣрена, что я люблю тебя, я, который до сихъ поръ и не любилъ, и не зналъ ни одной женщины; — если ты знаешь, что я послѣ твоей смерти полюбилъ тебя страстно, неотразимо, если ты не хочешь, чтобы я сошелъ съ ума—явись, Клара!

Аратовъ еще не успѣлъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то быстро подошелъ къ нему, сзади — какъ тогда, на бульварѣ — и положилъ ему руку на плечо. Онъ обернулся—и никого не увидѣлъ. Но то ощущеніе *ея* присутствія стало такимъ явственнымъ, такимъ несомнѣннымъ, что онъ опять торопливо оглянулся...

Что это?! На его креслѣ, въ двухъ шагахъ отъ него, сидитъ женщина, вся въ черномъ. Голова отклонена въ сторону, какъ въ стереоскопѣ... Это она! Это Клара! Но какое строгое, какое унылое лицо!

Аратовъ тихо опустился на колѣни. — Да; онъ былъ правъ тогда: ни испуга, ни радости не было въ немъ—ни даже удивленія... Даже сердце его стало тише биться. Одно въ немъ было сознаніе, одно чувство: „А! наконецъ! наконецъ!“

— Клара,—заговорилъ онъ слабымъ, но ровнымъ голосомъ:—отчего ты не смотришь на меня? Я знаю, что это ты... но вѣдь я могу подумать, что мое воображеніе создало образъ, подобный *тому*... (Онъ указалъ рукою въ направленіи стереоскопа)... Докажи мнѣ, что это ты... Обернись ко мнѣ, посмотри на меня, Клара!

Рука Клары медленно приподнялась... и упала снова.

— Клара, Клара! обернись ко мнѣ!

И голова Клары тихо повернулась, опущенныя вѣки раскрылись, и темные зрачки ея глазъ вперились въ Аратова.

Онъ подался немного назадъ — и произнесъ одно протяжное, трепетное:—А!

Клара пристально смотрѣла на него... но ея глаза, ея черты сохранили прежнее задумчиво-строгое, почти недовольное выраженіе. Съ этимъ именно выраженіемъ на лицѣ явилась она на эстраду въ день литературнаго утра— прежде чѣмъ увидала Аратова. И такъ же, какъ въ тотъ разъ, она вдругъ покраснѣла, лицо оживилось, вспыхнулъ взоръ—и радостная, торжествующая улыбка раскрыла ея губы...

— Я прощенъ!—воскликнулъ Аратовъ.—Ты побѣдила... Возьми же меня! Вѣдь я твой—и ты моя!

Онъ ринулся къ ней, онъ хотѣлъ поцѣловать эти улыбающіяся, эти торжествующія губы — и онъ поцѣловалъ ихъ, онъ почувствовалъ ихъ горячее прикосновеніе, онъ почувствовалъ даже влажный холодокъ ея зубовъ—и восторженный крикъ огласилъ полутемную комнату.

Вбѣжавшая Платонида Ивановна нашла его въ обморокѣ. Онъ стоялъ на колѣняхъ; голова его лежала на креслѣ; протянутыя впередъ руки безсильно свисли; блѣдное лицо дышало упоеніемъ безмѣрнаго счастья.

Платонида Ивановна такъ и упала возлѣ него, обняла его станъ, залепетала: — Яша! Яшенька! Яшенёночекъ!— попыталась приподнять его своими костлявыми руками... онъ не шевелился. Тогда Платонида Ивановна принялась кричать не своимъ голосомъ. Вбѣжала служанка. Вдвоемъ онѣ кое-какъ его подняли, усадили, начали прыскать въ него водою—да еще съ образа...

Онъ пришелъ въ себя. Но на разспросы тетки онъ только улыбался—да съ такимъ блаженнымъ видомъ, что она еще пуще перетревожилась — и то его крестила, то себя... Аратовъ, наконецъ, отвелъ ея руку и все съ тѣмъ же блаженнымъ выраженіемъ на лицѣ промолвилъ: — Да Платоша, что съ вами?

— Съ тобой-то что, Яшенька?

— Со мной? Я счастливъ... счастливъ, Платоша... вотъ что со мной. А теперь я желаю лечь, да спать.—Онъ хотѣлъ-было приподняться—но такую почувствовалъ въ ногахъ, да и во всемъ тѣлѣ, слабость, что безъ помощи тетки да служанки не былъ бы въ состояніи раздѣться—и лечь въ постель. Зато онъ заснулъ очень скоро, сохраняя на лицѣ все то же блаженно-восторженное выраженіе. Только лицо его было очень блѣдно.

XVIII.

Когда на слѣдующее утро Платонида Ивановна вошла къ нему—онъ находился все въ томъ же положеніи... но слабость не прошла—и онъ даже предпочелъ остаться въ постели. Блѣдность его лица особенно не понравилась Платонидѣ Ивановнѣ.—Что это, Господи!—думалось ей:—кровинки въ лицѣ нѣтъ, отъ бульона отказывается, лежитъ да посмѣивается — и все увѣряетъ, что здоровехонекъ!—Онъ отказался и отъ завтрака. — Что же это ты, Яша?—спрашивала она его:—такъ весь день и намѣренъ пролежать?—А хоть бы и такъ?—отвѣтилъ ласково Аратовъ. — Самая эта ласковость опять-таки не понравилась Платонидѣ Ивановнѣ. Аратовъ имѣлъ видъ человѣка, который узналъ великую, для него очень пріятную тайну—и ревниво держитъ и храпитъ ее про себя. Онъ дожидался ночи—не то что съ нетерпѣніемъ, а съ любопытствомъ.—Что же далѣе?—спрашивалъ онъ себя:—что будетъ? Изумляться, недоумѣвать онъ пересталъ: онъ не сомнѣвался въ томъ, что вступилъ въ сообщеніе съ Кларой; что они любятъ другъ друга... и въ этомъ онъ не сомнѣвался. Только... что же можетъ выйти изъ такой любви?—Вспоминалъ онъ тотъ поцѣлуй... и чудный холодъ быстро и сладко пробѣгалъ по всѣмъ его членамъ.—„Такимъ поцѣлуемъ, думалось ему, и Ромео и Джульетта не мѣнялись! Но въ другой день я лучше выдержу... Я буду обладать ею... Она придетъ въ вѣнкѣ изъ маленькихъ розъ на черныхъ кудряхъ...“

— Но какъ же дальше? Вѣдь вмѣстѣ жить намъ нельзя

же? Стало-быть, мнѣ придется умереть, чтобы быть вмѣстѣ съ нею? Не за этимъ ли она приходила—и не *такъ* ли она хочетъ меня взять?

— Ну, такъ что же? Умереть — такъ умереть. Смерть теперь не страшитъ меня нисколько. Уничтожить она меня вѣдь не можетъ? Напротивъ, только *такъ* и *тамъ* я буду счастливъ... какъ не былъ счастливъ въ жизни, какъ и она не была... Вѣдь мы оба—нетронутые! — О, этотъ поцѣлуй!

Платонида Ивановна то и дѣло заходила къ Аратову въ комнату; не безпокоила его вопросами—только взглядывала на него, шептала, вздыхала—и уходила опять.— Но вотъ, онъ отказался и отъ обѣда... Это было уже изъ рукъ вонъ плохо. Старушка отправилась за своимъ знакомымъ, участковымъ лѣкаремъ, въ котораго она вѣрила только потому, что человѣкъ онъ былъ непьющій и женился на нѣмкѣ. Аратовъ удивился, когда она привела его къ нему; но Платонида Ивановна такъ настойчиво стала просить своего Яшеньку позволить Парамону Парамонычу (такъ звали лѣкаря) осмотрѣть его — ну, хоть для нея! — что Аратовъ согласился. Парамонъ Парамонычъ пощупалъ у него пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ— кое-что поразспросилъ — и объявилъ, наконецъ, что необходимо нужно его „поавскультировать". Аратовъ былъ въ такомъ повадливомъ настроеніи духа, что и на это согласился. Лѣкарь деликатно обнажилъ его грудь, деликатно постучалъ, послушалъ, похмыкалъ — прописалъ капли да микстуру — а главное: посовѣтовалъ быть спокойнымъ и воздерживаться отъ сильныхъ впечатлѣній.— „Вотъ какъ! — подумалъ Аратовъ... — Ну, братъ, поздно хватился!" — Что такое съ Яшей? — спросила Платонида Ивановна, вручая Парамону Парамонычу на порогѣ двери трехрублевую ассигнацію. Участковый лѣкарь, который, какъ всѣ современные медики, — особенно тѣ изъ нихъ, что мундиръ носятъ,—любилъ пощеголять учеными терминами, объявилъ ей, что у ея племянника всѣ діоптрическіе симптомы нервозной кардіалгіи—да и феб-

рисъ есть. — Ты, однако, батюшка, говори попроще, — отрѣзала Платонида Ивановна:—латынью-то не пугай; ты не въ аптекѣ! — Сердце не въ порядкѣ, — объяснилъ лѣкарь;—ну, и лихорадочка...—и повторилъ свой совѣтъ насчетъ спокойствія и воздержанія. — Да вѣдь опасности нѣтъ?—съ строгостью спросила Платонида Ивановна (смотри-молъ, опять въ латынь не заѣзжай!).—Пока не предвидится!

Лѣкарь ушелъ—а Платонида Ивановна пригорюнилась... однако, послала въ аптеку за лѣкарствомъ, которое Аратовъ не принялъ, несмотря на ея просьбы. Онъ отказался также и отъ грудного чаю. — И чего вы такъ безпокоитесь, голубушка? — говорилъ онъ ей: — увѣряю васъ, я теперь самый здоровый и счастливый человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ! — Платонида Ивановна только головой качала. Къ вечеру съ нимъ сдѣлался небольшой жаръ; и все-таки онъ настоялъ на томъ, чтобы она не оставалась въ его комнатѣ и ушла спать къ себѣ. Платонида Ивановна повиновалась — но не раздѣлась и не легла; сѣла въ кресло—и все прислушивалась, да шептала свою молитву.

Она начала-было дремать, какъ вдругъ страшный, пронзительный крикъ разбудилъ ее. Она вскочила, бросилась въ кабинетъ къ Аратову — и, по-вчерашнему, нашла его лежавшимъ на полу.

Но онъ не пришелъ въ себя по-вчерашнему, какъ ни бились надъ нимъ. Съ нимъ въ ту же ночь сдѣлалась горячка, усложненная воспаленіемъ сердца.

Черезъ нѣсколько дней онъ скончался.

Странное обстоятельство сопровождало его второй обморокъ. Когда его подняли и уложили, въ его стиснутой правой рукѣ оказалась небольшая прядь черныхъ женскихъ волосъ. Откуда взялись эти волосы? У Анны Семеновны была такая прядь, оставшаяся отъ Клары; но съ какой стати было ей отдать Аратову такую для нея дорогую вещь? Развѣ какъ-нибудь въ дневникъ она ее заложила—и не замѣтила, какъ отдала?

Въ предсмертномъ бреду Аратовъ называлъ себя Ро-

мео... послѣ отравы; говорилъ о заключенномъ, о совершенномъ бракѣ; — о томъ, что онъ знаетъ теперь, что такое наслажденіе. Особенно ужасна была для Платоши минута, когда Аратовъ, нѣсколько придя въ себя и увидавъ ее возлѣ своей постели, сказалъ ей:—„Тетя, что ты плачешь? — тому, что я умереть долженъ? Да развѣ ты не знаешь, что любовь сильнѣе смерти?.. Смерть! Смерть, гдѣ жало твое? Не плакать—а радоваться должно—такъ же, какъ и я радуюсь“...

И опять на лицѣ умирающаго засіяла та блаженная улыбка, отъ которой такъ жутко становилось бѣдной старухѣ.

Бужиналь.—Октябрь, 1882.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЪ ПРОЗѢ.

От редакціи „Вѣстника Европы“.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, уступая нашей просьбѣ, далъ намъ свое согласіе подѣлиться съ читателями журнала теперь же, не откладывая,— тѣми мимолетными замѣтками, мыслями, образами, которые отмѣчались у него на листкахъ, подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ текущей жизни, какъ его личной, такъ и общественной, за послѣднія пять лѣтъ. Они не нашли себѣ мѣста, подобно многимъ другимъ, въ тѣхъ уже законченныхъ произведеніяхъ автора, которыя успѣли появиться въ свѣтъ, и образовали изъ себя цѣлую коллекцію; авторъ выбралъ изъ нихъ пока до пятидесяти отрывковъ.

Въ письмѣ къ намъ, сопровождавшемъ печатаемые нами теперь листки, И. С. Тургеневъ въ заключеніе говоритъ:

...„Пусть вашъ читатель не пробѣгаетъ этихъ *стихотвореній въ прозѣ* сподрядъ: ему, вѣроятно, скучно станетъ — и книжка вывалится у него изъ рукъ. Но пусть онъ читаетъ ихъ въ раздробь: сегодня одно, завтра дру-

гое,—и которое-нибудь изъ нихъ, можетъ-быть, заронитъ ему что-нибудь въ душу“...

Листки не имѣютъ общаго заглавія; авторъ на оберткѣ назвалъ ихъ: „Senilia“ — стариковскія;—но мы предпочли невзначай оброненныя авторомъ слова въ вышеприведенномъ заключеніи его письма къ намъ: „Стихотворенія въ прозѣ“,—и печатаемъ листки подъ этимъ именно, общимъ заглавіемъ. Оно, по нашему мнѣнію, вполнѣ выражаетъ какъ источникъ, изъ котораго могли явиться подобныя замѣтки въ душѣ писателя, извѣстнаго своею чуткостью къ разнообразнымъ вопросамъ жизни, такъ и то впечатлѣніе, которое они могутъ произвести на читателя, „заронивъ ему въ душу“ — многое. Это, дѣйствительно, — стихотворенія, несмотря на то, что они написаны въ прозѣ. Помѣщаемъ ихъ — въ хронологическомъ порядкѣ,—начиная съ 1878 года.

М. С.

28 октября, 1882 г.

I.

1878-й годъ.

Деревня.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой—и дёгтемъ маленько — и маленько кожей. — Коноплянники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, къ низу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. — Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба,—синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный, крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, насторожив прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припёкѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ, низко-подпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу,—зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха хозяйка въ новой клѣтчатой паневѣ, въ новыхъ котахъ.

Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ, неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба.—„Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!“

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертой теленокъ.

— Ай да овесъ!—слышится голосъ моего кучера...

О, довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ Святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?

Февраль, 1878.

Разговоръ.

„Ни на Юнгфрау, ни на Финстерааргорнѣ еще не бывало человѣческой ноги!“

Вершины Альпъ... Цѣлая цѣпь крутыхъ уступовъ... Самая сердцевина горъ.

Надъ горами блѣдно-зеленое, свѣтлое, нѣмое небо. Сильный, жесткій морозъ; твердый, искристый снѣгъ; изъ-подъ снѣгу торчатъ суровыя глыбы обледенѣлыхъ, обвѣтренныхъ скалъ.

Двѣ громады, два великана вздымаются по обѣимъ сторонамъ небосклона: *Юнгфрау* и *Финстерааргорнъ*.

И говоритъ Юнгфрау сосѣду: — Что скажешь новаго? тебѣ виднѣй.—Что тамъ, внизу?

Проходитъ нѣсколько тысячъ лѣтъ: одна минута. И грохочетъ въ отвѣтъ Финстерааргорнъ:—Сплошныя облака застилаютъ землю... Погоди!

Проходятъ еще тысячелѣтія: одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Теперь вижу; тамъ, внизу, все то же: пестро, мелко. Воды синѣютъ; чернѣютъ лѣса; сѣрѣютъ груды скученныхъ камней. Около нихъ все еще копошатся козявки, знаешь, тѣ двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

— Люди?

— Да; люди.

Проходятъ тысячи лѣтъ: одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Какъ будто меньше видать козявокъ, — гремитъ Финстерааргорнъ: — яснѣе стало внизу; сузились воды; порѣдѣли лѣса.

Прошли еще тысячи лѣтъ: одна минута.

— Что ты видишь?—говоритъ Юнгфрау.

— Около насъ, вблизи, словно прочистилось, — отвѣчаетъ Финстерааргорнъ: — ну, а тамъ, вдали, по долинамъ есть еще пятна, и шевелится что-то.

— А теперь? — спрашиваетъ Юнгфрау, спустя другія тысячи лѣтъ—одну минуту.

— Теперь хорошо, — отвѣчаетъ Финстерааргорнъ: — опрятно стало вездѣ, бѣло совсѣмъ, куда ни глянь... Вездѣ нашъ снѣгъ, ровный снѣгъ, и ледъ. Застыло все. Хорошо теперь, спокойно.

— Хорошо,—промолвила Юнгфрау.—Однако, довольно мы съ тобой поболтали, старикъ. Пора вздремнуть.

— Пора!

Спятъ громадныя горы; спитъ зеленое, свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей.

Февраль, 1878.

Старуха.

Я шелъ по широкому полю, одинъ.

И вдругъ мнѣ почудились легкіе, осторожные шаги за моей спиною... Кто-то шелъ по моему слѣду.

Я оглянулся—и увидалъ маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную въ сѣрыя лохмотья. Лицо старушки одно виднѣлось изъ-подъ нихъ: желтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

Я подошелъ къ ней... Она остановилась.

— Кто ты? Чего тебѣ нужно? Ты нищая? Ждешь милостыни?

Старушка не отвѣтила. Я наклонился къ ней и замѣтилъ, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, бѣловатой перепонкой или плевой, какая бываетъ у иныхъ птицъ: онѣ защищаютъ ею свои глаза отъ слишкомъ яркаго свѣта.

Но у старушки та плева не двигалась и не открывала зѣницъ... изъ чего я заключилъ, что она слѣпая.

— Хочешь милостыни?— повторилъ я свой вопросъ. —

Зачѣмъ ты идешь за мною?—Но старушка попрежнему не отвѣчала, а только съежилась чуть-чуть.

Я отвернулся отъ нея и пошелъ своей дорогой.

И вотъ, опять слышу я за собою тѣ же легкіе, мѣрные, словно крадущіеся шаги.

— Опять эта женщина!—подумалось мнѣ:—что она ко мнѣ пристала?— Но я тутъ же мысленно прибавилъ:—вѣроятно, она со-слѣпу сбилась съ дороги, идетъ теперь по слуху за моими шагами, чтобы вмѣстѣ со мною выйти въ жилое мѣсто. Да, да; это такъ.

Но странное безпокойство понемногу овладѣло моими мыслями: мнѣ начало казаться, что эта старушка не идетъ только за мною, но что она направляетъ меня, что она меня толкаетъ то направо, то налѣво, и что я невольно повинуюсь ей.

Однако, я продолжаю идти... но вотъ, впереди, на самой моей дорогѣ, что-то чернѣетъ и ширится... какая-то яма... „Могила!“ сверкнуло у меня въ головѣ.—Вотъ куда она толкаетъ меня!

Я круто поворачиваю назадъ. Старуха опять передо мною... но она видитъ! Она смотритъ на меня большими, злыми, зловѣщими глазами... глазами хищной птицы... Я надвигаюсь къ ея лицу, къ ея глазамъ... Опять та же тусклая плева, тотъ же слѣпой и тупой обликъ...

„Ахъ!—думаю я...—эта старуха—моя судьба. Та судьба, отъ которой не уйти человѣку!“

„Не уйти! не уйти!—Что за сумасшествіе... Надо попытаться“. И я бросаюсь въ сторону, по другому направленію.

Я иду проворно... Но легкіе шаги попрежнему шелестятъ за мною, близко, близко... И впереди опять темнѣетъ яма.

Я опять поворачиваю въ другую сторону... И опять тотъ же шелестъ сзади, и то же грозное пятно впереди.

И куда я ни мечусь, какъ заяцъ на угонкахъ... все то же, то же!

„Стой!—думаю я.—Обману жъ я ее! Не пойду я никуда!—и я мгновенно сажусь на землю.

Старуха стоитъ позади, въ двухъ шагахъ отъ меня.— Я ея не слышу, но я чувствую, что она тутъ.

И вдругъ я вижу: то пятно, что чернѣло вдали, плыветъ, ползетъ само ко мнѣ!

Боже! Я оглядываюсь назадъ... Старуха смотритъ прямо на меня—и беззубый ротъ скривленъ усмѣшкой...

— Не уйдешь!

Февраль, 1878.

Собака.

Насъ двое въ комнатѣ: собака моя и я... На дворѣ воетъ страшная буря.

Собака сидитъ передо мною — и смотритъ мнѣ прямо въ глаза.

И я тоже гляжу ей въ глаза.

Она словно хочетъ сказать мнѣ что-то. Она нѣмая, она безъ словъ, она сама себя не понимаетъ — но я ее понимаю.

Я понимаю, что въ это мгновенье и въ ней, и во мнѣ живетъ одно и то же чувство, что между нами нѣтъ никакой разницы. Мы тожественны; въ каждомъ изъ насъ горитъ и свѣтится тотъ же трепетный огонекъ.

Смерть налетитъ, махнетъ своимъ холоднымъ, широкимъ крыломъ...

— И конецъ!

Кто потомъ разберетъ, какой именно въ каждомъ изъ насъ горѣлъ огонекъ?

Нѣтъ! это не животное и не человѣкъ мѣняются взглядами...

Это двѣ пары одинаковыхъ глазъ устремлены другъ на друга.

И въ каждой изъ этихъ паръ, въ животномъ и въ человѣкѣ,—одна и та же жизнь жмется пугливо къ другой.

Февраль, 1878.

Соперникъ.

У меня былъ товарищъ-соперникъ; не по занятіямъ, не по службѣ или любви; но наши воззрѣнія ни въ чемъ

не сходились, и всякій разъ, когда мы встрѣчались, — между нами возникали нескончаемые споры.

Мы спорили обо всемъ: объ искусствѣ, о религіи, о наукѣ, о земной и загробной—особенно о загробной жизни.

Онъ былъ человѣкъ вѣрующій и восторженный. Однажды онъ сказалъ мнѣ: „Ты надо всѣмъ смѣешься; но если я умру прежде тебя, то я явлюсь къ тебѣ съ того свѣта... Увидимъ, засмѣешься ли ты тогда?“

И онъ, точно, умеръ прежде меня, въ молодыхъ лѣтахъ еще будучи; но прошли года—и я позабылъ объ его обѣщаніи—объ его угрозѣ.

Разъ, ночью, я лежалъ въ постели—и не могъ, да и не хотѣлъ заснуть.

Въ комнатѣ не было ни темно, ни свѣтло; я принялся глядѣть въ сѣдой полумракъ.

И вдругъ мнѣ почудилось, что между двухъ оконъ стоитъ мой соперникъ—и тихо, и печально качаетъ сверху внизъ головою.

Я не испугался — даже не удивился... но, приподнявшись слегка и опершись на локоть, сталъ еще пристальнѣе глядѣть на неожиданно появившуюся фигуру.

Тотъ продолжалъ качать головою.

— Что?—промолвилъ я, наконецъ.—Ты торжествуешь? или жалѣешь? — Что это: предостереженіе или упрекъ?.. Или ты мнѣ хочешь дать понять, что ты былъ неправъ? что мы оба неправы? Что ты испытываешь? Муки ли ада? Блаженство ли рая? Промолви хоть слово!

Но мой соперникъ не издалъ ни единаго звука — и только попрежнему печально и покорно качалъ головою— сверху внизъ.

Я засмѣялся... онъ исчезъ.

Февраль, 1878.

Нищій.

Я проходилъ по улицѣ... меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ.

Воспаленные, слезливые глаза, посинѣлыя губы, шер-

шавыя лохмотья, нечистыя раны... О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо!

Онъ протягивалъ мнѣ красную, опухшую, грязную руку... Онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи.

Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ... Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка... Я ничего не взялъ съ собою.

А нищій все ждалъ... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку... „Не взыщи, братъ; нѣтъ у меня ничего, братъ".

Нищій уставилъ на меня свои воспаленные глаза; его синія губы усмѣхнулись—и онъ въ свою очередь стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы.

— Что же, братъ,—прошамкалъ онъ:—и на томъ спасибо.—Это тоже подаяніе, братъ.

Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата.

Февраль, 1878 г.

„Услышишь судъ глупца"...

Пушкинъ.

„Услышишь судъ глупца"... Ты всегда говорилъ правду, великій нашъ пѣвецъ; ты сказалъ ее и на этотъ разъ.

„Судъ глупца и смѣхъ толпы"... Кто не извѣдалъ и того, и другого?

Все это можно — и должно переносить; а кто въ силахъ—пусть презираетъ!

Но есть удары, которые больнѣе бьютъ по самому сердцу... Человѣкъ сдѣлалъ все, что могъ; работалъ усиленно, любовно, честно... И честныя души гадливо отворачиваются отъ него; честныя лица загораются негодованіемъ при его имени. „Удались! Ступай вонъ!" — кричатъ ему честные, молодые голоса. — „Ни ты намъ не нуженъ, ни твой трудъ, ты оскверняешь наше жилище — ты насъ не знаешь и не понимаешь... Ты нашъ врагъ!"

Что тогда дѣлать этому человѣку? Продолжать тру-

диться, не пытаться оправдываться—и даже не ждать болѣе справедливой оцѣнки.

Нѣкогда землепашцы проклинали путешественника, принесшаго имъ картофель, замѣну хлѣба, ежедневную пищу бѣдняка... Они выбивали изъ протянутыхъ къ нимъ рукъ драгоцѣнный даръ, бросали его въ грязь, топтали ногами.

Теперь они питаются имъ—и даже не вѣдаютъ имени своего благодѣтеля.

Пускай! На что имъ его имя? Онъ, и безымянный, спасаетъ ихъ отъ голода.

Будемъ стараться только о томъ, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей.

Горька неправая укоризна въ устахъ людей, которыхъ любишь... Но перенести можно и это...

„Бей меня! но выслушай!“ — говорилъ аѳинскій вождь спартанскому.

„Бей меня—но будь здоровъ и сытъ!“ — должны говорить мы.

Февраль, 1878.

Довольный человѣкъ.

По улицѣ столицы мчится въ припрыжку молодой еще человѣкъ. — Его движенья веселы, бойки; глаза сіяютъ, ухмыляются губы, пріятно алѣетъ умиленное лицо... Онъ весь—довольство и радость.

Что съ нимъ случилось? Досталось ли ему наслѣдство? Повысили ли его чиномъ? Спѣшитъ ли онъ на любовное свиданіе? Или просто — онъ хорошо позавтракалъ, — и чувство здоровья, чувство сытой силы взыграло во всѣхъ его членахъ? Ужъ не возложили ли на его шею твой красивый осьмиугольный крестъ, о, польскій король Станиславъ!

Нѣтъ. Онъ сочинилъ клевету на знакомаго, распространилъ ее тщательно, услышалъ ее, эту самую клевету, изъ устъ другого знакомаго—и *самъ ей повѣрилъ.*

О, какъ доволенъ, какъ даже добръ въ эту минуту этотъ милый, многообѣщающій молодой человѣкъ!

Февраль, 1878.

Житейское правило.

— Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику,—говорилъ мнѣ одинъ старый пройдоха:—то упрекайте его въ томъ самомъ недостаткѣ или порокѣ, который вы за собою чувствуете.—Негодуйте... и упрекайте!

Во-первыхъ—это заставитъ другихъ думать, что у васъ этого порока нѣтъ.

Во-вторыхъ — негодованіе ваше можетъ даже быть искреннимъ... Вы можете воспользоваться укорами собственной совѣсти.

Если вы, напримѣръ, ренегатъ—упрекайте противника въ томъ, что у него нѣтъ убѣжденій!

Если вы сами лакей въ душѣ — говорите ему съ укоризной, что онъ лакей... лакей цивилизаціи, Европы, соціализма!

— Можно даже сказать: лакей безлакейства!—замѣтилъ я.

— И это можно,—подхватилъ пройдоха.

Февраль, 1878.

Конецъ свѣта.

Сонъ.

Чудилось мнѣ, что я нахожусь гдѣ-то въ Россіи, въ глуши, въ простомъ деревенскомъ домѣ.

Комната большая, низкая, въ три окна; стѣны вымазаны бѣлой краской; мебели нѣтъ. Передъ домомъ голая равнина; постепенно понижаясь, уходитъ она въ даль; сѣрое, одноцвѣтное небо виситъ надъ нею, какъ пологъ.

Я не одинъ; человѣкъ десять со мною въ комнатѣ. Люди все простые, просто одѣтые; они ходятъ вдоль и поперекъ, молча, словно крадучись. Они избѣгаютъ другъ друга — и, однако, безпрестанно мѣняются тревожными взорами.

Ни одинъ не знаетъ, зачѣмъ онъ попалъ въ этотъ домъ и что за люди съ нимъ? На всѣхъ лицахъ безпокойство и унылость... всѣ поочередно подходятъ къ ок-

намъ и внимательно оглядываются, какъ бы ожидая чего-то извнѣ.

Потомъ опять принимаются бродить вдоль и поперекъ. Между нами вертится небольшого росту мальчикъ; отъ времени до времени онъ пищитъ тонкимъ, однозвучнымъ голосомъ: „Тятенька, боюсь!"—Мнѣ тошно на сердцѣ отъ этого писку—и я тоже начинаю бояться... чего? не знаю самъ. Только я чувствую: идетъ и близится большая, большая бѣда.

А мальчикъ нѣтъ-нѣтъ — да запищитъ. Ахъ, какъ бы уйти отсюда! Какъ душно! Какъ томно! какъ тяжело... Но уйти невозможно.

Это небо — точно саванъ. И вѣтра нѣтъ... Умеръ воздухъ, что ли?

Вдругъ мальчикъ подскочилъ къ окну и закричалъ тѣмъ же жалобнымъ голосомъ: „Гляньте! гляньте! земля провалилась!"

— „Какъ? провалилась?" —Точно: прежде передъ домомъ была равнина—а теперь онъ стоитъ на вершинѣ страшной горы!— Небосклонъ упалъ, ушелъ внизъ — а отъ самаго дома спускается почти отвѣсная, точно разрытая, черная кручь.

Мы всѣ столпились у окна... Ужасъ леденитъ наши сердца.—„Вотъ оно... вотъ оно!" шепчетъ мой сосѣдъ.

И вотъ, вдоль всей далекой земной грани зашевелилось что-то, стали подниматься и падать какіе-то небольшіе, кругловатые бугорки.

„Это—море!" подумалось всѣмъ намъ въ одно и то же мгновеніе.—„Оно сейчасъ насъ всѣхъ затопитъ... Только какъ же оно можетъ рости и подниматься вверхъ? На эту кручь?"

И однако, оно ростетъ, ростетъ громадно... Это уже не отдѣльные бугорки мечутся вдали... Одна сплошная, чудовищная волна обхватываетъ весь кругъ небосклона.

Она летитъ, летитъ на насъ!—Морознымъ вихремъ несется она, крутится тьмой кромѣшной. Все задрожало вокругъ—а тамъ, въ этой налетающей громадѣ,—и трескъ, и громъ, и тысячегортанный, желѣзный лай...

Га! Какой ревъ и вой! Это земля завыла отъ страха... Конецъ ей! Конецъ всему!

Мальчикъ пискнулъ еще разъ... Я хотѣлъ-было ухватиться за товарищей—но мы уже всѣ раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, какъ чернила черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота... темнота вѣчная!

Едва переводя дыханіе, я проснулся.

Мартъ, 1878.

Маша.

Проживая—много лѣтъ тому назадъ — въ Петербургѣ, я, всякій разъ, какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Особенно любилъ я бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными подгородными крестьянами, прибывавшими въ столицу съ окрашенными вохрой санишками, и плохой клячонкой—въ надеждѣ и самимъ прокормиться, и собрать на оброкъ господамъ.

Вотъ, однажды нанялъ я такого извозчика... Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ-молодцомъ; глаза голубые, щеки румяныя; русые волосы вьются колечками изъ-подъ надвинутой на самыя брови заплатанной шапоньки.—И какъ только налѣзъ этотъ рваный армячишка на эти богатырскія плечи!

Однако, красивое, безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ.

Разговорился я съ нимъ. И въ голосѣ его слышалась печаль.

— Что, братъ?—спросилъ я его.—Отчего ты не веселъ? Али горе есть какое?

Парень не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ.

— Есть, баринъ, есть,— промолвилъ онъ, наконецъ. — Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любилъ... Жену-то свою?

Парень не обернулся ко мнѣ; только голову наклонилъ немного.

— Любилъ, баринъ. Восьмой мѣсяцъ пошелъ... а не могу забыть. Гложетъ мнѣ сердце... да и ну! И съ чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая!.. Въ единъ день холера порѣшила.

— И добрая она была у тебя?

— Ахъ, баринъ!—тяжело вздохнулъ бѣднякъ.—И какъ же дружно мы жили съ ней! Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что ее, значитъ, уже похоронили, — сейчасъ въ деревню поспѣшилъ, домой. Пріѣхалъ—а ужъ за-полночь стало. Вошелъ я къ себѣ въ избу, остановился по серёдкѣ, и говорю такъ-то тихохонько: „Маша! а Маша!“ Только сверчокъ трещитъ.—Заплакалъ я тутотка, сѣлъ на избяной полъ—да ладонью по землѣ какъ хлопну! — Ненасытная, говорю, утроба!.. Сожрала ты ее... сожри жъ и меня!—Ахъ, Маша!

— Маша! — прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ. И не выпуская изъ рукъ веревочныхъ вожжей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, стряхнулъ ее, сбросилъ въ сторону, повелъ плечами—и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Слѣзая съ саней, я далъ ему лишній пяти-алтынный.— Онъ поклонился мнѣ низехонько, взявшись обѣими руками за шапку—и поплелся шажкомъ по снѣжной скатерти пустынной улицы, залитой сѣдымъ туманомъ январскаго мороза.

Апрѣль, 1878.

Дуракъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ дуракъ.

Долгое время онъ жилъ припѣваючи; но понемногу стали доходить до него слухи, что онъ всюду слыветъ за безмозглаго пошлеца.

Смутился дуракъ и началъ печалиться о томъ, какъ бы прекратить тѣ непріятные слухи?

Внезапная мысль озарила, наконецъ, его темный умишко... И онъ, нимало не медля, привелъ ее въ исполненіе.

Встрѣтился ему на улицѣ знакомый—и принялся хвалить извѣстнаго живописца...

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — Живописецъ этотъ давно сданъ въ архивъ... Вы этого не знаете?—Я отъ васъ этого не ожидалъ... Вы—отсталый человѣкъ.

Знакомый испугался — и тотчасъ согласился съ дуракомъ.

— Какую прекрасную книгу я прочелъ сегодня!—говорилъ ему другой знакомый.

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — Какъ вамъ не стыдно? Никуда эта книга не годится; всѣ на нее давно махнули рукою. — Вы этого не знаете? — Вы—отсталый человѣкъ.

И этотъ знакомый испугался — и согласился съ дуракомъ.

— Что за чудесный человѣкъ мой другъ N. N.!—говорилъ дураку третій знакомый.—Вотъ истинно благородное существо!

— Помилуйте!—воскликнулъ дуракъ.—N. N. завѣдомый подлецъ! Родню всю ограбилъ. Кто жъ этого не знаетъ? Вы—отсталый человѣкъ!

Третій знакомый тоже испугался и согласился съ дуракомъ, отступился отъ друга. И кого бы, что бы ни хвалили при дуракѣ—у него на все была одна отповѣдь.

Развѣ иногда прибавитъ съ укоризной:—А вы все еще вѣрите въ авторитеты?

„Злюкъ! Желчевикъ!“ начинали толковать о дуракѣ его знакомые.—„Но какая голова!“

„И какой языкъ!“ — прибавляли другіе. — „О, да онъ талантъ!“

Кончилось тѣмъ, что издатель одной газеты предложилъ дураку завѣдывать у него критическимъ отдѣломъ.

И дуракъ сталъ критиковать все и всѣхъ, нисколько не мѣняя манеры своей, ни своихъ восклицаній.

Теперь онъ, кричавшій нѣкогда противъ авторитетовъ,—самъ авторитетъ,—а юноши передъ нимъ благоговѣютъ—и боятся его.

Да и какъ имъ быть, бѣднымъ юношамъ?—Хоть и не слѣдуетъ—вообще говоря—благоговѣть... но тутъ, поди, не возблагоговѣй—въ отсталые люди попадешь!

Житье дуракамъ между трусами.

Апрѣль, 1878.

Восточная легенда.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ великаго Джіаффара, солнца вселенной?

Однажды — много лѣтъ тому назадъ — онъ былъ еще юношей, — прогуливался Джіаффаръ въ окрестностяхъ Багдада.

Вдругъ до слуха его долетѣлъ хриплый крикъ: кто-то отчаянно взывалъ о помощи.

Джіаффаръ отличался между своими сверстниками благоразуміемъ и обдуманностью; но сердце у него было жалостливое—и онъ надѣялся на свою силу.

Онъ побѣжалъ на крикъ и увидѣлъ дряхлаго старика, притиснутаго къ городской стѣнѣ двумя разбойниками, которые его грабили.

Джіаффаръ выхватилъ свою саблю и напалъ на злодѣевъ: одного убилъ, другого прогналъ.

Освобожденный старецъ палъ къ ногамъ своего избавителя и, облобызавъ край его одежды, воскликнулъ: „Храбрый юноша, твое великодушіе не останется безъ награды. На видъ я—убогій нищій; но только на видъ. Я человѣкъ не простой.—Приходи завтра, раннимъ утромъ, на главный базаръ; я буду ждать тебя у фонтана—и ты убѣдишься въ справедливости моихъ словъ“.

Джіаффаръ подумалъ: „На видъ человѣкъ этотъ нищій, точно; однако—всяко бываетъ. Отчего не попытаться?“— и отвѣчалъ: „хорошо, отецъ мой, приду“.

Старикъ взглянулъ ему въ глаза—и удалился.

На другое утро, чуть забрезжилъ свѣтъ, Джіаффаръ отправился на базаръ. Старикъ уже ожидалъ его, облокотясь на мраморную чашу фонтана.

Молча взялъ онъ Джіаффара за руку и привелъ его въ небольшой садъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими стѣнами.

По самой серединѣ этого сада, на зеленой лужайкѣ, росло дерево необычайнаго вида.

Оно походило на кипарисъ; только листва на немъ была лазореваго цвѣта.

Три плода—три яблока—висѣло на тонкихъ, къ верху загнутыхъ вѣткахъ:—одно, средней величины, продолговатое, молочно-бѣлое; другое, большое, круглое, ярко-красное; третье, маленькое, сморщенное, желтоватое.

Все дерево слабо шумѣло, хоть и не было вѣтра. Оно звенѣло тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближеніе Джіаффара.

„Юноша“ — промолвилъ старецъ. — „Сорви любой изъ этихъ плодовъ и знай: сорвешь и съѣшь бѣлый—будешь умнѣе всѣхъ людей; сорвешь и съѣшь красный—будешь богатъ, какъ еврей Ротшильдъ; сорвешь и съѣшь желтый—будешь нравиться старымъ женщинамъ. Рѣшайся!.. и не мѣшкай. Черезъ часъ и плоды завянутъ, и само дерево уйдетъ въ нѣмую глубь земли!“

Джіаффаръ понурилъ голову—и задумался.—„Какъ тутъ поступить?“ — произнесъ онъ вполголоса, какъ бы разсуждая самъ съ собою.—„Сдѣлаешься слишкомъ умнымъ—пожалуй, жить не захочется; сдѣлаешься богаче всѣхъ людей—будутъ всѣ тебѣ завидовать; лучше же я сорву и съѣмъ третье, сморщенное яблоко!“

Онъ такъ и поступилъ; а старецъ засмѣялся беззубымъ смѣхомъ и промолвилъ: „О, мудрѣйшій юноша! Ты избралъ благую часть! — На что тебѣ бѣлое яблоко? Ты и такъ умнѣе Соломона.—Красное яблоко также тебѣ не нужно... И безъ него ты будешь богатъ. Только богатству твоему никто завидовать не станетъ“.

— Повѣдай мнѣ, старецъ,—промолвилъ, встрепенувшись, Джіаффаръ: — гдѣ живетъ почтенная мать нашего богоспасаемаго халифа?

Старикъ поклонился до земли — и указалъ юношѣ дорогу.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ солнца вселенной, великаго, знаменитаго Джіаффара?

Апрѣль, 1878.

Два четверостишія.

Существовалъ нѣкогда городъ, жители котораго до того страстно любили поэзію, что если проходило нѣсколько недѣль и не появлялось новыхъ прекрасныхъ стиховъ— они считали такой поэтическій неурожай общественнымъ бѣдствіемъ.

Они надѣвали тогда свои худшія одежды, посыпали пепломъ головы — и, собираясь толпами на площадяхъ, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую ихъ.

Въ одинъ подобный злополучный день молодой поэтъ Юній появился на площади, переполненной скорбѣвшимъ народомъ.

Проворными шагами взобрался онъ на особенно-устроенный амвонъ — и подалъ знакъ, что желаетъ произнести стихотвореніе.

Ликторы тотчасъ замахали жезлами. „Молчаніе! вниманіе!“ зычно возопили они—и толпа затихла, выжидая.

— Друзья! Товарищи!—началъ Юній громкимъ, но не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

„Друзья! Товарищи! Любители стиховъ!
Поклонники всего, что стройно и красиво!
Да не смущаетъ васъ мгновенье грусти темной!
Придетъ желанный мигъ... и свѣтъ разсѣетъ тьму“.

Юній умолкъ... а въ отвѣтъ ему, со всѣхъ концовъ площади, поднялся гамъ, свистъ, хохотъ.

Всѣ обращенныя къ нему лица пылали негодованіемъ, всѣ глаза сверкали злобой, всѣ руки поднимались, угрожали, сжимались въ кулаки.

— Чѣмъ вздумалъ удивить!—ревѣли сердитые голоса.— Долой съ амвона бездарнаго риѳмоплета! Вонъ дурака! Гнилыми яблоками, тухлыми яйцами шута гороховаго! Подайте камней! Камней сюда!

Кубаремъ скатился съ амвона Юній... но онъ еще не успѣлъ прибѣжать къ себѣ домой, — какъ до слуха его долетѣли раскаты восторженныхъ рукоплесканій, хвалебныхъ возгласовъ и кликовъ.

Исполненный недоумѣнья, стараясь, однако, не быть замѣченнымъ (ибо опасно раздражать залютѣвшаго звѣря)— возвратился Юній на площадь!

И что же онъ увидѣлъ?

Высоко надъ толпою, надъ ея плечами, стоялъ на золотомъ плоскомъ щитѣ, облеченный пурпурной хламидой, съ лавровымъ вѣнкомъ на взвившихся кудряхъ, стоялъ его соперникъ, молодой поэтъ Юлій... А народъ вопилъ кругомъ: „Слава! Слава! Слава безсмертному Юлію! Онъ утѣшилъ насъ въ нашей печали, въ нашемъ горѣ великомъ! Онъ подарилъ насъ стихами слаще меду, звучнѣе кимвала, душистѣе розы, чище небесной лазури! Несите его съ торжествомъ, обдавайте его вдохновенную голову мягкой волной ѳиміама, прохлаждайте его чело мѣрнымъ колебаніемъ пальмовыхъ вѣтвей, расточайте у ногъ его всѣ благовонія аравійскихъ миррь! Слава!“

Юній приблизился къ одному изъ славословящихъ. — Повѣдай мнѣ, о, мой согражданинъ! какими стихами осчастливилъ васъ Юлій?— Увы! меня не было на площади, когда онъ произнесъ ихъ! Повтори ихъ, если ты ихъ запомнилъ, сдѣлай милость!

— Такіе стихи—да не запомнить?—ретиво отвѣтствовалъ вопрошенный. — За кого жъ ты меня принимаешь? Слушай—и ликуй, ликуй вмѣстѣ съ нами!

„Любители стиховъ!“ — такъ началъ божественный Юлій...

„Любители стиховъ! Товарищи! Друзья!
Поклонники всего, что стройно, звучно, нѣжно!
Да не смущаетъ васъ мгновенье скорби тяжкой!
Желанный мигъ придетъ—и день прогонитъ ночь!“

— Каково?

— Помилуй! — возопилъ Юній: — да это мои стихи!— Юлій, должно-быть, находился въ толпѣ, когда я произнесъ ихъ—онъ услышалъ и повторилъ ихъ, едва измѣнивъ—и ужъ, конечно, не къ лучшему,—нѣсколько выраженій!

— Ага! Теперь я узнаю тебя... Ты Юній,—возразилъ, насупивъ брови, остановленный имъ гражданинъ. — За-

вистникъ или глупецъ!.. вообрази только одно, несчастный! У Юлія какъ возвышенно сказано: „И день прогонитъ ночь!..“ А у тебя—чепуха какая-то: „И свѣтъ разсѣетъ тьму!?“—Какой свѣтъ?! Какую тьму?!

— Да развѣ это не все едино...—началъ-было Юній...

— Прибавь еще слово, — перебилъ его гражданинъ:— я крикну народу... и онъ тебя растерзаетъ!

Юній благоразумно умолкъ, а слышавшій его разговоръ съ гражданиномъ сѣдовласый старецъ подошелъ къ бѣдному поэту и, положивъ ему руку на плечо, промолвилъ:

— Юній! Ты сказалъ свое—да не во-время; а тотъ не свое сказалъ—да во-время.—Слѣдовательно, онъ правъ— а тебѣ остаются утѣшенія собственной твоей совѣсти.

Но пока совѣсть—какъ могла и какъ умѣла... довольно плохо, правду сказать—утѣшала прижавшагося къ сторонкѣ Юнія—вдали, среди грома и плеска ликованій, въ золотой пыли всепобѣднаго солнца, блистая пурпуромъ, темнѣя лавромъ сквозь волнистыя струи обильнаго ѳиміама, съ величественной медленностью, подобно царю, шествующему на царство, плавно двигалась гордо-выпрямленная фигура Юлія... и длинныя вѣтви пальмъ поочередно склонялись передъ нимъ, какъ бы выражая своимъ тихимъ вздыманьемъ, своимъ покорнымъ наклономъ — то непрестанно возобновлявшееся обожаніе, которое переполняло сердца очарованныхъ имъ согражданъ!

Апрѣль, 1878.

Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва прораставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ

вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой— и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И, все-таки, онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса — и удалился, благоговѣя.

Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти.— Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрѣль, 1878.

Черепья.

Роскошная, пышно-освѣщенная зала; множество кавалеровъ и дамъ.

Всѣ лица оживлены, рѣчи бойки... Идетъ трескучій разговоръ объ одной извѣстной пѣвицѣ. Ее величаютъ божественной, безсмертной... О, какъ хорошо пустила она вчера свою послѣднюю трель!

И вдругъ — словно по манію волшебнаго жезла — со всѣхъ головъ и со всѣхъ лицъ слетѣла тонкая шелуха кожи — и мгновенно выступила наружу мертвенная бѣлизна черепьевъ, зарябили синеватымъ оловомъ обнаженныя десны и скулы.

Съ ужасомъ глядѣлъ я, какъ двигались и шевелились эти десны и скулы — какъ поворачивались, лоснясь при свѣтѣ лампъ и свѣчей, эти шишковатые, костяные шары—

и какъ вертѣлись въ нихъ другіе, меньшіе шары—шары обезсмысленныхъ глазъ.

Я не смѣлъ прикоснуться къ собственному лицу, не смѣлъ взглянуть на себя въ зеркало.

А черѐнья поворачивались попрежнему... И съ прежнимъ трескомъ, мелькая красными лоскуточками изъ-за оскаленныхъ зубовъ, проворные языки лепетали о томъ, какъ удивительно, какъ неподражаемо безсмертная... да, безсмертная пѣвица пустила свою послѣднюю трель!

Апрѣль, 1878.

Чернорабочій и Бѣлоручка.

Разговоръ.

Чернорабочій.

Что ты къ намъ лѣзешь? Чего тебѣ надо? Ты не нашъ... Ступай прочь!

Бѣлоручка.

Я вашъ, братцы!

Чернорабочій.

Какъ бы не такъ: нашъ! Что выдумалъ! Посмотри хоть на мои руки. Видишь, какія онѣ грязныя? И навозомъ отъ нихъ несетъ, и дегтемъ, — а твои, вонъ, руки бѣлыя. И чѣмъ отъ нихъ пахнетъ?

Бѣлоручка—*подавая свои руки.*

Понюхай.

Чернорабочій—*понюхавъ руки.*

Что за притча? Словно желѣзомъ отъ нихъ отдаетъ.

Бѣлоручка.

Желѣзомъ и есть. Цѣлыхъ шесть лѣтъ я на нихъ носилъ кандалы.

Чернорабочій.

А за что же это?

Бѣлоручка.

А за то, что я о вашемъ же добрѣ заботился, хотѣлъ освободить васъ, сѣрыхъ, темныхъ людей, возставалъ противъ притѣснителей вашихъ, бунтовалъ... Ну, меня и засадили.

Чернорабочій.

Засадили? Вольно жъ тебѣ было бунтовать!

Два года спустя.

Тотъ же чернорабочій—*другому.*

Слышь, Петра!.. Помнишь, позапрошлымъ лѣтомъ одинъ такой бѣлоручка съ тобой бесѣдовалъ?

Другой чернорабочій.

Помню... а что?

Первый чернорабочій.

Его сегодня слышь, повѣсятъ; такой приказъ вышелъ.

Второй чернорабочій.

Все бунтовалъ?

Первый чернорабочій.

Все бунтовалъ.

Второй чернорабочій.

Да... Ну, вотъ что, братъ Митрій: нельзя ли намъ той самой веревочки раздобыть, на которой его вѣшать будутъ? говорятъ, ба-альшое счастье отъ этого въ дому бываетъ!

Первый чернорабочій.

Это ты справедливо. Надо попытаться, братъ Пётра.

Апрѣль, 1878.

Роза.

Послѣдніе дни августа... Осень уже наступала.

Солнце садилось. Внезапный, порывистый ливень, безъ грому и безъ молній, только-что промчался надъ нашей широкой равниной.

Садъ передъ домомъ горѣлъ и дымился, весь залитый пожаромъ зари и потопомъ дождя.

Она сидѣла за столомъ въ гостиной и съ упорной задумчивостью глядѣла въ садъ сквозь полураскрытую дверь.

Я зналъ, что свершалось тогда въ ея душѣ; я зналъ, что послѣ недолгой, хоть и мучительной борьбы, она въ этотъ самый мигъ отдавалась чувству, съ которымъ уже не могла болѣе сладить.

Вдругъ она поднялась, проворно вышла въ садъ и скрылась.

Пробилъ часъ... пробилъ другой; она не возвращалась.

Тогда я всталъ, и выйдя изъ дому, отправился по аллеѣ, по которой—я въ томъ не сомнѣвался—пошла и она.

Все потемнѣло вокругъ; ночь уже надвинулась. Но на сыромъ песку дорожки, ярко алѣя даже сквозь разлитую мглу, виднѣлся кругловатый предметъ.

Я наклонился. То была молодая, чуть распустившаяся роза. Два часа тому назадъ, я видѣлъ эту самую розу на ея груди.

Я бережно поднялъ упавшій въ грязь цвѣтокъ и, вернувшись въ гостиную, положилъ его на столъ, передъ ея кресломъ.

Вотъ, и она вернулась наконецъ — и, легкими шагами пройдя всю комнату, сѣла за столъ.

Ея лицо и поблѣднѣло, и ожило; быстро, съ веселымъ смущеньемъ, бѣгали по сторонамъ опущенные какъ бы уменьшенные глаза.

Она увидала розу, схватила ее, взглянула на ея измятые, запачканные лепестки, взглянула на меня—и глаза ея, внезапно остановившись, засіяли слезами.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ я.

— Да вотъ, объ этой розѣ. Посмотрите, что съ ней сталось.

Тутъ я вздумалъ выказать глубокомысліе.

— Ваши слезы смоютъ эту грязь, — промолвилъ я съ значительнымъ выраженіемъ.

— Слезы не моютъ, слезы жгутъ, — отвѣчала она и, обернувшись къ камину, бросила цвѣтокъ въ умиравшее пламя.

— Огонь сожжетъ еще лучше слезъ,—воскликнула она не безъ удали,—и прекрасные глаза, еще блестѣвшіе отъ слезъ, засмѣялись дерзостно и счастливо.

Я понялъ, что и она была сожжена.

Апрѣль, 1878.

Памяти Ю. П. Вревской.

На грязи, на вонючей сырой соломѣ, подъ навѣсомъ ветхаго сарая, на скорую руку превращеннаго въ поход-

ный военный госпиталь, въ разоренной болгарской деревушкѣ—слишкомъ двѣ недѣли умирала она отъ тифа.

Она была въ безпамятствѣ — и ни одинъ врачъ даже не взглянулъ на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногахъ, — поочередно поднимались съ своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы поднести къ ея запекшимся губамъ нѣсколько капель воды въ черепкѣ разбитаго горшка.

Она была молода, красива; высшій свѣтъ ее зналъ; объ ней освѣдомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человѣка тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалася; но бываютъ улыбки хуже слезъ.

Нѣжное, кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! — Помогать нуждающимся въ помощи... она не вѣдала другого счастія... не вѣдала—и не извѣдала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она съ этимъ давно помирилась—и, вся пылая огнемъ неугасимой вѣры, отдалась па служеніе ближнимъ.

Какіе завѣтные клады схоронила она тамъ, въ глубинѣ души, въ самомъ ея тайникѣ—никто не зналъ никогда—а теперь, конечно, не узнаетъ.

Да и къ чему? Жертва принесена... дѣло сдѣлано.

Но горестно думать, что никто не сказалъ спасибо даже ея трупу—хоть она сама и стыдилась, и чуждалась всякаго спасибо.

Пусть же не оскорбится ея милая тѣнь этимъ позднимъ цвѣткомъ, который я осмѣливаюсь возложить на ея могилу!

Сентябрь, 1878.

Послѣднее свиданіе.

Мы были когда-то короткими, близкими друзьями... Но насталъ недобрый мигъ—и мы разстались какъ враги.

Прошло много лѣтъ... И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ—и желаетъ видѣться со мною.

Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату... Взоры наши встрѣтились.

Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ!

Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, парочно изрѣзанной рубахѣ... Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно-худую, словно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ—привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли — кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась — и на съёженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки.

Сердце во мнѣ упало...—Я сѣлъ на стулъ возлѣ него— и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку.

Но мнѣ почудилось, что не его рука взялась за мою.

Мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая, бѣлая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы...

Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила насъ.

Да... Смерть насъ примирила...

Апрѣль, 1878.

Посѣщеніе.

Я сидѣлъ у раскрытаго окна... утромъ, раннимъ утромъ перваго мая.

Заря еще не занималась; но уже блѣднѣла, уже холодѣла темная, теплая ночь.

Туманъ не вставалъ, не бродилъ вѣтерокъ, все было одноцвѣтно и безмолвно... но чуялась близость пробужденія — и въ порѣдѣвшемъ воздухѣ пахло жёсткой сыростью росы.

Вдругъ, въ мою комнату, сквозь раскрытое окно, легко позванивая и шурша, влетѣла большая птица.

Я вздрогнулъ, вглядѣлся... То была не птица, то была

крылатая, маленькая женщина, одѣтая въ тѣсное, длинное, къ низу волнистое платье.

Вся она была сѣрая, перламутроваго цвѣта; одна лишь внутренняя сторона ея крылышекъ алѣла нѣжной алостью распускающейся розы; вѣнокъ изъ ландышей охватывалъ разбросанныя кудри круглой головки,—и, подобныя усикамъ бабочки, два павлиныхъ пера забавно колебались надъ красивымъ, выпуклымъ лобикомъ.

Она пронеслась раза два подъ потолкомъ; ея крошечное лицо смѣялось; смѣялись также огромные, черные, свѣтлые глаза.

Веселая рѣзвость прихотливаго полета дробила ихъ алмазные лучи.

Она держала въ рукѣ длинный стебель степного цвѣтка: „царскимъ жезломъ“ зовутъ его русскіе люди,—онъ и то похожъ на скипетръ.

Стремительно пролетая надо мною, коснулась она моей головы тѣмъ цвѣткомъ.

Я рванулся къ ней... Но она уже выпорхнула изъ окна—и умчалась...

Въ саду, въ глуши сиреневыхъ кустовъ, горлинка встрѣтила ее первымъ воркованьемъ — а тамъ, гдѣ она скрылась, молочно-бѣлое небо тихонько закраснѣлось.

Я узналъ тебя, богиня фантазіи! Ты посѣтила меня случайно—ты полетѣла къ молодымъ поэтамъ.

О, поэзія! Молодость! Женская, дѣвственная красота! Вы только на мигъ можете блеснуть передо мною — раннимъ утромъ ранней весны!

Май, 1878.

Necessitas—Vis—Libertas.

Барельефъ.

Высокая, костлявая старуха, съ желѣзнымъ лицомъ и неподвижно-тупымъ взоромъ, идетъ большими шагами, и сухою, какъ палка, рукою толкаетъ передъ собою другую женщину.

Женщина эта огромнаго росту, могучая, дебелая, съ

мышцами, какъ у Геркулеса, съ крохотной головкой на бычачьей шеѣ—и слѣпая—въ свою очередь, толкаетъ небольшую, худенькую дѣвочку.

У одной этой дѣвочки зрячіе глаза; она упирается, оборачивается назадъ, поднимаетъ тонкія, красивыя руки; ея оживленное лицо выражаетъ нетерпѣніе и отвагу... Она не хочетъ слушаться, она не хочетъ идти, куда ее толкаютъ... и, все-таки, должна повиноваться и идти.

NECESSITAS—VIS—LIBERTAS.

Кому угодно—пусть переводитъ.

Май, 1878.

Милостыня.

Вблизи большого города, по широкой проѣзжей дорогѣ шелъ старый, больной человѣкъ.

Онъ шатался на ходу; его исхудалыя ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжко и слабо, словно чужія; одежда на немъ висѣла лохмотьями; непокрытая голова падала на грудь... Онъ изнемогалъ.

Онъ присѣлъ на придорожный камень, наклонился впередъ, облокотился, закрылъ лицо обѣими руками — и сквозь искривленные пальцы закапали слезы на сухую, сѣдую пыль.

Онъ вспоминалъ...

Вспоминалъ онъ, какъ и онъ былъ нѣкогда здоровъ и богатъ — и какъ онъ здоровье истратилъ — и богатство роздалъ другимъ, друзьямъ и недругамъ... И вотъ, теперь у него нѣтъ куска хлѣба — и всѣ его покинули, друзья еще раньше враговъ... Неужли жъ ему унизиться до того, чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердцѣ, и стыдно.

А слезы все капали да капали, пестря сѣдую пыль.

Вдругъ онъ услышалъ, что кто-то зоветъ его по имени: онъ поднялъ усталую голову — и увидалъ передъ собою незнакомца.

Лицо спокойное и важное, но не строгое; глаза не лучистые, а свѣтлые; взоръ пронзительный, но не злой.

— Ты все свое богатство роздалъ, — послышался ров-

ный голосъ...—Но вѣдь ты не жалѣешь о томъ, что добро дѣлалъ?

— Не жалѣю,—отвѣтилъ со вздохомъ старикъ:—только, вотъ, умираю я теперь.

— И не было бы на свѣтѣ нищихъ, которые къ тебѣ протягивали руку,— продолжалъ незнакомецъ: — не надъ кѣмъ было бы тебѣ показать свою добродѣтель, не могъ бы ты упражняться въ ней?

Старикъ ничего не отвѣтилъ—и задумался.

— Такъ и ты теперь не гордись, бѣднякъ, — заговорилъ опять незнакомецъ: — ступай, протягивай руку, доставь и ты другимъ добрымъ людямъ возможность показать на дѣлѣ, что они добры.

Старикъ встрепенулся, вскинулъ глазами... но незнакомецъ уже исчезъ; — а вдали, на дорогѣ, показался прохожій.

Старикъ подошелъ къ нему — и протянулъ руку. — Этотъ прохожій отвернулся съ суровымъ видомъ и не далъ ничего.

Но за нимъ шелъ другой—и тотъ подалъ старику малую милостыню.

И старикъ купилъ себѣ на данные гроши хлѣба — и сладокъ показался ему выпрошенный кусокъ—и не было стыда у него на сердцѣ — а напротивъ: его осѣнила тихая радость.

Май, 1878.

Насѣкомое.

Снилось мнѣ, что сидитъ насъ человѣкъ двадцать въ большой комнатѣ съ раскрытыми окнами.

Между нами женщины, дѣти, старики... Всѣ мы говоримъ о какомъ-то очень извѣстномъ предметѣ—говоримъ шумно и невнятно.

Вдругъ въ комнату съ сухимъ трескомъ влетѣло большое насѣкомое, вершка въ два длиною... влетѣло, покружилось и сѣло на стѣну.

Оно походило на муху или на осу.—Туловище грязно-бураго цвѣту; такого же цвѣту и плоскія, жёсткія крылья;

растопыренныя мохнатыя лапки, да голова угловатая и крупная, какъ у коромысловъ; и голова эта, и лапки — ярко-красныя, точно кровавыя.

Странное это насѣкомое безпрестанно поворачивало голову внизъ, вверхъ, вправо, влѣво, передвигало лапки... потомъ вдругъ срывалось со стѣны, съ трескомъ летало по комнатѣ и опять садилось, опять жутко и противно шевелилось, не трогаясь съ мѣста.

Во всѣхъ насъ оно возбуждало отвращеніе, страхъ, даже ужасъ... Никто изъ насъ не видалъ ничего подобнаго, всѣ кричали: „гоните вонъ это чудовище!“ всѣ махали платками издали... ибо никто не рѣшался подойти... и когда насѣкомое взлетало—всѣ невольно сторонились.

Лишь одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, молодой еще, блѣднолицый человѣкъ, оглядывалъ насъ всѣхъ съ недоумѣніемъ. Онъ пожималъ плечами, онъ улыбался, онъ рѣшительно не могъ понять, что съ нами сталось и съ чего мы такъ волнуемся. Самъ онъ не видѣлъ никакого насѣкомаго, не слышалъ зловѣщаго треска его крылъ.

Вдругъ насѣкомое словно уставилось на него, взвилось и, приникнувъ къ его головѣ, ужалило его въ лобъ, повыше глазъ... Молодой человѣкъ слабо ахнулъ, и упалъ мертвымъ.

Страшная муха тотчасъ улетѣла... Мы только тогда догадались, что это была за гостья.

Май, 1878.

Щи.

У бабы-вдовы умеръ ея единственный, двадцатилѣтній сынъ, первый на селѣ работникъ.

Барыня, помѣщица того самаго села, узнавъ о горѣ бабы, пошла навѣстить ее въ самый день похоронъ.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, передъ столомъ, она, не спѣша, ровнымъ движеніемъ правой руки (лѣвая висѣла плетью) черпала пустыя щи со дна закоптѣлаго горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнѣло; глаза покраснѣли и

опухли... но она держалась истово и прямо, какъ въ церкви.

„Господи!“ подумала барыня. „Она можетъ ѣсть въ такую минуту... какія, однако, у нихъ у всѣхъ грубыя чувства!“

И вспомнила тутъ барыня, какъ, потерявъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, девятимѣсячную дочь, она съ горя отказалась нанять прекрасную дачу подъ Петербургомъ и прожила цѣлое лѣто въ городѣ! — А баба продолжала хлебать щи.

Барыня не вытерпѣла, наконецъ. — Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Какъ у тебя не пропалъ аппетитъ? Какъ можешь ты ѣсть эти щи!

— Вася мой померъ,—тихо проговорила баба, и наболѣвшія слезы снова побѣжали по ея впалымъ щекамъ.— Значитъ, и мой пришелъ конецъ: съ живой съ меня сняли голову. А щамъ не пропадать же: вѣдь они посолёныя.

Барыня только плечами пожала, и пошла вонъ. Ей-то соль доставалась дешево.

Май, 1878.

Лазурное царство.

О, лазурное царство! О, царство лазури, свѣта, молодости и счастья! Я видѣлъ тебя... во снѣ.

Насъ было нѣсколько человѣкъ на красивой, разубранной лодкѣ. Лебединой грудью вздымался бѣлый парусъ подъ рѣзвыми вымпелами.

Я не зналъ, кто были мои товарищи; но я всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что они были такъ же молоды, веселы и счастливы, какъ и я!

Да я и не замѣчалъ ихъ. Я видѣлъ кругомъ одно безбрежное лазурное море, все покрытое мелкой рябью золотыхъ чешуекъ, а надъ головою такое же безбрежное, такое же лазурное море, и по немъ, торжествуя и словно смѣясь, катилось ласковое солнце.

И между нами по временамъ поднимался смѣхъ, звонкій и радостный, какъ смѣхъ боговъ!

А не то вдругъ съ чьихъ-нибудь устъ слетали слова,

стихи, исполненные дивной красоты и вдохновенной силы... казалось, самое небо звучало имъ въ отвѣтъ и кругомъ море сочувственно трепетало... А тамъ опять наступала блаженная тишина.

Слегка ныряя по мягкимъ волнамъ, плыла наша быстрая лодка. Не вѣтромъ двигалась она; ею правили наши собственныя, играющія сердца. Куда мы хотѣли, туда она и неслась, послушно, какъ живая.

Намъ попадались острова, волшебные, полупрозрачные острова съ отливами драгоцѣнныхъ камней, яхонтовъ и изумрудовъ. Упоительныя благовонія неслись съ округлыхъ береговъ; одни изъ этихъ островов осыпали насъ дождемъ бѣлыхъ розъ и ландышей; съ другихъ внезапно поднимались радужныя, длиннокрылыя птицы.

Птицы кружились надъ нами, ландыши и розы таяли въ жемчужной пѣнѣ, скользившей вдоль гладкихъ боковъ нашей лодки.

Вмѣстѣ съ цвѣтами, съ птицами прилетали сладкіе, сладкіе звуки... Женскіе голоса чудились въ нихъ... И все вокругъ: небо, море, колыханіе паруса въ вышинѣ, журчаніе струи за кормою—все говорило о любви, о блаженной любви!

И та, которую каждый изъ насъ любилъ — она была тутъ... невидимо и близко. Еще мгновеніе — и вотъ, засіяютъ ея глаза, расцвѣтетъ ея улыбка... Ея рука возьметъ твою руку и увлечетъ тебя за собою въ неувядаемый рай!

О, лазурное царство! я видѣлъ тебя во снѣ.

Іюнь, 1878.

Два богача.

Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ—я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку, — говорила баба: — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ,—не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую,—отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Іюль, 1878.

Старикъ.

Настали темные, тяжелые дни...

Свои болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно—пикнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога.

Что же дѣлать? Скорбѣть? Горевать? Ни себѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь...

На засыхающемъ, покоробленномъ деревѣ листъ мельче и рѣже, но зелень его та же.

Сожмись и ты, уйди въ себя, въ свои воспоминанья, и тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души, твоя прежняя, тебѣ одному доступная жизнь блеснетъ передъ тобою своей пахучей, все еще свѣжей зеленью и лаской, и силой весны!

Но будь остороженъ... не гляди впередъ, бѣдный старикъ!

Іюль, 1878.

Корреспондентъ.

Двое друзей сидятъ за столомъ и пьютъ чай.

Внезапный шумъ поднялся на улицѣ. Слышны жалобные стоны, ярыя ругательства, взрывы злораднаго смѣха.

— Кого-то бьютъ, — замѣтилъ одинъ изъ друзей, выглянувъ изъ окна.

— Преступника? Убійцу?—спросилъ другой.—Слушай, кто бы онъ ни былъ, нельзя допустить безсудную расправу. Пойдемъ, заступимся за него.

— Да это бьютъ не убійцу.

— Не убійцу? Такъ вора? Все равно, пойдемъ, отнимемъ его у толпы.

— И не вора.

— Не вора? Такъ кассира, желѣзнодорожника, воен-

наго поставщика, россійскаго мецената, адвоката, благонамѣреннаго редактора, общественнаго жертвователя?.. Все-таки пойдемъ, поможемъ ему!

— Нѣтъ... это бьютъ корреспондента.

— Корреспондента? — Ну, знаешь что: допьемъ сперва стаканъ чаю.

Іюль, 1878.

Два брата,

То было видѣніе...

Передо мною появилось два ангела... два генія.

Я говорю: ангелы... геніи—потому, что у обоихъ на обнаженныхъ тѣлахъ не было никакой одежды и за плечами у каждаго вздымались сильныя, длинныя крылья.

Оба—юноши. Одинъ—нѣсколько полный, гладкокожій, чернокудрый. Глаза каріе, съ поволокой, съ густыми рѣсницами; взглядъ вкрадчивый, веселый и жадный. Лицо прелестное, плѣнительное, чуть-чуть дерзкое, чуть-чуть злое. Алыя, пухлявыя губы слегка вздрагиваютъ. Юноша улыбается, какъ власть имѣющій — самоувѣренно и лѣниво; пышный цвѣточный вѣнокъ слегка покоится на блестящихъ волосахъ, почти касаясь бархатныхъ бровей. Пестрая шкурка леопарда, перехваченная золотой стрѣлою, легко повисла съ округлаго плеча на выгнутое бедро. Перья крыльевъ отливаютъ розовымъ цвѣтомъ: концы ихъ ярко-красны, точно омочены багряной, свѣжей кровью. Отъ времени до времени они трепещутъ быстро, съ пріятнымъ серебристымъ шумомъ, шумомъ весенняго дождя.

Другой былъ худъ и желтоватъ тѣломъ. Ребра слабвиднѣлись при каждомъ вдыханіи. Волосы бѣлокурые, жидкіе, прямые; огромные, круглые, блѣдно-сѣрые глаза... взглядъ безпокойный и странно-свѣтлый. Всѣ черты лица заостренныя; маленькій, полураскрытый ротъ съ рыбьими зубами; сжатый, орлиный носъ, выдающійся подбородокъ, покрытый бѣловатымъ пухомъ. Эти сухія губы ни разу, никогда не улыбнулись.

То было правильное, страшное, безжалостное лицо!

(Впрочемъ и у перваго, у красавца—лицо, хоть и милое, и сладкое, жалости не выражало тоже). Вокругъ головы второго зацѣпилось нѣсколько пустыхъ, поломанныхъ колосьевъ, перевитыхъ поблеклой былинкой. Грубая, сѣрая ткань обвивала чресла; крылья за спиною темно-синія, матоваго цвѣта, двигались тихо и грозно.

Оба юноши казались неразлучными товарищами.

Каждый изъ нихъ опирался на плечо другого. Мягкая ручка перваго лежала, какъ виноградный гроздъ, на сухой ключицѣ второго; узкая кисть второго съ длинными, тонкими пальцами протянулась, какъ змѣя, по женоподобной груди перваго.

И послышался мнѣ голосъ. Вотъ, что произнесъ онъ:

„Передъ тобой Любовь и Голодъ—два родныхъ брата, двѣ коренныхъ основы всего живущаго.

„Все, что живетъ — движется, чтобы питаться, и питается, чтобы воспроизводить.

„Любовь и Голодъ—цѣль ихъ одна: нужно, чтобы жизнь не прекращалась,—собственная и чужая—все та же, всеобщая жизнь“.

Августъ, 1878.

Эгоистъ.

Въ немъ было все нужное для того, чтобы сдѣлаться бичомъ своей семьи.

Онъ родился здоровымъ, родился богатымъ — и въ теченіе всей своей долгой жизни, оставаясь богатымъ и здоровымъ, не совершилъ ни одного проступка, не впалъ ни въ одну ошибку, не обмолвился и не промахнулся ни разу.

Онъ былъ безукоризненно честенъ!.. И гордый сознаньемъ свой честности, давилъ ею всѣхъ: родныхъ, друзей, знакомыхъ.

Честность была его капиталомъ... и онъ бралъ съ него ростовщичьи проценты.

Честность давала ему право быть безжалостнымъ и не дѣлать неуказаннаго добра; — и онъ былъ безжалост-

нымъ—и не дѣлалъ добра... потому что добро по указу—не добро.

Онъ никогда не заботился ни о комъ, кромѣ собственной — столь примѣрной особы, и искренно возмущался, если и другіе такъ же старательно не заботились о ней!

И въ то же время онъ не считалъ себя эгоистомъ—и пуще всего порицалъ и преслѣдовалъ эгоистовъ и эгоизмъ! — Еще бы! Чужой эгоизмъ мѣшалъ его собственному.

Не вѣдая за собой ни малѣйшей слабости, онъ не понималъ, не допускалъ ничьей слабости. Онъ вообще никого и ничего не понималъ, ибо былъ весь, со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху, сзади и спереди, окруженъ самимъ собою.

Онъ даже не понималъ: что значитъ прощать? Самому себѣ прощать ему не приходилось... Съ какой стати сталъ бы онъ прощать другимъ?

Передъ судомъ собственной совѣсти, передъ лицомъ собственнаго Бога — онъ, это чудо, этотъ извергъ добродѣтели, возводилъ очи горѣ — и твердымъ и яснымъ голосомъ произносилъ: „Да, я достойный, я нравственный человѣкъ!“

Онъ повторитъ эти слова на смертномъ ложѣ — и ничего не дрогнетъ даже и тогда въ его каменномъ сердцѣ—въ этомъ сердцѣ безъ пятнышка и безъ трещины.

О, безобразіе самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродѣтели—ты едва ли не противнѣй откровеннаго безобразія порока!

Декабрь, 1878.

Пиръ у Верховнаго существа.

Однажды Верховное существо вздумало задать великій пиръ въ своихъ лазоревыхъ чертогахъ.

Всѣ добродѣтели были имъ позваны въ гости. Однѣ добродѣтели... мужчинъ онъ не приглашалъ... однѣхъ только дамъ.

Собралось ихъ очень много—великихъ и малыхъ. Малыя добродѣтели были пріятнѣе и любезнѣе великихъ; но

всѣ казались довольными—и вѣжливо разговаривали между собою, какъ приличествуетъ близкимъ родственникамъ и знакомымъ.

Но вотъ, Верховное существо замѣтило двухъ прекрасныхъ дамъ, которыя, казалось, вовсе не были знакомы другъ съ дружкой.

Хозяинъ взялъ за руку одну изъ этихъ дамъ и подвелъ ее къ другой.

„Благодѣтельность!“—сказалъ онъ, указавъ на первую.

„Благодарность!“—прибавилъ онъ, указавъ на вторую.

Обѣ добродѣтели несказанно удивились: съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоялъ—а стоялъ онъ давно—онѣ встрѣчались въ первый разъ.

Декабрь, 1878.

Сфинксъ.

Изжелта-сѣрый, сверху рыхлый, изподнизу твердый, скрипучій песокъ... песокъ безъ конца, куда ни взглянешь!

И надъ этой песчаной пустыней, надъ этимъ моремъ мертваго праха, высится громадная голова египетскаго сфинкса.

Что хотятъ сказать эти крупныя, выпяченныя губы, эти неподвижно-расширенныя, вздёрнутыя ноздри—и эти глаза, эти длинные, полу-сонные, полу-внимательные глаза подъ двойной дугой высокихъ бровей?

А что-то хотятъ сказать они! Они даже говорятъ—но одинъ лишь Эдипъ умѣетъ разрѣшить загадку и понять ихъ безмолвную рѣчь.

Ба! Да я узнаю эти черты... въ нихъ уже нѣтъ ничего египетскаго. Бѣлый, низкій лобъ, выдающіяся скулы, носъ короткій и прямой, красивый бѣлозубый ротъ, мягкій усъ и бородка курчавая—и эти широко разставленные небольшіе глаза... а на головѣ шапка волосъ, разсѣченная проборомъ... Да это ты, Карпъ, Сидоръ, Семенъ, ярославскій, рязанскій мужичокъ, соотчичъ мой, русская косточка! Давно ли попалъ ты въ сфинксы?

Или ты тоже что-то хочешь сказать? Да; и ты тоже—сфинксъ.

И глаза твои — эти безцвѣтные, но глубокіе глаза—говорятъ тоже... И такъ же безмолвны и загадочны ихъ рѣчи.

Только гдѣ твой Эдипъ?

Увы! недовольно надѣть мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о, всероссійскій сфинксъ!

Декабрь, 1878.

Нимфы.

Я стоялъ передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ; молодой, зеленый лѣсъ покрывалъ ихъ сверху до низу.

Прозрачно синѣло надъ нами южное небо; солнце съ вышины играло лучами; внизу, полузакрытые травою, болтали проворные ручьи.

И вспомнилось мнѣ старинное сказаніе о томъ, какъ, въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовѣ, одинъ греческій корабль плылъ по Эгейскому морю.

Часъ былъ полуденный... Стояла тихая погода. И вдругъ, въ высотѣ, надъ головою кормчаго, кто-то явственно произнесъ: „Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громкимъ голосомъ:—Умеръ великій Панъ!“

Кормчій удивился... испугался. Но когда корабль побѣжалъ мимо острова, онъ послушался, онъ воззвалъ:—Умеръ великій Панъ!

И тотчасъ же, въ отвѣтъ на его кликъ, по всему протяженію берега (а островъ былъ необитаемъ) раздались громкія рыданья, стоны, протяжные, жалостные возгласы:—Умеръ! Умеръ великій Панъ!

Мнѣ вспомнилось это сказаніе... и странная мысль посѣтила меня.—„Что, если я кликну кличъ?“

Но въ виду окружавшаго меня ликованія я не могъ подумать о смерти—и, что было во мнѣ силы, закричалъ:—„Воскресъ! воскресъ великій Панъ!

И тотчасъ же, о чудо!—въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатил-

ся дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. „Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!“ шумѣли молодые голоса.—Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину...

Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними...

Впереди несется богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,—колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны...

Діана, это—ты?

Но вдругъ богиня остановилась... и тотчасъ вслѣдъ за нею остановились всѣ нимфы. Звонкій смѣхъ замеръ. Я видѣлъ, какъ лицо внезапно онѣмѣвшей богини покрылось смертельной блѣдностью; я видѣлъ, какъ окаменѣли ея ноги; какъ невыразимый ужасъ разверзъ ея уста, расширилъ глаза, устремленные вдаль... Что она увидала? Куда глядѣла она?

Я обернулся въ ту сторону, куда она глядѣла...

На самомъ краю неба, за низкой чертою полей, горѣлъ огненной точкой золотой крестъ на бѣлой колокольнѣ христіанской церкви... Этотъ крестъ увидала богиня.

Я слышалъ за собою неровный, длинный вздохъ, подобный трепетанію лопнувшей струны,—и когда я обернулся снова, уже отъ нимфъ не осталось слѣда... Широкій лѣсъ зеленѣлъ попрежнему, и только мѣстами, сквозь частую сѣть вѣтвей, виднѣлись, таяли клочки чего-то бѣлаго. Были ли то туники нимфъ, поднимался ли паръ со дна долинъ—не знаю.

Но какъ мнѣ было жаль исчезнувшихъ богинь.

Декабрь, 1878.

Врагъ и Другъ.

Осужденный на вѣчное заточенье узникъ вырвался изъ тюрьмы и стремглавъ пустился бѣжать... За нимъ по пятамъ мчалась погоня.

Онъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ... Преслѣдователи начинали отставать.

Но вотъ, передъ нимъ рѣка съ крутыми берегами, узкая—но глубокая рѣка... А онъ не умѣетъ плавать!

Съ одного берега на другой перекинута тонкая, гнилая доска. Бѣглецъ уже занесъ на нее ногу... Но случилось такъ, что тутъ же, возлѣ рѣки, стояли: лучшій его другъ и самый жестокій его врагъ.

Врагъ ничего не сказалъ и только скрестилъ руки; за то другъ закричалъ во все горло:—Помилуй! Что ты дѣлаешь? Опомнись, безумецъ! Развѣ ты не видишь, что доска совсѣмъ сгнила? — Она сломится подъ твоею тяжестью—и ты неизбѣжно погибнешь!

— Но вѣдь другой переправы нѣтъ... а погоню слышишь? — отчаянно простоналъ несчастный и ступилъ на доску.

— Не допущу!.. Нѣтъ, не допущу, чтобы ты погибнулъ!—возопилъ ревностный другъ и выхватилъ изъ-подъ ногъ бѣглеца доску.—Тотъ мгновенно бухнулъ въ бурныя волны—и утонулъ.

Врагъ засмѣялся самодовольно — и пошелъ прочь; а другъ присѣлъ на бережку — и началъ горько плакать о своемъ бѣдномъ... бѣдномъ другѣ!

Обвинять самого себя въ его гибели онъ, однако, не подумалъ... ни на мигъ.

„Не послушался меня! Не послушался!“—шепталъ онъ уныло.

— А впрочемъ!—промолвилъ онъ, наконецъ.—Вѣдь онъ всю жизнь свою долженъ былъ томиться въ ужасной тюрьмѣ! По крайней мѣрѣ, онъ теперь не страдаетъ! Теперь ему легче! Знать, ужъ такая ему выпала доля!

„А все-таки жалко, по человѣчеству?“

И добрая душа продолжала неутѣшно рыдать о своемъ злополучномъ другѣ.

Декабрь, 1878.

Христосъ.

Я видѣлъ себя юношей, почти мальчикомъ, въ низкой деревенской церкви. — Красными пятнышками теплились передъ старинными образами восковыя тонкія свѣчи.

Радужный вѣнчикъ окружалъ каждое маленькое пламя.— Темно и тускло было въ церкви... Но народу стояло передо мною много.

Все русыя, крестьянскія головы. Отъ времени до времени онѣ начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрѣлые колосья, когда по нимъ медленной волной пробѣгаетъ лѣтній вѣтеръ.

Вдругъ какой-то человѣкъ подошелъ сзади и сталъ со мною рядомъ.

Я не обернулся къ нему — но тотчасъ почувствовалъ, что этотъ человѣкъ—Христосъ.

Умиленіе, любопытство, страхъ разомъ овладѣли мною. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе... и посмотрѣлъ на своего сосѣда.

Лицо какъ у всѣхъ, — лицо, похожее на всѣ человѣческія лица. Глаза глядятъ немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа какъ бы покоится на нижней; небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на немъ, какъ на всѣхъ.

„Какой же это Христосъ!“ подумалось мнѣ. „Такой простой, простой человѣкъ! Быть не можетъ!“

Я отвернулся прочь. — Но не успѣлъ я отвести взоръ отъ того простого человѣка, какъ мнѣ опять почудилось, что это именно Христосъ стоялъ со мной рядомъ.

Я опять сдѣлалъ надъ собою усиліе... И опять увидѣлъ то же лицо, похожее на всѣ человѣческія лица, тѣ же обычныя, хоть и незнакомыя черты.

И мнѣ вдругъ стало жутко — и я пришелъ въ себя.

Только тогда я понялъ, что именно такое лицо,—лицо, похожее на всѣ человѣческія лица, — оно и есть лицо Христа.

Декабрь, 1878.

II.

1879—1882 гг.

Камень.

Видали ли вы старый, сѣрый камень на морскомъ прибрежьѣ, когда на него, въ часъ прилива, въ солнечный весенній день, со всѣхъ сторонъ бьютъ живыя волны—бьютъ и играютъ, и ластятся къ нему—и обливаютъ его мшистую голову разсыпчатымъ жемчугомъ блестящей пѣны?

Камень остается тѣмъ же камнемъ—но по хмурой его поверхности выступаютъ яркіе цвѣта.

Они свидѣтельствуютъ о томъ далекомъ времени, когда только-что начиналъ твердѣть расплавленный гранитъ и весь горѣлъ огнистыми цвѣтами.

Такъ и на мое старое сердце недавно со всѣхъ сторонъ нахлынули молодыя, женскія души—и подъ ихъ ласкающимъ прикосновеніемъ зардѣлось оно уже давно поблекшими красками, слѣдами бывалаго огня.

Волны отхлынули... но краски еще не потускнѣли—хоть и сушитъ ихъ рѣзкій вѣтеръ.

Май, 1879.

Голуби.

Я стоялъ на вершинѣ пологаго холма; передо мною—то золотомъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая рожь.

Но не бѣгало зыби по этому морю; не струился душный воздухъ: назрѣвала гроза великая.

Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло;

по тамъ, за рожью, не слишкомъ далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на цѣлой половинѣ небосклона.

Все притаилось... все изнывало подъ зловѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталъ и хлопалъ одинокій, крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ! Я глядѣлъ на синюю громаду... и смутно было на душѣ. Ну, скорѣй же, скорѣй! думалось мнѣ, сверкни, золотая змѣйка, дрогни, громъ! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она попрежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла, да темнѣла.

И вотъ, по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно; ни дать, ни взять бѣлый платочекъ или снѣжный комокъ. То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо... и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновеній — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже *два* платка мелькаютъ, *два* комочка несутся назадъ: то летятъ домой ровнымъ полетомъ *два* бѣлыхъ голубя.

И вотъ, наконецъ, сорвалась буря—и пошла потѣха!

Я едва домой добѣжалъ. — Визжитъ вѣтеръ, мечется, какъ бѣшеный, мчатся рыжія, низкія, словно въ клочья разорванныя облака, все закрутилось, смѣшалось, захлесталъ, закачался отвѣсными столбами рьяный ливень, молніи слѣпятъ огнистой зеленью, стрѣляетъ какъ изъ пушки отрывистый громъ, запахло сѣрой...

Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краюшкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя—и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ, и тотъ, кого онъ привелъ и, можетъ-быть, спасъ.

Нахохлились оба—и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда...

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ... Хоть я и одинъ... одинъ, какъ всегда.

Май, 1879.

Завтра! Завтра!

Какъ пустъ и вялъ, и ничтоженъ почти всякій прожитой день! Какъ мало слѣдовъ оставляетъ онъ за собою! Какъ безсмысленно-глупо пробѣжали эти часы за часами!

И, между тѣмъ, человѣку хочется существовать; онъ дорожитъ жизнію, онъ надѣется на нее, на себя, на будущее... О, какихъ благъ онъ ждетъ отъ будущаго!

Но почему же онъ воображаетъ, что другіе, грядущіе дни не будутъ похожи на этотъ только-что прожитой день?

Да онъ этого и не воображаетъ. Онъ вообще не любитъ размышлять—и хорошо дѣлаетъ.

„Вотъ, завтра, завтра!"—утѣшаетъ онъ себя,—пока это „завтра" не свалитъ его въ могилу.

Ну—а разъ въ могилѣ—поневолѣ размышлять перестанешь.

Май, 1879.

Природа.

Мнѣ снилось, что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный, ровный свѣтъ.

По самой срединѣ храмины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу.

Я тотчасъ понялъ, что эта женщина—сама Природа,—и мгновеннымъ холодомъ впѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.

Я приблизился къ сидящей женщинѣ—и, отдавъ почтительный поклонъ: „О, наша общая мать!—воскликнулъ я.—О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?"

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись—и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено... Надо его возстановить.

— Какъ?—пролепеталъ я въ отвѣтъ.—Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть наморщила брови:—Всѣ твари мои дѣти,—промолвила она:—и я одинаково о нихъ забочусь—и одинаково ихъ истребляю.

— Но добро... разумъ... справедливость...—пролепеталъ я снова.

— Это человѣческія слова, — раздался желѣзный голосъ: — я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ—и что такое справедливость? — Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты, пока, защищайся—и не мѣшай мнѣ!

Я хотѣлъ-было возражать... но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула—и я проснулся.

Августъ, 1879.

„Повѣсить его!“

Это случилось въ 1803 году, — началъ мой старый знакомый: — незадолго до Аустерлица. Полкъ, въ которомъ я служилъ офицеромъ, стоялъ на квартирахъ въ Моравіи.

Намъ было строго запрещено безпокоить и притѣснять жителей; они и такъ смотрѣли на насъ косо, хоть мы и считались союзниками.

У меня былъ денщикъ, бывшій крѣпостной моей матери, Егоръ по имени. Человѣкъ онъ былъ честный и смирный; я зналъ его съ дѣтства и обращался съ нимъ, какъ съ другомъ.

Вотъ однажды, въ домѣ, гдѣ я жилъ, поднялись бранчивые крики, вопли: у хозяйки украли двухъ куръ,

и она въ этой кражѣ обвиняла моего денщика. Онъ оправдывался, призывалъ меня въ свидѣтели... — „Станетъ онъ красть, онъ, Егоръ Автамоновъ!“ Я увѣрялъ хозяйку въ честности Егора, но она ничего слушать не хотѣла.

Вдругъ вдоль улицы раздался дружный конскій топотъ: то самъ главнокомандующій проѣзжалъ со своимъ штабомъ. Онъ ѣхалъ шагомъ, толстый, обрюзглый, съ понурой головой и свислыми на грудь эполетами.

Хозяйка увидала его—и, бросившись наперерѣзъ его лошади, пала на колѣни—и вся растерзанная, простоволосая, начала громко жаловаться на моего денщика, указывала на него рукою.

— Господинъ генералъ!—кричала она:—ваше сіятельство! разсудите! помогите! спасите! этотъ солдатъ меня ограбилъ!

Егоръ стоялъ на порогѣ дома, вытянувшись въ струнку, съ шапкой въ рукѣ, даже грудь выставилъ и ноги сдвинулъ, какъ часовой, — и хоть бы слово! Смутилъ ли его весь этотъ остановившійся посреди улицы генералитетъ, окаменѣлъ ли онъ передъ налетающей бѣдою — только стоитъ мой Егоръ да мигаетъ глазами, а самъ бѣлъ какъ глина!

Главнокомандующій бросилъ на него разсѣянный и угрюмый взглядъ, промычалъ сердито: — Ну?.. — Стоитъ Егоръ, какъ истуканъ, и зубы оскалилъ! Со стороны посмотрѣть: словно смѣется человѣкъ.

Тогда главнокомандующій промолвилъ отрывисто:—Повѣсить его! — толкнулъ лошадь подъ бока и двинулся дальше — сперва опять-таки шагомъ — а потомъ шибкой рысью. Весь штабъ помчался вслѣдъ за нимъ; одинъ только адъютантъ, повернувшись на сѣдлѣ, взглянулъ мелькомъ на Егора.

Ослушаться было невозможно... Егора тотчасъ схватили и повели на казнь.

Тутъ онъ совсѣмъ помертвѣлъ — и только раза два съ трудомъ воскликнулъ: „батюшки! батюшки!“ — а потомъ вполголоса: „видитъ Богъ—не я!“

Горько, горько заплакалъ онъ, прощаясь со мною. Я былъ въ отчаяніи.—Егоръ! Егоръ!—кричалъ я:—какъ же ты это ничего не сказалъ генералу!

— Видитъ Богъ, не я, — повторялъ, всхлипывая, бѣднякъ.—Сама хозяйка ужаснулась. Она никакъ не ожидала такого страшнаго рѣшенія, и въ свою очередь разревѣлась! Начала умолять всѣхъ и каждаго о пощадѣ, увѣряла, что куры ея отыскались, что она сама готова все объяснить...

Разумѣется, все это ни къ чему не послужило. Военные, сударь, порядки! Дисциплина!—Хозяйка рыдала все громче и громче.

Егоръ, котораго священникъ уже исповѣдалъ и причастилъ, обратился ко мнѣ:

— Скажите ей, ваше благородіе, чтобъ она не убивалась... Вѣдь я ей простилъ.

Мой знакомый, повторивъ эти послѣднія слова своего слуги, прошепталъ: „Егорушка, голубчикъ, праведникъ!“— и слезы закапали по его старымъ щекамъ.

Августъ, 1879.

Что я буду думать?..

Что я буду думать тогда, когда мнѣ придется умирать,— если я только буду въ состояніи тогда думать?

Буду ли я думать о томъ, что плохо воспользовался жизнью, проспалъ ее, продремалъ, не сумѣлъ вкусить отъ ея даровъ?

„Какъ? это уже смерть? Такъ скоро? Невозможно! Вѣдь я еще ничего не успѣлъ сдѣлать... Я только собирался дѣлать!“

Буду ли я вспоминать о прошедшемъ, останавливаться мыслію на немногихъ, свѣтлыхъ, прожитыхъ мною мгновеніяхъ, на дорогихъ образахъ и лицахъ?

Предстанутъ ли моей памяти мои дурныя дѣла—и найдетъ на мою душу жгучая тоска поздняго раскаянія?

Буду ли я думать о томъ, что меня ожидаетъ за гробомъ... да и ожидаетъ ли меня тамъ что-нибудь?

Нѣтъ... мнѣ кажется, я буду стараться не думать — и

насильно займусь какимъ-нибудь вздоромъ, чтобы только отвлечь собственное мое вниманіе отъ грознаго мрака, чернѣющаго впереди.

При мнѣ одинъ умирающій все жаловался на то, что не хотятъ дать ему погрызть каленыхъ орѣшковъ... и только тамъ, въ глубинѣ его потускнѣвшихъ глазъ, билось и трепетало что-то, какъ перешибленное крыло на смерть раненой птицы...

Августъ, 1879.

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголъ; а въ головѣ все звенитъ да звенитъ:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

И вижу я себя передъ низкимъ окномъ загороднаго русскаго дома. Лѣтній вечеръ тихо таетъ и переходитъ въ ночь, въ тепломъ воздухѣ пахнетъ резедой и липой;— а на окнѣ, опершись на выпрямленную руку и склонивъ голову къ плечу, сидитъ дѣвушка — и безмолвно, и пристально смотритъ на небо, какъ бы выжидая появленія первыхъ звѣздъ. Какъ простодушно вдохновенны задумчивые глаза, какъ трогательно-невинны раскрытыя, вопрошающія губы, какъ ровно дышитъ еще не вполнѣ расцвѣтшая, еще ничѣмъ не взволнованная грудь, какъ чистъ и нѣженъ обликъ юнаго лица! Я не дерзаю заговорить съ нею, но какъ она мнѣ дорога, какъ бьется мое сердце!

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

А въ комнатѣ все темнѣй да темнѣй... Нагорѣвшая свѣча трещитъ, бѣглыя тѣни колеблются на низкомъ потолкѣ, морозъ скрипитъ и злится за стѣною — и чудится скучный, старческій шопотъ...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Встаютъ передо мною другіе образы... Слышится веселый шумъ семейной, деревенской жизни. Двѣ русыя головки, прислонясь другъ къ дружкѣ, бойко смотрятъ на меня своими свѣтлыми глазками, алыя щеки трепещутъ сдержаннымъ смѣхомъ, руки ласково сплелись, въ перебивку звучатъ молодые, добрые голоса; а немного подальше, въ глубинѣ уютной комнаты, другія, тоже молодыя руки бѣгаютъ, путаясь пальцами, по клавишамъ старенькаго піанино, и Ланнеровскій вальсъ не можетъ заглушить воркотню патріархальнаго самовара...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Свѣча меркнетъ и гаснетъ... Кто это кашляетъ тамъ такъ хрипло и глухо? Свернувшись въ калачикъ, жмется и вздрагиваетъ у ногъ моихъ старый песъ, мой единственный товарищъ... Мнѣ холодно... Я зябну... и всѣ онѣ умерли... умерли...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Сентябрь, 1879.

Морское плаваніе.

Я плылъ изъ Гамбурга въ Лондонъ на небольшомъ пароходѣ. Насъ было двое пассажировъ: я, да маленькая обезьяна, самка изъ породы уистити, которую одинъ гамбургскій купецъ отправлялъ въ подарокъ своему англійскому компаньону.

Она была привязана тонкой цѣпочкой къ одной изъ скамеекъ на палубѣ и металась, и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякій разъ, когда я проходилъ мимо, она протягивала мнѣ свою черную, холодную ручку — и взглядывала на меня своими грустными, почти человѣческими глазенками. — Я бралъ ея руку — и она переставала пищать и метаться.

Стоялъ полный штиль. Море растянулось кругомъ неподвижной скатертью свинцоваго цвѣта. Оно казалось невеликимъ; густой туманъ лежалъ на немъ, заволакивая самые концы мачтъ, и слѣпилъ, и утомлялъ взоръ своей мягкой мглою. Солнце висѣло тускло-краснымъ пятномъ

въ этой мглѣ; а передъ вечеромъ она вся загоралась и алѣла таинственно и странно.

Длинныя, прямыя складки, подобныя складкамъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, бѣжали одна за другой отъ носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались наконецъ, колыхались, исчезали. Взбитая пѣна клубилась подъ однообразно топотавшими колесами; молочно бѣлѣя и слабо шипя, разбивалась она на змѣевидныя струи, а тамъ сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглою.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякалъ небольшой колоколъ у кормы.

Изрѣдка всплывалъ тюлень — и, круто кувыркнувшись, уходилъ подъ едва возмущенную гладь.

А капитанъ, молчаливый человѣкъ съ загорѣлымъ, сумрачнымъ лицомъ, курилъ короткую трубку и сердито плевалъ въ застывшее море.

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ отрывистымъ ворчаніемъ; поневолѣ приходилось обращаться къ моему единственному спутнику—обезьянѣ.

Я садился возлѣ нея; она переставала пищать—и опять протягивала мнѣ руки.

Снотворной сыростью обдавалъ насъ обоихъ неподвижный туманъ; и погруженные въ одинаковую безсознательную думу, мы пребывали другъ возлѣ друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мнѣ было другое чувство.

Всѣ мы дѣти одной матери—и мнѣ было пріятно, что бѣдный звѣрекъ такъ довѣрчиво утихалъ и прислонялся ко мнѣ, словно къ родному.

Ноябрь, 1879.

Н. Н.

Стройно и тихо проходишь ты по жизненному пути, безъ слезъ и безъ улыбки, едва оживленная равнодушнымъ вниманіемъ.

Ты добра и умна... и все тебѣ чуждо — и никто тебѣ не нуженъ.

Ты прекрасна—и никто не скажетъ: дорожишь ли ты своей красотою или нѣтъ? — Ты безучастна сама — и не требуешь участія.

Твой взоръ глубокъ — и не задумчивъ; пусто въ этой свѣтлой глубинѣ.

Такъ, въ Елисейскихъ поляхъ, подъ важные звуки Глюковскихъ мелодій,—безпечально и безрадостно проходятъ стройныя тѣни.

Ноябрь, 1879.

Стой!

Стой! Какою я теперь тебя вижу — останься навсегда такою въ моей памяти!

Съ губъ сорвался послѣдній вдохновенный звукъ—глаза не блестятъ и не сверкаютъ — они меркнутъ, отягощенные счастьемъ, блаженнымъ сознаніемъ той красоты, которую удалось тебѣ выразить, той красоты, во слѣдъ которой ты словно простираешь твои торжествующія, твои изнеможенныя руки!

Какой свѣтъ, тоньше и чище солнечнаго свѣта, разлился по всѣмъ твоимъ членамъ, по малѣйшимъ складкамъ твоей одежды?

Какой Богъ своимъ ласковымъ дуновеньемъ откинулъ назадъ твои разсыпанныя кудри?

Его лобзаніе горитъ на твоемъ, какъ мраморъ поблѣднѣвшемъ, челѣ!

Вотъ она—открытая тайна, тайна поэзіи, жизни, любви! Вотъ оно, вотъ оно, безсмертіе! Другого безсмертія нѣтъ— и не надо.—Въ это мгновеніе ты безсмертна.

Оно пройдетъ — и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя... Но что тебѣ за дѣло! — Въ это мгновенье — ты стала выше, ты стала внѣ всего преходящаго, временного.—Это *твое* мгновеніе не кончится никогда.

Стой! И дай мнѣ быть участникомъ твоего безсмертія, урони въ душу мою отблескъ твоей вѣчности!

Ноябрь, 1879.

Монахъ.

Я знавалъ одного монаха, отшельника, святого. Онъ жилъ одною сладостью молитвы — и, упиваясь ею, такъ долго простаивалъ на холодномъ полу церкви, что ноги его, ниже колѣнъ, отекли и уподобились столбамъ. Онъ ихъ не чувствовалъ, стоялъ—и молился.

Я его понималъ — и, быть-можетъ, завидовалъ ему — но пускай же и онъ пойметъ меня, и не осуждаетъ меня— меня, которому недоступны его радости.

Онъ добился того, что уничтожилъ себя, свое ненавистное *я*; но вѣдь и я—не молюсь, не изъ самолюбія.

Мое *я* мнѣ, можетъ-быть, еще тягостнѣе и противнѣе, чѣмъ его—ему.

Онъ нашелъ, въ чемъ забыть себя... да вѣдь и я нахожу, хоть и не такъ постоянно.

Онъ не лжетъ... да вѣдь и я не лгу.

Ноябрь, 1879.

Мы еще повоюемъ!

Какая ничтожная малость можетъ иногда перестроить всего человѣка!

Полный раздумья, шелъ я однажды по большой дорогѣ.

Тяжкія предчувствія стѣсняли мою грудь; унылость овладѣвала мною.

Я поднялъ голову... Предо мною, между двухъ рядовъ высокихъ тополей, стрѣлою уходила въ даль дорога.

И черезъ нее, черезъ эту самую дорогу, въ десяти шагахъ отъ меня, вся раззолоченная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, прыгала гуськомъ цѣлая семейка воробьевъ, прыгала бойко, забавно, самонадѣянно!

Особенно одинъ изъ нихъ такъ и надсаживалъ бочкомъ, бочкомъ, выпуча зобъ и дерзко чирикая, словно и чортъ ему не братъ! Завоеватель—и полно!

А между тѣмъ, высоко на небѣ кружилъ ястребъ, которому, быть-можетъ, суждено сожрать именно этого самаго завоевателя.

Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся — и грустныя

думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удаль, охоту къ жизни почувствовалъ я.

И пускай надо мной кружитъ *мой* ястребъ...

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Ноябрь, 1879.

Молитва.

О чемъ бы ни молился человѣкъ—онъ молится о чудѣ.— Всякая молитва сводится на слѣдующее: „Великій Боже, сдѣлай, чтобы дважды два—не было четыре“.

Только такая молитва и есть настоящая молитва отъ лица къ лицу. Молиться Всемірному Духу, Высшему Существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безобразному Богу—невозможно и немыслимо.

Но можетъ ли даже личный, живой, образный Богъ сдѣлать, чтобы дважды два—не было четыре?

Всякій вѣрующій обязанъ отвѣтить: *можетъ*—и обязанъ убѣдить самого себя въ этомъ.

Но если разумъ его возстанетъ противъ такой безсмыслицы?

Тутъ Шекспиръ придетъ ему на помощь: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацiо...“ и т. д.

А если ему станутъ возражать во имя истины, — ему стоитъ повторить знаменитый вопросъ: „Что есть истина?“

И потому: станемъ пить и веселиться—и молиться.

Іюль, 1881.

Русскій языкъ.

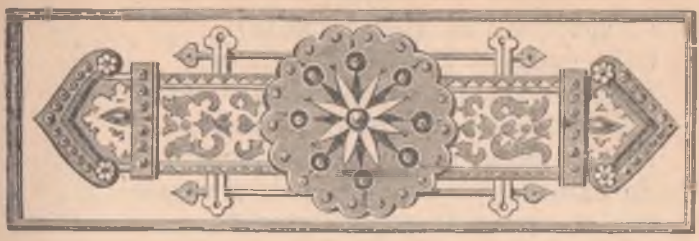
Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!— Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Іюнь, 1882.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПОЭМЫ.



ПАРАША.

(РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ.)

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно.
Лермонтовъ.

I.

Читатель, бью смиренно вамъ челомъ.
Смотрите: передъ вами лугъ просторный,
За лугомъ рѣчка, а за рѣчкой домъ,
Старинный домъ, нахмуренный и черный,
Раскрашенный приходскимъ маляромъ,
Широкій, низкій, съ крышей безобразной,
Подпёртой рядомъ жиденькихъ колоннъ...
Свидѣтель буйной жизни, лѣни праздной
Двухъ или трехъ помѣщичьихъ племёнъ.
За домомъ садъ: въ саду стоятъ рядами
Все яблони, покрытыя плодами...
Извѣстно: наши добрые отцы
Любили яблоки да огурцы.

II.

Не разберешь—гдѣ садъ, гдѣ огородъ?
Въ саду жъ былъ гротъ (невинная затѣя),
И съ каждымъ утромъ въ этотъ темный гротъ

(Я приступаю къ дѣлу не робѣя)
Она—предметъ и вздоховъ, и заботъ,
Предметъ стиховъ моихъ довольно смѣлыхъ—
Она являлась въ платьицѣ простомъ,
И съ книжкою въ немножко загорѣлыхъ,
Но милыхъ ручкахъ... На скамью потомъ
Она садилась... Помните Татьяну?
Но съ ней ее я сравнивать не стану;
Боюсь—рукой читатели махнутъ,
И этой сказки вовсе не прочтутъ.

III.

Но кто она? и кто ея отецъ?
Ея отецъ—помѣщикъ беззаботный;
Сперва служилъ, и долго; наконецъ
Въ отставку вышелъ и супругой плотной
Обзавелся; теперь большой дѣлецъ!
Живетъ въ ладу съ своими мужичками.
Онъ очень добръ и очень плутоватъ,
Торгуется и пьетъ чаекъ съ купцами.
Какъ водится, его супруга—кладъ;
О! сущій кладъ! и умница такая!
А женщина она была простая,
Съ лицомъ, весьма похожимъ на пирогъ;
Ее супругъ любилъ, какъ только могъ.

IV.

У нихъ одна лишь дочь была... Мы съ ней
Ужъ познакомились. Никто красоткой
Ее бъ не назвалъ—правда; но ей-ей—
(Ея два брата умерли чахоткой)
Я дѣвушки не видывалъ стройнѣй
Она была легка—ходила плавно;
Ея нога—прекрасная нога—
Всегда была обута такъ исправно;
Немножко велика была рука;
Но пальцы были тонки и прозрачны...
И даже я, чудакъ довольно мрачный,

На эту руку глядя—иногда
Хотѣлъ... Я заболтался, господа.

V.

Ея лицо мнѣ нравилось... Оно
Задумчивою грустію дышало;
Всегда казалось мнѣ: ей суждено
Страданій въ жизни испытать не мало...
И что жъ? мнѣ было больно и смѣшно;
Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...
Она была такъ дѣтски весела—
Хотя и знала, что на испытанье
Она идетъ—но шла, спокойно шла...
Однажды я, съ невольною печалью,
Ее сравнилъ и съ бархатомъ, и съ сталью...
Но кто въ ея глаза взглянулъ хоть разъ—
Тотъ не забылъ ея волшебныхъ глазъ.

VI.

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ,
Но не блестѣлъ онъ блескомъ торопливымъ;
То былъ онъ ясенъ, какъ весенній лучъ,
То холодомъ проникнутъ горделивымъ,
То чуть мерцалъ, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.
Но взглядъ ея задумчиво-спокойный
Я больше всѣхъ любилъ: я видѣлъ въ немъ
Возможность страсти горестной и знойной,
Залогъ души, любимой Божествомъ,
Но, признаюсь, я говорилъ довольно
Объ этомъ взглядѣ: мнѣ подумать больно,
Что—можетъ-быть—читающій народъ
Все это неестественнымъ найдетъ.

VII.

Она въ деревнѣ выросла... А вы,
Читатель мой, слыхали вы навѣрно,
Что барышни уѣздныя—увы!
Бываютъ иногда смѣшны безмѣрно.
Несправедливость вѣтреной молвы

Извѣстна мнѣ; но сознаюсь съ смиреньемъ,
Что надъ моей степнячкой иногда
Вы бъ посмѣялись: надъ ея волненьемъ
Въ воскресный день—за завтракомъ, когда
Съѣзжались гости, надъ ея молчаньемъ
И вздохами, и робкимъ трепетаньемъ...
Но и она подчасъ бывала зла
И жалиться умѣла, какъ пчела.

VIII.

Я не люблю восторженныхъ дѣвицъ...
По деревнямъ встрѣчаешь ихъ нерѣдко;
Я не люблю ихъ толстыхъ, блѣдныхъ лицъ;
Иная же—помилуй Богъ—поэтка.
Всѣмъ восхищаются: и пѣньемъ птицъ,
Восходомъ солнца, небомъ и луною...
Охотницы до сладенькихъ стишковъ,
И любятъ пѣть и плакать; а весною
Украдкой ходятъ слушать соловьевъ.
Отчаянно всѣ влюблены въ природу...
Но барышня моя другого роду;
Она была насмѣшлива, горда,
А гордость—добродѣтель, господа.

IX.

Она читала жадно... и равно
Марлинскаго и Пушкина любила
(Я сознаюсь въ ея проступкахъ), но
Не восклицала: „Ахъ, какъ это мило!“
А любовалась молча.—Вамъ смѣшно?
Не вѣрите вы въ Русскую Словесность?
И я не вѣрю тоже, хоть у насъ
Весьма легко пріобрѣсти извѣстность...
Россійскіе стихи—россійскій квасъ
Одну и ту же участь раздѣляютъ:
Въ порядочныхъ домахъ ихъ не читаютъ,
А квасъ не пьютъ... Но благодаренъ я
Такимъ чтецамъ, какъ барышня моя.

X.

Для нихъ пишу... Но полно. Каждый день—
Я вамъ сказалъ—она въ саду скиталась;
Она любила гордый шумъ и тѣнь
Старинныхъ липъ, и тихо погружалась
Въ отрадную, забывчивую лѣнь.
Такъ весело качалися березы,
Облитыя сверкающимъ лучомъ,
И по щекамъ ея катились слезы
Такъ медленно—Богъ вѣдаетъ о чемъ.
То, подойдя къ убогому забору,
Она стояла по часамъ... и взору
Тогда давала волю... Но глядитъ,
Бывало, все на блѣдный рядъ ракитъ.

XI.

Тамъ, черезъ ровный лугъ, отъ ихъ села
Верстахъ въ пяти, дорога шла большая,
И, какъ змѣя, свивалась и ползла
И, дальній лѣсъ украдкой огибая,
Ея всю душу за собой влекла.
Озарена какимъ-то блескомъ дивнымъ,
Земля чужая вдругъ являлась ей,
И кто-то милый голосомъ призывнымъ
Такъ чудно пѣлъ и говорилъ о ней.
Таинственной исполненные муки,
Надъ ней, звеня, носились эти звуки...
И вотъ, искалъ ея молящій взоръ
Другихъ небесъ—высокихъ, пышныхъ горъ...

XII.

И тополей, и трепетныхъ оливъ...
Искалъ земли плѣнительной и дальней;
Вдругъ русской пѣсни грустный переливъ
Напомнитъ ей о родинѣ печальной;
Она стоитъ, головку наклонивъ,
И надъ собой дивится, и съ улыбкой
Себя бранитъ; и медленно домой
Пойдетъ, вздохнувъ... то сломитъ прутикъ гибкой,

То броситъ вдругъ... разсѣянной рукой
Достанетъ книжку—развернетъ, закроетъ;
Любимый шепчетъ стихъ... а сердце ноетъ,
Лицо блѣднѣетъ... Въ этотъ чудный часъ
Я, признаюсь, хотѣлъ бы встрѣтить васъ.

XIII.

О, барышня моя, въ тѣни густой
Широкихъ липъ стоите вы безмолвно;
Вздыхаете; надъ вашей головой
Склонилась вѣтвь... а ваше сердце полно
Мучительной и грустной тишиной.
На васъ гляжу я: прелестью степною
Вы дышите—вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, какъ вечеръ предъ грозою,
Какъ майская томительная ночь.—
Но—можетъ-быть—увы! воспоминаньемъ
Вновь увлеченъ, подробнымъ описаньемъ
Я надоѣлъ—и потому готовъ
Разсказъ мой продолжать безъ лишнихъ словъ.

XIV.

Моей красоткѣ было двадцать лѣтъ.
(Иной мнѣ скажетъ: устрицамъ въ апрѣлѣ,
Дѣвицамъ лѣтъ въ пятнадцать—самый цвѣтъ...
Но я не спорю съ нимъ объ этомъ дѣлѣ:
О разныхъ вкусахъ спорить—толку нѣтъ.)
Ее Прасковьей звали; имя это
Не хорошо... Но я—я назову
Ее Парашей... Осень, зиму, лѣто
Они въ деревнѣ жили, и въ Москву
Не ѣздили затѣмъ, что плохи годы,
Что съ каждымъ годомъ падаютъ доходы,
Да сверхъ того Параша—грѣхъ какой!—
Изволила смѣяться надъ Москвой.

XV.

Москва, Москва, о, матушка Москва!
Но я хвалить тебя не смѣю, право:

Я потерялъ бывалыя права̀...
Твои жъ сыны превспыльчиваго права,
И въ нихъ мои смиренныя слова
Возбудятъ ревность, даже опасенья.
И потому къ Парашѣ молодой,
О, матушка, прошу я снисхожденья...
А если, о, читатель дорогой,
Навѣянный пріятностью разсказа,
Отрадный сонъ закрылъ вамъ оба глаза,—
Проснитесь—и представьте себѣ день,
Прежаркій день... (Я посажу васъ въ тѣнь.)

XVI.

Прежаркій день... но вовсе не такой,
Какихъ видалъ я на далёкомъ югѣ...
Томительно-глубокой синевой
Всё небо пышетъ; какъ больной въ недугѣ,
Земля горитъ и сохнетъ; подъ скалой
Сверкаетъ море блескомъ нестерпимымъ—
И движется, и дышитъ, и молчитъ...
И всѣ цвѣта подъ тѣмъ неумолимымъ
Могучимъ солнцемъ рдѣютъ... дивный видъ!
А вотъ, зарывшись весь въ песокъ блестящій,
Рыбакъ лежитъ... и каждый проходящій
Любуется имъ съ завистью; я самъ
Имъ тоже любовался по часамъ.

XVII.

У насъ не то̀. Хоть и у насъ не радъ
Бываешь жару... то̀чно—жаръ глубокой...
Гроза вдали сбирается... трещатъ
Кузнечики неистово въ высокой,
Сухой травѣ; въ тѣни сноповъ лежатъ
Жнецы; носы разинули вороны;
Грибами пахнетъ въ рощѣ; тамъ и сямъ
Собаки лаютъ; за водой студёной
Идетъ мужикъ съ кувшиномъ по кустамъ.
Тогда люблю ходить я въ лѣсъ дубовый,
Сидѣть въ тѣни спокойной и суровой,

Иль иногда подъ скромнымъ шалашомъ
Бесѣдовать съ разумнымъ мужичкомъ.

XVIII.

Въ такой-то день—Параша въ темный гротъ
(О немъ смотрите выше) шагъ за шагомъ
Пришла; предъ ней знакомый огородъ,
Знакомый прудъ; а дальше за оврагомъ
Знакомый лѣсъ на холмикѣ... Но вотъ,
Что показалось ей немного страннымъ:
Въ оврагѣ подъ кустомъ сидѣлъ одинъ
Охотникъ;—рѣзалъ хлѣбъ ножомъ карманнымъ;
Онъ—по всему замѣтно—господинъ,
Помѣщикъ; онъ въ перчаткахъ—и красиво
Одѣтъ... Вотъ онъ поѣлъ, потомъ лѣниво
Собаку кликнулъ, шапку снялъ, зѣвнулъ,
Раздвинулъ кустъ, улегся—и заснулъ.

XIX.

Заснулъ... Параша смотритъ на него,
И смотритъ, признаюсь, съ большимъ вниманьемъ;
Къ нимъ ѣздили сосѣди... но его
Лицо ей незнакомо; описаньемъ
Теперь мы не займемся оттого,
Что ужъ и такъ съ излишествомъ рѣчистъ я...
Онъ спитъ, а вѣтеръ шевелитъ
Его густые волосы, и листья
Надъ нимъ шушукаютъ... онъ сладко спитъ...
Параша смотритъ... онъ не дуренъ, право—
О чемъ же вдругъ такъ мило, такъ лукаво
Она смѣется? Я бъ отвѣтилъ, но
Мнѣ женскій смѣхъ постигнуть не дано.

XX.

И часъ прошелъ... и предвечерній зной
Внезапно началъ стынуть... ужъ и тѣни
Длиннѣе стали... Вотъ охотникъ мой
Проснулся, сталъ лѣниво на колѣни,
Надѣлъ небрежно шапку, головой

Тряхнулъ, хотѣлъ подняться... и остался...
Онъ увидалъ Парашу—о, друзья!
Глядѣлъ, глядѣлъ—съ смущеньемъ засмѣялся,
Вскочилъ, взглянулъ поспѣшно на себя,
Потомъ черезъ оврагъ легко и смѣло
Перебѣжалъ... Параша поблѣднѣла...
Но до забора онъ дошелъ и сталъ,
И съ вѣжливой улыбкой шапку снялъ.

XXI.

Она стояла, вспыхнувъ вся... и глазъ
Не подымая... Сильно и не ровно
Въ ней билось сердце.—„Умоляю васъ“, -
Такъ началъ онъ—и очень хладнокровно—
„Скажите мнѣ, теперь—который часъ?“
Сперва она немножко помолчала
И отвѣчала: „пятый“; а потомъ
Взглянула на него; но онъ, нимало
Не измѣнясь, спросилъ: „Чей это домъ?“
Потомъ весьма любезно извинился
Богъ знаетъ въ чемъ, и снова поклонился,
Но не ушелъ... Сказалъ, что онъ сосѣдъ,
И что съ ея отцомъ покойный дѣдъ

XXII.

Его былъ очень друженъ... что онъ радъ
Такой нежданной встрѣчѣ; понемногу
И двадцать разъ сказавши „виноватъ!“
(У насъ заборы плохи, слава Богу),
Черезъ заборъ онъ перебрался въ садъ.
Его лицо такъ мило улыбалось,
И карій глазъ такъ ласково сіялъ,
Что ей смѣшнымъ и страннымъ показалось
Дичиться... Онъ ей что-то разсказалъ,
Надъ чѣмъ она сперва довольно звонко,
Потомъ потише засмѣялась... Съ тонкой
Усмѣшкой посмотрѣлъ онъ ей въ глаза,
Потомъ ушелъ, пробормотавъ: „Comm'ça!“

XXIII.

И вслѣдъ она ему смотрѣла... Онъ
Черезъ плечо внезапно оглянулся,
Пожалъ плечьми—и словно пріученъ
Къ побѣдамъ—равнодушно улыбнулся.
И ей досадно стало... Громкій звонъ
Раздался въ домѣ... Чай готовъ... Небрежно
Она, вернувшись, разсказала все
Отцу... Онъ засмѣялся безмятежно,
Заговорилъ про старое житье,
Про дѣда... Но уѣздный засѣдатель,
Вдовецъ, Парашинъ древній обожатель,
Разгнѣвался и покраснѣлъ, какъ ракъ,
И объявилъ, что ихъ сосѣдъ—чудакъ.

XXIV.

А я бъ его не назвалъ чудакомъ...
Но мы объ немъ поговорить успѣемъ.
Параша сѣла молча подъ окномъ
И, подпершись рукой,—мы лгать не смѣемъ-
Все думала да думала о немъ.
Алѣетъ небо, надъ травой усталой
Поднялся паръ... Недвижны стали вдругъ
Верхушки липъ; свѣжѣетъ воздухъ вялый,
Темнѣетъ лѣсъ и оживаетъ лугъ.
Вечерній вѣтеръ вѣетъ такъ прохладно,
И ласточки летаютъ такъ отрадно...
На церкви крестъ зардѣлся, а рѣка
Такъ пышно отражаетъ облака...

XXV.

Люблю сидѣть я подъ окномъ моимъ,
(А въ комнатѣ шумятъ, смѣются дѣти),
Когда надъ лѣсомъ темно-голубымъ
Такъ ярко пышетъ небосклонъ... О, въ эти
Часы я тихъ и добръ, люблю, любимъ...
Но кто пойметъ, кто скажетъ, чѣмъ такъ чудно
Томилось сердце барышни моей?

Состарѣвшись, и тяжело, и трудно
Припоминать блаженство прежнихъ дней,
Тѣхъ дней, когда безъ всякаго усилья
Любовь, какъ птица, расширяетъ крылья,
И на душѣ такъ страстно, такъ свѣтло...
Но это все прошло, давно прошло.

XXVI.

Да, вы прошли и не вернетесь вновь
Часы молитвъ таинственныхъ и страстныхъ,
Безпечная, свободная любовь,
Порывы думъ, младенчески прекрасныхъ...
Все, все прошло, горитъ упорно кровь
Глухимъ огнемъ... А, помнится, бывало
Верхомъ я ѣду вечеромъ; гляжу
На облака, а вѣтръ, какъ опахало,
Въ лицо мнѣ тихо вѣетъ; я дышу
Такъ медленно, и, благодати полный,
Я ѣду, ѣду, блѣдный и безмолвный...
Но, впрочемъ, кто ребенкомъ не бывалъ
И не забылъ всего, что обожалъ?

XXVII.

Онъ обѣщалъ придти—твердитъ она...
И хочетъ, и не можетъ оторваться;
Но неужель Параша влюблена?
Не думаю, но не могу ручаться...
А вотъ и ночь: и вкралась тишина,
Какъ поцѣлуй томительно протяжный,
Во все земное... Спать пора, сосѣдъ!
Сказалъ отецъ, а мать съ улыбкой важной
Его зоветъ на завтрашній обѣдъ.
Параша въ садъ таинственный и темный
Пошла—и понемногу грусти томной
Вся предалась... Но онъ-то, что же онъ?
Я вамъ скажу—онъ вовсе не влюбленъ.

XXVIII.

Хотите ль знать, что онъ за человѣкъ?
Извольте: онъ богатъ, служилъ въ военной;

Чужимъ умомъ питался весь свой вѣкъ,
Но ловокъ былъ и вкрадчивъ. Изнуренный,
Скучающій, направилъ онъ свой бѣгъ
Въ чужія страны; съ грустною улыбкой
Вездѣ бродилъ, надменный и нѣмой;
Но умъ его, насмѣшливый и гибкой,
Изъ-за границы вынесъ цѣлый рой
Безплодныхъ словъ и множество сомнѣній,
Плоды лукавыхъ, робкихъ наблюденій...
Онъ надо всѣмъ смѣялся; но усталъ—
И надъ собой смѣяться пересталъ.

XXIX.

Мы за границу ѣздимъ—о, друзья!—
Какъ казаки въ походъ... Намъ все не въ диво;
Спѣшимъ, чужихъ презрительно браня,
Ихъ свѣдѣній набраться торопливо...
И вотъ твердимъ, безъ страсти, безъ огня,
Что и до насъ дошло—но что, быть-можетъ,
Среди бореній грозныхъ рождено—
Что тамъ людей мучительно встревожитъ,
Что тамъ погубитъ сердце не одно...
Не перейдя черезъ огонь страданья,
Мы не узнаемъ радостей познанья,
И наконецъ съ безсмысленной тоской
Пойдемъ и мы дорогой столбовой.

XXX.

Но къ дѣлу. Онъ, какъ я вамъ доложилъ,
Въ отставкѣ былъ. Пока онъ былъ на службѣ,
Онъ выѣзжалъ, гулялъ, плясалъ, шалилъ,
Пріятелей обыгрывалъ—по дружбѣ—
И былъ—какъ говорится—очень милъ.
Онъ былъ любезенъ, влюбчивъ, но спокоенъ
И горделивъ... а потому любимъ;
И многихъ женщинъ былъ онъ недостоинъ,
Обманутыхъ и позабытыхъ имъ.
Онъ веселъ былъ, но веселъ безотрадно;
Надъ чудакомъ смѣялся безпощадно,

Но въ обществѣ не славился умомъ
И не былъ „замѣчательнымъ лицомъ“.

XXXI.

А между тѣмъ его любили... Онъ
Плѣнялъ людей безпечностью свободной,
И былъ хорошъ собой и одаренъ
Душой самолюбивой и холодной.
Онъ, я сказалъ, не очень былъ умепъ,
Но всѣмъ ему дарованнымъ отъ Бога
Владѣлъ вполнѣ... и презиралъ людей...
А потому имѣлъ довольно много
„Испытанныхъ и преданныхъ“ друзей.
Онъ съ ними вмѣстѣ надъ толпой смѣялся
(И отъ толпы съ презрѣніемъ отчуждался),
И думали всѣ эти господа,
Что кромѣ нихъ—все вздоръ и суета.

XXXII.

Онъ все бранилъ отъ скуки—та̀къ!..
Не предаваясь злобѣ слишкомъ дѣтской.
Скажу вамъ, въ бѣсы мѣтилъ мой острякъ;
Но русскій бѣсъ не то̀, что чортъ нѣмецкой.
Нѣмецкій чортъ—задумчивый чудакъ
Смѣшонъ и страшенъ; нашъ же бѣсъ природный
Россійскій бѣсъ—и толстъ, и простоватъ,
Наружности отмѣнно благородной,
И ужъ куда̀ какой аристократъ!
Не удивляйтесь: мой пріятель тоже
Былъ очень друженъ не съ однимъ вельможей,
И падалъ въ прахъ съ смѣющимся лицомъ
Предъ золотымъ тельцомъ—или быкомъ.

XXXIII.

Вамъ гадко... Но, читатель добрый мой,
Увы! и я люблю большого свѣта
Спокойный блескъ, и съ радостью смѣшной
Любуюсь гордымъ холодомъ привѣта—
Всей этой жизнью звонкой и пустой.

На этотъ міръ гляжу я безъ желанья,
Но первый самъ я хохотать готовъ
Надъ жаромъ ложнаго негодованья
Непризнанныхъ, безхвостыхъ „львицъ и львовъ!"
Да сверхъ того вся пишущая братья
На „свѣтъ и роскошь" сыпала проклятья...
А потому см. творенья ихъ;
А я сегодня—что-то очень тихъ.

XXXIV.

Люблю я пышныхъ комнатъ стройный рядъ
И блескъ, и прихоть роскоши старинной...
А женщины... люблю я этотъ взглядъ
Разсѣянный, насмѣшливый и длинный;
Люблю простой, обдуманный нарядъ...
Я этихъ губъ люблю надменный очеркъ,
Задумчиво приподнятую бровь;
Душистыя записки, быстрый почеркъ,
Душистую и быструю любовь!
Люблю я эту поступь, эти плечи,
Небрежныя, заманчивыя рѣчи...
Узнали ль вы, друзья, скажите мнѣ,
Съ кого портретъ писалъ я въ тишинѣ?

XXXV.

„Но", скажутъ мнѣ: „внѣ свѣта никогда
Вы не встрѣчали женщиной прекрасной?"
Такихъ особъ встрѣчалъ я иногда
И даже въ двухъ влюбился очень страстно;
Какъ полевой цвѣтокъ, онѣ всегда
Такъ милы, но, какъ онъ, свой легкій запахъ
Онѣ теряютъ вдругъ... И, Боже мой,
Какъ не завянутъ имъ въ неловкихъ лапахъ
Чиновника, довольнаго собой?
Но сознаюсь, и сознаюсь съ смущеньемъ,
Я заболтался вновь—и съ наслажденьемъ
Къ моей Парашѣ я спѣшу—спѣшу
И вотъ ее въ гостиной нахожу.

XXXVI.

Она сидитъ близъ матери... На ней
Простое платье; но мы замѣчаемъ
За поясомъ цвѣтокъ. Она блѣднѣй
Вчерашняго, взволнована. За чаемъ
Хлопочетъ няня; батюшка моей
Параши новый фракъ надѣлъ; къ окошку
Подходитъ часто: нѣтъ, не ѣдетъ гость!
А обѣщалъ... и что же? понемножку
Ее берётъ дѣвическая злость...
Ея прическа такъ мила, перчатки
Такъ свѣжи, видно всѣ мои догадки
Не ложны... „Что́, мой другъ, ты такъ грустна?"
Спросила мать—и вздрогнула она.

XXXVII.

И слабо улыбнулась... и идетъ
Къ окну; садится медленно за пяльцы;
И головы не подымая шьетъ,
Но что́-то часто колетъ себѣ пальцы.
И думаетъ: „Ну что жъ? онъ не придетъ..."
Отъ тонкой шеи, слабо наклоненной,
Такъ гордо отдѣлялася коса...
Ея глаза, читатель мой почтенный,
Я не могу вамъ описать глаза
Моей слегка взволнованной дѣвицы—
Ихъ закрывали длинныя рѣсницы...
Я на нее глядѣлъ бы цѣлый вѣкъ;
А онъ не ѣдетъ—глупый человѣкъ!—

XXXVIII.

Но вдругъ раздался топотъ у крыльца
И входитъ „онъ." „На-силу! какъ мы рады!"
Онъ трижды щеки пухлыя отца
Облобызалъ... потомъ, приличья ради,
Къ хозяйкѣ къ ручкѣ подошелъ... Съ чеица
До башмаковъ ее окинулъ взглядомъ
И быстро усмѣхнулся, а потомъ

Парашѣ низко поклонился, рядомъ
Съ ней сѣлъ и началъ рѣчь о томъ, о сёмъ..
Внимательно старинные разсказы
Хозяевъ слушалъ; три-четыре фразы
Съ привѣтливой улыбкой отпустилъ—
И стариковъ „плѣнилъ и восхитилъ“.

XXXIX.

Съ Парашей онъ ни слова... На нее
Не смотритъ онъ, но всѣ его движенья,
Звукъ голоса, улыбка—дышитъ все
Сознаніемъ внезапнаго сближенья...
Какъ нѣженъ онъ! Какъ онъ щадитъ ее!
Какъ онъ томится тайнымъ ожиданьемъ...
Ей стало легче; молча на него
Она глядитъ съ задумчивымъ вниманьемъ,
Не понимая сердца своего...
И этотъ взглядъ,—и женскій, и ребячій,—
Почувствовалъ онъ на щекѣ горячей,
И, предаваясь дивной тишинѣ,
Онъ наслаждался страстно и вполнѣ.

XL.

Не нравится онъ вамъ, читатель мой...
Но въ этотъ мигъ онъ былъ любимъ не даромъ:
Онъ былъ проникнутъ мирной простотой,
Онъ весь пылалъ святымъ и чистымъ жаромъ,
Онъ покорялся весь душѣ другой.
Онъ былъ любимъ—какъ скоро! Но, быть-можетъ,
Я на свою Парашу клевещу...
Скажите—ваша память мнѣ поможетъ—
Какъ мнѣ назвать ту страстную тоску,
Ту грустную, невольную тревогу,
Которая беретъ васъ понемногу...
Къ чему намъ лицемѣрить—о, друзья!—
Ее любовью называю я.

XLI.

Но эта искра часто гаснетъ... да;
И вспыхнувши горитъ довольно странно,

И смертныхъ восхищаетъ не всегда.
Я выражаюсь нѣсколько туманно...
Но весело должно-быть, господа,
Разгаръ любви слѣдить въ душѣ прекрасной,
Подслушать вздохъ, задумчивую рѣчь,
Подмѣтить взглядъ довѣрчивый и ясный,
Былое сбросить все, какъ ношу съ плечъ...
Случайности предаться безъ возврата
И чувствовать, что жизнь полна, богата,
И что способность празднаго ума
Смѣяться надо всѣмъ—смѣшна сама.

XLII.

И такъ они сидѣли рядомъ... Съ ней
Заговорилъ онъ... Страненъ, но понятенъ
Нарашѣ смыслъ уклончивыхъ рѣчей...
Она его боится, но пріятенъ
Ей этотъ страхъ, и робости своей
Она едва ль не радуется тайно.
Шутя, скользитъ небрежный разговоръ;
И вдругъ глаза ихъ встрѣтились случайно—
Она не тотчасъ опустила взоръ...
И встала, безъ причины приласкалась
Къ отцу... Ласкаясь, тихо улыбалась,
И, говоря о немъ, сказала: „онъ“...
Читатель—я, признайтесь, я смѣшонъ.

XLIII.

А между тѣмъ ночь наступаетъ... Въ рядъ
Вдали ложатся тучи. Ровной мглою
Наполненъ воздухъ... Липы чуть шумятъ,
И яблони надъ темною травою,
Раскинувъ вѣтки, висятся и спятъ.
Лишь изрѣдка промчится легкій трепетъ
Въ березахъ; тамъ за рѣчкой соловей
Поетъ себѣ—и слышенъ долгій лепетъ,
Немолчный шопотъ дремлющихъ степей.
И въ комнату, какъ вздохъ земли безсонной,
Влетаетъ робко вѣтеръ благовонный—

И манитъ въ садъ, и въ поле, и въ лѣса,
Подъ вѣчныя, святыя небеса...

XLIV.

Я помню самъ старинный, грустный садъ,
Спокойный прудъ, широкій, молчаливый...
Я помню: волны мелкія дрожатъ
У берега въ тѣни плакучей ивы;
Я помнѣ—много лѣтъ тому назадъ—
Я въ томъ саду хожу въ травѣ высокой
(Дорожки всѣ травою поросли),
Заря такъ дивно рдѣетъ... блескъ глубокой
Раскинулся отъ неба до земли...
Хожу, брожу задумчивый, усталый,
О женщинѣ мечтаю небывалой...
И о прогулкѣ поздней и нѣмой—
И это все сбылось, о, Боже мой!

XLV.

„А не хотите ль въ садъ?“ сказалъ старикъ—
„А? Викторъ Алексѣичъ!—вмѣстѣ съ нами?
Садъ у меня простенекъ, но великъ;
Дорожки есть и клумбочки съ цвѣтами“.
Они пошли... Вечерній, громкій крикъ
Коростелей ихъ встрѣтилъ; лугъ огромный
Бѣлѣлъ вдали. Недвижныхъ тучъ гряда
Раскинулась надъ нимъ; сквозь пологъ темный
Широкихъ липъ украдкою звѣзда
Блеснетъ и скроется. И по аллеѣ
Идутъ они: одна чета скорѣе,
Другая тише, тише все... и вдругъ
Съ супругой добродѣтельный супругъ

XLVI.

Отсталъ... О хитрость сельская! Межъ тѣмъ
Параша съ нимъ идетъ не слишкомъ скоро...
Ея душа спокойна—не совсѣмъ;
А онъ не начинаетъ разговора
И рядомъ съ ней идетъ, смущенъ и нѣмъ.

Боится онъ внезапныхъ объясненій,
Чувствительныхъ порывовъ... Иногда
Онъ допускалъ возможность исключеній,
Но въ пошлость вѣрилъ твердо и всегда.
И, признаюсь, онъ ошибался рѣдко
И обо всемъ судилъ довольно мѣтко...
Но міръ „*другой*“ ему былъ незнакомъ,
И онъ—злодѣй!—не сожалѣлъ о немъ.

XLVII.

„Помилуйте—давно ль вашъ Викторъ былъ
И тронутъ, и встревоженъ, и такъ далѣ?“
Пріятель мой—я вамъ сказать забылъ—
Клялся въ любви единственно на балѣ,
И только тѣмъ, которыхъ не любилъ.
Когда же самъ любовной лихорадки
Начальный жаръ въ себѣ онъ признавалъ,
Его терзали, мучили догадки,
Свою любовь, какъ кладъ, онъ зарывалъ,
И съ чувствами своими, какъ художникъ,
Любилъ одинъ возиться мой безбожникъ...
И вдругъ—съ уѣздной барышней въ саду...
Едва ль ему отраднѣй, чѣмъ въ аду.

XLVIII.

Но постепенно таетъ онъ... Хотя
Почтенные родители некстати
Отстали, но она—она дитя;
На этомъ тихомъ личикѣ печати
Лукавства нѣтъ; и вотъ—какъ бы шутя,
Ея онъ руку взялъ... и понемногу
Предался вновь пріятной тишинѣ...
И думаетъ съ отрадой: „Слава Богу,
„До осени въ деревнѣ будетъ мнѣ
„Не скучно жить, а тамъ... Но я взволнованъ
„Я, кажется, влюбленъ и очарованъ!“
Опять влюбленъ? Но почему жъ?—Сейчасъ,
Друзья мои, я успокою васъ.

XLIX.

Во-первыхъ: ночь прекрасная была,
Ночь лѣтняя, спокойная, нѣмая;
Не свѣтила луна, хоть и взошла;
Рѣка, во тьмѣ таинственно сверкая,
Текла вдали. Дорожка къ ней вела;
А листья въ вышинѣ толпой незримой
Лепечутъ; вотъ они сошли въ оврагъ,
И, словно ихъ движеніемъ гонимый,
Предъ ними разступался мягкій мракъ...
Противиться не могъ онъ обаянью—
Онъ волю далъ безпечному мечтанью,
И улыбался мирно, и вздыхалъ...
А свѣжій вѣтръ въ глаза ихъ лобызалъ.

L.

А во-вторыхъ: Параша не молчитъ
И не вздыхаетъ съ приторной ужимкой;
Но говоритъ и просто говоритъ.
Она такъ мило движется; какъ дымкой,
Прозрачной тѣнью трепетно облитъ
Ея высокій станъ... Онъ отдыхаетъ;
Ужъ онъ и радъ, что съ ней они вдвоемъ.
Заговорилъ... А сердце въ ней пылаетъ
Невѣдомымъ, томительнымъ огнемъ.
Ихъ—запахомъ встрѣчаетъ кустъ незримый,
И, словно тоже страстію томимый,
Вдали, вдали—на рубежѣ степей
Гремитъ, поетъ и плачетъ соловей.

LI.

И, можетъ-быть, онъ началъ понимать
Всю прелесть первыхъ трепетныхъ движеній
Ея души... и сталъ въ немъ утихать
Крикливый рой смѣшныхъ предубѣжденій.
Но ей одной доступна благодать
Любви простой, и дѣтской, и стыдливой..
Нѣтъ! о любви не думаетъ она,

Но, какъ листокъ блестящій и счастливый,
Ее несетъ широкая волна...
Все—въ этотъ мигъ—кругомъ ей улыбалось,
Надъ ней одной все небо наклонялось,
И, колыхаясь медленно, трава
Ей вслѣдъ шептала милыя слова...

LII.

Они все шли, да шли... Пріятель мой
Парашей любовался молчаливо;
Она вся расцвѣтала, какъ весной
Земля цвѣтетъ, и страстно, и лѣниво
Подъ теплою, обильною росой.
Облитое холодной, влажной мглою
Ея лицо горитъ... И понялъ онъ,
Что будетъ онъ владѣть ея душою,
Что онъ любимъ, что самъ онъ увлеченъ.
Она молчитъ—подобное молчанье
Имѣетъ всѣмъ извѣстное названье...
И онъ склонился—и ея рука
Подъ поцѣлуемъ вспыхнула слегка.

LIII.

Читайте дальше, дальше, господа!
Не бойтесь: я писатель благонравный.
Шалилъ мой другъ въ бывалые года,
Но былъ всегда онъ малый „честный, славный“
И не вкушалъ незрѣлаго плода.
Притомъ онъ самъ былъ тронуть: да, признаться,
Онъ постарѣлъ—усталъ; не въ первый разъ
Себѣ давалъ онъ слово не влюбляться
Безъ цѣли... Иногда въ свободный часъ
Мечталъ онъ о законномъ, мирномъ бракѣ...
Но между тѣмъ онъ чувствуетъ: во мракѣ
Параша вся дрожитъ... и мой герой
Сказалъ ей: „не вернуться ль намъ домой?“—

LIV.

Они пошли домой; но—признаюсь—
Они пошли дорогой самой длинной...

И говорили много... Я стыжусь
Пересказать ихъ разговоръ невинный
И вовсе не чувствительный, клянусь.
Она болтала съ нимъ, какъ съ старымъ другомъ,
Но голосъ бѣдной дѣвушки слегка
Звенѣлъ едва исчезнувшимъ испугомъ,
Слегка дрожала жаркая рука...
Все кончено: она ему ввѣрялась,
Сближенію стыдливо предавалась...
Такъ въ рѣчку ножку робкую дитя
Заноситъ, сукъ надежный ухватя.

LV.

И наконецъ они пришли домой.
За ужиномъ весьма краснорѣчиво
И съ чувствомъ говорилъ пріятель мой.
Старикъ глядитъ на гостя, какъ на диво;
Параша тихо подперлась рукой
И слушаетъ. Но полночь бьетъ; готова
Его коляска; онъ встаетъ; отецъ
Его цѣлуетъ нѣжно, какъ родного;
Хозяйка чуть не плачетъ... Наконецъ
Уѣхалъ онъ; но въ самый мигъ прощанья
Онъ ей шепнулъ съ улыбкой: „до свиданья“,
И, уходя совсѣмъ, изъ-за дверей
Онъ долгимъ взглядомъ помѣнялся съ ней.

LVI.

Онъ ѣдетъ; тихо все... глухая ночь;
Передъ коляской скачетъ провожатый.
И шепчетъ онъ: „Я радъ сосѣдямъ... дочь
У нихъ одна; онъ человѣкъ богатый...
Притомъ она мила“... Онъ гонитъ прочь
Другія, неумѣстныя мечтанья,
Отзвучія давно минувшихъ дней...
Не чувствуя ни страха, ни желанья,
Она ходила въ комнаткѣ своей;
Ея душа нѣмѣла; ей казалось,
Что въ этотъ мигъ какъ-будто измѣнялось

Все прежнее—вся жизнь ея. И сонъ
Ее застигъ; во снѣ явился—онъ.

LVII.

Онъ... грустно мнѣ; туманятся слезой
Мои глаза... Гляжу я: у окошка
Она сидитъ на креслахъ; головой
Склонилась на подушку; съ плечъ немножко
Спустилася косынка... Золотой
И легкій локонъ вьется боязливо
По блѣдному лицу; а на губахъ
Улыбка расцвѣтаетъ молчаливо.
Луна глядитъ въ окно... Невольный страхъ
Меня томитъ; мнѣ слышится: надъ спящей,
Какъ колокольчикъ звонкій и дрожащій,
Раздался смѣхъ... и кто-то говоритъ...
И голосокъ насмѣшливо звенитъ:

„Въ теплый вечеръ, въ ульяхъ чистыхъ
Зрѣютъ свѣтлые соты;
Въ теплый вечеръ, липъ душистыхъ
Раскрываются цвѣты;
И когда по нимъ слезами
Потечетъ прозрачный медъ—
Вьется жадно надъ цвѣтами
Пчелъ ликующій народъ...
Наклоняя сладострастно
Свой усталый стебелекъ,
Гостя милаго напрасно
Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ.
Такъ и ты цвѣла стыдливо,
И въ тебѣ, дитя мое,
Созрѣвало прихотливо
Сердце страстное твое...
И теперь въ красѣ расцвѣта,
Обаянія полна,
Ты стоишь подъ солнцемъ лѣта,
Одинока и пышна.
Такъ склонись же, стебель стройный,

Такъ раскройся жъ, мой цвѣтокъ;
Прилетѣлъ женихъ достойный—
Въ твой забытый уголокъ!“—

LVIII.

Но, впрочемъ, это кончиться ничѣмъ
Могло... Онъ могъ уѣхать, и сосѣдку,
Прогулку и любовь—забыть совсѣмъ,
Какъ забываешь брошенную вѣтку.
Да и она, едва ль... Но, между тѣмъ,
Какъ по̀ саду они вдвоемъ скитались,
Что̀, если бъ онъ, кого всѣ знаемъ мы,
Кого мы въ дѣтствѣ—помнится—боялись,
Пока у насъ не развились умы,
Что̀, если бъ бѣсъ печальный и могучій
Надъ садомъ тѣмъ, на лонѣ мрачной тучи
Пропесся—и надъ любящей четой
Поникъ бы вдругъ угрюмой головой?

LIX.

Что бъ онъ сказалъ? Онъ видывалъ не разъ,
Какъ Донъ-Жуанъ какой-нибудь лукаво
Невинный женскій умъ, въ удобный часъ,
Опутывалъ и увлекалъ... и право—
Не тѣшился онъ зрѣлищемъ проказъ,
Извѣстныхъ до временъ столпотворенья...
Лишь иногда съ досадой знатока
Онъ осуждалъ его распоряженья,
Давалъ совѣты изрѣдка, слегка;
Но все жъ надъ ней одной онъ могъ смѣяться...
А въ этотъ разъ онъ сталъ бы забавляться
Вполнѣ и надъ обоими. Друзья,
Вы—кажется—не поняли меня?

LX.

Мой Викторъ не былъ Донъ-Жуаномъ. Ей
Не предстояли грозныя волненья.
„Тѣмъ лучше“, скажутъ мнѣ—„разгаръ страстей
„Опасенъ“... Точно; лучше, безъ сомнѣнья,

Спокойно жить и приживать дѣтей
И не давать, особенно въ началѣ,
Щекамъ пылать... склоняться головѣ...
А сердцу забываться—и такъ далѣ.
Не правда ль? Общепринятой молвѣ
Я покоряюсь молча... Поздравляю
Парашу—и судьбѣ ее вручаю—
Подобной жизнью будетъ жить она;
А кажется хохочетъ сатана...

LXI.

Мой Викторъ пересталъ любить давно...
Въ немъ сызмала горѣли страсти скупо;
Но, впрочемъ, тѣмъ же свѣтомъ рѣшено,
Что по любви жениться—даже глупо.
И вотъ въ кого ей было суждено
Влюбиться... Что жъ? онъ человѣкъ прекрасный,
И, какъ умѣетъ, самъ влюбленъ въ нее;
Ея души задумчивой и страстной
Сбылись надежды всѣ... сбылося все,
Чему она дать имя не умѣла,
О чемъ молиться смѣла и не смѣла...
Сбылося все... и оба влюблены...
Но все жъ мнѣ слышенъ хохотъ сатаны.

LXII.

Друзья! я вижу бѣса... На заборъ
Онъ оперся—и смотритъ; за четою
Насмѣшливо слѣдитъ угрюмый взоръ.
И слышно: вдалекѣ, лихой грозою
Растерзанный, печально воетъ боръ...
Моя душа трепещетъ поневолѣ;
Мнѣ кажется, онъ смотритъ не па нихъ—
Россія вся раскинулась, какъ поле,
Передъ его глазами въ этотъ мигъ...
И какъ блестятъ надъ тучами зарницы,
Сверкаютъ злобно яркія зѣницы;
И страшная улыбка проползла
Медлительно вдоль губъ владыки зла.

. . . . . .

. . . . . .

LXIII.

Я долго былъ въ отсутствіи; и вотъ,
Лѣтъ черезъ пять я встрѣтилъ ихъ, о, други!
Онъ былъ женатъ на ней четвертый годъ
И какъ-то странно потолстѣлъ. Супруги
Мнѣ были рады оба. Мой приходъ
Напомнилъ ей о прежнемъ—и сначала
Ее встревожилъ нѣсколько... Она
Поплакала; ей даже грустно стало,
Но грусть замужней женщины смѣшна.
Какъ ручеекъ извилистый, но плавный,
Катилась жизнь Прасковьи Николавны;
И даже мужъ, я вамъ не все сказалъ,
Ее весьма любилъ и уважалъ.

LXIV.

Сперва онъ тѣшился надъ ней; потомъ
Привыкъ къ нимъ ѣздить; наконецъ—женился;
Увидѣвъ дочь подъ свадебнымъ вѣнцомъ,
Старикъ-отецъ умильно прослезился
И молодымъ построилъ славный домъ,
Обширный, по старинному удобно
Расположенный... О, друзья мои,
Повѣрьте: въ жизни все правдоподобно...
Вы, можетъ-быть, мнѣ скажете: любви,
Ея любви не стоилъ онъ... Кто знаетъ?
Друзья, пускай другой вамъ отвѣчаетъ;
Пора мнѣ кончить; много я болталъ
И вамъ я надоѣлъ, и самъ усталъ.

LXV.

Но—Боже! то ли думалъ я, когда,
Исполненный нѣмого обожанья,
Ея душѣ я предрекалъ года
Святого благодатнаго страданья!

Съ надеждами разставшись навсегда,
Свыкался я съ суровымъ отчужденьемъ,
Но въ ней ласкалъ послѣднюю мечту
И на нее съ таинственнымъ волненьемъ
Глядѣлъ, какъ на любимую звѣзду...
И что жъ? я былъ обманутъ такъ невинно,
Такъ просто, такъ естественно, такъ чинно,
Что въ истинѣ своихъ желаній я
Сталъ сомнѣваться, милые друзья.

LXVI.

И вотъ, что ей сулили ночи той,
Той лѣтней ночи страстныя мгновенья,
Когда съ такой тревожной быстротой
Въ ея душѣ смѣнялись вдохновенья...
Прощай, Параша! Время на покой;
Перо къ концу спѣшитъ нетерпѣливо...
Что жъ мнѣ сказать о ней? Признаться вамъ,
Ее никто не назоветъ счастливой
Вполнѣ... Она вздыхаетъ по часамъ
И въ памяти хранитъ, какъ совершенство,
Невинности нелѣпое блаженство!
Я скоро съ ней разстался... и едва ль
Ее увижу вновь... Ее мнѣ жаль.

LXVII.

Мнѣ жаль ее... Быть-можетъ, если бъ рокъ
Ее повелъ другой—другой дорогой...
Но рокъ, такъ всѣми принято, жестокъ;
А потому и поступаетъ строго.
Припомнивъ взглядъ любимый, я бы могъ,
Я бы хотѣлъ сказать, чѣмъ разставаясь
Съ Парашей вся душа томится... Но—
На серебристомъ снѣгѣ разгораясь,
Блестятъ лучи; скрипитъ морозъ; давно
Пора на свѣжій воздухъ, на свободу...
И потому я кланяюсь народу
Читателей—снимаю свой колпакъ
Почтительно—и выражаюсь такъ:

LXVIII.

„Читатель мой, прощайте! Мой разсказъ
Васъ усыпилъ иль разсмѣшилъ—не знаю;
Но я, хоть вижусь съ вами въ первый разъ,
Дальнѣйшаго знакомства не желаю...
Все оттого, что уважаю васъ.
Свои ошибки вижу я: ихъ много;
Но вы добры, я слышалъ, и меня
По глупости, простите, ради Бога!“
А вы, мои любезные друзья,
Не удивляйтесь: страстію несчастной
Съ ребячьихъ лѣтъ страдалъ вашъ другъ прекрасной...
Писалъ стихи... мнѣ стыдно; такъ и быть!
Прошу васъ эти бредни позабыть!—

LXIX.

А если кто разсказъ небрежный мой
Прочтетъ—и вдругъ, задумавшись невольно,
На мигъ одинъ поникнетъ головой
И скажетъ мнѣ спасибо: мнѣ довольно...
Тому давно—стоялъ я надъ кормой,
И плыли мы вдоль города чужого;
Я былъ одинъ на палубѣ... Волна
Вздымала насъ и опускала снова...
И вдругъ мнѣ кто-то машетъ изъ окна,
Кто онъ, когда и гдѣ мы съ нимъ видались,
Не могъ я вспомнить... быстро мы промчались—
Ему въ отвѣтъ и я махнулъ рукой—
И городъ тихо скрылся за горой.

РАЗГОВОРЪ.

Посвящено

* . . . . . * . . . . . * . . . . . .

Одинъ, передъ нѣмымъ и сумрачнымъ дворцомъ
Бродилъ я вечеромъ, исполненный раздумья;
Блестящій пиръ утихъ; дремало все кругомъ—
И замеръ громкій смѣхъ веселаго безумья.
Среди таинственной, великой тишины
Березы гибкія шептали боязливо,
И каменные львы глядѣлись молчаливо
Въ стальное зеркало темнѣющей волны.

И спящій міръ дышалъ безсмертной красотой...
Но глазъ не подымалъ и проходилъ я мимо;
О жизни думалъ я, объ Истинѣ святой,
О всемъ, что на землѣ навѣкъ неразрѣшимо.
Я небо вопрошалъ... и тяжко было мнѣ—
И вся душа моя пресытилась тоскою...
А звѣзды вѣчныя спокойной чередою *)
Торжественно неслись въ туманной вышинѣ.

Іюль 1844.

---

*) Варіантъ въ рукописи:
А звѣзды вѣчныя высоко надъ землею
Торжественно неслись въ надменной тишинѣ.

I.

Въ пещерѣ мрачной и сырой
Отшельникъ блѣдный и худой
Молился. Дряхлой головой
Онъ наклонялся до земли,
И слезы медленно текли
По сморщеннымъ его щекамъ,
Текли по трепетнымъ губамъ
На руки сжатыя крестомъ.
Таилась въ голосѣ глухомъ
Полуживого старика
Непобѣжденная тоска...
Тотъ голосъ... Много золъ и мукъ
Смягчили прежній, гордый звукъ...
И послѣ многихъ тайныхъ битвъ,
И послѣ многихъ горькихъ слезъ,
Слова смиренныя молитвъ
Онъ, изнывая, произнесъ.
Бывало—пламенная рѣчь
Звенѣла, какъ булатный мечъ,
Гремѣла какъ набатъ, когда
Во дни покорности, стыда
Упругой мѣди тяжкій ревъ
Въ народѣ будитъ ярый гнѣвъ,
И мчатся граждане толпой
На грозный, на послѣдній бой.
Теперь же—съ блѣдныхъ губъ—едва
Беззвучно падаютъ слова,
Какъ поздней осенью съ вершинъ
Нагихъ и трепетныхъ осинъ
На землю грустной чередой
Ложится листьевъ легкій рой.

II.

И всталъ старикъ...
Кончался день;
Темнѣла даль; густѣла тѣнь;
И вотъ насталъ волшебный мигъ,

Когда прозраченъ, чистъ и тихъ
Вечерній воздухъ... Ночь близка...
Заря пылаетъ... Облака
Блестятъ и таютъ... Спитъ рѣка...
И смутный говоръ мелкихъ волнъ
Невыразимой нѣги полнъ,
И такъ торжественны лѣса,
Такъ безконечны небеса...

III.

И долго—блѣдный, какъ мертвецъ,
Стоялъ пустынникъ... Наконецъ *)
Онъ вышелъ медленно на свѣтъ.
И словно дружескій привѣтъ,
Знакомый, любящій, родной,
Въ вершинѣ липы молодой
Внезапно перелетный шумъ
Промчался... Сумраченъ, угрюмъ,
Стоялъ старикъ... Но такъ свѣтло
Струилась рѣчка, такъ тепло
Коснулся мягкій вѣтерокъ
Его волосъ, и такъ глубокъ,
И звучно-тихъ, и золотистъ
Былъ пышный лѣсъ, и каждый листъ
Сверкалъ такъ радостно, что вдругъ
Въ безумцѣ замеръ злой недугъ—
И озарилися слегка
Нѣмыя губы старика,
Подъ длинной, бѣлой бородой,
Улыбкой грустной, но живой.

IV.

Но вотъ раздался шумъ шаговъ...
И быстро вышелъ изъ кустовъ
Нежданый гость. Онъ иногда
Съ отшельникомъ—по вечерамъ—
Сходился въ прежніе года...

---

*) Вздохнулъ задумчиво монахъ...
И четки стиснувши въ рукахъ,

Его задумчивымъ рѣчамъ
Онъ съ дѣтской жадностью внималъ...
Съ тѣхъ поръ онъ выросъ, возмужалъ
И началъ жить... Прошли, какъ сонъ,
За днями дни, за годомъ годъ...
Завяла жизнь... И вспомнилъ онъ
Тѣ встрѣчи, молодость, и вотъ,
Стоитъ онъ съ пасмурнымъ лицомъ
Предъ изумленнымъ старикомъ.

V.

И назвалъ онъ себя... Узналъ
Его пустынникъ; быстро всталъ,
Далъ гостю руку. Та рука
Дрожала... голосъ старика
Погасъ... Но странникъ молодой
Поникъ печально головой,
Пожалъ болѣзненно плечомъ
И тихо вздрогнулъ... и потомъ
Взглянулъ медлительно кругомъ,
И говорили взоры тѣ
О безотрадной пустотѣ
Души, погибшей, какъ и всѣ:
Во всей, какъ водится, красѣ.

VI.

Но понемногу въ разговоръ
Они вступили... Между тѣмъ
Настала ночь. Высокій боръ
И спитъ, и шепчетъ. Чутокъ—нѣмъ
Холодный мракъ... Окружена
Туманомъ дымчатымъ луна.
Старикъ, поникнувъ на ладонь,
Сидѣлъ угрюмый, безъ рѣчей... *)
Лишь иногда сверкалъ огонь
Изъ-подъ густыхъ его бровей.
Казалось—онъ негодовалъ...
Онъ такъ презрительно молчалъ,

*) Въ рукописи есть лишній стихъ: Въ его потупленныхъ глазахъ.

И не сходила до конца
Съ его печальнаго лица
Усмѣшка злая...
Говорилъ
Пришлецъ о томъ, какъ онъ любилъ,
И какъ страдалъ, и какъ давно
Ему томиться суждено...
И какъ онъ палъ... Такой разсказъ
Слыхали многіе не разъ—
И сожалѣли... Нѣтъ—едва ль!
Не новость на землѣ печаль.
„Старикъ, и я,—такъ кончилъ онъ
Разсказъ:—ты видишь—побѣжденъ...
Какъ воды малаго ручья,
Изсякла молодость моя...
Меня сгубилъ безплодный жаръ
Упорныхъ, мелочныхъ страстей.
Безпечности—(завидный даръ!)
Не разъ въ тоскѣ души моей
Просилъ я... Но коварный богъ
Пытливый духъ во мнѣ зажогъ,
А силы... силы не далъ онъ.
Твой взоръ я понялъ... я смѣшонъ,
Къ чему волнуюсь я теперь?
За мной на вѣкъ закрыта дверь.
Въ тотъ пестрый, равнодушный міръ
Возврата нѣтъ... Такъ пусть же тамъ
Кипитъ все тотъ же наглый пиръ,
Все тѣмъ же молятся богамъ,
И, кровью праведной хмѣльна,
Неправда царствуетъ одна.
Что мнѣ до нихъ! Большой цѣной
Купилъ я право никогда
Не вспоминать о жизни той.
Но я люблю, любилъ всегда
Ночного неба мирный блескъ
И темныхъ волнъ лѣнивый плескъ.
Люблю я вечеръ золотой,

Лѣсовъ задумчивый покои
И легкій рой румяныхъ тучъ,
Луны стыдливый, первый лучъ,
И первый ропотъ соловья,
И тишину полей... О! я
Готовъ остаться навсегда
Съ тобою здѣсь..."

Старикъ.

„Въ твои года
Любилъ я наканунѣ битвъ
Слова задумчивыхъ молитвъ;
Любилъ разсказы стариковъ
О томъ, какъ били мы враговъ;
Любилъ торжественный покой
Заснувшей рати... За луной
Уходятъ звѣзды... Вотъ востокъ
Алѣетъ... Легкій вѣтерокъ
Играетъ клочьями знаменъ...
Какъ птица спугнутая, сонъ
Слетѣлъ съ полей... Сѣдой туманъ
Клубится тяжко надъ рѣкой.
Грохочетъ глухо барабанъ—
Раздался выстрѣлъ вѣстовой—
Проворно строятся полки,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки...
И сходятъ медленно съ холмовъ
Ряды волнистые враговъ.
Любилъ я блескъ и стукъ мечей,
И лица гордыя вождей,
И дружный топотъ лошадей,
Когда, волнуясь и гремя,
Сверкала конница въ дыму,
Визжали ядра... Полно! Я
Старикъ. Но, помню, какъ тюрьму,
Я ненавидѣлъ города,
И надышаться въ тѣ года
Не могъ я воздухомъ лѣсовъ,

И былъ я силенъ и суровъ,
И горделивъ и, сколько могъ,
Я сердце вольное берегъ".

Молодой человѣкъ.

„Дивлюсь я, слушая тебя.
Какъ? Неужели жъ помнишь ты
Тревоги молодости?"

Старикъ.

„Я
Все помню".

Молодой человѣкъ.

„Дѣтскія мечты?
Восторги пламенные?"

Старикъ.

„Да.
Ребенокъ искренній, тогда
Я былъ глупѣй тебя—глупѣй...
Я не шутилъ душой моей...
И все, надъ чѣмъ смѣешься ты
Такъ величаво, тѣ „мечты"
Въ меня вросли такъ глубоко,
Что мнѣ забыть ихъ не легко.
Но ты, безстрастный человѣкъ,
Ты успокоился навѣкъ".

Молодой человѣкъ.

„Кто? Я спокоенъ? Боже мой!
Я гибну въ медленномъ огнѣ...
Да ты смѣешься надо мной,
Старикъ!"

Старикъ.

„О, нѣтъ! но грустно мнѣ:
Кичливой ревностью горя,
Расправивъ гордо паруса,
Давно ль въ далекія моря

Подъ неродныя небеса
Помчался ты? И что жъ? о, срамъ!
Едва дохнула по волнамъ
Гроза—къ родимымъ берегамъ,
Проворенъ, жалокъ, одинокъ,
Бѣжитъ испуганный челнокъ.
Въ разгарѣ юношескихъ силъ
Ты, какъ старикъ, и вялъ, и хилъ...
Но Боже! развѣ никогда
Не зналъ ты жажду мыслей, дѣлъ,
Тоску глубокаго стыда,
И не рыдалъ, и не блѣднѣлъ?
Любилъ ли ты кого-нибудь?
Иль никогда нѣмая грудь,
Блаженства горькаго полна,
Не трепетала, какъ струна?"

Молодой человѣкъ.

„А ты любилъ?"

И вдругъ старикъ
Умолкъ—и медленно лицомъ
На руки дряхлыя поникъ.
Когда же голову потомъ
Онъ поднялъ—взоръ его потухъ...
Онъ блѣденъ былъ, какъ будто духъ
Тревожный, плачущій, нѣмой
Промчался надъ его душой.

Старикъ.

„Я сознаюсь,—такъ началъ онъ:—
Твой неожиданный приходъ
Меня смутилъ. Я потрясенъ.
Я ждалъ тебя такъ долго... Вотъ
Ты появился наконецъ
Печальнымъ гостемъ предо мной...
Какъ сына слушаетъ отецъ,
Тебя я слушалъ... И тоской
Внезапно сталъ томиться я...

И странно! прежняя моя
Любовь и все, что такъ давно
Въ моей груди схоронено,—
Воскресло вдругъ... Пробуждены
Живые звуки старины,
И тѣни милыя толпой
Несутся тихо надо мной.
Я знаю: стыдно старику
Лелѣять праздную тоску;
И, какъ осенняя гроза,
Безплодна поздняя слеза...
Но близокъ смерти горькій часъ;
Но, можетъ-быть, въ послѣдній разъ
Я съ человѣкомъ говорю,
Послѣднимъ пламенемъ горю...
О, жизнь! О, юность! О, любовь!
Любовь мучительная... Вновь
Хочу—хочу предаться вамъ,
Хотя бъ на мигъ одинъ... а тамъ
Погасну, вспыхнувши едва...

. . . . . .

Ты говоришь: любилъ ли я?
Понятны мнѣ слова твои...
Такъ отвѣчайте жъ за меня,
Вы, ночи дивныя мои!
Не ты ль сіяла надо мной,
Нѣмая, пышная луна,
Когда въ саду, въ тѣни густой
Я ждалъ и думалъ: вотъ она!
И замиралъ, и каждый звукъ *)
Ловилъ, и сердца мѣрный стукъ
Принять, бывало, былъ готовъ
За легкій шумъ ея шаговъ...
И съ той поры такъ много лѣтъ
Прошло; такъ много, много бѣдъ
Я перенесъ... Но до конца,

*) Молчалъ и жадно каждый звукъ

Въ пустынѣ, посреди людей,
Черты любимаго лица
Хранилъ я въ памяти моей...
Я вижу, вижу предъ собой
Тотъ образъ свѣтлый, молодой...
Воспоминаній жадный рой
Тѣснится въ душу... Страстно я
Имъ отдаюсь... въ нихъ адъ и рай...
Но ты послушайся меня:
До старыхъ лѣтъ не доживай.
Забуду ль я тотъ дивный часъ,
Когда внезапно въ первый разъ,
Смущенный, сталъ я передъ ней?
Огнемъ полуденныхъ лучей
Сверкало небо... Подъ окномъ,
Полузакрытая плющомъ,
Сидѣла дѣвушка... Слегка
Пылала смуглая щека,
Касаясь мраморной руки,
И вдоль зардѣвшейся щеки
На пальцы тонкіе волной
Ложился локонъ золотой.
И взоръ задумчивый едва
Блуждалъ... склонялась голова...
Тревожной, страстной тишиной
Дышали томныя черты...
Нѣтъ! ты не видывалъ такой
Неотразимой красоты!

Я съ ней сошелся... Я молчу...
Я не могу, я не хочу
Болтать о томъ, какъ я тогда
Былъ счастливъ... Знай же: никогда,
Пока я не разстался съ ней,
Не вѣдалъ я спокойныхъ дней,
Но страсть узналъ я, злую страсть...
Узналъ томительную власть
Души надменной, молодой

Надъ пылкой преданной душой.
Обнявшись дружно, цѣлый годъ
Стремились жадно мы впередъ,
Какъ облака передъ грозой...
Не признавали мы преградъ—
И даже къ радости былой
Не возвращались мы назадъ...
Нѣтъ! торжествуя безъ конца,
Мы сами жгли любовь и жизнь,
И наши гордыя сердца
Не знали робкихъ укоризнъ...
Но все жъ я былъ ея рабомъ,
Ея щитомъ, ея мечомъ...
Ея рабомъ я былъ! Она
Была свободна, какъ волна.
И мнѣ казалось, что меня
Она не любитъ... О, какъ я
Тогда страдалъ! Но вотъ—идемъ
Мы лѣтнимъ вечеромъ вдвоемъ
Среди темнѣющихъ полей...
Идемъ мы... Клики журавлей
Внезапно падаютъ съ небесъ,
И рдѣетъ, и трепещетъ лѣсъ...
Мнѣ такъ отрадно, такъ легко,
Я счастливъ, счастливъ я вполнѣ...
И такъ блаженно-глубоко
Вздыхаетъ грудь... И нѣтъ во мнѣ
Сомнѣній... Оба мы полны
Такой стыдливой тишины!
И духъ ея былъ смѣлъ и живъ
И безпокойно горделивъ;
Взойдетъ—бывало—въ древній храмъ
И, наклонясь къ нѣмымъ плитамъ,
Такъ страстно плачетъ... а потомъ
Передъ Распятымъ Божествомъ
Надменно встанетъ—и тогда
Ея глаза такимъ огнемъ
Горятъ, какъ будто никогда

Ихъ лучъ, и гордый, и живой,
Не отуманился слезой.
Ахъ! та любовь, и страсть, и жаръ,
И свѣтлой мысли дивный даръ,
И красота, и все, что я
Такъ обожалъ—исчезло все...
Безмолвно приняла земля
Дитя погибшее свое...
И ясенъ былъ спокойный ликъ
Великой матери людей—
И безотвѣтно замеръ крикъ
Души растерзанной моей...
Кругомъ—плѣнительна, пышна,
Сіяла ранняя весна,
Лучомъ играя золотымъ
Надъ прахомъ милымъ и нѣмымъ.
Въ восторгахъ *) пламенной борьбы
Ее засталъ послѣдній часъ...
И безъ рыданій, безъ мольбы
Свободный духъ ея погасъ...
А я! не умеръ я тогда!
Мнѣ были долгіе года
Судьбой лукавой суждены...
Смѣнили тягостные сны
Тотъ первый, незабвенный сонъ...
Какъ и другіе, пощаженъ
Я не былъ... дожилъ до сѣдинъ...
И вотъ живу теперь одинъ...
Молюсь..."

Молодой человѣкъ.

„Какъ ты, любилъ и я...
Но не могу я **) разсказать,
Какъ ты, любовь свою... Меня
Ты не захочешь понимать... ***)

*) Въ началѣ.
**) Но я не въ силахъ.
***) Старикъ, не можешь ты понять.

Бывало, въ мирный часъ, когда
Надъ блѣднымъ мѣсяцемъ звѣзда
Заблещетъ въ ясной вышинѣ,
И въ безмятежной тишинѣ
Журчитъ и плещетъ водопадъ,
И тихо спитъ широкій садъ,
И въ наклоненныхъ берегахъ
Дремотно нѣжится рѣка...
Сижу я съ ней... въ моихъ рукахъ
Лежитъ любимая рука—
И легкій трепетъ нашихъ рукъ,
И нѣжной рѣчи слабый звукъ,
Ея довѣрчивый покой,
И долгій взглядъ, и вздохъ нѣмой—
Все говоритъ мнѣ: ты любимъ!
И что жъ! мучительно томимъ
Тоской безумной, я молчу,
Иль головой къ ея плечу
Я наклонюсь... и горячо
На обнаженное плечо,
Неистощимой чередой,
Слеза струится за слезой...
О чемъ, скажи мнѣ, плакалъ я?
Нѣтъ! жизнь отравлена моя!
Едва желанное вино
Къ моимъ губамъ поднесено—
И самъ я, самъ, махнувъ рукой,
Роняю кубокъ дорогой.
Когда жъ насталъ прощальный мигъ,
Я былъ и сумраченъ, и тихъ...
Она рыдала... видитъ Богъ:
Я самъ тогда понять не могъ,
Зачѣмъ я разставался съ ней...
Молчалъ я, въ сердцѣ стыла кровь,
Молчалъ я... но въ душѣ моей
Была не жалость—а любовь.
Старикъ, повѣрь, я бъ не желалъ
Прожить опять подобный часъ,

Я безпощадно разрывалъ
Все, все, что связывало насъ...
Ее, себя терзалъ я... Но
Мнѣ было стыдно и смѣшно,
Что столько лѣтъ я жилъ, шутя,
Любилъ забывчивый покой
И забавлялся, какъ дитя,
Своей причудливой мечтой...
Я съ ней разстался навсегда—
Бѣжалъ, не знаю самъ куда...
Слѣды горячихъ, горькихъ слезъ
Я на губахъ моихъ унесъ...
Я помнилъ все: печальный взоръ
И недоконченный укоръ...
Но все жъ на волю, на просторъ,
И содрогаясь, и спѣша,
Рвалась безумная душа.
И для чего? Но я тогда
Не зналъ людей... Такъ иногда
Въ степи широкой скачешь ты,
И топчешь весело цвѣты,
И мчишься съ радостной тоской,
Какъ-будто тамъ, въ дали нѣмой,
Гдѣ, яркимъ пламенемъ горя,
Сверкаетъ пышная заря,
Гдѣ тучки свѣтлыя легли
Легко—на самый край земли,—
Какъ-будто тамъ—найдешь ты все,
Чѣмъ сердце страстное твое
Такъ безотчетно, такъ давно,
Такъ безвозвратно плѣнено...
И ты примчался... Степь кругомъ
Все такъ же спитъ лѣнивымъ сномъ...
Томя нетерпѣливый взглядъ,
Несется тучекъ длинный рядъ
Лепечетъ желтая трава
Все тѣ же смутныя слова...
И та же на-сердцѣ печаль

И такъ же пламенная даль
Куда-то манитъ... и назадъ
Поѣдешь, самъ-себѣ не радъ.
Но ты задумался?"

Старикъ.

„Ты правъ.
Твой безпокойный, странный нравъ
Мнѣ непонятенъ. Создалъ Богъ
Насъ разно... Ты въ любви не могъ
Найти покоя... Но любовь
Не благо высшее людей;
Нетерпѣливо пышетъ кровь
Въ сердцахъ несмыслящихъ дѣтей...
Они лишь для себя живутъ.
Когда жъ минуетъ та пора,
Приличенъ мужу долгій трудъ
На славномъ поприщѣ Добра.
Ты жилъ, скиталецъ молодой;
Ты жилъ; такъ стань же предо-мной—
На сердце руку положи,
И не лукавствуя, скажи:
Какой ты подвигъ совершилъ?
Какому богу ты служилъ?"

Молодой человѣкъ.

„Когда бы кто-нибудь другой
Вопросъ превыспренній такой
Мнѣ предложилъ—ему въ отвѣтъ
Я засмѣялся бы... но нѣтъ!
Передъ тобой раскрыта вся
Душа печальная моя.
Бывало, полный гордыхъ думъ,
Руководимый божествомъ
Какимъ-то, жизни вѣчный шумъ
Внималъ я съ тайнымъ торжествомъ...
Я думалъ: тамъ, въ толпѣ *) людей,

*) Среди.

Я волю дамъ душѣ моей;
Среди друзей, среди враговъ,
Узнаю самъ, кто я таковъ...
И за тобой, о, мой народъ,
Пойду я радостно впередъ—
И загорится въ сердцѣ вновь
Святая, братская любовь.
Но что же! вдругъ увидѣлъ я,
Что въ цѣломъ мірѣ для меня
Нѣтъ мѣста; что я людямъ чуждъ,
Что нѣтъ у насъ ни тѣхъ же нуждъ,
Ни тѣхъ же радостей; что мнѣ
Они то страшны, то вполнѣ
Непостижимы, то смѣшны...
И потрясенъ до глубины
Души, взывалъ я къ нимъ... Но самъ
Не вѣрилъ собственнымъ словамъ.
Я съ ними сблизиться не могъ...
И вновь одинъ, среди тревогъ
Пустыхъ, живу я съ давнихъ поръ...“

Старикъ.

„Ты произнесъ свой приговоръ.
Ты, какъ дитя, самолюбивъ,
Какъ женщина, нетерпѣливъ,
И добродушно лишь собой
Ты занятъ; нѣтъ любви прямой,
И нѣтъ возвышенныхъ страстей
Въ душѣ мечтательной твоей.
Но вспомни: тамъ, въ толпѣ людей,
Встрѣчалъ ты юношей живыхъ,
Неговорливыхъ и простыхъ? *)
Встрѣчалъ ты старцевъ и мужей,
Достойныхъ, опытныхъ вождей?
И, примиренный наконецъ
Съ судьбой, ты видѣлъ въ нихъ залогъ

*) Прекрасныхъ, гордыхъ и святыхъ?

Того, что ревностныхъ сердецъ
Не покидаетъ правый Богъ?“

Молодой человѣкъ.

„Встрѣчалъ я „старцевъ молодыхъ“—
Людей прекрасныхъ, но пустыхъ;
Встрѣчалъ я слабыхъ добряковъ
И вздорныхъ умниковъ—толпой;
Встрѣчалъ любезныхъ остряковъ,
Довольныхъ службой и судьбой,
И государственныхъ людей,
Довольныхъ важностью своей.
А вѣчный рабъ нужды, заботъ,
Спѣшилъ безсмысленный народъ
На шумный, на постыдный *) торгъ...
Мечталъ неопытный въ тиши;
Но глупенькій его восторгъ
Не веселилъ моей души;
Разочарованнаго стонъ
И безполезенъ, и смѣшонъ;
Но вдохновенный взглядъ дѣтей
И ненавистнѣй, и смѣшнѣй.—
И вотъ, сограждане мои!
Старикъ—вотъ юноши твои!
И всѣхъ пугаетъ новизна,
Имъ недоступна красота...
И даже доблестнымъ страшна
Насмѣшка празднаго шута.
Нѣтъ! юношей не видѣлъ я...
Нѣтъ! нѣтъ! ты знаешь: жизнь моя
Прошла, какъ безотрадный сонъ...“

Старикъ.

„Когда бы не былъ ты влюбленъ
Въ игру безплодную мечты,
Когда бы въ Бога вѣрилъ ты,

*) Позорный.

И страстной, пламенной душой,
Неутомимой до конца,
Искалъ бы, какъ воды живой,
Блаженной близости Творца—
Тогда, быть-можетъ, на тебя
Твою настойчивую страсть,
Твой духъ ревнивый возлюбя,
Сошла бъ таинственная власть.
Внезапнымъ ужасомъ гонимъ
И гнѣвомъ праведнымъ томимъ,
Ты сталъ бы, сумрачный, нѣмой,
Предъ легкомысленной толпой...
И первый крикъ души твоей
Смутилъ бы суетныхъ дѣтей...
Толпа не смѣетъ не признать
Великой силы благодать,
И негодующій пророкъ
Каралъ бы слабость и порокъ,
Гремѣли бъ страстныя слова,
И, какъ изсохшая трава,
Пылали бъ отъ твоихъ рѣчей
Сердца холодныя людей.
Но, малодушный ты! Судьбѣ
Ты покорился безъ стыда...
Такъ что жъ, скажи, могло тебѣ
Дать право гордаго суда
Надъ міромъ?—Нѣтъ! не вѣрю я;
Нѣтъ! оклеветана толпа
Тобой... Но если рѣчь твоя
Не ложь, достойная раба,
Тогда—Господь отцовъ моихъ
Всесильный! посѣти же вновь
Дѣтей забывчивыхъ твоихъ...
Напрасна кроткая любовь,
Такъ посели Ты въ ихъ сердцахъ
И трепетъ, и великій страхъ,
Промчись живительной грозой
Надъ грѣшной, суетной землей!“

Молодой человѣкъ.

„Не поминай Его, старикъ...
Онъ такъ далекъ, Онъ такъ великъ,
А мы такъ малы... Да притомъ
Онъ насъ забылъ давно... О немъ
Твердили міру чудеса—
Теперь безмолвны небеса...
О, если бы пророкъ святой
Сказалъ мнѣ: встань! иди за мной!
Клянусь, пошелъ бы я, томимъ
Великой радостью, за нимъ—
За нимъ на гибель, на позоръ...
И пусть надменный приговоръ
Толпы рабовъ, толпы слѣпой
Гремитъ надъ нимъ и надо мной!
Но гдѣ пророки? О, старикъ!
Тебѣ противенъ слабый крикъ
Души печальной и больной...
Ты презираешь глубоко
Мою тоску... Но, Боже мой!
Ты думаешь, что такъ легко
Съ надеждами разстался я?
Что равнодушно самъ себѣ
Сказалъ я: гибнетъ жизнь моя!
Что грудь усталая—къ борьбѣ
Упрямо, долго не рвалась?
Что за соломинки сто разъ
Я не хватался?.. Ахъ, о чемъ
Хлопочемъ мы? Взгляни кругомъ.
Спокойно, кротко спитъ земля;
Лѣса, широкія поля
Озарены, обагрены
Лучами влажными луны...
И вотъ—мнѣ чудится: ко мнѣ,
Подобно медленной волнѣ,
Торжественно, какъ дальній звонъ
Колоколовъ, со всѣхъ сторонъ *)

*) Съ полей, съ темнѣющихъ холмовъ.

Съ недостижимыхъ облаковъ
И съ горъ, живущихъ сотый вѣкъ,
Несется плавно звучный зовъ:
Смирись, безумный человѣкъ!“ *)

Старикъ.

„И я тотъ голосъ неземной
Не разъ, предъ утренней зарей,
Слыхалъ, и тронутой душой
Стремился трепетно къ Нему,
Къ живому Богу моему.
Но въ тишинѣ другихъ ночей
Звучалъ—бывало—громкій зовъ
Въ груди встревоженной моей...
И тѣхъ простыхъ и гордыхъ словъ
Я не забылъ: „Не унывай,
Трудись и Бога призывай,
И людямъ вѣрь, и вѣрь уму,
Не покоряйся никому,
Живи для всѣхъ и знай: крѣпка
Твоя непраздная рука“.

Молодой человѣкъ.

„А между тѣмъ, не ты ли самъ
Покинулъ „бренный міръ?“

Старикъ.

„Страстямъ
Я предалъ молодость... онѣ
Меня сгубили... по клянусь:
Того, что прежде было мнѣ
Святыней—нѣтъ! я не стыжусь!“

Молодой человѣкъ.

„Ты всѣхъ моложе насъ, старикъ;
Мнѣ не понятенъ твой языкъ“.

Старикъ.

„Такъ будь же проклятъ ты навѣкъ,
Больной, безсильный человѣкъ,

*) Смирись, безумецъ!

За то, что нагло, безъ стыда
Ты погубилъ—и навсегда—
Все, чѣмъ жила душа моя
Въ часы мучительной тоски:
Мои надежды, все, что я
Любилъ, какъ любятъ старики!
Зачѣмъ пришелъ ты? Безъ тебя
Надежды робкія тая
Въ груди разбитой, но живой,
Я, грѣшникъ, здѣсь одинъ въ лѣсахъ
Мечталъ о жизни молодой,
О новыхъ сильныхъ племенахъ;
Желалъ блаженныхъ, ясныхъ дней
Землѣ возлюбленной своей;
Дерзалъ молиться въ тихій мигъ
Не за себя, но за другихъ...
Теперь же—страшной темнотой
Весь міръ покрылся; надо мной
Гремитъ уныло близкій громъ...
Одинъ, въ пыли передъ лицомъ
Твоимъ, карающій Творецъ,
Я каюсь, каюсь наконецъ—
Измученъ я... обманутъ я...
Но сжалься, пощади меня!
Мнѣ смерть страшна—я не готовъ
Идти на Твой могучій зовъ...
А жить... нѣтъ! жить еще страшнѣй
Въ такой невыносимой мглѣ—
И мѣста нѣтъ душѣ моей
Ни въ небесахъ, ни на землѣ!"

Молодой человѣкъ.

„Старикъ, ты правъ, но ты жестокъ.
Послушай: каждый твой упрекъ
Неотразимъ... душа моя
Томится гнѣвомъ и тоской,
И замираетъ, какъ змѣя
Подъ торжествующей пятой...

И стыдно мнѣ: мои глаза
Сжигаетъ ѣдкая слеза...
Но все жъ ты правъ: я шутъ, я рабъ,
Я, какъ ребенокъ, вялъ и слабъ:
Мои мечты еще глупѣй
Моихъ младенческихъ затѣй...
И не далась мнѣ тайна словъ
Живыхъ, властительныхъ рѣчей;
Не долетаетъ слабый зовъ
До невнимающихъ ушей...
Вокругъ меня толпа шумитъ,
Толпа не чувствуетъ тоски
И недовѣрчиво глядитъ
На слезы глупыя мои...
Нѣтъ! полно! нѣтъ, передъ тобой
Клянусь я въ этотъ страшный мигъ,
Клянусь я небомъ и землей,
Клянусь позоромъ слезъ моихъ—
Я не снесу моихъ цѣпей.
Родимый край, тебя, друзей,
Безъ сожалѣнья, навсегда
Покину... и пойду тогда—
И безнадеженъ, и суровъ,
Искать невѣдомыхъ боговъ,
Скитаться съ жадностью нѣмой
Среди чужихъ, въ землѣ чужой,
Гдѣ никому не дорогъ я,
Но гдѣ вольна душа моя,
Гдѣ я безтрепетно могу
Отвѣтить вызовомъ врагу—
И наконецъ, на зло судьбѣ,
Погибнуть въ радостной борьбѣ!“

Старикъ.

„Бѣжать ты хочешь? Но куда?
Зачѣмъ? Къ кому?“

Молодой человѣкъ.

„Старикъ, когда

Ты такъ усердно расточалъ
Упреки—помнишь? я молчалъ;
Теперь я спрашиваю васъ,
О, предки наши! что для насъ
Вы сдѣлали? Скажите намъ:
„Вотъ, нашимъ доблестнымъ трудамъ
Благодаря, смотрите—вотъ
Насколько выросъ нашъ народъ...
Вотъ несомнѣнный, яркій слѣдъ
Великихъ, истинныхъ побѣдъ!“
Что жъ? отвѣчайте намъ!.. Увы!
Какъ ваши внуки, на покой
Безсмысленный, спѣшили вы
Съ работы трудной, но пустой...
И мы не лучше васъ—о нѣтъ!
Намъ то же предстоитъ... Смотри:
Надъ дальнимъ лѣсомъ слабый свѣтъ,
Предвѣстникъ утренней зари,
Мерцаетъ... близокъ ясный день—
Рѣдѣетъ сумрачная тѣнь...
Но не дождаться намъ съ тобой
Денницы пышной, золотой—
И въ часъ, когда могучій лучъ
Изъ-за громадныхъ, синихъ тучъ
Блеснетъ надъ радостной землей—
Великій, безконечный крикъ
Побѣды, жизни молодой
Не долетитъ до насъ, старикъ...
Не переживъ унылой тьмы,
Съ тобой въ могилу ляжемъ мы—
Замретъ упорная тоска;
Но будетъ намъ земля тяжка...
Намъ даже слава не далась...
И нашъ потомокъ мимо насъ
Пройдетъ съ поднятой головой,
Неблагодарный и нѣмой“.

Онъ торопливо всталъ... Рукой

Лицо закрылъ старикъ сѣдой,
И, думой тягостной томимъ,
Сидитъ онъ грустно-недвижимъ...
Но гдѣ же странникъ? Онъ исчезъ...
Шумитъ сурово темный лѣсъ,
И тучи ходятъ—и страшна
Пустынной ночи тишина.

20-го августа 1844 г.
С. Парголово.

ПОМѢЩИКЪ.

I.

За чайнымъ столикомъ, весной,
Подъ липками, часу въ девятомъ,
Сидѣлъ помѣщикъ столбовой,
Покрытый стеганымъ халатомъ.
Онъ кушалъ, молча, не спѣша;
Курилъ, поглядывалъ безпечно...
И наслаждалась безконечно
Его дворянская душа.
На головѣ его курчавой
Торчитъ ермолка; песъ легавый,
Угрюмый старецъ, подъ столомъ
Сидитъ и жмурится кругомъ.
Все тихо... Сохнетъ воздухъ... Жгучій
Почуя жаръ, перепела
Кричатъ... ползетъ обозъ скрипучій
По длинной улицѣ села...

II.

Помѣщикъ этотъ благородный,
Степенный, мирный семьянинъ,
Притомъ хозяинъ превосходный,

Былъ настоящій славянинъ.
Онъ съ дѣтства не носилъ подтяжекъ;
Любилъ просторъ, любилъ покой
И лѣнь; но страпенъ былъ покрой
Его затѣйливыхъ фуражекъ.
Любилъ онъ жирные блины,
Боялся чорта да жены;
Любилъ онъ, скушавъ пять арбузовъ,
Ругнуть и нѣмцевъ, и французовъ,
Читалъ лишь изрѣдка, съ трудомъ,
Служилъ въ архивѣ казначейства,
И былъ, какъ слѣдуетъ, отцомъ
Необозримаго семейства.

III.

Онъ отдыхалъ. Его жена
Отправилась на богомолье...
Извѣстно, въ наши времена
Супругу безъ жены—раздолье.
И думалъ онъ: „въ деревнѣ рай!
Погода нынче—просто чудо!
А между тѣмъ—зайти не худо
Въ конюшню, да въ сѣнной сарай".
Помѣщикъ подошелъ къ калиткѣ.
Черезъ дорожку, въ сѣрой свиткѣ,
Въ платочкѣ красномъ на-бочокъ,
Шла дѣвка съ кузовомъ въ лѣсокъ...
Какъ человѣкъ давно женатый,
Слегка прищёлкнувъ языкомъ,
Съ улыбкой мирно-плутоватой,
Онъ погрозилъ ей кулакомъ.

IV.

Потомъ съ задумчивымъ вниманьемъ
Смотрѣлъ, какъ боровъ о заборъ
Съ эгоистическимъ стараньемъ,
Зажмуривъ глазки, спину тёръ...
Потомъ—коротенькія ручки
Сложивъ умильно на брюшкѣ,

Помѣщикъ подошелъ къ рѣкѣ...
На волны сонныя, на тучки,
На небо синее взглянулъ,
Весьма чувствительно вздохнулъ—
И, палку вынувъ изъ забора,
Сталъ въ воду посылать Трезора...
Межъ тѣмъ, съ какимъ-то мужикомъ
Онъ побесѣдовалъ привѣтно
О томъ, что просто съ каждымъ днемъ
Мы развиваемся замѣтно.

V.

Потомъ онъ съ бабой поболталъ...
(До бабъ онъ былъ немножко падокъ),
Зашелъ въ конюшню, посвисталъ
И хлѣбцомъ покормилъ лошадокъ...
Увидѣлъ въ полѣ двухъ коровъ
Чужихъ... разгнѣвался не мало;
Велѣлъ, во что бы то ни стало,
Сыскать ослушныхъ мужиковъ.
Краснорѣчиво, важно, долго
Имъ толковалъ о чувствѣ долга,
Потомъ побилъ ихъ, но слегка...
Легка боярская рука...
Пришелъ въ ужасное волненье,
Клялся, что будущей зимой
Все съ молотка продастъ имѣнье—
И медленно пошелъ домой.

VI.

Въ саду ему попались дѣти,
Кричатъ: „Папа! готовъ обѣдъ...“
—„Меня погубятъ дѣти эти,—
Онъ запищалъ:—во цвѣтѣ лѣтъ!
Адамъ Адамычъ! Вамъ не стыдно?
Какъ вы балуете дѣтей!
Помилуйте? Да что вы?“—Сей
Адамъ Адамычъ—очевидно
Былъ иностранный человѣкъ...

Но для того ли цѣлый вѣкъ
Онъ изучалъ Санхоньятона,
Зубрилъ „Республику“ Платона
И тиснулъ длинную статью
О божествахъ самоѳракійскихъ,
Чтобъ жизнь убогую свою
Влачить среди дворянъ россійскихъ?

VII.

Онъ изъ себя былъ худъ и малъ,
Любилъ почтительные жесты
И въ перепискѣ состоялъ
Съ родителемъ своей невѣсты.
Онъ былъ съ чувствительной душой
Рожденъ; и въ старческіе годы,
При зрѣлищѣ красотъ природы,
Вздыхалъ, качая головой.
Но плохо шли его дѣлишки;
Носилъ онъ черныя манишки,
Короткій безобразный фракъ,
Исподтишка курилъ табакъ...
Онъ улыбался принужденно,
Когда начнутъ хвалить дѣтей,
И кашлялъ, кланяясь смиренно,
При видѣ барынь и гостей.

VIII.

Но Богъ съ нимъ! Тихими шагами
Вернулся подъ родимый кровъ
Помѣщикъ... Онъ моргалъ глазами,
Онъ былъ и гнѣвенъ, и суровъ.
Взошелъ онъ въ сѣни молчаливо,
И, лани вспуганной быстрѣй,
Вскочилъ оборванный лакей
Подобострастно-торопливо.
Мной воспѣваемый предметъ
Стремится важно въ кабинетъ.
Мамзель-француженка въ гостиной,
Съ улыбочкой, съ ужимкой чинной,

Предъ нимъ присѣла... Посмотрѣлъ
Онъ на нее лукаво—кошкой...
Подумалъ: „этакой пострѣлъ!“
И деликатно шаркнулъ ножкой.

IX.

И гнѣвъ исчезъ его, какъ паръ,
Какъ пыль, какъ женскія страданья,
Какъ дымъ, какъ юношескій жаръ,
Какъ радость перваго свиданья.
Исчезъ! Смѣнила тишина
Порывы думъ степныхъ и рьяныхъ...
И на щекахъ его румяныхъ
Улыбка прежняя видна.
Я могъ бы, пользуясь свободой
Разсказа, съ моремъ и съ природой
Сравнить героя моего,
Но мнѣ теперь не до того...
Пора впередъ! Читатель милый,
Вашъ незатѣйливый поэтъ
Намѣренъ описать унылый,
Славяно-русскій кабинетъ.

X.

Всѣ стѣны на манеръ бесѣдки
Расписаны. Подъ потолкомъ
Висятъ запачканныя клѣтки:
Одна съ симбирскимъ соловьемъ,
Съ чижами двѣ. Вотъ столъ огромный
На толстыхъ ножкахъ; по стѣнамъ
Изображенья сочныхъ дамъ,
Съ улыбкой сладостной и томной
И съ подписью: La Charité,
La Nuit, le Jour, la Vanité...
На полкѣ чучело кукушки,
На креслахъ шитыя подушки,
Сундукъ окованный въ углѣ,
На зеркалѣ слой липкой пыли,

Тарелка съ дыней на столѣ,
И подъ окошкомъ три бутыли.

XI.

Вотъ кипы пестрыя бумагъ,
Записокъ, счетовъ, приказаній
И рапортовъ... Я самъ не врагъ
Степныхъ присылокъ и посланій.
А вотъ и ширмы... наконецъ,
Вотъ шкапъ просторный, шишковатый...
На немъ безносый, бородатый
Бѣлѣетъ гипсовый мудрецъ.
Увы! безсильно негодуя,
На ликъ задумчивый гляжу я...
Быть-можетъ, этотъ истуканъ—
Эсхилъ, Сократъ, Аристофанъ...
И передъ нимъ уже седьмое
Колѣно тучныхъ добряковъ
Растетъ и множится въ покоѣ
Среди не чуждыхъ имъ клоповъ!

XII.

Помѣщикъ мой достойно, важно,
Глубокомысленно курилъ...
Курилъ... и вдругъ зѣвнулъ протяжно,
Привсталъ и хрипло возопилъ:
„Эй—Васька!.. Васька! Васька! Васька!!!“
Явился Васька.—„Тарантасъ
Вели мнѣ заложить“.—„Сейчасъ“.
„А что? починена коляска?“—
— „Починена-съ“.—„Починена?..“
Нѣтъ—лучше тарантасъ“.—Жена,
Подумалъ онъ, вернется къ ночи,
Разсердится... Но нѣту мочи,
Какъ дома скучно. Ѣду—да!
Да, чортъ возьми—да! Но, читатель,
Угодно-ль вамъ узнать, куда
Спѣшить почтенный мой пріятель?

XIII.

Такъ знайте жъ! Отъ его села
Верстахъ въ пятнадцати—не болѣ—
Подъ самымъ городомъ, жила
Помѣщица—въ теплѣ да въ холѣ,—
Вдова. Такихъ немного вдовъ.
Ея супругъ, корнетъ гусарскій,
. . . . . .
Завелъ охоту, рысаковъ,
Друзей, собакъ... Обѣды, балы
Давалъ, выписывалъ журналы...
И разорился бъ наконецъ
Мой тороватый молодецъ,
Да въ цвѣтѣ лѣтъ погибъ на „садкѣ“ *),
Слетѣвъ торжественно съ сѣдла,
И въ изступленномъ безпорядкѣ
Оставилъ всѣ свои дѣла.

XIV.

Съ его-то вдовушкой любезной
Помѣщикъ былъ весьма знакомъ.
Ее сравнилъ острякъ уѣздный
Съ—свѣже-просольнымъ огурцомъ.
Теперь ей—что жъ! о томъ ни слова—
Лѣтъ подъ сорокъ... Но какъ она
Еще свѣжа, полна, пышна
И не по нашему здорова!
Какія плечи! Что за станъ!
А груди—цѣлый океанъ! **)

---

*) Са̀дка—извѣстная забава охотниковъ. Въ чистомъ полѣ сажаютъ волка, лисицу или зайца, пускаютъ собакъ на пари, охотники скачутъ, падаютъ со лошадей и т. д., а по окончаніи садки пируютъ.

**) Мы бы не рѣшились употребить такое смѣлое сравненіе, если бъ не ободрилъ примѣръ г-на Бенедиктова. Кто не помнитъ его превосходныхъ стиховъ:

„...И на этомъ океанѣ
Въ пѣнѣ млечной бѣлизны,
Изъ-подъ дымки, какъ въ туманѣ,
Рисовались двѣ волны“.

Румянецъ яркій, русый волосъ,
Немножко рѣзкій, звонкій голосъ,
Побѣдоносный, свѣтлый взоръ,—
Все въ ней дышало дивной силой...
Такая барыня—не вздоръ,
Въ нашъ вѣкъ болѣзненный и хилый!

XV.

Не вздоръ! И былъ ей свыше данъ
Великій даръ: плѣнять сосѣдей,
Отъ образованныхъ дворянъ
До „степняковъ“ и до „медвѣдей“.
Она была ловка, хитра,
И только съ виду добродушна...
Но восхитительно-радушна
Съ гостями, нынче какъ вчера.
Предъ ней весь домъ дрожалъ. Не мало
Она любила власть. Бывало
Ей покорялся самъ корнетъ...
И дочь ея въ семнадцать лѣтъ
Ходила съ четырьмя косами
И въ панталончикахъ. Не разъ
Своими бѣлыми руками
Она наказывала васъ,

XVI.

О, безотвѣтныя творенья,
Служанки барышень и баръ,
. . . . . .
. . . . . .
О, вы, которымъ два цѣлковыхъ
Дается въ годъ на башмаки,
И вы, небритые полки,
Угрюмыхъ, медленныхъ дворовыхъ!
За то на двѣсти верстъ кругомъ
Она гремѣла... Съ ней знакомъ
Былъ губернаторъ... Кавалеры
Ее хвалили за манеры
Столичныя, за голосокъ,

(Она подчасъ пѣвала „Тройку“)
За безпощадный язычокъ
И за прекрасную настойку.

XVII.

Притомъ любезная вдова
Владѣла языкомъ французскимъ,
Хоть иностранныя слова
У ней звучали чѣмъ-то русскимъ.
Во дни рожденій, именинъ,
Къ ней дружно гости наѣзжали,
И заживались, и вкушали
Отъ разныхъ мясъ и разныхъ винъ.
Когда жъ являлась до жаркого
Бутылка теплаго донского—
Всѣ гости, кромѣ дѣвъ и дамъ,
Приподнимались по чинамъ
И кланялись хозяйкѣ,—хоромъ
„Всего... всего“ желали ей...
А дѣти вмѣстѣ съ гувернеромъ
Шли къ ручкѣ маменьки своей.

XVIII.

А по зимамъ она давала
Большіе балы... Господа!
Хотите вы картиной бала
Заняться? Отвѣчаю: да,
За васъ.—Во времена былыя,
Когда среди родныхъ полей
Я цвѣлъ, и нравились моей
Душѣ красавицы степныя,—
Я—каюсь—я скитался самъ
По вечерамъ да по баламъ,
Завитый, въ радужномъ жилетѣ,
И барышень—„имѣлъ въ предметѣ“.
И память вѣрная моя
Рядкомъ проводитъ предо мною
Тѣ дни, когда бывало я
Сіялъ уѣздною звѣздою...

XIX.

Ахъ! этому—давно, давно...
Я былъ тогда влюбленъ и молодъ.
Теперь же... впрочемъ все равно!
Пріятенъ жаръ—полезенъ холодъ.
Итакъ—на балѣ мы.—Паркетъ
Отлично вылощенъ. Рядами
Тѣснятся свѣчи за свѣчами,
Но мутенъ ихъ дрожащій свѣтъ.
Вдоль желтыхъ стѣнъ довольно темныхъ,
Недвижно—въ чепчикахъ огромныхъ—
Усѣлись маменьки. Одна
Любезной важности полна,
Другая—молча дуетъ губы...
Невыносимо душенъ жаръ;
Смычки визжатъ и воютъ трубы,
И пляшетъ двадцать-восемь паръ.

XX.

Какое пестрое собранье
Помѣщичьихъ одеждъ и лицъ!
Но я намѣренъ описанье
Начать—какъ слѣдуетъ—съ дѣвицъ.
Вотъ—чисто-русская красотка:
Одѣта плохо, тяжела
И не ловка, но весела,
Добра, болтлива, какъ трещётка,
И пляшетъ, пляшетъ отъ души.
За ней—„созрѣвшая въ тиши
Деревни"—длинная, худая,
Стоитъ Коринна молодая...
Ея печально-страстный взоръ
То вдругъ погаснетъ, то заблещетъ...
Она вздыхаетъ, скажетъ вздоръ
И вся „глубоко" затрепещетъ.

XXI.

Не заговаривалъ никто
Съ Коринной... Самъ ея родитель

Боялся дочки... Но за то
Чудакъ застѣнчивый, учитель
Уѣздный, блѣдный человѣкъ—
Ее преслѣдовалъ стихами
И предлагалъ ей со слезами
„Всего себя... на цѣлый вѣкъ“...
Клялся, что любитъ безпорочно.
Но пѣлъ и плакалъ онъ заочно,
И говорилъ ей сей Парисъ
Въ посланьяхъ: „ты“—на дѣлѣ: „вы-съ“.
О жалкій, слабый родъ! О время
Полу-порывовъ, долгихъ думъ
И робкихъ дѣлъ! О, вѣкъ! о, племя,
Безъ вѣры въ собственный свой умъ!

XXII.

О!!!... Но—богиня пѣснопѣній,
О, муза!—публика моя
Терпѣть не можетъ разсужденій...
Къ разсказу возвращаюсь я.
Отдѣльно каждую дѣвицу
Вамъ описать—не моему
Дано перу... а потому,
Вообразите вереницу
Широкихъ лицъ, большихъ носовъ,
Улыбокъ томныхъ, башмаковъ
Козлиныхъ, лентъ и платьевъ бѣлыхъ,
Турбановъ, перьевъ, плечъ дебелыхъ,
Зеленыхъ, сѣрыхъ, карихъ глазъ,
Румяныхъ губъ и... и такъ далѣ;
Заставьте барынь кушать квасъ,—
И знайте: вы на русскомъ балѣ.

XXIII.

Но вотъ среди толпы густой
Мелькаетъ быстро передъ вами
Ребенокъ робкій и нѣмой,
Съ большими, грустными глазами
Ребенокъ!.. Ей пятнадцать лѣтъ.

Но за собой она невольно
Влечетъ васъ... за нее вамъ больно
И страшно... Блѣдный, томный цвѣтъ
Лица,—печальный слѣдъ сомнѣній
Тревожныхъ, раннихъ размышленій,
Тоски, неопытныхъ страстей,
И взглядъ внимательный—все въ ней
Вамъ говоритъ о самовластной
Душѣ... Ребенокъ бѣдный мой!
Ты будешь женщиной несчастной...
Но я не плачу надъ тобой...

XXIV.

О, нѣтъ! пускай твои желанья,
Твои стыдливыя мечты
Въ суровомъ холодѣ страданья
Погибнутъ... не погибнешь ты.
Безъ одобренья, безъ участья,
Среди невѣждъ, осуждена
Ты долго жить... но ты сильна,
А сильному не нужно счастья.
О немъ не думай... но судьбѣ
Не покоряйся; знай: въ борьбѣ
Съ людьми таится наслажденье
Неистощимое—презрѣнье.
Какъ ядъ цѣлительный, оно
И жжетъ, и заживляетъ рану
Души... Но мнѣ пора давно
Вернуться къ моему „роману“.

XXV.

Вотъ передъ вами въ вырѣзномъ
Зеленомъ фракѣ—шутъ нахальный,
Болтунъ и нѣкогда „бель-омъ“,
Стоитъ законодатель бальный.
Онъ ѣздитъ только въ „высшій свѣтъ“.
А вотъ—неистово развязный,
Довольно злой, довольно грязный
Острякъ; вотъ парень среднихъ лѣтъ,

Въ венгеркѣ, въ галстукѣ широкомъ,
Глаза навыкатъ, ходитъ бокомъ,
Хрипитъ и красенъ, какъ піонъ.
Вотъ этотъ черненькій—шпіонъ
И шулеръ—впрочемъ, малый знатный,
Угодникъ дамскій, балагуръ...
А вотъ помѣщикъ благодатный
Изъ непосредственныхъ натуръ.

XXVI.

Вотъ старичокъ благообразный,
Извѣстный взяточникъ, а вотъ
Свѣтило міра, баринъ праздный,
Ораторъ, агрономъ и мотъ,
Чудакъ, для собственной потѣхи
Лѣчившій собственныхъ людей...
Ну—словомъ—множество гостей.
Варенье, черносливъ, орѣхи,
Изюмъ, конфеты, кренделькн
На блюдцахъ носятъ казачки...
И, несмотря на потъ обильный,
Всѣ гости тянутъ чай фамильный.
Крикъ, хохотъ, топотъ, говоръ, звонъ
Стакановъ, рюмокъ, шпоръ и чашекъ...
А сверху, съ хоръ, изъ-за колоннъ
Глазѣютъ кучи замарашекъ.

XXVII.

Объ офицерахъ, господа,
Мы потолкуемъ осторожно...
(Не то разсердятся—бѣда!)
Но перечесть ихъ... Это можно.
Чувствительный артиллеристъ,
Путеецъ маленькій, невзрачный,
И пѣхотинецъ съ виду мрачный,
И пламенный кавалеристъ—
Всѣ тутъ, какъ тутъ... Но вы, кузилы,
Которымъ барышни не милы,
Гроза почтенныхъ становыхъ,

Владѣльцы троекъ удалыхъ,
И покровители цыганокъ—
Васъ не видать на тѣхъ балахъ,
Какъ не видать помадныхъ банокъ
На вашихъ окнахъ и столахъ!

XXVIII.

Превозносимый всѣмъ уѣздомъ
Домъ обольстительной вдовы
Бывалъ обрадованъ пріѣздомъ
Гостей нежданыхъ изъ Москвы.
Чиновникъ, на пути въ отцовскій
Далекій,—незабвенный кровъ—
(Спасаясь зайцемъ отъ долговъ)
Заѣдетъ... умница московскій,
Мясистый, пухлый, съ кадыкомъ,
Длинноволосый, въ кучерскомъ
Кафтанѣ, бредитъ о чертогахъ
Князей старинныхъ, о .....
Отъ шапки—мурмолки своей
Ждетъ избавленья, возрожденья—
Ѣстъ рѣдьку—западныхъ людей
Бранитъ—и пишетъ... донесенья.

XXIX.

Бывало, въ хлѣбосольный домъ
Изъ дальней сѣверной столицы
Примчится борзый левъ, и львомъ
Весьма любуются дѣвицы.
Въ деревнѣ левъ—глядишь—ручной,
Звѣрёкъ предобрый; жмуритъ глазки
И терпѣливо сноситъ ласки
Гостепріимности степной.
Въ деревнѣ—водятся должишки
За нимъ... играетъ онъ въ картишки...
Не платитъ... Но какъ разговоръ
Его любезенъ, живъ, остеръ!
Какъ онъ волочится небрежно!
Какъ онъ насмѣшливо влюбленъ!

И какъ забудетъ безмятежно
Все, чѣмъ на мигъ былъ увлеченъ!

XXX.

Но мой помѣщикъ? Не пора ли
Къ нему вернуться наконецъ?
Пока мы съ вами поболтали,
Читатель,—староста, кузнецъ,
Садовники, покинувъ тачки,
Кондитеръ, ключникъ, повара,
Мальчишки, дѣвки, кучера,
Столяръ, кухарки, даже прачки—
Вся дворня словомъ—цѣлый часъ
Справляла „ветхій тарантасъ“.
И вотъ, надѣвъ армякъ верблюжій,
На козла лѣзетъ кучеръ дюжій;
Фалеторъ сѣлъ; раздался крикъ
Ребятъ; побѣдоносно взвился
Проворный кнутъ—и шестерикъ
Передъ крыльцомъ остановился.

XXXI.

Выходитъ баринъ... цѣлый домъ
За нимъ идетъ, благоговѣя.
Безмолвно, въ шляпахъ съ галуномъ,
Надѣтыхъ криво, два лакея
Ведутъ его... Пріятель нашъ
Дѣтей цѣлуетъ,—на подножку
Заноситъ ногу; понемножку,
Кряхтя, садится въ экипажъ,
И подъ его дворянскимъ тѣломъ,
Довольно плотнымъ и дебелымъ,
Скрипятъ рессоры.—„Взятъ тюфякъ
На всякій случай? Ты, дуракъ,
Смотри подъ горку тише... Что вы
Мнѣ въ ноги положили? Стой!
Гдѣ ларчикъ?“—„Здѣсь“.—„Ну, готовы?
Пошелъ!.. Я къ вечеру домой“.

XXXII.

Уѣхалъ баринъ. Слава Богу!
Какой веселый дружный гамъ,
Какую шумную тревогу
Всѣ подняли! Спѣшитъ Адамъ
Адамычъ въ комнатку... гитару
(Подарокъ будущей жены)
Снимаетъ тихо со стѣны,
Садится, скверную сигару
Съ улыбкой куритъ... и не разъ
Изъ голубыхъ, нѣмецкихъ глазъ
Слеза бѣжитъ... и край любимый
Онъ видитъ снова, край родимый,
Далекій, милый... И, пока
Еще не высохли тѣ слезы,
Въ убитомъ сердцѣ старика
Взыграли радостныя грёзы.

XXXIII.

Помѣщикъ ѣдетъ. Легкій сонъ,
Надежный другъ людей дородныхъ,
Имъ овладѣлъ... Не видитъ онъ
Равнинъ окрестныхъ плодородныхъ.
О, Русь! Люблю твои поля,
Когда подъ яркимъ солнцемъ лѣта
Свѣтла, роскошна, вся согрѣта,
Блеститъ и нѣжится земля...
Люблю бродить въ лугу росистомъ
Весной, когда веселымъ свистомъ
И влажнымъ запахомъ полна
Степей живая тишина...
Но дворянинъ мой хладнокровно
Поля родныя проѣзжалъ;
Онъ межевалъ ихъ полюбовно,
Но безъ любви воспоминалъ

XXXIV.

О нихъ... Привычка! то ...я дѣло,
Когда въ деревню какъ-нибудь

Мы попадемъ бывало... Смѣло,
Легко, безпечно дышитъ грудь...
И дорога̀ намъ воля наша,
Природа дивно хороша,
И въ каждомъ юношѣ душа
Кипитъ, какъ праздничная чаша!
Такъ что жъ? Ужели жъ тѣ года
Прошли навѣкъ и безъ слѣда?
Нѣтъ! нѣтъ! Мы сбросимъ наши цѣпи,
Вернемся снова къ вамъ, о, степи!—
И вотъ—за бѣшеныхъ коней
Отдавъ полъ-царства, даже царство—
Летимъ за тридевять полей
Въ сороковое государство!..

XXXV.

Раскинувшись па пуховыхъ
Подушкахъ, спитъ самодовольно
Помѣщикъ. Кучеръ пристяжныхъ
Стегаетъ безпощадно. Больно
Смотрѣть на тощихъ лошадей.
Фалеторъ на кобылѣ тряской,
Весь блѣдный, прыгаетъ. Со связкой
Въ рукахъ, хранитъ себѣ лакей.
Бойка дорога. Всѣ ракиты,
Какъ зимнимъ инеемъ, покрыты
Тончайшей пылью. Жарко. Вдругъ—
(Могу-ль изобразить испугъ
Помѣщика?) на поворотѣ
Ось пополамъ—и тарантасъ
(Прошу довѣриться работѣ
Домашней?..) на бокъ... вотъ-те разъ!

XXXVI.

Поднявшись медленно съ дороги,
Безъ шапки, трепетной рукой
Ощупалъ спину, носъ и ноги
Мой перепуганный герой.
Все цѣло... Кучеръ боязливо

Привсталъ... и никакихъ рѣчей
Не произнесъ... Одинъ лакей
Засуетился торопливо:
То вскочитъ самъ на облучокъ,
То вдругъ возьмется за задокъ,
То шляпу двинетъ на затылокъ...
Но какъ ни ловокъ онъ и пылокъ—
Напрасно все... что дѣлать! Самъ
Помѣщикъ вовсе растерялся,
Не вѣрилъ собственнымъ глазамъ
И какъ ребенокъ улыбался.

XXXVII.

„Ахъ, чортъ возьми! Ну, что тамъ?"—Ось
Сломалась.—Баринъ для порядка
Ее потрогалъ.—„Да; хоть брось.—
Охъ, эта бестія Филатка!"—
(Филаткой звался старый плутъ
Каретникъ.) „До деревни сколько?"
— Да будетъ верстъ пяточекъ.—„Только?
Скачи за кузнецомъ... да кнутъ
Возьми..." Но взоры въ отдаленье
Вперило хитрое творенье,
Лакей... и вдругъ онъ крикнулъ:—Э!
Къ намъ ѣдетъ барыня...—„Гдѣ? гдѣ?
Какая барыня?"—Полями,
Знать, онѣ взяли... Точно такъ.—
„Не можетъ быть!"—Смотрите сами:
Онѣ-съ...—„Ну, ну, молчи, дуракъ!"

XXXVIII.

Дѣйствительно: въ кибиткѣ длинной,
Подушками, пуховикомъ
Набитой доверху, въ старинной
Измятой шляпкѣ, съ казачкомъ,
Съ собачкой, съ дѣвкой въ казакинѣ
Суконномъ, ѣдетъ на семи
Крестьянскихъ клячахъ „chère amie".
Своей любезной половинѣ

Пріятель нашъ едва ли радъ...
Онъ бросился впередъ, назадъ...
Имъ овладѣло безпокойство *),
Весьма естественное свойство
Иныхъ мужей, при видѣ женъ...
Кибитка стала... Дыбомъ волосъ
На немъ поднялся... слышитъ онъ
Супруги дребезжащій голосъ:

XXXIX.

„Сергѣй Петровичъ, это вы?"
—Я, матушка.—„Ахъ, мой Спаситель!
Куда жъ вы ѣхали?"—Увы!
Разочарованный сожитель
Молчитъ уныло.—„Вѣрно къ той
Вдовѣ? Ужъ эта мнѣ вострушка!
Да говорите жъ!.. Къ ней, Петрушка?"
Лакей проворно головой
Кивнулъ.—„Ахъ, старый грѣховодникъ!
Вотъ я молилась—васъ угодникъ
И наказалъ... Ну, какъ я зла!
А я вамъ просвиру везла!
Неблагодарный! Отлучиться
Нельзя мнѣ на денекъ, ей-ей...
Подвинься, Аннушка... Садиться
Извольте къ намъ—да поскорѣй".

XL.

Покорный строгому велѣнью,
Садится мужъ. Въ его груди
Нѣтъ мѣста даже сожалѣнью...
Все замерло. Но впереди
Бѣду предвидитъ онъ. Подруга
Его когда-то молода

---

*) „Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ,
Весьма мучительное свойство..."
(Евгеній Онѣгинъ).

Была, но даже въ тѣ года
Не думала, что другъ для друга
Супруги созданы... нѣтъ! мужъ
Устроенъ для жены. Къ тому жъ
Неравный бой недолго длился:
Сергѣй Петровичъ покорился:
Теперь везетъ его домой
Она для грознаго разсчета...
Такъ ястребъ, ловкій и лихой,
Уноситъ селезня съ болота.

XLI.

Вотъ тутъ то я бъ замѣтить могъ,
Какъ все на свѣтѣ ненадежно!
Богъ случая, лукавый богъ,
Играетъ нами... Что возможно
Вчера—сегодня навсегда
Недостижимо... да мы сами
Непостоянны... за мечтами
Гоняемся... Но, господа,
Хоть я воображаю живо,
Какъ вы слѣдите терпѣливо
И добросовѣстно за нимъ,
За бѣднымъ витяземъ моимъ,
Однако—кончить не пора ли?
Боюсь, прiѣлись вамъ стихи...
За чистоту моей морали
Простите мнѣ мои грѣхи.

XLII.

Я правъ. Мои слова—не фраза
Пустая—нѣтъ! Съ *своей* женой—
Замѣтьте—подъ конецъ разсказа
Соединяется герой.
Законъ приличья, въ томъ свидѣтель
Читатель каждый, сей законъ
Священный—строго соблюденъ—
И торжествуетъ добродѣтель.

Но весело сказать себѣ:
Конецъ мучительной гонькѣ
За риѳмами... придумать строчку
Послѣднюю, поставить точку,
Подняться медленно, легко
Вздохнуть, съ чернилами проститься—
И передъ вами глубоко,
О, мой читатель, поклониться!

АНДРЕИ.

ПОЭМА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Дѣла давно минувшихъ дней.“

1.

„Начало трудно“, слышалъ я не разъ.
Да, для того, кто любитъ объясненья.
Я не таковъ,—и прямо свой разсказъ
Я начинаю—безъ приготовленья...
Рысцой поплелся смирный мой пегасъ.
Друзья, ною простыя приключенья...
Онѣ происходили вдалекѣ,
Въ уѣздномъ, одинокомъ городкѣ.

2.

Подобно всѣмъ уѣзднымъ городамъ,
Онъ правильно расположенъ; недавно
Построенъ; на горѣ соборный храмъ
Стоитъ, неконченный; дома забавно

Свихнулись на бокъ; нѣтъ конца садамъ
Фруктовымъ, огородамъ; страхъ исправно
Содержатся казенныя мѣста—
И площадь главная всегда пуста.

3.

Въ уютномъ, чистомъ домикѣ, въ одной
Изъ улицъ, называемой „Зелёной“,
Жилъ человѣкъ довольно молодой,
Въ отставкѣ, холостякъ, притомъ ученый.
Какъ водится, разумной головой
Онъ слылъ лишь потому, что видъ „мудреный“
Имѣлъ, да трубки не курилъ, молчалъ,
Не выходилъ и въ карты не игралъ,

4.

Но не было таинственности въ немъ.
Всѣ знали его чинъ, его фамилью.
Онъ года три въ Москвѣ служилъ; потомъ,
Наскучивъ должностной и прочей гилью,
Вернулся въ отчій запустѣлый домъ.
Всѣ комнаты наполненныя пылью
Нашелъ (его домашніе давно
Всѣ померли), да старое вино

5.

Въ подвалѣ, да запачканный портретъ,
Да въ кладовой два бабушкиныхъ платья.
На волѣ росъ онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ:
Пока служилъ онъ—связи да занятья
И вспомнить ему не дали, что нѣтъ
Родной груди, которую въ объятья
Принять бы могъ онъ... Нѣтъ ея нигдѣ...
Но здѣсь, въ родимомъ и пустомъ гнѣздѣ,

6.

Ему сначала было тяжело...
Потомъ онъ полюбилъ уединенье
И думалъ самъ, что счастливъ... Но на зло
Разсудку—часто грустное томленье

Овладѣвало имъ... Его влекло
Куда-то вдаль, пока воображенье
Усталое не сложитъ пестрыхъ крылъ.
И долго послѣ, молчаливъ, унылъ

7.

Сидѣлъ онъ подъ окошкомъ. Впрочемъ, онъ,
Какъ человѣкъ безъ разочарованья,
Не слишкомъ былъ въ отчаянье влюбленъ
И не лелѣялъ своего страданья.
Начнетъ, бывало, думать... что жъ? не стонъ,
Зѣвота выразитъ его мечтанья;
Скучалъ онъ, не какъ байроновъ Корсаръ,
А какъ потомокъ выходцевъ—татаръ.

8.

Скучалъ онъ—да; быть-можетъ, оттого,
Что жить въ деревнѣ скучно; что въ столицахъ
Безъ денегъ жить нельзя; что ничего
Онъ цѣлый день не дѣлалъ; что въ дѣвицахъ
Не находилъ онъ толку... Но всего
Не выскажешь никакъ—пока въ границахъ
Законности, порядка, тишины
Держаться сочинители должны.

9.

Такъ, онъ скучалъ; но молодъ былъ душой,
Неопытенъ, задумчивъ, какъ писатель,
Застѣнчивъ и чувствителенъ—большой
Чудакъ-дикарь и нѣсколько мечтатель.
Онъ занимался нехотя собой,
(Чему вы подивитесь, о, читатель!)
Не важничалъ и не бранилъ людей,
И ничего не презиралъ, ей-ей!

10.

Хотѣлъ любви, не зная самъ зачѣмъ;
Въ немъ силы разгорались молодыя...
Кипѣла кровь... Онъ отъ любви совсѣмъ
Себѣ не ждалъ *спасенья*, какъ иные

Дѣвицы да студенты. Между тѣмъ,
Мгновенья проходили золотыя—
И минуло два года,—двѣ весны...
(Весной всѣ люди чаще влюблены.)

11.

И вотъ, опять настала та пора,
Когда, на солнцѣ весело сверкая,
Капели падаютъ; когда съ утра,
По лужамъ дѣти бѣгаютъ, играя;
Когда коровъ гоняютъ со двора
И травка зеленѣетъ молодая,
И важный грачъ гуляетъ по лугамъ,
И подступаетъ рѣчка къ берегамъ.

12.

Прекрасенъ русскій, теплый майскій день...
Все къ жизни возвращается тревожно;
Еще жидка трепещущая тѣнь
Березъ кудрявыхъ; вѣтеръ осторожно
Колышетъ ихъ верхушки; думать—лѣнь,
А съ губъ согнать улыбку невозможно...
И свѣжій, бѣлый ландышъ подъ кустомъ
Стыдливо заслоняется листомъ.

13.

Поѣдешь зеленями на конѣ...
Вздыхаетъ конь и тихо машетъ гривой—
И какъ листокъ, отдавшійся волнѣ,
То медленной, то вдругъ нетерпѣливой,—
Несутся мысли... Въ ясной вышинѣ
Проходятъ тучки чередой лѣнивой...
Съ деревни воробьевъ крикливый рой
Промчится... Заяцъ жмется подъ межой.

14.

И колокольня длинная въ кустахъ
Бѣлѣется... Пріятель нашъ природу
Весьма любилъ, и въ четырехъ стѣнахъ
Не могъ остаться въ ясную погоду...

Надѣлъ картузъ—и съ палкою въ рукахъ
Пѣшкомъ пустился черезъ грязь и воду...
Была въ числѣ всѣхъ улицъ лишь одна
„Дворянская“ когда-то мощена.

15.

Онъ шелъ задумчиво, повѣся носъ.
По лужицамъ ступая деликатно,
Бѣжалъ за нимъ его легавый пёсъ.
Мечтатель шелъ; томительно-пріятно
Въ немъ сердце билось—и себѣ вопросъ
Онъ задавалъ: зачѣмъ такъ непонятно,
Такъ грустно-веселъ онъ? какъ вдругъ одинъ
Знакомецъ, неслужащій дворянинъ,

16.

Нагналъ его. „Андрей Ильичъ! куда-съ?“
— Гуляю такъ; а вы?—„Гуляю тоже.
Вообразите—не узналъ я васъ!
Гляжу, гляжу... да кто жъ это, мой Боже!
Ужъ по собакѣ догадался—да-съ!
А слышали вы—городничій?“—Что̀ же
Съ нимъ сдѣлалось?—„Да съ нимъ-то ничего,
Жену свою прибилъ онъ за того

17.

Гусарчика—вы знаете“...—Я? Нѣтъ!—
„Не знаете? Ну, какъ же вамъ не стыдно?
Такой пріятный въ обществѣ, брюнетъ.
Вотъ онъ понравился—другимъ завидно—
Послали письмецо, да весь секретъ
И разгласили... Кстати, намъ обидно
Съ женой, что не зайдете никогда
Вы къ намъ; а жили, помнится, всегда

18.

Мы съ вашимъ батюшкой въ большомъ ладу“.
— А развѣ есть у васъ жена?—„Прекрасно!
Хорошъ пріятель, признаюсь! Пойду
Всѣмъ разскажу...“—Не гнѣвайтесь напрасно.

(Ну, думалъ онъ:—попался я въ бѣду.)—
„Не гнѣваться? Нѣтъ, я сердитъ ужасно...
И если вы хотите, чтобъ я васъ
Простилъ совсѣмъ, пойдемте къ намъ сейчасъ“.

19.

—Извольте... но нельзя жъ такъ... „Безъ хлопотъ!“
Они пошли подъ ручку мимо праздныхъ
Мѣщанскихъ бабъ и дѣвокъ, у воротъ
Усѣвшихся на лавкахъ, мимо разныхъ
Заборовъ, кузницъ, домиковъ... И вотъ,
Передъ однимъ изъ самыхъ безобразныхъ
Домовъ остановилися.—„Здѣсь я
Живу“,—сказалъ знакомецъ:—„а судья

20.

Живетъ вонъ тамъ, подальше. Вечеркомъ
Играемъ мы въ картишки: засѣдатель,
Онъ, я да Гуръ Миняичъ, вчетверомъ“.
Они вошли и закричалъ пріятель
Андрея: „Эй! жена! смотри, кто въ домъ
Ко мнѣ зашелъ—твой новый обожатель...
(Не правда что ли?) вотъ, сударь, она,
Авдотья Павловна, моя жена“.

21.

Ея лицо зардѣлось ярко вдругъ
При видѣ незнакомаго... Стыдливо
Она присѣла... Радостный супругъ
Расшаркался... За стулья боязливо
Она взялась... Ея нѣмой испугъ
Смутилъ Андрея. Сѣлъ онъ молчаливо
И внутренно себя бранилъ—и, взоръ
Склонивъ, упрямо началъ разговоръ.

22.

Но вотъ, пока зашла межъ ними рѣчь
О томъ, что людямъ нужно развлеченье
И что здоровье надобно беречь,
Взглянувши на нее, въ одно мгновенье

Замѣтилъ онъ блестящихъ, бѣлыхъ плечъ
Роскошный очеркъ, легкое движенье
Груди, зубовъ-жемчужинъ ровный рядъ
И кроткій, нѣсколько-печальный взглядъ.

23.

Замѣтилъ онъ еще вдоль алыхъ щекъ
Двѣ кудри шелковистыя да руки
Прекрасныя... Звенящій голосокъ
Ея хранилъ плѣнительные звуки
Младенчества—какъ говорятъ—пушокъ.
А за двадцать ей было... Пользу скуки
Кто можетъ отрицать? Она, какъ ледъ,
Отъ порчи сберегаетъ нашъ народъ.

24.

Пока въ невинности души своей
Любуется нашъ юноша стыдливый
Чужой женой, мы поспѣшимъ о ней
Отдать отчетъ подробный, справедливый
Читателямъ. (Ея супругъ, Ѳаддей
Сергѣичъ, былъ разсѣянный, лѣнивый,
Довѣрчивый, прекрасный человѣкъ...
Да кто жъ и золъ въ нашъ равнодушный вѣкъ?)

25.

Она росла печальной сиротой;
Воспитана была на счетъ казенный...
Потомъ попала къ тетушкѣ глухой,
Сносила нравъ ея неугомонный,
Ходила въ лѣтнемъ платьицѣ зимой—
И разливала чай... Но бракъ законный
Освободилъ несчастную: чепецъ
Она сама надѣла наконецъ;

26.

Но барыней не сдѣлалась. Притомъ,
Авдотья Павловна, какъ институтка,
Гостей дичилась, плакала тайкомъ
Надъ пошленькимъ романомъ; часто шутка

Ее пугала... Но въ порядкѣ домъ
Она держала; здраваго разсудка
Въ ней было много; мужа своего
Она любила болѣе всего.

27.

Но, какъ огонь таится подъ золой,
Подъ снѣгомъ лава, подъ листочкомъ розы
Колючій шипъ, подъ бархатной травой
Лукавый змѣй, и подъ улыбкой слезы—
Такъ, можетъ-быть, и въ сердцѣ молодой
Жены таились пагубныя грёзы...
Мы посвящаемъ этотъ оборотъ
Любителямъ классическихъ остротъ.

28.

Но все жъ она любила мужа; да,
Какъ любятъ дѣти:—кротко, безъ волненій,
Безъ ревности, безъ тайнаго стыда,
Безъ тѣхъ безумныхъ, горькихъ сожалѣній
И помысловъ, которымъ иногда
Предаться совѣстно, безъ подозрѣній,
Безо всего, чѣмъ дерзостную власть
Свою не разъ обозначала страсть.

29.

Но не была за то знакома ей
Восторговъ нескончаемыхъ отрада,
Тоска блаженства... правда; но страстей
Бояться должно: самая награда
Не стоитъ жертвы, какъ игра свѣчей...
Свирѣпый, буйный грохотъ водопада
Насъ оглушаетъ... Вообще, всегда
Пріятнѣе стоячая вода.

30.

И если грусть ей въ душу какъ-нибудь
Закрадывалась—это мы бѣдою
Не назовемъ... Вѣдь ей же хуже, будь
Она всегда, всегда своей судьбою

Довольна... Грустно ей, заноетъ грудь
И взоръ заблещетъ томною слезою—
Она къ окошку подойдетъ, слегка
Вздохнетъ да поглядитъ на облака,

31.

На церковь старую, на низкій домъ
Сосѣда, на высокіе заборы,
За фортепьяно сядетъ... Все кругомъ
Какъ будто дремлетъ... Слышны разговоры
Служанокъ; на стѣнѣ подъ потолкомъ
Играетъ солнце; голубыя шторы
Сквозятъ; надувшись весь, ручной
Снѣгирь свиститъ, и пахнетъ резедой

32.

Вся комната... Поетъ она—сперва
Какой-нибудь романсъ сентиментальный,
Звучатъ уныло страстныя слова;
Потомъ она сыграетъ погребальный
Извѣстный маршъ Бетховена... Но два
Часа пробило; ждетъ патріархальный
Обѣдъ ее; супругъ, жену любя,
Кричитъ: „уха простынетъ безъ тебя".

33.

Такъ жизнь ея текла. Въ чужихъ домахъ
Она бывала рѣдко; со слезами
Ѣзжала въ гости, чувствовала страхъ,
Когда съ высокопарными рѣчами
Уѣздный франтъ въ нафабренныхъ усахъ
Къ ней подходилъ бочкомъ, кося глазами...
Свой домъ она любила, какъ сурокъ
Свою нору—свой „home", свой уголокъ.

34.

Андрей понравился сосѣдямъ. Онъ
Сидѣлъ у нихъ довольно долго; въ споры
Пускался; словомъ, въ духѣ былъ, уменъ,
Любезенъ, веселъ... И, хотя въ узоры

Канвы совсѣмъ, казалось, погруженъ
Былъ умъ хозяйки,—медленные взоры
Ея большихъ и любопытныхъ глазъ
На немъ остановились,—и не разъ.

35.

Межъ тѣмъ, настала ночь. Пришелъ Андрей
Ильичъ домой въ большомъ недоумѣньи.
Сквозь зубы напѣвалъ онъ: „Соловей
Мой, соловей!"—и цѣлый часъ въ волненьи
Ходилъ одинъ по комнатѣ своей.
Не много было складу въ этомъ пѣньи,
И песъ его, весьма разумный скотъ,
Глядѣлъ на барина разиня ротъ.

36.

Увы! всѣмъ людямъ, видно, суждено
Узнать, какъ говорится, „жизни бремя".
Мы ничего пока не скажемъ... Но
Посмотримъ, что-то намъ откроетъ время?
Когда на свѣтъ выходитъ листъ—давно
Въ землѣ нагрѣтой созрѣвало сѣмя...
Тоскливая, мечтательная лѣнь
Андреемъ овладѣла въ этотъ день.

37.

Съ начала самаго любовь должна
Расти неслышно—какъ во снѣ глубокомъ
Дитя растетъ... огласка ей вредна:
Какъ юный грибъ, открытый зоркимъ окомъ,
Замретъ, завянетъ, пропадетъ она...
Потомъ,—ее вы можете съ потокомъ
Сравнить—съ огнемъ, и съ лавой, и съ грозой,
И вообще со всякой чепухой.

38.

Но первый страхъ и трепетъ сердца, стукъ
Его внезапный, первое страданье
Отрадно-грустное, какъ первый звукъ
Печальной пѣсни, первое желанье,

Когда въ огнѣ нежданныхъ слезъ и мукъ
Съ испугомъ просыпается сознанье,
И вся душа заражена тоской...
Какъ это все прекрасно, Боже мой!

39.

Андрей къ сосѣдямъ сталъ ходить. Они
Его ласкали; малый былъ онъ смирный,
Имъ по плечу; радушьемъ искони
Славяне славятся; къ ихъ жизни мирной
Привыкъ онъ скоро самъ. Летѣли дни;
Онъ рано приходилъ, глоталъ ихъ жирный
Обѣдъ, пилъ жидкій чай, а вечеркомъ,
Пока супругъ за ломбернымъ столомъ

40.

Сражался, съ ней сидѣлъ онъ по часамъ...
И говорилъ охотно, съ убѣжденьемъ
И даже съ жаромъ. Часто былъ онъ самъ
Проникнутъ добродушнымъ удивленіемъ:
Кто вдругъ освободилъ его? рѣчамъ
Далъ звукъ и силу?—Впрочемъ, „откровеньемъ“
Она не величала тѣхъ рѣчей...
Языкъ новѣйшій незнакомъ былъ ей;

41.

Нѣтъ,—но при немъ овладѣвало вдругъ
Ея душой веселое вниманье...
Андрей сталъ нуженъ ей, какъ добрый другъ,
Какъ братъ... Онъ понималъ ея мечтанье,
Онъ раздѣлять умѣлъ ея досугъ
И вызывать малѣйшее желанье...
Она могла болтать, молчать при немъ...
Имъ было хорошо, тепло вдвоемъ.

42.

И сталъ онъ тихъ и кротокъ, какъ дитя
Въ обновкѣ: наслаждался безъ оглядки;
Андрей себя не вопрошалъ, хотя
Въ немъ изрѣдка пугливыя догадки

Рождались... Онъ душилъ ихъ, жилъ шутя.
Такъ первыя таинственныя взятки,
Съ стыдливостью соединивъ разсчетъ,
Чиновникъ безсознательно беретъ.

43.

Они гуляли много по лугамъ
И въ рощѣ (мужъ, кряхтя, тащился слѣдомъ),
Читали Пушкина по вечерамъ,
Играли въ шахматы передъ обѣдомъ,
Иль, волю давъ лукавымъ языкамъ,
Смѣялись потихоньку надъ сосѣдомъ...
Иль иногда разсказывалъ Андрей
О службѣ занимательной своей.

44.

Тогда, какъ струйки мелкія рѣки
У камышей, на солнцѣ, въ неглубокихъ
Мѣстахъ, иль какъ тѣ свѣтлые кружки
Въ тѣни густыхъ дубовъ и липъ широкихъ,
Когда затихнетъ вѣтеръ, а листки
Едва трепещутъ на сучкахъ высокихъ—
По тонкимъ губкамъ Дуни молодой
Улыбки пробѣгали чередой.

45.

Они смѣялись часто... Но потомъ
Весьма грустить и горевать умѣли
И въ небо возноситься... Подъ окномъ
Они тогда задумчиво сидѣли,
Мечтали, жили, думали вдвоемъ,
И молча содрогались и блѣднѣли—
И тихо воцарялся въ ихъ сердцахъ
Такъ-называемый „священный страхъ“.

46.

Смѣшно глядѣть на круглую луну;
Смѣшно вздыхать—и часто, цѣпенѣя
Отъ холода, ночную тишину
„Пить, жадно пить“—блаженствуя, нѣмѣя...

Зѣвать—и прозаическому сну
Противиться, затѣмъ, что съ Эмпирея
Слетаютъ поэтическіе сны...
Но кто жъ не грѣшенъ съ этой стороны?

47.

Да, много такъ погибло вечеровъ
Для нихъ; но то, что въ нихъ тогда звучало,
То былъ любви невольный, первый зовъ...
Но то, что сердце въ небесахъ искало,
Что выразить не находили словъ—
Такъ близко, рядомъ, подъ бокомъ дышало...
Блаженство не въ эѳирѣ... Впрочемъ, кровь
Заговоритъ, когда молчитъ любовь.

48

Проворно зрѣетъ запрещенный плодъ.
Андрей сталъ грустенъ, молчаливъ и страненъ
(Влюбленные—весьма смѣшной народъ!),
И смыслъ его рѣчей бывалъ туманенъ...
Извѣстно: труденъ каждый переходъ.
Нашъ бѣдный другъ былъ прямо въ сердце раненъ...
Она съ нимъ часто ссорилась... Она
Была сама смертельно влюблена.

49.

Но мы сказать не смѣемъ сколько дней,
Недѣль, годовъ, десятковъ лѣтъ, волненья
Такія продолжаться въ немъ и въ ней
Могли бы, если бъ случай,—безъ сомнѣнья,
Первѣйшій другъ неопытныхъ людей,—
Не прекратилъ напраснаго томленья...
Однажды мужъ уѣхалъ, а жена
Осталась дома, какъ всегда, одна.

50.

Работу на колѣни уронивъ,
Тихонько на груди скрестивши руки
И голову немножко наклонивъ,
Она сидитъ подъ обаяньемъ скуки.

И взоръ ея спокоенъ и лѣнивъ,
И на губахъ давно затихли звуки...
А сердце—то расширится, то вновь
Задремлетъ... По щекамъ играетъ кровь.

51.

Но мысли не высокой предана
Ея душа; напротивъ, просто „вздоромъ“,
Какъ люди говорятъ, она полна...
Улыбкой грустной, безпокойнымъ взоромъ,
Котораго вчера понять она
Еще не смѣла, длиннымъ разговоромъ
И тѣмъ, что выразить нельзя перомъ...
Знакомый шагъ раздался подъ окномъ.

52.

И вдругъ,—самъ бѣсъ не скажетъ почему—
Ей стало страшно, страшно до рыданій.
Боялася она, что ль, дать ему
Въ ея чертахъ найти слѣды мечтаній
Недавнихъ... Но въ таинственную тьму
Чужой души мы нашихъ изысканій
Не будемъ простирать. Прекрасный полъ,
Источникъ нашихъ благъ и нашихъ золъ,

53.

Не всѣмъ дается въ руки, словно кладъ,
Зарытый хитрой вѣдьмой. Молчаливо
Она вскочила, черезъ сѣни въ садъ
Бѣжитъ... въ ней сердце бьется торопливо...
Но, какъ испуганная лань, назадъ
Приходитъ любопытно, боязливо,
И слушаетъ, и смотритъ, и стрѣлка
Не видитъ—такъ, на цыпочкахъ, слегка,

54.

Она дошла до комнаты своей...
И съ легкой, замирающей улыбкой,
Вся розовая, къ скважинѣ дверей
Нагнула станъ затянутый и гибкой.

Концы ея разсыпанныхъ кудрей
Колышатся плѣнительно на зыбкой
Груди... Подъ черной бровью черный глазъ
Сверкаетъ ярко, какъ живой алмазъ...

55.

Она глядитъ—безмолвно ходитъ онъ.
Какъ виденъ ясно слѣдъ нѣмой заботы
И грусти на его лицѣ!.. Влюбленъ
Андрей. На фортепьянахъ двѣ-три ноты
Небрежно взялъ онъ. Слабый, робкій звонъ
Возникъ и замеръ. Вотъ—ея работы
Разсматривать онъ началъ... Тамъ въ углѣ
Она платокъ забыла на столѣ.

56.

И жадно вдругъ къ нему приникъ Андрей
Губами—крѣпко, крѣпко стиснулъ руки.
Движенья головы его, плечей
Изобличали силу тайной муки...
Дуняша вся затрепетала... Въ ней,
Какъ дружные, торжественные звуки
Среди равнинъ печальныхъ и нагихъ,—
Любовь заговорила въ этотъ мигъ.

57.

Ей все понятно стало. Яркій свѣтъ
Вдругъ озарилъ ея разсудокъ. Страстно
Они другъ друга любятъ... въ этомъ нѣтъ
Теперь уже сомнѣній... Какъ прекрасно
Блаженства ждать и вѣрить съ раннихъ лѣтъ
Въ любовь, и ждать и вѣрить не напрасно,
И тихо, чуть дыша, себѣ сказать:
Я счастливъ—и не знаю что желать!

58.

Какъ весело горѣть такимъ огнемъ!
Но тяжело терять напрасно годы,
Жить завтрашнимъ или вчерашнимъ днемъ,
И счастья ждать, какъ узники—свободы...

Упорно, какъ они, мечтать о немъ
И въ безотвѣтныхъ красотахъ природы
Искать того, чего въ ней нѣтъ: другой
Души, любимой, преданной, родной.

59.

Въ Дуняшѣ кровь вся къ сердцу прилила,
Потомъ къ лицу. Такъ хорошо, такъ больно
Ей стало вдругъ... Бѣдняжка не могла
Вздохнуть, какъ бы хотѣлось ей, довольно
Глубоко... Кое-какъ она дошла
До стула... Слезы сладкія невольно,
Внезапно хлынули ручьемъ изъ глазъ
Ея... Такъ плачутъ въ жизни только разъ!

60.

Она не вспомнила, что никогда
Съ Андреемъ ей не жить, что не свободна
Она, что страсти слушаться—бѣда...
И что такая страсть или безплодна,
Или преступна... Женщина всегда
Въ любви такъ безкорыстно-благородна...
И предаются смѣло, до конца,
Одни простыя женскія сердца.

61.

Дуняша плакала... Но вотъ Андрей,
Услышавъ легкій шумъ ея рыданья,
Дверь отворилъ и съ изумленьемъ къ ней
Приблизился... Вопросы, восклицанья
Его такъ нѣжны были, звукъ рѣчей
Дышалъ такимъ избыткомъ состраданья...
Сквозь слезы, не сказавши ничего,
Дуняша посмотрѣла на него.

62.

Что было въ этомъ взглядѣ, Боже мой!
Глубокая, довѣрчивая нѣжность,
Любовь и благодарность, и покой
Блаженства, преданность и безмятежность,

И кроткій блескъ веселости нѣмой,
Усталость и стыдливая небрежность,
И томный жаръ, пылающій едва...
Досадно—недостаточны слова.

63.

Андрей не понялъ ровно ничего,
Но чувствовалъ, что грудь его готова
Внезапно разорваться—до того
Въ ней сердце вдругъ забилось. Два-три слова
Съ усильемъ произнесъ онъ... На него
Дуняша робко посмотрѣла снова,
Задумалась и, не желая зла,
Ему тихонько руку подала.

64.

Онъ все боялся вѣрить... Но потомъ
Вдругъ поблѣднѣлъ... лицо закрылъ руками
И тихо наклонился весь, въ нѣмомъ
Восторгѣ... Быстро, крупными слезами
Его глаза наполнились... О чемъ
Онъ думалъ—также выразить словами
Нельзя... Намъ хорошо, когда втуникъ
Приходитъ описательный языкъ.

65.

Она молчала... и молчалъ онъ самъ,
О! то, что въ это дивное мгновенье
Ихъ полнымъ, замирающимъ сердцамъ
Одну давало жизнь, одно біенье,—
Любовь едва рѣшается рѣчамъ
Себя довѣрить... Нужно ль объясненье
Того, что несомнѣннѣй и яснѣй
(Смотри Шекспира) солнечныхъ лучей?

66.

Онъ руку милую держалъ въ рукахъ
Похолодѣвшихъ; слабыя колѣни
Дрожа подъ нимъ сгибались... а въ глазахъ,
Полузакрытыхъ, пробѣгали тѣни.

Онъ задыхался... Между тѣмъ, о страхъ!
Ѳаддей (супругъ) входилъ въ пустыя сѣни...
Извѣстно вамъ, читатели-друзья,
Всегда приходятъ во-время мужья.

67.

„Я голоденъ“, сказалъ онъ важно, вдругъ
Шагнувши въ комнату. Дуняша разомъ
Исчезла; нашъ Андрей, нашъ бѣдный другъ,
(Коварный другъ!) глядѣлъ не то Фоблазомъ,
Не то Маниловымъ; одинъ супругъ
Приличье сохранилъ и даже глазомъ
Не шевельнулъ, не возопилъ „о-го!“
Какъ мужъ,—онъ не замѣтилъ ничего.

68.

Андрей пробормоталъ несвязный вздоръ,
Болѣзненно зѣвнулъ, сталъ какъ-то бокомъ,
Затѣялъ-было странный разговоръ
О Турціи, гонимой злобнымъ рокомъ,—
И наконецъ, поднявши къ небу взоръ,
Ушелъ. Въ недоумѣніи глубокомъ
Воскликнулъ мужъ пріятелю во слѣдъ:
„Куда же вы? Сейчасъ готовъ обѣдъ“.

69.

Андрею не до кушанья. Домой
Онъ прибѣжалъ и кинулся на шею
Сперва къ хозяйкѣ старой и кривой,
Потомъ къ оторопѣлому лакею,
Потомъ къ собакѣ. Съ радостью большой
Онъ далъ бы руку своему злодѣю
Теперь... Онъ былъ любимъ! онъ былъ любимъ!
Кто могъ, о небеса, сравниться съ нимъ?

70.

Андрей блаженствовалъ... Но скоро въ немъ
Другое чувство пробудилось. Странно!
Онъ поглядѣлъ задумчиво кругомъ...
Ему такъ грустно стало, несказанно,

Глубоко-грустно. Вспомнилъ онъ о томъ,
Что въ головѣ его не разъ туманно
Мелькало... Но теперь гроза бѣдой,
Неотразимой, близкой, роковой

71.

Ему представилась. Еще вчера
Не разбиралъ онъ собственныхъ желаній.
При ней онъ былъ такъ счастливъ... и съ утра
Тоской нѣмыхъ, несбыточныхъ мечтаній
Томился... Но теперь—прошла пора
Блаженства безотчетнаго, страданій
Ребяческихъ... Не возвратится вновь
Прошедшее... Андрей узналъ любовь!

72.

И все предвидѣлъ онъ: позоръ борьбы,
Позоръ обмана, дни тревогъ и скуки,
Упрямство непреклонное судьбы,
И горькія томленія разлуки,
И страхъ, и все, чѣмъ прокляты рабы...
И то, что хуже—хуже всякой муки:
Живучесть пошлости. Она сильна,
Ей наша жизнь давно покорена.

73.

Онъ не шутя любилъ, не даромъ... Онъ,
Въ нашъ вѣкъ софизмовъ, вѣкъ самолюбивый,
Прямымъ и добрымъ малымъ былъ рожденъ.
Ему дала природа не кичливый,
Но ясный умъ; онъ уважалъ законъ
И собственность чужую... Молчаливый,
Растроганный, онъ медленно лицо
Склонилъ и тихо вышелъ на крыльцо.

74.

На шаткую ступеньку сѣлъ Андрей.
Осенній вечеръ обагрялъ сіяньемъ
Кресты да стѣны бѣлыя церквей.
Болтливымъ, свѣжимъ, долгимъ трепетаньемъ

Въ саду трепещутъ кончики вѣтвей.
Струями разливается съ молчаньемъ
Вечернимъ—слабый запахъ. Кроткій свѣтъ
Румянитъ облака свинцовый цвѣтъ.

75.

Садится солнце. Воздухъ дивно-тихъ
И вздрагиваетъ вѣтеръ, словно сонный.
Окошки темныхъ домиковъ на мигъ
Зардѣлись и погасли. Отягченный
Росой внезапной, стынетъ лугъ. Затихъ
Весь необъятный міръ. И благовонный,
Прозрачный паръ понесся въ вышину...
И небо ждетъ холодную луну.

76.

Вотъ замелькали звѣзды... Боже мой!
Какъ равнодушна, какъ нѣма природа!
Какъ тягостны стремительной, живой
Душѣ—ея законная свобода,
Ея порядокъ, вѣчность и покой!
Но часто, послѣ прожитаго года
Въ томительной, мучительной борьбѣ,
Природа, позавидуешь тебѣ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Зима лихая
Прошла; явилась ясная весна.
Среди полей взыграла голубая,
Веселая, свободная волна.
Уже пробилась почка молодая
И дрогнула нѣмая глубина...
Здоровая земля блеститъ и дышитъ,
И млѣетъ, и зародышами пышетъ.

2.

А нашъ Андрей? Наружной перемѣны
Въ его судьбѣ не замѣчаемъ мы.
Попрежнему, къ сосѣду, послѣ сцены
Съ его женой—въ теченьи всей зимы
Ходилъ онъ... „Тѣ же люди, тѣ же стѣны,
Все то же, стало-быть...“ Вотъ какъ умы
Поверхностные судятъ большей частью...
Но мы глубокомысленны по счастью.

3.

Любовь рождается въ одно мгновенье—
И долго развивается потомъ.
Съ ней борется лукавое сомнѣнье;
Она растетъ и крѣпнетъ—но съ трудомъ...
И лишь тогда послѣднее значенье
Ея вполнѣ мы наконецъ поймемъ,
Когда въ себѣ безжалостно погубимъ
Упрямый эгоизмъ, или разлюбимъ.

4.

Андрей былъ слишкомъ юнъ и простодушенъ...
И разлюбить не думалъ и не могъ.
Онъ чувствовалъ, что миръ его нарушенъ—
И тайный жаръ его томилъ и жёгъ.
Онъ былъ судьбѣ задумчиво-послушенъ,
Къ себѣ же строгъ, неумолимо-строгъ...
Онъ уважалъ то, что любилъ... А нынѣ
Не вѣрятъ люди собственной святынѣ.

5.

Сперва знакомцамъ нашимъ было ново
Ихъ положенье... Но хоть иногда
Признанье было вырваться готово—
Оно не высказалось никогда.
Они какъ будто дали себѣ слово
Прошедшее забыть... и навсегда...
И слово то держали свято, твердо,
И другъ во друга вѣровали гордо.

6.

Но то, надъ чѣмъ не властны мы до гроба:
Улыбка, вздохъ невольный, взоръ нѣмой—
Имъ измѣняли часто... Впрочемъ, оба
Не пользовались слабостью чужой;
И даже подозрительная злоба
Въ ихъ жизни дѣтски-честной и прямой
Не замѣчала пятенъ (чтобы чуда
Въ томъ не нашли—прибавимъ мы: покуда).

7.

Попрежнему, затѣйливо, проворно
Въ бесѣдахъ проходили вечера.
Они смѣялись такъ же непритворно...
Но если мужъ уѣхать со двора
Хотѣлъ—ему противились упорно,
И раньше говорили: „спать пора".
И рѣже предавались тѣмъ неяснымъ,
Мечтательнымъ порывамъ, столь опаснымъ.

8.

Все такъ... Но каждый принималъ участье
Во всемъ, что думалъ и желалъ другой.
И не совсѣмъ ихъ позабыло счастье:
Такъ иногда надъ тучей грозовой,
Когда шумитъ сердитое ненастье,
Откроется внезапно золотой
Клочокъ небесъ—и лучъ косой, широкій
Сквозь частый дождь освѣтитъ лѣсъ далекій.

9.

Какъ выразить ихъ тайную тревогу,
Когда, на время быстрое пеня,
Они шли тихо, нехотя къ порогу
И разставались до другого дня?
Андрей пускался медленно въ дорогу
И, голову печально наклоня,
Шагалъ, шагалъ такъ мѣрно, такъ уныло...
А сердце въ немъ тогда рвалось и ныло.

10.

Но Боссюэтъ сказалъ: „всему земному
Командуется: маршъ!“ и человѣкъ,
Владыко міра, ничему живому
Сказать не можетъ: стой вотъ здѣсь навѣкъ!
Черезъ равнины къ морю голубому,
Далекому—стремятся воды рѣкъ...
И мчится жизнь, играя на просторѣ,
Въ далекое таинственное море.

11.

Не только кучерамъ, но всѣмъ извѣстно,
Что подъ гору сдержаться тяжело.
Андрей боролся совѣстливо, честно;
Но время шло, безъ остановки шло...
Великодушье часто несовмѣстно
Съ любовью... Что жъ тутъ дѣлать? И на зло
Отличнѣйшимъ намѣреньямъ, какъ дѣти,
Мы падаемъ въ разставленныя сѣти.

12.

Андрей любилъ, но жертвовать собою
Умѣлъ; отдался весь—и навсегда.
Онъ за нее гордился чистотою
Ея души, не вѣдавшей стыда.
Какъ? Ей склониться молча головою
Предъ кѣмъ-нибудь на свѣтѣ?.. Никогда!
Узнать волненье робости позорной?
Унизиться до радости притворной?

13.

Предать ее на судъ толпы досужной?
Лишиться права презирать судьбу
И сдѣлать изъ жены—рабы наружной,
Нѣмую, добровольную рабу?
О, нѣтъ! Душѣ слабѣющей, недужной,
Но давшей слово выдержать борьбу—
Что надо? Добродѣтель и терпѣнье?
Нѣтъ—гордость и холодное презрѣнье.

14.

А если вамъ даны другія силы,
И сердце ваше, жадное страстей,
Не чувствуетъ того, чѣмъ сердцу милы
Дозволенныя радости людей,—
Живите на свободѣ... до могилы
Не признавайте никакихъ цѣпей...
Могущество спокойнаго сознанья
Васъ не допуститъ даже до страданья.

15.

Андрей героемъ не былъ... и напрасно
Страдать—свободы ради—нашъ чудакъ
Не сталъ бы; но, какъ честный малый, ясно
Онъ понималъ, что невозможно *такъ*
Имъ оставаться; что молчать—опасно;
Что надобно бѣдѣ помочь... Но какъ?
Объ этомъ часто, долго, принужденно
Онъ думалъ и терялся совершенно.

16.

Имъ овладѣло горькое сомнѣнье,
И въ тишинѣ томительной ночей
Безсонныхъ—въ немъ печальное рѣшенье
Созрѣло наконецъ; онъ долженъ съ ней
Разстаться... съ ней... О, новое мученье!
О, скорбь! о, безотрадный мракъ! Андрей
Предался грусти страшной, безнадежной,
Какъ будто передъ смертью неизбѣжной.

17.

Во всемъ признаться... не сказавши слова,
Уѣхать—и въ почтительномъ письмѣ
Растолковать... Но женщина готова
Всегда подозрѣвать обманъ... Въ умѣ
Несчастнаго предположенья снова
Мѣшались, путались... Въ унылой тьмѣ
Бродилъ онъ... Небольшое приключенье
Внезапно разрѣшило затрудненье.

18.

Въ Саратовѣ, спокойно, беззаботно,
Помѣщикъ одинокій, безъ дѣтей—
Андрея дядя—здравствовалъ; но, плотно
Покушавши копченыхъ карасей,
Скончался. Смерть мы всѣ клянемъ охотно,
А смерти былъ обязанъ нашъ Андрей
Имѣньемъ округленнымъ и доходнымъ,
Да, сверхъ того, предлогомъ превосходнымъ

19.

Къ отъѣзду... Пять-шесть дней въ тоскѣ понятной
Провелъ онъ... Вотъ однажды, за столомъ,
Съ безпечностью совсѣмъ невѣроятной,
Играя лихорадочно ножомъ,
Онъ къ новости довольно непріятной
Сосѣдей приготовилъ... а потомъ
Отрывисто, ни на кого не глядя,
Сказалъ: „Я долженъ ѣхать Умеръ дядя".

20.

Супругъ отвѣтствовалъ однимъ мычаньемъ
(Онъ кушалъ жирный блинъ); его жена
На гостя съ изумленнымъ восклицаньемъ
Глядитъ... Она взволнованна, блѣдна...
Внезапно пораженное страданьемъ
Въ ней сердце дрогнуло... Но вотъ она
Опомнилась... и, медленно краснѣя,
Съ испугомъ, молча, слушаетъ Андрея.

21.

„Вашъ дядюшка скончался?"—Да-съ.—„Я съ дѣтства
Его знавалъ... я знаю цѣлый свѣтъ.
Позвольте... Вы теперь насчетъ наслѣдства?"
—Да-съ.—„Ну, ступайте съ Богомъ—мой совѣтъ.
Жаль, жаль лишиться вашего сосѣдства...
Но, дѣлать нечего. Надолго?"—Нѣтъ...
О, нѣтъ... я не надолго... нѣтъ... И трепетъ
Остановилъ его смущенный лепетъ.

22.

Дуняша смотритъ на него... Разлуку
Онъ имъ пророчитъ... но на сколько дней?
Зачѣмъ онъ ѣдетъ? Радость или муку
Что, что скрываетъ онъ? Зачѣмъ онъ съ ней
Такъ холоденъ? Зачѣмъ внезапно руку
По мрачному лицу провелъ Андрей?
Зачѣмъ ея пытающаго взора
Онъ избѣгалъ, какъ бы страшась укора?

23.

Она разгнѣвалась. Передъ слезами
Всегда сердиты женщины. Слегка
Кусая губы, ласково глазами
Прищурилась она... да бѣдняка
Насмѣшками, намеками, словцами
Терзала цѣлый Божій день—пока
Онъ изъ терпѣнья вышелъ не на шутку...
Дуняшѣ стало легче—на минутку.

24.

Но вечеромъ, когда то раздраженье
Смѣнила постепенно тишина—
Нѣмую грусть, унылое смущенье,
Усталый взглядъ Андрея вдругъ она
Замѣтила... Невольно сожалѣнье
Въ ея душѣ проснулось, и, полна
Раскаянья, Дуняша молчаливо
По комнатѣ прошлась, и боязливо

25.

Къ нему подсѣла. Взоръ ея привѣтно
Сіялъ; лицо дышало добротой.
„Андрей, зачѣмъ вы ѣдете?“—Замѣтно
Дрожалъ неровный голосъ. Головой
Поникъ онъ безнадежно, безотвѣтно,
Хотѣлъ заговорить, махнулъ рукой,
Взглянулъ украдкой на нее, блѣднѣя...
И поняла Дуняша взглядъ Андрея.

26.

Она сидѣла молча, замирая,
Съ закрытыми глазами. Передъ ней
Вся будущность угрюмая, пустая,
Мгновенно развернулась... И, со всей
Собравшись силой, медленно вставая,
Она сказала шопотомъ: „Андрей,
Я понимаю васъ... Вы не лукавы...
Я благодарна вамъ... Вы правы... правы!“

27.

Его рука, дрожа, сыскала руку
Дуняши... Разставаясь навсегда
Въ послѣдній разъ, на горькую разлуку
Пожалъ онъ руку милую тогда.
Не передавъ измѣнчивому звуку
Своей тоски—но страха, но стыда
Не чувствуя—проворными шагами
Онъ вышелъ—и залился вдругъ слезами.

28.

О, чувство долга! Сколько наслажденій
(Духовныхъ, разумѣется) тобой
Дается намъ въ замѣну треволненій
Ничтожной, пошлой радости земной!
Но, по причинѣ разныхъ затрудненій,
По слабости, все мѣшкалъ нашъ герой,
Пока насталъ, къ тоскѣ дворянъ уѣзда
Бобковскаго, печальный день отъѣзда.

29.

Андрей съ утра въ унылую тревогу
Весь погрузился; дѣдовскій рыдванъ
Кряхтя придвинулъ къ самому порогу,
Набилъ и заперъ толстый чемоданъ;
Все бормоталъ: „тѣмъ лучше, слава Богу“—
И сапоги запихивалъ въ карманъ...
Людей томитъ и мучитъ разставанье,
Какъ никогда не радуетъ свиданье.

30.

Потомъ онъ началъ ящики пустые
Съ великимъ шумомъ выдвигать; въ одномъ
Изъ нихъ нашелъ онъ ленточки,—нѣмые
Свидѣтели прошедшаго... Потомъ
Онъ вышелъ въ садъ, и листики сырые
Надъ нимъ шумѣли грустно. Старый домъ
Какъ-будто тоже горевалъ, забвенье
Предчувствуя да скорое паденье.

31.

Съ тяжелымъ сердцемъ къ доброму сосѣду
Андрей поплелся; но не тотчасъ онъ
Къ нему пришелъ и не попалъ къ обѣду.
Уже гудѣлъ вечерній, тяжкій звонъ.
„А! здравствуйте! Вы ѣдете?"—Я ѣду.
„Когда же?"—Завтра до зари.—„Резонъ;
Лошадкамъ легче; легче, воля ваша"...
Андрей съ нимъ согласился. Гдѣ Дуняша?

32.

Она сидѣла въ уголку. Смущенье
Изобличали взоры. Въ темнотѣ
Она казалась блѣдной. Утомленье
Ея печальной, тихой красотѣ
Такое придавало выраженье,
Такъ трогательны были взоры тѣ,
Смягченные недавними слезами,
Что бѣдный нашъ Андрей всплеснулъ руками.

33.

Съ ней говорилъ онъ, какъ обыкновенно
Передъ отъѣздомъ говорятъ: о томъ,
Что никого на свѣтѣ совершенно
Запять не въ состояніи; при чемъ
Они смѣялись рѣдко, принужденно,
И странно, долго хмурились потомъ...
Ѳаддей зѣвалъ до слезъ весьма протяжно
И, кончивъ, охорашивался важно.

34.

Былъ у Дуняши садикъ, по старинной
Привычкѣ русской. Садикомъ у насъ
Въ уѣздахъ щеголяютъ. Изъ гостиной
Вели двѣ-три ступеньки на террасъ.
Кончался садъ довольно темный, длинной
Аллеей... Вечеромъ, и въ жаркій часъ,
И даже ночью, по песку дорожки
Бродили часто маленькія ножки.

35.

Въ тотъ вечеръ, надъ землей, до влаги жадной,
Веселая, весенняя гроза
Промчалась шумно... Легкій сонъ отрадной
Волной струится мягко на глаза
Всему, что дышитъ, и въ тѣни прохладной
На каждомъ новомъ листикѣ слеза
Прозрачная дрожитъ, блеститъ лукаво,
И небо затихаетъ величаво...

36.

Во слѣдъ другимъ, отсталая, лѣниво
Несется туча, легкая какъ дымъ.
Кой-гдѣ вдали возникнетъ торопливо
Неясный шумъ—и, воздухомъ ночнымъ
Охваченный, исчезнетъ боязливо.
Отъ сада вѣетъ запахомъ сырымъ...
И на ступенькахъ рѣдкія, большія
Еще пестрѣютъ капли дождевыя.

37.

И на террасъ они пошли всѣ трое...
Вотъ, помолчавши нѣсколько, супругъ
Имъ объявилъ, что время не такое,
Чтобы гулять, и возвратился вдругъ
Въ гостиную. Но небо голубое
Имъ улыбалось ласково. Самъ-другъ
Они присѣли на скамейкѣ, рядомъ,
Межъ свѣтлымъ домикомъ и темнымъ садомъ.

38.

Все такъ очаровательно: молчанье
Кругомъ, какъ-будто чутко надъ землей
Поникла ночь и слушаетъ... Мерцанье
Далекой, робкой звѣздочки... покой
Нѣмѣющаго воздуха... желанье
Въ сердцахъ ихъ, полныхъ горестью, тоской,
Любовь все загоралась самовластно...
А вотъ луна блеснула сладострастно...

39.

И, словно пробужденныя стыдливымъ,
Медлительнымъ и вкрадчивымъ лучомъ,
Заговорили говоромъ сонливымъ
Верхушки липъ, облитыя дождемъ.
Внезапно, по дорожкамъ молчаливымъ,
Въ кустахъ и на пескѣ передъ крыльцомъ,
Взыграли тѣни слабыя... Волненье
Скрывая, смотрятъ оба въ отдаленье.

40.

О, ночь! о, мракъ! о, тайное свиданье!
Ступаешь робко; трепетной ногой...
Изъ-за стѣны лукавое призванье,
Какъ легкій звонъ, несется за тобой...
Неровное, горячее дыханье
Въ тѣни пахучей, дремлющей, сырой,
Тебѣ въ лицо повѣетъ торопливо...
Но вдаль они глядѣли молчаливо.

41.

Сердца рвались; но ни глаза, ни руки
Встрѣчаться не дерзали... При лунѣ,
Испуганные близостью разлуки,
Они сидятъ въ унылой тишинѣ.
Лишь изрѣдка порывистыя муки
Ихъ потрясали смутно, какъ во снѣ..
„Такъ завтра? Точно?“—Завтра.—Понемножку
Дуняша встала, подошла къ окошку,

42.

Глядитъ: передъ огромнымъ самоваромъ
Супругъ усѣлся; медленно къ губамъ
Подноситъ чашку, благовоннымъ паромъ
Облитую, пыхтитъ, кряхтитъ, а самъ
Поглядываетъ исподлобья. „Даромъ
Простудишься, Дуняша... Полно вамъ
Ребячиться“, сказалъ онъ равнодушно...
Дуняша засмѣялась—и послушно

43.

Вошла да сѣла молча.—„На прощанье,
Андрей Ильичъ, откушайте чайку.
Позвольте небольшое замѣчанье...
(Андрей межъ тѣмъ прижался къ уголку)
Вашъ родственникъ оставилъ завѣщанье?“
—Оставилъ.—„Онъ... въ какомъ служилъ полку?“
—Въ измайловскомъ.—„Я думалъ, въ кирасирскомъ.
И жизнь окончилъ въ чинѣ бригадирскомъ!“

44.

—Да, кажется...—„Скажите! Впрочемъ, что̀ же
Вамъ горевать? Покойникъ былъ и глухъ,
И старъ, и слѣпъ... Тѣмъ лучше для него же.
Хотите чашечку?“—Я больше двухъ
Не пью.—„Да̀; какъ подумаешь, мой Боже,
Что̀ наша жизнь? Пухъ, совершенный пухъ;
Дрянь, просто дрянь... Что̀ дѣлать! участь наша...
Эхъ!.. Спой намъ лучше пѣсенку, Дуняша.

45.

„Ну, не ломайся... вѣдь, я знаю, рада
Ты пѣть съ утра до вечера“.—Сперва
Ей овладѣла страшная досада...
Но вдругъ пришли на память ей слова
Старинныя... Не поднимая взгляда,
Аккордъ она взяла... и голова
Ея склонилась, какъ осенній колосъ,
И зазвучалъ печально-страстный голосъ:

„Отрава горькая слезы
Послѣдней—жжетъ мои рѣсницы...
Такъ послѣ бѣшеной грозы
Трепещутъ робкія зарницы.

„Тяжелымъ, безотраднымъ сномъ
Заспула страсть... утихли битвы...
Но въ сердцѣ сдавленномъ моемъ
Покоя нѣтъ—и нѣтъ молитвы.

„А ты, кому въ разлучный мигъ
Я молча сжать не смѣю руки,
Къ кому прощальныхъ словъ моихъ
Стремятся трепетные звуки...

„Молю тебя—въ душѣ твоей
Не сохраняй воспоминанья,
Не замѣчай слезы моей,—
И позабудь мои страданья!“

46.

Она съ трудомъ проговорила строки
Послѣднія... потупилась... У ней
Внезапно, ярко запылали щеки...
Ей стало страшно смѣлости своей...
Къ Андрею наклонился мужъ: „Уроки
Она, сударь, у всѣхъ учителей
Въ Москвѣ брала... Ну, Дунюшка, другую...
Веселенькую, знаешь, удалую!“

47.

Она сидитъ, задумчиво впадая
Въ упорную, нѣмую тишину.
Часы пробили медленно. Зѣвая,
Ѳаддей глядитъ умильно на жену...
„Что жъ? Пой же... Нѣтъ? Какъ хочешь...“ и вставая,
„Пора“ прибавилъ онъ: „меня ко сну
Немного клонитъ. Поздно. Ну, прощайте,
Андрей Ильичъ, и насъ не забывайте“.

48.

Кому не жаль дѣйствительныхъ бореній
Души нехитрой, любящей, прямой?
Дуняша не была въ числѣ твореній,
Теперь нерѣдкихъ на Руси святой—
Охотницъ до „вопросовъ“ и до преній,
Голодныхъ сердцемъ, пылкихъ головой,
Натянутыхъ, болѣзненно-болтливыхъ
И сверхъестественно-самолюбивыхъ...

49.

О, нѣтъ! она страдала. Разставанье
Настало. Тяжело въ послѣдній разъ
Смотрѣть въ лицо любимое... Прощанье
Въ передней, да заботливый наказъ
Себя беречь—обычное желанье—
Все сказано,—всему конецъ... Изъ глазъ
Дуняши слезы хлынули... но тупо
Взглянулъ Андрей—и вышелъ какъ-то глупо.

50.

А на зарѣ, при воплѣ двухъ старушекъ,
Сосѣдокъ, тронулся рыдванъ. Андрей
Въ немъ возсѣдалъ среди шести подушекъ.
Ну, съ Богомъ! Вотъ застава. Передъ ней
Ряды полуразрушенныхъ избушекъ;
За ней дорога. Кучеръ лошадей
Постегивалъ и горевалъ, что грязно,
И напѣвалъ задумчиво-несвязно.

. . . . . .

51.

Три года протекло, три длинныхъ года.
Андрей нигдѣ не свилъ себѣ гнѣзда.
Онъ видѣлъ много разнаго народа
И посѣтилъ чужіе города.
Его не слишкомъ тѣшила свобода,
И вспоминалъ онъ родину, когда

Среди толпы веселой, какъ изгнанникъ,
Бродилъ онъ, добровольный, грустный странникъ.

52.

Онъ испыталъ тревожныя напасти
И радости скитальца; но въ чужой
Землѣ жилъ одиноко; старой страсти
Не замѣнилъ онъ прихотью другой.
Онъ не забылъ... забыть не въ нашей власти!
Въ его душѣ печальной, но живой,
Исполненной неяснаго стремленья,
Толпами проходили впечатлѣнья...

53.

Однажды, предъ каминомъ, на диванѣ
Андрей сидѣлъ и думалъ о быломъ.
(Онъ жилъ тогда въ Италіи, въ Миланѣ.)
Андрей на чай въ одинъ „пріятный" домъ
Былъ позванъ и скучалъ уже заранѣ...
Его хозяйка въ комнату съ письмомъ
Вошла... „Рука Дуняши!" закричалъ онъ—
И вотъ что, содрогаясь, прочиталъ онъ:

„Признайтесь... Вы письма не ждали
Такъ поздно и въ такую даль?
Вамъ прежнихъ радостей не жаль...
Быть-можетъ, новыя печали
Смѣнили прежнюю печаль.
Иль вамъ наскучили страданья,
И вы живете, не спѣша,
И жаждетъ вѣчнаго молчанья
Изнеможенная душа?..
Не возмутили бъ эти строки
Покоя вашего... меня
Простите вы... мы такъ далеки...
Съ того мучительнаго дня—
Вы помните—прошло такъ много,
Такъ много времени, что насъ...
Что мы... что я не знаю васъ...

Меня вы не судите строго—
Во имя прошлаго, Андрей!
Подумайте: среди людей
Живете вы... а я, мой Боже!
Все тамъ же—и кругомъ все то же...
Что̀? грустно вамъ? или смѣшно?
Иль совершенно все равно?

Андрей, послушайте: когда-то
Мы жили долго вмѣстѣ... Свято
Я полюбила васъ... ко мнѣ
Вы привязались добровольно...
Потомъ... но мнѣ сознаться больно,
Ка̀къ мы страдали въ тишинѣ.
Съ тѣхъ поръ, Андрей, со дня прощанiй,
Хотите знать, какъ я живу?
Какъ нѣкогда, въ часы свиданiй,
Я васъ опять къ себѣ зову...
Вотъ—вы со мной сидите рядомъ,
Не поднимая головы—
И на меня глядите вы
Тѣмъ ласковымъ и добрымъ взглядомъ...

Когда разстались вы со мной,
Я не винила васъ. Одной
Заботой—точно, непритворно
Вы были заняты. Тогда
Меня щадили вы... Ну—да!
Я благодарна вамъ, безспорно.
Я вѣрю—грустно было вамъ;
Не притворялись вы лукаво;
Вы въ цѣлый годъ успѣли къ намъ
Привыкнуть; жертва ваша, право,
Достойна громкой похвалы...
Да́; безъ сомнѣнья: люди злы—
Всѣ малодушны, всѣ коварны
И до конца неблагодарны...
Вамъ должно было ѣхать... я

Согласна... но какъ вы спѣшили!
Нѣтъ, нѣтъ, меня вы не любили!
Нѣтъ, не любили вы меня!
Ахъ, если надо мной жестоко
Не насмѣялись вы сперва...
Андрей, я чувствую, глубоко
Васъ оскорбятъ мои слова;
Но я живу въ такой пустынѣ...
Но я ношу такой вѣнецъ—
Въ моей любви, въ моей святынѣ
Я сомнѣваюсь наконецъ...
Я гибну!.. Крикъ тоски мятежной
Сорвался съ губъ моихъ... Андрей,
Печаль разлуки безнадежной
Сильнѣе гордости моей...
Я васъ люблю... тебя люблю я...
Ты знаешь это... ты... Повѣрь,
Навѣкъ, мучительно тоскуя,
Съ тобой простилась я теперь.

Я плачу. Да; ты благороденъ,
Андрей, ты силенъ и свободенъ;
Ты позабыть себя готовъ.
Изъ видовъ низкихъ и корыстныхъ
Ты не наложишь ненавистныхъ,
Хоть позолоченныхъ оковъ.
О, да! Когда передъ томленьемъ
Разлуки, въ робкой тишинѣ,
Съ нѣмымъ и страшнымъ упоеньемъ
Тебѣ ввѣрялась я вполнѣ,
Я поняла твое молчанье...
Я покорилась... Отъ тебя
Я приняла тогда страданье,
Какъ даръ, безропотно, любя...
Я не могла тебѣ не вѣрить—
Тебѣ не вѣрить, Боже мой!
Когда я вся жила тобой...
Но не хочу я лицемѣрить:

Потомъ—казалось мнѣ, что ты...

Пустыя женскія мечты!
Мнѣ совѣстно... но въ извиненье,
Андрей, ты пріймешь положенье
Мое... Подумай: на кого
Меня ты здѣсь оставилъ? скука,
Тоска... не знаешь ничего...
Наѣдутъ гости—что́ за мука!
Сосѣдки-сплетницы; сосѣдъ
Молчитъ, сопитъ во весь обѣдъ,
Глотаетъ, давится насильно,
Да къ ручкѣ подойдетъ умильно.
Съ утра ждешь вечера, свѣчей...
Занятій нѣту... нѣтъ дѣтей...
Книгъ нѣту... душно, страшно-душно...
Попросишь мужа—равнодушно
Проговоритъ онъ: „Погоди,
Зайдетъ разносчикъ“... Впереди
Все то же, то же до могилы...
О, Господи, пошли мнѣ силы!!!

. . . . . .

Но прежде—прежде жизнь моя
Была спокойна... Помню я
Себя веселой, безмятежной,
Передъ домашнимъ очагомъ...
Какой любовью кроткой, нѣжной,
Тогда дышало все кругомъ!
Какъ были хлопоты, заботы
Хозяйки, легкія работы
Въ то время сердцу моему,
Сама не знаю почему,
Невыразимо-сладки, милы!..
Но мнѣ прошедшаго не жаль—
Тогда ребяческія силы
Щадила строгая печаль...

О, мнѣ конечно въ наказанье

За гордость послано страданье...
Иль и за то, что въ самый часъ,
Когда я васъ узнала—васъ—
Я позабылась малодушно,
Дала вамъ право надъ собой,
И безъ борьбы передъ судьбой
Склонила голову послушно!..
Тогда я сердца своего
Не понимала... Для чего
Никто съ суровостью мужчины
Меня не спасъ... Я до кончины
Жила бы въ „мирной тишинѣ,
Не зная помысловъ опасныхъ“...

Я плачу... плачу... Стыдно мнѣ
Тѣхъ горькихъ слезъ—и слезъ напрасныхъ!
Кому я жалуюсь? Зачѣмъ,
Зачѣмъ я плачу? Передъ кѣмъ?
Кто можетъ выслушать упреки
Мои?.. Быть-можетъ, эти строки,
Слѣды горячихъ слезъ моихъ,
Друзьямъ покажетъ онъ лукаво,
На толки праздные чужихъ
Людей предастъ меня?.. Но, право,
Съ ума схожу я...
Вотъ, Андрей
(Теперь мы съ вами хладнокровно
Поговоримъ), какъ безусловно
Я вѣрю вамъ. Души моей
Я не скрываю передъ вами.
Конечно, знаете вы сами,
Что́ значитъ женская печаль...
Я вспомнила, въ какую даль
Васъ унесло... Мнѣ стало грустно...
И то, что́ высказать изустно
Я не посмѣла бы... Меня
Поймете вы! Что́ дѣлать, я
Не слишкомъ счастлива. Но годы

Пройдутъ—состарѣюсь... и той
Любви блаженной, той свободы
Мнѣ не захочется самой.

Я перечла свое маранье...
Андрей, не вздумайте въ моемъ
Письмѣ постыдное желанье
Найти... Но, Боже мой! о чемъ
Могла я къ вамъ писать?.. Мнѣ больно,
Я плачу, жалуюсь невольно...
Но легче мнѣ теперь, яснѣй...
И сердце послѣ долгой битвы
Желаетъ отдыха, молитвы,
И бьется медленнѣй, вольнѣй...

Андрей, прощайте. Дайте руку
Не на свиданье—на разлуку.
Судьба!.. Но если въ тишинѣ
Та дружба старая, случайно,
Еще живетъ... и если тайно
Хоть изрѣдка... вамъ обо мнѣ,
О сторонѣ родной, далекой,
Приходятъ мысли... Знайте: тамъ
Есть сердце, полное глубокой
Печалью, преданное вамъ.
Среди волненій жизни новой,
Объ участи моей суровой
Вы позабудете... Но васъ
Я буду помнить—вѣчно... вѣчно...
И въ каждый свѣтлый, тихій часъ,
Благодарить васъ безконечно.
Прощайте, добрый, старый другъ...
Какое горькое мгновенье!
Мучительно разстаться вдругъ,
Но страшно долгое томленье...
Отъ полноты души моей
На жизнь обильную, святую...
И даже—на любовь иную
Благословляю васъ, Андрей!“

54.

Онъ жадно пробѣжалъ письмо глазами...
Исписанный листокъ въ его рукахъ
Дрожалъ... Онъ вышелъ тихими шагами,
Съ улыбкой невеселой на губахъ...
Но здѣсь, читатель, мы простимся съ вами,
Съ Андреемъ и съ Дуняшей. Право, страхъ
Подумать—какъ давно, съ какимъ терпѣньемъ,
Вы насъ дарите вашимъ снисхожденьемъ.

55.

Что̀ сдѣлалось съ героями моими?..
Я видѣлъ ихъ... Тому не такъ давно;
Но то, надъ чѣмъ я даже плакалъ съ ними,
Теперь мнѣ даже нѣсколько смѣшно...
Смѣяться надъ страданьями чужими
Весьма предосудительно, грѣшно...
Но если насъ не станетъ мучить совѣсть,
Когда-нибудь мы кончимъ эту повѣсть.

1845.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

МЕЛКІЯ ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Вечеръ.

ДУМА.

Въ отлогихъ берегахъ рѣки дремали волны;
Прощальный блескъ зари на небѣ догоралъ;
Сквозь дымчатый туманъ вдали скользили челны—
И грустныхъ думъ, и странныхъ мыслей полный,
На берегу безмолвный я стоялъ.

—

Маститый царь лѣсовъ, кудрявой головою
Склонился старый дубъ надъ сонной гладью водъ;
Насталъ тотъ дивный часъ молчанья и покою,
Сліянья ночи съ днемъ и свѣта съ темнотою,
Когда такъ ясенъ неба сводъ.

—

Все тихо: звука нѣтъ! все тихо: нѣтъ движенья!
Вездѣ глубокій сонъ—на небѣ, на землѣ;
Лишь по рѣкѣ порой минутное волненье:
То вѣтра вздохъ; листа неслышное паденье;
Вездѣ покой—но не въ моей душѣ.

—

Да, понялъ я, что въ этотъ часъ священный
Природа намъ даетъ таинственный урокъ—
И голосъ я внималъ въ душѣ моей смущенной,
Тотъ голосъ внутренній, святой и неизмѣнный,
Грядущаго таинственный пророкъ.

—

Кругомъ (какъ я мечталъ) все тихо, какъ въ могилѣ;
На все живущее недвижность налегла,
Заснула жизнь; природы дремлютъ силы—
И мысли чудныя и странныя будила
Въ душѣ моей той ночи тишина.

—

Что если этотъ сонъ—одно предвозвѣщанье
Того, что ждетъ и насъ, того, что будетъ намъ!
Здѣсь свѣта съ тьмой—тамъ радостей, страданій
Съ забвеніемъ и смертію сліянье:
Здѣсь ночь и мракъ—а тамъ? что будетъ тамъ?

—

Въ моей душѣ тревожное волненье:
Напрасно вопрошалъ природу взоромъ я,
Она молчитъ въ глубокомъ усыпленьѣ,—
И грустно стало мнѣ, что ни одно творенье
Не въ силахъ знать о тайнахъ бытія.

Къ Венерѣ Медицейской.

Богиня красоты, любви и наслажденья!
Давно минувшихъ дней, другого поколѣнья
Плѣнительный завѣтъ!
Эллады пламенной любимое созданье,
Какою нѣгою, какимъ очарованьемъ
Твой свѣтлый миѳъ одѣтъ.

—

Не наше чадо ты! Нѣтъ, пылкимъ дѣтямъ Юга,
Однимъ, дано испить любовнаго недуга
Палящее вино!
Созданьемъ выразить душѣ родное чувство
Въ прекрасной полнотѣ изящнаго искусства
Судьбою имъ дано!

—

Но намъ ихъ бурный жаръ и чуждъ, и непонятенъ;
Языкъ любви, страстей намъ болѣе не внятенъ;
Душой увяли мы.
Они жъ, безпечные, три цѣли знали въ жизни:
Плѣнялись славою, на смерть шли за отчизну,
Все забывали для любви.

—

Въ роскошной Греціи, оливами покрытой,
Гдѣ небо такъ свѣтло, тамъ только, Афродита,
Явиться ты могла,

Гдѣ такъ роскошно Кипръ покоится на волнахъ,
И гдѣ такимъ огнемъ гречанокъ стройныхъ полны
Восточные глаза!

—

Какъ я люблю тотъ вымыселъ прекрасный!
Былъ день; земля ждала чего-то; сладострастно
Къ равнинѣ водяной
Припалъ зефиръ: въ тотъ мигъ таинственный и нѣжный
Родилась Красота изъ пѣны бѣлоснѣжной—
И стала надъ волной!

—

И говорятъ, тогда, въ томительномъ желаньи,
Къ тебѣ, какъ-будто бы ища твоихъ лобзаній,
Нагнулся неба сводъ;
Зефиръ тебя ласкалъ эфирными крылами,
Къ твоимъ ногамъ, почтительно, грядами
Стремилась бездна водъ!

—

Тебя пріялъ Олимпъ! Плѣненный грекъ тобою,
И неба и земли назвалъ тебя душою,
Богиня красоты *)!
Прекрасенъ былъ твой храмъ—въ долинѣ сокровенной,
Вѣтвями тополя и мирты осѣненный—
Въ сіяніи луны.

—

Когда хоръ жрицъ твоихъ (межъ тѣмъ, какъ ѳиміама
Благоуханный дымъ подъ бѣлый куполъ храма
Торжественно летѣлъ,
Межъ тѣмъ, какъ тайныя свершались возліянья)
На языкѣ родномъ, роскошномъ какъ лобзанье,
Восторга гимны пѣлъ!

—

Уже давно во прахъ твои упали храмы;
Умолкли хоры дѣвъ; дымъ легкій ѳиміама
Развѣяла гроза.
Сынъ знойной Азіи, рукою дерзновенной,

---

*) Alma mundi Venus...

Разбилъ твой нѣжный ликъ, и грекъ изнеможенный
Не защитилъ тебя!

—

Но снова подъ рѣзцомъ возникла ты, богиня!
Когда въ послѣдній разъ, какъ будто бы святыни,
Трепещущимъ рѣзцомъ
Коснулся Пракситель до своего созданья,
Проснулся жизни духъ въ безчувственномъ ваяньи:
Сталъ мраморъ божествомъ!

—

И снова мы къ тебѣ стекаемся толпами;
Молчаніе храня, съ поднятыми очами,
Любуемся тобой;
Ты снова царствуешь! Сыновъ страны далекой—
Ты покорила ихъ пластической, высокой
Своей безсмертной красотой!

Старый помѣщикъ.

1.

Вотъ и насталъ послѣдній часъ...
Племянникъ, слушай старика.
Тебя я бранивалъ не разъ
И за глазами, и въ глаза:
Я былъ брюзгливъ—да какъ же быть!
Не научился я любить...
Ты дядю стараго прости,
Казну, добро себѣ возьми,
А какъ уложишь на покой,
Не плачь; ступай, махни рукой!

2.

И я былъ молодъ, ѣлъ и пилъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкалъ,
И зайцевъ сотнями травилъ,
Съ друзьями бурно пировалъ...
Бывало, въ городъ ѣду я,

Купцы бѣгутъ встрѣчать меня...
Я первымъ славился бойцомъ,
И богачомъ, и молодцомъ.
Богатство все перевелось—
Да что!.. любить не довелось!

3.

И самъ не знаю отъ чего:
Не то, чтобъ занятъ былъ другимъ—
Иль время скоро такъ прошло...
Но только не былъ я любимъ
И не любилъ; зато тоска
Грызетъ и давитъ старика.
И въ страшный часъ, послѣдній часъ,
Ты видишь—слезы льютъ изъ глазъ:
Мнѣ эти слезы жгутъ лицо,
И стыдно мнѣ, и тяжело...

4.

Ахъ, Ваня, Ваня! что мнѣ въ томъ,
Что я деньжонокъ накопилъ,
Что церковь выстроилъ и домъ:
Я не любимъ, я не любилъ!
Что въ деньгахъ мнѣ? Возьмите все
Добро послѣднее мое—
Да лишь бы смерть подождала
И насладиться мнѣ дала...
Ахъ, дайте страсть узнать и жизнь—
И я умру безъ укоризнъ!

5.

Я грѣшникъ, Ваня. Мнѣ бы слѣдъ
Теперь подумать и о томъ,
Какъ Богу въ жизни дать отвѣтъ,
Послать бы надо за попомъ...
Но все мерещится,—вотъ, вотъ
Ко мнѣ красавица идетъ...
Я слышу робкій шумъ шаговъ
И страстный лепетъ милыхъ словъ,

И въ головѣ моей сѣдой
Нѣтъ мѣста мысли пеземной.

6.

Я худо вижу... Смерть близка...
Ну, жизнь безплодная, прощай!
Охъ, Ваня! страшная тоска...
Родимый, руку мнѣ подай...
Смотри же, дѣтямъ разскажи,
Что дѣдъ ихъ умеръ отъ тоски,
Что онъ терзался и рыдалъ,
Что тяжело онъ умиралъ—
Какъ-будто грѣшный человѣкъ,
Хоть онъ и честно прожилъ вѣкъ.

Баллада.

Передъ воеводой, молча, онъ стоитъ;
Голову потупилъ—сумрачно глядитъ;
Съ плечъ могучихъ сняли бархатный кафтанъ;
Кровь струится тихо изъ широкихъ ранъ.
Скованъ по ногамъ онъ, скованъ по рукамъ:
Знать ему не рыскать ночью по лѣсамъ!
Думаетъ онъ думу—дышитъ тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.
„Что̀, попался, парень? Долго жъ ты гулялъ!
Долго мнѣ въ темета волкъ не забѣгалъ!
Что̀ же пріумолкъ ты? Слышалъ я не разъ—
Пѣсенки ты мастеръ пѣть въ веселый часъ;
Ты на ладъ сегодня врядъ ли попадешь...
Завтра мы услышимъ, какъ ты запоешь“.
Взговорилъ онъ мрачно: „Не услышишь, нѣтъ!
Завтра пѣть не буду—завтра мнѣ не слѣдъ;
Завтра умирать мнѣ смертію лихой;
Самъ ты запоешь, чай, съ радости такой!..
Мы пѣвали пѣсни, какъ изъ лѣса̀ шли—
Какъ купцовъ съ товаромъ мы въ оврагъ вели...
Ты бы насъ тутъ послушалъ—ладно пѣли мы:

Да не долго пѣсней тѣшились купцы...
Да еще пѣвалъ я—въ домикѣ твоемъ;
Запивалъ я пѣсни—все твоимъ виномъ;
Заѣдалъ я чарку—хозяйской ѣдой;
Цѣловался сладко—да съ твоей женой".

Похищеніе.

Конь мой ржетъ и бьетъ копытомъ...
Мнѣ напомнилъ онъ о ней...
О блаженствѣ позабытомъ
Быстрыхъ, пламенныхъ очей.
Ахъ, пора, пора былая!..
Мнѣ не спится... ночь глухая...
Душно мнѣ—и вскрикнулъ я:
„Эй! сѣдлайте мнѣ коня!
Спите сами, если спится,
А мнѣ дома не сидится".

Стали тучи надъ луною,
Дремлютъ блѣдныя поля;
Скачетъ, скачетъ предо мною
Тѣнь огромная моя.
Лѣсъ какъ-будто сномъ забылся—
Хоть бы листъ зашевелился...
Я на гриву лёгъ лицомъ,
Осѣнилъ себя крестомъ,
Тихомолкомъ напѣваю
Да былое вспоминаю.

Вотъ и домикъ—стукъ въ окошко...
—Ты ли, милый?—„Встань, душа,
Поболтай со мной немножко,
Какъ въ бывалые года.
Если жъ хочешь, молви слово:
Дома комната готова;
Ночь туманна и темна—

Лошадь добрая сильна;
Посмѣемся и поплачемъ—
Хоть поплачемъ, да ускачемъ!“

Дверь скрипнула, „Милый, милый,
Наконецъ вернулся ты!
Иль узналъ, что разлучили
Насъ съ тобою клеветы?
Я невинна...“—Ахъ, не знаю!
За тобой я пріѣзжаю;
Ты виновна или нѣтъ—
Безъ тебя мнѣ тошенъ свѣтъ...
И забыть тебя старался,
Думалъ, думалъ—да примчался.

Какъ она была прекрасна!..
Мы пустились въ дальній путь...
Какъ она склонялась страстно
Головой ко мнѣ на грудь!
Я берегъ ее такъ нѣжно—
Сердце билось такъ мятежно...
Все такъ тихо, чудно спитъ—
Лошадь весело бѣжитъ;
И, какъ вѣтра слабый ропотъ,
Милыхъ словъ я слышу шопотъ:

„Безъ тебя меня родные
Выдать замужъ собрались.
Я рыдала... Братья злые
Погубить меня клялись.
Какъ тебя я дожидалась!
Жениха какъ я боялась!
Вдругъ привстанетъ да зѣвнетъ,
Бѣлымъ усомъ поведетъ,
Щеки толстыя надуетъ,
Подойдетъ да поцѣлуетъ...“

Я дыханьемъ грѣлъ ей руки,
Цѣловалъ ее въ глаза:

„Позабудь былыя муки
И былого жениха!
Разочтутся съ нимъ родные...
А усы его сѣдые
Срѣжу шашкою кривой
Вмѣстѣ съ глупой головой!
Сторожъ, сторожъ, отворяй-ка!
Къ вамъ пріѣхала хозяйка“.

Замѣтила ли ты?

Замѣтила ли ты, о, другъ мой молчаливый,
О, мой забытый другъ, о, другъ моей весны,
Что въ каждомъ днѣ есть мигъ глубокой, боязливой,
Почти внезапной тишины?

И въ этой тишинѣ есть что-то неземное,
Невыразимое... душа молчитъ и ждетъ:
Какъ будто въ этотъ мигъ все страстное, живое
О смерти вспомнитъ и замретъ.

О, если въ этотъ мигъ невольною тоскою
Стѣснится грудь твоя и выступитъ слеза...
Подумай, что стою я вновь передъ тобою,
Что я гляжу тебѣ въ глаза.

Любовь погибшую ты вспомни безъ печали;
Прошедшему, мой другъ, предаться не стыдись...
Мы въ жизни хоть на мигъ другъ другу руки дали,
Мы хоть на мигъ съ тобой сошлись.

Конецъ жизни.

Ночью зимней—въ темный лѣсъ
(Повѣсть времени бывалаго)
Въѣхалъ старый человѣкъ
Онъ безъ-малаго
Прожилъ вѣкъ.

Подъ повозкой снѣгъ скрипитъ,
Сосны медленно качаются,
Шагомъ лошади везутъ
И шатаются:
Нуженъ кнутъ.
Сорокъ лѣтъ въ селѣ своемъ
Не былъ онъ, вездѣ все маялся—
. . . . . .
И раскаялся...
Знать, пора!
Пожилъ: полно, наконецъ...
Что? Отрадно жизнь кончается?
Онъ въ свою нору теперь
Забивается,
Словно звѣрь.
И домой не на житье
Онъ пріѣдетъ—гость непрошенный...
И исчезнетъ, старый плутъ,
Словно камень, ночью брошенный,
Въ темный прудъ.

Нева.

Нѣтъ, никогда передо мной,
Ни въ часъ полудня, въ лѣтній зной,
Ни въ тихій часъ передъ зарею,
Не водворялся надъ Невою
Такой торжественный покой.
Глубокимъ пламенемъ заката
Земля и небо—все объято...
И, неподвижный, я стоялъ,
И все забылъ—и по простору
Невы великой—волю далъ
Блуждать задумчивому взору.
И я глядѣлъ: неслась рѣка,
Покрыта вся румянымъ блескомъ,
И кораблямъ, съ побрежнымъ плескомъ,
Лобзала темные бока.

И много ихъ... Но всѣ прижались
Другъ къ другу тѣсною толпой,
Какъ будто ввѣкъ они не знались
Ни съ темнымъ моремъ, ни съ грозой.
И флаговъ мягкіе извивы
Такъ слабо вѣтеръ шевелилъ,
Какъ будто тоже позабылъ
Свои безумные порывы...
А недалеко отъ стѣны,
Въ водѣ спокойно отражаясь,
Стоялъ, дремотно колыхаясь,
Корабль далекой стороны.
И возлѣ мачты, подъ палаткой,
Морякъ лежалъ и отдыхалъ;
Кругомъ стыдливо замиралъ
Вечерній лучъ и вскользь, украдкой,
Лицо не русское ласкалъ.
Откуда ты? въ нашъ край туманный
Зачѣмъ приплылъ? на много ль дней?
Зачѣмъ глядишь съ улыбкой странной
На небо родины моей?
О чемъ ты думаешь? Быть-можетъ,
Тебя минувшее тревожитъ:
Ты вспомнилъ прежнюю любовь,
Разлучный часъ и взглядъ печальный—
И на губахъ, какъ будто вновь,
Зажегся поцѣлуй прощальный;
Теперь, быть-можетъ, у окна
Она сидитъ... и не страдаетъ;
Но, какъ свѣча отъ вѣтра, таетъ
И разгорается она...
Иль, руки страстно прижимая
Къ своей измученной груди,
Она глядитъ полуживая
На письма грустныя твои.
Но нѣтъ... свои воспоминанья
Я на чужого перенесъ.
Не зналъ онъ смутнаго страданья,

Не проливалъ напрасныхъ слезъ,
Не разставался, не сходился,
Не воскресалъ, не умиралъ...
Нѣтъ, беззаботно онъ влюбился
И безотчетно цѣловалъ.
И тамъ, въ странѣ его счастливой,
Въ странѣ широкихъ, синихъ водъ,
Гдѣ подъ бѣлѣющей оливой
Алоэсъ огненный цвѣтетъ,
Въ странѣ лучей и красокъ яркихъ,
Въ странѣ томительныхъ ночей,
Объятій трепетныхъ и жаркихъ
И торжествующихъ страстей—
Его безпечно ожидая,
Она за пряжею сидитъ...
Да утромъ, косу заплетая,
Поетъ и ходитъ, и, вздыхая,
На море синее глядитъ.

* * *

Когда съ тобой разстался я—
Я не хочу таить,
Что я тогда любилъ тебя,
Какъ только могъ любить.

Но нашей встрѣчѣ я не радъ.
Упорно я молчу—
И твой глубокій, грустный взглядъ
Понять я не хочу.

И все толкуешь ты со мной
О милой сторонѣ.
Но то блаженство, Боже мой,
Теперь такъ чуждо мнѣ!

Повѣрь: съ тѣхъ поръ я много жилъ
И много перенесъ...
И много радостей забылъ,
И много глупыхъ слезъ.

Человѣкъ, какихъ много.

Онъ выросъ въ домѣ старой тетки
Безъ всякихъ бѣдъ,
Боялся смерти да чахотки
Въ пятнадцать лѣтъ.

Въ семнадцать былъ онъ малымъ плотнымъ—
И по часамъ
Сталъ предаваться безотчетнымъ
„Мечтамъ и снамъ“.

Онъ слезы лилъ; добросердечно
Бранилъ толпу—
И проклиналъ безчеловѣчно
Свою судьбу.

Потомъ—съ душой своей прекрасной
Не совладѣвъ,
Онъ сталъ любить любовью страстной
Всѣхъ блѣдныхъ дѣвъ.

Являлся горестнымъ страдальцемъ,
Писалъ стишки...
И не дерзалъ коснуться пальцемъ
Ея руки.

Потомъ—любовь смѣнивъ на дружбу,
Онъ вдругъ умолкъ...
И присмирѣвъ—вступилъ на службу
Въ пѣхотный полкъ.

Потомъ женился на сосѣдкѣ,
Надѣлъ халатъ
И уподобился насѣдкѣ—
Развелъ цыплятъ.

И долго жилъ темно и скупо—
Слылъ добрякомъ...

. . . . . .
. . . . . .

Толпа.

Среди людей, мнѣ близкихъ... и чужихъ,
Скитаюсь я—безъ цѣли, безъ желанья.
Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ,
Мнѣ самому смѣшнѣй мои страданья.
Страданій тѣхъ толпа не признаетъ.
Толпа—могучая—и ѣстъ и пьетъ исправно;
И что въ душѣ задумчивой живетъ—
Болѣзнію считаетъ своенравной.
И права ты, толпа! Ты велика,
Ты широка, ты глубока, какъ море...
Въ твоихъ волнахъ все тонетъ: и тоска
Нелѣпая, и истинное горе.
И ты сильна . . . . . .
. . . . . .
Передъ тобой я преклониться могъ;
Но полюбить тебя мнѣ невозможно.
Я ни одной тебѣ не дамъ слезы,
Не отъ тебя я ожидаю счастья...
Но ты растешь, какъ море въ часъ грозы,
Безъ моего ненужнаго участья.
Гордись, толпа! ликуй, толпа моя!
Лишь для тебя такъ ярко блещетъ небо...
Но все жъ я радъ, что независимъ я,
Что не служу тебѣ я ради хлѣба!..
И я молчу о томъ, что я люблю.
Молчу о томъ, что страстно ненавижу,
Я похвалой толпы не удивлю,
Насмѣшками толпы я не обижу...
А тосковать, мечтать съ самимъ собой,
Бесѣдовать съ прекрасными друзьями—
Съ такой смѣшной, ребяческой мечтой
Разстался я, какъ съ дѣтскими слезами...
А потому... мнѣ жить не суждено,
И я тяну съ усмѣшкой торопливой,
Холодной злости, злости молчаливой,
Хоть горькое, но пьяное вино.

Когда давно забытое названье.

Когда давно забытое названье
Расшевелитъ во мнѣ, внезапно, вновь,
Уже давно затихшее страданье,
Давнымъ-давно погибшую любовь,—

Мнѣ стыдно, что такъ медленно живу я,
Что этотъ хламъ хранитъ душа моя,
Что ни слезы, ни даже поцѣлуя—
Что ничего не забываю я.

Мнѣ стыдно, да; а тамъ мнѣ грустно станетъ,
И неужель подумать я могу,
Что жизнь меня теперь ужъ не обманетъ,
Что до конца я сердце сберегу?

Что въ правѣ я отринуть горделиво
Всѣ прежнія, далекія мечты,
Все, что въ душѣ цвѣтетъ такъ боязливо,
Какъ первые, весенніе цвѣты?

И грустно мнѣ, что то воспоминанье
Я былъ готовъ презрѣть и осмѣять...
Я повторю знакомое названье—
Въ былое весь я погруженъ опять.

Весенній вечеръ.

Гуляютъ тучи золотыя
Надъ отдыхающей землей;
Поля просторныя, нѣмыя
Блестятъ, облитыя росой;
Ручей журчитъ во мглѣ долины—
Вдали гремитъ весенній громъ,
Лѣнивый вѣтръ въ листахъ осины
Трепещетъ пойманнымъ крыломъ.

Молчитъ и млѣетъ лѣсъ высокій,
Зеленый, темный лѣсъ молчитъ.

Лишь иногда въ тѣни глубокой
Безсонный листъ прошелеститъ.
Звѣзда дрожитъ въ огняхъ заката,
Любви прекрасная звѣзда,
А на душѣ легко и свято,
Легко, какъ въ дѣтскіе года.

Цвѣтокъ.

Тебѣ случалось—въ рощѣ темной,
Въ травѣ весенней, молодой,
Найти цвѣтокъ простой и скромный?
(Ты былъ одинъ—въ странѣ чужой).

Онъ ждетъ тебя—въ травѣ росистой
Онъ одиноко расцвѣталъ...
И для тебя свой запахъ чистый,
Свой первый запахъ сберегалъ.

И ты срываешь стебель гибкій,
Въ петлицу бережной рукой
Вдѣваешь, съ медленной улыбкой,
Цвѣтокъ, погубленный тобой.

И вотъ, идешь дорогой пыльной;
Кругомъ—все поле сожжено,
Струится съ неба жаръ обильный,
А твой цвѣтокъ завялъ давно.

Онъ выросталъ въ тѣни спокойной,
Питался утреннимъ дождемъ
И былъ заѣденъ пылью знойной,
Спаленъ полуденнымъ лучомъ.

Такъ что жъ? напрасно сожалѣнье!
Знать онъ былъ созданъ для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
Въ сосѣдствѣ сердца твоего.

Для недолгаго свиданья.

Для недолгаго свиданья,
Передъ утромъ, при лунѣ,
Для безмолвнаго лобзанья
Ты придти велѣла мнѣ...

У стѣны твоей высокой,
Подъ завѣшеннымъ окномъ,
Я стою въ тѣни широкой,
Весь окутанный плащомъ...

Звѣзды блещутъ... страстью дивной
Дышитъ голосъ соловья...
Выйдь... о, выйдь, на звукъ призывный,
Появись, звѣзда моя!

Сколько бъ мы потомъ ни жили—
Я хочу, чтобъ мы съ тобой
До могилы не забыли
Этой ночи огневой...

И легко и торопливо,
Словно призракъ, чуть дыша,
Озираясь боязливо,
Ты сойдешь ко мнѣ, душа!

Безконечно торжествуя,
Устремлюсь я на крыльцо,
На колѣни упаду я,
Посмотрю тебѣ въ лицо.

И затихнетъ робкій трепетъ,
И пройдетъ послѣдній страхъ...
И замретъ твой дѣтскій лепетъ
На предавшихся губахъ...

Иль ты спишь, раскинувъ руки,
И не помнишь обо мнѣ—
И напрасно льются звуки
Въ благовонной тишинѣ?..

Осень.

Какъ грустный взглядъ люблю я осень.
Въ туманный, тихій день хожу
Я часто въ лѣсъ и тамъ сижу—
На небо бѣлое гляжу
Да на верхушки темныхъ сосенъ.
Люблю, кусая кислый листъ,
Съ улыбкой развалясь лѣнивой,
Мечтой заняться прихотливой
Да слушать дятловъ тонкій свистъ.
Трава завяла вся; холодный,
Спокойный блескъ разлитъ по ней.
И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей...
Чего не вспомню я? Какія
Меня мечты не посѣтятъ?
А сосны гнутся, какъ живыя,
И такъ задумчиво шумятъ...
И, словно стадо птицъ огромныхъ,
Внезапно вѣтеръ налетитъ,
И въ сучьяхъ спутанныхъ и темныхъ
Нетерпѣливо прошумитъ.

Гроза промчалась.

Гроза промчалась низко надъ землею...
Я вышелъ въ садъ. Затихло все кругомъ;
Вершины липъ облиты мягкой мглою,
Обагрены живительнымъ дождемъ,
А влажный вѣтръ на листья тихо дышитъ...
Въ тѣни густой летаетъ тяжкій жукъ;
И, какъ лицо заснувшихъ томно пышетъ,
Пахучимъ паромъ пышетъ темный лугъ.
Какая ночь! Большія, золотыя
Зажглися звѣзды; воздухъ свѣжъ и чистъ;
Стекаютъ съ вѣтокъ капли дождевыя,
Какъ будто тихо плачетъ каждый листъ.

Зарница вспыхнетъ... Поздній и далекій
Промчится громъ—и слабо прогремитъ...
Какъ сталь блеститъ, темнѣя, прудъ широкій,
А вотъ и домъ передо мной стоитъ.
И при лунѣ таинственныя тѣни
На немъ лежатъ недвижно... вотъ и дверь;
Вотъ и крыльцо—знакомыя ступени...
А ты... гдѣ ты? что дѣлаешь теперь?
Упрямые, разгнѣванные боги,
Не правда ли, смягчились? и среди
Семьи твоей забыла ты тревоги,
Спокойная на любящей груди?
Иль и теперь горитъ душа больная?
Иль отдохнуть ты не могла нигдѣ?
И все живешь, всѣмъ сердцемъ изнывая,
Въ давно пустомъ и брошенномъ гнѣздѣ?

Ѳедя.

Молча въѣзжаетъ, да ночью морозной,
Парень въ село на лошадкѣ усталой.
Тучи сѣдыя столпилися грозно,
Звѣздочки нѣтъ ни великой, ни малой.

Онъ у забора встрѣчаетъ старуху:
„Бабушка, здравствуй!“—А, Ѳедя! Откуда?
Гдѣ пропадалъ ты? Ни слуху, ни духу!
„Гдѣ я бывалъ—не увидишь отсюда!

Живы ли братья? Родная жива ли?
Наша изба все цѣла, не сгорѣла?
Правда ль, Параша, въ Москвѣ мнѣ сказали
Наши ребята, постомъ овдовѣла?“

—Домъ вашъ какъ былъ, словно полная чаша.
Братья всѣ живы, родная здорова,
Умеръ сосѣдъ, овдовѣла Параша,
Да черезъ мѣсяцъ пошла за другого.

Вѣтеръ подулъ... Засвисталъ онъ легонько,
На небо глянулъ и шапку надвинулъ,
Молча рукой онъ махнулъ и тихонько
Лошадь назадъ повернулъ, да и сгинулъ.

Къ А. С.

Я васъ знавалъ... тому давно.
Мнѣ, право, стыдно и грѣшно,
Что я тогда васъ не замѣтилъ...
Вы только-что вступили въ свѣтъ—
Вамъ было восемнадцать лѣтъ...
На балѣ гдѣ-то я васъ встрѣтилъ.

И кто-то къ вамъ меня подвелъ.
Я съ вами нехотя пошелъ,
Я полонъ былъ тревоги страстной...
Тогда—тогда я былъ влюбленъ;
Но та любовь прошла, какъ сонъ
И безотрадный, и напрасный.

Другую женщину я ждалъ,
Я даже вамъ не отвѣчалъ;
Но я замѣтилъ ваши руки...
Замѣтилъ милый вашъ нарядъ,
И вашъ прекрасный, умный взглядъ,
И рѣчи дѣвственные звуки.

Но все, что въ сердцѣ молодомъ
Дремало легкимъ, чуткимъ сномъ
Передъ внезапнымъ пробужденьемъ—
Осталось тайной для меня...
Хоть, помню, васъ покинулъ я
Съ какимъ-то смутнымъ сожалѣньемъ.

А случай вновь не сблизилъ насъ...
И вдругъ теперь я встрѣтилъ васъ.
Вы измѣнились, какъ Татьяна;
Я не слыхалъ такихъ рѣчей,
Я не видалъ такихъ плечей,
Такого царственнаго стана...

На вашихъ мраморныхъ чертахъ,
На несмѣющихся губахъ—
Печать могучаго сознанья...
Сіяя страшной красотой,
Вы предстоите предо мной
Богиней гордаго страданья.

И я молю васъ въ тишинѣ:
Всю вашу жизнь раскройте мнѣ...
Но взгляда вашего я трушу...
Нѣтъ, нѣтъ! я старъ; нѣтъ, я вамъ чуждъ,
Давно въ борьбѣ страстей и нуждъ
Я истощилъ и жизнь, и душу.

Въ ночь лѣтнюю, когда...

Въ ночь лѣтнюю, когда, тревожной грусти полный,
Отъ милаго лица волосъ густыя волны,
Заботливой рукой,
Я отводилъ—и ты, мой другъ, съ улыбкой томной
Къ окошку прислонясь, глядѣла въ садъ огромный,
И темный, и нѣмой...
Въ окно раскрытое, спокойными струями
Вливался свѣжій мракъ и замиралъ надъ нами,
И пѣсни соловья
Гремѣли жалобно въ тѣни густой, душистой,
И вѣтеръ лепеталъ надъ рѣчкой серебристой.
Покоились поля.
Ночному холоду предавъ и грудь и руки,
Ты долго слушала рыдающіе звуки—
И ты сказала мнѣ,
Къ таинственнымъ звѣздамъ поднявши взоръ унылый:
„Не быть намъ никогда съ тобой, о, другъ мой милый,
Блаженными вполнѣ!“
Я отвѣчать хотѣлъ, но, странно замирая,
Погасла рѣчь моя... Томительно нѣмая
Настала тишина...

Въ большихъ твоихъ глазахъ слеза затрепетала,
А голову твою печально лобызала
Холодная луна.

Къ ***

Черезъ поля къ холмамъ тѣнистымъ
Промчался ливень... Небо вдругъ
Свѣтлѣетъ... Блескомъ водянистымъ
Блеститъ зеленый, ровный лугъ.
Гроза прошла... Какъ небо ясно!
Какъ воздухъ звученъ и душистъ!
Какъ отдыхаетъ сладострастно
На каждой вѣткѣ каждый листъ!
Оглашено раздольнымъ звономъ
Раздолье мирное полей...
Пойдемъ гулять въ лѣсу зеленомъ,
Пойдемъ, сестра души моей.
Пойдемъ, о ты, мой другъ единый,
Любовь послѣдняя моя,
Пойдемъ излучистой долиной
Въ нѣмыя, свѣтлыя поля.
И тамъ, гдѣ жатва золотая
Легла волнистой полосой,
Когда заря взойдетъ, пылая,
Надъ успокоенной землей—
Позволь сидѣть мнѣ молчаливо
У ногъ возлюбленныхъ твоихъ...
Позволь рукѣ твоей стыдливо
Коснуться робкихъ губъ моихъ.

Откуда вѣетъ тишиной.

Откуда вѣетъ тишиной?
Откуда мчится зовъ?
Что дышитъ на меня весной
И запахомъ луговъ?
Чего тебѣ, душа моя,
Внезапно стало жаль—

Скажи: какую вспомнилъ я
Любимую печаль?
Но все былое, Боже мой,
Такъ бѣдно, такъ темно...
И то, надъ чѣмъ я плакалъ,—мной
Осмѣяно давно.
Невѣжда самъ, среди другихъ
Забывчивыхъ невѣждъ,
Любуюсь гибелью своихъ
Восторженныхъ надеждъ.
Но все же тихъ и тронутъ я—
Съ души сбѣжала тѣнь,
Какъ будто тоже для меня
Насталъ волшебный день,
Когда на деревѣ нагомъ
И сочевъ и душистъ,
Согрѣтый ласковымъ лучомъ,
Растетъ весенній листъ...
Какъ будто сердцемъ я воскресъ
И волю далъ слезамъ,
И, задыхаясь, въ темный лѣсъ
Бѣгу по вечерамъ...
Какъ будто я люблю, любимъ,
Какъ будто ночь близка...
И тополь подъ окномъ однимъ
Киваетъ мнѣ слегка...

Призваніе.

(Изъ неизданной поэмы.)

Не считай часовъ разлуки,
Не сиди, сложивши руки,
Подъ рѣшетчатымъ окномъ...
О, мой другъ! о другъ мой нѣжный!
Не слѣди съ тоской мятежной
За медлительнымъ лучомъ...

Не скучай... Тревожный, длинный
День пройдетъ... Съ улыбкой чинной

Припимай твоихъ гостей...
Не чуждайся разговора—
Не роняй внезапно взора
И внезапно не блѣднѣй...

Но когда съ холмовъ душистыхъ
По краямъ полей росистыхъ
Побѣжитъ живая тѣнь...
И, сходя съ вершинъ Урала,
Какъ дворецъ Сарданапала,
Загорится пышный день...

Изъ-подъ тучи длинной, темной
Тихо выйдетъ мѣсяцъ томный
За возлюбленной звѣздой,
И, предчувствуя награду—
Замирая—къ водопаду
Прибѣгу я за тобой!

Тамъ изъ чаши крутобокой
Бьетъ вода волной широкой
На размытыя плиты...
Надъ волной нетерпѣливой,
Прихотливой, говорливой
Наклоняются цвѣты...

Тамъ насъ манитъ дубъ кудрявый,
Старецъ пышный, величавый,
Тѣнью пасмурной своей...
И сокроетъ онъ счастливыхъ
Отъ боговъ—боговъ ревнивыхъ—
Отъ завистливыхъ людей!

Слышны клики... надъ водами
Машутъ лебеди крылами...
Колыхается рѣка...
О, прійди же! Звѣзды блещутъ,
Листья медленно трепещутъ
И находятъ облака.

Смѣются босоногіе мальчишки;
Запахли хлѣбомъ желтые скирды..
И бѣглымъ золотомъ сверкаетъ солнце
По молодымъ осинамъ и березамъ.

Другая ночь.

Ужъ поздно... Конь усталый мой
Храпитъ и просится домой...
Холмы пологіе кругомъ—
Степные виды! За холмомъ
Печально свѣтится пожаръ—
Овинъ горитъ. На небѣ паръ;
На небѣ мѣсяцъ золотой
Блеститъ холодной красотой,
И подъ лучомъ его нѣмымъ
Туманъ волнуется какъ дымъ,
Большія тѣни, тамъ и сямъ,
Лежатъ недвижно по полямъ,
И различаетъ глазъ едва
Лѣсовъ высокихъ острова.
Кой-гдѣ, по берегамъ рѣки,
Въ кустахъ мерцаютъ огоньки;
Внезапный крикъ перепеловъ
Гремитъ одинъ среди луговъ,
И синяя, ночная мгла
Какъ будто нехотя тепла.

Кроткіе льются лучи.

Кроткіе льются лучи съ небесъ на согрѣтую землю;
Стелется тихо по ней, теплый скользитъ вѣтерокъ.
Но давно подъ травой изсякли болтливыя воды
Въ тучныхъ лугахъ; и сама вся пожелтѣла трава.
Сумракъ душистый лѣсовъ, отрадныя, пышныя тѣни,
Гдѣ вы? гдѣ ты, лазурь яркихъ и темныхъ небесъ?
Осень настала давно; ея прощальныя ласки
Часто милѣе душѣ первыхъ улыбокъ весны.

Бурые сучья раскинула липа; береза
Вся золотая стоитъ; тополь одинъ еще свѣжъ,
Также дрожитъ и шумитъ и тихо блеститъ, серебристый;
Но побагровѣлъ давно дуба могучаго листъ.
Яркія краски вездѣ смѣнили привѣтную зелень:
Издали пышутъ съ рябинъ красные гроздья плодовъ,
Дивно рдѣетъ заря причудливымъ, долгимъ пожаромъ...
Смотришь и вѣришь едва жадно-вперенным очамъ.
Но природа во всемъ, какъ ясный и строгій художникъ,
Чувство мѣры хранитъ, стройной вѣрна простотѣ.
Молча, гляжу я кругомъ, внимая печальнаго полный...
Въ тронутомъ сердцѣ звучитъ грустное слово: прости!

Передъ охотой.

Утро! вотъ утро! едва надъ холмами
Красное солнце взыграетъ лучами,
Холодъ осенняго, свѣтлаго дня,
Холодъ веселый разбудитъ меня.
Выйду я... небо смѣется мнѣ въ очи;
Съ сердца сбѣгаютъ лобзанія ночи...
Блестки крутятся на солнцѣ; морозъ
Выбѣлилъ хрупкіе сучья березъ...
Свѣтлое небо, здоровье да воля—
Здравствуй, раздолье широкаго поля!
Вновь не дождаться подобнаго дня...
Дайте ружье мнѣ! сѣдлайте коня!
Вотъ онъ... по членамъ его благороднымъ
Вѣтеръ промчался дыханьемъ холоднымъ,
Ржетъ онъ и шею сгибаетъ дугой...
Доски хрустятъ подъ упругой ногой;
Гуси проходятъ съ испугомъ и крикомъ;
Прыгаетъ песъ мой въ восторгѣ великомъ,
Ясно звучитъ его радостный лай...
Ну же, скорѣй мнѣ коня подавай!

Первый снѣгъ.

Здравствуйте, легкія звѣзды пушистаго, перваго снѣга!
Быстро на темной землѣ таете вы чередой.
Но проворно летятъ за вами другія снѣжинки,
Словно пчелы весной, воздухъ недвижный пестря.
Скоро наступитъ зима;—подъ тонкимъ и звучнымъ
желѣзомъ
Рѣзвыхъ саней завизжитъ холодомъ стиснутый ледъ.
Ярко морозъ затрещитъ; румяныя щеки красавицъ
Вспыхнутъ; иней слегка длинныхъ коснется рѣсницъ.
Такъ! пора мнѣ съ тобою разстаться, степная деревня!
Крышъ не увижу твоихъ, мягкимъ одѣтыхъ ковромъ,
Струекъ волнистаго дыма на небѣ холодномъ и синемъ,
Бѣлыхъ холмовъ и полей, грозныхъ и темныхъ
лѣсовъ.
Падай обильнѣе снѣгъ! Зоветъ меня городъ далекій;
Хочется встрѣтить опять старыхъ враговъ и друзей.

Одинъ, опять одинъ я.

Одинъ, опять одинъ я. Разошлась
Толпа гостей, скучая.—Вотъ и полночь.
За тучами, клубясь, несутся тучи,
И тяжело на землю налегли
Угрюмо неподвижные туманы.
Не спится мнѣ, не спится... Нѣтъ! во мнѣ
Тревожныя, напрасныя желанья,
Неуловимо быстрыя мечты
И призраки несбыточнаго счастья
Смѣняются проворно... Но тоска
На самомъ днѣ встревоженнаго сердца,
Какъ спящая, холодная змѣя,
Покоится. Мнѣ тяжело. Напрасно
Хочу я разсмѣяться, позабыться,
Заснуть по крайней мѣрѣ: духъ угрюмый
Не спитъ, не дремлетъ... странныя картины
Являются задумчивому взору.
То чудится мнѣ мертвое лицо,—

Лицо мнѣ незнакомое, нѣмое,
Все блѣдное, съ закрытыми глазами,
И будто ждетъ отвѣта... То во тьмѣ
Мелькаетъ образъ дѣвушки, давно
Мной позабытый... Опустивъ глаза
И наклонивъ печальную головку,
Она проходитъ мимо... слабый вздохъ
Едва замѣтно грудь приподнимаетъ...
То видится мнѣ садъ—обширный садъ...
Подъ липой одинокой, обнаженной
Сижу я, жду кого-то... вѣтеръ гонитъ
По желтому песку сухіе листья...
И робкими, послушными роями
Они бѣгутъ все дальше, дальше, мимо...
То вижу я себя на лавкѣ длинной,
Среди моихъ товарищей... Учитель—
Краснорѣчивый, страстный, молодой—
Намъ говоритъ о Богѣ... Молчаливо
Трепещутъ наши души... легкимъ жаромъ
Пылаютъ наши лица: гордой силой
Исполненъ каждый юноша... Потомъ,
Лѣтъ черезъ пять, въ томъ городѣ далекомъ,
Наставника я встрѣтилъ... Поклонились
Другъ другу мы неловко, торопливо,
И тотчасъ разошлись. Но я замѣтить
Успѣлъ его смиренную походку,
И робкій взглядъ, и старческую блѣдность.
То, наконецъ, я вижу домъ огромный,
Заброшенный, пустой,—мое гнѣздо,
Гдѣ выросъ я, гдѣ я мечталъ, бывало,
О будущемъ, куда я не вернусь...
И вотъ я вспомнилъ: я стоялъ однажды
Среди высокихъ горъ, въ долинѣ тѣсной...
Кругомъ ни травки... Камни все да камни,
Да желтый, мелкій мохъ. У ногъ моихъ
Бѣжалъ ручей, проворный, неглубокій,
И подъ скалой, въ разсѣлинѣ, внезапно
Онъ исчезалъ съ какимъ-то глупымъ шумомъ...

Вотъ жизнь моя! подумалъ я тогда.

. . . . . .

Но гости тѣ... Кому изъ нихъ могу я
Завидовать?—Гдѣ тотъ, который смѣло
И безъ обмана скажетъ мнѣ: „я жилъ!“
Одинъ изъ нихъ, добрякъ здоровый, глупъ,
И знаетъ самъ, что глупъ... ему неловко;
Другой сегодня счастливъ: онъ влюбленъ
И свѣтелъ, тихъ и важенъ, какъ ребенокъ,
Одѣтый по-воскресному... Другой
Остритъ или болѣзненно скучаетъ...
А тотъ себѣ придумалъ самъ работу,
Ненужную, безплодную,—хлопочетъ
И радъ, что „подвигается впередъ“...
Тотъ—юноша восторженный, а тотъ—
Чувствителенъ, но мелокъ и ничтоженъ...

. . . . . .

Мнѣ весело... Но ты, межъ тѣмъ, о ночь!
Не медли—проходи скорѣй и снова
Меня предай заботамъ милой жизни.

Крокетъ въ Виндзорѣ.

Сидитъ королева въ Виндзорскомъ бору...
Придворныя дамы играютъ
Въ вошедшую въ моду недавно игру;
Ту крокетъ игру называютъ.
Катаютъ шары и въ отмѣченный кругъ
Ихъ гонятъ такъ ловко и смѣло...
Глядитъ королева, смѣется... и вдругъ
Умолкла... лицо поблѣднѣло.

Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопаткой проворной—
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной...
То головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей...
На лицахъ слѣды истязаній,

И звѣрскихъ обидъ, и звѣриныхъ когтей—
Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.

И вотъ—королевина младшая дочь—
Прелестная дѣва—катаетъ
Одну изъ головъ—и все далѣе, прочь,
И къ царскимъ ногамъ подгоняетъ,
Головка ребенка въ пушистыхъ кудряхъ—
И ротикъ лепечетъ укоры...
И вскрикнула тутъ королева—и страхъ
Безумный застлалъ ея взоры.

„Мой докторъ! на помощь! скорѣй!“ И ему
Она повѣряетъ видѣнье.
Но онъ ей въ отвѣтъ: „Не дивлюсь ничему;
Газетъ васъ разстроило чтенье.
Толкуетъ намъ „Times“, какъ болгарскій народъ
Сталъ жертвой турецкаго гнѣва...
Вотъ капли... примите... все это пройдетъ!“
И въ замокъ идетъ королева.

Вернулась домой и въ раздумьи стоитъ...
Склонились тяжелыя вѣжды...
О, ужасъ! кровавой струею залитъ
Весь край королевской одежды!
„Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британскія рѣки!“
—Нѣтъ, ваше величество! Вамъ ужъ не смыть
Той крови невинной вовѣки!

Милый другъ.

Милый другъ, когда я буду
Умирать—вотъ мой приказъ:
Всѣхъ моихъ писаній груду
Истреби ты въ тотъ же часъ!
Окружи меня цвѣтами,
Солнце въ комнату впусти—
За раскрытыми дверями

Музыкантовъ помѣсти.
Запрети имъ плачъ печальный!
Пусть, какъ будто въ часъ пировъ,
Рѣзко взвизгнетъ вальсъ нахальный
Подъ ударами смычковъ!
Слухомъ гаснущимъ внимая
Замираніямъ струны,
Самъ замру я, засыпая...
И предсмертной тишины
Не смутивъ напраснымъ стономъ,
Перейду я въ міръ иной,
Убаюканъ легкимъ звономъ
Легкой радости земной!

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПЕРЕВОДЫ.

Тьма.

Изъ Байрона.

Я видѣлъ сонъ... не все въ немъ было сномъ.
Погасло солнце свѣтлое—и звѣзды
Скиталися безъ цѣли, безъ лучей,
Въ пространствѣ вѣчномъ: льдистая земля
Носилась слѣпо въ воздухѣ безлунномъ.
Часъ утра наставалъ и проходилъ—
Но дня не приводилъ онъ за собою...
И люди въ ужасѣ бѣды великой
Забыли страсти прежнія... Сердца
Въ одну себялюбивую молитву
О свѣтѣ робко сжались—и застыли.
Передъ огнями жилъ народъ; престолы,
Дворцы царей вѣнчанныхъ, шалаши,
Жилища всѣхъ, имѣющихъ жилища—
Въ костры слагались... города горѣли...
И люди сбиралися толпами
Вокругъ домовъ пылающихъ—затѣмъ,
Чтобы хоть разъ взглянуть въ лицо другъ другу.
Счастливы были жители тѣхъ странъ,
Гдѣ факелы вулкановъ пламенѣли...
Весь міръ одной надеждой робкой жилъ...

Зажгли лѣса; но съ каждымъ часомъ гасъ
И падалъ обгорѣлый лѣсъ; деревья
Внезапно съ грознымъ трескомъ обрушались...
И лица—при неровномъ трепетаньи
Послѣднихъ, замирающихъ огней—
Казались не земными... Кто лежалъ,
Закрывъ глаза, да плакалъ; кто сидѣлъ,
Руками подпираясь—улыбался,
Другіе хлопотливо суетились
Вокругъ костровъ—и въ ужасѣ безумномъ
Глядѣли смутно на глухое небо,
Земли погибшей саванъ... а потомъ
Съ проклятьями бросались въ прахъ и выли,
Зубами скрежетали. Птицы съ крикомъ
Носились низко надъ землей, махали
Ненужными крылами... Даже звѣри
Сбѣгались робкими стадами... Змѣи
Ползли, вились среди толпы,—шипѣли
Безвредныя... ихъ убивали люди
На пищу... Снова вспыхнула война,
Погасшая на время... Кровью купленъ
Кусокъ былъ каждый; всякій въ сторонѣ
Сидѣлъ угрюмо, насыщаясь въ мракѣ.
Любви не стало; вся земля полна
Была одной лишь мыслью: смерти—смерти,
Безславной, неизбѣжной... Страшный голодъ
Терзалъ людей... и быстро гибли люди...
Но не было могилы ни костямъ,
Ни тѣлу... пожиралъ скелетъ скелета...
И даже псы хозяевъ раздирали.
Одинъ лишь песъ остался трупу вѣренъ.
Звѣрей, людей голодныхъ отгонялъ,
Пока другіе трупы привлекали
Ихъ зубы жадные... но пищи самъ
Не принималъ. Съ унылымъ долгимъ стономъ
И быстрымъ, грустнымъ крикомъ, все лизалъ
Онъ руку, безотвѣтную на ласку,
И умеръ наконецъ... Такъ постепенно

Всѣхъ голодъ истребилъ; лишь двое гражданъ
Столицы пышной—нѣкогда враговъ—
Въ живыхъ осталось... Встрѣтились они
У гаснувшихъ остатковъ алтаря,
Гдѣ много было собрано вещей
Святыхъ . . . . . .
Холодными костлявыми руками
Дрожа, вскопали золу... огонёкъ
Подъ слабымъ дыханьемъ вспыхнулъ слабо,
Какъ бы въ насмѣшку имъ: когда же стало
Свѣтлѣе, оба подняли глаза,
Взглянули, вскрикнули, и тутъ же вмѣстѣ
Отъ ужаса взаимнаго, внезапно,
Упали мертвыми . . . . . .
. . . . . И міръ былъ пустъ,
Тотъ многолюдный міръ, могучій міръ
Былъ мертвой массой, безъ травы, деревьевъ,
Безъ жизни, времени, людей, движенья...
То хаосъ смерти былъ. Озера, рѣки
И море—все затихло. Ничего
Не шевелилось въ безднѣ молчаливой.
Безлюдные лежали корабли
И гнили на недвижной, сонной влагѣ...
Безъ шуму, по частямъ валились мачты,
И падая, волны не возмущали...
Моря давно не вѣдали приливовъ...
Погибла ихъ владычица—луна;
Завяли вѣтры въ воздухѣ нѣмомъ...
Исчезли тучи... Тьмѣ не нужно было
Ихъ помощи... она была повсюду.

Римская элегія.

Гете, XII.

Слышишь? веселые клики съ фламинской дороги несутся:
Идутъ съ работы домой въ дальнюю землю жнецы.
Кончили жатву для римлянъ они; не свиваетъ
Самъ надменный Квиритъ доброй Церерѣ вѣнка.
Праздниковъ болѣе нѣтъ во славу великой богини,
Давшей народу взамѣнъ жолудя—хлѣбъ золотой.
Мы же съ тобою вдвоемъ отпразднуемъ радостный праздникъ.
Другъ для друга теперь двое мы цѣлый народъ.
Такъ—ты слыхала не разъ о тайныхъ пирахъ Элевзиса:
Скоро въ отчизну съ собой ихъ побѣдитель занесъ.
Греки ввели тотъ обрядъ: и греки, все греки взывали
Даже въ римскихъ стѣнахъ: „къ ночи спѣшите святой!“
Прочь убѣгалъ оглашенный; сгоралъ ученикъ ожиданьемъ.
Юношу бѣлый хитонъ—знакъ чистоты—покрывалъ.
Робко въ таинственный кругъ онъ входилъ: стояли рядами
Образы дивные; самъ—словно бродилъ онъ во снѣ.
Змѣи вились по землѣ; несли цвѣтущія дѣвы
Ларчикъ закрытый; на немъ пышно качался вѣнокъ

Спѣлыхъ колосьевъ; жрецы торжественно двигались — пѣли...
Свѣта — съ тревожной тоской, трепетно ждалъ ученикъ.
Вотъ—послѣ долгихъ и тяжкихъ искусовъ, ему открывали
Смыслъ освященныхъ круговъ, дивныхъ обрядовъ и лицъ...
Тайну—но тайну какую? Не ту ли, что тѣсныхъ объятій
Сильнаго смертнаго ты, матерь Церера, сама
Разъ пожелала, когда свое безсмертное тѣло
Все Язіону царю ласково все предала.
Какъ осчастливленъ былъ Критъ! И брачное ложе богини
Такъ и вскипѣло зерномъ, тучной покрылось травой.
Вся жъ остальная зачахла земля... забыла богиня
Въ часъ упоительныхъ нѣгъ—свой благодѣтельный долгъ.
Такъ съ изумленьемъ нѣмымъ разсказу внималъ посвященный;
Милой кивалъ онъ своей... Другъ, о пойми же меня!
Тотъ развѣсистый миртъ осѣняетъ уютное мѣсто...
Наше блаженство землѣ тяжкой бѣдой не грозитъ.

Послѣдняя сцена первой части „Фауста“ Гете.

ТЮРЬМА.

Фаустъ

(съ связкой ключей и лампадой передъ небольшой желѣзной дверью).

Я чувствую тревожное волненье...
Всей скорбію земной душа моя полна;
Вотъ здѣсь—въ тюрьмѣ... И что же? Заблужденье
Простосердечное—вотъ вся ея вина.
Ты мѣшкаешь? Ты медлишь къ ней идти?
Иль увидать ее боишься ты?
Рѣшайся же... ей смерть грозитъ... Скорѣй!

(Онъ схватывается за замокъ. Въ тюрьмѣ раздается пѣсенка.) *)

Фаустъ, отпирая.

Она не чувствуетъ, что близокъ милый къ ней
И слышитъ шумъ соломы, звукъ цѣпей.

(Онъ входитъ.)

---

*) Старинную нѣмецкую пѣсенку, которую Гёте вложилъ въ уста Маргариты, я не рѣшился перевести, потому что, по-моему, въ переводѣ она теряетъ свой характеръ, и является какимъ-то фантастически лирическимъ изліяніемъ. Впрочемъ — переводъ г-мъ Губеръ этой пѣсни—довольно вѣренъ. Т.

Маргарита, прячась на постели.

Они пришли... Смерть! смерть! О, Боже мой!

Фаустъ тихо.

Ст! тише! Я пришелъ тебя спасти.

Маргарита, валяясь у ногъ его.

О, если ты не звѣрь, такъ сжалься надо мной!

Фаустъ.

Тс! Крикомъ сторожей разбудишь ты!

(Онъ берется за ея цѣпи.)

Маргарита на колѣняхъ.

Кто далъ тебѣ право, палачъ, приходить
Такъ рано за мною?
О, сжалься! дай мнѣ сегодня пожить—
Возьми меня завтра по-утру... съ зарею...

(Она встаетъ.)

Я такъ еще молода, молода—
И вотъ уже я умереть должна...
Была, говорятъ, не совсѣмъ я дурна—
Меня ты сгубила, моя красота!
Былъ близокъ другъ... но теперь онъ далекъ—
Цвѣты всѣ завяли... разорванъ вѣнокъ.
Не трогай меня! Не берись за меня!
О, сжалься! чѣмъ я тебя оскорбила?
Неужто тебя я напрасно молила?
Я въ первый разъ въ жизни вижу тебя.

Фаустъ.

Снесу ли я эти муки?

Маргарита.

Смотри—тебѣ вся отдаюся я въ руки...
Позволь мнѣ ребенка сперва покормить:
Мы цѣлую ночь съ нимъ не спали;
Я все его грѣла... Они его взяли,
Они хотѣли меня огорчить—
И что же? Теперь говорятъ на меня,

Что будто его убила я.
Не быть мнѣ веселой! не вѣдать мнѣ радостной доли!
И вотъ—они пѣсни поютъ про меня... Не грѣшно ли!
Старинная сказка такъ кончается—
Но развѣ ко мнѣ она примѣняется?

Фаустъ, бросаясь къ ея ногамъ.

Твой другъ у ногъ твоихъ; твой другъ тебя спасетъ...
Онъ изъ тюрьмы тебя съ собой возьметъ.

Маргарита, бросаясь тоже на колѣни.

О, станемъ молиться святымъ съ тобой!
Подъ этимъ сводомъ, подъ этой плитой
Весь адъ кипитъ...
Лукавый гремитъ,
И злится, и роетъ,
И воетъ...

Фаустъ громко.

Гретхенъ! Гретхенъ!

Маргарита, прислушиваясь.

Это былъ его голосъ...

(Она вскакиваетъ; цѣпи съ нея спадаютъ.)

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Его слышала я...
Свободна я! Кто удержитъ меня?
Въ объятья его побѣгу я—
На грудь его упаду я!
Онъ сказалъ: „Гретхенъ!“ въ дверяхъ онъ стоялъ...
Вдругъ среди водъ и адскаго плеска,
Злобнаго хохота, грознаго треска,
Любящій голосъ его прозвучалъ.

Фаустъ.

Я здѣсь!

Маргарита.

Ты здѣсь... О, повтори мнѣ эти звуки...

(Обнимая его.)

Онъ... это онъ... куда дѣвались муки
И ужасы цѣпей? тюрьмы?

Ты здѣсь! Пришелъ меня спасать?
Я спасена!
Я вижу улицу опять,
Гдѣ въ первый разъ сошлися мы,
И садъ, и домъ,
Гдѣ съ Марѳой мы тебя, бывало, ждемъ.

Фаустъ.

Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ.

Маргарита, ласкаясь къ нему.

Побудь еще немного,
Такъ хорошо мнѣ тамъ, гдѣ ты бываешь...

Фаустъ.

Спѣши же, ради Бога—
Ты насъ погубишь... ты меня терзаешь.

Маргарита.

Что жъ это? Ты меня не лобызаешь?
Мой другъ, давно ль со мной ты разлучился—
И цѣловать ужъ разучился?
Что мнѣ такъ страшно на груди твоей,
Когда—бывало—отъ твоихъ рѣчей,
Отъ взгляда твоего—все небо разверзалось...
И ты меня такъ обнималъ, что я
Чуть-чуть не задыхалась!..
Цѣлуй же меня—
Не то я поцѣлую тебя!

(Она его обнимаетъ.)

О, горе! какъ губы твои холодны, безотвѣтны...
Что же сдѣлалось съ твоей любовью?
Кто лишилъ меня твоей любви?

(Она отъ него отворачивается.)

Фаустъ.

Мой ангелъ, ободрись, не унывай напрасно;
Тебя ласкать я буду страстно—
Попрежнему... пойдемъ, прошу тебя, пойдемъ.

Маргарита оборачивается опять къ нему.

Да ты ль это? Да точно ль это ты?

Фаустъ.

Я! я! пойдемъ!

Маргарита.

Съ меня ты цѣпи снялъ,
Меня опять въ свои объятья взялъ...
О, какъ же ты меня не избѣгаешь?
И знаешь ли ты, другъ, кого спасаешь?

Фаустъ.

Скорѣй... уже рѣдѣетъ мракъ ночной...

Маргарита.

Я мать свою убила,
Ребенка утопила.
Вѣдь онъ былъ твой... да—твой и мой.
Твой... это ты... все вѣрить не могу я...
Дай руку мнѣ—нѣтъ, точно, нѣтъ—не сплю я...
Ахъ, эта милая рука!.. скорѣй
Утри ее... она сыра—на ней
Я вижу кровь, смотри—пятно какое!
Спрячь эту шпагу... О! что сдѣлалъ ты?

Фаустъ.

Оставь прошедшее въ покоѣ—
Меня погубишь ты.

Маргарита.

Нѣтъ... нѣтъ... ты долженъ остаться, мой милый...
Хочу описать тебѣ наши могилы.
Объ нихъ ты завтра, до ранней зари,
Мой другъ, позаботься, смотри.
Родную на первомъ схоронишь ты мѣстѣ...
И брата съ ней вмѣстѣ...
Меня въ сторонѣ—
Но не слишкомъ далеко—
И буду лежать одиноко.
Малютку на грудь ты положишь ко мнѣ.

Когда я къ тебѣ прислонялась, бывало,
Какое блаженство меня проникало...
Теперь—не могу я предаться вполнѣ;
Какъ-будто должна я себя принуждать,
Какъ-будто не хочешь меня ты ласкать...
И это ты?.. и такъ привѣтно ты глядишь...

Фаустъ.

Сама жъ ты говоришь,
Что это я... пойдемъ, мой другъ, пойдемъ...

Маргарита.

Куда?

Фаустъ.

На волю...

Маргарита.

Въ гробъ? Пойдемъ—
И если смерть за дверью ждетъ—пойдемъ
Отсюда... и въ могилу—на покой...
Ни шагу дальше—
Но ты уходишь, Генрихъ...
О, если бъ я могла идти съ тобой!

Фаустъ.

Ты можешь... Посмотри: раскрыта дверь.

Маргарита.

Я не хочу уйти... Чего мнѣ ждать теперь?
Какія радости теперь насъ ожидаютъ?..
Бѣжать... къ чему? Они меня поймаютъ...
А милостыней жить такъ тяжело,
Особенно, когда на совѣсти легло...
Такъ тяжело въ чужой землѣ скитаться!
И не могу жъ я вѣчно укрываться.

Фаустъ.

Съ тобой останусь я.

Маргарита.

Скорѣй, скорѣй,

Спаси свое дитя.
Скорѣй, ступай
Вверхъ по ручью
Все по дорожкѣ
И прямо въ лѣсъ...
Налѣво, ужъ доска лежитъ—
Въ пруду...
Хватай его, хватай—
Оно подняться хочетъ...
Оно еще бьется—
Спаси, спаси!

Фаустъ.

Опомнись, Гретхенъ,
Лишь шагъ одинъ—свободна ты!

Маргарита.

Какъ мнѣ бъ эту гору скорѣе пройти!..
Тамъ мать на камнѣ сидитъ одна—
Холодная дрожь по мнѣ пробѣгаетъ...
Тамъ мать на камнѣ сидитъ одна—
И все головою киваетъ.
Киваетъ, качаетъ—устала она...
Она такъ долго спала, спала;
Она пробудиться никакъ не могла...
Никто не мѣшалъ намъ съ тобой цѣловаться—
Такого блаженства теперь не дождаться!

Фаустъ.

Напрасны мольбы... рѣшился я!
Унесу я тебя!

Маргарита.

Оставь меня—нѣтъ! Не позволю я! Нѣтъ!
Не берись за меня ты со всей твоей силой...
Въ угоду тебѣ я все дѣлала, милый...

Фаустъ.

Да вотъ ужъ и день... загорается свѣтъ...

Маргарита.

Свѣтаетъ... послѣдній день насталъ,
День свадьбы нашей... о, да!
Не сказывай ты никому, что бывалъ
У Гретхенъ... не то—бѣда!
Что жъ дѣлать!.. Судьба!..
Мой другъ, я увижу тебя...
Тогда мы съ тобою не станемъ плясать...
Толпа тѣснится... толпы не слыхать...
Всѣ лица безмолвны,
Всѣ улицы полны—
Набатъ звучитъ... махнулъ судья.
Какъ вяжутъ они, какъ хватаютъ меня.
И вотъ уже къ плахѣ привязана я...
Топоръ размахнулся...
Затылокъ у каждаго вдругъ содрогнулся—
Безмолвно весь міръ лежитъ, какъ могила.

Фаустъ.

Зачѣмъ я родился!

Мефистофель, показываясь въ дверяхъ.

Ко мнѣ! не то вы пропали—
О чемъ вы такъ долго болтали?..
Наши кони храпятъ—
Чуютъ утро—домой хотятъ.

Маргарита.

Что тамъ изъ земли поднялось? Взгляни—
Вотъ этотъ... вотъ... прогони ты его, прогони—
Зашелъ онъ въ святое мѣсто, зашелъ;
За мной онъ пришелъ.

Фаустъ.

Ты будешь жива—я клянусь!

Маргарита.

О, Божій судъ! я тебѣ предаюсь!

Мефистофель.

Скорѣй... обоихъ васъ брошу я.

Маргарита.

Отецъ—я твоя! Спаси меня!
Небесныя силы, меня окружите!
Вы, ангелы! меня защитите!
Генрихъ—ты страшенъ мнѣ.

Мефистофель.

Она осуждена!

Голосъ съ вышины.

Она спасена!

Мефистофель.

Ко мнѣ!

(Исчезаетъ съ Фаустомъ.)

Голосъ изнутри, замирая.

Генрихъ... Генрихъ...

Не ждете ль вы?

(Изъ А. Мюссе.)

Не ждете ль вы, что назову я,
Кого люблю?
Нѣтъ!—такъ легко не выдаю я
Любовь свою.

Но я скажу вамъ (я смѣлѣе
Среди друзей),
Что спѣлый колосъ не свѣтлѣе
Ея кудрей.

Живу ея покорный волѣ
И для неё
Я жизнь и, если нужно болѣ,
Отдамъ я все!

---

*) А вотъ и самый подлинникъ для сличенія:

Si vous croyez que je vais dire
Qu' j'ose aimer,
Je ne saurais pour un empire
Vous la nommer.

Nous allons chanter à la ronde,
Si vous voulez,
Que je l'adore, et qu'elle est blonde
Comme les blés.

Je fais ce que sa fantaisie
Veut m'ordonner,
Et je puis, s'il lui faut ma vie,
La lui donner.

Du mal qu'une-amour ignorée
Nous fait souffrir,
J'en porte l'ame dechirée
Jusqu'à mourir.

Любви отверженной мученья
До траты силъ,
До горькихъ слезъ, изнеможенья
Переносилъ.

И, въ сердцѣ сдавленномъ скрывал
Любовь свою,
Погибну я, не называя,
Кого люблю. *).

Mais j'aime trop pour que je die
Qui j'ose aimer,
Et je veux mourir pour ma mie
Sans la nommer.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЭПИГРАММЫ, ПИСЬМА, НЕОКОНЧЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Эпиграммы.

I.

Дружинину.

Дружининъ корчитъ европейца...
Какъ ошибается бѣднякъ!
Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
Одѣтый въ англійскій пиджакъ.

II.

Кетчеру.

Вотъ еще свѣтило міра!
Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ;
Переперъ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ.

III.

Никитенко.

Исполненный ненужныхъ словъ
И мыслей, ставшихъ общимъ мѣстомъ,
Онъ краснорѣчья прѣснымъ тѣстомъ
Всю землю вымазать готовъ...

IV.

Кудрявцеву.

Онъ хлыщъ, но какъ онъ тихъ и скроменъ,
Высокъ и въ то же время томенъ,
Какъ старой дѣвы билье-ду;
Но, возвышаясь постепенно,
Давно сталъ скученъ несравненно
Педантъ, вареный на меду.

V.

Достоевскому.

Рыцарь горестной фигуры!
Достоевскій, юный пыщъ;

На носу литературы
Ты вскочилъ, какъ яркій прыщъ.
Хоть ты новый литераторъ,
Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ:
Тебя хвалитъ императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ.

Изъ писемъ къ Е. Я. Колбасину *).

Виши, 30 мая 1859 г.

Мой юный другъ, Колбасинъ Елисей,
Не далѣе какъ въ середу, намѣренъ
Я городъ сей покинуть.—Потому
Прошу васъ изъ роскошной вашей дачи
Перенестись въ извѣстный градъ Парижъ
Въ четвергъ въ одиннадцать часовъ утра,
Въ „Hôtel Byron“, на улицѣ Лаффитъ.
Вы тамъ меня найдете.—Съ удовольствьемъ
Въ свои объятся заключу я васъ.
Но, можетъ-быть, меня не будетъ тамъ...
(Дѣла меня задержатъ)—вы тогда
Ни подлецомъ, ни гнусною свиньею,
Ни легкомысленнымъ обманщикомъ меня
Не называйте... но великодушно
Простите друга вашего—и снова
Въ „Hôtel Byron“ вернитеся въ субботу.
Коль и тогда меня вы не найдете,
То также не ругайтесь надо мною,
А прямо отправляйтесь въ Божій храмъ
И панихиду отслужите.—Я
Въ живыхъ тогда не буду.

*) Ел. Яков. Колбасинъ — сотрудникъ „Современника“ и авторъ книги „Литературные дѣятели прежняго времени“ (СПБ. 1859 г.).

Куртавнель, 8 іюля 1859 г.

Многострадальный Колбасинъ, и въ то же время счастливецъ!
Благополучно въ деревню третьягодня я пріѣхалъ
(Имя ей: Куртавнель); лежитъ она въ области „Бріѣ“,
Близко отъ городишка Розѐ, красоть въ ней немного;
И чтобы слово сдержать, пишу къ вамъ это посланье.
Я, по милости водъ, мной вкушенныхъ обильно, доселѣ
Свѣжъ и здоровъ, что будетъ далѣе—мнѣ неизвѣстно.
Но вотъ горестный фактъ: не раньше 30 іюля
Буду я деньги имѣть... Какъ быть?—Я долженъ вамъ 300!
Знаю, что нужны вамъ деньги... А потому припадаю
Прямо къ стопамъ Шеншина и взываю къ нему съ умиленьемъ:
„Дайте Колбасину злато и все считайте за мною!
Буду я вѣкъ благодаренъ“.—А вы, птенецъ благородный,
Мнѣ напишите два слова о томъ, что творите вы, также подробно
О грозившемъ недугѣ повѣдайте: также ль жестоко
Онъ васъ грызетъ—или началъ слабѣть предъ искусствомъ
Ловкихъ врачей и адскаго кампя? Все мнѣ скажите.
Кланяйтесь всѣмъ и себя берегите. Мизантропіи
Не предавайтесь; не будьте и злымъ самоѣдомъ,
Ниже скептикомъ мрачнымъ... Лучше надѣньте подряспикъ!
Впрочемъ, будьте здоровы; я крѣпко жму вамъ десницу.

Куртавнель, 15 іюля 1859 г.

О, юный Колбасинъ!
Горестью сердце исполнилось вашего друга,
Узнавши
Силу недуга, томящаго васъ. Не огорчайтесь
Слишкомъ и безпрекословно лѣчитесь.
А въ понедѣльникъ увижу васъ въ Аніерѣ—
И возвращу вамъ мой долгъ. Но братъ вашъ суровый

Взвелъ на меня клевету: я не только не думалъ
Васъ обвинять
Въ лишнихъ издержкахъ; я всюду трубилъ о вашемъ богатствѣ:
Анна Семеновна *) твердо увѣрена мною,
Что вы ворочаете огромныя груды червонцевъ,
Спите на діамантахъ (о, неудобное ложе!)...
А потому
Вы клеветѣ сей не вѣрьте и ждите меня въ понедѣльникъ.
Это письмо написано мною
Въ фетовскомъ стилѣ, его же размѣромъ
Пребезобразный размѣръ! а впрочемъ, я пребываю
Искренно преданный вамъ
Тургеневъ Иванъ, сынъ Сергѣя.

Куртавнель, 3 авг. 1859 г.

1.

Милый Колбасинъ!
Вы меня ждали—
(Я полагаю),
Но, къ сожалѣнью
Я васъ надулъ!

2.

Злая холера
Гнусную трусость
Мнѣ по привычкѣ
Въ сердце вдохнула—
Я убѣжалъ!

3.

День лишь единый
Былъ я въ Парижѣ,
Дочь подхвативши,
Прямо далъ тягу
Я въ Куртавнель.

*) Родственница Тургенева.

4.

Здѣсь я пробуду
Двѣ-три недѣли;
Передъ отъѣздомъ
Въ росскія страны
Буду у васъ.

5.

Вы мнѣ скажите:
Что вы? Здоровы ль?
Чище ли снѣга
На Эльборусѣ
Нынѣ вашъ зубъ?

6.

Видѣли праздникъ? *)
Съ русскимъ акцентомъ,
Голосомъ хриплымъ
Вы не кричали:
„Фифъ лампереръ?“

7.

Нѣтъ! я увѣренъ:
Въ знойномъ Аньерѣ
Съ гордымъ величьемъ
Вы просидѣли
Эти два дня.

8.

Кланяюсь низко
Жителямъ дома—
Номеръ четвертый;
Вамъ же я руку
Дружески жму.

*) 15 (3) августа праздновался въ Парижѣ день Наполеоновъ I и III.

Изъ писемъ Тургенева къ Фету *).

Письмо изъ Парижа отъ 31 марта 1864 г.

Покинувъ градъ Петровъ, я въ Баденъ поспѣшилъ
И съ удовольствіемъ тамъ десять дней прожилъ.
На брата посмотрѣть заѣхалъ я во Дрезденъ
(Какъ у Веригиной на насъ съ привѣтомъ лѣзъ День, —
Вы не забыли, чай? Но въ сторону его!).
Я въ Баденѣ, мой другъ, не дѣлалъ ничего,
И то же самое я сдѣлаю въ Парижѣ,
И чувствую, что такъ къ природѣ люди ближе,
И что не нуженъ намъ ни Кантъ, ни Геродотъ,
Чтобъ знать, что устрицы кладутъ не въ носъ, а въ ротъ.
Недѣльки черезъ двѣ лечу я снова въ Баденъ,
Тамъ травка зеленѣй и воздухъ тамъ прохладенъ,
И шепчутъ горъ верхи: „гдѣ Фетъ? гдѣ тотъ поэтъ,
Чей стихъ свѣжѣй икры и сладостнѣй конфетъ?
Достойно насъ воспѣть одинъ онъ въ состояньи“...
Но пребываетъ онъ въ далекомъ разстояньи.

Соборное Посланіе

двумъ **) обитателямъ Степановки отъ смиреннаго Іоанна. 1864 годъ.

Любезнѣйшій Фетъ!

На ваше риѳмованное
И милѣйшее письмо
Отвѣчать стихами
Я не берусь;
Развѣ тѣмъ размѣромъ,
Который съ легкой руки
Гёте и Гейне

*) Аѳ. Аѳ. Шеншину.

**) А. А. Шеншину и В. П. Боткину. Страница письма раздѣлена посерединѣ графою: налѣво—письмо къ первому—написано приведенными стихами, направо, ко второму, прозой; затѣмъ, со словъ: „и всѣ наши просьбы“, графа исчезаетъ и письмо относится уже къ обоимъ вмѣстѣ.

Привился у насъ и сугубо
Процвѣлъ подъ перстами
Поэта, носящаго имя
Фетъ!
Размѣръ этотъ легокъ,
Но и коваренъ:
Какъ разъ по горло
Провалишься въ прозу,
Въ самую скучную прозу;
И сиди въ ней,
Какъ грузныя сани,
Въ весенней зажорѣ!
Ну-съ, какъ-то васъ боги
Хранятъ
На лонѣ обширной
Тарелки,
Посрединѣ которой
Грибомъ крутобокимъ
Степановки милой
Засѣла усадьба?
Надѣюсь, отлично;
Теперь же явился
Къ вамъ оный премудрый
Странникъ и зритель,
Зовомый Васильемъ
Петровичемъ Боткинымъ.
Онъ въ ваши предѣлы
Стремился, какъ рьяный
Конь.
И всѣ наши просьбы,
Наши жаркія убѣжденья
Презрѣлъ; такъ ужасно
Ему захотѣлось
Поѣсть вашихъ пулярокъ
Съ рисомъ и трюфелями,
Которыя запиваются
Шампанскимъ,
Здѣсь, увы! неизвѣстнымъ.

Признаться, не прочь бы
И я побывать тамъ,
Но очень это ужъ далеко.
А я здѣсь остался,
Въ цвѣтущемъ эдемѣ
Баденъ-Бадена,
Въ которомъ, однако,
Вотъ уже болѣе мѣсяца
Царствуетъ противнѣйшій
Холодъ и вѣтеръ;
Льютъ дожди
Съ утра до вечера,
И вообще всякая гадость
И пакость
Совершается на небѣ.
Что-то у васъ?
Но, несмотря на все это,
Я процвѣтаю здоровьемъ;
Только ноги пухнутъ.
. . . . . .
Ноетъ правый вертлюгъ
Отъ ревматизма;
Затылокъ трещитъ
Отъ геморроя,
И глаза плохо видятъ;
Я-жъ, не унывая,
Пью какую-то мерзкую
Воду.
Засимъ прощайте,
Землянику ѣшьте,
Тетеревовъ лупите
И меня поминайте.

Письмо изъ Карлсруэ отъ 18-го февраля 1869 г.

Въ отвѣтъ на возгласъ соловьиный
(Онъ устарѣлъ, но голосистъ)
Шлетъ щуръ сѣдой съ полей чужбины
Хоть хриплый, но привѣтный свистъ.
Эхъ! плохи стали птицы обѣ
И ужъ не поющѣть имъ вновь!
Но движется у каждой въ зобѣ
Все то же сердце, та же кровь...
И знай: едва весна вернется
И заиграетъ жизнь въ лѣсахъ —
Щуръ отряхнется, встрепенется
И въ гости къ соловью махъ-махъ!

Изъ Спасскаго, 8-го іюля 1870 г.

Фетъ, ну, что вашъ Шопенгауэръ?
Пріѣзжайте посмотрѣть,
Какъ умѣетъ русскій Bauer
Кушать, пить, плясать и пѣть!
Въ будущее воскресенье,
Въ Спасскомъ всѣмъ на удивленье
Будетъ заданъ дивный пиръ.
Потѣшайся Мценскій міръ!

Изъ Парижа, 26-го февр. 1872 г., И. С. Тургеневъ писалъ:

„Прочтя ваше изумительное изреченіе, что „я (И. С. Т.) консерваторъ, а вы (А. А. Ф.) радикалъ“, — я воспылалъ лирическимъ паѳосомъ и грянулъ слѣдующими стихами:

Рѣшено! Ура! Виватъ!
Я — Шешковскій, Фетъ — Маратъ!
Я — презрѣнный волтерьянецъ...
Фетъ — возвышенный спартанецъ!
Я — буржуй и доктринеръ...
Фетъ — ре-во-лю-ці-о-неръ!
Въ немъ вся ярость нигилиста
И вся прелесть юмориста!

Графиня Донато.

Начало поэмы.

I.

Былъ свѣтлый, лѣтній день, когда съ охоты знойной
Въ свой замокъ, вдоль рѣки широкой и спокойной,
Графиня ѣхала. Сверкалъ зеленый лугъ
Заманчиво... но ей все надоѣло вдругъ—
Все: рѣзкій звукъ роговъ въ излучинахъ долины,
И сокола полетъ, и цапли жалкій стонъ,
Стальныхъ бубенчиковъ нетерпѣливый звонъ,
И лѣсомъ вѣковымъ покрытыя вершины,
И солнца смѣлый блескъ, и шелестъ вѣтерка...
Могучій сѣрый конь походкой горделивой
Подъ нею выступалъ, подбрасывая гривой,
И умной головой помахивалъ слегка.
Графиня ѣхала, не поднимая взора,
Подъ золотомъ парчи не шевельнется шпора,
Скатилась на сѣдло усталая рука.

II.

Читатель! мы теперь въ Италіи съ тобой,
Въ то время славное, когда владыки Рима
Готовили вѣнецъ творцу Ерусалима,
Вѣнецъ, похищенный завистливой судьбой.
Когда, въ виду дворцовъ высокихъ и надменныхъ,
Въ виду озеръ и рѣкъ прозрачно-голубыхъ,
Подъ безконечный плескъ фонтановъ отдаленныхъ,
Въ садахъ таинственныхъ, и темныхъ, и нѣмыхъ,
Гуляли женщины веселыми роями
И тихо слушали, склонившись головами,
Разсказы о дѣлахъ и чудесахъ былыхъ...
Когда замолкли вдругъ военныя тревоги—
И міра древняго плѣнительные боги
Являлись радостно на вдохновенный зовъ
Влюбленныхъ юношей и пламенныхъ пѣвцовъ.

III.

Графиня ѣхала... Вдали, полузакрытый
Густою зеленью и солнечнымъ лучомъ,
Какъ будто золотомъ расплавленнымъ облитый,
Встаетъ ея дворецъ. За ней на ворономъ
Тяжеломъ жеребцѣ—покрытаго плащомъ,
Мужчину видимъ мы. Чета собакъ проворныхъ
Тѣснится къ лошади. Среди рабовъ покорныхъ
Идетъ сокольничій, суровый и сѣдой;
Но птицы рѣзвыя напрасно бьютъ крылами...
Красивый, стройный пажъ поспѣшными шагами
Бѣжитъ у стремени графини молодой.
Подъ шапкой бархатной, надвинутой на брови,
Его глаза блестятъ; колышутся слегка
На шеѣ локоны; румянцемъ юной крови
На солнцѣ весело горитъ его щека.

IV.

Графиня ѣхала... А въ замкѣ подъ окномъ
Стоялъ ея супругъ и, прислонясь лицомъ
Къ холодному стеклу, глядѣлъ на лугъ широкій.
И былъ то человѣкъ упорный и глубокій:
Слывя задумчивымъ, все наблюдалъ кругомъ,
Не требуя любви, ни отъ кого совѣта
И помощи не ждалъ, чуждался лишнихъ словъ;
Но свѣтлый взоръ его, исполненный привѣта,
Умѣлъ обманывать, умѣлъ ласкать враговъ.
И былъ онъ окруженъ послушными слугами,—
Друзей удерживалъ обильными дарами,
И гнѣвнаго лица его не зналъ никто.
Донато не спѣшилъ и въ мести... Но зато
Во тьмѣ его души созрѣвшія рѣшенья
Напрасно никогда не ждали исполненья...

Филиппо Стродзи.

Въ отчизнѣ Данта, древней, знаменитой,
Въ тотъ самый вѣкъ, когда монахъ нѣмецкій
Противу папы смѣло возставалъ—
Жилъ честный гражданинъ, Филиппо Стродзи.
Онъ былъ богатъ и знатенъ; торговалъ
Со всей Европой, засѣдалъ въ судахъ
И велъ за дѣло правое войну
Съ сосѣдями: не разъ ему ввѣряла
Свою судьбу Тосканская столица.
И былъ онъ справедливъ, и простъ, и кротокъ;
Не соблазнялъ, но покорялъ умомъ
Противниковъ... и зависти враждебной,
Тревожной злобы, низкаго коварства—
Не вѣдалъ прямодушный человѣкъ.
Въ немъ древній римлянинъ воскресъ. Во всѣхъ
Его дѣлахъ, и въ поступи, во взорахъ,
Въ обдуманной медлительности рѣчи
Дышало благородное сознанье—
Сознанье государственнаго мужа.
Не позволялъ онъ называть себя
Почетными названьями. Льстецамъ
Онъ говорилъ: „Меня зовутъ Филиппомъ—
Я сынъ купца“. Любовью безпредѣльной
Любилъ онъ родину, любилъ свободу,
И, вѣрный строгой мудрости Зенона,
Ни смерти не боялся, ни безумно
Не радовался жизни; но безчестно,
Но въ рабствѣ жить не могъ и не хотѣлъ.
И вотъ, когда семейство Медичисовъ,
Людей честолюбивыхъ, пышныхъ, умныхъ,
Уже давно любимое народомъ
(Со времени великаго Козьмы),
Достигло власти наконецъ; когда

Самъ императоръ—Пятый Карлъ—родную
Дочь отдалъ Александру Медичису,—
И сильный силой царственнаго тестя
Законы нагло началъ попирать
Безумный Александръ—возсталъ Филиппъ
И съ жалобой не дерзкой, но достойной
Свободнаго народа, къ вѣнценосцу
Прибѣгъ. Но Карлъ остался непреклоннымъ—
Цари другъ другу всѣ сродни. Тогда
Филиппо Стродзи, видя, что народъ
Молчитъ и терпитъ—и страшась привычки
Разврата рабства—худшаго разврата,
Рукою Лоренцина—погубилъ
Надменнаго владыку. Но минула
Та славная, великая пора,
Когда цвѣли свободные народы
Въ Италіи, божественной странѣ,
И не пугались мысли безначалья,
Какъ дѣти малолѣтнія... Напрасно
Освободилъ Филиппъ родную землю—
Явился новый, грозный притѣснитель,
Другой Козьма. Филиппъ собралъ дружину,
Друзей нашелъ—и преданныхъ и смѣлыхъ—
Но полководцемъ не былъ онъ искуснымъ...
Надѣялся на правоту, на доблесть
И вѣрилъ обѣщаньямъ и словамъ
Не какъ ребенокъ легковѣрный—нѣтъ!
Какъ человѣкъ, быть-можетъ, слишкомъ честный...
Его разбили, взяли въ плѣнъ. Октавій
Разбилъ же Брута нѣкогда. Какъ муху
Паукъ—медлительно терзалъ Филиппа
Лукавый побѣдитель. Вотъ однажды
Сидѣлъ несчастный послѣ тяжкой пытки
Передъ окномъ и радовался втайнѣ:
Онъ выдержалъ неслыханныя муки
И никого не выдалъ палачамъ.
Сквозь черную рѣшетку падалъ ровный,
Широкій лучъ на блѣдное лицо,

На рубище кровавое, на раны
Страдальца. Слышался вдали безпечный,
Веселый говоръ празднаго народа...
Въ окошко мухи быстро залетали,
И съ вышины томительно далекой —
Прозрачной, свѣтлой вѣяло весной.
Съ усильемъ поднялъ голову Филиппо:
И вспомнилъ онъ любимую жену,
Дѣтей-сиротокъ, собственное дѣтство...
И молодость, и первыя желанья,
И первыя полезныя дѣла,
И всю простую, праведную жизнь
Свою тогда припомнилъ онъ. И вотъ,
Куда попалъ онъ наконецъ! Надеждамъ,
Напраснымъ онъ не предавался... Казнь,
Мучительная казнь его ждала... Сомнѣнье
Невыразимо-горькое внезапно
Наполнило возвышенную душу
Филиппа; сердце въ немъ отяжелѣло
И выступили слезы на глаза.
Молиться захотѣлъ онъ, возмутилось
Въ немъ чувство справедливости... Безмолвно
Израненныя, скованныя руки
Онъ поднялъ, показалъ ихъ молча небу,
И безъ негодованья, съ безконечной
Печалью, произнесъ онъ: гдѣ же правда?
И ропотомъ угрюмымъ отозвался
Филиппу низкій сводъ его тюрьмы...
Но долго бы пришлось еще терзаться
Филиппу, если бъ старый, честный сторожъ,
Достойный понимать его величье,
Однажды, послѣ выхода судьи,
Не положилъ бы молча на порогѣ
Кинжала... Понялъ сторожа Филиппъ,—
И также молча, медленнымъ поклономъ
Благодарилъ заботливаго друга.
Но прежде чѣмъ себѣ нанесъ онъ рану
Смертельную, на каменной стѣнѣ

Кинжаломъ стихъ латинской эпопеи
Онъ начерталъ: „Когда-нибудь возстанетъ
Изъ праха нашего желанный мститель!“
Послѣдняя, напрасная надежда!
Филипповъ сынъ погибъ въ землѣ чужой—
На службѣ короля чужого; внукъ
Филиппа заживо былъ кинутъ въ море,
И родъ его пресѣкся. Медичисы
Владѣли долго родиной Филиппа,
Охотно покорялись имъ потомки
Филипповыхъ согражданъ и друзей...

О, наша матерь—вѣчная земля!
Ты поглощаешь такъ же равнодушно
И потъ, и слезы, кровь дѣтей твоихъ,
Пролитую за праведное дѣло,
Какъ утреннія капельки росы!
И ты, живой, подвижный, звучный воздухъ—
Ты такъ же переносишь равнодушно
Послѣдній вздохъ, послѣднія молитвы,
Послѣднія предсмертныя проклятья,
Какъ пѣсенку пастушки молодой...
А ты, неблагодарная толпа,
Ты забываешь такъ же беззаботно
Людей, погибшихъ честно за тебя,
Какъ позабудутъ и твои потомки
Твои нѣмыя, тяжкія страданья,
Твои нетерпѣливыя волненья
И всѣ побѣды громкія твои!
Блаженъ же тотъ, кому судьба смѣется!
Блаженъ, кто счастливъ, силенъ и неправъ!!!

Дверь отворилась... и вошелъ Козьма.

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕВЯТАГО ТОМА:

стр.

Клара Миличъ.—Повѣсть 3

Стихотворенія въ прозѣ:

Отъ редакціи „Вѣстника Европы“ 64
1. Деревня. 66
2. Разговоръ. 68
3. Старуха. 69
3. Собака. 71
5. Соперникъ. 71
6. Нищій. 72
7. „Услышишь судъ глупца“ 73
8. Довольный человѣкъ 74
9. Житейское правило. 75
10. Конецъ свѣта. Сонъ 75
11. Маша. 77
12. Дуракъ. 78
13. Восточная легенда. 80
14. Два четверостишія. 82
15. Воробей. 84
16. Черенья. 85
17. Чернорабочій и бѣлоручка. 86
18. Роза. 87
19. Памяти Ю. П. Вревской. 88
20. Послѣднее свиданье. 89

стр.
21. Посѣщеніе 90
22. Necessitas — Vis — Libertas. 91
23. Милостыня. 92
24. Насѣкомое. 93
25. Щи 94
26. Лазурное царство.. 95
27. Два богача. 96
28. Старикъ. 97
29. Корреспондентъ. 97
30. Два брата. 98
31. Эгоистъ 99
32. Пиръ у Верховнаго существа. 100
33. Сфинксъ. 101
34. Нимфы. 102
35. Врагъ и другъ. 104
36. Христосъ. 105
37. Камень.. 106
38. Голуби. 106
39. Завтра! Завтра! 108
40. Природа. 108
41. „Повѣсить его!“ 109
42. Что я буду думать?. 111
43. „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“. 112
44. Морское плаваніе 113
45. Н. Н. 114
46. Стой!. 115
47. Монахъ. 116
48. Мы еще повоюемъ! 116
49. Молитва. 117
50. Русскій языкъ. 117

Стихотворенія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Поэмы.

стр.

Параша. 121
Разговоръ 149
Помѣщикъ. 173
Андрей. 194

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мелкія стихотворенія.

Вечеръ 237
Къ Венерѣ Медицейской 238
Старый помѣщикъ 240
Баллада. 242
Похищеніе 243
Замѣтила ли ты? 245
Конецъ жизни 245
Нева. 246
*** 248
Человѣкъ, какихъ много 249
Толпа. 250
Когда давно забытое названье. 251
Весенній вечеръ 251
Цвѣтокъ. 252
Для недолгаго свиданья. 253
Осень 254
Гроза промчалась. 254
Ѳедя 255
Къ А. С. 256
Въ ночь лѣтнюю 257
Къ ***. 258
Откуда вѣетъ тишиной. 258
Призваніе. 259
В. Н. Б.. 261
Варіаціи:
I. Когда такъ радостно 262
II. Ахъ, давно-ли гуляли я съ тобой 262
III. Въ дорогѣ 263

стр.
Брожу надъ озеромъ. 264
Къ чему твержу я стихъ унылый 264
Деревня 264
На охотѣ—лѣтомъ 265
Безлунная ночь. 266
Дѣдъ 267
Гроза 268
Другая ночь. 269
Кроткіе льются лучи 269
Передъ охотой. 270
Первый снѣгъ 271
Одинъ, опять одинъ я 271
Крокетъ въ Виндзорѣ 273
Милый другъ 274

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Переводы.

Тьма. Изъ Байрона 279
Римская элегія. Изъ Гете. 282
Послѣдняя сцена первой части „Фауста“ Гете. 284
Не ждете-ль вы, что назову я. Изъ А. Мюссе. 293

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Эпиграммы, письма, неоконченныя стихотворенія.

Эпиграммы: Дружинину, Кетчеру, Никитенко, Кудрявцеву, Достоевскому 297
Изъ писемъ къ Е. Я. Колбасину, В. П. Боткину и Фету. . 298
Графиня Донато. (Начало поэмы). 306
Филиппо Стродзи 308

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" за 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Издавая въ первый разъ собраніе моихъ «Сценъ и Комедій», я считаю долгомъ оговориться передъ читателями.

Не признавая въ себѣ драматическаго таланта, я бы не уступилъ однѣмъ просьбамъ г-дъ издателей, желавшихъ напечатать мои сочиненія въ возможной полнотѣ, если бъ я не думалъ, что пьесы мои, неудовлетворительныя на сценѣ, могутъ представить нѣкоторый интересъ въ чтеніи. Я, быть-можетъ, ошибаюсь и въ этомъ; пусть судитъ публика.

Позволяю себѣ замѣтить, что «Мѣсяцъ въ деревнѣ» является теперь въ первобытномъ видѣ. Я поставилъ-было себѣ въ этой комедіи довольно сложную психологическую задачу; но тогдашняя цензура, принудивъ меня выкинуть мужа и превратить его жену во вдову,—совершенно исказила мои намѣренія.

Не могу также не упомянуть съ чувствомъ глубокой благодарности, что геніальный Мартыновъ удостоилъ

играть въ четырехъ изъ этихъ пьесъ и, между прочимъ, передъ самымъ концомъ своей блестящей, слишкомъ рано прерванной карьеры, превратилъ, силою великаго дарованія, блѣдную фигуру «Мошкина» (въ «Холостякѣ») въ живое и трогательное лицо.

Ив. Тургеневъ.

Парижъ. - 1879

НЕОСТОРОЖНОСТЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Донъ Бальтазаръ д'Эстуризъ—55 лѣтъ.
Донья Долоресъ, жена его—27 лѣтъ.
Донъ Пабло Сангре, другъ его—40 лѣтъ.
Донъ Рафаэль де-Луна—30 лѣтъ.
Маргарита, служанка—59 лѣтъ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ улицу передъ загороднымъ домомъ **донъ Бальтазара.** Направо отъ дома тянется каменная ограда. Домъ двуэтажный съ балкономъ; подъ балкономъ растетъ нѣсколько оливъ и лавровъ. На балконѣ сидитъ **донья Долоресъ.**

Донья Долоресъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Однако, мнѣ очень скучно.—Мнѣ нечего читать, я не умѣю шить по канвѣ, не смѣю выйти изъ дому. Что же мнѣ дѣлать одной? Идти въ садъ? Ни за что! Мнѣ мой садъ ужасно надоѣлъ. Да, сверхъ того, что за удовольствіе вспоминать: вотъ тутъ-то мой мужъ меня бранилъ; вотъ тутъ-то запретилъ днемъ подходить къ окошку; вотъ подъ этимъ-то деревомъ онъ объяснялся мнѣ въ любви... (*Со вздохомъ*) Ахъ, это хуже всего!.. (*Задумы-*

вается и чрезъ нѣсколько времени начинаетъ напѣвать пѣсню) Тра-ла-ла-ла-тра!.. Вотъ наша сосѣдка идетъ... А какой прекрасный вечеръ, какой душистый воздухъ... какъ бы хорошо гулять теперь на Прадо съ какимъ-нибудь любезнымъ, учтивымъ молодымъ человѣкомъ!.. Какъ должно быть пріятно слышать голосъ почтительный, нѣжный, не такой дряхлый и хриплый, какъ у моего му... (*Она боязливо оглядывается.*) Я бы вернулась съ нимъ домой; онъ бы откланялся и, можетъ-быть, попросилъ бы позволенія поцѣловать мою руку,—и я, не снимая перчатки, подала бы ему—вотъ такъ—самые кончики пальцевъ... Какъ эти тучи хороши!.. Я сегодня скучаю больше обыкновеннаго, сама не знаю, отчего... Право, мнѣ кажется, если бъ мой мужъ хорошо одѣвался, если бъ носилъ шляпу съ большимъ бѣлымъ перомъ и бархатный плащикъ, и шпоры, и шпагу... право, я бы его полюбила, хотя, по совѣсти сказать, онъ ужасно толстъ и старъ... А то, всегда ходитъ въ черномъ, поношенномъ камзолѣ, и вѣчно одну и ту же шляпу носитъ—съ тѣмъ же полинялымъ краснымъ перомъ. (*Задумывается.*) Ахъ, ужъ и я не совсѣмъ молода... мнѣ скоро двадцать-семь лѣтъ; вотъ уже седьмой годъ я замужемъ, а что моя за жизнь?.. Отчего со мной никогда не случалось никакихъ необыкновенныхъ происшествій? Во всемъ околоткѣ слыву я за примѣрную супругу... да что мнѣ въ томъ? Ай, прости Господи, я, кажется, грѣшу... Да что въ голову не взойдетъ, когда скучаешь? Неужто же вся жизнь моя пройдетъ все такъ же, да такъ же? Неужто же каждое утро я буду снимать колпакъ съ головы моего мужа и каждое утро получать за эту услугу нѣжный поцѣлуй?.. неужто же каждый вечеръ буду я видѣть этого несноснаго, ненавистнаго Сангре?.. неужто же Маргарита вѣчно за мною будетъ присматривать?.. Сохрани Богъ, мнѣ страшно! Слава Богу, она ушла и хоть на часокъ оставила меня въ покоѣ... Вѣдь я чувствую, что я добродѣтельна... вѣдь я чувствую, что ни за что... нѣтъ, ни за что въ мірѣ не измѣню своему мужу... Такъ для чего бы, кажется, не позволить мнѣ, хоть изрѣдка, видаться съ людьми?.. И

книги-то мнѣ даютъ все прескучныя, старыя, тяжелыя... Только разъ въ жизни, помнится, еще въ монастырѣ, попалась мнѣ книжечка... ахъ, прекрасная книжечка, романъ въ письмахъ: одинъ молодой человѣкъ пишетъ своей любезной, сперва просто, потомъ въ стихахъ... а она ему отвѣчаетъ... Я эти стихи наизусть выучила... Боже мой! если бъ я получила такое письмо... Да гдѣ! Мы живемъ въ такой глуши... Вотъ, если бъ кто зашелъ въ нашу сторону...

Донъ Рафаэль (*быстро выходя изъ-подъ балкона*).

Что бы вы сдѣлали, прекрасная сеньйора?

(*Донья Долоресъ вскакиваетъ въ испугѣ и остается неподвижной.*)

Донъ Рафаэль (*низко кланяясь*).

Сеньйора, вашъ смиренный и почтительный обожатель ждетъ вашего отвѣта.

Донья Долоресъ (*прерывающимся голосомъ*).

Какъ... обожатель... Я васъ вижу въ первый разъ.

Донъ Рафаэль (*про себя*).

И я тоже.—(*Громко*) Сеньйора... я давно васъ люблю... что я говорю: люблю! я страстно, я отчаянно въ васъ влюбленъ... Вы меня не замѣчали; но я самъ всячески старался не быть замѣченнымъ вами... Я боялся навлечь на себя и на васъ подозрѣніе вашего супруга.

(*Донья Долоресъ хочетъ уйти.*)

Донъ Рафаэль (*съ отчаяніемъ*).

Вы хотите уйти?.. А сами сейчасъ жаловались на одиночество, на скуку... Да помилуйте, если вы станете избѣгать всякаго знакомства, какъ же вы хотите избавиться отъ скуки? Правда, наше знакомство началось довольно страннымъ образомъ... что за бѣда! Вотъ, я увѣренъ, съ вашимъ супругомъ вы познакомились самымъ обыкновеннымъ образомъ...

Донья Долоресъ.

Я, право, не знаю...

Донъ Рафаэль (*умоляющимъ голосомъ*).

Ахъ останьтесь, останьтесь... Если бъ вы знали... (*Онъ вздыхаетъ.*)

Донья Долоресъ.

Но гдѣ же могли вы меня видѣть?..

Донъ Рафаэль (*вполголоса*).

О, невинная голубка!—(*Громко*) Гдѣ? Вы спрашиваете, гдѣ? Здѣсь... и не только здѣсь, но даже... тамъ (*показывая на домъ*), тамъ... (*Про себя*) Надобно ее удивить...

Донья Долоресъ.

Не можетъ быть!..

Донъ Рафаэль.

Послушайте. Вы меня не знаете. Вы не знаете, какими опасностями я пренебрегалъ, какъ часто я жертвовалъ честью, жизнію, — и все для того, чтобъ хоть изрѣдка, хоть издали, увидѣть васъ, услышать голосъ вашъ... или... (*понизивъ голосъ*) любоваться, мучительно любоваться вашимъ безмятежнымъ сномъ. (*Про себя*) Браво!

Донья Долоресъ.

Вы меня пугаете... (*Вздрагивая*) Ахъ, Боже мой, мнѣ кажется, я слышу голосъ Маргариты... (*Хочетъ уйти.*)

Донъ Рафаэль.

Не уходите, прекрасная сеньйора, не уходите... Вашего мужа нѣтъ дома?

Донья Долоресъ.

Но...

Донъ Рафаэль.

Вообразите себѣ, что вы однимъ вашимъ присутствіемъ даруете другому человѣку, то-есть мнѣ такое блаженство, какое... словомъ—высочайшее блаженство... Не будьте же жестоки, останьтесь, умоляю васъ.

Донья Долоресъ.

Но, помилуйте, могутъ подумать...

Донъ Рафаэль.

Что же могутъ подумать? Развѣ это не улица? Развѣ не всѣмъ позволено ходить по этой улицѣ? Я прохожу мимо... (*идетъ*) и вздумалъ вернуться (*возвращается*). Что же тутъ предосудительнаго... или подозрительнаго? Мнѣ это мѣсто понравилось... А вы... вы сидите на балконѣ... Вамъ пріятно сидѣть на воздухѣ... Кто бы вамъ запре-

тилъ сидѣть на вашемъ балконѣ?.. Вы не подымаете глазъ—вы задумались... Вы не обращаете ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлается на улицѣ... Я васъ не прошу говорить со мной, хотя чрезвычайно благодаренъ вамъ за вашу снисходительность... Вы будете сидѣть, а я буду ходить и смотрѣть на васъ... (*Начинаетъ ходить взадъ и впередъ.*)

Донья Долоресъ (*вполголоса*).

Боже мой!.. что со мной дѣлается... Голова горитъ, я едва дышу... Я никакъ не ожидала такого происшествія...

Донъ Рафаэль (*тихо напѣваетъ пѣсенку*).

Любви, любви я не дождусь,
А безъ любви я умираю...
Я умираю, я томлюсь,
Томлюсь, сгораю—
И не дождусь, и не дождусь.

Донья Долоресъ (*слабымъ голосомъ*).

Сеньйоръ...

Донъ Рафаэль.

Сеньйора?

Донья Долоресъ.

Право, мнѣ кажется, вамъ бы лучше уйти... Мой мужъ, донъ Бальтазаръ, очень ревнивъ... притомъ, я люблю моего мужа...

Донъ Рафаэль.

О, я не сомнѣваюсь!

Донья Долоресъ.

Не сомнѣваетесь?

Донъ Рафаэль.

Вы, кажется, сказали, что вы боитесь вашего мужа...

Донья Долоресъ (*въ замѣшательствѣ*).

Я?.. вы меня не... Но я здѣсь не одна... Старуха Маргарита презлая...

(*Изъ окна верхняго этажа осторожно выказывается голова Маргариты.*)

Донъ Рафаэль.

Я ея не боюсь...

Донья Долоресъ.

Садовникъ Пепе пресильный...

Донъ Рафаэль (*съ нѣкоторымъ безпокойствомъ*).

Пресильный? (*Взглянувъ на свою шпагу*) И его я не боюсь.

Донья Долоресъ.

Мой мужъ сейчасъ вернется...

Донъ Рафаэль.

Мы его пропустимъ... Притомъ, не забудьте, въ случаѣ опасности, вы въ одно мгновенье можете скрыться.

Донья Долоресъ.

Ночь на дворѣ...

Донъ Рафаэль.

Ночь... ахъ, ночь! божественная ночь! Вы любите ночь? Я прихожу въ восторгъ отъ одного слова „ночь"...

Донья Долоресъ.

Тише, ради Бога...

Донъ Рафаэль.

Извольте; я говорить не стану... но пѣть позволяется всякому человѣку на улицѣ. Вы услышите пѣсенку пріятеля моего, поэта, севильскаго... студента. (*Онъ ходитъ по улицѣ и поетъ не слишкомъ громко.*)

Для недолгаго свиданья,
Передъ утромъ, при лунѣ,
Для безмолвнаго лобзанья
Ты придти велѣла мнѣ...

У стѣны твоей высокой,
Подъ завѣшаннымъ окномъ,
Я стою въ тѣни широкой,
Весь окутанный плащомъ...

Звѣзды блещутъ... страстью дивной
Дышитъ голосъ соловья...
Выйдь... о, выйдь на звукъ призывной,
Появись, звѣзда моя!

Сколько бъ мы потомъ ни жили—
Я хочу, чтобъ мы съ тобой
До могилы не забыли
Этой ночи огневой...

И легко, и торопливо,
Словно призракъ, чуть дыша,
Озираясь боязливо,
Ты сойдешь ко мнѣ, душа!

Безконечно торжествуя,
Устремлюсь я на крыльцо,
На колѣни упаду я,
Посмотрю тебѣ въ лицо.

И затихнетъ робкій трепетъ,
И пройдетъ послѣдній страхъ...
И замретъ твой дѣтскій лепетъ
На предавшихся губахъ...

Иль ты спишь, сложивши руки,
И не помнишь обо мнѣ—
И напрасно льются звуки
Въ благовонной тишинѣ?..

Донья Долоресъ (*вполголоса*).

Я должна уйти... и не могу... Чѣмъ это все кончится? *(Оглядывается.)* Никто насъ не видитъ, не слышитъ... С-стъ... (*Донъ Рафаэль быстро подходитъ къ балкону.*) Послушайте, сеньйоръ; вы увѣрены, что я честная женщина?.. (*Донъ Рафаэль низко кланяется.*) Вы не придадите мгновенной необдуманности... шалости... другого, невозможнаго... вы понимаете меня — невозможнаго значенія?...

Донъ Рафаэль (*про себя*).

Это что?

Донья Долоресъ.

Я думаю, вы сами знаете, всякая шалость только тѣмъ и хороша, что скоро кончается... Мы, кажется, довольно пошалили. Желаю вамъ покойной ночи.

Донъ Рафаэль.

Покойной, вамъ легко сказать!

Донья Долоресъ.

Я увѣрена, что вы будете спать прекрасно... Но если вы хотите... (*съ замѣшательствомъ*) въ другой разъ...

Донъ Рафаэль (*про себя*).

А-га!

Донья Долоресъ.

Совѣтую вамъ не приходить сюда, потому что васъ непремѣнно увидятъ... Я и такъ удивляюсь, что васъ до сихъ поръ никто не увидѣлъ... (*Маргарита улыбается.*) Если бъ вы знали, какъ я дрожу... (*Донъ Рафаэль вздыхаетъ.*) Приходите по воскресеньямъ въ монастырь... я тамъ бываю иногда—съ мужемъ...

Донъ Рафаэль (*въ сторону*).

Покорный слуга,—мнѣ не шестнадцать лѣтъ... (*Громко*) Сеньйора, вы меня еще не знаете. Вотъ что я намѣренъ сдѣлать... Я намѣренъ встать на этотъ камень (*онъ дѣлаетъ все, что говоритъ*), схватиться за этотъ заборъ...

Донья Долоресъ (*съ ужасомъ, едва не крича*)

Помилуйте, что вы дѣлаете!

Донъ Рафаэль (*очень хладнокровно*).

Если вы станете кричать, сеньйора, люди сбѣгутся,—меня схватятъ, можетъ-быть, убьютъ... И вы будете причиной моей смерти. (*Взлѣзаетъ на заборъ.*)

Донья Долоресъ (*съ возрастающимъ ужасомъ*).

Зачѣмъ вы взлѣзли на заборъ?

Донъ Рафаэль.

Зачѣмъ? Я пойду въ вашъ садъ... Я буду искать слѣды вашихъ ножекъ на пескѣ дорожекъ. (*Про себя*) Ба! я говорю стихами... (*Громко*) Сорву на память одинъ цвѣтокъ... Однако, прощайте—то-есть, до свиданія... Ужасно неловко сидѣть верхомъ на заборѣ... (*Въ сторону*) На дворѣ никого нѣтъ—пущусь! (*Соскакиваетъ съ забора.*)

Донья Долоресъ.

Да онъ сумасшедшій!.. Онъ на дворѣ, бѣжитъ въ садъ... стучится въ дверь. Ахъ, я пропала, пропала! Пойду, запрусь въ своей комнатѣ... авось, его не увидятъ... Нѣтъ, рѣшительно отказываюсь отъ всякихъ необыкновенныхъ приключеній... (*Уходитъ; голова Маргариты скрывается. Черезъ нѣсколько времени входитъ донъ Бальтазаръ.*)

Донъ Бальтазаръ.

А пріятно погулять вечеркомъ... Вотъ, я и домой при-

шелъ. Пора... пора — я загулялся, — я думаю, теперь часовъ десять... зато, какъ я славно отдохну! А дома меня ждетъ моя милая, безцѣнная, несравненная... Пріятно, ей-Богу, пріятно. Я никогда не любилъ наслаждаться кой-какъ... Къ чему? Времени, слава Богу, много... жизнь долга: къ чему спѣшить? Я и въ дѣтствѣ не любилъ торопиться... Помнится, когда мнѣ давали сочную, спѣлую грушу, я никогда не съѣдалъ ея разомъ, какъ иной дуракъ, повѣса какой-нибудь... нѣтъ, пойду, бывало, сяду, выпу грушу потихоньку изъ кармана, осмотрю ее со всѣхъ сторонъ, поцѣлую, поглажу, прижму къ губамъ, опять отниму — любуюсь издали, любуюсь вблизи, и, наконецъ, зажмуривъ глазки, и укушу! Ахъ, мнѣ бы слѣдовало быть кошкой! Такъ и теперь... Вотъ, я бы могъ сейчасъ войти къ женѣ, къ моей милой, молоденькой женкѣ; къ чему? подождемъ немного. Я знаю, она въ сохранности, въ цѣлости... За ней смотритъ и Маргарита, и Пепе смотритъ... Да какъ за ней и не смотрѣть, за моей душенькой-голубушкой?.. А Сангре! вотъ-то другъ истинный, вотъ-то кладъ неоцѣнимый! Говорятъ: дружбы нѣтъ на свѣтѣ — вздоръ! пустяки! Напримѣръ, я, — я трусливаго нрава, что дѣлать! сознаюсь... и хоть я и злюсь на этихъ нахаловъ, вертопраховъ, которые даже въ церкви всякой порядочной женщинѣ нагло заглядываютъ въ лицо, но, скрѣпя сердце, молчу, терплю... А мой Пабло... о, мой Пабло! посмѣй-ка при немъ кто-нибудь лишній разъ взглянуть на мою Долориту... И все изъ дружбы! Я сперва было думалъ (*смѣется*) — подлинно, говорятъ, старые мужья преревнивые люди — я было думалъ, что Сангре самъ... (*смѣется еще громче*). Но теперь я совершенно спокоенъ... Вѣдь онъ съ ней словечка не промолвитъ, не взглянетъ на нее... все сидитъ нахмурившись... а она его боится, Боже мой, какъ боится! Ужъ я ему говорю: „Пабло, послушай, будь же поласковѣе, Пабло“, — а онъ мнѣ: „будь ты ласковъ, твое дѣло... ты старъ, тебѣ надо брать любезностью... я угрюмъ... тѣмъ лучше... я угрюмъ, — ты веселъ; я полынь, — ты медъ“. Онъ иногда мнѣ говоритъ горькія истины, мой Пабло;

оттого, что искренно ко мнѣ привязанъ... рѣдкій человѣкъ!.. Однако жъ, пора... (*Онъ оборачивается, — передъ нимъ стоитъ Маргарита.*) А, здравствуй... здравствуй, Маргарита!.. Что? госпожа здорова? Вотъ я и вернулся. Возьми-ка мою палку...

Маргарита.

Сеньоръ донъ Бальтазаръ д'Эстуризъ!

Донъ Бальтазаръ.

Ну?

Маргарита.

Господинъ мой, сеньйоръ!

Донъ Бальтазаръ.

Съ ума ты сошла, что ли? Что тебѣ надобно?

Маргарита.

Въ вашъ домъ забрался молодой человѣкъ, донъ Бальтазаръ.

Донъ Бальтазаръ.

Какъ?.. Стой... держи... трррррр... молодой человѣкъ... Врешь, старуха!..

Маргарита.

Молодой, красивый незнакомецъ въ голубомъ плащѣ, съ бѣлымъ перомъ.

Донъ Бальтазаръ (*задыхаясь*).

Бѣлый человѣкъ... въ плащѣ... съ незнакомымъ перомъ... (*Схватываетъ ее за руку*) Гдѣ? какъ?.. нѣтъ, постой, погоди... кричи, кричи!.. (*Она хочетъ кричать, онъ зажимаетъ ей ротъ*) Нѣтъ, не кричи... Бѣги... куда? Сангре! гдѣ Сангре? Какъ? У меня въ домѣ... Поддержи меня, Маргарита... я, кажется, умираю...

(*Сангре входитъ.*)

Донъ Пабло.

Это что значитъ? Бальтазаръ...

Донъ Бальтазаръ (*вскакивая и обнимая его*).

Это ты, ты, мой спаситель, отецъ... Сангре, спаси, заступись... скорѣй... Поймай его, поймай... Вообрази себѣ... (*Къ Маргаритѣ*) Да какъ онъ забрался, а? Отчего ты

не кричала, а? Ты сама съ ними въ заговорѣ, старая вѣдьма...

Маргарита (*шопотомъ*).

Перестаньте кричать; онъ васъ услышитъ. (*Къ Сангре*) Вотъ въ чемъ дѣло... Только-что ушелъ донъ Бальтазаръ, я-было собралась сходить къ своей теткѣ: говорятъ, она умираетъ. Не знаю, зачѣмъ-то я замѣшкалась у себя въ комнатѣ... вдругъ, слышу, кто-то говоритъ на улицѣ, потомъ запѣлъ довольно громко... Я знала, что донья Долоресъ сидитъ на балконѣ... Я подошла къ окну, и увидѣла передъ нашимъ домомъ молодого человѣка (*взглянувъ насмѣшливо на донъ Бальтазара*) очень пріятной наружности. Онъ расхаживалъ, останавливался, разговаривалъ съ доньей Долоресъ довольно нѣжно; потомъ, кажется, съ ея согласія, перелѣзъ черезъ заборъ и пробрался въ садъ; донья Долоресъ пошла къ себѣ... Я тотчасъ же заперла комнату госпожи, заперла калитку въ садъ и ни слова не сказала Пепе. Теперь извольте распоряжаться, какъ знаете.

Донъ Пабло (*вспыхнувъ и сквозь зубы*).

И такъ, она... (*Схватываетъ руку донъ Бальтазара*) Любезный другъ мой, успокойтесь... тотчасъ, вотъ такъ, мы все дѣло поправимъ. Тебя, Маргарита, я бы охотно произвелъ въ полковники — не теряешь головы; за то люблю. Заперла обоихъ... браво, позволь мнѣ тебя обнять... Послушайте, друзья: станемте разговаривать смирно, тихо, безъ лишнихъ тѣлодвиженій... какъ будто мы говоримъ о какомъ-нибудь хозяйственномъ распоряженіи.

Донъ Бальтазаръ.

Да помилуйте...

Донъ Пабло.

Бальтазаръ... во-первыхъ, успокойся, а во-вторыхъ, спрячь свое лицо... Ты такъ блѣденъ и такъ встревоженъ, что они тотчасъ догадаются, о чемъ мы говоримъ...

Донъ Бальтазаръ.

Они...

Донъ Пабло.

Ну, да... онъ и она... Богъ ихъ знаетъ, можетъ-быть,

они какъ-нибудь насъ видятъ... Однако ты, Маргарита, точно заперла дверь?.. (*Маргарита утвердительно киваетъ головой.*)

Донъ Пабло.

И она не безпокоилась?

Маргарита.

Не въ первый разъ я ее запираю...

Донъ Пабло.

А онъ запертъ въ саду?

Маргарита.

Да.

Донъ Пабло.

Скажи, пожалуйста, любезная Маргарита, комната доньи Долоресъ окнами на дворъ что ли, или въ садъ... въ садъ, помнится?..

Маргарита.

Въ садъ... да до нихъ высоко.

Донъ Пабло.

Прекрасно... все прекрасно... Они насъ видѣть не могутъ...

Донъ Бальтазаръ.

Однако, и ты блѣденъ, Пабло...

Донъ Пабло.

Будто?.. Маргарита, вели-ка тотчасъ Пепе спустить собакъ... да вели ему стать у воротъ съ дубиной... слышишь? Да поднеси ему вина — крѣпкаго, хорошаго, стараго вина... Ступай. (*Маргарита хочетъ уйти.*) Послушай, неужели донья Долоресъ говорила съ нимъ?.. (*Маргарита киваетъ головой.*) Хорошо, ступай. (*Маргарита уходитъ.*) А пріятно изрѣдка расшевелить кровь—а? Какъ ты думаешь, дружище? Сядемъ-ка на скамейку, милый Бальтазаръ, и потолкуемъ о планѣ сраженія... (*Они садятся.*) Какъ темно стало!.. Какъ весело сидѣть въ темнотѣ и думать, съ наслажденіемъ думать о мести!..

Донъ Бальтазаръ.

Но... можетъ-быть, Долоресъ не виновата?

Донъ Пабло.

Ты думаешь?

Донъ Бальтазаръ.

Онъ, можетъ-быть, противъ ея воли перелѣзъ черезъ заборъ...

Донъ Пабло.

А зачѣмъ же она не звала на помощь? Зачѣмъ не кричала? Зачѣмъ она разговаривала съ нимъ, съ незнакомымъ человѣкомъ?

Донъ Бальтазаръ.

Измѣнница!

Донъ Пабло.

Впрочемъ, мы все дѣло разберемъ, какъ слѣдуетъ, любезный Бальтазаръ. Мы любимъ правосудіе. Итакъ, во-первыхъ, непріятель уйти не можетъ: большое утѣшеніе! Весь садъ обнесенъ такимъ высокимъ заборомъ...

Донъ Бальтазаръ.

По твоей милости, милый Пабло.

Донъ Пабло.

По твоей милости, какъ ты говоришь, милый Бальтазаръ. Съ какимъ наслажденіемъ вбивалъ я каждый колъ! Но дѣло не въ томъ. Наша крѣпость въ исправности; врагъ у насъ въ рукахъ. Правда, есть одно слабое мѣсто: ограда возлѣ воротъ не довольно высока; но Пепе малый славный, и собаки у него знатныя... Завтрашній же день, если понадобится, велю и стѣну повысить, и крючья вбить...

Донъ Бальтазаръ.

Если понадобится?! Навѣрное понадобится!

Донъ Пабло.

Ну, это мы увидимъ... Итакъ, повторяю, врагъ у насъ въ рукахъ... *(Со вздохомъ)* Бѣдный! онъ не зналъ, въ какую западню лѣзъ!

Донъ Бальтазаръ.

Что мы съ нимъ сдѣлаемъ?

Донъ Пабло.

Донъ Бальтазаръ д'Эстуризъ, другъ мой, извольте предложить ваше мнѣніе. Мы васъ слушаемъ.

Донъ Бальтазаръ.

Я полагаю... схватить его, да и по... развѣ... дать...

(*Дѣлая руками весьма рѣшительныя движенія.*) Зачѣмъ онъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости? Ну, а потомъ попросить Пепе... Ты понимаешь?

Донъ Пабло.

Да и зарыть его гдѣ-нибудь у перекрестка?

Донъ Бальтазаръ.

Что ты! живого человѣка... то-есть, не совсѣмъ живого, да и не мертваго.—Боже сохрани!

Донъ Пабло.

Я васъ понимаю, донъ Бальтазаръ. Фи! какъ неблагородно вы изволите мыслить!

Донъ Бальтазаръ.

А вы какого мнѣнія, почтеннѣйшій Сангре?

Донъ Пабло.

Я? А вотъ, узнаете на дѣлѣ. Позвольте мнѣ достать мой фонарчикъ... Что за нелѣпость! у меня руки дрожатъ, какъ у старика... Милый Бальтазаръ! вы никогда не бывали на птичьей охотѣ? не ставили силковъ? не разстилали сѣтей?

Донъ Бальтазаръ.

Бывалъ, бывалъ; да что...

Донъ Пабло.

А! бывали! Не правда ли, какъ пріятно притаиться и ждать, долго ждать? Вотъ, птички, красивыя, веселыя птички, начинаютъ понемногу слетаться; сперва дичатся, робѣютъ; потомъ начинаютъ поклевывать кормъ вашъ, вашъ собственный кормъ; наконецъ, совершенно успокоятся и ужъ посвистываютъ, да такъ мило, такъ беззаботно!.. Вы протягиваете руку, дергаете веревочку: хлопъ! сѣть упала—всѣ птицы ваши; вамъ только остается придавить имъ головки — пріятное удовольствіе! Пойдемъ, Бальтазаръ! Сѣти разставлены, птицы слетѣлись; пойдемъ, пойдемъ! (*Подходя къ дому онъ останавливается.*) Посмотри, Бальтазаръ, что за пасмурный видъ у твоего дома! Ни въ одномъ окошечкѣ не видно свѣта; все тихо; дверь на балконъ полураскрыта... Право, иной чудакъ, пожалуй, подумаетъ, что въ этомъ домѣ совершается—или должно

совершиться—преступленіе... Что за вздоръ! Здѣсь живутъ люди скромные, тихіе, степенные... (*Они оба осторожно входятъ въ домъ.*)

СЦЕНА II.

Садъ.

Донъ Рафаэль (*одинъ*).

Что за дьявольщина? Я хотѣлъ войти въ домъ со двора—дверь заперта; потомъ въ садъ—а изъ саду въ домъ еще мудренѣе попасть: голая, гладкая стѣна, а окна такъ высоки... Я было хотѣлъ уйти—не тутъ-то было! Вокругъ всего сада такой чертовски-высокій заборъ, и на десять шаговъ отъ забора нѣтъ ни одного дерева... Страшныя предосторожности!.. Ба, ба, ба! и калитка, и дворъ заперты... Что это значитъ? (*Осторожно подходитъ къ калиткѣ.*) Собакъ спустили — плохо дѣло! Ужъ не потѣшается ли надо мной любезная сеньйора?.. Впрочемъ, нѣтъ; она слишкомъ невинна и слишкомъ глупа. Однако, признаюсь, я нахожусь въ весьма непріятномъ положеніи... Совсѣмъ стемнѣло, да и холодно стало—бррр!... Мои товарищи, чай, заждались меня. (*Топнувъ ногой*) Чортъ возьми! неужели же я всю ночь проведу подъ этими глупыми деревьями?.. Впрочемъ, она знаетъ, что я здѣсь; не стану жъ унывать; женщины слабы, бѣсъ силенъ; можетъ-быть, она... можетъ-быть, она влюбилась въ меня?.. Не въ первый разъ!

(*Ходитъ взадъ и впередъ, напѣвая: „Любви, любви я не дождусь“; и съ досадою прерываетъ себя*) Да, вотъ и дождался! (*Одно окно тихо отворяется; въ окнѣ показывается донья Долоресъ.*)

Донья Долоресъ.

С-стъ!

Донъ Рафаэль.

А!

Донья Долоресъ (*шопотомъ*).

Сеньйоръ... сеньйоръ...

Донъ Рафаэль (*тоже топотомъ*).

Это вы, прекрасная сеньйора? Наконецъ...

Донья Долоресъ (*ломая руки*).

Боже мой! что вы сдѣлали? что вы сдѣлали? Меня заперли въ комнатѣ... Я увѣрена, что Маргарита насъ подслушала и все сказала мужу. Я погибла!..

Донъ Рафаэль.

Васъ заперли? Странно... и меня заперли.

Донья Долоресъ.

Какъ? и васъ заперли? Боже мой, все открыто!..

Донъ Рафаэль.

Не падайте въ обморокъ, ради Бога; мы должны съ вами придумать, какъ намъ выйти изъ этого бѣдственнаго положенія?

Донья Долоресъ.

Спасайтесь, уйдите поскорѣе!

Донъ Рафаэль.

Да какъ уйти? Я не птица, не могу перелетѣть черезъ трехаршинный частоколъ... Вашъ мужъ вернулся?

Донья Долоресъ.

Не знаю; въ домѣ все тихо... Ахъ, какая тоска, какая тоска!..

Донъ Рафаэль.

А давно ли вы жаловались на однообразіе вашей жизни? Вотъ вамъ и сильныя ощущенія!

Донья Долоресъ.

Стыдитесь, сударь, стыдитесь! Если бъ я была мужчиной, вы бы не дерзнули смѣяться надо мной!

Донъ Рафаэль (*въ сторону*).

Какъ она мила! (*Громко*) Не гнѣвайтесь на меня... (*Становится на колѣни.*) Смотрите, я сталъ на колѣни, я прошу вашего прощенья...

Донья Долоресъ.

Ахъ! полноте, встаньте; мнѣ не до-того!..

Донъ Рафаэль.

Слушайте, сеньйора, я вамъ докажу, что я не заслужи-

ваю вашего презрѣнія. Хотите ли? я выдамъ себя за вора; вы закричите, зовите на помощь; къ вамъ прибѣгутъ; вы скажите, что видѣли чужого человѣка въ саду; меня схватятъ, и... и я ужъ какъ-нибудь постараюсь отдѣлаться.

Донья Долоресъ.

Но васъ убьютъ?

Донъ Рафаэль.

Нѣтъ, не убьютъ; но непріятностей я не избѣгну... Что жъ дѣлать! (*Съ жаромъ*) Я всѣмъ готовъ жертвовать для васъ...

Донья Долоресъ (*задумывается*).

Нѣтъ, ни за что, ни за что въ мірѣ!

Донъ Рафаэль (*про себя*).

Ну, признаюсь, я струсилъ; я такъ и думалъ, что она закричитъ.

Донья Долоресъ.

Боже мой! Боже мой! чѣмъ все это кончится? Спрячьтесь; я позвоню, позову Маргариту... (*Рафаэль прячется.*) Никто не идетъ... Это ужасно, ужасно! Онъ погубилъ меня!..

Донъ Рафаэль.

Сеньйора...

Донья Долоресъ.

Ну?

Донъ Рафаэль.

Извольте рѣшаться поскорѣе, потому что, кажется, кто-то отворяетъ калитку.

Донья Долоресъ.

Да я не могу васъ выдать за вора.

Донъ Рафаэль.

Не можете?

Донья Долоресъ.

Нѣтъ.

Донъ Рафаэль.

Впрочемъ, вамъ и не нужно выдавать меня за вора; меня и такъ за вора примутъ.

Донья Долоресъ.

Но... но я боюсь за васъ.

Донъ Рафаэль.

Не извольте тревожиться. Я скажу, что гулялъ, да и зашелъ въ вашъ садъ.

Донья Долоресъ.

Вамъ не повѣрятъ.

Донъ Рафаэль.

Да развѣ я не правду скажу?

Донья Долоресъ (*боязливо оглядываясь*).

Боже мой! мнѣ кажется, что даже стѣны насъ подслушиваютъ!

(*Донъ Пабло осторожно выглядываетъ изъ-за одного дерева.*)

Донъ Рафаэль.

О, сеньйора! еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ...

Донья Долоресъ (*съ отчаяніемъ*).

Да что̀ я могу сдѣлать?

Донъ Рафаэль.

Вы можете впустить меня въ домъ.

Донья Долоресъ.

Какимъ же образомъ?

Донъ Рафаэль.

А вотъ какъ: возьмите шаль или полотенце — что̀ хотите—привяжите одинъ конецъ къ окну и другой...

Донья Долоресъ.

Ни за что̀!

Донъ Рафаэль.

О, не безпокойтесь: я не сломаю себѣ шеи; я привыкъ къ такимъ продѣлкамъ... (*Донья Долоресъ немного отходитъ отъ окна.*) Послушайте: клянусь вамъ честью, если вы меня впустите въ вашу комнату, я сяду въ уголъ и буду молчать, какъ наказанный школьникъ...

Донья Долоресъ.

Вы, кажется, совершенно меня презираете, милостивый государь?

Донъ Рафаэль.

Помилуйте! Но, признаюсь, вашего Пепе и его собакъ...

(*Донъ Пабло скрывается.*)

Донья Долоресъ.

Боитесь? Хорошъ витязь!

Донъ Рафаэль.

Витязямъ не велѣно не бояться собакъ.

Донья Долоресъ.

Меня это молчаніе ужасаетъ. Навѣрное донъ Бальтазаръ дома... Отчего это онъ не приходитъ ко мнѣ... что за таинственность?

Донъ Рафаэль.

Не безпокойтесь, пожалуйста. Калитку заперли оттого, что уже поздно... Васъ, я думаю, не въ первый разъ запираютъ, а мужъ вашъ гдѣ-нибудь замѣшкался... Послушайте, мое предложеніе, право, прекрасно: если даже мнѣ не удастся спрятаться гдѣ-нибудь въ вашемъ домѣ до завтрашняго утра, такъ, въ крайнемъ случаѣ, я могу выскочить въ садъ..

Донья Долоресъ (*торопливо*).

Спрячьтесь, — мою дверь отворяютъ. (*Она отходитъ отъ окна. Рафаэль прячется.*)

Маргарита (*за сценой*).

Доброй ночи, доброй ночи, сеньйора! Извините меня, пожалуйста; я васъ заперла; мнѣ надобно было отлучиться на полчасика... Вы на меня не гнѣваетесь?

Донья Долоресъ (*за сценой*).

Донъ Бальтазаръ возвратился?

Маргарита (*за сценой*).

Нѣтъ еще; да онъ не скоро придетъ,—онъ пошелъ къ нашему сосѣду, къ алькаду, и навѣрное до полуночи проиграетъ съ нимъ въ шахматы.

(*Онѣ подходятъ къ окну.*)

Маргарита.

А вы опять сидѣли у окна, сеньйора? Вотъ, вы когда-нибудь простудитесь...

Донья Долоресъ.

Я смотрѣла на звѣзды.

Маргарита.

На звѣзды! Охъ, вы, молодые люди! и ночью-то вамъ

не спится; а мнѣ такъ мочи нѣтъ,—голова болитъ, спина болитъ, а глаза такъ и слипаются.

Донья Долоресъ.

Что жъ, Маргарита, ступай, отдохни.

Маргарита.

Да какъ же мнѣ васъ оставить?

Донья Долоресъ.

Ничего, ничего; я сама скоро лягу спать. Ступай, ступай, бѣдняжка; мнѣ, право, жаль тебя...

Маргарита.

Ну, прощай, мой ангелочекъ!

Донья Долоресъ.

Прощай. (*Она ее обнимаетъ, уходитъ съ ней и черезъ нѣсколько времени показывается у окна.*) Сеньйоръ! сеньйоръ! (*Донъ Рафаэль осторожно выходитъ.*) Послушайте, могу ли я вполнѣ положиться на васъ? Точно ли вы честный человѣкъ?

Донъ Рафаэль.

Сеньйора, клянусь...

Донья Долоресъ.

Не клянитесь... Ахъ, если бъ я могла пристально взглянуть вамъ въ глаза, я бы тотчасъ узнала, что вы за человѣкъ!

Донъ Рафаэль (*про себя*).

О-го!

Донья Долоресъ.

Но скажите мнѣ, скажите, что вы не въ состояніи оскорбить женщину.

Донъ Рафаэль.

Никогда!

Донья Долоресъ.

Сеньйоръ, посмотрите, что у меня въ рукѣ.

Донъ Рафаэль (*всматриваясь*).

Ключъ?

Донья Долоресъ.

Ключъ отъ двери на улицу.

Донъ Рафаэль.

Неужели? Какимъ образомъ, откуда вы достали этотъ безцѣнный ключъ?

Донья Долоресъ.

Откуда? изъ-за пояса Маргариты.

Донъ Рафаэль.

Бра... браво! (*Про себя*) О, женщины, женщины! Этого я не ожидалъ, признаюсь.

Донья Долоресъ.

Но все жъ, вамъ нельзя выйти изъ дома...

Донъ Рафаэль.

Отчего же, сеньйора?

Донья Долоресъ.

Оттого, что вамъ надобно сперва войти въ домъ.

Донъ Рафаэль (*умоляющимъ голосомъ*).

Сеньйора...

Донья Долоресъ.

Послушайте: сдѣлайте одолженіе, уйдите, какъ вы пришли, по той же дорогѣ.

Донъ Рафаэль.

Скажите, пожалуйста, давно не кормили вашихъ собакъ?.. Онѣ лаютъ съ ужаснымъ остервенѣніемъ... Голодныя собаки и пьяный садовникъ... Прошу покорно!

Донья Долоресъ.

О, Боже мой, что̀ мнѣ дѣлать?

Донъ Рафаэль.

Какъ, что̀ вамъ дѣлать? Вотъ, всѣ женщины таковы: любятъ тревожиться попустому и создавать себѣ различныя небывалыя препятствія и трудности... Пока вашъ мужъ не вернулся, пока Маргарита не проснулась—впустите меня...

Донья Долоресъ (*въ нерѣшимости*).

Да какъ же васъ впустить?

Донъ Рафаэль.

Ахъ, сеньйора! я вижу, вамъ весело терзать меня...

Донья Долоресъ.

Вы тотчасъ выйдете изъ моей комнаты? изъ дома?

Донъ Рафаэль.

Тотчасъ.

Донья Долоресъ.

И ни слова мнѣ не скажете?

Донъ Рафаэль.

Ни полслова... даже не поблагодарю васъ.

Донья Долоресъ.

Дѣлать нечего... рѣшаюсь...

Донъ Рафаэль (*про себя*).

Наконецъ!

Донья Долоресъ (*привязавъ шаль къ окну*).

О, Творецъ! чего необходимость не заставитъ сдѣлать...

Донъ Рафаэль (*съ трудомъ взлѣзая*).

Вы... правы... че... го... не зас... тавитъ...

СЦЕНА III.

Комната доньи Долоресъ. Въ одномъ углу сидитъ донья Долоресъ, въ другомъ—донъ Рафаэль.

Донья Долоресъ.

И вы не хотите уйти?..

Донъ Рафаэль (*вздыхая*).

О, Боже!

Донья Долоресъ.

Вы безчестный человѣкъ!

Донъ Рафаэль.

Тише... Насъ могутъ услышать.

Донья Долоресъ.

Или вы хотите меня погубить? Я вамъ говорю, что мой мужъ сейчасъ войдетъ... сейчасъ... Онъ меня убьетъ... сжальтесь же надо мной... Притомъ, Маргарита можетъ хватиться ключа... Вотъ онъ вамъ: возьмите и уйдите скорѣе—тотчасъ. (*Бросаетъ ключъ къ его ногамъ.*)

Донъ Рафаэль (*неохотно вставая и поднимая ключъ*).

Дѣлать нечего... повинуюсь. Но позвольте мнѣ сперва подойти къ вамъ хотя нѣсколько поближе... Вы погасили свѣчку изъ предосторожности — прекрасно; но я васъ не

вижу... Помилуйте! можетъ-быть, я въ послѣдній разъ говорю съ вами,—а вы приказываете мнѣ уйти, не взглянувъ даже на васъ... Не забудьте, я до сихъ поръ разговаривалъ съ вами въ весьма почтительномъ разстояніи...

Донья Долоресъ.

Не подходите... Я боюсь васъ,—я вамъ не довѣряю.

Донъ Рафаэль.

А! вы мнѣ не довѣряете... И, вѣроятно, вполнѣ повѣрите мнѣ только тогда, когда я выйду изъ дома, то-есть когда мнѣ нельзя будетъ подойти къ вамъ...—Послушайте—я ухожу, я прощаюсь съ вами...

Донья Долоресъ.

Да вы подходите ко мнѣ?!...

Донъ Рафаэль.

Ради неба, не пугайтесь и не кричите... (*Видя, что она собирается бѣжать.*) Я становлюсь на колѣни, я стою на колѣняхъ (*становится на колѣни*).—Видите ли, какъ я почтителенъ и робокъ.

Донья Долоресъ.

Да что вы хотите отъ меня?

Донъ Рафаэль.

Позвольте мнѣ, на прощанье, поцѣловать вашу руку...

Донья Долоресъ (*въ нерѣшимости*).

Да вы не уйдете...

Донъ Рафаэль.

Испытайте...

Донья Долоресъ (*протягиваетъ руку, онъ приближается; вдругъ она вздрагиваетъ*).

Боже мой! я слышу шаги моего мужа... его кашель... Вамъ нельзя уйти — я пропала... Спрячьтесь... Прыгните изъ окна... скорѣй!..

Донъ Рафаэль (*подбѣгая къ окну*).

Да я тутъ шею себѣ сломлю.

Донья Долоресъ.

А ваше обѣщаніе? Ну, все равно — вотъ сюда, сюда... (*Толкаетъ его въ спальню и сама, задыхаясь, падаетъ на софу. Дверь отворяется, входитъ донъ Бальтазаръ со свѣчой.*)

Донъ Бальтазаръ (*про себя*).

Проклятый Сангре... Каково мое положеніе!.. Онъ тутъ (*подозрительно осматривается*)—я это знаю и...

Донья Долоресъ (*слабымъ голосомъ*).

Это вы, донъ Бальтазаръ?

Донъ Бальтазаръ (*принужденно улыбаясь*).

А... доброй ночи, моя милая. Какъ... какъ твое здоровье? (*Вдругъ повысивъ голосъ*) А, сударыня! вы... (*Опять вдругъ понизивъ*) Я что-то сегодня нездоровъ.

Донья Долоресъ (*про себя*).

Что за странное обращеніе? (*Громко*) Вы, въ самомъ дѣлѣ, что-то блѣдны... Гдѣ вы были, любезный Бальтазаръ?

Донъ Бальтазаръ.

Я блѣденъ... хм... и, отчего я блѣденъ, вы не знаете? не знаете?.. (*Передразнивая ее*) Любезный Бальтазаръ! „Любезный“ происходитъ отъ слова любить... Вы меня любите, сеньйора?

Донья Долоресъ.

Что съ вами, сеньйоръ? Вы встревожены.

Донъ Бальтазаръ.

А вы не встревожены?.. Дайте-ка мнѣ вашъ пульсъ пощупать... О-го! мнѣ кажется, вашъ пульсъ бьется очень скоро... Странно, право, странно... Отчего вы сидите однѣ, въ потемкахъ, безъ свѣчки? отчего?..

Донья Долоресъ (*робко*).

Я васъ не понимаю, сеньйоръ.

Донъ Бальтазаръ (*вспыхнувъ*).

Не понимаете... А! вы меня не понимаете! (*Донья Долоресъ вздрагиваетъ и смотритъ на него неподвижно.*)

Донъ Бальтазаръ.

Отчего вы вздрогнули?

Донья Долоресъ.

Я... я... Вы меня пугаете.

Донъ Бальтазаръ.

Отчего вы пугаетесь? Совѣсть, видно, нечиста... (*Кто-то легонько стучитъ въ дверь.*) Да... извините... Что бишь

я хотѣлъ сказать? Я сегодня не совсѣмъ здоровъ... Пожалуйста, не обращайте на меня вниманія... Я тебя испугалъ, моя милая кошечка: ты знаешь, — я такой чудакъ... (*Отходя отъ нея*) Змѣя, змѣя!.. О, Сангре, Сангре! (*Быстро и громко*) Я пришелъ вамъ сказать, что я не ночую дома, то-есть, я очень, очень поздно вернусь... Но вы не тревожьтесь. У моего пріятеля, алькада, собралось много весьма любезныхъ гостей... (*Онъ отираетъ потъ съ лица.*) Мы рѣшились не расходиться до утра. Хотя старикамъ и не слѣдуетъ засиживаться такъ долго, да, знаете, иногда пріятелямъ отказать невозможно. (*Въ сторону*) Уфъ!.. (*Громко*) Вотъ, я и сказалъ имъ: извольте, останусь; но отпустите меня къ женѣ на минуточку, а то она будетъ тревожиться... Ну, а теперь прощай.

Донья Долоресъ.

Прощайте, донъ Бальтазаръ; смотрите, не оставайтесь слишкомъ долго у алькада.

Донъ Бальтазаръ.

Въ самомъ дѣлѣ? какъ вы заботливы... (*Вспыхнувъ опять*) И вы не удивляетесь? Какъ я, вашъ мужъ, я, Бальтазаръ д'Эстуризъ, рѣшаюсь провести всю ночь въ чужомъ домѣ... и вы не удивляетесь? Да развѣ я когда-нибудь... (*Опомнившись*) Да не въ томъ дѣло... не въ томъ дѣло... (*Про себя*) О, Боже, я не могу выйти изъ этой комнаты... мое положеніе ужасно. (*Громко*) Ну, прощайте... вамъ весело со мной прощаться, — сознайтесь, очень весело? вы меня не удерживаете!..

Донья Долоресъ (*слабымъ голосомъ*).

Если вамъ угодно, останьтесь...

Донъ Бальтазаръ.

Что жъ? пожалуй, я останусь. Вы меня просите остаться... Я останусь... А! вы, я вижу, блѣднѣете... отъ радости, должно-быть! Зачѣмъ я пойду къ алькаду? (*Садится въ кресло.*) Здѣсь такъ хорошо, такъ покойно, не правда ли, сеньйора?

Донья Долоресъ.

Но... можетъ-быть, ваши друзья...

Донъ Бальтазаръ.

Друзья? какіе у меня друзья? У меня нѣтъ друзей. Я останусь. А! сеньйора, вы думали...

(*Дверь отворяется, входитъ Сапре—онъ блѣденъ.*)

Донъ Пабло (*кланяясь*).

Извините меня, сеньйора, прошу васъ. Я осмѣлился безъ вашего позволенія войти къ вамъ въ комнату... Но меня прислалъ нашъ добрый алькадъ за вашимъ супругомъ... Любезный Бальтазаръ, всѣ наши пріятели тебя ожидаютъ съ нетерпѣніемъ... ты имъ обѣщалъ тотчасъ вернуться... пойдемъ.

Донъ Бальтазаръ (*нехотя вставая*).

Я немножко... усталъ... милый другъ.

Донъ Пабло (*отводя его въ сторону шопотомъ*).

Баба! (*Бальтазаръ хочетъ отвѣчать*)... Тс... она на насъ смотритъ... Мы и теперь его можемъ схватить,—но не ты ли самъ согласился подвергнуть ее испытанію и посмотрѣть, что она сдѣлаетъ, когда будетъ знать, что ты не скоро придешь домой. (*Громко*) Что за пустяки! ты усталъ... да развѣ ты старикъ? развѣ мы старики съ тобой? Полно притворяться, любезный... (*Донья Долоресъ*) О! ручаюсь вамъ, сеньйора, вы черезъ недѣлю не узнаете вашего мужа... онъ мнѣ сознавался сегодня, что ему надоѣло жить за городомъ, что онъ хочетъ переѣхать въ Мадридъ. Тамъ-то вы заживете — будете выѣзжать, веселиться! (*Смѣется.*) Какъ вамъ нравится намѣреніе вашего супруга? Вы не ожидали такой внезапной перемѣны въ немъ?.. Да, да, вамъ еще предстоитъ много неожиданнаго. Но пойдемъ, любезный другъ: ты видишь, Донья Долоресъ устала; ей пора почивать; мы ей надоѣдаемъ. О! я увѣренъ, она заснетъ сномъ безмятежнымъ и спокойнымъ, сномъ невинности... Да, кстати, милый Бальтазаръ, сегодня съ самаго утра воронъ все каркаетъ на крышѣ твоего дома; вели, пожалуйста, застрѣлить эту глупую птицу. Старые люди говорятъ, что воронъ предвѣстникъ несчастья... Я хоть и не вѣрю всѣмъ этимъ вздорамъ, но все же лучше... Сеньйора, желаю вамъ спокойной ночи.

Донъ Бальтазаръ.

Прощайте; но клянусь вамъ честью...

Донъ Пабло.

Что противъ воли васъ покидаю. Вѣдь вотъ, что ты хотѣлъ сказать, дружокъ? О, мой пріятель, донъ Бальтазаръ, настоящій придворный... Спокойной ночи, прекрасная и добродѣтельная сеньйора! (*Оба уходятъ.*)

(*Донья Долоресъ сидитъ въ оцѣпенѣніи... Свѣчка, принесенная Бальтазаромъ, остается на столѣ; чрезъ нѣсколько времени Рафаэль выходитъ изъ спальни, прислушивается: внизу слышенъ стукъ прихлопнутой двери.*)

Донъ Рафаэль.

Они ушли... сеньйора.

Донья Долоресъ (*про себя*).

Этотъ Сангре ужасенъ... мнѣ страшно, мнѣ холодно... Эти взгляды, этотъ мрачный смѣхъ... Ахъ, я чувствую, я погибла...

Донъ Рафаэль.

Сеньйора...

Донья Долоресъ (*вставая*).

Это вы? и вы остаетесь, не уходите?

Донъ Рафаэль.

Вашъ мужъ ушелъ. Маргарита спитъ... (*Донья Долоресъ молчитъ.*) Боже мой! какъ вы прекрасны...

Донья Долоресъ (*съ отчаяніемъ*).

Нѣтъ, вы безжалостны! О, какъ я наказана за свои преступныя желанья! (*Бросается на софу.*)

Донъ Рафаэль (*долго молчитъ и смотритъ на нее; потомъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ*).

Вы называете ваши желанія преступными?.. Бѣдная женщина! Послушайте, я знаю... вамъ двадцать-семь лѣтъ; лучшая половина вашей жизни скоро пройдетъ, а ваша первая, свѣтлая молодость уже безвозвратно увяла... и вы проклинаете послѣднее робкое желаніе вашего сердца, послѣдній крикъ души передъ ея вѣчнымъ молчаніемъ! Послушайте: не вы однѣ продремали свои лучшіе годы, не вамъ однѣмъ довелось узнать въ одно и то же время

жажду счастія... и собственное безсиліе; но, пока еще время не ушло, не увлекайтесь ложной гордостью; вы боитесь преступленія, а не боитесь старости. Какъ вы мало знаете жизнь! Простите меня... я, право, не знаю, что говорю, но жизнь людей коротка... жизнь женщины короче и тѣснѣй жизни мужчины, если мы жизнью называемъ свободное развитіе всѣхъ нашихъ силъ. Подумайте... (*Донья Долоресъ молчитъ.*) Ради Бога, поймите меня, сеньйора... все, что я сказалъ вамъ, нимало не относится... къ намъ... къ нашему теперешнему положенію... Признаюсь вамъ откровенно: я легкомысленный и, какъ говорится, безпутный человѣкъ. Я едва ли вѣрю во что-нибудь на свѣтѣ; я не вѣрю въ порокъ, а потому не вѣрю и въ добродѣтель. Къ чему вамъ знать, какими путями дошелъ я до этого не совсѣмъ веселаго убѣжденія... и можетъ ли занять васъ повѣсть жизни погибшей, съ намѣреніемъ погубленной?.. Да впрочемъ, намъ и некогда много разговаривать. Признаюсь, я пришелъ сюда съ несовсѣмъ хорошими мыслями... я имѣлъ о васъ мнѣніе... позвольте мнѣ умолчать, какое именно... впрочемъ, это мнѣніе относилось не къ вамъ однѣмъ, но ко всѣмъ женщинамъ вообще... Оно ложно... разумѣется, ложно... Но — что прикажете дѣлать? — глупая привычка! Вы видите, я откровененъ; и потому вы мнѣ повѣрите, если я скажу вамъ, что я теперь васъ глубоко уважаю... что ваши слова, ваши взгляды, ваша тревожная робость, какая-то непостижимо грустная прелесть, которою все въ васъ дышитъ, все ваше существо произвело на меня такое неизгладимое впечатлѣніе, возбудило во мнѣ такую глубокую жалость, что я внезапно сталъ другимъ человѣкомъ... будьте покойны, я уйду, уйду тотчасъ, и даю вамъ слово не тревожить васъ болѣе никогда, хотя, вѣроятно, не скоро васъ забуду.

Донья Долоресъ.

Вы должны уйти, сеньйоръ... (*Какъ будто про себя*) Мнѣ страшно... мнѣ кажется, я не переживу этой ночи:— всѣ эти люди — Маргарита, Сангре, мой мужъ... Я ихъ боюсь... Я боюсь ихъ...

Донъ Рафаэль.

Бѣдная, бѣдная женщина!.. право, я готовъ плакать, глядя на васъ... Какъ вы блѣдны... Какъ вы дрожите... Какъ вы мнѣ кажетесь одинокими на землѣ!.. Но успокойтесь. Вашъ мужъ ничего не подозрѣваетъ; я тотчасъ уйду — и никто, никто въ мірѣ, кромѣ васъ и меня, не будетъ знать о нашемъ свиданіи...

Донья Долоресъ.

Вы думаете?

Донъ Рафаэль (*садится подлѣ нея*).

Вы меня не боитесь теперь — не правда ли? Вы чувствуете, что и я тронутъ, глубоко, свято тронутъ... что я теперь не въ состояніи васъ оскорбить. (*Показывая на часы, стоящіе на столѣ*) Посмотрите—черезъ десять минутъ меня въ этой комнатѣ не будетъ...

Донья Долоресъ.

Я вамъ вѣрю.

Донъ Рафаэль.

Страннымъ образомъ сошлись мы съ вами... но судьба свела насъ не даромъ... не даромъ, по крайней мѣрѣ, для меня... Я бы хотѣлъ вамъ многое сказать... но съ чего начать, когда черезъ нѣсколько мгновеній...

Донья Долоресъ.

Скажите мнѣ ваше имя.

Донъ Рафаэль.

Рафаэль... Ваше имя—Долоресъ?

Донья Долоресъ (*печально*).

Долоресъ.

Донъ Рафаэль (*тихимъ и тронутымъ голосомъ*).

Долоресъ! клянусь вамъ, я до васъ не любилъ ни одной женщины... и послѣ васъ, вѣроятно, ни одной не полюблю... Тяжело мнѣ съ вами разставаться; но если мы перемѣнить нашу судьбу не можемъ, если наше знакомство должно было такъ скоро прекратиться,—тѣмъ лучше, можетъ-быть, для меня... Я недостоинъ васъ — я это знаю; по крайней мѣрѣ, у меня будетъ одно чистое воспоминаніе... До сихъ поръ я старался забывать всѣхъ женщинъ, съ которыми сближалъ меня случай...

Донья Долоресъ (*грустно*).

Сеньйоръ...

Донъ Рафаэль.

Если бъ вы знали вашу власть надо мною; если бъ вы знали, какую перемѣну вы такъ внезапно произвели во мнѣ!.. (*Взглянувъ на часы*) Но я вѣренъ своему слову... Прощайте... мнѣ пора.

Донья Долоресъ (*подаетъ ему руку*).

Прощайте, Рафаэль.

Донъ Рафаэль (*прижимая ея руку къ губамъ*).

Зачѣмъ я васъ узналъ такъ поздно?.. Мнѣ такъ грустно разставаться съ вами...

Донья Долоресъ.

Вы меня не увидите болѣе... Я вамъ говорю—я не переживу этой ночи.

Донъ Рафаэль (*потупляетъ глаза и показываетъ на дверь*).

Хотите... Вы свободны...

Донья Долоресъ.

Нѣтъ, Рафаэль, смерть не хуже жизни.

Донъ Рафаэль (*рѣшительно*).

Прощайте.

Донья Долоресъ.

Прощайте, не забывайте меня.

(*Рафаэль бросается къ двери. Дверь отворяется, входитъ Сангре.*)

Донъ Рафаэль (*отскакивая*).

Боже!..

Донъ Пабло (*донья Долоресъ*).

Это я.

(*Долоресъ съ крикомъ бросается головой въ подушки софы.*)

Донъ Рафаэль (*быстро обнажая шпагу*).

Сеньйоръ, я не безоруженъ.

Донъ Пабло (*мрачно*).

Вижу... но я—вы видите—безоруженъ.

Донъ Рафаэль.

Клянусь вамъ честью... Если бъ вы знали... эта дама невинна.

Донъ Пабло.

Я все знаю. Вамъ не нужно клясться.

Донъ Рафаэль.

Но увѣряю васъ...

Донъ Пабло (*съ иронической улыбкой*).

Во-первыхъ, я не требую отъ васъ ни увѣреній, ни оправданій; а, во-вторыхъ, сеньйоръ, ваше присутствіе здѣсь неумѣстно... Не угодно ли вамъ пожаловать за мной?

Донъ Рафаэль.

Но куда вы меня поведете?

Донъ Пабло.

О, не бойтесь...

Донъ Рафаэль (*перебивая его*).

Я никого не боюсь, милостивый государь!

Донъ Пабло.

Если вы никого не боитесь, такъ идите за мной.

Донъ Рафаэль.

Но куда?

Донъ Пабло.

На улицу, не далѣе, какъ на улицу, мой милый донъ Жуанъ... А тамъ я съ вами раскланяюсь—и до пріятнаго свиданія...

Донъ Рафаэль.

Я долженъ вамъ повиноваться... я васъ оскорбилъ...

Донъ Пабло (*мрачно*).

А! вы сознаетесь, что вы меня оскорбили!..

Донъ Рафаэль.

Однако—теперь я вспоминаю—не вы супругъ сеньйоры...

Донъ Пабло.

Я здѣсь по его приказанію.

Донъ Рафаэль.

Я готовъ, я иду, но... (*Приближается къ донья Долоресъ.*)

Донъ Пабло.

Сеньйоръ, не забывайтесь!.. (*Донъ Рафаэль низко кланяется донья Долоресъ и умоляющимъ образомъ показываетъ на нее дону Пабло.*) Понимаю... но вы не имѣете права даже сожалѣть о ней... Завтра вы можете о ней молиться...

Донъ Рафаэль.

Что вы сказали?

Донъ Пабло.

О, ничего, ничего! Я, знаете, старый шутникъ... Не угодно ли? (*Показываетъ на дверь.*)

Донъ Рафаэль.

Идите впередъ.

Донъ Пабло.

Извольте. (*Идетъ.*)

(*Донъ Рафаэль въ послѣдній разъ съ глубокой тоской взглядываетъ на донью Долоресъ и уходитъ за Сангре. Долоресъ остается одна; Маргарита тихо входитъ и становится подлѣ нея.*)

Донья Долоресъ (*приходя въ память*).

Они его убьютъ... Сангре... гдѣ они... (*Оборачивается и видитъ Маргариту.*) А!

Маргарита (*спокойно*).

Что съ вами, сударыня? Вы, кажется, не изволили ложиться почивать? Иль вы нездоровы?

Донья Долоресъ.

Маргарита... Я знаю — они хотятъ моей смерти... ну, да — не притворяйся... вѣдь ты все знала, все слышала; ты сказала все мужу — признайся... Вотъ, ты смѣешься, ты не можешь притворяться... да и къ чему теперь? Скажи: тебѣ велѣно меня убить, дать мнѣ яду, что ли? скажи...

Маргарита.

Помилуйте, сеньйора—я васъ не понимаю.

Донья Долоресъ.

Ты меня понимаешь, Маргарита...

Маргарита (*медленно*).

Вы, можетъ-быть, сеньйора, поступили не совсѣмъ осторожно, но...

Донья Долоресъ (*бросается на колѣни*).

Скажи правду, умоляю тебя, скажи мнѣ правду...

Маргарита (*долго смотря на нее*).

Передо мной... на колѣняхъ! (*Наклонясь къ ней.*) Ну,

да, да, ты права—я тебя погубила, слышишь, потому что я тебя ненавижу...

Донья Долоресъ (*съ удивленіемъ*).

Ты меня ненавидишь?

Маргарита.

Ты удивляешься? Ты не понимаешь причины моей ненависти? Помнишь ли ты дочь мою, Марію. Скажи сама—была ли ты лучше ея? или умнѣе? или богаче? Но она всю жизнь свою была несчастна—а ты...

Донья Долоресъ (*грустно*).

А я, Маргарита?

Маргарита.

Вы росли вмѣстѣ, и въ дѣтствѣ всѣ тебя ласкали, а на мою дочь никто не обращалъ вниманія... а она была не хуже тебя! Ты вышла замужъ, разбогатѣла, а она осталась въ дѣвушкахъ... Я была бѣдна — что же было мнѣ дѣлать? Господи Боже! Зачѣмъ стала ты ходить къ намъ въ твоихъ богатыхъ бархатныхъ платьяхъ, съ золотыми цѣпями на шеѣ? (*Съ упрекомъ*) Ты хотѣла намъ помогать! — Ты хотѣла насъ унизить... Твое богатство вскружило голову моей Маріи... она возненавидѣла все — всю жизнь свою, нашу бѣдную комнату, нашъ садикъ, меня... Она боролась долго... и, наконецъ, убѣжала... убѣжала съ любовникомъ, который ее обманулъ, оставилъ... бросилъ; она не хотѣла вернуться ко мнѣ, и теперь она, мое единственное дитя, Богъ знаетъ гдѣ скитается, Богъ знаетъ съ кѣмъ... Не говори мнѣ, что ты ничѣмъ не виновата... Я страдаю, я несчастна — кто же нибудь долженъ быть причиной моихъ страданій... Я выбрала тебя. Ты, ты погубила мою дочь!.. Я знаю, что я грѣшу... но я и не хочу быть доброй... мое сердце пропитано желчью... а за этотъ вечеръ (оставайтесь, оставайтесь на колѣняхъ!), за этотъ одинъ вечеръ, я готова отказаться отъ рая...

Донья Долоресъ (*медленно встаетъ*).

Благодарю васъ, Маргарита... Я васъ болѣе не боюсь, потому что я васъ презираю...

Маргарита.

Пустыя громкія слова! Вы все-таки меня боитесь!..

Донья Долоресъ (*отходитъ немного въ сторону*).

Боже! сжалься надо мной! не дай мнѣ погибнуть!

Маргарита.

Какъ я внутренно смѣялась надъ вами, когда вы такъ искусно вытащили у меня изъ-за пояса ключъ... Мнѣ было велѣно оставить этотъ ключъ въ вашей комнатѣ. Но вы сами догадались и избавили меня отъ хлопотъ... О, извините, я и теперь не могу не смѣяться... (*Донья Долоресъ смотритъ на нее съ холоднымъ презрѣніемъ.*) Такъ... такъ... презирайте меня... мнѣ весело... Теперь-то вы будете въ моей власти! И избавиться-то вамъ отъ меня теперь невозможно!.. Донъ Бальтазаръ васъ никуда изъ дому не выпуститъ, ни на шагъ... и я буду неотлучно при васъ— не легкая должность, признаюсь,—но насущный хлѣбъ не достается даромъ... Впрочемъ, не угодно ли вамъ пожаловать въ вашу спальню...

Донья Долоресъ.

Я останусь здѣсь...

Маргарита (*присѣдая*).

По приказанію дона Бальтазара.....

Донья Долоресъ (*уходя, про себя*).

Эта старуха меня нѣсколько успокоила... Я, право, уже думала, что они собираются меня убить... (*Обѣ уходятъ.*)

(*Входятъ Пабло и Бальтазаръ.*)

Донъ Бальтазаръ.

Однако, право, ты поступилъ съ нимъ такъ великодушно...

Донъ Пабло.

Въ самомъ дѣлѣ?

Донъ Бальтазаръ.

Помилуй! проводилъ его съ поклонами до улицы, а садовнику велѣлъ свѣтить... У меня бы онъ такъ легко не отдѣлался! Я бы велѣлъ Пепе проводить его другимъ образомъ...

Донъ Пабло.

Зачѣмъ же ты поручилъ мнѣ распоряжаться?

Донъ Бальтазаръ.

Зачѣмъ... Зачѣмъ? я думалъ, что ты...

Донъ Пабло.

Что я его вызову, убью, кровью его смою пятно съ твоей чести, не правда ли? Чужими руками жаръ загребать такъ покойно, такъ удобно! а? дружище? Онъ могъ тоже меня убить, потому что шпага была у него препорядочная; но надобно же надѣяться на провидѣніе, не правда ли, другъ мой истинный, любезный Бальтазаръ? Оттого-то ты, должно-быть, и не вошелъ со мною къ нимъ... Такой сорванецъ можетъ, пожалуй, сгоряча убить человѣка...

Донъ Бальтазаръ.

Сангре, ты знаешь: я не храбръ, и не хвастаюсь храбростью... Но какъ же ты, ты могъ выпустить этого нахала? Да онъ теперь смѣется надъ нами...

Донъ Пабло.

Не думаю.

Донъ Бальтазаръ.

Разумѣется, смѣется... О! я задыхаюсь отъ досады... Онъ станетъ всѣмъ разсказывать свое приключеніе... А я съ такою точностью соблюдалъ твои приказанія... Нѣтъ, воля твоя...

Донъ Пабло.

Вспомни, что я требовалъ отъ тебя совершеннаго повиновенія; вспомни, что ты согласился на всѣ мои требованія и потому изволь выйти изъ комнаты.

Донъ Бальтазаръ.

Зачѣмъ?

Донъ Пабло.

Мнѣ надобно сперва поговорить съ доньей Долоресъ.

Донъ Бальтазаръ.

Тебѣ?

Донъ Пабло.

Послушай, любезный Бальтазаръ... Я увѣренъ, что ты завтра будешь меня благодарить. Ты вѣдь хоть и старше

меня, но такая горячка... Этого любезнаго человѣка я выпустилъ оттого, что не хотѣлъ надѣлать шума въ околоткѣ, не хотѣлъ навлечь на тебя тьму непріятностей. Притомъ, ты самъ знаешь—честь твоя, въ сущности, нисколько не пострадала: мы вѣдь съ тобой почти глазъ не спускали съ незваного гостя... Твоя жена довольно наказана за свое легкомысліе... Мы ее порядочно напугали... А ты готовъ теперь ее убить! Я тебя знаю: ты превспыльчивый человѣкъ.

Донъ Бальтазаръ.

Ну, не убить... но, признаюсь, мнѣ бы хотѣлось хоть на ней-то выместить всю мою досаду... Съ другой стороны, скажу тебѣ, Сангре, я радъ, что мы ее подвергли, какъ ты говоришь, испытанію... Она была довольно холодна.

Донъ Пабло.

Вы находите? Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ вы судья. Помоему, ей бы не слѣдовало даже говорить съ нимъ...

Донъ Бальтазаръ.

Разумѣется, ты правъ совершенно... У меня нѣтъ нисколько твердости... ты правъ.

Донъ Пабло.

Ты знаешь, она меня боится. Я хладнокровно и спокойно растолкую ей ея вину. Ты будешь нѣсколько дней сряду обращаться съ ней вѣжливо, но холодно,—и понемногу все придетъ въ обыкновенный порядокъ. Она меня еще болѣе возненавидитъ... но что же дѣлать! я положилъ себѣ правиломъ: всѣмъ жертвовать для друга.

Донъ Бальтазаръ.

Я знаю, ты рѣдкій человѣкъ. Ну, изволь, поговори съ ней; но скажи ей, что я ужасно разсерженъ, что... чтобъ она трепетала! что я буду теперь держать ее взаперти, подъ тремя замками; скажи ей, что... что она... Ну, ты самъ знаешь, что ей сказать!.. Да! какъ ты думаешь—не сказать ли ей, что мы убили этого негодяя?.. Да не забудь сказать ей, чтобъ она... чтобъ она трепетала! О, Боже мой, мнѣ кажется, я умру... я въ эту ночь совсѣмъ состарѣлся... цѣлыя десять лѣтъ жизни она у меня от-

няла! Но этотъ господинъ со мной не раздѣлался; нѣтъ! я найму ловкаго, молчаливаго, надежнаго человѣка и гдѣ-нибудь въ переулочкѣ, вечеркомъ, онъ тому нахалу запуститъ въ бокъ кинжальчикъ.

Донъ Пабло.

Вотъ, что дѣло, то дѣло!..

Донъ Бальтазаръ.

Запуститъ... Итакъ, ты хочешь съ ней остаться? Ну, изволь—я пойду!

Донъ Пабло.

Прощай.

Донъ Бальтазаръ (*возвращаясь*).

Но будь неумолимъ!

Донъ Пабло.

Хорошо.

Донъ Бальтазаръ.

Строгъ!

Донъ Пабло.

Слушаю.

Донъ Бальтазаръ.

Жестокъ!.. Какія любезности онъ ей отпускалъ! а она-то, она-то... Да и онъ, правда, дуракъ порядочный—нашелъ время ораторствовать... А все-таки, дружка я угощу... Ну, прощай, Сангре. Я пойду къ себѣ въ кабинетъ и буду ждать тебя. Смотри же, разскажи мнѣ все въ подробности. (*Уходитъ.*)

Донъ Пабло (*остается одинъ; на столѣ слабо горитъ свѣчка; онъ долго ходитъ взадъ и впередъ, потомъ вдругъ подымаетъ голову*).

Я рѣшился! (*Онъ подходитъ къ двери и стучитъ. Выходитъ Маргарита.*) Маргарита, попроси донью Долоресъ пожаловать ко мнѣ...

Маргарита.

Слушаю.

Донъ Пабло (*даетъ ей кошелекъ съ деньгами*).

А потомъ ложись спать—и спи крѣпкимъ сномъ... Ты меня понимаешь?..

Маргарита (*отталкивая его за руку*).

Понимаю, но мнѣ деньги не нужны. (*Она уходитъ и черезъ нѣсколько времени является съ доньею Долоресъ.*)

Донъ Пабло (*Маргаритѣ*).

Теперь ты можешь уйти... (*Маргарита немного колеблется и уходитъ. Донья Долоресъ*) Сеньйора, не угодно ли вамъ сѣсть?.. (*Онъ предлагаетъ ей стулъ; она не садится и опирается рукою на столъ. Сангре запираетъ всѣ двери и подходитъ къ ней.*) Сеньйора...

Донья Долоресъ (*слабымъ голосомъ и не поднимая глазъ*).

Я устала, сеньйоръ... Позвольте мнѣ отдохнуть... Завтра я готова, по мѣрѣ возможности, объяснить это странное... (*Голосъ ея прерывается.*)

Донъ Пабло.

Къ крайнему моему сожалѣнію, я не въ правѣ отложить нашъ разговоръ до завтра... Не угодно ли вамъ выпить стаканъ воды?

Донья Долоресъ.

Нѣтъ... но позвольте вамъ замѣтить... я не обязана отвѣчать вамъ на ваши вопросы... Донъ Бальтазаръ одинъ...

Донъ Пабло (*тщетно дожидается конца фразы доньи Долоресъ и послѣ нѣкотораго молчанія*).

Сеньйора... послѣ того, что сегодня случилось, я бы не находился здѣсь съ вами наединѣ безъ особеннаго приказанія вашего супруга... Притомъ, нашъ разговоръ будетъ либо весьма не длиненъ, либо такъ занимателенъ для васъ и для меня, что вы не пожалуетесь ни на скуку, ни на усталость. Вы меня боитесь, сеньйора,—я это знаю; но вы меня боитесь, какъ человѣка суроваго и строгаго, не какъ человѣка грубаго и непріятнаго, а потому я надѣюсь на вашу откровенность. Но вы устали... я прошу васъ сѣсть. (*Донья Долоресъ садится; донъ Пабло садится рядомъ съ нею.*) Я даже вовсе не намѣренъ васъ мучить разспросами. Я все знаю—и вы знаете, что я все знаю. Позвольте мнѣ вамъ предложить одинъ вопросъ... Какого рода было то чувство, которое, какъ кажется, такъ вне-

запно овладѣло вами при видѣ этого молодого человѣка? (*Донья Долоресъ молчитъ.*) Сеньйора, отвѣчайте мнѣ, какъ бы вы отвѣчали вашему отцу. Согласитесь сами, — донъ Бальтазаръ совсѣмъ иначе говорилъ бы съ вами — неправда ли? Отвѣчайте жъ мнѣ хоть изъ благодарности за то, что я избавилъ васъ отъ весьма непріятныхъ объясненій... Если бъ вы знали, сколько въ душѣ моей снисходительности, даже нѣжности...

Донья Долоресъ.

Въ васъ, сеньйоръ?

Донъ Пабло.

Во мнѣ, Долоресъ... (*Послѣ нѣкотораго молчанія*) Я жду вашего отвѣта.

Донья Долоресъ.

Что мнѣ сказать вамъ?.. Я, право, не умѣю даже назвать это чувство... Мгновенное забвеніе... неосторожность... глупость... непростительная глупость.

Донъ Пабло.

Я вамъ вѣрю, сеньйора... И не правда ли, завтра же вы все позабудете—и его, и ваши слова, и вашу, какъ вы говорите, непростительную неосторожность...

Донья Долоресъ (*съ нерѣшимостью*).

Да... конечно... или, можетъ-быть, нѣтъ, — по крайней мѣрѣ, не такъ скоро...

Донъ Пабло.

Разумѣется, сеньйора. Ваша жизнь, какъ жизнь почти всѣхъ замужнихъ женщинъ, такъ однообразна, что подобное впечатлѣніе не можетъ тотчасъ же изгладиться... Но ваше сердце, скажите, ваше сердце не будетъ долго помнить сегодняшнее происшествіе?.. (*Донья Долоресъ молчитъ.*) Я уважаю ваше молчаніе... я васъ понимаю, сеньйора... Послушайте: вашъ супругъ прекраснѣйшій, достойнѣйшій человѣкъ,—но онъ не молодъ; а вы, вы еще очень молоды, а потому и не удивительно, что вы предаетесь иногда мечтаньямъ, не совсѣмъ позволительнымъ, но неизбѣжнымъ. До сихъ поръ ваши мечтанья не принимали никакого опредѣленнаго образа... а теперь... а те-

перь вы будете знать, о комъ думать, когда въ безсонную ночь будете сидѣть у полураскрытаго окна и смотрѣть на звѣзды, на луну... на этотъ садъ, на этотъ темный садъ, въ которомъ онъ нѣкогда ожидалъ васъ... Не правда ли, сеньйора?

Донья Долоресъ (*съ замѣшательствомъ*).

Сеньйоръ...

Донъ Пабло.

Я васъ не обвиняю... я даже думаю, что съ нѣкоторой точки зрѣнія самъ донъ Бальтазаръ долженъ радоваться сегодняшнему приключенію... Онъ можетъ быть увѣренъ, что вы сами будете стараться избѣгать встрѣчи съ господиномъ Рафаэлемъ... а между тѣмъ, одно воспоминаніе такого рода не допускаетъ возможности другого, новаго впечатлѣнія... Извините мою откровенность, сеньйора... да и можетъ быть, я ошибаюсь, — можетъ-быть, я придаю вамъ теперь или возбуждаю въ васъ мысли, которыя вамъ и въ голову не приходили... Скажите мнѣ, ошибаюсь я, или нѣтъ?

Донья Долоресъ (*рѣшительно*).

Вы не ошибаетесь.

Донъ Пабло.

Какъ ваши глаза вдругъ вспыхнули!.. О, да! вы меня ненавидите... я вашу ненависть прочелъ сейчасъ въ вашемъ взглядѣ... да, вы будете думать, долго думать о немъ. (*Вдругъ возвысивъ голосъ*) Такъ знай же, Долоресъ, что ты сейчасъ произнесла свой смертный приговоръ.

Донья Долоресъ.

Что вы сказали?

Донъ Пабло.

Васъ удивили мои слова? Но мнѣ не должно притворяться: я рѣшился сказать все, что такъ давно ношу въ сердцѣ... и вы меня выслушаете, клянусь честью, вы выслушаете меня... (*Она хочетъ встать; онъ ее удерживаетъ.*) Долоресъ, когда, два года назадъ, я въ первый разъ васъ увидѣлъ, въ тотъ же самый вечеръ я мечталъ, какъ ребенокъ, о блаженствѣ быть съ вами, въ вашей комнатѣ, наединѣ, потому что я полюбилъ васъ тогда тотчасъ...

потому что я люблю васъ, Долоресъ... (*Молчаніе.*) И вотъ, мы съ вами вдвоемъ, въ вашей комнатѣ,—а я... я не чувствую блаженства; я чувствую тоску и радость, странную, жгучую, мучительную радость... Но, Боже, какъ мнѣ выразить все, что я чувствую!.. два года, два года неумолимаго, непонятнаго молчанія... два года!.. Неужели вы не могли догадаться, что я люблю васъ страстно? неужели я такъ удачно умѣлъ скрывать свои терзанья, что ни разу, ни разу не измѣнилъ себѣ?.. А, помнится, иногда я сижу подлѣ васъ, Долоресъ, не смѣю взглянуть на васъ—но чувствую, что все мое лицо такъ и дышитъ обожаньемъ и любовью... Неужели мое молчаніе не было во сто разъ краснорѣчивѣе водяныхъ и вялыхъ возгласовъ вашего Рафаэля... „Одно святое, чистое воспоминаніе"—вотъ какія пошлости нравятся женщинамъ. (*Взглянувъ на Долоресъ и нѣсколько опомнившись*) Долоресъ, я вижу, вы испуганы; мнѣ, старику, стыдно безумствовать, стыдно плакать, но послушайте: хотите я разскажу вамъ свою жизнь... Послушайте: я въ молодости хотѣлъ поступить въ монастырь... (*Останавливается и смѣется*) Я, кажется, совсѣмъ съ ума сошелъ. (*Начинаетъ ходить по комнатѣ. Долоресъ осторожно встаетъ и быстро подбѣгаетъ къ двери, силится ее отпереть, силится кричать. Пабло подходитъ къ ней и подводитъ ее къ креслу.*) Нѣтъ, вы не уйдете!

Донья Долоресъ.

Пустите меня...

Донъ Пабло.

Какъ я глубоко оскорбленъ вашимъ торопливымъ страхомъ... О, да! Вы меня не только не любите, вы меня ненавидите, боитесь меня...

Донья Долоресъ.

Да вы безумный!.. пустите меня...

Донъ Пабло.

Вы не уйдете.

Донья Долоресъ (*съ отчаяніемъ*).

Да, точно; я не могу уйти... Радуйтесь, кошка,—попалась вамъ мышь въ лапы.

Донъ Пабло.

Прекрасно, сударыня; я готовъ продолжать ваше сравненіе... Попалась въ когти, говорите вы; а кто велѣлъ ей выходить... Сидѣлъ бы мышенокъ въ своей норѣ, да поглядывалъ бы на Божій свѣтъ...

Донья Долоресъ.

Но я закричу... я буду звать на помощь.

Донъ Пабло (*вполнѣ овладѣвшій собою*).

Э, полно вамъ ребячиться! или вы въ самомъ дѣлѣ мнѣ повѣрили? Признаюсь, я и не подозрѣвалъ въ себѣ такого искусства притворяться и болтать...

(*Донья Долоресъ пронзительно смотритъ на него.*)

Донъ Пабло (*мрачно*).

Нѣтъ!.. мнѣ васъ не обмануть... Вы знаете, вы теперь знаете, что я васъ люблю.

Донья Долоресъ.

Но что мнѣ за дѣло до вашей любви? Какое право дастъ вамъ ваша непрошенная, ваша навязчивая любовь? Стыдитесь, сеньйоръ... два года живете вы почти подъ одной кровлей съ человѣкомъ, котораго вы называете своимъ другомъ, и два года носитесь съ такими преступными и глупыми мыслями. (*Донъ Пабло молчитъ.*) И притомъ, вы всегда такъ краснорѣчиво молчали...

Донъ Пабло.

А вы хотѣли, чтобъ я, человѣкъ немолодой, честолюбивый и упрямый, человѣкъ, котораго надежды, убѣжденія и вѣрованія всѣ перелопались, какъ мыльные пузыри, вы хотѣли, чтобъ я болталъ и вздыхалъ, какъ этотъ глупенькій мальчикъ?

Донья Долоресъ.

Онъ умнѣе васъ, сеньйоръ, потому что хоть нѣсколько приблизился къ своей цѣли... Признаюсь, онъ мнѣ понравился. А вы, сударь, вы хитры, надменны, молчаливы и застѣнчивы. Такихъ людей женщины не любятъ.

Донъ Пабло.

Если бъ вы знали, Долоресъ, какое сердце вы теперь попираете ногами!..

Донья Долоресъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ, каждый человѣкъ воображаетъ, что его сердце — сокровище, нетронутый кладъ... Я васъ не хочу лишать вашего сокровища...

Донъ Пабло.

О, сеньйора! какъ вы красно говорите!

Донья Долоресъ.

О, сеньйоръ! мнѣ ли сравниться съ вами! „Два года неумолимаго молчанія“... Неумолимаго... мнѣ это слово нравится.

Донъ Пабло.

Не шутите кинжаломъ... можете обрѣзаться.

Донья Долоресъ.

Я васъ не боюсь.

Донъ Пабло.

Да, конечно; вы не боитесь меня съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что я васъ люблю... но берегитесь, — моя любовь пространнаго рода... притомъ же, и я теперь убѣдился, что вы — не любите меня...

Донья Долоресъ.

Вы убѣдились... теперь; а прежде не были убѣждены?

Донъ Пабло.

Смѣйтесь, смѣйтесь надо мной... Если бъ вы знали, съ какими чувствами я гляжу на васъ... Какъ бы я охотно сталъ передъ вами на колѣни, съ какимъ наслажденіемъ положилъ бы свою голову у вашихъ ногъ и ждалъ бы одного... одного разсѣяннаго взгляда, какъ милости, если бъ не зналъ, что я только напрасно унижусь...

Донья Долоресъ (*съ злою насмѣшливостью*).

Кто знаетъ?

Донъ Пабло (*задумчиво глядя на нее*).

И что мнѣ понравилось въ этой бѣлокурой головкѣ?.. Странно! на всѣхъ людей, съ которыми случалось мнѣ сближаться, какъ, напримѣръ, на Бальтазара, имѣлъ я почти мнѣ самому непонятное вліяніе... а на нее...

Донья Долоресъ.

Вы мнѣ надоѣли!

Донъ Пабло (*схвативъ ее за руку*).

Однако, посмотри мнѣ въ глаза, посмотри мнѣ въ лицо... тебѣ некогда шутить, повѣрь мнѣ... Или ты думаешь, что ты безнаказанно видѣла мои слезы? Какъ? — ты цѣлые два года такъ безпечно, такъ безстрастно терзала меня, а теперь смѣешься надо мной? Или ты думаешь, что я не умѣю мстить?

Донья Долоресъ (*нѣсколько дрожащимъ голосомъ*).

Вы меня не испугаете... я у себя въ домѣ. Я, какъ дитя, повѣрила глупой шуткѣ, которую вы разыграли надо мной... Да, да, не притворяйтесь удивленнымъ... Вы, я знаю, сговорились съ Маргаритой, съ моимъ мужемъ и, можетъ-быть, даже съ этимъ молодымъ человѣкомъ... но теперь я, какъ хозяйка, говорю вамъ, какъ гостю, что я устала, что вашъ разговоръ нисколько не занимателенъ, несмотря на ваше обѣщанье, и что я прошу васъ удалиться... Я завтра же—я тотчасъ же передамъ донъ Бальтазару все, что вы мнѣ говорили... Онъ не дастъ меня въ обиду.

Донъ Пабло.

Нѣтъ, сеньйора, я не сговаривался съ господиномъ Рафаэлемъ, хотя, признаюсь, *я* научилъ Маргариту оставить ключъ въ вашей комнатѣ, *я* научилъ донъ Бальтазара сказать вамъ, что онъ ночь проводитъ у алькада, *я* посовѣтовалъ ему дать вамъ случай быть наединѣ съ любезнымъ гостемъ... Зачѣмъ я это все дѣлалъ, спросите вы меня? Спросите у человѣка, который не можетъ удержать на скатѣ горы своихъ лошадей, зачѣмъ онъ вдругъ пускаетъ ихъ во всю прыть... Долго, медленно, цѣлые два года созрѣвала наша гибель... она созрѣла — я не могъ удержаться и ударилъ по лошадямъ.

Донья Долоресъ.

Но повторяю вамъ, что мнѣ за дѣло до вашихъ чувствъ, до вашей гибели?..

Донъ Пабло.

Такъ... но и мнѣ-то что за дѣло до вашего страха, до вашего негодованья?.. (*Донья Долоресъ задумывается.*) О чемъ вы задумались?

Донья Долоресъ.

Вы хотите знать, о чемъ я думаю... Я думаю о томъ, что если бъ у меня былъ мужъ гордый и смѣлый, истинный покровитель жены своей, — съ какими горячими слезами я стала бы просить его заступиться за меня, наказать васъ... съ какою радостью привѣтствовала бы его, какъ побѣдителя...

Донъ Пабло.

Просите донъ Бальтазара вызвать меня на дуэль...

Донья Долоресъ.

Сеньйоръ, пора намъ кончить эту шутку...

Донъ Пабло.

Пора... вы говорите... пора...

Донья Долоресъ.

Итакъ... прощайте.

Донъ Пабло.

Однако, вы, точно, меня не понимаете?

Донья Долоресъ (*гордо*).

Милостивый государь, я не хочу васъ понимать...

Донъ Пабло (*кланяясь*).

Сеньйора! какія мысли!

Донья Долоресъ (*презрительно*).

Такъ ужъ не хотите ли вы убить меня?

(Сангре молчитъ. Въ это время раздается стукъ у двери и слышенъ голосъ Бальтазара: „Пабло, Пабло, скоро ли?“)

Донъ Пабло.

Сейчасъ, мой милый, сейчасъ... Твоя жена все еще въ такомъ волненіи. (*Долоресъ хочетъ крикнуть. Онъ быстро выхватываетъ кинжалъ и молча угрожаетъ ей. Она падаетъ въ кресло.*) Приходи черезъ четверть часа, дружокъ.

Донъ Бальтазаръ (*за сценой*).

Хорошо.

Донъ Пабло (*приближаясь къ Долоресъ*).

Долоресъ... вы понимаете, что послѣ сегодняшняго вечера мои отношенія къ вамъ и къ вашему мужу измѣняются совершенно... Я чувствую: я не могу ни разстать-

ся съ вами, ни позабыть васъ; вы меня любить не можете, и потому пускай же совершится неминуемое. Я предаюсь, я повинуюсь неотразимому влеченью... я не противлюсь... я и не хочу противиться. О! я вѣрю въ судьбу... одни лишь дѣти въ нее не вѣрятъ... Она послала этого мальчика... Онъ говорилъ и какъ-будто хвастался тѣмъ, что не вѣритъ ни въ порокъ, ни въ добродѣтель... шутъ! ребенокъ! онъ вѣритъ въ счастіе... а я!.. (*Задумывается.*)

Донья Долоресъ (*трепетнымъ голосомъ*).

Сеньйоръ, сеньйоръ донъ Пабло... неужели жъ, неужели жъ вы не шутите? О, разумѣется, вы шутите! Вы хотите меня... убить... Вотъ, вы смѣетесь... Мы, женщины, всегда Богъ знаетъ какія небылицы придумаемъ; боимся, сами не зная — чего; но сознайтесь, вы говорили такъ странно... и... спрячьте этотъ кинжалъ, ради Бога, послушайте, сеньйоръ; я васъ не люблю... то-есть, вы говорили, что я васъ не люблю; но вы сами, вы всегда были такъ угрюмы, такъ молчаливы... могла ли я думать...

Донъ Пабло.

Сирена!..

Донья Долоресъ.

Сангре, выпустите меня... Право, я устала отъ всѣхъ сегодняшнихъ происшествій; я донъ Бальтазару ничего не скажу, клянусь вамъ Богомъ... Вы будете попрежнему ходить къ намъ... вы останетесь нашимъ другомъ... и я...

Донъ Пабло.

Твои слова напрасны, Долоресъ.

Донья Долоресъ.

Послушайте, вы хотѣли меня напугать... Вы достигли своей цѣли, посмотрите, я вся дрожу; перестаньте же меня мучить...

Донъ Пабло.

Я васъ долго мучить не буду.

Донья Долоресъ.

Не принимайте такого торжественнаго вида, Пабло... разсмѣйтесь; я хочу... слышите, я хочу, чтобъ вы разсмѣялись...

Донъ Пабло.

Женскія хитрости теперь неумѣстны, Долоресъ...

Донья Долоресъ.

Сангре! опомнитесь! что съ вами? Сжальтесь надо мной... Чѣмъ я виновата передъ вами, Сангре? Неужели мои глупыя выходки могли до такой степени озлобить васъ?.. Боже мой! неужели я умру сегодня, въ этомъ платьѣ, въ этой комнатѣ?.. Я еще такъ молода, Пабло... сжалься! не губи моей молодости!..

Донъ Пабло.

Вмѣстѣ съ твоей молодостью погибнетъ и моя поздняя молодость. Пока ты будешь жива, мнѣ не будетъ покоя... (*Подходитъ къ ней.*)

Донья Долоресъ (*съ ужасомъ*).

Но зачѣмъ вы хотите меня убить?

Донъ Пабло.

Кровь имѣетъ очищающую силу. Молись!

Донья Долоресъ (*бросаясь на колѣни*).

Сангре, ради неба!

Донъ Пабло.

Долоресъ, твой жребій выпалъ. Ты умоляешь камень который тебѣ падаетъ на голову...

Донья Долоресъ (*съ отчаяніемъ*).

Да почему вы знаете, что я не полюблю васъ никогда?

Донъ Пабло (*съ иронической улыбкой*).

Почему?.. Долоресъ! одно лобзанье...

Донья Долоресъ (*вскакивая*).

Подите прочь! О, я васъ ненавижу, слышите ли? я васъ ненавижу... Я не стыжусь всѣхъ словъ моихъ, потому что я надѣялась обмануть васъ. Но мнѣ досадно, что вы не дались въ обманъ... Я буду защищаться, я буду звать на помощь...

Донъ Пабло.

Долоресъ...

Донья Долоресъ.

Я не хочу умирать! Ко мнѣ! ко мнѣ!

Донъ Пабло.

Молчи!

Донья Долоресъ.

Спаси меня! спаси меня, Бальтазаръ!

Донъ Бальтазаръ (*за дверью*).

Что за крикъ?

Донья Долоресъ.

Онъ хочетъ убить меня, Бальтазаръ! (*Дверь трещитъ отъ напора донъ Бальтазара.*)

Донъ Пабло (*догоняя ее*).

Все кончено!

Донья Долоресъ (*съ отчаяніемъ*).

Да, все, отвратительный старикъ! Я люблю Рафаэля!

Донъ Пабло.

Молчи! (*Онъ убиваетъ ее.*)

Донья Долоресъ.

А! (*Умираетъ.*)

Донъ Бальтазаръ (*взламываетъ дверь и съ ужасомъ останавливается на порогѣ*).

Боже мой! что это значитъ?

Донъ Пабло.

Это значитъ, что я любилъ твою жену...

ЭПИЛОГЪ.

(*10 лѣтъ спустя*).

Кабинетъ важнаго чиновника. За столомъ сидитъ секретарь. Входитъ донъ Пабло Сангре, графъ Торенно.

Графъ Пабло (*хлопотливо секретарю*).

Готовы ли мои бумаги? Мнѣ пора...

Секретарь (*почтительно*).

Вотъ онѣ, ваше сіятельство. (*Оба выходятъ.*)

1843 г.

БЕЗДЕНЕЖЬЕ.

Сцены изъ петербургской жизни молодого дворянина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тимоѳей Петровичъ Жазиковъ, молодой человѣкъ.
Матвѣй, слуга его, старикъ.
Василій Васильевичъ Блиновъ, степной помѣщикъ, сосѣдъ Жазикова.
Русскій купецъ.
Нѣмецъ, сапожникъ.
Французъ, художникъ.
Дѣвушка.
Извозчикъ.
Незнакомецъ.
Человѣкъ съ собакой.
Приказчикъ изъ литографіи.

Комната довольно порядочно убранная. На кровати за ширмами почиваетъ Тимоѳей Петровичъ Жазиковъ. Входитъ Матвѣй.

Матвѣй (*у постели*).

Тимоѳей Петровичъ, извольте вставать! Тимоѳей Петровичъ! (*Молчаніе.*) Тимоѳей Петровичъ! Тимоѳей Петровичъ!

Жазиковъ.

Мм...

Матвѣй.

Извольте вставать... пора-съ.

Жазиковъ.

Который часъ?

Матвѣй.

Четверть одиннадцатаго.

Жазиковъ (*съ необыкновеннымъ жаромъ*).

Какъ же это ты меня до сихъ поръ не разбудилъ? Вѣдь я говорилъ тебѣ вчера?

Матвѣй.

Я васъ будилъ. Вы не изволили вставать.

Жазиковъ.

Ну, одѣяло бы стащилъ. Давай скорѣй одѣваться. (*Надѣваетъ шлафрокъ и выходитъ изъ-за ширмъ.*) А, а! (*Подходитъ къ окну.*) Должно-быть, холодно на дворѣ. Да и въ комнатѣ холодно. Матвѣй, затопи-ка печку.

Матвѣй.

Дровъ нѣту-съ.

Жазиковъ.

Какъ нѣтъ дровъ? развѣ всѣ вышли?

Матвѣй.

Да ужъ съ недѣлю будетъ-съ, какъ вышли.

Жазиковъ.

Что за вздоръ? Чѣмъ же ты топишь?

Матвѣй.

Да я и не топилъ-съ.

Жазиковъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Оттого-то, видно, я и зябъ... Однакожъ, дровъ достать необходимо. Ну, объ этомъ послѣ. А самоваръ ты поставилъ?

Матвѣй.

Какъ же-съ, поставилъ.

Жазиковъ.

Хорошо. Давай же мнѣ поскорѣй чаю.

Матвѣй.

Сейчасъ. Только сахаръ вышелъ-съ.

Жазиковъ.

Вышелъ тоже? Весь вышелъ?

Матвѣй.

Весь.

Жазиковъ (*съ негодованіемъ*).

Однакожъ, я не могу остаться безъ чаю. Ступай, достань гдѣ-нибудь сахару. Ступай!

Матвѣй.

Да гдѣ же прикажете достать, Тимоѳей Петровичъ?

Жазиковъ.

Ну, тамъ, въ лавочкѣ, въ долгъ возьми. Скажи, что завтра отдамъ.

Матвѣй.

Да вѣдь въ лавочкѣ больше не вѣрятъ, Тимоѳей Петровичъ, даже бранятся.

Жазиковъ.

А сколько мы имъ должны?

Матвѣй.

Семь рублей шестьдесятъ копеекъ.

Жазиковъ.

Подлецы! Ну, сходи еще разъ, попробуй; авось дадутъ.

Матвѣй.

Да не дадутъ, Тимоѳей Петровичъ.

Жазиковъ.

Да ты скажи имъ, что, дескать, на-дняхъ баринъ изъ деревни деньги получитъ, слѣдуемую треть; что мы имъ тотчасъ же все сполна заплатимъ. Ну, ступай.

Матвѣй.

Да что идти, Тимоѳей Петровичъ! не дадутъ, ужъ я знаю...

Жазиковъ.

Не дадутъ! Оттого, что ты глупъ. Ты, чай, лавочнику кланяешься, словно милостыню просишь: пожалуйте, дескать, сахару. Нѣтъ у тебя никакой... какъ бишь это сказать по-русски... Ну, все равно, ты меня не поймешь. (*Раздается звонокъ. Жазиковъ бросается стремглавъ за ширмы и говоритъ шопотомъ изъ-за ширмъ*) Не принимать никого! не принимать! слышишь? Скажи, что съ

утра уѣхалъ... (*Матвѣй выходитъ. Жазиковъ затыкаетъ себѣ пальцами уши.*)

Голосъ нѣмца-сапожника.

Гаспадинъ дома?

Голосъ Матвѣя.

Никакъ нѣтъ.

Голосъ сапожника.

Gotts Donnerwetter! Нѣтъ?

Голосъ Матвѣя.

Нѣтъ его дома, говорятъ тебѣ.

Голосъ сапожника.

А скоро будетъ?

Голосъ Матвѣя.

Не знаю; нѣтъ, не скоро.

Голосъ сапожника.

Какъ же такъ? это не можно. Мнѣ нужно деньги.

Голосъ Матвѣя.

Ушелъ, говорятъ тебѣ, ушелъ, въ должность ушелъ.

Голосъ сапожника.

Мм!.. я буду подождать.

Голосъ Матвѣя.

Нельзя тебѣ ждать.

Голосъ сапожника.

Я буду подождать.

Голосъ Матвѣя.

Нельзя, говорятъ тебѣ, нельзя: ступай; я самъ скоро выйду.

Голосъ сапожника.

Я буду подождать.

Голосъ Матвѣя.

Да нельзя, говорятъ тебѣ.

Голосъ сапожника.

Мнѣ нужно деньга; деньга нужно; я не пойду.

Голосъ Матвѣя.

Ступай, ступай, говорятъ тебѣ!

Голосъ сапожника.

Сти-идно, сти-идно! благородный человѣкъ, а такое дѣлаетъ! сти-идно...

Голосъ Матвѣя.

Да ступай же, чортъ! Не цѣлый же мнѣ часъ съ тобой разговаривать!

Голосъ сапожника.

Когда же деньги? Деньги когда?

Голосъ Матвѣя.

Приходи послѣ-завтра.

Голосъ сапожника.

Когда?

Голосъ Матвѣя.

Объ эту же пору.

Голосъ сапожника.

Ну, прощайте.

Голосъ Матвѣя.

Прощай. (*Слышенъ стукъ запирающейся двери. Входитъ Матвѣй.*)

Жазиковъ (*робко выглядывая изъ-за ширмъ*).

Ушелъ?

Матвѣй.

Ушелъ-съ.

Жазиковъ.

Ну, хорошо; ну, хорошо. Вишь, проклятый нѣмецъ! Ему бы все деньги да деньги... Не люблю нѣмцевъ! А теперь ступай за сахаромъ.

Матвѣй.

Да Тимоѳей Петровичъ...

Жазиковъ.

Знать ничего не хочу! Безъ чаю мнѣ сегодня остаться что ли, по-твоему? Хоть вынь да положь... Ступай, ступай, ступай!!! (*Матвѣй уходитъ.*) Этотъ старый дуракъ рѣшительно никуда не годится; надобно выписать себѣ другого помоложе. (*Помолчавъ немного*) А денегъ необходимо нужно гдѣ-нибудь достать... У кого бы занять? Вотъ вопросъ... (*Слышенъ звонокъ.*) Чортъ возьми, опять должникъ! А Матвѣя я услалъ за сахаромъ! (*Звонокъ.*) Не могу жъ я самъ отворить этому чорту дверь... (*Звонокъ.*) Кредиторъ, должно-быть, бестія! (*Звонокъ.*) Вишь, какъ нагло звонитъ... (*Хочетъ идти.*) Нѣтъ, нельзя; да

и не прилично. (*Отчаянный звонокъ.*) Хоть ты тамъ себѣ тресни... (*Вздрагиваетъ.*) Онъ, кажется, оборвалъ колокольчикъ... Однакожъ, какъ онъ смѣетъ!.. Ну, а если это не должникъ? Если почтальонъ съ повѣсткой? Нѣтъ, почтальонъ такъ звонить не станетъ... Онъ лучше въ другой разъ зайдетъ. (*Входитъ Матвѣй.*) Помилуй, гдѣ ты пропадаешь? Безъ тебя звонокъ оборвали. Это просто ни на что не похоже. Ну, а сахаръ принесъ?

Матвѣй (*вынимая изъ кармана сверточекъ сѣрой бумаги*). Вотъ-съ.

Жазиковъ.

Это? (*Развертываетъ бумагу.*) Да тутъ всего четыре куска, и тѣ всѣ въ пыли...

Матвѣй.

Да и то, батюшка, черезъ силу досталъ.

Жазиковъ.

Ну, дѣлать нечего. Подавай самоваръ. (*Начинаетъ пѣть итальянскую арію.*) Матвѣй!

Матвѣй.

Что́ прикажете съ?

Жазиковъ.

Матвѣй, я хочу сшить тебѣ ливрею.

Матвѣй.

Воля ваша-съ.

Жазиковъ.

Да ты что́ думаешь? Я сошью тебѣ ливрею самую модную, знаешь, этакую, сѣро-лиловую, съ голубыми аксельбантами... (*Звонокъ.*) Тьфу ты, пропасть! (*Опять спасается за ширмы; Матвѣй выходитъ.*)

Голосъ русскаго купца.

А что, почтеннѣйшій, баринъ вашъ еще почиваетъ?

Голосъ Матвѣя.

Нѣтъ, вышелъ.

Голосъ купца.

Вышелъ съ?

Голосъ Матвѣя.

Вышелъ.

Голосъ купца.

Такъ-съ; раненько изволилъ подняться. А что, деньжонокъ у васъ не водится?

Голосъ Матвѣя.

Теперь, признаться сказать, нѣту. А вотъ ужотко будутъ.

Голосъ купца.

То-есть, это когда же-съ? Коли не долго, такъ я, пожалуй, и подожду-съ.

Голосъ Матвѣя.

Нѣтъ, ужъ лучше зайдите денька черезъ два или черезъ три.

Голосъ купца.

Такъ-съ. Такъ не водится деньжонокъ-то?

Голосъ Матвѣя.

Теперь нѣту.

Голосъ купца.

А и деньги-то за вами небольшія-съ. Да ужъ и я, признаться, сапожки пообносилъ, къ вамъ ходивши.

Голосъ Матвѣя.

Дня этакъ черезъ два.

Голосъ купца.

То-есть, это будетъ въ четвертокъ? Или ужъ мнѣ зайти, знаете, этакъ, въ пятницу? Али ужъ въ субботу?

Голосъ Матвѣя.

Ну, пожалуй, хоть въ субботу.

Голосъ купца.

Придемъ-съ въ субботу. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*) А деньжонокъ теперь нѣту?

Голосъ Матвѣя.

Нѣту.

Голосъ купца.

Такъ-съ. Такъ когда же приходить-то мнѣ?

Голосъ Матвѣя.

Да сказано—въ субботу.

Голосъ купца.

Въ субботу? Ну, пожалуй, придемъ-съ и въ субботу. И такъ-таки нѣту деньжонокъ?

Голосъ Матвѣя.

Ахъ, Боже мой! Нѣту.

Голосъ купца.

Рубликовъ двадцать пять?

Голосъ Матвѣя.

Нѣту, нѣту; гроша нѣту.

Голосъ купца.

Ну, хоть двѣ красненькихъ.

Голосъ Матвѣя.

Да откуда взять?

Голосъ купца.

Такъ-таки нѣту денегъ-съ?

Голосъ Матвѣя.

Нѣту, нѣту, нѣту!

Голосъ купца.

Такъ когда же приходить-то мнѣ?

Голосъ Матвѣя.

Въ субботу, въ субботу.

Голосъ купца.

А раньше нельзя?

Голосъ Матвѣя.

Пожалуй, хоть раньше, все равно.

Голосъ купца.

Я приду въ пятницу.

Голосъ Матвѣя.

Ну, хорошо.

Голосъ купца.

И деньжонокъ-съ можно будетъ получить?

Голосъ Матвѣя.

Можно.

Голосъ купца.

А теперь нѣту-съ?

Голосъ Матвѣя.

Нѣту, нѣту.

Голосъ купца.

Такъ въ пятницу, что ли?

Голосъ Матвѣя.

Да!

Голосъ купца.

Объ эту пору-съ?

Голосъ Матвѣя.

Да, да.

Голосъ купца.

Или ужъ въ субботу-съ?

Голосъ Матвѣя.

Какъ знаете.

Голосъ купца.

Такъ мы въ субботу придемъ-съ, или въ пятницу, какъ намъ тамъ сподручнѣе будетъ. Вы понимаете, какъ этакъ сподручнѣе.

Голосъ Матвѣя.

Какъ знаете.

Голосъ купца.

Можетъ, въ пятницу... А теперь никакъ нельзя деньжонокъ получить-съ?

Голосъ Матвѣя.

Ахъ, ты, Господи, Боже мой! Ахъ, ты, Господи!

Голосъ купца.

Ну, такъ въ субботу. Просимъ-съ прощенья.

Голосъ Матвѣя.

Прощайте.

Голосъ купца.

Счастливо оставаться. Зайдемъ въ пятницу или субботу, объ эту пору-съ. Просимъ прощенья-съ. (*Слышенъ стукъ запирающейся двери. Входитъ Матвѣй, блѣдный и въ поту.*)

Жазиковъ (*выходя изъ-за ширмъ*).

Какъ тебѣ не стыдно, Матвѣй! цѣлый часъ съ дуракомъ возишься. Кто это былъ?

Матвѣй (*угрюмо*).

Небельщикъ.

Жазиковъ.

А я развѣ ему долженъ?

Матвѣй.

Пятьдесятъ два рубля.

Жазиковъ.

Неужели! Да за что? Конторка-то вся разсохлась, посмотри. Это просто ни на что не похоже. Впередъ буду всѣ мебели брать у Гамбса. Терпѣть не могу русской работы. Ужъ эти мнѣ козлиныя бороды! Дешево, да гнило. (*Звонокъ.*) Фу, чортъ возьми! опять! Да они мнѣ, просто, ничѣмъ заняться не дадутъ! Я даже чаю напиться не могу спокойно... это ужасъ! (*Исчезаетъ за ширмы; Матвѣй отправляется въ переднюю.*)

Голосъ дѣвушки.

Что, вашъ господинъ дома?

(*Жазиковъ проворно выглядываетъ изъ-за ширмъ.*)

Голосъ Матвѣя.

Нѣтъ, ушелъ съ утра.

Жазиковъ (*громко*).

Кто тамъ?

Голосъ дѣвушки.

Какъ же вы говорили, что его дома нѣтъ?

Голосъ Матвѣя.

Ну, взойдите... Что жъ, коли онъ самъ...

(*Входитъ дѣвушка лѣтъ семнадцати, съ узелкомъ въ рукахъ, въ салопѣ и въ шляпкѣ.*)

Жазиковъ (*съ любезной улыбкой*).

Что вамъ надобно?

Матвѣй.

Опа отъ прачки.

Жазиковъ (*нѣсколько смутясь*).

А! такъ что вамъ надобно?

Дѣвушка (*подаетъ ему счетъ*).

Вотъ, по этому получить-съ.

Жазиковъ (*равнодушно*).

А! (*Проглядываетъ счетъ.*) Ну, хорошо. Одиннадцать рублей сорокъ копеекъ. Хорошо. Зайдите, пожалуйста, завтра.

Дѣвушка.

Мнѣ приказала Арина Матвѣевна сегодня получить.

Жазиковъ.

Я, пожалуй, и сегодня бы вамъ отдалъ (*съ улыбкой*), и съ удовольствіемъ—да мелочи нѣту, то-есть, повѣрите ли? совсѣмъ нѣтъ мелочи.

Дѣвушка.

Я размѣняю, въ лавочку схожу.

Жазиковъ.

Нѣтъ... лучше уже зайдите вы въ другой разъ... (*играя кистями шлафрока*) этакъ — завтра, что ли, или даже сегодня, послѣ обѣда...

Дѣвушка.

Да нѣтъ; пожалуйста, теперь; Арина Матвѣевна меня забранитъ.

Жазиковъ.

Ахъ, какая же она жестокая! Васъ бранить—это верхъ несправедливости! Я даже признаюсь—не понимаю... Какъ васъ зовутъ, душенька моя?

Дѣвушка.

Матрёной.

Жазиковъ.

Милая Матрёнушка, вы мнѣ очень правитесь.

Дѣвушка.

Да нѣтъ; да нѣтъ; пожалуйте денегъ. Вотъ, по этому счету.

Жазиковъ.

Повѣрьте, я вамъ заплачу, все сполна заплачу. Я въ отчаяніи... (*Раздается звонокъ.*) Чортъ бы ихъ побралъ! Прощайте, милая моя. До завтра. Приходите завтра; все получите сполна. Прощайте, ангелочекъ вы мой!

Дѣвушка.

Да нѣтъ; да нѣтъ... (*Жазиковъ исчезаетъ за ширмы.*)

Матвѣй.

Ну, ступай, ступай, голубушка; ступай...

Дѣвушка.

Да Арина Матвѣевна меня забранитъ.

Матвѣй.

Ну, ступай, ступай! (*Выпроваживаетъ ее.*)

Жазиковъ (*кричитъ Матвѣю вслѣдъ*).

Ты ее по черной лѣстницѣ проведи! слышишь? (*Про себя.*) А то столкнутся, пожалуй... Экая гадость! Экая гадость!.. А прехорошенькая она, чортъ возьми! Надобно будетъ, этакъ — того... (*Звонокъ. Жазиковъ прячется за ширмы.*)

Голосъ хриплый и грубый (*въ передней*).

Дома?

Голосъ Матвѣя (*съ робостью*).

Никакъ нѣтъ-съ.

Голосъ незнакомца.

Да ты врешь?

Голосъ Матвѣя.

Ей-Богу-съ.

Голосъ незнакомца.

Да что̀ твой баринъ? Смѣется, что ли, надо мной? Что я его холопъ, что ли? Я жъ ему далъ денегъ, да я жъ и бѣгай къ нему каждый день. Дай мнѣ бумагу, перо,—я ему записку напишу.

Голосъ Матвѣя.

Извольте-съ!

Голосъ незнакомца.

Да шубу стащи, старый песъ.

(Входитъ незнакомецъ высокаго роста, толстый, съ черными бакенбардами. Матвѣй достаетъ клочокъ бумажки и перо. Незнакомецъ садится за столъ, ворчитъ и пишетъ. За ширмами мертвая тишина.)

Незнакомецъ (*вставая*).

Вотъ дай это ему, твоему барину. Слышишь?

Матвѣй.

Слушаю-съ.

Незнакомецъ.

Да скажи ему, твоему барину, что я шутить не люблю. Просьбу подамъ: въ тюрьму упеку его, твоего барина. Я ему дамъ, твоему барину! (*Уходитъ; въ передней со стукомъ надѣваетъ калоши. Дверь запирается. Минуты черезъ двѣ выходитъ изъ-за ширмъ Жазиковъ.*)

Жазиковъ *(съ негодованіемъ).*

Подлецъ! Что онъ застращать меня хочетъ, что ли?.. Нѣтъ, братъ, не на того наскочилъ. Ты еще меня, братъ, не знаешь! *(Читаетъ письмо).* Подлецъ, подлецъ! неблагородный подлецъ! *(Рветъ письмо въ клочки).* Грубый, невѣжественный мужикъ! Да, впрочемъ, хорошъ и я! Нужно жъ мнѣ было связываться съ такимъ... Вишь, грозить мнѣ вздумалъ! *(Ходитъ въ волненіи по комнатѣ).* Надобно принять рѣшительныя мѣры... *(Раздается звонокъ).* Ахъ, Боже мой! *(Опять исчезаетъ за ширмы).*

Голосъ Матвѣя *(въ передней).*

Что̀ тебѣ?

Другой голосъ.

Да вчера возилъ ихъ милость...

Голосъ Матвѣя.

Куда возилъ?

Другой голосъ.

А въ Подьяческую возилъ, да съ Подьяческой на Пески.

Голосъ Матвѣя.

Ну, такъ что̀ жъ тебѣ?

Другой голосъ.

Да вотъ, приказалъ придти сегодня за деньгами.

Голосъ Матвѣя.

А сколько тебѣ?

Другой голосъ.

Три гривенничка.

Голосъ Матвѣя.

Ну, приходи завтра.

Другой голосъ *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Слушаю, батюшка.

Жазиковъ *(выходя изъ-за ширмъ).*

Да; я вижу, мнѣ деньги нужны, просто даже необходимы... Матвѣй! *(Входитъ Матвѣй).* Ты знаешь, гдѣ живетъ генералъ Шенцель?

Матвѣй.

Знаю-съ.

Жазиковъ.

Ты ему сейчасъ отнесешь отъ меня письмо. Ступай. Я позову тебя. *(Садится за столъ и пишетъ).* Какія мерзкія перья! Надобно будетъ въ англійскомъ магазинѣ купить... *(Читаетъ вслухъ).* „Ваше превосходительство, позвольте мнѣ прибѣгнуть къ вамъ съ покорнѣйшей *(поправляетъ)*, всепокорнѣйшей просьбой: не можете ли вы мнѣ дать взаймы на нѣсколько дней триста рублей ассигнаціями? Мнѣ чрезвычайно совѣстно васъ безпокоить, но я надѣюсь на вашу снисходительность. Я съ своей стороны буду вамъ чрезвычайно благодаренъ — и непремѣнно къ сроку отдамъ всѣ деньги сполна. Остаюсь искренно и душевно преданный вамъ“... Кажется, хорошо? Немножко фамильярно, да это не бѣда. Показываетъ все-таки самостоятельность нѣкоторую, развязность... Ничего! вѣдь я не разночинецъ какой-нибудь, чортъ возьми! я дворянинъ! Что-то будетъ?.. Матвѣй!.. *(Матвѣй входитъ).* Вотъ — отнеси. Да пожалуйста, не мѣшкай и приходи скорѣе. Вѣдь онъ въ двухъ шагахъ отсюда живетъ.

Матвѣй *(уходя).*

Чего мѣшкать?

Жазиковъ.

Ну, что-то будетъ? Мнѣ кажется, онъ дастъ. Онъ хорошій человѣкъ и меня любитъ. А я чаю-то до сихъ поръ еще и не пилъ. Небось, простылъ. *(Пьетъ).* Именно, простылъ. Ну, дѣлать нечего. *(Послѣ нѣкотораго молчанія).* Надобно бы чѣмъ-нибудь однакожъ заняться... Нѣтъ, не могу; подожду Матвѣя. Что-то онъ мнѣ принесетъ? Ну, какъ онъ его дома не застанетъ! Который часъ? *(Подходитъ къ часамъ).* Половина двѣнадцатаго. *(Задумывается).* Попробовать бы написать что-нибудь. Да что писать? *(Ложится на софу).* Плохо! *(Вздрагиваетъ).* Матвѣй!.. Нѣтъ, еще не онъ. *(Начинаетъ декламировать).*

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана...

Да, именно грустно; Пушкинъ великій поэтъ. Что это Матвѣй не идетъ? *(Задумывается).* А вѣдь надобно правду

сказать, напрасно я въ военную службу не вступилъ. Во-первыхъ, все-таки лучше, а во-вторыхъ—у меня, я это чувствую, у меня есть способности къ тактикѣ—есть... Ну, ужъ теперь не воротишь! Ужъ теперь... извини, Тимоѳей Петровичъ, не воротишь. *(Входитъ Матвѣй. Жазиковъ бросается головой въ подушки, закрываетъ глаза руками и кричитъ).* Ну, я знаю, знаю, знаю... Дома не засталъ? ну, дома не засталъ?.. ну, говори скорѣй!

Матвѣй.

Никакъ нѣтъ-съ. Засталъ.

Жазиковъ *(поднимая голову).*

А! засталъ... И отвѣтъ получилъ?

Матвѣй.

Какъ же-съ, получилъ.

Жазиковъ *(отворачивая голову и протягивая руку).*

Подай, подай... *(щупаетъ письмо).* Эхъ! что-то нежирно. *(Подноситъ письмо къ зажмуреннымъ глазамъ).* Ну! *(Открываетъ глаза).* Да это мое письмо!

Матвѣй.

Они въ вашемъ письмѣ изволили приписать.

Жазиковъ.

Ну, понимаю, понимаю! Отказъ... Экой журавль проклятый! Я и читать его отвѣта не могу. *(Бросаетъ письмо).* Я знаю, что̀ тамъ писано... *(Поднимаетъ письмо).* Однако, все же лучше прочесть: можетъ-быть, онъ не совсѣмъ отказываетъ... можетъ-быть, обѣщаетъ... *(Къ Матвѣю).* Что̀, онъ самъ тебѣ отдалъ письмо?

Матвѣй.

Никакъ нѣтъ-съ, съ человѣкомъ выслалъ.

Жазиковъ.

Мм... Ну, прочтемъ, дѣлать нечего. *(Читаетъ и улыбается иронически).* Хорошъ, хорошъ... „Любезный Тимоѳей Петровичъ, никакъ не могу удовлетворить твою просьбу. Впрочемъ, пребываю...“ Впрочемъ, пребываешь! Вотъ оно и благорасположеніе! Вотъ они, пріязненныя-то отношенія, вотъ они! *(Бросаетъ письмо).* Чортъ съ нимъ совсѣмъ!

Матвѣй *(со вздохомъ).*

Незадачный выдался денекъ!

Жазиковъ.

Ну, ты будешь разсуждать теперь! Ступай-ка лучше вонъ. А я работать долженъ, понимаешь? *(Матвѣй выходитъ. Жазиковъ прохаживается по комнатѣ).* Скверно, скверно... Что жъ дѣлать? *(Усаживается передъ столомъ).* Надобно приниматься за работу. *(Потягивается, беретъ французскій романъ, развертываетъ на удачу и начинаетъ читать. Входитъ Матвѣй).*

Матвѣй *(вполголоса).*

Тимоѳей Петровичъ...

Жазиковъ.

Ну, что еще?

Матвѣй *(вполголоса*

Пришелъ наумовскій человѣкъ.

Жазиковъ *(шопотомъ).*

Сидоръ?

Матвѣй *(такъ же).*

Да-съ, Сидоръ.

Жазиковъ *(такъ же).*

Зачѣмъ же онъ пришелъ?

Матвѣй *(такъ же).*

Говоритъ, что, дескать, деньги нужны; баринъ въ деревню ѣдетъ, его съ собой беретъ, такъ пришелъ просить о деньгахъ-съ.

Жазиковъ *(такъ же).*

А я ему сколько долженъ?

Матвѣй *(такъ же).*

Да съ процентами теперь рублей пятьсотъ наберется!

Жазиковъ *(такъ же).*

Ты ему сказалъ, что я дома?

Матвѣй *(такъ же).*

Никакъ нѣтъ-съ.

Жазиковъ *(такъ же).*

Ну, хорошо. Только какъ же я звонка-то не слыхалъ?

Матвѣй *(такъ же).*

Да онъ-съ по черной лѣстницѣ прошелъ.

Жазиковъ *(шопотомъ, но съ сердцемъ).*

А зачѣмъ они у тебя по черной лѣстницѣ шляются? Зачѣмъ задній ходъ знаютъ? Этакъ они, пожалуй, меня обокрадутъ когда-нибудь! Это безпорядокъ! этого не терплю! На то парадная лѣстница есть...

Матвѣй *(все шопотомъ).*

Слушаю-съ. Я его теперь отошлю-съ. Только вотъ, онъ все спрашиваетъ-съ, когда ему можно будетъ за деньгами-то зайти-съ.

Жазиковъ *(все такъ же).*

Когда... когда... ну, черезъ недѣлю, что̀ ли...

Матвѣй *(такъ же).*

Слушаю-съ. Только вы, батюшка, Тимоѳей Петровичъ, ужъ ему-то деньжонокъ-то выдайте, коли случатся.

Жазиковъ.

Да что̀ онъ тебѣ—сватъ, что ли? кумъ?

Матвѣй.

Кумъ и есть.

Жазиковъ.

То-то ты за него такъ и хлопочешь... Ну, ступай, ступай... хорошо; заплачу... ступай. *(Матвѣй выходитъ).* Всѣ они заодно... ужъ я ихъ знаю... племя такое... *(Опять принимается за французскую книжку и вдругъ поднимаетъ голову).* А его превосходительство-то... а? ожидалъ я этого? Вотъ тебѣ и другъ моего отца и старинный сослуживецъ!.. *(Встаетъ, подходитъ къ зеркалу и поетъ):*

Уймитесь, волненія страсти,
Засни, безнадежное сердце...

Однако, надо работать. *(Садится опять за столъ).* Да, надобно, надобно. *(Входитъ Матвѣй).* Ты это, Матвѣй?

Матвѣй.

Я-съ.

Жазиковъ.

Что̀ тамъ?

Матвѣй.

Да пришелъ какой-то собачникъ; васъ спрашиваетъ;

говоритъ, что вы, дескать, третьяго дня приказали ему прійти къ вамъ на квартиру.

Жазиковъ.

Ахъ! Точно, точно, точно... Что же, онъ собаку привелъ?

Матвѣй (*грустно*).

Привелъ-съ.

Жазиковъ.

Ахъ! покажи... Вели ему войти... лягавую?.. ахъ!.. Войди сюда, любезный!

(*Входитъ человѣкъ въ фризовой шинели, съ подвязанной щекой; у него на привязи старая, дрянная собака*).

Жазиковъ (*осматриваетъ собаку въ лорнетъ*).

Какъ ее зовутъ?

Человѣкъ (*сиплымъ и глухимъ голосомъ*).

Миндоръ. (*Собака робко взглядываетъ на своего хозяина и судорожно шевелитъ куцымъ хвостомъ*).

Жазиковъ.

И хорошая собака?

Человѣкъ.

Важнѣйшая. Иси, Миндоръ!

Жазиковъ.

Поноску знаетъ?

Человѣкъ.

Какъ не знать! (*Вытаскиваетъ шапку изъ-подъ мышки и бросаетъ ее на полъ*). Пиль-апортъ! (*Собака приноситъ ему шапку*).

Жазиковъ.

Хорошо, хорошо; а въ полѣ какова?

Человѣкъ.

Первѣйшій сортъ... Кушъ! тибо! эхъ, ты!

Жазиковъ.

А стара она?

Человѣкъ.

Третья осень пошла. Куды, куды ты? (*Дергаетъ ее за веревку*).

Жазиковъ.

Ну, а цѣна ей какова?

Человѣкъ.

Пятьдесятъ рублей; меньше нельзя.

Жазиковъ.

Ну, что за вздоръ! возьми тридцать.

Человѣкъ.

Нѣтъ; нельзя; я и такъ дешево запросилъ.

Жазиковъ.

Ну, десять цѣлковыхъ возьми! *(Лицо Матвѣя изображаетъ страшную тоску).*

Человѣкъ.

Нельзя, баринъ, никакъ нельзя.

Жазиковъ.

Ну, такъ чортъ съ тобой... а какой она породы?

Человѣкъ.

Породы хорошей.

Жазиковъ.

Хорошей?

Человѣкъ.

Ужъ мы другихъ собакъ не держимъ. Богъ съ ними совсѣмъ!

Жазиковъ.

Будто ужъ не держите?

Человѣкъ.

Да что ихъ держать?

Жазиковъ *(къ Матвѣю).*

А вѣдь хорошая, кажется, собака? какъ ты думаешь?

Матвѣй *(сквозь зубы).*

Хороша.

Жазиковъ.

Ну, хочешь тридцать пять рублей?

Человѣкъ.

Крайняя цѣна — сорокъ рублей; извольте — за сорокъ рублей отдамъ.

Жазиковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Человѣкъ.

Ну, ужъ такъ и быть, возьмите, Богъ съ вами.

Жазиковъ.

Давно бы такъ. И хорошая собака?

Человѣкъ.

Да ужъ такая, батюшка, собака... въ цѣломъ городѣ такой не сыщете.

Жазиковъ *(съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ).*

Вотъ, видишь ли, братецъ, у меня теперь деньги есть,— да мнѣ онѣ на другую, знаешь, покупку нужны... а ты приходи-ка завтра, такъ—объ эту же пору, понимаешь?— или послѣ завтра, что ли, только пораньше.

Человѣкъ.

Да пожалуйте задаточекъ... я собаку-то у васъ оставлю.

Жазиковъ.

Нѣтъ, братъ, нельзя.

Человѣкъ.

Цѣлковенькій пожалуйте.

Жазиковъ.

Нѣтъ, ужъ я лучше тебѣ всю сумму сполна выплачу.

Человѣкъ *(подходя къ двери).*

Послушайте-ка, баринъ... Дайте мнѣ теперь деньги, я вамъ ее за тридцать рублей отдамъ.

Жазиковъ.

Теперь нельзя.

Человѣкъ.

Ну, бѣленькую дайте.

Жазиковъ.

Теперь нельзя, любезный мой, совершенно невозможно.

Человѣкъ.

Двадцать рублей—хотите?

Жазиковъ.

Экой ты человѣкъ! говорятъ, нельзя.

Человѣкъ *(уходя).*

Иси, Миндоръ, иси! *(Ухмыляется горько).* — Видно, у васъ, ваше благородіе, денегъ-то и не бывало вовсе... Иси, подлецъ, иси!

Жазиковъ.

Какъ ты смѣешь?

Человѣкъ.

А еще къ себѣ зоветъ!.. иси!

Жазиковъ.

Пошелъ вонъ, грубіянъ! Матвѣй, гони его! взашей его!

Человѣкъ.

Ну, ну, потише... я и самъ пойду...

Жазиковъ.

Матвѣй, я тебѣ приказываю...

Человѣкъ *(въ передней).*

Сунься-ка, старый хрычъ!..

(Матвѣй выходитъ вслѣдъ за нимъ).

Жазиковъ *(кричитъ имъ вслѣдъ).*

Гони его, бей въ мою голову!.. Вонъ, пошелъ вонъ!.. *(Начинаетъ ходить по комнатѣ).* — Экое грубое животное!.. А собака-то, въ сущности, кажется, нехороша. Я и радъ, что не купилъ. Но онъ не груби! онъ не смѣй грубить! *(Садится на диванъ)* — Экой, въ самомъ дѣлѣ, денекъ выдался! Вѣдь вотъ, ничего еще съ утра не сдѣлалъ... и денегъ не досталъ. А деньги нужны мнѣ теперь, очень нужны... Матвѣй!

Матвѣй *(входя).*

Чего изволите?

Жазиковъ.

Ты отнесешь отъ меня письмо къ Криницыну.

Матвѣй.

Слушаю-съ.

Жазиковъ.

Матвѣй!

Матвѣй.

Что́ прикажете-съ?

Жазиковъ.

Какъ ты думаешь, дастъ онъ мнѣ денегъ?

Матвѣй.

Нѣтъ, Тимоѳей Петровичъ, не дастъ.

Жазиковъ.

А дастъ! *(Щелкаетъ языкомъ).* Вотъ, увидишь, что дастъ!

Матвѣй.

Не дастъ, Тимоѳей Петровичъ.

Жазиковъ.

Да почему же, почему?

Матвѣй *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Тимоѳей Петровичъ, позвольте мнѣ, старому дураку, слово молвить.

Жазиковъ.

Говори.

Матвѣй *(откашливается).*

Тимоѳей Петровичъ! позвольте мнѣ вамъ доложить: не хорошо, не хорошо, то-есть, вы здѣсь изволите жить. Вы, батюшка, нашъ природный господинъ; вы, батюшка, столбовой помѣщикъ; охота же вамъ проживать въ городѣ—въ нуждѣ, да въ хлопотахъ. У насъ есть, батюшка, родовое имѣнье, вы сами изволите знать; матушка ваша, милостію Божіей, изволитъ здравствовать—вотъ, вамъ бы къ ней и поѣхать на жительство—въ свое-то, въ родовое помѣстье-то.

Жазиковъ.

Ты отъ матушки письмо получилъ, что̀ ли? Съ ея словъ, видно, поешь?

Матвѣй.

Отъ барыни я письмо, дѣйствительно, получилъ; удостоился, такъ сказать; и къ ней о вашемъ здоровьѣ отписывалъ, какъ она приказывать изволила, все въ подробности. Доложу вамъ, Тимоѳей Петровичъ, объ васъ изволитъ сокрушаться; изволитъ писать: ты-де мнѣ все напиши, все, что̀ они дѣлаютъ, кого принимаютъ, гдѣ бываютъ, все, дескать, опиши; изволитъ мнѣ грозиться, что, дескать, подъ гнѣвъ мой попадешь, и на тебѣ, дескать, взыщу, коли не опишешь. Ты, говоритъ, доложи Тимоѳею Петровичу, что ихняя родительница сокрушаться изволитъ о немъ — такъ и написано-съ: родительница, и, дескать, прибавь, что, дескать, на службѣ не состоитъ, а въ Пи-

терѣ живетъ, да деньги тратитъ; на что это похоже? Вотъ какъ-съ.

Жазиковъ *(съ принужденной улыбкой)*.

Ну, а ты что ей написалъ?

Матвѣй.

Я докладывалъ барынѣ, что, дескать, милостію Божіею все обстоитъ благополучно; а объ чемъ писать онѣ изволили, все исполню въ точности, и Тимоѳею Петровичу доложу, и госпожѣ донесу. Эхъ, Тимоѳей Петровичъ! Тимоѳей Петровичъ! Поѣхали бы вы, кормилецъ, въ Сычовку, зажили бы вы себѣ барипомъ, завелись бы домкомъ, хозяюшкой... Что вы здѣсь живете, батюшка мой? Здѣсь-то вы отъ каждаго звоночка, словно зайчикъ, сигаете, да и денежекъ-то у васъ не водится, да и кушаете вы не въ мѣру.

Жазиковъ.

Нѣтъ, въ деревнѣ скучно; сосѣди все такіе необразованные... а барышни только что глаза пучатъ, да потѣютъ отъ страха, когда съ ними заговоришь...

Матвѣй.

Эхъ, Тимоѳей Петровичъ! да здѣшнія-то что? Да и что за господа-то къ вамъ ходятъ? Вѣдь, ей-Богу, не на что взглянуть. Народъ маленькій, плюгавенькій, больной, кашляютъ, прости Господи, словно овцы. А у насъ-то, у насъ-то! Да и теперь, правду сказать, не то, что прежде. Нѣтъ-съ! Дѣдушка-то вашъ, вѣчная ему память, Тимоѳей Лукичъ, вѣдь, съ косую сажень былъ ростомъ! какъ изволитъ осерчать, бывало, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ — такъ отъ него, голубчика, радъ въ землю уйти! Вотъ былъ баринъ, такъ баринъ! Ужъ зато, коли ты ему полюбился, али такъ, часъ добрый на него найдетъ, такъ ужъ награждаетъ тебя, награждаетъ, ажно тошно становится. А хозяюшка его, старая-то барыня наша, — ужъ какая была добрая! Въ ротъ, чтобъ этакъ до обѣда — и ни-ни!

Жазиковъ.

А я все-таки въ деревню не поѣду, я тамъ отъ скуки съ ума сойду.

Матвѣй.

Да съ деньгами будете, батюшка вы мой, Тимоѳей Петровичъ! А здѣсь, вотъ, напримѣръ, хоть бы я, холопъ вашъ: разумѣется, мнѣ что! А все же обидно. Ну, вотъ, извольте посмотрѣть *(распахиваетъ полы кафтана)*: вѣдь только слава, что штаны. А въ деревнѣ-то благодать! Хоромы теплыя, почивай себѣ хоть цѣлый день, кушай въ волю... а я здѣсь, доложу вамъ, то-есть, ни разу до сытости не наѣдался. Ну, а охота-то, батюшка, охота-то за зайцами, да за краснымъ звѣремъ? Да и матушку вашу, Василису Сергѣевну, успокоить на старости лѣтъ не худо.

Жазиковъ.

Что же, я, пожалуй, въ деревню бы и поѣхалъ. Да вотъ бѣда: не выпустятъ оттуда. Просто нельзя будетъ оттуда вырваться. Да еще и женятъ, пожалуй, чего добраго!

Матвѣй.

И съ Богомъ, батюшка, коли женятъ! Дѣло христіанское.

Жазиковъ.

Нѣтъ, ужъ этого ты не говори; вотъ ужъ этого ты не говори.

Матвѣй.

Воля ваша, конечно. Ну, напримѣръ, здѣсь, Тимоѳей Петровичъ, опять-таки скажу, здѣсь у меня душа не на мѣстѣ. Ну, сохрани Богъ, украдутъ что-нибудь у насъ— пропалъ я! и подѣломъ пропалъ: зачѣмъ не уберегъ барскаго добра. А какъ его уберечь? Оно, конечно, мое дѣло холопское; никуда не отлучаюсь... сижу себѣ въ передней съ утра до ночи... а все же не то, что въ деревнѣ; все душа не покойна. Такъ иногда даже дрожь пронимаетъ; сидишь и трясешься, только Богу молишься. Днемъ-то и соснуть порядкомъ не приходится! Да и что за люди здѣсь? Подобострастья никакого; страху нѣтъ; нашъ же братъ, холопъ, а куды-те! Идетъ себѣ да поглядываетъ, словно не виноватый! Воръ на ворѣ—мошенникъ на мошенникѣ! Иного, кажется, прости Господи, и сроду-то никто не училъ! Что тутъ за жизнь, Тимоѳей Петровичъ, помилуйте! То ли дѣло въ деревнѣ? уваженье какое! по-

чегъ, тишина! Милостивецъ вы нашъ, кормилецъ вы нашъ, послушайтесь меня, стараго дурака! Я и дѣдушкѣ вашему служилъ, и батюшкѣ вашему, и матушкѣ; чего-чего на вѣку своемъ не видалъ: тальянцевъ видалъ, и нѣмцевъ, и французовъ изъ Одести—всѣхъ видалъ! Вездѣ бывалъ! А ужъ лучше своей деревни нигдѣ не видалъ! Эй, послушайтесь меня старика! *(Раздается звонокъ).* Вѣдь вотъ, Тимоѳей Петровичъ, вотъ, вы опять и дрогнули... вотъ!

Жазиковъ.

Ну! пошелъ, пошелъ, отворяй... *(Матвѣй выходитъ, Жазиковъ остается неподвижнымъ, но за ширмы не уходитъ).*

Голосъ.

Monsieur Jazikoff?

Матвѣй *(за сценой).*

Кого тебѣ?

Голосъ.

Monsieur Jazikoff?

Матвѣй *(за сценой).*

Нѣтъ его дома.

Голосъ *(съ удивленіемъ).*

Niet? Comment niet? sacredieu!

Матвѣй *(за сценой).*

Да кто ты такой?

Голосъ.

Voilà ma carte, voilà ma carte.

Матвѣй *(за сценой).*

Ну, защебетала, сорока проклятая... *(Дверь запирается, Матвѣй входитъ и подноситъ Жазикову карточку).*

Жазиковъ *(не смотря на нее).*

Я знаю, знаю, кто это былъ... Живописецъ, французъ... я же ему приказалъ придти сегодня для моего портрета... впрочемъ, все равно, не бѣда; однакожъ, надобно написать къ Криницыну; плохо приходится. *(Садится за столъ и пишетъ; потомъ встаетъ, подходитъ къ окну и читаетъ вполголоса).* „Любезный Ѳедя, выручи друга изъ бѣды, не дай ему погибнуть во цвѣтѣ лѣтъ, пришли 250

руб. асс., или же 200. Деньги ты можешь вручить посланному. А я, братъ, буду тебѣ благодаренъ до гробовой доски. Пожалуйста, Ѳедя, не откажи. Будь отцомъ и благодѣтелемъ. Твой и проч.“ Кажется, хорошо? Ну, вотъ тебѣ, Матвѣй, письмо. Ступай на извозчикѣ. *(Видя, что Матвѣй хочетъ возражать).* Да вотъ, на томъ извозчикѣ, которому я уже кстати долженъ. Онъ знакомый—въ долгъ свезетъ. Такъ, пожалуйста, отдай письмо и проси отвѣта,—слышишь, непремѣнно отвѣта проси!

Матвѣй.

Слушаю.

Жазиковъ.

Ну, ступай, Матвѣй! дай Богъ тебѣ счастья и удачи. Ступай. (*Матвѣй удаляется*). А вѣдь, чортъ возьми, какъ поразсудить хорошенько, — Матвѣй-то выходитъ правъ; мнѣ нравятся его простыя, но дѣльныя возраженія; именно, въ деревнѣ лучше. Особенно лѣтомъ. Притомъ, я люблю русскую природу. Ну, на зиму можно опять пріѣхать въ Петербургъ. Правда, сосѣди у насъ, большею частью, люди необразованные; но добрые и умные люди между ними есть. Съ инымъ даже пріятно разговаривать. Этакъ незамѣтно его развиваешь, направляешь... ничего! такъ что даже можно пользу приносить. Ну, а насчетъ дѣвушекъ—извѣстное дѣло: всякая дѣвушка мягкій воскъ, лѣпи изъ нея, что̀ хочешь. (*Расхаживаетъ по комнатѣ*). Одно въ деревнѣ, признаться, нехорошо... Бѣдность тамъ какую-нибудь видѣть, притѣсненіе... съ моими идеями непріятно; дѣйствительно, непріятно. Ну, а зато верховая ѣзда, охота, много удовольствій, признаться... *(Задумывается).* Надобно будетъ, однако, себѣ платья заказать... галстуковъ накупить... надобно распорядиться. Охотничью курточку сшить. А напрасно я сегодня собаку не купилъ. Кстати бы пришлось. Ну, да я достану другую. Книгъ можно съ собой взять побольше; самому писать что-нибудь такое новое, такое, что̀ никому еще въ голову не приходило... Все это довольно пріятно. Зимою я бы не хотѣлъ оставаться въ деревнѣ; но кто же мнѣ приказываетъ жить въ деревнѣ зимой? Правъ, правъ Матвѣй...

не надобно пренебрегать старыми людьми. Они иногда... да, именно! Ну, съ другой стороны, и съ матерью повидаться тоже вѣдь надобно. Она, пожалуй, мнѣ и денегъ дастъ. Поломается, а дастъ. Да, ѣду въ деревню. (*Подходитъ къ окну*). А какъ мнѣ будетъ разстаться съ Петербургомъ? Прощай, Петербургъ; прощай, столица! Прощай, прощай и ты, Вѣринька! Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ я такой скорой разлуки! (*Вздыхаетъ*). Много-много я здѣсь оставляю такого... (*Опять вздыхаетъ*). И долги свои всѣ выплачу. Поѣду! Непремѣнно, непремѣнно ѣду!.. (*Раздается звонокъ*). Фу, чортъ возьми! опять Матвѣя нѣтъ! Гдѣ онъ пропадаетъ? (*Звонокъ*). А! кажется, это не должникъ, не такъ звонитъ что-то, да и притомъ, уже время не то! (*Звонокъ*). Пойду, отворю... Ну, смѣлѣй! что за вздоръ? вѣдь я въ деревню ѣду. (*Идетъ въ переднюю; слышны лобзанья и восклицанья*). Василій Васильевичъ! это вы? какими судьбами? (*Медвѣжій голосъ отвѣчаетъ: „Я... я“*). Снимите шубу, да пожалуйте въ комнату. (*Входитъ Жазиковъ и Василій Васильевичъ Блиновъ, степной помѣщикъ, съ огромными крашеными усами и пухлымъ лицомъ*).

Жазиковъ (*съ пріятнѣйшей улыбкой*).

Давно ли къ намъ пожаловали, любезнѣйшій Василій Васильевичъ? Какъ я радъ! какъ я радъ!.. Садитесь, садитесь... Вотъ здѣсь, на этомъ креслѣ, здѣсь вамъ будетъ удобнѣе. Ахъ, Боже мой, какъ я радъ! глазамъ не вѣрю!

Блиновъ (*садится*).

Дай отдышаться. (*Обтираетъ потъ съ лица*). Ну, высоко же ты живешь... Фу!

Жазиковъ.

Отдохните, Василій Васильевичъ, отдохните... Ахъ, Боже мой, какъ я радъ! какъ я вамъ благодаренъ; гдѣ вы изволили остановиться?

Блиновъ.

Въ Лондонѣ.

Жазиковъ.

А давно ли пріѣхать изволили?

Блиновъ.

Вчера въ ночь. Ну, дорога! Ухабищи здоровенные такіе, что только держись...

Жазиковъ.

Напрасно вы безпокоились, Василій Васильевичъ; напрасно выѣхали сегодня... Вамъ бы слѣдовало отдохнуть съ дороги... прислали бы ко мнѣ...

Блиновъ.

Э! вздоръ! что я за баба. (*Оглядывается и опирается кулаками на колѣни*). А тѣсненько ты живешь. Старуха твоя тебѣ клапяется; говоритъ, что ты, дескать, забылъ ее; ну, да баба,—чай, вретъ.

Жазиковъ.

Такъ матушка здорова?

Блиновъ.

Ничего... живетъ.

Жазиковъ.

Ну, а ваши какъ?

Блиновъ.

И они ничего.

Жазиковъ.

Надолго вы къ намъ пожаловали?

Блиновъ.

А чортъ знаетъ! я по дѣлу.

Жазиковъ (*съ соболѣзнованіемъ*).

По дѣлу?

Блиновъ.

А то какой бы дьяволъ меня сюда притащилъ? Мнѣ и дома хорошо. Да вотъ, проклятый завелся сосѣдъ — въ тяжбу втянулъ меня, проклятый...

Жазиковъ.

Неужели?

Блиновъ.

Втянулъ, проклятый; да ужъ я жъ ему... проклятому! Вѣдь ты служишь, а?

Жазиковъ.

Теперь не служу, но...

Блиновъ.

Тѣмъ лучше. Помогать мнѣ будешь, бумаги переписывать, просьбы подавать, ѣздить...

Жазиковъ.

Я за особенное счастье почту, Василій Васильевичъ...

Блиновъ.

Ну, конечно... конечно. (*Останавливается и глядитъ прямо въ глаза Жазикову*). А дай-ка ты мнѣ водки, — я что-то прозябъ.

Жазиковъ (*суетясь*).

Водки... Ахъ, какая досада! водки-то у меня нѣтъ, а и человѣка я услалъ... ахъ!

Блиновъ.

Водки у тебя нѣтъ? Ну, ты не въ отца. (*Видя, что Жазиковъ продолжаетъ суетиться*). Да не нужно... обойдусь и такъ.

Жазиковъ.

Человѣкъ сейчасъ вернется...

Блиновъ.

Такой завелся проклятый сосѣдъ... отставной майоръ какой-то... говоритъ мнѣ: межа! межевыхъ признаковъ не оказывается. Какіе тутъ признаки, говорю я, что за признаки? (*Жазиковъ слушаетъ съ подобострастнымъ вниманіемъ*). Владѣніе мое—вѣдь мое владѣнье? вѣдь мое? а онъ-то, проклятый, своихъ-то, своихъ-то и высылаетъ, и высылаетъ. Ну, мой староста, разумѣется, за свое,—господское, говоритъ, не тронь. А они его и того, да вѣдь какъ! А? расправляться? Сами расправляться вздумали? Запахивать? Да еще и драться? Нѣтъ, молъ, врете! Я, знаешь, самъ и нагрянулъ! Ну, они сперва, того, знаешь, на попятный дворъ. Только смотрю: ѣдетъ верхомъ, да въ шапкѣ, приказчикъ,—говоритъ: не извольте, того, забижать; я его, того, въ зубы. Тѣ за того, тѣ за того, и пошли, и пошли. А сосѣдъ-то, проклятый, въ судъ, да просьбу. Побои, говоритъ, учинилъ, да и землю заграбилъ.—Ахъ, онъ проклятый! заграбилъ—а? свое добро заграбилъ? Каково? Наѣхали голубчики; ну, того, понятые, туда-сюда—заварилъ кашу, проклятый! Онъ жалобу,

и я жалобу; вышла резолюція, и въ мою пользу, кажись, вышла; да Пафнутьевъ, подлецъ, подгадилъ. Я, того, бухъ просьбу въ губернское; а онъ, проклятый, въ кибитку, да сюда и прикатилъ. Нѣтъ, братъ, того, врешь, я и самъ непромахъ, взялъ да поѣхалъ. Вѣдь этакой проклятый сосѣдъ завелся!

Жазиковъ.

Скажите! какая непріятность!

Блиновъ.

Ужъ такая задача вышла. Ну, а ты что? здоровъ?

Жазиковъ.

Слава Богу, Василій Васильевичъ, слава Богу, не могу пожаловаться.

Блиновъ.

А въ театръ ѣздишь?

Жазиковъ.

Ѣзжу, какъ же. Довольно часто.

Блиновъ.

Слышишь, отвези-ка меня въ театръ!

Жазиковъ.

Съ большимъ удовольствіемъ, Василій Васильевичъ, съ особымъ удовольствіемъ.

Блиновъ.

Трагедью, того, мнѣ трагедью подавай. Да, знаешь, русскую какую-нибудь, покрутѣй, знаешь, покрутѣй.

Жазиковъ.

Извольте, Василій Васильевичъ, съ удовольствіемъ.

Блиновъ.

А гдѣ ты сегодня обѣдаешь?

Жазиковъ.

Я, дядюшка? гдѣ вамъ угодно.

Блиновъ.

Повези-ка ты меня въ трактиръ, да въ хорошій, знаешь. Я, братъ, люблю того... (*Смѣется*). Да нѣтъ ли чего закусить у тебя? а?

Жазиковъ.

Я, право, въ отчаяніи...

Блиновъ (*пристально взглянувъ на него*).

Послушай-ка, Тимоша...

Жазиковъ.

Что прикажете?

Блиновъ.

Есть у тебя деньги?

Жазиковъ.

Есть, есть... деньги у меня есть.

Блиновъ.

Ну, а я думалъ, что ты—того. Какъ же это у тебя и закусить-то нечего? а?

Жазиковъ.

Такъ, какъ то не случилось, да притомъ и человѣка дома нѣту... понять не могу, куда онъ дѣвался!

Блиновъ.

Придетъ... А ты скоро обѣдаешь, что ли?

Жазиковъ.

А что-съ?

Блиновъ.

Да меня, того, порядкомъ разбираетъ. Такъ ты трагедью-то мнѣ покажи. Каратыгина мнѣ покажи, слышишь?

Жазиковъ.

Непремѣнно-съ.

Блиновъ.

Ну, что жъ? одѣвайся,—пойдемъ обѣдать.

Жазиковъ.

Извольте, Василій Васильевичъ, сейчасъ.

Блиновъ.

Тимоша! а Тимоша!

Жазиковъ.

Что прикажете?

Блиновъ.

У васъ тутъ, говорятъ, мамзели, стоя на лошадяхъ, ѣздятъ... правда?

Жазиковъ.

А!.. Это въ циркѣ... какъ же, ѣздятъ.

Блиновъ.

Такъ-таки и ѣздятъ? и хорошенькія?

вистникъ или глупецъ!.. вообрази только одно, несчастный! У Юлія какъ возвышенно сказано: „И день прогонитъ ночь!..“ А у тебя—чепуха какая-то: „И свѣтъ разсѣетъ тьму!?“—Какой свѣтъ?! Какую тьму?!

— Да развѣ это не все едино...—началъ-было Юній...

— Прибавь еще слово, — перебилъ его гражданинъ:— я крикну народу... и онъ тебя растерзаетъ!

Юній благоразумно умолкъ, а слышавшій его разговоръ съ гражданиномъ сѣдовласый старецъ подошелъ къ бѣдному поэту и, положивъ ему руку на плечо, промолвилъ:

— Юній! Ты сказалъ свое—да не во-время; а тотъ не свое сказалъ—да во-время.—Слѣдовательно, онъ правъ— а тебѣ остаются утѣшенія собственной твоей совѣсти.

Но пока совѣсть—какъ могла и какъ умѣла... довольно плохо, правду сказать—утѣшала прижавшагося къ сторонкѣ Юнія—вдали, среди грома и плеска ликованій, въ золотой пыли всепобѣднаго солнца, блистая пурпуромъ, темнѣя лавромъ сквозь волнистыя струи обильнаго ѳиміама, съ величественной медленностью, подобно царю, шествующему на царство, плавно двигалась гордо-выпрямленная фигура Юлія... и длинныя вѣтви пальмъ поочередно склонялись передъ нимъ, какъ бы выражая своимъ тихимъ вздыманьемъ, своимъ покорнымъ наклономъ — то непрестанно возобновлявшееся обожаніе, которое переполняло сердца очарованныхъ имъ согражданъ!

Апрѣль, 1878.

Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва прораставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ

Блиновъ.

На оброкѣ?

Человѣкъ.

Точно такъ-съ.

Блиновъ.

А что́ платишь въ годъ?

Человѣкъ.

Сто рублевъ...

Блиновъ.

Что жъ? по пачпорту проживаешь?

Человѣкъ.

По пачпорту-съ.

Блиновъ.

По годовому?

Человѣкъ.

Точно такъ-съ.

Блиновъ.

Ну, и живешь?

Человѣкъ.

Живу-съ помаленьку-съ.

Блиновъ.

Оно, братъ, и лучше помаленьку.

Человѣкъ *(сквозь зубы)*.

Извѣстно-съ.

Блиновъ.

А какъ тебя зовутъ?

Человѣкъ.

Кузьмой.

Блиновъ.

Гм!..

Жазиковъ *(подходя къ Блинову)*.

Любезный Василій Васильевичъ, повѣрите ли, мнѣ чрезвычайно совѣстно... да неловко утруждать васъ... но... не можете ли вы мнѣ дать рублей, этакъ, двадцать взаймы, дня на два, не больше...

Блиновъ.

А какъ же ты говорилъ, что у тебя деньги есть?

Жазиковъ.

То-есть у меня деньги точно есть; коли хотите, у меня есть... да мнѣ вѣдь приходится платить за квартиру, такъ, знаете ли...

Блиновъ.

Изволь, дамъ. *(Вынимаетъ засаленный бумажникъ).* Сколько тебѣ, сотнягу, что ли? или двѣ?

Жазиковъ.

Мнѣ, по-настоящему, всего нужно теперь двадцать рублей; но коли вы ужъ такъ добры, такъ пожалуйте мнѣ сто десять, или сто пятнадцать рублей ассигнаціами.

Блиновъ.

На тебѣ двѣсти...

Жазиковъ.

Очень, очень вамъ благодаренъ... и завтра же вамъ всю сумму сполна возвращу, или послѣзавтра, никакъ не позже... *(Обращаясь къ человѣку).* Вотъ тебѣ, любезный. Я къ вамъ опять зайду сегодня, что-нибудь еще выберу.

Человѣкъ.

Покорно благодаримъ-съ. *(Уходитъ).*

Блиновъ.

Ну, пойдемъ же обѣдать.

Жазиковъ.

Пойдемте, дядюшка, пойдемте. Я поведу васъ къ Сенъ-Жоржу, и такимъ шампанскимъ угощу...

Блиновъ.

А у этого Жоржа есть органъ?

Жазиковъ.

Нѣтъ, органа нѣту.

Блиновъ.

Ну, такъ Богъ съ нимъ! поведи меня въ трактиръ съ органомъ.

Жазиковъ

Очень хорошо-съ. *(Входитъ Матвѣй).* А, вернулся! Ну, что, засталъ?

Матвѣй.

Засталъ-съ и отвѣтъ получилъ-съ.

Жазиковъ (*беретъ записку и небрежно пробѣгаетъ ее*).

Ну, такъ и есть!

Матвѣй (*Блинову*).

Здравствуйте, батюшка, Василій Васильевичъ, пожалуйте ручку-съ.

Блиновъ (*даетъ ему руку*).

Здравствуй, братъ.

Матвѣй (*кланяется*).

Какъ поживать изволите, батюшка?

Блиновъ.

Хорошо.

Матвѣй.

Ну, слава тебѣ, Господи!

Жазиковъ (*бросаетъ записку на полъ*).

Дрянь народъ! Матвѣй! одѣваться!

Матвѣй.

Лакатированные сапоги изволите надѣть?

Жазиковъ.

Все равно...

Блиновъ.

Да развѣ ты не одѣтъ? Напяль только кафтанъ.

Жазиковъ.

И въ самомъ дѣлѣ! Ѣдемъ-съ.

Блиновъ.

Ѣдемъ. А трагедью-то ты мнѣ покажи, и мамзелекъ...

Матвѣй (*тихо на ухо Жазикову*).

Что жъ, батюшка, въ деревню-то когда?

Жазиковъ (*уходя съ Блиновымъ*).

Съ чего это ты вздумалъ? Чортъ бы побралъ твою деревню... (*Уходятъ*).

Матвѣй (*со вздохомъ*).

Эхъ, плохо! (*Глядя вслѣдъ Блинову вздыхаетъ*). Прошло ты, золотое времячко! перевелось ты, дворянское племячко! (*Уходитъ въ переднюю*).

1845 г.

ГДѢ ТОНКО, ТАМЪ И РВЕТСЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Анна Васильевна Либанова, помѣщица, 40 лѣтъ.
Вѣра Николаевна, ея дочь, 19 лѣтъ.
M-lle Bienaimé, компаньонка и гувернантка, 42 лѣтъ.
Варвара Ивановна Морозова, родственница Либановой, 45 лѣтъ.
Владиміръ Петровичъ Станицынъ, сосѣдъ, 28 лѣтъ.
Евгеній Андреевичъ Горскій, сосѣдъ, 26 лѣтъ.
Иванъ Павлычъ Мухинъ, сосѣдъ, 30 лѣтъ.
Капитанъ Чухановъ, 50 лѣтъ.
Дворецкій.
Слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ г-жи Либановой.

Театръ представляетъ залу богатаго помѣщичьяго дома; прямо — дверь въ столовую, направо — въ гостиную, налѣво стеклянная дверь въ садъ. По стѣнамъ висятъ портреты, на авансценѣ столъ, покрытый журналами; фортепіано, нѣсколько креселъ; немного позади китайскій бильярдъ; въ углу большіе стѣнные часы.

Горскій (*входитъ*).

Никого нѣтъ? тѣмъ лучше... Который-то часъ?.. Половина десятаго... (*Подумавъ немного*). Сегодня—рѣшительный день... Да... да... (*Подходитъ къ столу, беретъ жур-*

налъ и садится). Journal des Débats, отъ 3-го апрѣля новаго стиля, а мы въ іюлѣ... гм!.. Посмотримъ, какія новости... (*Начинаетъ читать. Изъ столовой выходитъ Мухинъ. Горскій поспѣшно оглядывается*). Ба, ба, ба... Мухинъ! какими судьбами? когда ты пріѣхалъ?

Мухинъ.

Сегодня ночью, а выѣхалъ изъ города вчера въ шесть часовъ вечера. Ямщикъ мой сбился съ дороги.

Горскій.

Я и не зналъ, что ты знакомъ съ m-me de Libanoff.

Мухинъ.

Я и то здѣсь въ первый разъ. Меня представили m-me de Libanoff, какъ ты говоришь, на балѣ у губернатора; я танцовалъ съ ея дочерью и удостоился приглашенія. (*Оглядывается*). А домъ у нея хорошъ!

Горскій.

Еще бы! первый домъ въ губерніи. (*Показываетъ ему Journal des Débats*). Посмотри, „мы получаемъ Телеграфъ". — Шутки въ сторону, здѣсь хорошо живется... Пріятное такое смѣшенье русской деревенской жизни съ французской vie de chateau... Ты увидишь. Хозяйка... ну, вдова, и богатая... а дочь...

Мухинъ (*перебивая Горскаго*).

Дочь премиленькая...

Горскій.

А! (*Помолчавъ немного*). Да.

Мухинъ.

Какъ ее зовутъ?

Горскій (*съ торжественностью*).

Ее зовутъ Вѣрой Николаевной... За ней превосходное приданое.

Мухинъ.

Ну, это-то мнѣ все равно. Ты знаешь, я не женихъ.

Горскій.

Ты не женихъ, а (*оглядываетъ его съ ногъ до головы*) одѣтъ женихомъ.

Мухинъ.

Да ты ужъ не ревнуешь ли?

Горскій.

Вотъ тебѣ на! Сядемъ-ка лучше, да поболтаемъ, пока дамы не сошли сверху къ чаю.

Мухинъ.

Сѣсть я готовъ *(садится)*, а болтать буду послѣ... Разскажи-ка ты мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, что это за домъ, что за люди... Ты вѣдь здѣсь старый жилецъ.

Горскій.

Да, моя покойница мать цѣлыхъ двадцать лѣтъ сряду терпѣть не могла г-жи Либановой... Мы давно знакомы. Я и въ Петербургѣ у ней бывалъ, и за границей сталкивался съ нею. Такъ ты хочешь знать, что это за люди,— изволь. M-me de Libanoff (у ней такъ на визитныхъ карточкахъ написано, съ прибавленіемъ — née Salotopine)... M-me de Libanoff женщина добрая, сама живетъ и жить даетъ другимъ. Она не принадлежитъ къ высшему обществу; но въ Петербургѣ ея не совсѣмъ не знаютъ; генералъ Мопилезиръ проѣздомъ у ней останавливается. Мужъ ея рано умеръ; а то бы она вышла въ люди. Держитъ она себя хорошо; сантиментальна немножко, избалована; гостей принимаетъ не то небрежно, не то ласково; настоящаго, знаешь, *шика* нѣту... Но хоть за то спасибо, что не тревожится, не говоритъ въ носъ и не сплетничаетъ. Домъ въ порядкѣ держитъ и имѣньемъ сама управляетъ... Административная голова. У ней родственница проживаетъ—Морозова, Варвара Ивановна, приличная дама, тоже вдова, только бѣдная. Я подозрѣваю, что она зла, какъ моська, и знаю навѣрное, что она благодѣтельницы своей терпѣть не можетъ... Но мало ли чего нѣтъ! Гувернантка-француженка въ домѣ водится, разливаетъ чай, вздыхаетъ по Парижу и любитъ le petit mot pour rire, томно подкатываетъ глазки... землемѣры и архитекторы за ней волочатся; но такъ какъ она въ карты не играетъ, а преферансъ только втроемъ хорошъ, то и держится для этого на подножномъ корму разорившійся капитанъ въ отставкѣ, нѣкто Чухановъ, съ виду усачъ и рубака, а на дѣлѣ

низкопоклонникъ и льстецъ. Всѣ эти особы ужъ такъ изъ дому и не выѣзжаютъ; но у г-жи Либановой много другихъ пріятелей... всѣхъ не перечтешь!.. Да! я и забылъ назвать одного изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей, доктора Гутмана, Карла Карлыча. Человѣкъ онъ молодой, красивый, съ шелковистыми бакенбардами, дѣла своего не смыслитъ вовсе, но ручки у Анны Васильевны цѣлуетъ съ умиленьемъ... Аннѣ Васильевнѣ это не непріятно, и ручки у ней недурны; жирны немножко, а бѣлы, и кончики пальцевъ загнуты кверху...

Мухинъ (*съ нетерпѣніемъ*).

Да что жъ ты о дочери ничего не говоришь?

Горскій.

А вотъ, постой. Ее къ концу приберегъ. Впрочемъ, что мнѣ тебѣ сказать о Вѣрѣ Николаевнѣ? Право, не знаю. Дѣвушку въ восемнадцать лѣтъ кто разберетъ? Она еще сама все бродитъ, какъ молодое вино. Но изъ нея можетъ славная женщина выйти. Она тонка, умна, съ характеромъ; и сердце-то у ней нѣжное, и пожить-то ей хочется, и эгоистъ она большой. Она скоро замужъ выйдетъ.

Мухинъ.

За кого?

Горскій.

Не знаю... А только она въ дѣвкахъ не засидится.

Мухинъ.

Ну, разумѣется, богатая невѣста...

Горскій.

Нѣтъ, не оттого.

Мухинъ.

Отчего же?

Горскій.

Оттого, что она поняла, что жизнь женщины начинается только со дня свадьбы; а ей хочется жить. Послушай... который теперь часъ?

Мухинъ (*поглядѣвъ на часы*).

Десять...

Горскій.

Десять... Ну, такъ я еще успѣю. Слушай. Между мной

и Вѣрой Николаевной борьба идетъ страшная. Знаешь ли ты, зачѣмъ я прискакалъ сюда, сломя голову, вчера поутру?

Мухинъ.

Зачѣмъ? нѣтъ, не знаю.

Горскій.

А затѣмъ, что сегодня одинъ молодой человѣкъ, тебѣ знакомый, намѣренъ просить ея руки.

Мухинъ.

Кто это?

Горскій.

Станицынъ.

Мухинъ.

Владиміръ Станицынъ?

Горскій.

Владиміръ Петровичъ Станицынъ, отставной гвардіи поручикъ, большой мой пріятель, впрочемъ, добрѣйшій малый. И вотъ что посуди: я же самъ его ввелъ въ здѣшній домъ. Да что ввелъ! я его именно затѣмъ и ввелъ, чтобы онъ женился на Вѣрѣ Николаевнѣ. Онъ человѣкъ добрый, скромный, недалекаго ума, лѣнивый, домосѣдъ: лучшаго мужа и требовать нельзя. И она это понимаетъ. А я, какъ старинный другъ, желаю ей добра.

Мухинъ.

Такъ ты сюда прискакалъ для того, чтобы быть свидѣтелемъ счастія твоего protégé?

Горскій.

Напротивъ, я пріѣхалъ сюда для того, чтобы разстроить этотъ бракъ.

Мухинъ.

Я тебя не понимаю.

Горскій.

Гм... а, кажется, дѣло ясно.

Мухинъ.

Ты самъ на ней жениться хочешь, что̀ ли?

Горскій.

Нѣтъ, не хочу; да и не хочу тоже, чтобъ она вышла замужъ.

Мухинъ.

Ты въ нее влюбленъ.

Горскій.

Не думаю.

Мухинъ.

Ты въ нее влюбленъ, другъ мой, и боишься проболтаться.

Горскій.

Что за вздоръ! Да я готовъ все тебѣ разсказать...

Мухинъ.

Ну, такъ ты сватаешься...

Горскій.

Да нѣтъ же! Во всякомъ случаѣ, я жениться на ней не намѣренъ.

Мухинъ.

Ты скроменъ—нечего сказать.

Горскій.

Нѣтъ, послушай; я говорю съ тобой теперь откровенно. Дѣло вотъ въ чемъ. Я знаю, знаю навѣрное, что если бъ я попросилъ ея руки, она бы предпочла меня общему нашему другу, Владиміру Петровичу. Что же касается до матушки, то мы оба со Станицынымъ въ ея глазахъ приличные женихи... она не будетъ прекословить. Вѣра думаетъ, что я въ нее влюбленъ, и знаетъ, что я боюсь брака пуще огня... ей хочется побѣдить во мнѣ эту робость... вотъ, она и ждетъ... Но долго ждать она не будетъ. И не оттого, чтобы она боялась потерять Станицына: этотъ бѣдный юноша горитъ и таетъ, какъ свѣчка... но другая есть причина, почему она больше ждать не будетъ! Она начинаетъ меня пронюхивать, разбойница! подозрѣвать меня начинаетъ! Она, правду сказать, меня слишкомъ къ стѣнѣ прижать боится, да, съ другой стороны, желаетъ, наконецъ, узнать, что же я, какія мои намѣренія. Вотъ оттого-то между нами борьба и кипитъ. Но, я чувствую, нынѣшній день—рѣшительный. Выскользнетъ эта змѣя у меня изъ рукъ, или меня задушитъ самого. Впрочемъ, я еще не теряю надежды. Авось и въ Сциллу не попаду, и Харибду миную! Одна бѣда: Стани-

цынъ до того влюбленъ, что и ревновать, и сердиться не способенъ. Такъ и ходитъ съ разинутымъ ртомъ и сладкими глазами. Смѣшонъ онъ ужасно, да однѣми насмѣшками теперь не возьмешь... Надо быть нѣжнымъ. Ужъ я и началъ вчера. И не принуждалъ себя—вотъ что удивительно. Я самого себя перестаю понимать, ей-Богу.

Мухинъ.

Какъ же это ты началъ?

Горскій.

А вотъ какъ. Я уже тебѣ сказалъ, что я пріѣхалъ вчера довольно рано. Третьяго дня вечеромъ я узналъ о намѣреніи Станицына... Какимъ образомъ, объ этомъ распространяться нечего... Станицынъ довѣрчивъ и болтливъ. Я не знаю, предчувствуетъ ли Вѣра Николаевна предложеніе своего обожателя — отъ нея это станется,—только она вчера какъ-то особенно за мной наблюдала. Ты не можешь себѣ представить, какъ трудно, даже привычному человѣку, сносить проницательный взглядъ этихъ молодыхъ, но умныхъ глазъ, особенно, когда она ихъ немного прищуритъ. Вѣроятно, ее также поразила перемѣна моего обращенія съ нею. Я слыву за человѣка насмѣшливаго и холоднаго, и очень этому радъ: съ такой репутаціей легко жить... но вчера мнѣ пришлось прикинуться озабоченнымъ и нѣжнымъ. Къ чему лгать? Я, дѣйствительно, чувствовалъ небольшое волненіе, и сердце охотно смягчалось. Ты меня знаешь, другъ мой Мухинъ: ты знаешь, что я, въ самыя великолѣпныя мгновенья человѣческой жизни, не въ состояніи перестать наблюдать... а Вѣра представляла вчера зрѣлище плѣнительное для нашего брата наблюдателя. Она и отдавалась увлеченью, если не любви—я не достоинъ такой чести—по крайней мѣрѣ, любопытства, и боялась, и не довѣряла себѣ, и сама себя не понимала... Все это такъ мило отражалось на ея свѣжемъ личикѣ. Я цѣлый день не отходилъ отъ нея, и къ вечеру почувствовалъ, что начинаю терять власть надъ самимъ собою... О, Мухинъ, Мухинъ! продолжительная близость молодыхъ плечей, молодого дыханья—преопасная вещь! Вечеромъ мы пошли въ садъ.

Погода была удивительная... тишина въ воздухѣ невыразимая... M-lle Bienaimé вышла на балконъ со свѣчкой: и пламя не шевелилось. Мы долго гуляли вдвоемъ, въ виду дома, по мягкому песку дорожки, вдоль пруда. И въ водѣ, и на небѣ тихонько мерцали звѣзды... Снисходительная, но осторожная m-lle Bienaimé съ высоты балкона слѣдила за нами взоромъ... Я предложилъ Вѣрѣ Николаевнѣ сѣсть въ лодку. Она согласилась. Я началъ грести и тихонько доплылъ до середины неширокаго пруда... Où allez vous donc? раздался голосъ француженки. — Nulle part, отвѣчалъ я громко и положилъ весло.—Nulle part, прибавилъ я вполголоса: nous sommes trop bien ici. Вѣра потупилась, улыбнулась и начала кончикомъ зонтика чертить по водѣ... Милая, задумчивая улыбка округляла ея младенческія щеки... она собиралась говорить, и только вздыхала, да такъ весело, вотъ, какъ дѣти вздыхаютъ. Ну, что мнѣ тебѣ еще сказать? Я послалъ къ чорту всѣ свои предосторожности, намѣренія и наблюденія, былъ счастливъ и былъ глупъ, читалъ ей наизусть стихи... ей-Богу... ты не вѣришь? ну, ей-Богу же читалъ, и еще дрожащимъ голосомъ... За ужиномъ я сидѣлъ подлѣ нея... Да... это все хорошо... Дѣла мои въ отличномъ положеніи, и если бъ я хотѣлъ жениться... Но вотъ въ чемъ бѣда. Ее не обманешь... нѣтъ. Иные говорятъ, женщины отлично на шпагахъ дерутся. И у ней не выбьешь шпаги изъ рукъ. Впрочемъ, посмотримъ сегодня... Во всякомъ случаѣ, я удивительный вечеръ провелъ... А ты что-то задумался, Иванъ Павлычъ?

Мухинъ.

Я? я думаю, что если ты не влюбленъ въ Вѣру Николаевну, такъ ты либо чудакъ большой, либо невыносимый эгоистъ.

Горскій.

Можетъ-быть, можетъ-быть: да и кто... Тс! идутъ... Aux armes! я надѣюсь на твою скромность.

Мухинъ.

О! разумѣется.

Горскій (*глянувъ въ дверь гостиной*).

А! M-lle Bienaimé... Всегда первая... поневолѣ... Ее чай ждетъ. (*Входитъ m-lle Bienaimé. Мухинъ встаетъ и кланяется, Горскій подходитъ къ ней*). Mademoiselle, j'ai l'honneur de vous saluer.

M-lle Bienaimé (*пробираясь въ столовую и исподлобья поглядывая на Горскаго*).

Bien le bonjour, Monsieur.

Горскій.

Toujours fraîche comme une rose.

M-lle Bienaimé (*съ ужимкой*).

Et vous toujours galant. Venez, j'ai quelque chose à vous dire. (*Уходитъ съ Горскимъ въ столовую*)

Мухинъ (*одинъ*).

Что за чудакъ этотъ Горскій! И кто его просилъ меня выбрать въ повѣренные? (*Прохаживается*). Ну, за дѣломъ я пріѣзжалъ... Если бъ можно было.

(*Стеклянная дверь въ садъ быстро растворяется. Входитъ Вѣра, въ бѣломъ платьѣ. У ней въ рукахъ свѣжая роза. Мухинъ оглядывается и кланяется съ замѣшательствомъ; Вѣра останавливается въ недоумѣніи*).

Мухинъ.

Вы... не узнаете меня... я...

Вѣра.

Ахъ! M-r... M-r... Мухинъ; я никакъ не ожидала... когда вы пріѣхали?

Мухинъ.

Сегодня ночью... Вообразите, мой ямщикъ...

Вѣра (*перебивая его*).

Маменька очень будетъ рада. Надѣюсь, что вы у насъ погостите... (*Оглядывается*).

Мухинъ.

Вы, можетъ-быть, ищите Горскаго... Онъ сейчасъ вышелъ.

Вѣра.

Почему вы думаете, что я ищу г. Горскаго?

Мухинъ (*не безъ замѣшательства*).

Я... я думалъ...

Вѣра.

Вы съ нимъ знакомы?

Мухинъ.

Давно; мы съ нимъ вмѣстѣ служили.

Вѣра (*подходитъ къ окну*).

Какая сегодня прекрасная погода!

Мухинъ.

Вы уже гуляли въ саду?

Вѣра.

Да... я рано встала... (*Глядитъ на край своего платья и на ботинки*). Такая роса...

Мухинъ (*съ улыбкой*).

И роза ваша, посмотрите, вся въ росѣ...

Вѣра (*глядитъ на нее*).

Да...

Мухинъ.

Позвольте спросить... вы для кого ее сорвали?

Вѣра.

Какъ для кого? для себя.

Мухинъ (*значительно*).

А!

Горскій (*выходя изъ столовой*).

Хочешь чаю, Мухинъ? (*Увидя Вѣру*). Здравствуйте, Вѣра Николаевна!

Вѣра.

Здравствуйте.

Мухинъ (*поспѣшно и съ притворнымъ равнодушіемъ къ Горскому*).

А чай развѣ готовъ? Ну, такъ я пойду. (*Уходитъ въ столовую*).

Горскій.

Вѣра Николаевна, дайте жъ мнѣ вашу руку... (*Она молча подаетъ ему руку*). Что съ вами?

Вѣра.

Скажите мнѣ, Евгеній Андреичъ, вашъ новый пріятель, М-г Мухинъ, глупъ?

Горскій (*съ недоумѣніемъ*).

Не знаю... говорятъ, не глупъ. Но что за вопросъ?..

Вѣра.

Вы съ нимъ большіе пріятели?

Горскій.

Я съ нимъ знакомъ... но что жъ... развѣ онъ вамъ что-нибудь сказалъ?

Вѣра (*поспѣшно*).

Ничего... Ничего... я такъ... Какое чудесное утро!

Горскій (*указывая на розу*).

Я вижу, вы уже гуляли сегодня.

Вѣра.

Да... М-г... Мухинъ меня уже спрашивалъ, кому я сорвала эту розу.

Горскій.

Что жъ вы ему отвѣчали?

Вѣра.

Я ему отвѣчала, что для себя.

Горскій.

И, въ самомъ дѣлѣ, вы ее для себя сорвали?

Вѣра.

Нѣтъ, для васъ. Вы видите, я откровенна.

Горскій.

Такъ дайте жъ мнѣ ее.

Вѣра.

Теперь я не могу: я принуждена заткнуть ее себѣ за поясъ или подарить ее M-lle Bienaimé. Какъ это весело! И подѣломъ. Зачѣмъ вы не первый сошли внизъ?

Горскій.

Да я и такъ прежде всѣхъ былъ здѣсь.

Вѣра.

Такъ зачѣмъ я васъ не перваго встрѣтила?

Горскій.

Этотъ несносный Мухинъ...

Вѣра (*поглядѣвъ на него сбоку*).

Горскій! вы со мной хитрите.

Горскій.

Какъ...

Вѣра.

Ну, это я вамъ послѣ докажу... А теперь пойдемте чай пить.

Горскій (*удерживая ее*).

Вѣра Николаевна! послушайте, вы меня знаете. Я человѣкъ недовѣрчивый, странный; съ виду я насмѣшливъ и развязенъ, а на самомъ дѣлѣ я, просто, робокъ.

Вѣра.

Вы?

Горскій.

Я. При томъ, все, что со мной происходитъ, такъ для меня ново... Вы говорите, я хитрю... Будьте снисходительны со мной... войдите въ мое положеніе. (*Вѣра молча поднимаетъ глаза и пристально смотритъ на него*). Я васъ увѣряю, мнѣ еще никогда не случалось говорить... ни съ кѣмъ такъ, какъ я съ вами говорю... оттого мнѣ бываетъ трудно... Ну, да, я привыкъ притворяться... Но не глядите такъ на меня... Ей-Богу, я заслуживаю поощренья.

Вѣра.

Горскій! меня легко обмануть... Я выросла въ деревнѣ и мало видѣла людей... меня легко обмануть! да къ чему? Славы вамъ большой отъ этого не будетъ... А играть со мною... Нѣтъ, я этому не хочу вѣрить... Я этого не заслуживаю, да и вы не захотите.

Горскій.

Играть съ вами? Да поглядите на себя... Да эти глаза насквозь все видятъ. (*Вѣра тихонько отворачивается*). Да знаете ли вы, что когда я съ вами, я не могу... ну, рѣшительно не могу не высказать всего, что я думаю... Въ вашей тихой улыбкѣ, въ вашемъ спокойномъ взорѣ, въ вашемъ молчаніи даже, есть что-то до того повелительное...

Вѣра (*перебивая его*).

А вамъ не хочется высказаться? Вамъ все хочется лукавить?

Горскій.

Нѣтъ... Но послушайте, говоря правду, кто изъ насъ высказывается весь? хоть вы, напримѣръ...

Вѣра *(опять перебивая его и съ усмѣшкой глядя на него)*.

Именно: кто высказывается весь?

Горскій.

Нѣтъ, я о васъ теперь говорю. Напримѣръ, скажите мнѣ откровенно, ждете вы сегодня кого-нибудь?

Вѣра *(спокойно)*.

Да. Станицынъ, вѣроятно, сегодня къ намъ пріѣдетъ.

Горскій.

Вы ужасная особа. У васъ даръ, ничего не скрывая, ничего не высказать... La franchise est la meilleure des diplomaties, вѣроятно потому, что одно не мѣшаетъ другому.

Вѣра.

Стало-быть, и вы знали, что онъ долженъ пріѣхать?

Горскій *(съ легкимъ смущеніемъ)*.

Зналъ.

Вѣра *(нюхая розу)*.

А вашъ М-г... Мухинъ тоже... знаетъ?

Горскій.

Что вы меня все о Мухинѣ спрашиваете? Отчего вы...

Вѣра *(перебивая его)*.

Ну, полноте, не сердитесь... Хотите, мы послѣ чаю пойдемъ въ садъ? Мы съ вами поболтаемъ... Я у васъ спрошу...

Горскій *(поспѣшно)*.

Что?

Вѣра.

Вы любопытны... Мы съ вами поговоримъ... о важномъ дѣлѣ. *(Изъ столовой раздается голосъ m-lle Bienaimé: C'est vous, Véra?)*

Вѣра *(вполголоса)*.

Какъ будто она и прежде не слышала, что я здѣсь. *(Громко)*. Oui, c'est moi, bonjour, je viens. *(Уходя, бросаетъ розу на столъ и говоритъ въ дверяхъ Горскому)*. Приходите же! *(Уходитъ въ столовую)*.

Горскій (*медленно беретъ розу и остается нѣсколько времени неподвижнымъ*).

Евгеній Андреичъ, другъ мой, я долженъ сказать вамъ откровенно, что вамъ, сколько мнѣ кажется, этотъ бѣсенокъ не подъ-силу. Вы вертитесь и такъ и сякъ, а она и пальчикомъ не шевельнетъ, и, между тѣмъ, пробалтываетесь-то вы. А, впрочемъ, что же? Либо я одолѣю—тѣмъ лучше; либо я проиграю сраженье — на такой женщинѣ не стыдно жениться. Оно жутко, точно... да, съ другой стороны, къ чему беречь свободу? Намъ съ вами пора перестать ребячиться. Однако, постойте, Евгеній Андреичъ, постойте, вы что-то скоро сдаетесь. (*Глядитъ на розу*). Что ты знаешь, мой бѣдный цвѣтокъ? (*Быстро оборачивается*). А! маменька съ своей подругой... (*Бережно кладетъ розу въ карманъ. Изъ гостиной входитъ г-жа Либанова съ Варварой Ивановной. Горскій идетъ къ нимъ навстрѣчу*). Bonjour, mesdames! какъ вы почивали?

Г-жа Либанова (*даетъ ему кончики пальцевъ*).

Bonjour, Eugène... У меня голова сегодня немного болитъ.

Варвара Ивановна.

Вы поздно ложитесь, Анна Васильевна!

Гжа Либанова.

Можетъ-быть... А гдѣ Вѣра? Вы ее видѣли?

Горскій.

Она въ столовой, за чаемъ, съ m-lle Bienaimé и Мухинымъ.

Г-жа Либанова.

Ахъ, да, M-r Мухинъ, говорятъ, сегодня ночью пріѣхалъ. Вы его знаете? (*Садится*).

Горскій.

Я съ нимъ давно знакомъ. Вы не идете чай пить?

Г-жа Либанова.

Нѣтъ, у меня отъ чаю волненіе дѣлается... Гутманъ мнѣ запретилъ. Но я васъ не удерживаю... Ступайте, ступайте, Варвара Ивановна! (*Варвара Ивановна уходитъ*). А вы, Горскій, остаетесь?

Горскій.

Я уже пилъ.

Г-жа Либанова.

Какой прекрасный день! Le capitaine—видѣли вы его?

Горскій.

Нѣтъ, не видѣлъ; онъ, должно-быть, по обыкновенію, по саду гуляетъ... ищетъ грибовъ.

Г-жа Либанова.

Вообразите, какую онъ вчера игру выигралъ... Да сядьте... что жъ вы стоите? (*Горскій садится*). У меня семь въ бубнахъ и король съ тузомъ червей,—червей, замѣтьте. Я говорю: играю; Варвара Ивановна пасъ, разумѣется; этотъ злодѣй говоритъ тоже: играю! я семь, и онъ семь; я въ бубнахъ; онъ въ червяхъ. Я приглашаю; но у Варвары Ивановны, какъ всегда, ничего нѣту. И что жъ она, какъ вы думаете? возьми и поди въ маленькую пику... А у меня король самъ-другъ. Ну, разумѣется, онъ выигралъ... Ахъ, кстати, мнѣ въ городъ послать надобно... (*Звонитъ*).

Горскій.

Зачѣмъ?

Дворецкій (*выходитъ изъ столовой*).

Что прикажете?

Г-жа Либанова.

Пошли въ городъ Гаврилу за мѣлками... знаешь, какіе я люблю.

Дворецкій.

Слушаю-съ.

Г-жа Либанова.

Да скажи, чтобы побольше ихъ взяли... А что покосъ?

Дворецкій.

Слушаю-съ. Покосъ продолжается.

Г-жа Либанова.

Ну, хорошо. Да гдѣ Илья Ильичъ?

Дворецкій.

Въ саду гуляютъ-съ.

Г-жа Либанова.

Въ саду?.. Ну, позови его.

Дворецкій.

Слушаю-съ.

Г-жа Либанова.

Ну, ступай.

Дворецкій.

Слушаю-съ. (*Уходитъ въ стеклянную дверь*).

Г-жа Либанова (*глядя на свои руки*).

Что жъ мы сегодня будемъ дѣлать, Eugène? Вы знаете, я во всемъ на васъ полагаюсь. Придумайте что-нибудь веселое... Я сегодня въ духѣ. Что, этотъ m-r Мухинъ хорошій молодой человѣкъ?

Горскій.

Прекрасный.

Г-жа Либанова.

Il n'est pas gênant?

Горскій.

О, нисколько.

Г-жа Либанова.

И въ преферансъ играетъ?

Горскій.

Какъ же...

Г-жа Либанова.

Ah! mais c'est très bien... Eugène, дайте мнѣ подъ ноги табуретку. (*Горскій приноситъ табуретку*). Merci... А вотъ и капитанъ идетъ.

Чухановъ (*входитъ изъ саду; у него въ фуражкѣ грибы*).

Здравствуйте, матушка вы моя! пожалуйте-ка ручку.

Г-жа Либанова (*томно протягивая ему руку*).

Здравствуйте, злодѣй!

Чухановъ (*два раза сряду цѣлуетъ ея руку и смѣется*).

Злодѣй, злодѣй... А все проигрываю-то я. Евгенію Андреичу мое нижайшее... (*Горскій кланяется; Чухановъ глядитъ на него и качаетъ головой*). Эка молодецъ! Ну, что бы въ военную? А? Ну, какъ вы, моя матушка, какъ себя чувствуете? Вотъ, я вамъ грибковъ набралъ.

Г-жа Либанова.

Зачѣмъ вы корзинки не берете, капитанъ? Какъ можно грибы въ фуражку класть?

Чухановъ.

Слушаю, матушка, слушаю. Нашему брату, старому солдату, оно, конечно, ничего. Ну, а для васъ, точно... Слушаю. Я, вотъ, ихъ сейчасъ на тарелочку высыплю. А что, пташечка наша, Вѣра Николаевна, изволили проснуться?

Г-жа Либанова (*не отвѣчая Чуханову, къ Горскому*).

Dites-moi, этотъ М-г Мухинъ богатъ?

Горскій.

У него двѣсти душъ.

Г-жа Либанова (*равнодушно*).

А! Да что они такъ долго чай пьютъ?

Чухановъ.

Прикажете штурмовать ихъ, матушка? Прикажите—мигомъ одолѣемъ!.. Не подъ такія фортеціи хаживали... Такихъ бы вотъ намъ только полковниковъ, какъ Евгеній Андреичъ...

Горскій.

Какой же я полковникъ, Илья Ильичъ? Помилуйте!

Чухановъ.

Ну, не чиномъ, такъ фигурой... Я про фигуру, про фигуру говорю...

Г-жа Либанова.

Да, капитанъ... подите... посмотрите, что они, отпили чай?

Чухановъ.

Слушаю, матушка... (*Идетъ*). А! да вотъ и они. (*Входятъ Вѣра, Мухинъ, М-lle Віепаіте, Варвара Ивановна*). Мое почтеніе всей компаніи.

Вѣра (*мимоходомъ*).

Здравствуйте... (*Бѣжитъ къ Аннѣ Васильевнѣ*). Bonjour, maman.

Г-жа Либанова (*цѣлуя ее въ лобъ*).

Bonjour, petite... (*Мухинъ раскланивается*). М-г Мухинъ, милости просимъ... Я очень рада, что вы насъ не забыли...

Мухинъ.

Помилуйте... я... столько чести...

Г-жа Либанова (*Вѣрѣ*).

А ты, я вижу, уже по саду бѣгала, шалунья... (*Мухину*). Вы еще не видѣли нашего сада? Il est grand. Много цвѣтовъ. Я ужасно люблю цвѣты. Впрочемъ, у насъ всякъ воленъ дѣлать, что хочетъ: liberté entière...

Мухинъ (*улыбаясь*).

C'est charmant.

Г-жа Либанова.

Это мое правило... Терпѣть не могу эгоизма. И другимъ тяжело, и самому себѣ не легче. Вотъ, спросите у нихъ... (*Указывая на всѣхъ вообще. Варвара Ивановна сладко улыбается*).

Мухинъ (*тоже улыбаясь*).

Мой пріятель Горскій мнѣ уже сказывалъ. (*Помолчавъ немного*). Какой у васъ прекрасный домъ!

Г-жа Либанова.

Да, хорошъ. C'est Rastrelli, vous savez, qui en a donné le plan, дѣду моему, графу Любину.

Мухинъ (*одобрительно и съ уваженіемъ*).

А!

(*Въ теченіе всего этого разговора Вѣра нарочно отворачивалась отъ Горскаго и подходила то къ m-lle Biepaité, то къ Морозовой. Горскій тотчасъ это замѣтилъ и украдкой поглядываетъ на Мухина*).

Г-жа Либанова (*обращаясь ко всему обществу*).

Что жъ вы гулять нейдете?

Горскій.

Да, пойдемте же въ садъ.

Вѣра (*все не глядя на него*).

Теперь жарко... Скоро двѣнадцатый часъ... Теперь самый жаръ.

Г-жа Либанова.

Какъ хотите... (*Мухину*). У насъ бильярдъ есть... Впрочемъ, liberté entière, вы знаете... А мы, знаете ли что, капитанъ, мы въ карточки засядемъ... Оно рано немножко... Да вотъ, Вѣра говоритъ, что гулять нельзя...

Чухановъ (*которому вовсе не хочется играть*).

Давайте, матушка, давайте... Что̀ за рано? Надо вамъ отыграться.

Г-жа Либанова.

Какъ же... какъ же... (*Съ нерѣшимостью къ Мухину*). M-r Мухинъ... вы, говорятъ, любите преферансъ... Не хотите ли? M-lle Bienaimé у меня не умѣетъ, а я давно не играла вчетверомъ.

Мухинъ (*никакъ не ожидавшій подобнаго приглашенія*).

Я... я съ удовольствіемъ...

Г-жа Либанова.

Vous êtes fort aimable... Впрочемъ, вы не церемоньтесь, пожалуйста.

Мухинъ.

Нѣтъ-съ... я очень радъ...

Г-жа Либанова.

Ну, такъ давайте... мы въ гостиную пойдемъ... Тамъ ужъ и столъ готовъ... M-r Мухинъ! donnez-moi votre bras... (*Встаетъ*). А вы, Горскій, придумайте намъ что-нибудь для нынѣшняго дня... слышите? Вѣра вамъ поможетъ... (*Идетъ въ гостиную*).

Чухановъ (*подходя къ Варварѣ Ивановнѣ*).

Позвольте жъ и мнѣ предложить вамъ мои услуги...

Варвара Ивановна (*съ досадой суетъ ему руку*).

Ну, ужъ вы...

(*Обѣ четы тихонько уходятъ въ гостиную. Въ дверяхъ Анна Васильевна оборачивается и говоритъ m-lle Bienaimé: „Ne fermez pas la porte“... M-lle Bienaimé возвращается съ улыбкой, садится на перзомъ планѣ налѣво и съ озабоченнымъ видомъ берется за канву. Вѣра, которая нѣкоторое время стояла въ нерѣшительности — оставаться ли ей, или идти за матерью, вдругъ идетъ къ фортепіано, садится и начинаетъ играть. Горскій тихонько подходитъ къ ней*).

Горскій (*послѣ небольшого молчанія*).

Что̀ это вы играете, Вѣра Николаевна?

Вѣра (*не глядя на него*).

Сонату Клементи.

Горскій.

Боже мой! какая старина!

Вѣра.

Да, это престарая и прескучная вещь.

Горскій.

Зачѣмъ же вы ее выбрали? И что̀ за фантазія сѣсть вдругъ за фортепіано! Развѣ вы забыли, что вы мнѣ обѣщали пойти со мною въ садъ?

Вѣра.

Я именно затѣмъ и сѣла за фортепіано, чтобъ не идти гулять съ вами.

Горскій.

За что̀ вдругъ такая немилость? Что̀ за капризъ?

M-lle Bienaimé.

Ce n'est pas joli ce que vous jouez là, Vèra.

Вѣра (*громко*).

Je crois bien... (*Къ Горскому, продолжая играть*). Послушайте, Горскій, я не умѣю и не люблю кокетничать и капризничать. Я для этого слишкомъ горда. Вы сами знаете, что я теперь не капризничаю... Но я сердита на васъ.

Горскій.

За что̀?

Вѣра.

Я оскорблена вами.

Горскій.

Я васъ оскорбилъ?

Вѣра (*продолжая разбирать сонату*).

Вы бы, по крайней мѣрѣ, выбрали довѣреннаго получше. Не успѣла я войти въ столовую, какъ уже этотъ M-r... M-r... какъ бишь его?.. M-r Мухинъ замѣтилъ мнѣ, что моя роза, вѣроятно, дошла, наконецъ, до своего назначенія... Потомъ, видя, что я не отвѣчаю на его любезности, онъ вдругъ пустился васъ хвалить, да такъ неловко... Отчего это друзья всегда такъ неловко хвалятъ?.. И вообще такъ таинственно себя держалъ, такъ скромно по-

малчивалъ, съ такимъ уваженіемъ и сожалѣніемъ на меня посматривалъ... Я его терпѣть не могу.

Горскій.

Что же вы изъ этого заключаете?

Вѣра.

Я заключаю, что M-r Мухинъ... a l'honneur de recevoir vos confidences. (*Сильно стуча по клавишамъ*).

Горскій.

Почему вы думаете?.. И что могъ я ему сказать?..

Вѣра.

Я не знаю, что вы сказать ему могли... что вы за мной волочитесь, что вы смѣетесь надо мной, что вы собираетесь вскружить мнѣ голову, что я васъ очень забавляю. (*M-lle Bienaimé сухо кашляетъ*). Qu'est ce que vous avez, bonne amie? Pourquoi toussez vous?

M-lle Bienaimé.

Rien, rien... je ne sais pas... cette sonate doit être bien difficile.

Вѣра (*вполголоса*).

Какъ она мнѣ надоѣдаетъ... (*Къ Горскому*). Что жъ вы молчите?

Горскій.

Я? отчего я молчу? я самого себя спрашиваю: виноватъ ли я передъ вами? Точно, каюсь: виноватъ. Языкъ мой— врагъ мой. Но послушайте, Вѣра Николаевна... Помните, я вамъ вчера читалъ Лермонтова, помните, гдѣ онъ говоритъ о томъ сердцѣ, въ которомъ такъ безумно съ враждой боролась любовь... (*Вѣра тихо поднимаетъ глаза*). Ну, ну, вотъ, я и не могу продолжать, когда вы на меня такъ смотрите...

Вѣра (*пожимаетъ плечами*).

Полноте...

Горскій.

Послушайте... Сознаюсь вамъ откровенно! мнѣ не хочется, мнѣ страшно поддаться тому невольному очарованію, котораго я, наконецъ, не могу же не признать... Я всячески стараюсь отъ него отдѣлаться, словами, насмѣш-

ками, разсказами... Я болтаю, какъ старая дѣва, какъ ребенокъ...

Вѣра.

Зачѣмъ же это? Отчего намъ не остаться хорошими друзьями... Развѣ отношенія между нами не могутъ быть просты и естественны?

Горскій.

Просты и естественны... Легко сказать!.. (*Рѣшительно*). Ну, да, я виноватъ передъ вами и прошу у васъ прощенія: я хитрилъ и хитрю... но я могу васъ увѣрить, Вѣра Николаевна, что какія бы ни были мои предположенія и рѣшенія въ вашемъ отсутствіи, съ первыхъ вашихъ словъ всѣ эти намѣренія разлетаются, какъ дымъ, и я чувствую... вы будете смѣяться, я чувствую, что я нахожусь въ вашей власти...

Вѣра (*понемногу переставая играть*).

Вы мнѣ говорили то же самое вчера вечеромъ...

Горскій.

Потому что я то же самое чувствовалъ вчера. Я рѣшительно отказываюсь лукавить съ вами.

Вѣра (*съ улыбкой*).

А! видите!

Горскій.

Я ссылаюсь на васъ самихъ: вы должны же знать, наконецъ, что я васъ не обманываю, когда я вамъ говорю...

Вѣра (*перебивая его*).

Что я вамъ нравлюсь... еще бы!

Горскій (*съ досадой*).

Вы сегодня недоступны и недовѣрчивы, какъ семидесятилѣтній ростовщикъ! (*Онъ отворачивается; оба молчатъ нѣкоторое время*).

Вѣра (*едва продолжая наигрывать*).

Хотите, я вамъ сыграю вашу любимую мазурку?

Горскій.

Вѣра Николаевна! не мучьте меня... Клянусь вамъ...

Вѣра (*весело*).

Ну, полноте, давайте руку. Вы прощены. (*Горскій по-*

стыдно жметъ ей руку). Nous faisons la paix, bonne amie.

M-lle Bienaimé (*съ притворнымъ удивленіемъ*).

Ah! Est-ce que vous vous étiez querellés?

Вѣра (*вполголоса*).

О, невинность! (*Громко*). Oui, un peu. (*Горскому*). Ну, хотите, я вамъ сыграю вашу мазурку?

Горскій.

Нѣтъ; эта мазурка слишкомъ грустна... Въ ней слышится какое-то горькое стремленіе въ даль; а мнѣ, увѣряю васъ, мнѣ и здѣсь хорошо. Сыграйте мнѣ что-нибудь веселое, свѣтлое, живое, что̀ бы играло и сверкало на солнцѣ, словно рыбка въ ручьѣ... (*Вѣра задумывается на мгновеніе и начинаетъ играть блестящій вальсъ*). Боже мой! какъ вы милы! Вы сами похожи на такую рыбку.

Вѣра (*продолжая играть*).

Я вижу отсюда M-r Мухина... Какъ ему, должно-быть, весело! Я увѣрена, что онъ то и дѣло ремизится.

Горскій.

Ни̇што ему.

Вѣра (*послѣ небольшого молчанія и все продолжая играть*).

Скажите, отчего Станицынъ никогда не досказываетъ своихъ мыслей?

Горскій.

Видно, у него ихъ много.

Вѣра.

Вы злы. Онъ неглупъ; онъ предобрый человѣкъ. Я его люблю.

Горскій.

Онъ превосходный, солидный человѣкъ.

Вѣра.

Да... Но отчего платье на немъ всегда такъ дурно сидитъ? словно новое, только-что отъ портного? (*Горскій не отвѣчаетъ и молча глядитъ на нее*). О чемъ вы думаете?

Горскій.

Я думалъ... Я воображалъ себѣ небольшую комнатку,

только не въ нашихъ снѣгахъ, а гдѣ-нибудь на югѣ, въ прекрасной далекой сторонѣ...

Вѣра.

А вы сейчасъ говорили, что вамъ не хочется въ даль.

Горскій.

Одному не хочется... Кругомъ ни одного человѣка знакомаго, звуки чужого языка изрѣдка раздаются на улицѣ, изъ раскрытаго окна вѣетъ свѣжестью близкаго моря... бѣлый занавѣсъ тихо округляется, какъ парусъ, дверь раскрыта въ садъ, и на порогѣ, подъ легкой тѣнью плюща...

Вѣра (*съ замѣшательствомъ*).

О, да вы поэтъ!..

Горскій.

Сохрани меня Богъ! Я только вспоминаю.

Вѣра.

Вы вспоминаете?

Горскій.

Природу—да; остальное... все, что вы не дали договорить,—сонъ.

Вѣра.

Сны не сбываются... въ дѣйствительности.

Горскій.

Кто это вамъ сказалъ? M-lle Bienaimé? Предоставьте, ради Бога, всѣ подобныя изреченія женской мудрости сорокапятилѣтнимъ дѣвицамъ и лимфатическимъ юношамъ. Дѣйствительность... да какое самое пламенное, самое творческое воображеніе угонится за дѣйствительностью, за природой? Помилуйте... какой-нибудь морской ракъ во сто тысячъ разъ фантастичнѣе всѣхъ разсказовъ Гофмана; и какое поэтическое произведеніе генія можетъ сравниться... ну, вотъ, хоть съ этимъ дубомъ, который растетъ у васъ въ саду, на горѣ?

Вѣра.

Я готова вамъ вѣрить, Горскій!

Горскій.

Повѣрьте, самое преувеличенное, самое восторженное счастіе, придуманное прихотливымъ воображеніемъ празд-

наго человѣка, не можетъ сравниться съ тѣмъ блаженствомъ, которое дѣйствительно доступно ему... если онъ только останется здоровымъ, если судьба его не возненавидитъ, если его имѣнія не продадутъ съ аукціоннаго торга, и если, наконецъ, онъ самъ хорошенько узнаетъ, чего ему хочется.

Вѣра.

Только!

Горскій.

Но вѣдь мы... по вѣдь я здоровъ, молодъ, мое имѣніе не заложено...

Вѣра.

Но вы не знаете, чего вамъ хочется...

Горскій *(рѣшительно).*

Знаю.

Вѣра *(вдругъ взглянула на него).*

Ну, скажите, коли знаете.

Горскій.

Извольте. Я хочу, чтобы вы...

Слуга *(входитъ изъ столовой и докладываетъ).*

Владиміръ Петровичъ Станицынъ.

Вѣра *(быстро поднимаясь съ мѣста).*

Я не могу его теперь видѣть... Горскій! я, кажется, васъ поняла, наконецъ... Примите его, вмѣсто меня... вмѣсто меня, слышите... puisque tout est arrangé... *(Она уходитъ въ гостиную).*

M-lle Bienaimé.

Eh bien? Elle s'en va?

Горскій *(не безъ смущенія).*

Oui... Elle est allée voir...

M-lle Bienaimé.

Quelle petite folle! *(Встаетъ и тоже уходитъ въ гостиную).*

Горскій *(послѣ небольшого молчанія).*

Что жъ это я? Женатъ?.. „Я, кажется, васъ поняла, наконецъ“... Вишь, куда она гнетъ... „puisque tout est arrangé“. Да я ее терпѣть не могу въ эту минуту! Ахъ я хвастунъ, хвастунъ! Передъ Мухинымъ я какъ храбрился,

а теперь вотъ... Въ какія поэтическія фантазіи я вдавался! Только не доставало обычныхъ словъ: спросите маменьку!.. Фу!.. какое глупое положеніе! Такъ или сякъ, надо кончить дѣло. Кстати, пріѣхалъ Станицынъ! О, судьба, судьба! скажи мнѣ на милость, смѣешься ты надо мною, что ли, или помогаешь мнѣ? А вотъ, посмотримъ... Но хорошъ же мой дружокъ, Иванъ Павлычъ...

(Входитъ Станицынъ. Онъ одѣтъ щеголемъ. Въ правой рукѣ у него шляпа, въ лѣвой корзинка, завернутая въ бумагу. Лицо его изображаетъ волненіе. При видѣ Горскаго, онъ внезапно останавливается и быстро краснѣетъ. Горскій идетъ къ нему навстрѣчу съ самымъ ласковымъ видомъ и протянутыми руками).

Горскій.

Здравствуйте, Владиміръ Петровичъ! какъ я радъ васъ видѣть...

Станицынъ.

И я... очень... Вы какъ... вы давно здѣсь?

Горскій.

Со вчерашняго дня, Владиміръ Петровичъ!

Станицынъ.

Всѣ здоровы?

Горскій.

Всѣ, рѣшительно всѣ, Владиміръ Петровичъ, начиная съ Анны Васильевны и кончая собачкой, которую вы подарили Вѣрѣ Николаевнѣ... Ну, а вы какъ?

Станицынъ.

Я... Я слава Богу... Гдѣ же она?

Горскій.

Въ гостиной!.. Въ карты играетъ.

Станицынъ.

Такъ рано... а вы?

Горскій.

А я здѣсь, какъ видите. Что это вы привезли? гостинецъ, навѣрное?

Станицынъ.

Да, Вѣра Николаевна намедни говорила... Я послалъ въ Москву за конфетами...

Горскій.

Въ Москву?

Станицынъ.

Да, тамъ лучше. А гдѣ Вѣра Николаевна? (*Ставитъ шляпу и конфеты на столъ*).

Горскій.

Она, кажется, въ гостиной... смотритъ, какъ играютъ въ преферансъ.

Станицынъ (*боязливо заглядывая въ гостиную*).

Кто это новое лицо?

Горскій.

А вы не узнали? Мухинъ, Иванъ Павлычъ.

Станицынъ.

Ахъ, да... (*Переминается на мѣстѣ*).

Горскій.

Вы не хотите войти въ гостиную?.. Вы словно въ волненіи, Владиміръ Петровичъ!

Станицынъ.

Нѣтъ, ничего... дорога, знаете, пыль... Ну, голова тоже...

(*Въ гостиной раздается взрывъ общаго смѣха... Всѣ кричатъ: „безъ четырехъ, безъ четырехъ!“ Вѣра говоритъ: „Поздравляю, М-r Мухинъ!“*)

Станицынъ (*смѣется и опять заглядываетъ въ гостиную*).

Что́ это тамъ... обремизился кто-то?

Горскій.

Да что жъ вы не войдете?

Станицынъ.

Сказать вамъ правду, Горскій... мнѣ бы хотѣлось поговорить нѣсколько съ Вѣрой Николаевной.

Горскій.

Наединѣ?

Станицынъ (*нерѣшительно*).

Да, только два слова. Мнѣ бы хотѣлось... теперь... а то въ теченіе дня... Вы сами знаете...

Горскій.

Ну, что жъ? войдите, да скажите ей... Да возьмите ваши конфеты...

Станицынъ.

И то правда. (*Подходитъ къ двери и все не рѣшается войти, какъ вдругъ раздается голосъ Анны Васильевны: „C'est vous, Woldemar? Bonjour... Entrez donc...“ Онъ входитъ*).

Горскій (*одинъ*).

Я недоволенъ собой. Я начинаю скучать и злиться. Боже мой, Боже мой! да что жъ это во мнѣ происходитъ такое? Отчего поднимается во мнѣ желчь и приступаетъ къ горлу? отчего мнѣ вдругъ становится такъ непріятно-весело? отчего я готовъ, какъ школьникъ, накуралесить всѣмъ, всѣмъ на свѣтѣ, и самому себѣ между прочимъ? Если я не влюбленъ, что за охота мнѣ дразнить и себя, и другихъ? Жениться? Нѣтъ, я не женюсь, что тамъ ни говорите, особенно такъ, изъ-подъ ножа. А если такъ, неужели же я не могу пожертвовать своимъ самолюбіемъ? Ну, восторжествуетъ она — ну, Богъ съ ней. (*Подходитъ къ китайскому бильярду и начинаетъ толкать шары*). Можетъ-быть, мнѣ же лучше будетъ, если она выйдетъ замужъ за... Ну, нѣтъ, это пустяки... Мнѣ тогда не видать ее какъ своихъ ушей... (*Продолжаетъ толкать шары*). Загадаю... Вотъ, если я попаду... Фу, Боже мой, что за ребячество? (*Бросаетъ кій, подходитъ къ столу и берется за книгу*). Что это? русскій романъ... Вотъ какъ-съ. Посмотримъ, что говоритъ русскій романъ. (*Раскрываетъ наудачу книгу и читаетъ*). „И что же? не прошло пяти лѣтъ послѣ брака, какъ уже плѣнительная, живая Марія превратилась въ дебелую и крикливую Марью Богдановну... Куда дѣвались всѣ ея стремленія, ея мечтанія“... О, господа авторы, какія вы дѣти! Вотъ вы о чемъ сокрушаетесь! Удивительно ли, что человѣкъ старѣется, тяжелѣетъ и глупѣетъ? Но вотъ что жутко: мечтанія и стремленія остаются тѣ же, глаза не успѣваютъ померкнуть, пушокъ со щеки еще не сойдетъ, а ужъ супругъ не знаетъ, куда дѣться... Да что! порядочнаго человѣка уже передъ свадьбой лихорадка колотитъ... Вотъ они, кажется, сюда идутъ... Надо спасаться... Фу, Боже мой! точно въ „Женитьбѣ“ Гоголя... Но я, по крайней мѣрѣ, не вы-

прыгну изъ окошка, а преспокойно выйду въ садъ черезъ дверь... Честь и мѣсто, господинъ Станицынъ!

(*Въ то время, какъ онъ поспѣшно удаляется, изъ гостиной входятъ Вѣра и Станицынъ*).

Вѣра (*Станицыну*).

Что это, кажется, Горскій въ садъ побѣжалъ?

Станицынъ.

Да-съ... я... признаться... ему сказалъ, что я... съ вами наединѣ желалъ... только два слова...

Вѣра.

А! вы ему сказали... Что же онъ вамъ?..

Станицынъ.

Онъ... ничего-съ...

Вѣра.

Какія приготовленія!.. Вы меня пугаете... Я уже вчерашнюю вашу записку не совсѣмъ поняла...

Станицынъ.

Дѣло вотъ въ чемъ, Вѣра Николаевна... Ради Бога, простите мнѣ мою дерзость... Я знаю... Я не стою... (*Вѣра медленно подвигается къ окну; онъ идетъ за ней*). Дѣло вотъ въ чемъ... Я... я рѣшаюсь просить вашей руки... (*Вѣра молчитъ и тихо наклоняетъ голову*). Боже мой! я слишкомъ хорошо знаю, что я васъ не стою... съ моей стороны это, конечно... но вы меня давно знаете... если слѣпая преданность... исполненіе малѣйшаго желанія, если все это... Я прошу васъ простить мою смѣлость... Я чувствую... (*Онъ останавливается. Вѣра молча протягиваетъ ему руку*). Неужели, неужели я не могу надѣяться?

Вѣра (*тихо*).

Вы меня не поняли, Владиміръ Петровичъ.

Станицынъ.

Въ такомъ случаѣ... конечно... простите меня... Но объ одномъ позвольте мнѣ попросить васъ, Вѣра Николаевна.. не лишайте меня счастія хоть изрѣдка видѣть васъ... Я васъ увѣряю... я васъ не буду безпокоить... Если даже съ другимъ... Вы... съ избраннымъ... Я васъ увѣряю... Я

буду всегда радоваться вашей радости... Я знаю себѣ цѣну... гдѣ мнѣ, конечно... Вы, конечно, правы...

Вѣра.

Дайте мнѣ подумать, Владиміръ Петровичъ...

Станицынъ.

Какъ?

Вѣра.

Да, оставьте меня теперь... на короткое время... я васъ увижу... я съ вами поговорю...

Станицынъ.

На что бы вы ни рѣшились, вы знаете, я покорюсь безъ ропота. *(Кланяется, уходитъ въ гостиную и запираетъ за собою дверь).*

Вѣра *(смотритъ ему вслѣдъ, подходитъ къ двери сада и зоветъ).*

Горскій! подите сюда, Горскій! *(Она идетъ къ авансценѣ. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Горскій).*

Горскій.

Вы меня звали?

Вѣра.

Вы знали, что Станицынъ хотѣлъ говорить со мной наединѣ?

Горскій.

Да, онъ мнѣ сказалъ.

Вѣра.

Вы знали, зачѣмъ?

Горскій.

Навѣрное—нѣтъ.

Вѣра.

Онъ проситъ моей руки.

Горскій.

Что жъ вы ему отвѣчали?

Вѣра.

Я?—ничего.

Горскій.

Вы ему не отказали?

Вѣра.

Я попросила его подождать.

Горскій.

Зачѣмъ?

Вѣра.

Какъ зачѣмъ, Горскій? Что съ вами? Отчего вы такъ холодно смотрите, такъ равнодушно говорите? что за улыбка у васъ на губахъ? Вы видите, я иду къ вамъ за совѣтомъ, я протягиваю руку,—а вы...

Горскій.

Извините меня, Вѣра Николаевна... На меня находитъ иногда какая-то тупость... Я на солнцѣ гулялъ безъ шляпы... Вы не смѣйтесь... Право, можетъ-быть, отъ этого... И такъ, Станицынъ проситъ вашей руки, а вы просите моего совѣта... а я спрашиваю васъ: какого вы мнѣнія о семейной жизни вообще? Ее можно сравнить съ молокомъ... но молоко скоро киснетъ.

Вѣра.

Горскій! я васъ не понимаю. Четверть часа тому назадъ, на этомъ мѣстѣ *(указывая на фортепіано)*, вспомните, такъ ли вы со мной говорили? такъ ли я васъ оставила? Что съ вами? смѣетесь вы надо мной? Горскій, неужели я это заслужила?

Горскій *(горько)*.

Я васъ увѣряю, что я не думаю смѣяться.

Вѣра.

Какъ же мнѣ объяснить эту внезапную перемѣну? Отчего я васъ понять не могу? Отчего, напротивъ, я... Скажите, скажите сами, не была ли я всегда откровенна съ вами, какъ сестра?

Горскій *(не безъ смущенія)*.

Вѣра Николаевна! я...

Вѣра.

Или, можетъ-быть... посмотрите, что вы меня заставляете говорить... можетъ-быть, Станицынъ возбуждаетъ въ васъ... какъ это сказать... ревность, что ли?

Горскій.

А почему же нѣтъ?

Вѣра.

О, не притворяйтесь... Вамъ слишкомъ хорошо извѣстно...

Да при томъ, что я говорю? Развѣ я знаю, что вы обо мнѣ думаете. что вы ко мнѣ чувствуете...

Горскій.

Вѣра Николаевна! знаете ли, что? Право, намъ лучше на время раззнакомиться...

Вѣра.

Горскій... что это?

Горскій.

Шутки въ сторону... Наши отношенія такъ странны... Мы осуждены не понимать другъ друга и мучить другъ друга.

Вѣра.

Я никому не мѣшаю меня мучить; но мнѣ не хочется, чтобы надо мной смѣялись... Не понимать другъ друга... отчего? развѣ я не прямо гляжу вамъ въ глаза? развѣ я люблю недоразумѣнія? развѣ я не говорю всего, что думаю? развѣ я недовѣрчива? Горскій! если мы должны разстаться, разстанемтесь, по крайней мѣрѣ, добрыми друзьями!

Горскій.

Если мы разстанемся, вы ни разу и не вспомните обо мнѣ.

Вѣра.

Горскій! вы словно желаете, чтобъ я... Вы хотите отъ меня признанія... Право. Но я не привыкла ни лгать, ни преувеличивать. Да, вы мнѣ нравитесь — я чувствую къ вамъ влеченіе, несмотря на ваши странности,—и... и только. Это дружелюбное чувство можетъ и развиться, можетъ и остановиться. Это зависитъ отъ васъ... Вотъ что во мнѣ происходитъ... Но вы, вы, скажите, что вы хотите, что думаете? Неужели вы не понимаете, что я не изъ любопытства васъ спрашиваю, что мнѣ надо же знать, наконецъ... *(Она останавливается и отворачивается).*

Горскій.

Вѣра Николаевна! выслушайте меня. Вы счастливо созданы Богомъ. Вы съ дѣтства живете и дышите вольно... Истина для вашей души, какъ свѣтъ для глазъ, какъ

воздухъ для груди... Вы смѣло глядите кругомъ и смѣло идете впередъ, хотя вы не знаете жизни, потому что для васъ въ жизни нѣтъ и не будетъ препятствій. Но не требуйте, ради Бога, той же самой смѣлости отъ человѣка темнаго и запутаннаго, какъ я, отъ человѣка, который много виноватъ передъ самимъ собою, который безпрестанно грѣшилъ и грѣшитъ... Не вырывайте у меня послѣдняго, рѣшительнаго слова, котораго я не выговорю громко передъ вами, можетъ-быть, именно потому, что я тысячу разъ сказалъ себѣ это слово наединѣ... Повторяю вамъ: будьте ко мнѣ снисходительны или бросьте меня совсѣмъ... подождите еще немного...

Вѣра.

Горскій! вѣрить ли мнѣ вамъ? Скажите — я вамъ повѣрю—вѣрить ли мнѣ вамъ, наконецъ?

Горскій *(съ невольнымъ движеніемъ).*

А Богъ знаетъ!

Вѣра *(помолчавъ немного).*

Подумайте и дайте мнѣ другой отвѣтъ.

Горскій.

Я всегда лучше отвѣчаю, когда не подумаю.

Вѣра.

Вы капризны, какъ маленькая дѣвочка.

Горскій.

А вы ужасно проницательны... Но вы меня извините... Я, кажется, сказалъ вамъ: „подождите". Это непростительно глупое слово просто сорвалось у меня съ языка...

Вѣра *(быстро покраснѣвъ).*

Въ самомъ дѣлѣ? Спасибо за откровенность.

(Горскій хочетъ отвѣчать ей, но дверь изъ гостиной вдругъ отворяется, и все общество входитъ, исключая m-lle Bienaimé. Анна Васильевна въ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа; ее подъ руку ведетъ Мухинъ. Станицынъ бросаетъ быстрый взглядъ на Вѣру и Горскаго).

Г-жа Либанова.

Вообразите, Eugène, мы совсѣмъ разорили г-на Мухина... Право. Но какой же онъ горячій игрокъ!

Горскій.

А! я и не зналъ!

Г-жа Либанова.

C'est incroyable! Ремизится на каждомъ шагу... *(Садится.)* А вотъ теперь можно гулять!

Мухинъ (*подходя къ окну и со сдержанной досадой*).

Едва ли; дождикъ начинаетъ накрапывать.

Варвара Ивановна.

Барометръ сегодня очень опустился... *(Садится немного позади г-жи Либановой).*

Г-жа Либанова.

Въ самомъ дѣлѣ? comme c'est contrariant! Eh bien, надо что-нибудь придумать... Eugène, и вы, Woldemar, это ваше дѣло.

Чухановъ.

Не угодно ли кому сразиться со мной въ бильярдъ! *(Никто ему не отвѣчаетъ.)* А не то такъ закусить, рюмку водочки выпить? (*Опять молчаніе.*) Ну, такъ я одинъ пойду, выпью за здоровье всей честной компаніи...

(*Уходитъ въ столовую. Между тѣмъ, Станицынъ подошелъ къ Вѣрѣ, но не дерзаетъ заговорить съ нею... Горскій стоитъ въ сторонѣ. Мухинъ разсматриваетъ рисунки на столѣ*).

Г-жа Либанова.

Что же вы, господа? Горскій, затѣйте что-нибудь.

Горскій.

Хотите, я вамъ прочту вступленіе въ естественную исторію Бюффона?

Г-жа Либанова.

Ну, полноте.

Горскій.

Такъ давайте играть въ petits jeux innocents.

Г-жа Либанова.

Что́ хотите... Впрочемъ, я это не для себя говорю... Меня, должно-быть, управляющій уже въ конторѣ дожидается... Пришелъ онъ, Варвара Ивановна?

Варвара Ивановна.

Вѣроятно-съ, пришелъ-съ.

Г-жа Либанова.

Узнайте, душа моя! *(Варвара Ивановна встаетъ и уходитъ).* Вѣра! подойди-ка сюда... Что̀ ты сегодня какъ будто блѣдна? Ты здорова?

Вѣра.

Здорова.

Г-жа Либанова.

То-то же. Ахъ, да! Woldemar, не забудьте мнѣ напомнить... Я вамъ дамъ въ городъ комиссію. *(Вѣрѣ).* Il est si complaisant!

Вѣра.

Il est plus que cela, maman, il est bon.

(Станицынъ восторженно улыбается)

Г-жа Либанова.

Что̀ это вы разсматриваете съ такимъ вниманіемъ, М-г Мухинъ?

Мухинъ.

Виды изъ Италіи.

Г-жа Либанова.

Ахъ, да... это я привезла... un souvenir... Я люблю Италію... я тамъ была счастлива... *(Вздыхаетъ).*

Варвара Ивановна *(входя).*

Пришелъ Ѳедотъ-съ, Анна Васильевна!

Г-жа Либанова *(вставая).*

А! пришелъ? *(Къ Мухину).* Вы сыщите... тамъ есть видъ Лаго-Маджіоре... Прелесть!.. *(Къ Варварѣ Ивановнѣ).* И староста пришелъ?

Варвара Ивановна.

Пришелъ староста.

Г-жа Либанова.

Ну, прощайте, mes enfants... Eugène, я вамъ ихъ поручаю... Amusez-vous... Вотъ, къ вамъ на подмогу идетъ M-lle Bienaimé. *(Изъ гостиной входитъ m-lle Bienaimé).* Пойдемте, Варвара Ивановна!..

(Уходитъ съ Морозовой въ гостиную. Воцаряется небольшое молчаніе).

M-lle Bienaimé *(сухенькимъ голосомъ).*

Eh bien, que ferons nous?

Мухинъ.

Да, что мы будемъ дѣлать?

Станицынъ.

Вотъ въ чемъ вопросъ!

Горскій.

Гамлетъ сказалъ это прежде тебя, Владиміръ Петровичъ!.. *(Вдругъ оживляясь).* Но, впрочемъ, давайте, давайте... Видите, какой дождь полилъ... Что, въ самомъ дѣлѣ, сложа руки сидѣть?

Станицынъ.

Я готовъ... А вы, Вѣра Николаевна?

Вѣра *(которая все это время оставалась почти неподвижною).*

Я тоже... готова.

Станицынъ.

Ну, и прекрасно!

Мухинъ.

Ты придумалъ что-нибудь, Евгеній Андреичъ?

Горскій.

Придумалъ, Иванъ Павлычъ! Мы вотъ что сдѣлаемъ. Сядемъ всѣ кругомъ стола...

M-lle Bienaimé.

Oh, ce sera charmant!

Горскій.

N'est-ce pas? Напишемъ всѣ наши имена на клочкахъ бумаги, и кому первому выдернется, тотъ долженъ будетъ разсказать какую-нибудь несообразную и фантастическую сказку—о себѣ, о другомъ, о чемъ угодно... Liberté entière, какъ говоритъ Анна Васильевна.

Станицынъ.

Хорошо, хорошо.

M-lle Bienaimé.

Ah! très bien, très bien

Вмѣстѣ.

Мухинъ.

Да какую же, однако, сказку?..

Горскій.

Какую вздумается... Ну, сядемте, сядемте... Вамъ угодно Вѣра Николаевна?

Вѣра.

Отчего же нѣтъ? *(Садится. Горскій садится по правую ея руку, Мухинъ по лѣвую. Станицынъ подлѣ Мухина, m-lle Bienaimé подлѣ Горскаго).*

Горскій.

Вотъ листъ бумаги *(разрываетъ листъ)*, а вотъ и наши имена. *(Пишетъ имена и свертываетъ билеты).*

Мухинъ *(Вѣрѣ).*

Вы что-то задумчивы сегодня, Вѣра Николаевна?

Вѣра.

А почему вы знаете, что я не всегда такова? Вы меня видите въ первый разъ.

Мухинъ *(ухмыляясь).*

О, нѣтъ-съ, какъ можно, чтобы вы всегда такъ были...

Вѣра *(съ легкой досадой).*

Въ самомъ дѣлѣ? *(Къ Станицыну).* Ваши конфеты очень хороши, Woldemar!

Станицынъ.

Я очень радъ... что вамъ услужилъ...

Горскій.

О, дамскій угодникъ! *(Мѣшаетъ билеты).* Вотъ—готово. Кто же будетъ выдергивать?.. M-lle Bienaimé, voulez-vous?

M-lle Bienaimé.

Mais très volontiers. *(Съ ужимкой беретъ билетъ и читаетъ).* Каспадинъ Станицынъ.

Горскій *(Станицыну).*

Ну, разскажите намъ что-нибудь, Владиміръ Петровичъ!

Станицынъ.

Да что вы хотите, чтобъ я разсказалъ?.. Я, право, не знаю...

Горскій.

Что-нибудь. Вы можете говорить все, что вамъ въ голову придетъ.

Станицынъ.

Да мнѣ въ голову ничего не приходитъ.

Горскій.

Ну, это, разумѣется, непріятно.

Вѣра.

Я согласна со Станицынымъ... Какъ можно такъ, вдругъ...

Мухинъ *(поспѣшно)*.

И я того же мнѣнія.

Станицынъ.

Да покажите намъ примѣръ, Евгеній Андреичъ: начните вы.

Вѣра.

Да, начните.

Мухинъ.

Начни, начни.

M-lle Bienaimé.

Oui, commencez, m-r Gorski!

Горскій.

Вы непремѣнно хотите?.. Извольте... Начинаю. Гм!.. *(Откашливается)*.

M-lle Bienaimé.

Hi, hi, nous allons rire.

Горскій.

Ne riez pas d'avance... И такъ, слушайте. У одного барона...

Мухинъ.

Была одна фантазія?

Горскій.

Нѣтъ, одна дочь.

Мухинъ.

Ну, это почти все равно.

Горскій.

Боже, какъ ты остеръ сегодня!.. И такъ, у одного барона была одна дочь. Собой она была очень хороша, отецъ ее очень любилъ, она очень любила отца, все шло превосходно,—но вдругъ, въ одинъ прекрасный день, баронесса убѣдилась, что жизнь, въ сущности, прескверная вещь, ей

стало очень скучно—она заплакала и слегла въ постель... Камерфрау тотчасъ побѣжала за родителемъ, родитель пришелъ, поглядѣлъ, покачалъ головой, сказалъ по-нѣмецки: м-м-м-м-мъ, вышелъ мѣрными шагами и, кликнувъ своего секретаря, продиктовалъ ему три пригласительныя письма къ тремъ молодымъ дворянамъ старриннаго происхожденія и пріятной наружности. На другой же день они, разодѣтые въ пухъ и прахъ, поочередно шаркали передъ барономъ, а молодая баронесса улыбалась попрежнему—еще лучше прежняго—и внимательно разсматривала своихъ жениховъ, ибо баронъ былъ дипломатъ, а молодые люди были женихи.

Мухинъ.

Какъ ты пространно разсказываешь!

Горскій.

Любезный другъ мой, что за бѣда!

M-lle Bienaimé.

Mais oui, laissez-la faire.

Вѣра *(внимательно глядя на Горскаго).*

Продолжайте.

Горскій.

И такъ, у баронессы были три жениха. Кого выбрать? На этотъ вопросъ лучше всего отвѣчаетъ сердце... Но когда сердце... Но когда сердце колеблется?.. Молодая баронесса была дѣвица умная и дальновидная... Она рѣшила подвергнуть жениховъ испытанью... Однажды, оставшись наединѣ съ однимъ изъ нихъ, бѣлокурымъ, она вдругъ обратилась къ нему съ вопросомъ: скажите, что вы готовы сдѣлать для того, чтобъ доказать мнѣ свою любовь? Бѣлокурый, по природѣ весьма хладнокровный, по тѣмъ болѣе склонный къ преувеличенію человѣкъ, отвѣчалъ ей съ жаромъ: я готовъ, по вашему приказанію, броситься съ высочайшей колокольни въ свѣтъ. Баронесса привѣтливо улыбнулась и на другой же день предложила тотъ же вопросъ другому жениху, русому, предварительно сообщивъ ему отвѣтъ бѣлокураго. Русый отвѣчалъ точно тѣми же словами, если возможно, съ большимъ жаромъ. Баронесса обратилась, наконецъ, къ третьему, шантрету.

Шантретъ помолчалъ немного, изъ приличія, и отвѣчалъ, что на все другое онъ согласенъ, и даже съ удовольствіемъ, но съ башни онъ не бросится, по весьма простой причинѣ: раздробивъ себѣ голову, трудно предложить руку и сердце кому бы то ни было. Баронесса прогнѣвалась на шантрета; но такъ какъ онъ... можетъ-быть... немножко болѣе ей нравился, чѣмъ другіе два, то она и стала приставать къ нему: обѣщайте, молъ, по крайней мѣрѣ... я не потребую исполненія на дѣлѣ... Но шантретъ, какъ человѣкъ совѣстливый, не хотѣлъ ничего обѣщать...

Вѣра.

Вы сегодня не въ духѣ, М-г Горскій!

M-lle Bienaimé.

Non, il n est pas en veine, c'est vrai. Никарашо, никарашо.

Станицынъ.

Другую сказку, другую!

Горскій (*не безъ досады*).

Я сегодня не въ ударѣ... не всякій же день... (*Къ Вѣрѣ*). Да и вы, напримѣръ, сегодня... То ли дѣло вчера!

Вѣра.

Что вы хотите сказать? (*Встаетъ, всѣ встаютъ*).

Горскій (*обращаясь къ Станицыну*).

Вы не можете себѣ представить, Владиміръ Петровичъ, какой мы вчера удивительный вечеръ провели! Жаль, что васъ не было, Владиміръ Петровичъ... Вотъ, m-lle Bienaimé была свидѣтельницей. Мы съ Вѣрой Николаевной болѣе часу вдвоемъ катались по пруду... Вѣра Николаевна такъ восхищалась вечеромъ, такъ ей было хорошо... Она такъ, казалось, и улетала въ небо... Слезы навертывались у ней на глазахъ... Я никогда не забуду этого вечера, Владиміръ Петровичъ!

Станицынъ (*уныло*).

Я вамъ вѣрю.

Вѣра (*которая все время глазъ не сводила съ Горскаго*).

Да, мы были довольно смѣшны вчера... И вы тоже

уносились, какъ вы говорите, въ небо... Вообразите, господа, Горскій мнѣ вчера читалъ стихи, да какіе все сладкіе, задумчивые!

Станицынъ.

Онъ вамъ читалъ стихи?

Вѣра.

Какъ же... и такимъ страннымъ голосомъ... словно больной, съ такими вздохами...

Горскій.

Вы сами этого требовали, Вѣра Николаевна!.. Вы знаете, что по собственной охотѣ я рѣдко предаюсь возвышеннымъ чувствамъ...

Вѣра.

Тѣмъ болѣе вы меня удивили вчера. Я знаю, что вамъ гораздо пріятнѣе смѣяться, чѣмъ... чѣмъ вздыхать, напримѣръ, или... мечтать.

Горскій.

О, съ этимъ я согласенъ! Да и въ самомъ дѣлѣ, назовите мнѣ вещь, недостойную смѣха? Дружба, семейное счастье, любовь?.. Да всѣ эти любезности хороши только какъ мгновенный отдыхъ, а тамъ—давай Богъ ноги! Порядочный человѣкъ не долженъ позволить себѣ погрязнуть въ этихъ пуховикахъ... (*Мухинъ съ улыбкой посматриваетъ то на Вѣру, то на Станицына; Вѣра это замѣчаетъ*).

Вѣра (*медленно*).

Какъ видно, что вы говорите теперь отъ души!.. Но къ чему вы горячитесь? Никто не сомнѣвается въ томъ, что вы всегда такъ думали.

Горскій (*принужденно смѣясь*).

Будто? Вчера вы были другого мнѣнія.

Вѣра.

Почему вы знаете? Нѣтъ, шутки въ сторону. Горскій! позвольте вамъ дать дружескій совѣтъ... Не впадайте никогда въ чувствительность... Она къ вамъ вовсе не пристала... Вы такъ умны... Вы безъ нея обойдетесь... Ахъ, да, кажется, дождикъ прошелъ... Посмотрите, какое чу-

десное солнце! Пойдемте въ садъ... Станицынъ! дайте мнѣ вашу руку. (*Быстро оборачивается и беретъ руку Станицына*). Bonne amie, venez-vous?

M-lle Bienaimé.

Oui, oui, allez toujours... (*Беретъ съ фортепіано шляпу и надѣваетъ*).

Вѣра (*остальнымъ*).

А вы, господа, не идете?.. Бѣгомъ, Станицынъ, бѣгомъ!

Станицынъ (*убѣгая съ Вѣрой въ садъ*).

Извольте, Вѣра Николаевна, извольте.

M-lle Bienaimé.

M-r Мухинъ, voulez-vous me donner votre bras?

Мухинъ.

Avec plaisir, mademoiselle... (*Горскому*). Прощай, шантретъ! (*Уходитъ съ m-lle Bienaimé*).

Горскій (*одинъ, подходитъ къ окну*).

Какъ бѣжитъ!.. и ни разу не оглянется... А Станицынъ-то, Станицынъ — спотыкается отъ радости! (*Пожимаетъ плечомъ*). Бѣднякъ! онъ не понимаетъ своего положенія... Полно, бѣднякъ ли онъ? Я, кажется, слишкомъ далеко зашелъ. Да что прикажешь дѣлать съ желчью? Во все время моего разсказа этотъ бѣсенокъ съ меня глазъ не спускалъ... Я напрасно упомянулъ о вчерашней прогулкѣ. Если ей показалось... кончено, любезный другъ мой Евгеній Андреичъ, укладывайте вашъ чемоданъ. (*Прохаживается*). Да и пора... запутался. О, случай, несчастіе дураковъ и провидѣніе умныхъ людей! приди ко мнѣ на помощь! (*Оглядывается*). Это кто? Чухановъ. Ужъ не онъ ли какъ-нибудь.

Чухановъ (*осторожно входя изъ столовой*).

Ахъ, батюшка Евгеній Андреичъ, какъ я радъ, что засталъ васъ однихъ!

Горскій.

Что вамъ угодно?

Чухановъ (*вполголоса*).

Вотъ, видите ли что, Евгеній Андреичъ!.. Анна Васильевна — дай Богъ ей здоровья! — лѣску мнѣ на до-

мишко изволили пожаловать, да въ контору приказъ отдать позабыли-съ... А безъ приказа лѣсу мнѣ не выдаютъ-съ...

Горскій.

Что жъ, вы ей напомните!

Чухановъ.

Батюшка! боюсь обезпокоить... Батюшка! будьте ласковы, заставьте вѣкъ о себѣ Бога молить... Какъ-нибудь, между двумя словцами... (*Подмигиваетъ*). Вѣдь вы на это мастеръ... нельзя ли такъ сказать, стороной?.. (*Еще значительнѣе подмигиваетъ*). Притомъ же, вы почитай что хозяинъ уже въ домѣ... хе-хе!

Горскій.

Въ самомъ дѣлѣ? Извольте, я съ удовольствіемъ...

Чухановъ.

Батюшка! по гробъ обяжете... (*Громко и съ прежними манерами*). А коли что понадобится—только мигните. (*Откидываетъ голову*). Эхъ, да и молодецъ же какой!..

Горскій.

Ну, хорошо... все исполню; будьте покойны.

Чухановъ.

Слушаю-съ, ваше сіятельство! А старикъ Чухановъ никого не безпокоитъ. Доложилъ, попросилъ, прибѣгъ, а тамъ — какъ начальнику угодно будетъ. Много довольны и благодарны. Налѣво кругомъ, маршъ! (*Уходитъ въ столовую*).

Горскій.

Ну, кажется, изъ этого „случая“ ничего не выжмешь... (*За дверью сада, по ступенямъ лѣстницы, слышны торопливые шаги*). Кто это бѣжитъ такъ? Ба! Станицынъ!

Станицынъ (*вбѣгая впопыхахъ*).

Гдѣ Анна Васильевна?

Горскій.

Кого вамъ?

Станицынъ (*внезапно останавливаясь*).

Горскій!.. Ахъ, если бъ вы знали...

Горскій.

Вы внѣ себя отъ радости... Что съ вами?

Станицынъ (*беретъ его за руку*).

Горскій!.. мнѣ бы, по-настоящему, не слѣдовало... но я не могу — радость меня душитъ... Я знаю, вы всегда принимали во мнѣ участіе... Вообразите же себѣ... Кто бы могъ это представить...

Горскій.

Да что такое, наконецъ?

Станицынъ.

Я попросилъ у Вѣры Николаевны ея руки, и она...

Горскій.

Что же она?

Станицынъ.

Вообразите, Горскій, она согласилась... вотъ, сейчасъ, въ саду... позволила мнѣ обратиться къ Аннѣ Васильевнѣ... Горскій, я счастливъ, какъ дитя... Какая удивительная дѣвушка!

Горскій (*едва скрывая волненіе*).

И вы идете теперь къ Аннѣ Васильевнѣ?

Станицынъ.

Да, я знаю, что она мнѣ не откажетъ... Горскій, я счастливъ, безмѣрно счастливъ.... Мнѣ бы хотѣлось обнять весь міръ... Позвольте, по крайней мѣрѣ, васъ обнять. (*Обнимаетъ Горскаго*). О, какъ я счастливъ! (*Убѣгаетъ*).

Горскій (*послѣ долгаго молчанія*).

Брависсимо! (*Кланяется вслѣдъ Станицыну*). Честь имѣю подравить... (*Съ досадой ходитъ по комнатѣ*). Я этого не ожидалъ, признаюсь. Хитрая дѣвчонка! Однако, мнѣ надо сейчасъ уѣхать... Или нѣтъ, останусь... Фу, какъ сердце непріятно бьется... Скверно! (*Подумавъ немного*). Ну, что жъ, я разбитъ... Но какъ позорно разбитъ... и не такъ, и не тамъ, гдѣ бы хотѣлось... (*Подходя къ окну, глядитъ въ садъ*). Идутъ... Умремъ, по крайней мѣрѣ, съ честью... (*Надѣваетъ шляпу, словно собирается идти въ садъ, и въ дверяхъ сталкивается съ Мухинымъ, съ Вѣрой и m-lle Вгепаіте. Вѣра держитъ m-lle*

Bienaimé подъ руку). А! Вы уже возвращаетесь; а я-было шелъ къ вамъ... (*Вѣра не поднимаетъ глазъ*).

M-lle Bienaimé.

Il fait encore trop mouillé.

Мухинъ.

Зачѣмъ ты не тотчасъ пошелъ съ нами?

Горскій.

Меня Чухановъ задержалъ... А вы, кажется, много бѣгали, Вѣра Николаевна?

Вѣра.

Да... мнѣ жарко.

(*M-lle Bienaimé съ Мухинымъ отходятъ немного въ сторону, потомъ начинаютъ играть на китайскомъ бильярдѣ, который находится немного позади*).

Горскій (*вполголоса*).

Я знаю все, Вѣра Николаевна! Я этого не ожидалъ.

Вѣра.

Вы знаете?.. Но я не удивляюсь. У него что на сердцѣ, то и на языкѣ.

Горскій (*съ укоризной*).

У него... вы будете раскаяваться.

Вѣра.

Нѣтъ.

Горскій.

Вы поступили подъ вліяніемъ досады.

Вѣра.

Можетъ-быть; но я поступила умно и раскаяваться не буду... Вы же примѣнили ко мнѣ стихи вашего Лермонтова: вы мнѣ сказали, что я пойду безвозвратно, куда меня поведетъ случайность... При томъ, вы сами знаете, Горскій, съ вами я была бы несчастлива.

Горскій.

Много чести.

Вѣра.

Я говорю, что думаю. Онъ меня любитъ, а вы...

Горскій.

А я?

Вѣра.

Вы никого не можете любить. У васъ сердце слишкомъ холодно, а воображеніе слишкомъ горячо. Я говорю съ вами, какъ съ другомъ, какъ о вещахъ давно прошедшихъ...

Горскій (*глухо*).

Я васъ оскорбилъ?

Вѣра.

Да... но вы не довольно меня любили, чтобы имѣть право меня оскорбить... Впрочемъ, это все дѣло прошлое... Разстанемся друзьями... Дайте мнѣ руку.

Горскій.

Я вамъ удивляюсь, Вѣра Николаевна! Вы прозрачны, какъ стекло, молоды, какъ двухлѣтній ребенокъ, и рѣшительны, какъ Фридрихъ Великій. Дать вамъ руку?.. да развѣ вы не чувствуете, какъ горько должно быть мнѣ на душѣ?..

Вѣра.

Вашему самолюбію больно?.. это ничего: заживетъ.

Горскій.

О, да вы философъ!

Вѣра.

Послушайте... Мы, вѣроятно, въ послѣдній разъ говоримъ объ этомъ... Вы умный человѣкъ, а ошиблись во мнѣ грубо. Повѣрьте, я не оставила васъ au pied du mur, какъ выражается нашъ пріятель m-r Мухинъ, я не налагала на васъ испытанія, а искала правды и простоты, я не требовала, чтобы вы спрыгнули съ колокольни, и вмѣсто этого...

Мухинъ (*громко*).

J'ai gagné.

M-lle Bienaimé.

Eh bien! la revanche.

Вѣра.

Я не дала играть собою—вотъ все... Во мнѣ, повѣрьте, горечи нѣтъ...

Горскій.

Поздравляю васъ. Великодушіе приличествуетъ побѣдителю.

Вѣра.

Дайте же мнѣ руку... вотъ вамъ моя.

Горскій.

Извините: ваша рука вамъ болѣе не принадлежитъ. (*Вѣра отворачивается и идетъ къ бильярду*). Впрочемъ, все къ лучшему въ этомъ мірѣ.

Вѣра.

Именно... Qui gagné?

Мухинъ.

До сихъ поръ все я.

Вѣра.

О, вы великій человѣкъ!

Горскій (*трепля его по плечу*).

И первый мой другъ, не правда ли, Иванъ Павлычъ? (*Кладетъ руку въ карманъ*). Ахъ, кстати, Вѣра Николаевна, пожалуйте сюда... (*Идетъ на авансцену*).

Вѣра (*идя вслѣдъ за нимъ*).

Что̀ вы мнѣ хотите сказать?

Горскій (*вынимаетъ розу изъ кармана и показываетъ ее Вѣрѣ*).

А? что̀ вы скажете? (*Смѣется. Вѣра краснѣетъ и потупляетъ глаза*). Что̀? вѣдь смѣшно? Посмотрите, не успѣла еще завянуть... (*Съ поклономъ*). Позвольте возвратить по принадлежности...

Вѣра.

Если бъ вы меня хоть крошечку уважали, вы бы не возвратили мнѣ ея теперь.

Горскій (*отводя руку назадъ*).

Въ такомъ случаѣ, позвольте. Пусть же онъ останется со мною, этотъ бѣдный цвѣтокъ... Впрочемъ, чувствительность ко мнѣ не пристала... не правда ли? И точно, да здравствуютъ насмѣшливость, веселость и злость! Вотъ, я опять въ своей тарелкѣ!

Вѣра.

И прекрасно!

Горскій.

Посмотрите на меня. (*Вѣра глядитъ на него, Горскій продолжаетъ не безъ волненія*). Прощайте... Вотъ, теперь бы кстати мнѣ воскликнуть: Welche Perle warf ich weg! Да къ чему? Вѣдь все къ лучшему.

Мухинъ (*восклицаетъ*).

J'ai gagné encore une fois?

Вѣра.

Все къ лучшему, Горскій!

Горскій.

Можетъ-быть... можетъ-быть... А, да вотъ растворяется дверь изъ гостиной... Идетъ фамильный полонезъ! (*Изъ гостиной выходитъ Анна Васильевна. Ее ведетъ Станицынъ. За ними выступаетъ Варвара Ивановна. Вѣра бѣжитъ навстрѣчу матери и обнимаетъ ее*).

Г-жа Либанова (*слезливымъ шопотомъ*).

Pourvu que tu sois heureuse, mon enfant...
(*У Станицына глаза разбѣгаются. Онъ готовъ заплакать*).

Горскій (*про себя*).

Какая трогательная картина! И какъ подумаешь, что я могъ бы быть на мѣстѣ этого болвана! Нѣтъ, рѣшительно я не рожденъ для семейной жизни... (*Громко*). Ну, что, Анна Васильевна, кончили ли вы, наконецъ, свои премудрыя распоряженія по хозяйству, счеты и расчеты?

Г-жа Либанова.

Кончила, Eugène, кончила; а что?

Горскій.

Я предлагаю заложить карету и съѣздить цѣлымъ обществомъ въ лѣсъ.

Г-жа Либанова (*съ чувствомъ*).

Съ удовольствіемъ. Варвара Ивановна, душа моя, прикажите.

Варвара Ивановна.

Слушаю-съ, слушаю-съ. (*Идетъ въ переднюю*).

M-lle Bienaimé *(закатываетъ глаза подъ лобъ).*

Dieu! que cela sera charmant!

Горскій.

Посмотрите, какъ мы будемъ дурачиться... я веселъ сегодня, какъ котенокъ.... *(Про себя).* Ото всѣхъ этихъ происшествій кровь у меня бросилась въ голову. Я словно опьянѣлъ... Боже мой, какъ она мила!.. *(Громко).* Берите же ваши шляпы; ѣдемте, ѣдемте! *(Про себя).* Да подойди же къ ней, глупый ты человѣкъ!... *(Станицынъ неловко подходитъ къ Вѣрѣ).* Не такъ. Не безпокойся, другъ мой, я въ теченіе прогулки о тебѣ похлопочу. Ты у меня явишься въ полномъ блескѣ. Какъ мнѣ легко!.. Фу! и такъ горько! Ну, ничего. *(Громко).* Mesdames, пойдемте пѣшкомъ: карета насъ догонитъ.

Г-жа Либанова.

Пойдемъ, пойдемъ.

Мухинъ.

Что это, тобой словно бѣсъ овладѣлъ?

Горскій.

Бѣсъ и есть... Анна Васильевна! дайте мнѣ вашу руку... Вѣдь я, все-таки, остаюсь церемоніймейстеромъ?

Г-жа Либанова.

Да, да, Eugène, конечно.

Горскій.

Ну, и прекрасно!.. Вѣра Николаевна! извольте дать руку Станицыну... M-lle Bienaimé, prenez mon ami m-r Мухинъ, а капитанъ... гдѣ капитанъ?

Чухановъ *(входя изъ передней).*

Готовъ къ услугамъ. Кто меня зоветъ?

Горскій.

Капитанъ! дайте руку Варварѣ Ивановнѣ... Вотъ она, кстати, входитъ... *(Варвара Ивановна входитъ).* И съ Богомъ! маршъ! Карета насъ догонитъ... Вѣра Николаевна, вы открываете шествіе, мы съ Анной Васильевной въ арріергардѣ.

Г-жа Либанова (*тихо Горскому*).

Ah, mon cher, si vous saviez, combien je suis heüreuse aujourd'hui.

Мухинъ (*становясь на мѣсто съ m-lle Bienaimé, на ухо Горскому*).

Хорошо, братъ, хорошо: не робѣешь... а сознайся: гдѣ тонко, тамъ и рвется!

(*Всѣ уходятъ. Занавѣсъ падаетъ*).

1847 г.

НАХЛѢБНИКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Николаевичъ Елецкій, коллежскій совѣтникъ, 32 лѣтъ. Петербургскій чиновникъ; холоденъ, сухъ, не глупъ, аккуратенъ; одѣтъ просто, со вкусомъ. Человѣкъ дюжинный, не злой, но безъ сердца.

Ольга Петровна Елецкая, урожденная Корина, его жена, 21 года. Доброе, мягкое существо; мечтаетъ о свѣтѣ и боится свѣта; любитъ мужа, ведетъ себя прилично. Хорошо одѣвается.

Василій Семенычъ Кузовкинъ, дворянинъ, проживающій на хлѣбахъ у Елецкихъ, 50 лѣтъ. Носитъ сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами.

Флегонтъ Александрычъ Троначевъ, сосѣдъ Елецкихъ, 36 лѣтъ. Помѣщикъ 400 душъ, не женатъ. Высокаго роста, виденъ собою, говоритъ громко, рисуется. Служилъ въ кавалеріи и вышелъ въ отставку поручикомъ. Ѣздитъ въ Петербургъ и собирается за границу. По природѣ грубоватъ и даже подловатъ. Одѣтъ въ зеленый круглый фракъ, гороховые панталоны, шотландскій жилетъ, шелковый галстукъ съ огромной булавкой. Носитъ лакированные сапоги и палку съ золотымъ набалдашникомъ. Остриженъ коротко, à la malcontent.

Иванъ Кузьмичъ Ивановъ, другой сосѣдъ, 45 лѣтъ. Смирное и молчаливое существо, не лишенное своего рода гордости, другъ Кузовкина. Охотно груститъ. Носитъ старенькій корич-

невый фракъ, вымытый желтоватый жилетъ и сѣрые панталоны. Очень бѣденъ.

Карпачовъ, тоже сосѣдъ, 40 лѣтъ. Очень глупый человѣкъ, съ усами, нѣчто въ родѣ адъютанта Тропачева. Не богатъ. Носитъ венгерку и шаровары. Говоритъ басомъ.

Парцысъ Константинычъ Трембинскій, дворецкій и метръ-д'отель Елецкихъ. Пронырливъ, крикливъ, хлопотливъ. Въ сущности большая бестія. Одѣтъ хорошо, какъ слѣдуетъ дворецкому въ богатомъ домѣ. Говоритъ правильно, но съ бѣлорусскимъ произношеніемъ.

Егоръ Карташовъ, управитель, 60 лѣтъ. Пухлый, заспанный человѣкъ. Гдѣ можно—крадетъ. Одѣтъ въ долгополый синій сюртукъ.

Прасковья Ивановна, кастелянша, 50 лѣтъ. Сухое, злое и желчное существо. На головѣ носитъ платокъ; ходитъ въ темномъ платьѣ; шамкаетъ.

Маша, горничная, 20 лѣтъ. Свѣжая дѣвка.

Анпадистъ, портной, 70 лѣтъ. Дряхлый, выжившій изъ ума, изнуренный и сѣвшій на ноги дворовый человѣкъ.

Петръ, лакей, 25 лѣтъ. Молодой, здоровый парень. Зубоскалъ и балагуръ.

Васька, казачокъ, 14 лѣтъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ залу въ домѣ богатаго помѣщика; направо два окна и дверь въ садъ; налѣво дверь въ гостиную; прямо—въ переднюю. Между окнами раздвижной столъ; на столѣ шашечница. Спереди налѣво другой столъ и два кресла. Между гостиной и передней входъ въ коридоръ.

Трембинскій (*за сценой*).

Это безпорядокъ! Я во всемъ здѣсь нахожу безпорядокъ! Это непростительно!.. (*Входя въ сопровожденіи Петра лакея и казачка Васьки*). Я имѣю формальное предписаніе отъ госпожи! Меня здѣсь всѣ должны слушаться! (*Къ Петру*). Понимаешь ты меня?

Петръ.

Слушаю-съ.

Трембинскій.

Госпожа со своимъ супругомъ сегодня сюда пріѣхать изволятъ...—меня, вотъ, напередъ прислали, — а мы что здѣсь дѣлаемъ? Ничего! (*Обращается къ казачку*). Ты за-

чѣмъ здѣсь? Шататься тоже любишь, а? Ничего не дѣлать тоже? (*Схватываетъ его за ухо и держитъ*). Даромъ хлѣбъ ѣсть? Это вы всѣ любите, даромъ хлѣбъ ѣсть! Знаемъ мы васъ! Вонъ! на мѣсто! (*Казачокъ уходитъ. Трембинскій садится въ кресло*). Совсѣмъ, ей-Богу, замучился! (*Вскакиваетъ*). А что жъ портного мнѣ не представляютъ? Гдѣ жъ, наконецъ, этотъ портной?

Петръ (*глянувъ въ переднюю*).

Пришелъ портной-съ.

Трембинскій.

Что жъ онъ не входитъ? Чего дожидается? Поди сюда, братецъ ты мой, какъ тебя зовутъ?

(*Входитъ Анпадистъ и становится у дверей, заложивъ руки за спину*).

Трембинскій (*Петру*).

Это портной?

Петръ.

Точно такъ-съ.

Трембинскій (*Анпадисту*).

Сколько тебѣ лѣтъ, братецъ ты мой?

Анпадистъ.

Семидесятый годокъ пошелъ, батюшка.

Трембинскій (*Петру*).

И другого нѣтъ у васъ портного?

Петръ.

Никакъ нѣтъ-съ. Былъ другой, да негоднымъ оказался. По причинѣ косноязычья.

Трембинскій (*поднимая руки къ небу*).

Что за безпорядки! (*Анпадисту*). Ну, ты, старина, исполнилъ приказаніе?

Анпадистъ.

Исполнилъ, батюшка.

Трембинскій.

Воротники на ливреяхъ подшилъ?

Анпадистъ.

Подшилъ, батюшка. Только, батюшка, желтаго суконца не хватило... батюшка.

Трембинскій.

Ну, такъ какъ же ты распорядился?

Анпадистъ.

А, батюшка, мнѣ изъ гладовой юбочку старенькую выдали, желтенькую такую.

Трембинскій *(махая руками).*

И не говори!.. Ну, однако, дѣлать нечего. Не ѣхать же теперь въ городъ за сукномъ. Ступай. *(Анпадистъ хочетъ идти).* Да смотри у меня! Живо! А то вѣдь я, братъ, того... Ну, ступай. *(Анпадистъ уходитъ. Трембинскій опять садится и тотчасъ опять вскакиваетъ).* Ахъ, да! чистятъ ли дорожки въ саду?

Петръ.

Какъ же-съ, чистятъ-съ. Съ деревни безтягольныхъ нагнали.

Трембинскій *(подступаетъ къ Петру).*

Да ты кто?

Петръ *(съ изумленіемъ).*

Чего изволите-съ?

Трембинскій *(подступаетъ ближе къ Петру).*

Ты кто, говорятъ тебѣ, кто ты?

Петръ *(съ возрастающимъ изумленіемъ).*

Я-съ?

Трембинскій *(подходитъ къ самому носу Петра).*

Да, ты, ты, ты... Кто ты?

(Петръ конфузится, глядитъ на Трембинскаго и молчитъ).

Трембинскій.

Да говори же, наконецъ, — тебя я спрашиваю: кто ты такой?

Петръ.

Я — Петръ-съ.

Трембинскій.

Нѣтъ, ты лакей — вотъ ты кто. Домъ — твое дѣло; и лампы чистить — тоже твое дѣло; а садъ — не твое дѣло. Безтягольныхъ ли нагнали или другихъ тамъ какихъ-нибудь — это не твое дѣло. Это дѣло приказчика. Я тебя

не спрашивалъ; я отъ тебя отвѣта не требовалъ. Твое дѣло за приказчикомъ сходить. Вотъ это—твое дѣло.

Петръ.

Да вотъ они сами сюда идутъ-съ.

(*Входитъ Егоръ изъ передней*).

Трембинскій.

А, Егоръ Алексѣичъ! очень кстати изволили придти. Скажите, пожалуйста, вы распорядились тамъ, въ саду, насчетъ...

Егоръ.

Распорядился, Нарцысъ Константинычъ. Не извольте безпокоиться... Табачку не хотите ли?

Трембинскій (*беретъ табакъ у Егора и нюхаетъ*).

Вы не повѣрите, Егоръ Алексѣичъ, въ какихъ я хлопотахъ съ утра. Признаюсь вамъ откровенно, не ожидалъ я въ такомъ большомъ имѣніи найти подобные безпорядки! Не по вашей части, разумѣется, не по хозяйству, а въ домѣ.

Егоръ.

Та-акъ-съ.

Трембинскій.

Вообразите себѣ, напримѣръ, спрашиваю: музыканты имѣются? Вы понимаете — надо господъ какъ слѣдуетъ встрѣтить. Говорятъ мнѣ: имѣются. Ну, говорю, подайте ихъ сюда. Что жъ вы думаете? Всѣ они, музыканты-то, въ разныхъ должностяхъ состоятъ. Кто огородникомъ, кто сапожникомъ; контрбасъ за волами ходитъ. На что это похоже? Инструменты тоже въ безпорядкѣ. Насилу кое-какъ сладилъ. (*Опять нюхаетъ табакъ*).

Егоръ.

Хлопотливую должность изволили получить-съ.

Трембинскій.

Да, смѣю сказать, не даромъ хлѣбъ свой ѣмъ... А что, музыканты стоятъ у крыльца?

Егоръ.

Какъ же, у крыльца. Дождикъ накрапывать сталъ— такъ они было въ офиціантскую забрались; инструменты

говорятъ, подмочитъ. Да я ихъ, признаться, выгналъ. Ну, не равно вѣстовой прозѣваетъ — господа вдругъ пожалуютъ. А инструменты можно подъ полой подержать.

Трембинскій.

Совершенно справедливо. Кажется, все теперь въ порядкѣ.

Егоръ.

Будьте спокойны, Нарцысъ Константинычъ. (*Взглядываетъ на Петра*). Ты что тутъ торчишь? Ступай-ка вонъ, на свое мѣсто, мой любезный, между прочимъ. (*Петръ уходитъ въ переднюю. Изъ коридора выбѣгаетъ Маша*). Ишь, ишь, ишь, куда, сударыня, спѣшите?

Маша.

Ахъ, Егоръ Алексѣичъ, оставьте! Прасковья Ивановна ужъ и такъ затормошила совсѣмъ. (*Бѣжитъ въ переднюю*).

Егоръ (*глядитъ ей вслѣдъ, потомъ оборачивается къ Трембинскому и подмигиваетъ глазомъ. Трембинскій ухмыляется*).

А позвольте узнать, Нарцысъ Константинычъ, который часъ?

Трембинскій (*смотритъ на часы*).

Три четверти одиннадцатаго. Того и гляди, господа пріѣдутъ.

(*Изъ передней показывается Кузовкинъ, останавливается, дѣлаетъ кому-то сзади себя за дверью знаки, осторожно входитъ и пробирается къ столу возлѣ оконъ*).

Егоръ.

Пойду сбѣгаю въ контору. Староста, навѣрно, себѣ бороды не вычесалъ, а цѣловаться, небось, тоже полѣзетъ... (*Уходя, сталкивается съ Кузовкинымъ*).

Кузовкинъ.

Здравствуйте, Егоръ Алексѣичъ?

Егоръ (*не безъ досады*).

Эхъ, Василій Семенычъ! не до васъ. (*Уходитъ въ переднюю. Кузовкинъ продолжаетъ пробираться къ окну*).

Трембинскій (*оглядывается и замѣчаетъ Кузовкина. Про себя*).

А, этотъ! *(Кузовкинъ кланяется Трембинскому. Трембинскій небрежно киваетъ головой и говоритъ ему черезъ плечо).* Ну, что? И вы туда же? Тоже молодыхъ господъ встрѣчать собрались?.. а?

Кузовкинъ.

Какъ же-съ.

Трембинскій.

Ну, что жъ: и рады вы? *(Не дожидаясь его отвѣта).* Пріодѣлись?

Кузовкинъ.

Да... то-есть...

Трембинскій.

Хорошо, хорошо... Вы можете тутъ, въ уголку, посидѣть. *(Кузовкинъ кланяется).* Ахъ, да! я и забылъ! Петръ!.. Петръ!.. Петрушка!.. Что это? Никого нѣтъ въ передней?

Ивановъ *(до половины высовывается изъ передней).*

Что угодно-съ?

Трембинскій *(не безъ удивленія).*

Да позвольте... Вы... какимъ образомъ...

Ивановъ *(не выказываясь болѣе).*

Ивановъ, Иванъ Кузьмичъ... вотъ, ихъ пріятель-съ... *(Указываетъ на Кузовкина).*

Кузовкинъ *(Трембинскому).*

Сосѣдъ... здѣшній-съ... Въ гости ко мнѣ пришелъ-съ.

Трембинскій *(съ разстановкою и качая головой).*

Эхъ, не время теперь... не мѣсто здѣсь, господа! *(Петръ выходитъ изъ передней мимо самаго носа Иванова. Ивановъ прячется).*

Гдѣ ты пропадаешь? Ступай за мной... Я хочу посмотрѣть, что у тебя тамъ, въ кабинетѣ... Чай, все не такъ, какъ я приказалъ... Положись-ка на васъ! *(Оба уходятъ въ гостиную. Кузовкинъ остается одинъ).*

Кузовкинъ *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Ваня... а Ваня!

Ивановъ *(изъ передней, не показываясь).*

Чего?

Кузовкинъ.

Войди, Ваня, ничего, можно.

Ивановъ (*медленно входитъ*).

Я лучше уйду.

Кузовкинъ.

Нѣтъ, останься. Что за бѣда? Ты ко мнѣ пришелъ. Вотъ, поди сюда. Вотъ, тутъ сядь-ка. Это, вотъ, мой уголъ.

Ивановъ.

Пойдемъ лучше въ твою комнату.

Кузовкинъ.

Въ мою комнату намъ теперь идти нельзя. Тамъ теперь бѣлье разбираютъ.. Перинъ тоже много нанесли. Да здѣсь чѣмъ худо?

Ивановъ.

Нѣтъ, я лучше домой пойду.

Кузовкинъ.

Нѣтъ, Ваня, ты останься. Сядь-ка вотъ тутъ, ся-ядь. И я сяду. (*Кузовкинъ садится*). Наши, вотъ, сейчасъ пріѣдутъ. Посмотри на нихъ.

Ивановъ.

Чего смотрѣть?

Кузовкинъ.

Какъ чего смотрѣть? Ольга-то Петровна въ Петербургѣ замужъ вышла. Каковъ-то у нея мужепекъ? Ну, да и ее мы съ тобой давно не видали. Шесть лѣтъ слишкомъ. Сядь.

Ивановъ.

Да что, Василій Семенычъ, право...

Кузовкинъ.

Сядь, сядь, говорятъ. Ты не смотри на то, что новый дворецкій кричитъ. Богъ съ нимъ совсѣмъ! Онъ вѣдь для этого приставленъ.

Ивановъ.

Ольга Петровна-то, чай, за богатаго вышла? (*Садится*).

Кузовкинъ.

Не знаю, Ваня, какъ тебѣ сказать, а чиновникъ, гово-

рятъ, важный. Ну, Ольгѣ Петровнѣ такъ и слѣдовало. Не вѣкъ же ей было со своей теткой жить.

Ивановъ.

А какъ бы, Василій Семенычъ, новый-то баринъ насъ съ тобою не выгналъ.

Кузовкинъ.

А зачѣмъ ему насъ выгнать?

Ивановъ.

То-есть, я про тебя говорю.

Кузовкинъ *(со вздохомъ)*.

Знаю, Ваня, знаю. Ты, братъ, что ни говори, все-таки помѣщикъ. А на меня и платье-то не изъ цѣлаго кроятъ. Все съ чужого плеча. А все-таки новый баринъ меня не выгонитъ. Покойный баринъ—и тотъ меня не выгналъ... А ужъ на что былъ сердитъ.

Ивановъ.

Да ты, Василій Семенычъ, петербургскихъ молодцовъ не знаешь.

Кузовкинъ.

А что, Иванъ Кузьмичъ, развѣ они... того?

Ивановъ.

Просто, говорятъ, бѣда! Я ихъ тоже не знаю, а слыхалъ.

Кузовкинъ *(послѣ минутнаго молчанія)*.

Ну, посмотримъ. Я на Ольгу Петровну надѣюсь. Она не выдастъ.

Ивановъ.

Не выдастъ! Да она, чай, и забыла тебя совсѣмъ. Вѣдь она отсюда, послѣ смерти покойной матушки своей, — съ теткой-то съ своей, — ребенкомъ выѣхала. Что ей? и четырнадцати лѣтъ не было. Ты съ ней въ куклы игрывалъ—велико дѣло? Она и не посмотритъ на тебя.

Кузовкинъ.

Ну, нѣтъ, Ваня.

Ивановъ.

Вотъ увидишь.

Кузовкинъ.

Ну, полно же, Ваня, пожалуйста.

Ивановъ.

Да вотъ увидишь, Василій Семенычъ.

Кузовкинъ.

Право, Ваня, перестань... Сыграемъ-ка лучше въ шашки... А? какъ по-твоему? *(Ивановъ молчитъ).* Что такъ сидѣть-то! Давай-ка, братъ, давай. *(Беретъ шашечницу и разставляетъ шашки).*

Ивановъ *(тоже разставляетъ шашки).*

Нашелъ время, нечего сказать. Дворецкій позволитъ тебѣ, какъ же!

Кузовкинъ.

А мы развѣ кому мѣшаемъ?

Ивановъ.

Да господа сейчасъ пріѣдутъ.

Кузовкинъ.

Господа пріѣдутъ—мы бросимъ. Въ правой или въ лѣвой?

Ивановъ.

Ужъ прогонятъ насъ съ тобой, Василій Семенычъ, вотъ увидишь. Въ лѣвой. Тебѣ начинать.

Кузовкинъ.

Мнѣ... Я, братъ, сегодня вотъ какъ начинаю.

Ивановъ.

Вишь, что вздумалъ. А я вотъ какъ.

Кузовкинъ.

А я сюда.

Ивановъ.

А я сюда.

(Вдругъ въ передней поднимается шумъ. Казачокъ Васька вбѣгаетъ, сломя голову, и кричитъ: «ѣдутъ! ѣдутъ! Парцысъ Константинычъ! ѣдутъ!..» Кузовкинъ и Ивановъ вскакиваютъ).

Кузовкинъ *(въ большомъ волненіи).*

Ѣдутъ? Ѣдутъ?

Васька *(кричитъ).*

Махальный знакъ подалъ—ѣдутъ!

(Изъ гостиной раздается голосъ Трембинскаго: «что такое? господа — господа ѣдутъ?» Онъ вмѣстѣ съ Петромъ выбѣгаетъ изъ гостиной).

Трембинскій *(кричитъ).*

Музыканты! музыканты по мѣстамъ!

(Убѣгаетъ въ переднюю; Петръ и казачокъ за нимъ. Изъ коридора выскакиваетъ Маша).

Маша.

Господа ѣдутъ?

Кузовкинъ.

Ѣдутъ, ѣдутъ.

(Ивановъ съ тоской забивается въ уголъ. Маша бѣжитъ въ коридоръ съ крикомъ: «ѣдутъ!» Черезъ мгновенье изъ коридора вырывается Прасковья Ивановна, а изъ передней Трембинскій).

Прасковья Ивановна.

Ѣдутъ?

Трембинскій.

Дѣвокъ зовите сюда, дѣвокъ!

Прасковья Ивановна *(кричитъ въ коридоръ).*

Дѣвки! дѣвки!

Егоръ *(выбѣгая изъ передней).*

А гдѣ жъ хлѣбъ-соль, Нарцысъ Константинычъ?

Трембинскій *(кричитъ во все горло).*

Петръ! Петръ! Хлѣбъ-соль! Гдѣ хлѣбъ-соль? *(Изъ коридора выходятъ шесть разряженныхъ дѣвокъ).* Въ переднюю, дѣвки, въ переднюю!

(Дѣвки бѣгутъ въ переднюю и сталкиваются въ дверяхъ съ Петромъ. У него въ рукахъ блюдо съ огромнымъ кренделемъ и солонкой).

Петръ.

Тише вы, сумасшедшія!

Трембинскій *(вырываетъ у Петра блюдо и передаетъ его на руки Егору).*

Это вамъ... Ступайте на крыльцо, ступайте.

(Выталкиваетъ его вонъ вмѣстѣ съ Петромъ и Прасковьей Ивановной, бѣжитъ самъ за нимъ и кричитъ въ передней: «а люди-то гдѣ?.. людей сюда!»).

Голосъ Петра.

Аппадиста позовите!

Другой голосъ.

У него десятскій сапоги отобралъ...

Голосъ Трембинскаго.

Кучеровъ сюда, кучеровъ!

Голоса дѣвокъ.

Ѣдутъ, ѣдутъ!

Голосъ Трембинскаго.

Молчать теперь, молчать!

(Воцаряется глубокое молчаніе. Кузовкинъ, который во все время тревоги находился въ большомъ волненіи, но почти не сходилъ съ мѣста, съ жадностью прислушивается.— Вдругъ музыка начинаетъ фальшиво играть: «Громъ побѣды раздавайся...» Карета подъѣзжаетъ къ крыльцу, раздается говоръ, музыка умолкаетъ. Слышны лобзанья... Черезъ мгновенье входятъ Ольга Петровна, ея мужъ; у него въ одной рукѣ крендель; за ними Трембинскій, Егоръ съ блюдомъ, Прасковья Ивановна и дворня, которая, однако, останавливается въ дверяхъ).

Ольга *(съ улыбкой мужу).*

Ну, вотъ, мы дома, наконецъ, Paul. *(Елецкій жметъ ей руку).* Какъ я рада! *(Обращаясь къ дворовымъ).* Благодарствуйте, благодарствуйте! *(Указывая на Елецкаго).* Вотъ вамъ вашъ новый господинъ... Прошу любить и жаловать. *(Къ мужу).* Rendez cela, mon ami. *(Елецкій отдаетъ крендель Егору).*

Трембинскій *(наклонивъ всю верхнюю часть тѣла).*

Не угодно ли будетъ что приказать... покушать... или, можетъ-быть, чаю...

Ольга.

Нѣтъ, благодарствуйте, послѣ. *(Къ мужу).* Я хочу показать тебѣ весь нашъ домъ, твой кабинетъ... Я цѣлыхъ семь лѣтъ здѣсь не была... семь лѣтъ!

Елецкій.

Покажи.

Прасковья Ивановна *(принимая съ рукъ Ольги шляпу и мантилью).*

Матушка вы наша, голубушка...

Ольга (*улыбается ей въ отвѣтъ и глядитъ кругомъ*).

А постарѣлъ нашъ домъ... И комнаты мнѣ меньше кажутся.

Елецкій (*голосомъ ласковаго наставника*).

Это всегда такъ кажется. Ты отсюда ребенкомъ выѣхала.

Кузовкинъ (*который все время глазъ не спускалъ съ Ольги, подходитъ къ ней*).

Ольга Петровна, позвольте... (*Голосъ у него прерывается*).

Ольга (*сперва не узнаетъ его*).

А... ахъ, Василій... Василій Петровичъ, какъ ваше здоровье? Я васъ и не узнала сперва.

Кузовкинъ (*цѣлуетъ у ней руку*).

Позвольте... поздравить...

Ольга (*мужу, указывая на Кузовкина*).

Старый нашъ пріятель, Василій Петровичъ...

Елецкій (*кланяется*).

Очень радъ.

(*Ивановъ издали тоже кланяется, хотя его еще не замѣтили*).

Кузовкинъ (*кланяется Елецкому*).

Съ пріѣздомъ... Мы всѣ... такъ рады...

Елецкій (*кланяется ему еще разъ, и вполголоса женѣ*).

Кто это?

Ольга (*тоже вполголоса*).

Бѣдный дворянинъ, у насъ въ домѣ проживаетъ. (*Громко*). Ну, пойдемъ, я тебѣ хочу весь домъ показать... Я здѣсь родилась, Paul, я здѣсь выросла...

Елецкій.

Пойдемъ, съ удовольствіемъ... (*Обращаясь къ Трембинскому*). А вы, пожалуйста, прикажите моему камердинеру... вещи тамъ мои...

Трембинскій (*торопливо*).

Слушаю, слушаю-съ.

Ольга.

Пойдемъ же, Paul. (*Оба идутъ въ гостиную*).

Трембинскій (*ко всей дворнѣ вполголоса*).

Ну, друзья мои, ступайте теперь по мѣстамъ. Вы, Егоръ Алексѣичъ, останьтесь въ передней — неравно баринъ спроситъ.

(*Егоръ и дворовые уходятъ въ переднюю, Прасковья Ивановна съ горничными въ коридоръ*).

Прасковья Ивановна (*въ дверяхъ*).

Идите, идите... Да ты, Машка, чего смѣешься? (*Уходитъ*).

Трембинскій (*къ Кузовкину и Иванову*).

А вы, господа, здѣсь останетесь, что ли?

Кузовкинъ.

Мы здѣсь останемся.

Трембинскій.

Ну, хорошо... Только, пожалуйста, вы знаете... (*Дѣлаетъ знаки руками.*) Ради Бога... а то вѣдь съ насъ же взыщутъ... (*Уходитъ на цыпочкахъ въ переднюю*).

Кузовкинъ (*глядитъ ему вслѣдъ и быстро обращается къ Иванову*).

А, Ваня, какова? Нѣтъ, скажи, какова? Какъ выросла, а? Красавица какая стала! И меня не забыла. А? видишь, Ваня, видишь: выходитъ—я правъ.

Ивановъ.

Не забыла... А зачѣмъ же она тебя Васильемъ Петровичемъ-то величаетъ?

Кузовкинъ.

Экой ты, Ваня! Ну, что жъ тутъ такое — Петровичъ, Семенычъ, ну, не все ли равно; ну, самъ посуди, ты вѣдь умный человѣкъ. Мужу своему меня представила. Видный мужчина! Молодецъ! и лицо такое... О, да онъ, должно-быть, чиновный человѣкъ! Какъ ты думаешь, Ваня?

Ивановъ.

Не знаю, Василій Семенычъ. Я, вотъ, лучше уйду.

Кузовкинъ.

Экой ты, Ваня! да что съ тобой сдѣлалось? На себя, ей-Богу, не похожъ. Уйду, да уйду. Ты лучше мнѣ скажи, какова тебѣ наша молодая показалась?

Ивановъ.

Хороша, что̀ жъ, я не говорю.

Кузовкинъ.

Улыбка одна чего сто̀итъ... А голосъ, а? Малиновка, просто, канарейка. И мужа своего любитъ. Это сейчасъ видно. А, Ваня? вѣдь видно?

Ивановъ.

Господь ихъ знаетъ, Василій Семенычъ.

Кузовкинъ.

Грѣшно тебѣ, Иванъ Кузьмичъ, ей-Богу грѣшно. Человѣку весело—а ты... Да вотъ, они опять сюда идутъ.

(*Входятъ Ольга и Елецкій изъ гостиной*).

Ольга.

Не великъ нашъ домъ, какъ видишь. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Елецкій.

Помилуй, прекрасный домъ; превосходно расположенъ.

Ольга.

Ну, теперь пойдемъ въ садъ.

Елецкій.

Съ удовольствіемъ... а впрочемъ... мнѣ бы хотѣлось слова два переговорить съ твоимъ управляющимъ.

Ольга (*съ упрекомъ*).

Съ твоимъ?

Елецкій (*съ улыбкой*).

Съ нашимъ. (*Цѣлуетъ у ней руку*).

Ольга.

Ну, какъ хочешь. Я вотъ съ собой Василья Петровича возьму. Василій Петровичъ, пойдемте въ садъ... Хотите?

Кузовкинъ (*съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ*).

Помилуйте... я... я...

Елецкій.

Надѣнь шляпу, Оля.

Ольга.

Не нужно. (*Накидываетъ шарфъ на голову.*) Пойдемте, Василій Петровичъ.

Кузовкинъ.

Позвольте, Ольга Петровна, представить вамъ одного... тоже... здѣшняго сосѣда, Иванова...

(*Иванъ Кузьмичъ конфузится и кланяется*).

Ольга.

Очень рада... (*Къ Иванову.*) Угодно вамъ идти съ нами въ садъ? (*Ивановъ кланяется.*) Дайте мнѣ вашу руку, Василій Петровичъ...

Кузовкинъ (*не вѣря ушамъ*).

Какъ-съ?..

Ольга (*смѣясь*).

Да вотъ такъ. (*Беретъ его руку и продѣваетъ свою.*) Помните ли вы, Василій Петровичъ... (*Уходятъ въ стеклянную дверь. Ивановъ идетъ за ними*).

Елецкій (*подходитъ къ стеклянной двери, глядитъ вслѣдъ женѣ, возвращается къ столу налѣво и садится*).

Эй! кто тамъ? Человѣкъ!

Петръ (*выходя изъ передней*).

Чего изволите-съ?

Елецкій.

Какъ тебя зовутъ, любезный?

Петръ.

Петромъ-съ.

Елецкій.

А! Ну, такъ позови же мнѣ управляющаго—какъ бишь его зовутъ—Егоромъ, что ли?

Петръ.

Точно такъ-съ.

Елецкій.

Позови-ка его.

(*Петръ уходитъ. Спустя мгновенье входитъ Егоръ, останавливается у дверей и складываетъ руки за спину*).

Елецкій (*голосомъ начальника отдѣленія*).

Егоръ, я намѣренъ осмотрѣть завтра имѣнье Ольги Петровны.

Егоръ.

Слушаю-съ.

Елецкій.

Много здѣсь душъ?

Егоръ.

Въ селѣ Тимоѳеевскомъ триста-восемьдесятъ-четыре мужеска пола, по ревизіи. На-лицо больше.

Елецкій.

А сколько больше?

Егоръ (*кашляетъ въ руку*).

Душъ, этакъ, будетъ десятка съ-два.

Елецкій.

Гм!.. Прошу аккуратно узнать и донести. Черезполосица есть?

Егоръ.

Въ круглой межѣ дача состоитъ-съ.

Елецкій (*глядитъ на Егора съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ*).

Гм!.. А удобной земли много?

Егоръ.

Достаточно-съ. Двѣсти-семьдесять-пять десятинъ въ клину.

Елецкій (*опять съ недоумѣніемъ глядитъ на Егора*).

А неудобной сколько?

Егоръ (*съ нѣкоторой разстановкой*).

Какъ вамъ доложить-съ... Подъ кустарниками... овраги тоже есть... Ну, да вотъ, подъ усадьбой... выгонъ тоже. (*Оправившись*). Подъ покосъ идетъ-съ.

Елецкій (*играя бровями*).

А сколько именно?

Егоръ.

Да кто ее знаетъ-съ. Земля не мѣряная. Развѣ на планѣ означено. Десятинъ, пожалуй что, пятьдесятъ набѣжитъ.

Елецкій (*про себя*).

Все это безпорядки. (*Громко*). А лѣсъ есть?

Егоръ.

Двадцать-восемь десятинъ-съ съ осминникомъ.

Елецкій (*громко съ разстановкой*).

Стало-быть, всего десятинъ, этакъ, съ пятьсотъ имѣется?

Егоръ.

Съ пятьсотъ-съ? За двѣ тысячи наберется.

Елецкій.

Какъ же ты самъ... (*Останавливается*). Да... да... я... я такъ хотѣлъ сказать. Понимаешь?

Егоръ.

Слушаю-съ.

Елецкій (*весьма серьезно*).

Ну, а что, здѣшніе мужики хорошо себя ведутъ? Смирны?

Егоръ.

Народъ хорошій-съ. Острастку любитъ-съ.

Елецкій.

Гм!.. Ну, и не разорены?

Егоръ.

Какъ можно-съ! Никакъ нѣтъ-съ. Много довольны.

Елецкій.

Ну, я это все самъ завтра разберу. Можешь идти. Да скажи, пожалуйста, что это за господинъ тутъ живетъ— кто онъ такой?

Егоръ.

Кузовкинъ, Василій Семенычъ, дворянинъ. На хлѣбахъ-съ проживаетъ. Еще со временъ стараго барина. Они ихъ, можно сказать, для потѣхи при себѣ держали.

Елецкій.

И давно онъ здѣсь живетъ?

Егоръ.

Давно-съ. Со смерти стараго барина двадцатый годъ пошелъ, а Василій Семенычъ-то еще при жизни покойника у насъ поселился.

Елецкій.

Ну, хорошо... А что—у васъ контора, вѣдь, есть?

Егоръ.

Какъ безъ конторы быть-съ...

Елецкій.

Это я все завтра осмотрю. Ступай. (*Егоръ уходитъ*). А этотъ управляющій, кажется, глупъ. Впрочемъ, увидимъ. (*Встаетъ и прохаживается*). Вотъ я и въ деревнѣ — у себя въ деревнѣ. Странно какъ-то. А хорошо.

(*Въ передней раздается голосъ Тропачева: «Пріѣхали? Сегодня?»*).

Елецкій (*про себя*).

Кто это?

Петръ (*входя изъ передней*).

Тропачевъ, Флегонтъ Александрычъ, пріѣхали-съ. Желаютъ васъ видѣть-съ...' Что̀ прикажете доложить-съ?

Елецкій (*про себя*).

Кто бишь это такой... Знакомое имя. (*Громко*). Проси!

Тропачевъ (*входитъ*).

Здравствуйте, Павелъ Николаичъ, bonjour. (*Елецкій кланяется съ замѣтнымъ недоумѣніемъ*). Вы меня, какъ будто, не узнаете... Помните, въ Петербургѣ, у графа Кунцова...

Елецкій.

Ахъ, точно... милости просимъ, я очень радъ... (*Жметъ ему руку*).

Тропачевъ.

Я вашъ ближайшій сосѣдъ. Живу въ двухъ верстахъ отсюда. Въ городъ ѣзжу мимо самаго вашего дома. Я зналъ, что васъ ожидали... Дай, думаю, заѣду, справлюсь сегодня. По если я не во-время пріѣхалъ, вы мнѣ, пожалуйста, скажите. Entre gens comme il faut, вы понимаете,—что̀ за церемоніи!

Елецкій.

Напротивъ, — я надѣюсь, что вы останетесь обѣдать у насъ... хотя я не знаю, что̀ намъ приготовилъ нашъ деревенскій поваръ.

Тропачевъ (*рисуясь и играя палкой*).

О, Боже мой, я знаю, у васъ все на большой ногѣ. Вы, я надѣюсь, сдѣлаете мнѣ тоже честь отобѣдать надняхъ у меня... Вы не повѣрите, какъ я радъ вашему пріѣзду. Здѣсь такъ мало порядочныхъ людей, des gens comme il faut. — Et madame? Какъ ея здоровье? Я знавалъ ее ребенкомъ. Да, да, я знаю вашу жену, очень хорошо знаю. Поздравляю васъ, Павелъ Николаичъ, отъ души поздравляю. Хе-хе. Но она, вѣроятно, меня ни-

сколько не помнитъ. (*Опять рисуется и гладитъ бакенбарды*).

Елецкій.

Она будетъ очень рада... Она пошла гулять въ садъ съ этимъ... съ этимъ господиномъ, который здѣсь проживаетъ.

Тропачевъ (*съ пренебреженіемъ*).

А—съ этимъ! Вѣдь это, кажется, нѣчто въ родѣ шута... А впрочемъ, человѣкъ онъ смирный. Кстати, со мной другой дворянинъ пріѣхалъ... Онъ тамъ, въ передней... Вы позволите?

Елецкій.

Сдѣлайте одолженіе... Какъ же въ передней?..

Тропачевъ.

Oh, ne faites pas attention. Это такъ; это... это ничего. Тоже по бѣдности у меня проживаетъ. Ѣздитъ со мной... Одному, знаете, въ дорогѣ скучно. Пожалуйста, не безпокойтесь... je vous en prie. (*Подходитъ къ передней*). Карпачовъ! войди, братецъ. (*Карпачовъ выходитъ и кланяется*). Вотъ-съ, Павелъ Николаичъ, рекомендую-съ.

Елецкій.

Я очень радъ.

Тропачевъ (*беретъ Елецкаго подъ руку и тихонько отворачиваетъ его отъ Карпачова, который скромно отходитъ въ сторонку*).

C'est bien, c'est bien. Надолго вы у насъ поселились, Павелъ Николаичъ?

Елецкій.

Я взялъ трехмѣсячный отпускъ. (*Оба начинаютъ ходить взадъ и впередъ*).

Тропачевъ.

Мало... мало. Ну, я понимаю, вамъ нельзя было больше. И то, я думаю, васъ съ трудомъ отпустили. Хе-хе. Надо вамъ отдохнуть. Что, вы охоту любите?

Елецкій.

Я отъ-роду ружья въ руки не бралъ... Однако, передъ отъѣздомъ купилъ себѣ собаку. А что, здѣсь много дичи?

Тропачевъ.

Есть, есть. Это ужъ, если вы позволите, я на себя возьму. Мы изъ васъ сдѣлаемъ охотника. (*Къ Карпачову*). Что у насъ въ Малинникѣ выводки есть?

Карпачовъ (*изъ угла басомъ*).

Два выводка, а въ Каменной Грядѣ три.

Тропачевъ.

А,—хорошо!

Карпачовъ.

Ѳедулъ-лѣсникъ тоже намедни сказывалъ, что въ Горѣломъ...

(*Изъ сада входитъ Ольга съ Кузовкинымъ и Ивановымъ. Карпачовъ умолкаетъ и кланяется*).

Ольга.

Ахъ, Paul, какъ нашъ садъ хорошъ!.. (*Останавливается при видѣ Тропачева*).

Елецкій (*Ольгѣ*).

Позволь мнѣ тебѣ представить...

Тропачевъ (*перебивая Елецкаго*).

Извините, извините, мы старые знакомые... Ольга Петровна, вѣроятно, не узнаетъ меня... И не удивительно. Я ее зналъ (*показывая рукой на аршинъ отъ пола*) comme ça. (*Рисуется и продолжаетъ съ улыбкой*). Тропачевъ, Флегонтъ... помните сосѣда Тропачева, Флегонта? Помните, онъ вамъ игрушки изъ города привозилъ? Вы были тогда такой милый ребенокъ, а теперь... (*Значительно напираетъ на послѣднемъ словѣ, кланяется, отступаетъ шагъ назадъ и выпрямляется весьма довольный собою*).

Ольга.

Ахъ, м'сьё Тропачевъ, какъ же... Я теперь узнаю васъ... (*Протягиваетъ ему руку*). Вы не повѣрите, какъ я счастлива съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь.

Тропачевъ (*сладко*).

Будто только съ тѣхъ поръ?

Ольга (*улыбается ему въ отвѣтъ*).

Мое дѣтство мнѣ такъ живо вспомнилось... Paul, ты

непремѣнно долженъ со мною пойти въ садъ. Я покажу тебѣ акацію, которую я сама посадила... Она теперь гораздо выше меня.

Елецкій (*Ольгѣ, указывая на Карпачова*).

М'сьё Карпачовъ, тоже сосѣдъ.

(*Карпачовъ кланяется и жмется въ уголъ, куда уже успѣли забиться Кузовкинъ и Ивановъ*).

Ольга.

Я очень рада...

Тропачевъ (*Ольгѣ*).

Ne faites pas attention. (*Громко и потирая руки.*) И такъ, вотъ, вы у себя въ деревнѣ, наконецъ—хозяйкой... Какъ время-то летитъ, а?

Ольга.

Вы, надѣюсь, у насъ обѣдаете?

Елецкій.

Я уже пригласилъ... pardon... какъ васъ по имени и по отчеству?

Тропачевъ.

Флегонтъ Александрычъ.

Елецкій.

Я пригласилъ Флегонта Александрыча... Боюсь я только, что обѣдъ...

Тропачевъ.

О, полноте!

Ольга (*отводя немного Елецкаго въ сторону*).

Не во-время пріѣхалъ этотъ господинъ...

Елецкій.

Да... Впрочемъ, онъ, кажется, порядочный человѣкъ.

Тропачевъ (*отходитъ въ сторону и, непринужденно покачиваясь и покусывая набалдашникъ своей палки, подходитъ къ Кузовкину и говоритъ ему въ носъ*).

А, вотъ вы! Ну, какъ вы?

Кузовкинъ.

Слава Богу-съ—покорнѣйше благодарю-съ.

Тропачевъ (*указывая локтемъ на Карпачова*).

Вы вѣдь его знаете?

Кузовкинъ.

Какъ же-съ... мы знакомы-съ.

Тропачевъ.

Такъ, такъ, такъ... (*Къ Иванову.*) А какъ бишь васъ? И вы тутъ?

Ивановъ.

И я-съ.

Ольга (*къ Тропачеву*).

М'сьё... м'сьё... Тропачевъ...

Тропачевъ (*быстро оборачивается*).

Madame?

Ольга.

Вѣдь я съ вами, какъ съ старымъ пріятелемъ, — безъ церемоніи, не правда ли?

Тропачевъ.

Помилуйте...

Ольга.

Вы мнѣ позвольте пойти къ себѣ... Мы только-что пріѣхали... Надобно посмотрѣть...

Тропачевъ.

Сдѣлайте одолженье, Ольга Петровна... Да и вы, Павелъ Николаичъ, будьте какъ дома, хе-хе. Мы, вотъ, здѣсь поболтаемъ немножко съ этими господами...

Ольга.

Притомъ—вы хоть и старый пріятель, но все-таки мнѣ совѣстно... въ этомъ дорожномъ платьѣ...

Тропачевъ (*ухмыляясь*).

Я бы не принялъ подобнаго... подобнаго предлога... если бъ я не зналъ, что для дамъ... туалетъ... всегда... такъ сказать... всегда пріятно... (*запутывается, кланяется и рисуется*).

Ольга (*смѣясь*).

Вы злы... Я васъ оставляю, господа... до свиданья. (*Уходитъ въ гостиную*).

Тропачевъ.

Павелъ Николаичъ, позвольте мнѣ еще разъ поздравить васъ... Вы, можно сказать, счастливый человѣкъ...

Елецкій (*улыбается и жметъ ему руку*)

Вы правы... Ѳаддей... Флегонтъ Александрычъ.

Тропачевъ.

Но, послушайте, я васъ, можетъ-быть, удерживаю?

Елецкій.

Напротивъ, Флегонтъ Александрычъ. Знаете ли что?.. Вамъ, какъ хозяину, это не будетъ непріятно...

Тропачевъ (*надвигаясь на Павла Николаича и прижимая его руку къ своему желудку*).

Располагайте мною, Павелъ Николаичъ, прошу васъ.

Елецкій.

Хотите, мы передъ завтракомъ сходимъ на гумно? Отсюда два шага—подлѣ сада.

Тропачевъ.

Enchanté—помилуйте.

Елецкій.

Ну, такъ берите вашу шляпу. (*Громко.*) Человѣкъ, кто тамъ? (*Входитъ Петръ.*) Завтракъ вели приготовить.

Петръ.

Слушаю-съ! (*Уходитъ*).

Тропачевъ.

Карпачовъ пойдетъ съ нами, если вы позволите.

Елецкій.

Очень радъ... (*Оба уходятъ. Карпачовъ идетъ за ними*).

Кузовкинъ (*живо обращается къ Иванову*).

Ну, Ваня, скажи теперь самъ, какова наша Оля?

Ивановъ.

Что жъ, я не говорю,—хороша.

Кузовкинъ.

А ласкова-то какъ, Ваня?

Ивановъ.

Да, она не то, что онъ.

Кузовкинъ.

А чѣмъ же онъ дуренъ? Ты, Ваня, разсуди: онъ человѣкъ важный, привыкъ, знаешь, этакъ себя держать. Онъ бы и радъ, да ты понимаешь: нельзя. Оно у нихъ

такъ тамъ требуется. А замѣтилъ ли ты, Ваня, какіе у ней глаза?

Ивановъ.

Нѣтъ, не замѣтилъ, Василій Семенычъ.

Кузовкинъ.

Я, братъ, тебѣ послѣ этого удивляюсь, — ей-Богу! Это нехорошо, Ваня, право нехорошо.

Ивановъ.

Можетъ-быть; что жъ, я не говорю... А вотъ дворецкій идетъ.

Кузовкинъ (*понизивъ голосъ*).

Ну, что жъ, что идетъ. Мы ничего.

(*Входитъ Трембинскій съ Петромъ. Петръ несетъ завтракъ на подносѣ*).

Трембинскій (*выдвигая столъ на средину сцены*).

Вотъ, здѣсь поставь, да не разбей, смотри. (*Петръ ставитъ подносъ и развертываетъ скатерть. Трембинскій отнимаетъ ее у него.*) Подай... Это я самъ, а ты за виномъ ступай. (*Петръ уходитъ. Трембинскій накрываетъ столъ и сбоку поглядываетъ на Кузовкина.*) Эка, подумаешь, иные люди — точно въ сорочкѣ родятся. Нашъ братъ бьется, какъ рыба о ледъ, изъ-за куска хлѣба, а имъ все достается даромъ. Гдѣ, послѣ этого, позвольте спросить, справедливость на свѣтѣ? Удивительное, право, дѣло!

Кузовкинъ (*осторожно прикасается плеча Трембинскаго. Трембинскій глядитъ на него съ удивленіемъ*).

Объ стѣну... замарались...

Трембинскій.

Вотъ еще... велика бѣда... оставьте. (*Входитъ Петръ съ бутылками и вазой шампанскаго, которую ставитъ на маленькій столъ, подлѣ двери.*) Ну, иди, поворачивайся. (*Беретъ бутылки и ставитъ на столъ.*) Да шашки, вонъ, прибери... Вишь, когда вздумали господа играть... И что за игра? Дворянская это игра, что ли? (*Петръ убираетъ шашки*).

Ивановъ (*тихо Кузовкину*).

Прощай, братъ.

Кузовкинъ (*тихо*).

Куда ты?

Ивановъ (*тихо*).

Домой.

Кузовкинъ (*тихо*).

Полно, останься.

Егоръ (*выглядывая изъ передней, торопливо*).

Нарцысъ Константиновичъ, э Нарцысъ Константиновичъ...

Трембинскій (*оглядываясь*).

Чего?

Егоръ.

Куда баринъ пошелъ?

Трембинскій.

На гумно. А вы что жъ не съ нимъ?

Егоръ.

На гумно?.. Ахъ, батюшки...

(*Хочетъ бѣжать, но тотчасъ же выпрямляется, закидываетъ руки назадъ и жмется къ двери. Входятъ Елецкій, Тропачевъ и Карпачовъ*).

Елецкій (*Тропачеву*).

И такъ—vous êtes content?

Тропачевъ.

Très bien, très bien, tout est très bien... А, Егоръ, здравствуй! (*Егоръ кланяется. Тропачевъ треплетъ его по плечу*). Это у васъ прекрасный человѣкъ, Павелъ Николаичъ... Вы можете смѣло на него положиться. (*Егоръ опять кланяется и уходитъ.*) А вотъ и завтракъ. (*Подходитъ къ столу.*) Э! да это цѣлый обѣдъ! Comme c'est bien servi! (*Снимаетъ серебряную покрышку съ одного блюда.*) Дупели... прошу покорно... хоть бы у Сенъ-Жоржа... Экая бестія этотъ Сенъ-Жоржъ! А кормитъ славно. Я-таки проѣлъ у него не одну сотню...

Елецкій.

Сядемте—хотите? Человѣкъ! стулья...

(*Петръ подаетъ стулья, Трембинскій хлопочетъ около господъ. Елецкій съ Тропачевымъ садятся*).

Тропачевъ (*Карпачову*).

Садись и ты, Карпаче... (*Елецкому.*) C'est comme cela que je l'appelle... Vous permettez?

Елецкій.

Сдѣлайте одолженіе... (*Кузовкину и Иванову, которые все не выходятъ изъ своего угла*). Да вы что жъ, господа, не садитесь... Милости просимъ.

Кузовкинъ (*кланяясь*).

Покорнѣйше благодаримъ-съ... Постоимъ-съ...

Елецкій.

Садитесь, прошу васъ.

(*Кузовкинъ и Ивановъ робко садятся за столъ. Тропачевъ сидитъ, для зрителя, налѣво отъ Елецкаго, Карпачовъ въ нѣкоторомъ разстояніи направо, возлѣ него Кузовкинъ и Ивановъ. Трембинскій, съ салфеткой подъ мышкой, стоитъ позади Елецкаго, Петръ возлѣ двери*).

Елецкій (*снимая покрышку съ блюда*).

Ну, господа, чѣмъ Богъ послалъ.

Тропачевъ (*съ кускомъ во рту*).

Parfait,- parfait,—у васъ чудесный поваръ, Павелъ Николаичъ.

Елецкій.

Вы слишкомъ добры! Итакъ, вы думаете, умолотъ хорошъ будетъ въ нынѣшнемъ году?

Тропачевъ (*продолжая ѣсть*).

Я такъ думаю. (*Выпивая рюмку вина*). За ваше здоровье! Карпаче, что жъ не пьешь за здоровье Павла Николаича?

Карпачовъ (*вскакивая*).

Многія лѣта достойному нашему хозяину... (*выпиваетъ рюмку разомъ*) и всякихъ благъ... (*Садится*).

Елецкій.

Спасибо.

Тропачевъ (*подталкивая локтемъ Елецкаго, Карпачову*).

Вотъ бы кого въ предводители! а? Какъ думаешь?

Карпачовъ.

Еще бы! Какого еще имъ рожна надобно?

Тропачевъ.

А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Николаичъ, если бъ не служба—какой удивительный сыръ!—если бъ не служба, знаете, быть бы вамъ нашимъ предводителемъ!

Елецкій.

Помилуйте...

Тропачевъ.

Нѣтъ, я не шучу. *(Кузовкину).* А что жъ вы не пьете за здоровье Павла Николаича—а? *(Иванову).* И вы тоже—а?

Кузовкинъ *(не безъ замѣшательства).*

Я очень радъ...

Тропачевъ.

Карпаче, налей ему... да полнѣй. Вотъ такъ, что за церемоніи!

Кузовкинъ *(встаетъ).*

За здоровье почтеннаго хозяина... и хозяйки. *(Кланяется, пьетъ и садится. Ивановъ тоже кланяется и пьетъ молча).*

Тропачевъ.

А, браво! *(Елецкому).* Погодите... nous allons rire. Онъ довольно забавенъ — только надо его подпоить. *(Къ Кузовкину, играя ножомъ).* Ну, какъ вы поживаете, Имярекъ Иванычъ? я васъ давно не видалъ. Все помаленьку, небось?

Кузовкинъ.

Помаленьку-съ, какъ вы сказать изволите-съ.

Тропачевъ.

Такъ. Ну, хорошо. А что, Вѣтрово достается вамъ, наконецъ, или нѣтъ?

Кузовкинъ *(потупляя глаза).*

Вамъ угодно шутить-съ.

Тропачевъ.

Помилуйте, съ чего вы это взяли? Я въ васъ участье принимаю. Я нисколько не шучу.

Кузовкинъ *(со вздохомъ).*

Никакого еще рѣшенья нѣту-съ.

Тропачевъ.

Будто?

Кузовкинъ.

Никакого-съ.

Тропачевъ.

Потерпите, что дѣлать! *(Къ Елецкому, мигая глазомъ).* Вы, Павелъ Николаичъ, можетъ-быть, не знаете, что въ лицѣ г. Кузовкина вы видите передъ собою помѣщика, настоящаго помѣщика, владѣльца—или нѣтъ, бишь,—наслѣдника, законнаго наслѣдника сельца Вѣтрова, Угарова тожъ... Сколько, бишь, у васъ душъ?

Кузовкинъ.

Въ сельцѣ Вѣтровѣ по восьмой ревизіи сорокъ двѣ души состоитъ; но оно не все мнѣ достается.

Тропачевъ *(тихо Елецкому).*

Онъ на этомъ Вѣтровѣ помѣшанъ. *(Громко).* А въ вашемъ участкѣ сколько десятинъ?

Кузовкинъ *(понемногу переставая робѣть).*

Да за выдѣломъ седьмыхъ частей и прочихъ законныхъ требъ—восемьдесятъ-четыре десятины слишкомъ.

Тропачевъ.

А душъ сколько вамъ достается?

Кузовкинъ.

Душъ неизвѣстно сколько. Многія въ бѣгахъ состоятъ-съ.

Елецкій.

Да отчего же вы не владѣете вашимъ имѣньемъ?

Кузовкинъ.

А тяжба-съ.

Елецкій.

Тяжба? съ кѣмъ?

Кузовкинъ.

А другіе оказываются наслѣдники. Казенные долги тоже есть, ну, и частные.

Елецкій.

И давно это дѣло завязалось?

Кузовкинъ *(постепенно одушевляясь).*

Давно-съ. Еще при покойникѣ-съ, царство ему небесное!

за мной бы осталось, да денегъ нѣтъ. Времени тоже мало. Слѣдовало бы въ городъ съѣздить, разумѣется, попросить, похлопотать—да вишь, некогда-съ. Гербовая бумага одна чего стоитъ. А человѣкъ я бѣдный-съ.

Тропачевъ.

Карпаче, палей ему еще рюмку.

Кузовкинъ (*отказываясь*).

Покорнѣйше благодарю-съ.

Тропачевъ.

Полноте. (*Пьетъ самъ*). За ваше здоровье. (*Кузовкинъ встаетъ, кланяется и пьетъ*) Ну, такъ какъ же вы? Этакъ не ладно. Этакъ вы, пожалуй, дѣло-то проиграете.

Кузовкинъ.

Что дѣлать-съ! Вотъ уже болѣе года справокъ даже не собиралъ... (*Тропачевъ съ укоромъ качаетъ головой*). Правда, есть тамъ у меня одинъ человѣчекъ... Я на него-таки надѣюсь, а впрочемъ, Господь его знаетъ?

Тропачевъ (*поглядывая на Елецкаго*).

А что это за человѣчекъ, можно узнать?

Кузовкинъ.

По-настоящему нельзя — ну, да ужъ что!.. Лычковъ, Иванъ Архипычъ, изволите знать?

Тропачевъ.

Не знаю; кто онъ такой?

Кузовкинъ.

А какъ же... стряпчій уѣздный... то-есть, онъ прежде былъ стряпчимъ... правда, не здѣсь, а въ Венёвѣ. Теперь такъ проживаетъ, больше торговыми оборотами занимается.

Тропачевъ (*продолжая поглядывать на Елецкаго, котораго начинаетъ смѣшить Кузовкинъ*).

И этотъ господинъ Лычковъ обѣщалъ вамъ помочь?

Кузовкинъ (*помолчавъ немного*).

Обѣщалъ-съ. Я у него второго сыночка крестилъ-съ, такъ вотъ онъ и обѣщалъ-съ. Я, дескать, тебѣ это дѣло устрою, погоди. А Иванъ Архипычъ извѣстный мастакъ-съ.

Тропачевъ.

Ой-ли?

Кузовкинъ.

По губерніи мастакъ-съ.

Тропачевъ.

Да вѣдь онъ, вы говорите, въ отставкѣ, и торговыми оборотами занимается?

Кузовкинъ.

Оно точно-съ; такая ужъ ему задача вышла-съ; да человѣкъ-то онъ золотой. А я его-таки давненько не видалъ.

Тропачевъ.

А какъ?

Кузовкинъ.

Да ужъ будетъ съ годъ-съ.

Тропачевъ.

Эхъ, какъ же это вы такъ, какъ, бишь, васъ! Не хорошо.

Кузовкинъ.

Совершенную правду изволите говорить-съ. Да что прикажете дѣлать-съ!

Елецкій.

Да разскажите намъ, въ чемъ дѣло?

Кузовкинъ (*откашливаясь и приходя въ азартъ*).

Дѣло вотъ въ чемъ-съ, Павелъ Николаичъ. Вы извините мою смѣлость... но, впрочемъ, вамъ самимъ угодно. Дѣло вотъ въ чемъ-съ. Сельцо Вѣтрово... Признаться, я отъ роду не говаривалъ передъ сановникомъ... вы меня извините, коли я что...

Елецкій.

Говорите, говорите смѣло.

Тропачевъ (*указывая Карпачову на рюмку Кузовкина*).

А рюмочку? а?

Кузовкинъ (*отказываясь*).

Нѣтъ, ужъ позвольте-съ...

Тропачевъ.

Для куражу!

Кузовкинъ.

Развѣ для куражу. (*Пьетъ и утираетъ лобъ платкомъ*). Итакъ-съ, доложу вамъ-съ, сельцо Вѣтрово, о которомъ вотъ теперь рѣчь идетъ, сіе сельцо досталось по прямой нисходящей линіи отъ дѣда моего Кузовкина, Максима-съ, секундъ-майора, можетъ-быть, изволили слыхать, — роднымъ братьямъ, Максимовымъ сыновьямъ, родителю моему, Семену, и дядѣ моему родному, Никтополіону. Родитель мой Семенъ съ братомъ своимъ роднымъ, а моимъ дядей, при жизни не дѣлился; а дядя мой умеръ бездѣтнымъ, вотъ что прошу замѣтить, — а только умеръ онъ послѣ кончины отца моего родного, Семена; а была у нихъ сестра, тоже родная, Катерина... и вышла она, Катерина, замужъ за Ягушкина, Порфирія; а у Ягушкина Порфирія былъ отъ первой жены, польки, сынъ Илья, пьяница горькій и бурмасонъ, которому Ильѣ дядя мой, Никтополіонъ, стало-быть, по навѣту сестры Катерины, далъ вексель въ тысячу семьсотъ рублевъ, а сама Катерина тоже мужу своему, Порфирію, вексель въ тысячу семьсотъ рублевъ опредѣлила и съ отца моего родного чрезъ посредство засѣдателя уѣзднаго суда Галушкина тоже вексель... только въ двѣ тысячи рублевъ взяла, причемъ и Галушкинова жена участвовала... На этихъ порахъ отецъ мой — царство ему небесное — возьми да и умри. Пошли векселя ко взысканью. Никтополіонъ туда, сюда: говоритъ... я не дѣлился, имѣніе сіе мое вообще съ племянникомъ; Катерина — четырнадцатую часть, говоритъ, подай; казенныя недоимки тоже подъ тотъ случай подвернулись... Бѣда! Галушкинова жена вдругъ хлопъ вексель съ своей стороны... Никтополіонъ говоритъ: за то племянникъ, дескать, отвѣчаетъ... а какой, извольте разсудить, съ малолѣтняго отвѣтъ?.. а Галушкинъ его къ суду. Полькинъ сынъ туда же, да еще и мачиху, Катерину, не пощадилъ... и ей, говоритъ, не спущу... она, говоритъ, у меня прислужницу Акулину опоила... Заварилась каша. Покатили просьбы. Въ уѣздный судъ, въ губернское, а изъ губернскаго опять въ уѣздный, съ надписью... а послѣ смерти Никтополіона совсѣмъ худо пошло. Я требую

ввода во владѣніе... а тутъ отдается приказъ: по казеннымъ недоимкамъ продать сельцо Вѣтрово сукціоннаго торгу. Нѣмецъ Гангинместеръ права свои заявляетъ... а тутъ, глядишь, мужики, словно куропатки, бѣгутъ, бѣгутъ, уѣздный предводитель мнѣ въ дверяхъ выговоръ читаетъ, подъ опеку, кричитъ, подъ опеку... а какое подъ опеку... Законный наслѣдникъ не введенъ... на полькина сына Илью мачиха Катерина жалобу въ самый правительствующій сенатъ... *(Остановленный всеобщимъ хохотомъ, Кузовкинъ умолкаетъ и страшно конфузится. Трембинскій, который все время подобострастно и не совсѣмъ рѣшительно взглядывалъ на господъ и почтительно участвовалъ въ ихъ веселости, съ визгомъ смѣется въ руку. Петръ глупо ухмыляется, стоя у двери. Картачовъ хохочетъ густо, но безъ осторожности. Тропачевъ заливается. Елецкій смѣется нѣсколько презрительно и щуритъ глаза. Одинъ Ивановъ, который во время разсказа не разъ дергалъ за полу разгоряченнаго Кузовкина, сидитъ потупя голову).*

Елецкій *(Кузовкину сквозь смѣхъ).*

Продолжайте, зачѣмъ же вы остановились?

Тропачевъ.

Сдѣлайте одолженіе, какъ, бишь, васъ, продолжайте.

Кузовкинъ.

Я... извините... обезпокоилъ, знать...

Тропачевъ.

А, я вижу, въ чемъ дѣло... вы робѣете... не правда ли, вы робѣете?

Кузовкинъ *(погасшимъ голосомъ).*

Точно такъ-съ.

Тропачевъ.

Ну, этому горю помочь нужно... *(Поднимая пустую бутылку).* Человѣкъ! дай-ка намъ еще вина... *(Елецкому).* Vous permettez?

Елецкій.

Сдѣлайте одолженіе... *(Трембинскому).* Да нѣтъ ли шампанскаго?

Трембинскій.

Какъ не быть-съ... *(Бѣжитъ къ вазѣ съ шампанскимъ*

и поспѣшно ее приноситъ; Кузовкинъ улыбается и берется за пуговицы своего сюртука).

Тропачевъ *(Кузовкину).*

Это не хорошо, почтеннѣйшій! Робѣть... въ порядочномъ обществѣ это не принято. *(Елецкому, указывая на вазу съ шампанскимъ).* Какъ — уже замороженное? Mais c'est magnifique. *(Наливаетъ бокалъ).* Хорошее, должно-быть, вино. *(Кузовкину).* Это вотъ вамъ. Да не отказывайтесь же... Ну, зарапортовались немножко—что за бѣда? Павелъ Николаичъ, прикажите ему пить...

Елецкій.

За здоровье будущаго владѣльца Вѣтрова! Пейте же, Василій... Алексѣичъ. *(Кузовкинъ пьетъ).*

Тропачевъ.

Вотъ, люблю! *(Встаетъ съ Елецкимъ; всѣ встаютъ и идутъ на авансцену).* Какой славный завтракъ! *(Кузовкину).* Ну, такъ какъ же? Въ чемъ, бишь, дѣло? Съ кѣмъ у васъ тяжба теперь?.. а?

Кузовкинъ *(начиная приходить въ волненіе отъ вина).*

Съ Гангинместеровскими наслѣдниками, разумѣется...

Тропачевъ.

Да кто этотъ господинъ?

Кузовкинъ.

А извѣстно, нѣмецъ. Онъ векселя скупилъ, а другіе говорятъ, что просто взялъ. Я самъ того же мнѣнія. Запугалъ бабъ—да и взялъ.

Тропачевъ.

А Катерина-то что же глядѣла? А полькинъ сынъ, Илья?

Кузовкинъ.

Э! эти всѣ перемерли! Полькинъ сынъ даже сгорѣлъ,—въ постояломъ дворѣ, въ пьяномъ видѣ, на большой дорогѣ, по случаю пожара. *(Къ Иванову).* Да полно тебѣ меня за полу дергать. Я передъ господами, какъ слѣдуетъ, изъясняюсь. Они сами того требуютъ. Что жъ тутъ худого... а?

Елецкій.

Оставьте его, г. Ивановъ, намъ очень пріятно его слушать.

Кузовкинъ *(Иванову).*

То-то же. *(Елецкому и Тропачеву).* Вѣдь я, господа, чего требую? Я требую справедливости, законнаго порядка вещей. Я не изъ честолюбія. Честолюбіе—Богъ съ нимъ совсѣмъ! Разсудите, дескать, насъ. Коли я виноватъ—ну, виноватъ; а коли правъ, коли правъ...

Тропачевъ *(перебивая его).*

А еще рюмочку.

Кузовкинъ.

Нѣтъ-съ, покорнѣйше благодарю-съ. Вѣдь я чего требую-съ...

Тропачевъ.

Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ обнять.

Кузовкинъ *(не безъ изумленья).*

Много чести-съ... Покорнѣйше-съ...

Тропачевъ.

Нѣтъ, вы мнѣ очень нравитесь... *(Обнимаетъ его и держитъ нѣкоторое время).* Поцѣловалъ бы я васъ, мой голубчикъ, да нѣтъ, лучше послѣ.

Кузовкинъ.

Какъ угодно-съ.

Тропачевъ *(мигая Карпачову).*

Ну, Карпаче, теперь твоя очередь...

Карпачовъ *(съ густымъ смѣхомъ).*

Ну-ка, Василій Семенычъ, позвольте-ка васъ прижать къ моему сердцу... *(Обнимаетъ Кузовкина и вертится съ нимъ. Всѣ смѣются, каждый по-своему).*

Кузовкинъ *(вырываясь изъ объятій Карпачова).*

Да, полно же вамъ!

Карпачовъ.

Ну, не ломайся... *(Тропачеву).* Вы, Флегонтъ Александрычъ, прикажите-ка лучше ему пѣсенку спѣть... Онъ у насъ первый мастеръ.

Тропачевъ.

Вы поете, другъ мой?.. Ахъ, сдѣлайте одолженье, покажите намъ свой талантъ!

Кузовкинъ *(Карпачову).*

Что вы на меня за небылицы взводите? Какой я пѣвецъ?

Карпачовъ.

А при покойникѣ, небось, вы не пѣвали за столомъ?

Кузовкинъ *(понизивъ голосъ).*

При покойникѣ... Я съ тѣхъ поръ состарѣться успѣлъ...

Тропачевъ.

Что вы за старикъ, помилуйте!

Карпачовъ *(указывая на Кузовкина).*

И пѣлъ-съ и плясалъ-съ.

Тропачевъ.

Вотъ какъ! Э! да вы, я вижу, молодецъ! Окажите же дружбу... а? *(Елецкому).* C'est un peu vulgaire — ну, да въ деревнѣ. *(Громко Кузовкину).* Что же вы? ну-ка: „По улицѣ"... *(Начинаетъ тихо: «По улицѣ»).* Ну?

Кузовкинъ.

Увольте-съ, сдѣлайте милость.

Тропачевъ.

Экой несговорчивый... Елецкій, прикажите ему вы...

Елецкій *(несовсѣмъ рѣшительнымъ голосомъ).*

Да отчего же вы, Василій Семенычъ, не хотите теперь пѣть?..

Кузовкинъ.

Не тѣ лѣта, Павелъ Николаичъ. Увольте.

Трембинскій *(прислуживаясь и съ улыбкой взглядывая на господъ).*

А, кажется, еще недавно на свадьбѣ вотъ ихъ братца *(указывая на Иванова)* изволили отличаться.

Тропачевъ.

А, вотъ, видите...

Трембинскій.

Присядкой черезъ всю комнату изволили пройти...

Тропачевъ.

О, въ такомъ случаѣ вамъ уже никакъ отказаться нельзя... За что жъ вы хотите насъ съ Павломъ Николаичемъ обидѣть?

Кузовкинъ.

То было дѣло вольное-съ.

Тропачевъ.

А теперь мы васъ просимъ. Вы хоть то въ соображеніе примите, что вашъ отказъ, пожалуй, неблагодарности приписать можно. А неблагодарность... ай! какой гнусный порокъ!

Кузовкинъ.

Да у меня и голоса совсѣмъ нѣту-съ. А что насчетъ благодарности—я по гробъ обязанный человѣкъ, и готовъ жертвовать.

Тропачевъ.

Да мы отъ васъ никакой жертвы не требуемъ... А вотъ, спой-ка намъ пѣсенку. Ну! (*Кузовкинъ молчитъ*). Да ну же!

Кузовкинъ (*немного помолчавъ, начинаетъ пѣть: «По улицѣ», но голосъ у него на второмъ словѣ перерывается*).

Не могу-съ... ей-Богу, не могу-съ.

Тропачевъ.

Ну, ну, не робѣйте.

Кузовкинъ (*взглянувъ на него*).

Нѣтъ-съ—я пѣть не буду-съ.

Тропачевъ.

Не будете?

Кузовкинъ.

Не могу-съ.

Тропачевъ.

Ну, въ такомъ случаѣ, знаете что? Видите вы этотъ бокалъ шампанскаго? Я вамъ его за галстукъ вылью.

Кузовкинъ (*съ волненіемъ*).

Вы этого не сдѣлаете-съ. Я этого не заслужилъ-съ. Со мной еще никто... Помилуйте-съ. Это... стыдно-съ.

Елецкій (*Тропачеву*).

Finissez... Видите, онъ конфузится.

Тропачевъ (*Кузовкину*).

Вы не хотите пѣть?

Кузовкинъ.

Не могу я пѣть-съ.

Тропачевъ.

Вы не хотите? (*Подходя къ нему*). Разъ...

Кузовкинъ (*умоляющимъ голосомъ Елецкому*).

Павелъ Николаевичъ...

Тропачевъ.

Два... (*Еще болѣе приближается къ Кузовкину*).

Кузовкинъ (*пятясь и тоскливымъ отъ отчаянья голосомъ*).

Помилуйте-съ... за что вы такъ со мною поступаете? Я васъ не имѣю чести знать-съ... Да и я самъ, все-таки, дворянинъ—извольте сообразить... А пѣть я не могу... Вы сами изволили видѣть-съ...

Тропачевъ.

Въ послѣдній разъ...

Кузовкинъ.

Полноте-съ, говорятъ... Я вамъ не шутъ дался...

Тропачевъ.

Будто вамъ въ диковинку?

Кузовкинъ (*разгорячаясь*).

Вы извольте себѣ другого шута сыскать.

Елецкій.

Въ самомъ дѣлѣ, оставьте его.

Тропачевъ.

Да помилуйте, вѣдь онъ при вашемъ тестѣ игралъ же роль шута.

Кузовкинъ.

То дѣло прошлое-съ. (*Утираетъ лицо*) Да и голова у меня сегодня что-то не того-съ, право-съ.

Елецкій.

Ну, какъ вамъ угодно-съ.

Кузовкинъ (*тоскливо*).

Не извольте на меня гнѣваться, Павелъ Николаичъ...

Елецкій.

И, полноте! Съ чего вы это взяли?

Кузовкинъ.

Въ другой разъ, ей-Богу, съ удовольствіемъ-съ. (*Стараясь принять веселый видъ*). А теперь простите великодушно, коли я въ чемъ провинился... Погорячился, господа, что дѣлать... Старъ я сталъ-съ, вотъ что... Ну, и отвыкъ тоже.

Тропачевъ.

По крайней мѣрѣ, хоть выпейте этотъ бокалъ.

Кузовкинъ (*обрадовавшись*).

Вотъ это съ удовольствіемъ, съ величайшимъ удовольствіемъ. (*Беретъ бокалъ и пьетъ*). За здоровье почтеннаго и дорогого гостя...

Тропачевъ.

Ну, а пѣсенку все нельзя?

Кузовкинъ (*вино уже давно его разобрало; но послѣ бокала и миновавшей опасности, онъ вдругъ начинаетъ пьянѣть*).

Ей-Богу, не могу-съ. (*Смѣется*). Точно, въ кои-то вѣки я пѣвалъ... и не хуже другого. Да теперь другія времена подошли. Теперь я что̀? пустой человѣкъ—и только. Вотъ, не хуже его. (*Указываетъ на Иванова и смѣется*). Теперь я никуда не гожусь. А, впрочемъ, вы меня извините. Старъ я сталъ — вотъ что̀... Вотъ, напримѣръ, кажется, что̀ я выпилъ сегодня? Двѣ-три рюмочки всего, а тутъ (*указывая на голову*) ужъ не ладно.

Тропачевъ (*который, между тѣмъ, пошептался съ Карпачовымъ*).

Это вамъ такъ кажется — полноте. (*Карпачовъ уходитъ, смѣясь, и уводитъ Петра*). А что жъ вы намъ вашего дѣла не досказали?

Кузовкинъ.

А точно-съ, точно; не досказалъ-съ. Впрочемъ, я готовъ, когда прикажете. (*Смѣется*). Только, будьте ласковы... позвольте присѣсть. Ножки что-то... того... отказываются.

Тропачевъ (*подаетъ ему стулъ*).

Сдѣлайте одолженье, какъ, бишь, васъ, садитесь.

Кузовкинъ (*садится лицомъ къ зрителямъ и говоритъ вяло и медленно, быстро пьянѣя*).

На чемъ, бишь, я остановился? Да — Гангинместеръ. Гангинместеръ этотъ — нѣмецъ, извѣстно. Ему что̀! Служилъ-служилъ по провіантейской части — знать, наворовалъ тамъ тьму-тьмущую,—ну, и говоритъ теперь — вексель мой. А я дворянинъ. Да, что, бишь, я хотѣлъ ска-

зать? Ну, и говорить: либо заплати — либо во владѣнье введи... либо заплати — либо во владѣнье введи... либо... заплати—либо во владѣнье имѣньемъ введи... либо...

Тропачевъ.

Вы спите, другъ мой, проснитесь.

Кузовкинъ (*вздрагиваетъ и снова погружается въ дремотное состояніе. Онъ говоритъ уже съ трудомъ*).

Кто? я? Помилуйте! Съ чего вы это... ну, все равно. Я не сплю. Спятъ ночью, а теперь день. Развѣ теперь ночь? Я объ Гангинместерѣ говорю. Гангинместеръ этотъ— Гангин-местеръ... Ган-гинместеръ — это мой настоящій врагъ. Мнѣ говорятъ и то, и то: нѣтъ, я говорю, Ган-гинместеръ. Ган-гинместеръ—вотъ кто мнѣ вредитъ. (*Карпачовъ входитъ съ огромнымъ колпакомъ изъ сахарной бумаги и, перемигиваясь съ Тропачевымъ, крадется сзади къ Кузовкину. Трембинскій давится отъ смѣха. Ивановъ, блѣдный, убитый, глядитъ исподлобья*). И я знаю, за что онъ меня не любитъ... Знаю, онъ мнѣ всю жизнь вредилъ, этотъ Гангинместеръ. Съ самаго моего дѣтства. (*Карпачовъ осторожно надѣваетъ колпакъ на Кузовкина*). Но я ему прощаю... Богъ съ нимъ... Богъ съ нимъ совсѣмъ... (*Всѣ хохочутъ. Кузовкинъ останавливается и съ недоумѣніемъ глядитъ кругомъ. Ивановъ подходитъ къ нему, схватываетъ его за руку и говоритъ ему сквозь зубы: «Посмотри, что тебѣ на голову надѣли... вѣдь изъ тебя шута дѣлаютъ»... Кузовкинъ поднимаетъ руки къ головѣ, ощупываетъ колпакъ, медленно опускаетъ руки на лицо, закрываетъ глаза, вдругъ начинаетъ рыдать, бормоча сквозь слезы: «за что, за что, за что»... но не снимаетъ колпака. Тропачевъ съ Трембинскимъ и Карпачовымъ продолжаютъ хохотать. Петръ тоже смѣется, выглядывая изъ-за двери*).

Елецкій.

Полноте, Василій Семенычъ, какъ вамъ не стыдно изъ-за такой бездѣлицы плакать?

Кузовкинъ (*отнимая руки отъ лица*).

Изъ-за такой бездѣлицы?.. Нѣтъ, это не бездѣлица, Па-

велъ Николаичъ... *(Встаетъ и бросаетъ колпакъ на полъ).* Въ первый день вашего пріѣзда... въ первый день.. *(Голосъ его прерывается).* Вотъ какъ вы поступаете съ старикомъ... съ старикомъ, Павелъ Николаичъ! Вотъ какъ! За что, за что вы меня топчете въ грязь? Что я вамъ сдѣлалъ? Помилуйте! А я васъ такъ ожидалъ, такъ радовался... За что, Павелъ Николаичъ?

Тропачевъ.

Ну, полноте... что вы, въ самомъ дѣлѣ?

Кузовкинъ *(блѣднѣя и теряясь).*

Я не съ вами говорю... Вамъ позволили надо мной ломаться... вы и рады. Я съ вами говорю, Павелъ Николаичъ. Что покойный вашъ тесть за даровой кусокъ хлѣба, да за старые жалованные сапоги вволю надо мною потѣшался—такъ и вамъ того же надо? Ну, да; его подарочки сокомъ изъ меня вышли, горькими слезинками вышли... Что жъ, и вамъ завидно стало? Эхъ, Павелъ Николаичъ! стыдно, стыдно, батюшка!.. А еще образованный человѣкъ, изъ Петербурга...

Елецкій *(надменно).*

Послушайте, однако, вы забываетесь. Подите къ себѣ, да выспитесь. Вы пьяны... Вы на ногахъ не стоите.

Кузовкинъ *(все болѣе и болѣе теряясь).*

Я высплюсь, Павелъ Николаичъ, я высплюсь... Можетъ-быть, я пьянъ; да кто меня поилъ? Дѣло не въ томъ, Павелъ Николаичъ. А вотъ вы что замѣтьте! Вотъ, вы теперь при всѣхъ меня на смѣхъ подняли, вотъ, вы меня съ грязью смѣшали, въ первый же день вашего пріѣзда... а если бъ я хотѣлъ, если бъ я сказалъ слово...

Ивановъ *(вполголоса).*

Опомнись, Василій.

Кузовкинъ.

Отстань! Да, милостивый государь, если бъ я хотѣлъ...

Елецкій.

Э! да онъ совсѣмъ пьянъ! Онъ самъ не знаетъ, что говоритъ.

Кузовкинъ.

Извините-съ. Я пьянъ, но я знаю, что я говорю. Вотъ,

вы теперь — баринъ важный — петербургскій чиновникъ, образованный, конечно... а я, вотъ, шутъ, дуракъ, гроша за мной нѣту мѣднаго, я попрошайка, дармоѣдъ... а знаете ли вы, кто я? Вотъ, вы женились... На комъ вы женились—а?

Елецкій (*хочетъ увести Тропачева*).

Извините, пожалуйста, я никакъ не могъ ожидать такихъ глупостей...

Тропачевъ.

И я, признаюсь, виноватъ...

Елецкій (*Трембинскому.*)

Уведите его, пожалуйста... (*Хочетъ идти въ гостиную*).

Кузовкинъ.

Постойте, милостивый государь... Вы мнѣ еще не сказали, на комъ вы женились...

(*Ольга показывается въ дверяхъ гостиной и съ изумленьемъ останавливается. Мужъ ей дѣлаетъ знаки, чтобъ она ушла. Она ихъ не понимаетъ*).

Елецкій (*Кузовкину*).

Ступайте, ступайте...

Трембинскій (*подходитъ къ Кузовкину и беретъ его за руку*).

Пойдемте.

Кузовкинъ (*отталкивая его*).

Не дергай меня, ты! (*Вслѣдъ Елецкому*). Вы баринъ, знатный человѣкъ, не правда ли? Вы женились на Ольгѣ Петровнѣ Кориной... Корины—фамилья вѣдь тоже старинная, столбовая... а знаете ли, кто она, Ольга-то Петровна? Она... она моя дочь! (*Ольга исчезаетъ*).

Елецкій (*останавливается, словно пораженный громомъ*).

Вы... вы съ ума сошли...

Кузовкинъ (*помолчавъ немного и схвативъ себя за голову*).

Да, я сошелъ съ ума. (*Убѣгаетъ, спотыкаясь... Ивановъ за нимъ*).

Елецкій (*обращаясь къ Тропачеву*).

Онъ помѣшанный...

Тропачевъ.

О... о, конечно!

(Оба тихо идутъ въ гостиную. Трембинскій и Карпачовъ съ изумленьемъ глядятъ другъ на друга. Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ гостиную, богато убранную по-старинному. Направо отъ зрителя дверь въ залу, налѣво въ кабинетъ Ольги Петровны. Ольга сидитъ на диванѣ; возлѣ нея стоитъ Прасковья Ивановна.

Прасковья Ивановна *(послѣ небольшого молчанія).*

Такъ какъ же, матушка, какихъ дѣвушекъ изволите къ своей особѣ приказать опредѣлить?

Ольга *(съ нѣкоторымъ нетерпѣньемъ).*

Какихъ хочешь.

Прасковья Ивановна.

Акулина, косая, у насъ хорошая дѣвка; Марѳа тоже, Марчукова дочь; прикажете ихъ?

Ольга.

Хорошо. А какъ зовутъ эту дѣвушку... вотъ, что собой недурна... платье на ней голубое?..

Прасковья Ивановна *(съ недоумѣньемъ).*

Голубое... А, да, точно-съ! Это вы про Машку-съ изволите спрашивать-съ. Воля милости вашей,—а только она озорница такая,—что и Господи! Непокорная вовсе, да и поведенья тоже нехорошаго. А впрочемъ, какъ вамъ угодно будетъ-съ.

Ольга.

Ея лицо мнѣ понравилось, но если она себя дурно ведетъ...

Прасковья Ивановна.

Дурно, дурно-съ. Не годится она, не стоитъ вовсе-съ. *(Помолчавъ немного).* Ахъ, матушка вы моя, какъ вы похорошѣть изволили! Какъ на родительницу вашу похожи стали! Голубушка вы наша... Не нарадуемся мы, глядя на васъ... Пожалуйте ручку, матушка...

Ольга.

Ну, хорошо, Прасковья, ступай.

Прасковья Ивановна.

Слушаю-съ. А не угодно ли чего?

Ольга.

Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно.

Прасковья Ивановна.

Слушаю-съ. Такъ я Акулинѣ и Марѳѣ такъ ужъ и прикажу-съ...

Ольга.

Хорошо, ступай. (*Прасковья хочетъ уйти*). Да вели сказать Павлу Николаичу, что я желаю его видѣть...

Прасковья Ивановна.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Ольга (*одна*).

Что это значитъ? Что мнѣ послышалось вчера?.. Я всю ночь заснуть не могла. Старикъ этотъ съ ума сошелъ... (*Встаетъ и ходитъ по комнатѣ*). „Опа моя"... Да, да, точно, эти слова. Да это безуміе... (*Останавливается*). Paul еще ничего не подозрѣваетъ... А вотъ и онъ.

(*Входитъ Елецкій*).

Елецкій (*подходя къ ней съ озабоченнымъ видомъ*).

Ты желала меня видѣть, Оля?

Ольга.

Да... я хотѣла тебя попросить... Въ саду, подлѣ пруда дорожки совсѣмъ поросли травой... Передъ домомъ ихъ вычистили, а тамъ забыли... Прикажи.

Елецкій.

Я уже распорядился.

Ольга.

А! благодарствуй... Да прикажи въ городѣ купить колокольчиковъ—моимъ коровамъ на шею...

Елецкій.

Все будетъ исполнено. (*Хочетъ идти*). Больше никакихъ приказаній нѣтъ?

Ольга.

А что... развѣ у тебя тамъ дѣла?..

Елецкій.

Счеты изъ конторы принесли.

Ольга.

А! Ну, въ такомъ случаѣ, я тебя не удерживаю... Мы можемъ передъ обѣдомъ съѣздить въ рощу...

Елецкій.

Конечно... *(Опять хочетъ идти).*

Ольга *(допустивъ его до двери).*

Paul...

Елецкій *(оборачиваясь).*

Что?

Ольга.

Скажи, пожалуйста... вчера мнѣ некогда было тебя спросить объ этомъ... что это у васъ была за сцена утромъ, за завтракомъ?

Елецкій.

А!.. Ничего. Такъ. Досадно только, что именно въ день нашего пріѣзда вышла такая непріятность. Впрочемъ, я самъ виноватъ немножко. Этого старика, Кузовкина, вздумали подпоить,—то-есть, это больше нашему сосѣду пришло въ голову, знаешь, м-сье Тропачеву... ну, сперва, онъ точно былъ довольно смѣшонъ, болталъ, разсказывалъ,—а послѣ началъ шумѣть, глупости всякія говорить, но, впрочемъ, ничего... И говорить объ этомъ не стоитъ.

Ольга.

А! А мнѣ показалось...

Елецкій.

О, нѣтъ, нѣтъ... Впередъ осторожнѣе надо быть—вотъ и все. *(Подумавъ немного).* Впрочемъ... я уже принялъ мѣры...

Ольга.

Какъ?

Елецкій.

Да. Вотъ, видишь ли, хотя оно и ничего... но все-таки тутъ люди были, видѣли... слышали, наконецъ. Оно неприлично... въ порядочномъ домѣ... Такъ ужъ я и распорядился.

Ольга.

Какъ же ты распорядился?

Елецкій.

Я... вотъ, видишь ли... Я старику этому объяснилъ, что ему самому будетъ непріятно оставаться здѣсь, у насъ въ домѣ, послѣ подобной сцены, какъ ты сама говоришь... Онъ тотчасъ же совершенно со мной согласился—хмѣль-то у него прошелъ... Конечно, онъ человѣкъ бѣдный—жить ему нечѣмъ... Ну, что жъ, ему можно будетъ въ другой какой-нибудь твоей деревнѣ комнатку отвести, жалованье назначить, харчи... Онъ очень будетъ доволенъ... разумѣется, ему ни въ чемъ не будутъ отказывать.

Ольга.

Поль, мнѣ кажется, что за такую бездѣлицу... ты его слишкомъ строго наказываешь... Онъ здѣсь въ домѣ такъ давно живетъ... Онъ привыкъ... онъ меня съ дѣтства знаетъ... право, его, кажется, можно здѣсь оставить.

Елецкій.

Оля... нѣтъ... тутъ есть причины... Конечно, со старика взыскивать строго нельзя... особенно же, онъ былъ не въ своемъ видѣ... но, все-таки, позволь ужъ мнѣ на этотъ счетъ распорядиться... Я повторяю, на то есть причины... довольно важныя.

Ольга.

Какъ хочешь.

Елецкій.

Притомъ, ужъ онъ, кажется, уложился совсѣмъ.

Ольга.

Но онъ не уѣдетъ, не простясь со мной?

Елецкій.

Я думаю, онъ придетъ проститься. Впрочемъ, если тебѣ, знаешь, этакъ непріятно — ты можешь его не принять.

Ольга.

Напротивъ, я бы желала съ нимъ поговорить...

Елецкій.

Какъ хочешь, Оля... но я бы тебѣ не совѣтовалъ... Ты разжалобишься, и потомъ, все-таки, старикъ, ну, съ дѣт-

ства тебя зналъ... А я, признаться, не хотѣлъ бы свое рѣшенье перемѣнить...

Ольга.

О, нѣтъ, не бойся... Только я, право, думаю, что онъ уѣдетъ, не простясь... Пошли узнать, пожалуйста, что онъ, еще не уѣхалъ?

Елецкій.

Изволь. *(Звонитъ).* Vous êtes jolie comme un ange aujourd'hui.

Петръ *(входя).*

Чего изволите-съ?

Елецкій.

Поди, любезный мой, узнай тамъ, что г-нъ Кузовкинъ не уѣхалъ еще? *(Взглянувъ на Ольгу).* Такъ чтобъ пришелъ проститься.

Петръ.

Слушаю-съ. *(Уходитъ).*

Ольга.

Поль... а у меня до тебя есть просьба.

Елецкій *(ласково).*

Скажи, какая?..

Ольга.

Послушай... Вотъ какъ придетъ этотъ... Кузовкинъ... оставь меня съ нимъ наединѣ.

Елецкій *(помолчавъ немного, съ холодной улыбкой).*

Да мнѣ кажется... напротивъ... тебѣ будетъ неловко.

Ольга.

Нѣтъ, пожалуйста; у меня есть до него дѣло... Мнѣ нужно спросить его... Да, я желаю съ нимъ поговорить наединѣ.

Елецкій *(посмотрѣвъ на нее пристально).*

Да развѣ ты что-нибудь... вчера...

Ольга *(глядя на мужа самымъ невиннымъ образомъ).*

Что?

Елецкій *(поспѣшно).*

Ну, какъ хочешь, какъ хочешь... Вотъ онъ, кажется, идетъ.

(Входитъ Кузовкинъ. Онъ очень блѣденъ).

Ольга.

Здравствуйте, Василій Петровичъ... (*Кузовкинъ молча кланяется.*) Здравствуйте. (*Елецкому.*) Eh bien, mon ami? Je vous en prie.

Елецкій (*женѣ*).

Oui, oui. (*Кузовкину.*) Вы уже совсѣмъ собрались?

Кузовкинъ (*глухо и съ трудомъ*).

Совсѣмъ собрался-съ.

Елецкій.

Ольга Петровна желаетъ съ вами поговорить... проститься съ вами... Вы, пожалуйста, если что вамъ нужно... скажите ей... (*Ольгѣ.*) Au revoir... Вѣдь ты не долго съ нимъ останешься?

Ольга.

Не знаю... не думаю.

Елецкій.

Ну, хорошо... (*Уходитъ въ залу*).

Ольга (*садится на диванъ и указываетъ на кресло Кузовкину*).

Сядьте, Василій Петровичъ... (*Кузовкинъ кланяется и отказывается.*) Сядьте, я прошу васъ. (*Кузовкинъ садится. Ольга нѣкоторое время не знаетъ, съ чего начать разговоръ.*) Вы, я слышала, уѣзжаете!

Кузовкинъ (*не поднимая глазъ*).

Точно такъ-съ.

Ольга.

Мнѣ Павелъ Николаичъ сказывалъ... Мнѣ это, повѣрьте, очень непріятно...

Кузовкинъ.

Не извольте безпокоиться... Много благодаренъ... я такъ-съ.

Ольга.

Вамъ... въ новомъ вашемъ мѣстѣ жительства будетъ такъ же хорошо... даже лучше... будьте спокойны... я прикажу.

Кузовкинъ.

Много благодаренъ! Я чувствую-съ... я не стою-съ.

Кусокъ хлѣба, да уголъ какой-нибудь-съ... больше мнѣ и не слѣдуетъ-съ. (*Послѣ нѣкотораго молчанія, поднимается.*) А теперь позвольте проститься... Провинился я, точно... простите старика.

Ольга.

Что жъ вы такъ спѣшите... Погодите.

Кузовкинъ.

Какъ прикажете-съ. (*Садится опять*).

Ольга (*опять помолчавъ немного*).

Послушайте, Василій Петровичъ... скажите мнѣ откровенно, что такое съ вами поутру случилось?

Кузовкинъ.

Виноватъ-съ, Ольга Петровна, кругомъ виноватъ.

Ольга.

Однако, какъ же это вы...

Кузовкинъ.

Не извольте меня разспрашивать, Ольга Петровна... Не стоитъ-съ. Виноватъ-съ, кругомъ — и только. Павелъ Николаичъ совершенно правы-съ. Меня бы еще не такъ слѣдовало наказать... Вѣкъ за нихъ буду Бога молить-съ.

Ольга.

Я, признаюсь, съ своей стороны, такой большой вины не вижу... Вы уже не молоды... вѣроятно, отъ вина отвыкли—ну, пошумѣли немного...

Кузовкинъ.

Нѣтъ-съ, Ольга Петровна, не извольте меня оправдывать-съ. Покорно васъ благодарю, — а только я чувствую свою вину.

Ольга.

Или вы, можетъ-быть, сказали что-нибудь обидное для моего мужа и для г-на Тропачева?..

Кузовкинъ (*опуская голову*).

Виноватъ-съ.

Ольга (*не безъ волненія*).

Послушайте, Василій Петровичъ, хорошо ли вы помните всѣ ваши слова?

Кузовкинъ *(вздрагиваетъ, глядитъ на Ольгу и медленно произноситъ).*

Не знаю-съ... какія слова?..

Ольга.

Вы, говорятъ, что-то сказали...

Кузовкинъ *(постыдно).*

Совралъ-съ, Ольга Петровна, непремѣнно совралъ-съ. Что пришло на языкъ, то и сказалъ. Виноватъ-съ. Не въ своемъ умѣ находился.

Ольга.

Однако... съ чего бы, кажется, пришло вамъ въ голову...

Кузовкинъ.

А Богъ знаетъ, съ чего. Сумасшествіе, просто. Я, признаюсь, отъ вина уже отвыкъ совершенно. Ну, выпилъ— ну, и пошелъ. Богъ знаетъ, что наболталъ-съ. Оно бываетъ-съ. А я, все-таки, виноватъ кругомъ — и наказанъ по-дѣломъ. *(Хочетъ подняться.)* Позвольте проститься, Ольга Петровна... Не извольте поминать лихомъ.

Ольга.

Я вижу, вы не хотите со мной говорить откровенно. Вы меня не бойтесь... Вѣдь я не то, что Павелъ Николаичъ... Ну, его вы можете бояться, положимъ... Вы его не знаете... онъ съ виду кажется такимъ строгимъ. А меня-то зачѣмъ вы боитесь?.. Вѣдь вы меня ребенкомъ знали.

Кузовкинъ.

Ольга Петровна, сердце у васъ ангельское... Пощадите бѣднаго старика.

Ольга.

Помилуйте! я, напротивъ, желала бы...

Кузовкинъ.

Не напоминайте мнѣ про вашу молодость... ужъ и такъ мнѣ на душѣ горько... охъ, горько! Подъ старость лѣтъ изъ вашего дома выѣзжать приходится—и по своей винѣ...

Ольга.

Послушайте, Василій Петровичъ, есть еще средство помочь вашему горю... будьте только со мной откровенны...

послушайте... я... *(Вдругъ встаетъ и отходитъ немного въ сторону).*

Кузовкинъ *(глядя ей вслѣдъ).*

Не извольте безпокоиться, Ольга Петровна, право, не стоитъ-съ. Я и тамъ объ васъ буду Бога молить. А вы иногда вспомните обо мнѣ — скажете: вотъ, старикъ Кузовкинъ, Василій, преданный мнѣ былъ человѣкъ...

Ольга *(снова обращаясь къ Кузовкину).*

Василій Петровичъ, точно вы мнѣ преданный человѣкъ, точно вы меня любите?

Кузовкинъ.

Матушка вы моя, прикажите мнѣ умереть за васъ...

Ольга.

Нѣтъ, я не требую вашей смерти, я хочу правды, я хочу знать правду.

Кузовкинъ.

Слушаю-съ.

Ольга.

Я... я слышала ваше послѣднее восклицанье.

Кузовкинъ *(едва выговаривая слова).*

Какое... восклицанье?..

Ольга.

Я слышала... что вы сказали обо мнѣ. *(Кузовкинъ поднимается съ креселъ и падаетъ на колѣни.)* Что жъ, это правда?

Кузовкинъ *(заикаясь).*

Помилуйте, простите великодушно... Сумасшествіе — я уже вамъ докладывалъ. *(Голосъ у него прерывается).*

Ольга.

Нѣтъ,—вы не хотите сказать мнѣ правду.

Кузовкинъ.

Сумасшествіе, Ольга Петровна, простите...

Ольга *(схватывая его за руку).*

Нѣтъ, нѣтъ... ради Бога... заклинаю васъ самимъ Богомъ... умоляю васъ, скажите мнѣ, что это — правда? правда? *(Молчаніе.)* За что жъ вы меня мучите?

Кузовкинъ

Такъ вы хотите знать правду?

Ольга.

Да. Говорите же—правда это?

(Кузовкинъ поднимаетъ глаза, глядитъ на Ольгу... Черты лица его выражаютъ мучительную борьбу. Онъ вдругъ опускаетъ голову и шепчетъ: «Правда». — Ольга быстро отступаетъ отъ него и остается неподвижной... Кузовкинъ закрываетъ лицо руками. Дверь изъ залы растворяется и входитъ Елецкій. Онъ сперва не замѣчаетъ Кузовкина, который все на колѣняхъ, и подходитъ къ женѣ).

Елецкій.

Ну, что жъ, ты кончила? *(Останавливается съ изумленьемъ.)* Ah voilà, je vous ai dit... Вотъ, онъ прощенья сталъ просить...

Ольга.

Поль, оставь насъ однихъ...

Елецкій *(съ недоумѣньемъ).*

Mais, ma chère...

Ольга.

Прошу тебя, умоляю тебя, оставь насъ...

Елецкій *(помолчавъ немного).*

Изволь... только, я надѣюсь, что ты объяснишь мнѣ эту загадку... *(Ольга киваетъ головой утвердительно, Елецкій медленно выходитъ).*

Ольга *(быстро идетъ къ двери залы, запираетъ ее на ключъ и возвращается къ Кузовкину, который все еще не поднимается).*

Встаньте... встаньте, говорю вамъ.

Кузовкинъ *(тихо поднимается).*

Ольга Петровна... *(Онъ видимо не знаетъ, что сказать).*

Ольга *(указывая ему на диванъ).*

Сядьте здѣсь. *(Кузовкинъ садится. Ольга останавливается въ нѣкоторомъ разстояніи и стоитъ къ нему бокомъ).* Василій Петровичъ... вы понимаете мое положеніе.

Кузовкинъ *(слабо).*

Ольга Петровна, я вижу... Я точно въ умѣ повредился...

Извольте меня отпустить, а то я еще бѣдъ надѣлаю... Я самъ не знаю, что говорю.

Ольга (*дыша съ трудомъ*).

Нѣтъ, полноте, Василій Петровичъ. Теперь дѣло сдѣлано. Теперь вы отказаться отъ вашихъ словъ не можете... Вы должны мнѣ все сказать... всю... правду теперь.

Кузовкинъ.

Да вѣдь я...

Ольга (*быстро*).

Я говорю вамъ, поймите же, наконецъ, и мое положеніе, и ваше... Или вы оклеветали мою мать... въ такомъ случаѣ, извольте сейчасъ выйти и не показывайтесь мнѣ на глаза... (*Она протягиваетъ руку къ двери... Кузовкинъ хочетъ подняться и опускается снова*). А! вотъ, вы остаетесь, вы видите, что вы остаетесь...

Кузовкинъ (*тоскливо*).

О, Господи, Боже мой!

Ольга.

Я хочу все знать... Вы должны мнѣ все сказать... слышите?

Кузовкинъ (*съ отчаяніемъ*).

Ну, да.. да... Вы все узнаете... коли ужъ такая стряслась надо мною бѣда... Только, Ольга Петровна, не извольте такъ глядѣть на меня... а то я... я, право, не могу...

Ольга (*стараясь улыбнуться*).

Василій Петровичъ, я...

Кузовкинъ (*робко*).

Меня... меня Васильемъ Семенычемъ зовутъ, Ольга Петровна... (*Ольга краснѣетъ и едва пожимаетъ плечами. Она все стоитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Кузовкина*). Да-съ... ну, съ чего же... прикажете мнѣ начать-съ?..

Ольга (*краснѣя, съ замѣшательствомъ*).

Василій Семенычъ, какъ вы хотите... чтобъ я...

Кузовкинъ (*готовый заплакать*).

Да я не могу говорить, когда вы такъ..

Ольга (*протягивая ему руку*).

Успокойтесь... говорите... Вы видите, въ какомъ я состояніи... Принудьте себя.

Кузовкинъ.

Слушаю, матушка, Ольга Петровна. Ну-съ, позвольте-съ, съ чего же я начну? О, Господи!.. Ну, да-съ. Такъ вотъ-съ. Я вамъ, если позволите, сперва такъ немножко разскажу... Да-съ. Сейчасъ, сейчасъ... Лѣтъ мнѣ этакъ было двадцать съ небольшимъ... А родился я, можно сказать, въ бѣдности,—а потомъ и послѣдняго куска хлѣба лишился, и совершенно, можно сказать, несправедливо... а впрочемъ, воспитанья, конечно, не получилъ никакого... Батюшка вашъ покойный (*Ольга вздрагиваетъ*), царство ему небесное!.. надо мною сжалиться изволилъ, а то бы я совсѣмъ пропалъ, точно; живи, дескать, у меня въ домѣ, пока-де мѣсто тебѣ сыщу. Вотъ, я у вашего батюшки и поселился. Ну, конечно, мѣста на службѣ сыскать не легко—вотъ, я такъ и остался. А батюшка вашъ въ ту пору еще въ холостомъ состояньи проживалъ, а тамъ, годика этакъ черезъ два, сталъ за вашу матушку свататься—ну, и женился. Ну, вотъ, и началъ онъ жить съ вашей матушкой... да двухъ сыночковъ съ нею прижилъ,—да только они оба скоро померли. И скажу я вамъ, Ольга Петровна, былъ вашъ покойный батюшка крутой человѣкъ, такой крутой, что и прости Господи!.. на руку тоже маленечко дерзокъ—и когда, бывало, осерчаютъ, самихъ себя не помнятъ. Выпить тоже любилъ. А впрочемъ, хорошій былъ человѣкъ-съ и мой благодѣтель. Ну-съ, вотъ, сначала жилъ онъ, батюшка-то вашъ, съ покойницей матушкой вашей въ большихъ ладахъ... Только недолго. Матушка ваша—царство ей небесное!.. была, можно сказать, ангелъ во плоти — и собой красавица... Да что-съ! Судьба-съ! Сосѣдка у насъ въ ту пору завелась... Вашъ батюшка возьми да къ ней и привяжись... Ольга Петровна, простите меня великодушно, коли я...

Ольга.

Продолжайте.

Кузовкинъ.

Вы же сами изволили требовать. (*Проводитъ рукой по лицу*). О, Господи, Боже мой, помоги мнѣ грѣшному! Вотъ, вашъ батюшка и привязался къ той сосѣдкѣ, чтобъ ей пусто было и на томъ свѣтѣ! сталъ къ ней кажинный Божій день ѣздить, часто даже на ночь домой не пріѣзжалъ. Худо пошли дѣла. Матушка ваша, бывало, по цѣлымъ днямъ сидитъ одинёшенька, молчитъ; а то и всплакнетъ... Я, разумѣется, тутъ же сижу, сердце во мнѣ такъ и надрывается, а рта разинуть не смѣю. На что ей, думаю, мои глупыя рѣчи! Другіе сосѣди, помѣщики, къ вашему батюшкѣ тоже неохотно ѣзжали: отбилъ онъ ихъ отъ дому своимъ, можно сказать, высокомѣрьемъ; такъ вотъ, вашей матушкѣ, бывало, не съ кѣмъ и словечка было перемолвить... Сидитъ, бывало, сердечная, у окна, даже книжки не читаетъ—сидитъ, да поглядываетъ на дорогу, въ поле-съ. А у батюшки-то у вашего, между тѣмъ, Богъ вѣсть отчего!—кажется, никто ему не прекословилъ,—здравъ еще болѣе попортился. Грозный сталъ такой, что бѣда! И вотъ что опять удивительно: вздумалъ онъ вашу матушку ревновать; а къ кому тутъ было ревновать, Господи, Боже мой! Самъ, бывало, уѣдетъ, а ее запретъ, ей-Богу! Отъ всякой бездѣлицы въ гнѣвъ приходилъ. И чѣмъ ваша матушка болѣе передъ нимъ смирялась, тѣмъ онъ пуще злился. Наконецъ, совсѣмъ пересталъ съ ней разговаривать, вовсе ее бросилъ. Ахъ, Ольга Петровна! Ольга Петровна! Натерпѣлась она въ ту пору горя, ваша-то матушка! Вы ея не можете помнить, Ольга Петровна, млады вы были слишкомъ, голубушка вы моя, когда она скончалась. Такой души добрѣйшей, чай, теперь ужъ и нѣтъ на землѣ. Ужъ какъ же она и любила вашего батюшку! Онъ на нее и не глядитъ, бывало, а она-то безъ него, со мной, все о немъ, да о немъ разговариваетъ, какъ бы помочь? какъ бы угодить? Вдругъ, въ одинъ день, собрался вашъ батюшка. Куда? Въ Москву, говоритъ, одинъ ѣду, по дѣламъ,—а какое одинъ: на первой же подставкѣ сосѣдка его ждала. Вотъ, и уѣхали они вмѣстѣ, и цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ пропадали,—шесть

мѣсяцевъ, Ольга Петровна! и письма ни одного домой не писалъ во все время! Вдругъ пріѣзжаетъ, да такой сумрачный, сердитый... Сосѣдка-то его бросила, какъ мы потомъ узнали. Заперся у себя въ комнатѣ, да и не показывается. Даже люди всѣ въ удивленіе пришли. Не вытерпѣла, наконецъ, покойница... перекрестилась—бояться она его стала, бѣдняжка!—да и вошла къ нему. Начала его уговаривать, а онъ какъ вдругъ закричитъ на нее, да взявши палку... (*Кузовкинъ взглядываетъ на Ольгу*). Виноватъ, Ольга Петровна.

Ольга.

Правду вы говорите, Василій Семенычъ?

Кузовкинъ.

Убей меня Богъ на самомъ этомъ мѣстѣ!

Ольга.

Продолжайте.

Кузовкинъ.

Вотъ, онъ и... да-съ. Ахъ! Ольга Петровна, смертельно оскорбилъ онъ вашу матушку и словами, и... протчимъ-съ... Покойница словно полуумная на свою половину прибѣжала, а онъ крикнулъ людей, да въ отъѣзжее поле... Тутъ вотъ... тутъ... случилось... дѣло... (*Голосъ его слабѣетъ*). Не могу, Ольга Петровна, ей-Богу, не могу...

Ольга (*не глядя на него*).

Говорите. (*Послѣ небольшого молчанія, съ нетерпѣніемъ*). Говорите!

Кузовкинъ.

Слушаю, Ольга Петровна. Должно полагать-съ, что у вашей матушки, у покойницы, отъ такой обиды кровной на ту пору умъ помѣшался... болѣзнь приключилась... Какъ теперь ее вижу... Вошла въ образную, постояла передъ иконами, подняла-было руку для крестнаго знаменія, да вдругъ отвернулась и вышла... даже засмѣялась потихоньку... Осилилъ-таки и ее лукавый. Жутко мнѣ стало, глядя на нее. За столомъ ничего не изволила кушать, все изволила молчать и на меня смотрѣла пристально... а вечеромъ-съ... По вечерамъ я, Ольга Петровна, одинъ съ ней сиживалъ, — вотъ именно въ этой

комнатѣ, — знаете, этакъ, въ карты иногда, отъ скуки, а иногда такъ, разговоръ небольшой... Ну-съ, вотъ-съ, въ тотъ вечеръ... (*Онъ начинаетъ задыхаться*). Ваша матушка покойница, долго-долго помолчавши, этакъ обратилась вдругъ ко мнѣ... А я, Ольга Петровна, на вашу матушку только что не молился, и любилъ же я ее, вашу матушку... вотъ, она и говоритъ мнѣ вдругъ: „Василій Семенычъ, ты, я знаю, меня любишь, а онъ, вотъ, меня презираетъ, онъ меня бросилъ, онъ меня оскорбилъ... Ну, такъ и я же“... Знать, разсудокъ у ней отъ обиды помутился, Ольга Петровна, потерялась она вовсе... А я-то, а я... я ничего не понимаю-съ, голова тоже, этакъ, кругомъ... вотъ, даже вспомнить жутко, она вдругъ мнѣ въ тотъ вечеръ... Матушка, Ольга Петровна, пощадите старика... Не могу... Скорѣй языкъ отсохнетъ! (*Ольга молчитъ и отворачивается; Кузовкинъ глядитъ на нее и съ живостью продолжаетъ*). На другой же день, вообразите, Ольга Петровна, меня дома не было—помнится, я на зарѣ въ лѣсъ убѣжалъ,—на другой же день вдругъ скачетъ доѣзжачій на дворъ... Что такое? Баринъ упалъ съ лошади, убился на-смерть, лежитъ безъ памяти... На другой же день, Ольга Петровна, на другой день!.. Ваша матушка тотчасъ карету — да къ нему... А лежалъ онъ въ степной деревушкѣ, у священника, за сорокъ верстъ... Какъ ни спѣшила, сердечная, а въ живыхъ уже его не застала... Господи, Боже мой! мы думали всѣ, что она съ ума сойдетъ... До самаго вашего рожденія все хворала, да и потомъ не справилась... Вы сами знаете... недолго пожила она на свѣтѣ... (*Онъ опускаетъ голову*).

Ольга (*послѣ долгаго молчанія*).

Стало-быть... я ваша дочь... Но какія доказательства?..

Кузовкинъ (*съ живостью*).

Доказательства? Помилуйте, Ольга Петровна, какія доказательства? у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ! Да какъ бы я смѣлъ? Да если бъ не вчерашнее несчастье, да я бы, кажется, на смертномъ одрѣ не проговорился, скорѣй бы языкъ себѣ вырвалъ! И какъ это я не умеръ

вчера! Помилуйте! Ни одна душа до вчерашняго дня, Ольга Петровна, помилуйте... Я самъ, наединѣ будучи, объ этомъ думать не смѣлъ. Послѣ смерти вашего... батюшки... я было хотѣлъ бѣжать, куда глаза глядятъ... виноватъ, не хватило силы—бѣдности испугался, нужды кровной. Остался, виноватъ... Но при вашей матушкѣ, при покойницѣ, я не только говорить или что, едва дышать могъ, Ольга Петровна. Доказательства! Въ первые-то мѣсяцы я вашей матушки и не видалъ вовсе — онѣ къ себѣ въ комнату заперлись и кромѣ Прасковьи Ивановны, горничной, никого до своей особы не допускали... а потомъ... потомъ я ее точно видалъ, но вотъ, какъ передъ Господомъ говорю, въ лицо ей глядѣть боялся... Доказательства! Да помилуйте, Ольга Петровна, вѣдь я, все-таки, не злодѣй какой-нибудь и не дуракъ—свое мѣсто знаю. Да если бъ не вы сами мнѣ приказали... не смущайтесь, Ольга Петровна, помилуйте... О чемъ вы безпокоиться изволите? какія тутъ доказательства! Да вы не вѣрьте мнѣ, старому дураку... Совралъ—вотъ и все... Я вѣдь, точно, иногда не знаю самъ, что говорю... Изъ ума выжилъ... Не вѣрьте, Ольга Петровна, вотъ и все. Какія доказательства!

Ольга.

Нѣтъ, Василій Семенычъ, я съ вами лукавить не стану... Вы не могли... выдумать такую... Клеветать на мертвыхъ — нѣтъ, это слишкомъ страшно... (*Отворачивается*). Нѣтъ, я вамъ вѣрю...

Кузовкинъ (*слабымъ голосомъ*).

Вы мнѣ вѣрите?..

Ольга.

Да... (*Взглянувъ на него и содрогаясь*). Но это ужасно, это ужасно!.. (*Быстро отходитъ въ сторону*).

Кузовкинъ (*протягивая ей вслѣдъ руки*).

Ольга Петровна, не безпокойтесь... Я васъ понимаю... Вамъ, съ вашимъ образованіемъ... а я, если бъ опять-таки не для васъ, я бы сказалъ вамъ, что я такое... но я себя знаю хорошо... Помилуйте, или вы думаете, что я не чувствую всего... Вѣдь я васъ люблю, какъ родную...

Вѣдь, наконецъ, вы, все-таки... (*Быстро поднимается*). Не бойтесь, не бойтесь, у меня это слово не сойдетъ съ языка... Позабудьте весь нашъ разговоръ, а я уѣду сегодня, сейчасъ... Вѣдь мнѣ теперь уже нельзя здѣсь оставаться, никакъ нельзя... Что жъ, я и тамъ за васъ... (*У него навертываются слезы*), и вездѣ за васъ и за вашего супруга... а я, конечно, самъ виноватъ—лишился, можно сказать, послѣдняго счастія... (*Плачетъ*).

Ольга (*въ невыразимомъ волненіи*).

Да что жъ это такое? Вѣдь онъ, все-таки, мой отецъ... (*Оборачивается и видя, что онъ плачетъ*). Онъ плачетъ... не плачьте же, полноте... (*Она подходитъ къ нему*).

Кузовкинъ (*протягивая ей руку*).

Прощайте, Ольга Петровна...

(*Ольга тоже нерѣшительно протягиваетъ ему руку, хочетъ принудить себя броситься ему на шею, но тотчасъ же съ содроганіемъ отворачивается и убѣгаетъ въ кабинетъ. Кузовкинъ остается на томъ же мѣстѣ*).

Кузовкинъ (*хватаясь за сердце*).

Боже мой, Господи, Боже мой, что со мною дѣлается?

Голосъ Елецкаго (*за дверью*).

Ты заперлась, Оля!.. Оля!..

Кузовкинъ (*приходитъ въ себя*).

Кто это?.. Онъ.. Да... Что бишь?..

Голосъ Елецкаго.

Къ намъ г-нъ Тропачевъ пріѣхалъ. Je vous l'annonce... Оля, отвѣчай же мнѣ... Василій Семенычъ, тутъ вы, что ли?

Кузовкинъ.

Точно такъ-съ.

Голосъ Елецкаго.

А Ольга Петровна гдѣ?

Кузовкинъ.

Изволили выйти-съ.

Голосъ Елецкаго.

А! отоприте же мнѣ.

(*Кузовкинъ отпираетъ; входитъ Елецкій*).

Елецкій (*оглядываясь, про себя*).

Все это очень странно. (*Кузовкину холодно и строго*). Вы уходите?

Кузовкинъ.

Точно такъ-съ.

Елецкій.

А! Ну, такъ чѣмъ же у васъ разговоръ кончился?

Кузовкинъ.

Разговоръ... разговора, собственно, не было-съ, а я у Ольги Петровны милостиваго прощенья попросилъ.

Елецкій.

Ну, и она?

Кузовкинъ.

Онѣ изволили сказать, что болѣе не гнѣваются... а я, вотъ, теперь ѣхать собираюсь...

Елецкій.

Ольга Петровна, слѣдовательно, не перемѣнила моего рѣшенья?

Кузовкинъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Елецкій.

Гм!.. Мнѣ очень жаль... но вы понимаете сами, Василій Семенычъ, что-о-о...

Кузовкинъ.

Какъ же-съ, Павелъ Николаичъ, совершенно съ вами согласенъ. Еще милостиво поступить со мной изволили. Покорнѣйше васъ благодарю...

Елецкій.

Мнѣ пріятно видѣть, что вы, по крайней мѣрѣ, чувствуете свою вину. Итакъ—прощайте... Если что нужно будетъ, пожалуйста, не церемоньтесь... Я хотя и отдалъ старостѣ приказъ, но вы можете во всякое время обратиться прямо ко мнѣ...

Кузовкинъ.

Покорно благодарю-съ. (*Кланяется*).

Елецкій.

Прощайте, Василій Семенычъ. А впрочемъ, погодите немного... Э-э-э-э... г-нъ Тропачевъ къ намъ пріѣхалъ —

такъ вотъ, онъ сейчасъ сюда войдетъ... я бы желалъ, чтобы вы, при немъ, то же самое повторили — вотъ то, что вы мнѣ сегодня поутру сказали...

Кузовкинъ.

Слушаю-съ.

Елецкій.

Хорошо. (*Къ входящему Тропачеву*). Mais venez donc— venez donc! (*Тропачевъ подходитъ, рисуясь по обыкновенію*). Ну, что? кто выигралъ?

Тропачевъ.

Разумѣется, я. А вашъ бильярдъ удивительно хорошъ. Только представьте, г. Ивановъ отказался играть со мной! говоритъ: у меня голова болитъ. Господинъ Ивановъ... и болитъ голова! а? Et madame? Надѣюсь, она здорова?

Елецкій.

Слава Богу,—она сейчасъ придетъ.

Тропачевъ (*съ любезной фамильярностью*).

А вѣдь, послушайте, вашъ пріѣздъ — вѣдь это совершенное счастье для нашего брата степняка—хе-хе—une bonne fortune... (*Оглядывается и замѣчаетъ Кузовкина*). А, Боже мой,—и вы тутъ?

(*Кузовкинъ молча кланяется*).

Елецкій (*громко Тропачеву, указывая подбородкомъ на Кузовкина*).

Да... онъ сегодня ужасно сконфуженъ, вы понимаете, послѣ вчерашней глупости—съ самаго, вотъ, утра у насъ у всѣхъ прощенья проситъ.

Тропачевъ.

А! видно, вино не свой братъ?.. Что скажете? То-то.

Кузовкинъ (*не поднимая глазъ*).

Виноватъ-съ, совершенное безуміе, можно сказать, нашло-съ.

Тропачевъ.

Ага! То-то же, Вѣтровскій помѣщикъ... (*Къ Елецкому*). И вѣдь придетъ же мысль въ голову... Послѣ этого, наконецъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ какомъ-нибудь сумасшедшемъ, который себя, — ну, я не знаю чѣмъ,—

китайскимъ императоромъ считаетъ... А иной, говорятъ, воображаетъ, что у него въ желудкѣ солнце и луна, и все, что хотите... Хе-хе. — Такъ-то, такъ-то, Вѣтровскій помѣщикъ!

Елецкій (*который желалъ бы перемѣнить предметъ разговора*).

Да... Такъ о чемъ, бишь, я хотѣлъ васъ спросить, Флегонтъ Александрычъ, когда же мы на охоту?

Тропачевъ.

Когда хотите... Вы вѣдь видите... Я вѣдь, вотъ, безъ церемоніи съ вами... вчера былъ и сегодня, вотъ, опять пріѣхалъ... Стало-быть, и вы со мною такъ же должны... Постойте, я у Карпачова спрошу. Онъ это лучше знаетъ. Онъ намъ скажетъ, куда ѣхать. (*Подходитъ къ двери залы*). Карпачовъ! поди сюда, братецъ! (*Къ Елецкому*). Онъ стрѣляетъ славно, а на бильярдѣ я его обыгрываю. (*Входитъ Карпачовъ*). Карпачовъ — вотъ, Павелъ Николаичъ завтра на охоту желаетъ ѣхать—такъ куда бы, а?

Карпачовъ.

Поѣдемте въ Колобердово, къ Вохряку. Тамъ теперь, должно-быть, много тетеревовъ.

Елецкій.

А далеко отсюда?

Карпачовъ.

Прямымъ трактомъ тридцать верстъ, а проселкомъ, въ объѣздъ, меньше будетъ.

Елецкій.

Ну, хорошо. (*Входитъ изъ кабинета Прасковья Ивановна*). Чего тебѣ?

Прасковья Ивановна (*съ поклономъ Елецкому*).

Барыня васъ къ себѣ просятъ-съ.

Елецкій.

Зачѣмъ?

Прасковья Ивановна.

Не могу знать-съ.

Елецкій.

Скажи, что сейчасъ приду. (*Тропачеву*). Вы позволите? (*Прасковья Ивановна уходитъ*).

Тропачевъ (*качая головой*).

Э-эхъ, Павелъ Николаичъ, какъ вамъ не стыдно спрашивать... Ступайте, ради Бога...

Елецкій.

Мы васъ не долго заставимъ ждать.

(*Уходитъ, — Кузовкинъ, все время стоявшій недалеко отъ двери залы, хочетъ воспользоваться этимъ мгновеніемъ и уйти*).

Тропачевъ (*Кузовкину*).

Куда же вы, любезный, куда? Останьтесь, поболтаемте.

Кузовкинъ.

Мнѣ нужно-съ...

Тропачевъ.

Э, полноте, какая вамъ тамъ нужда? Вы, можетъ-быть, стыдитесь... Что̀ за пустяки! Съ кѣмъ этого не случается? (*Беретъ его подъ руку и ведетъ на авансцену*). То-есть, постойте, я хочу сказать — съ кѣмъ не случается выпить... а признаюсь, вы удивили насъ вчера! Какое сходство сыскалъ—а? Экая фантазія, подумаешь!

Кузовкинъ.

Больше по глупости-съ.

Тропачевъ.

Опо та-акъ, а все-таки удивительно. Почему именно: дочь? — Чудеса! А вѣдь признайтесь, вы бы отъ такой дочери не отказались? а? (*Толкаетъ его подъ бокъ*). Нѣтъ, говорите—а? (*Карпачову*). У него губа не дура—а? какъ ты думаешь? (*Карпачовъ смѣется*).

Кузовкинъ (*хочетъ отнять свою руку у Тропачева*).

Позвольте-съ...

Тропачевъ.

А за что̀ вы вчера такъ на насъ разсердились... а? Нѣтъ, скажите-съ...

Кузовкинъ (*отворачивая голову, вполголоса*).

Виноватъ-съ.

Тропачевъ.

То-то же. Ну, Богъ васъ проститъ... Такъ дочь? (*Кузовкинъ молчитъ*). Послушайте, голубчикъ мой, что вы ко мнѣ никогда не заѣдете? Я бы васъ угостилъ.

Кузовкинъ.

Покорнѣйше благодарю-съ.

Тропачевъ.

А у меня хорошо, вотъ, спросите хоть у этого. (*Указываетъ на Карпачова*). Вы бы мнѣ опять про Вѣтрово разсказали.

Кузовкинъ (*глухо*).

Слушаю-съ.

Тропачевъ.

А вы сегодня, кажется, съ Карпачовымъ не поздоровались? (*Карпачову.*) Карпаче, ты съ Васильемъ Семенычемъ по-вчерашнему не здоровался?

Карпачовъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Тропачевъ.

Э, братъ, это нехорошо.

Карпачовъ.

Да я, позвольте, вотъ, сейчасъ... (*Идетъ съ распростертыми объятіями къ Кузовкину. Кузовкинъ пятится. Дверь изъ кабинета быстро растворяется—и входитъ Елецкій. Онъ блѣденъ и взволнованъ*).

Елецкій (*съ досадой*).

А я, кажется, васъ просилъ, Флегонтъ Александрычъ, оставить господина Кузовкина въ покоѣ...

(*Тропачевъ съ изумленіемъ оборачивается и глядитъ на Елецкаго. Карпачовъ остается неподвижнымъ*).

Тропачевъ (*не безъ смущенья*).

Вы, мнѣ-ѣ... Я не помню...

Елецкій (*продолжаетъ сухо и рѣзко*).

Да-съ, Флегонтъ Александрычъ, я, признаюсь, удивляюсь, что вамъ за охота, съ вашимъ воспитаньемъ... съ вашимъ образованьемъ... заниматься такими, смѣю сказать... пустыми шутками... да еще два дня сряду...

Тропачевъ (*дѣлая рукой знакъ Карпачову, который тотчасъ отскакиваетъ и вытягивается*).

Однако, позвольте, Павелъ Николаичъ... Я, конечно...

Впрочемъ, я, точно, съ вами согласенъ... хотя, съ другой стороны... А что, ваша супруга здорова?

Елецкій.

Да... она скоро придетъ... (*Улыбаясь и пожимая руку Тропачеву*). Вы меня, пожалуйста, извините... Я сегодня что-то не въ духѣ.

Тропачевъ.

О, полноте, Павелъ Николаичъ, что за бѣда... Притомъ, вы правы... съ этимъ народомъ фамильярность никуда не годится... (*Елецкаго слегка передергиваетъ*). Какая сегодня славная погода! (*Минутное молчаніе.*) А вѣдь, точно, вы правы... въ деревнѣ долго жить — бѣда! On se rouille à la campagne... Ужасно... Скучно, знаете... Гдѣ тутъ разбирать...

Елецкій.

Пожалуйста, не вспоминайте объ этомъ больше, Флегонтъ Александрычъ, сдѣлайте одолженіе...

Тропачевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я такъ; я вообще; общее, знаете, замѣчанье. (*Опять маленькое молчанье.*) Я вамъ, кажется, не сказывалъ... Я будущей зимой уѣзжаю за границу.

Елецкій.

А! (*Кузовкину, который опять хочетъ уйти.*) Останьтесь, Василій Семенычъ... Мнѣ нужно съ вами поговорить.

Тропачевъ.

Я думаю года этакъ два за границей остаться... А что жъ madame? Будемъ ли мы имѣть удовольствіе ее видѣть сегодня?

Елецкій.

Какъ же. Да не хотите ли пока пройтись по саду? Видите, какое время? un petit tour? Только позвольте мнѣ не сопровождать васъ. Мнѣ нужно переговорить съ Васильемъ Семенычемъ... Впрочемъ, я черезъ нѣсколько минутъ...

Тропачевъ.

Будьте какъ дома, хе - хе, милый мой Павелъ Николаичъ! Дѣлайте ваше дѣло, не спѣша, а мы пока, вотъ съ этимъ смертнымъ, будемъ наслаждаться красотами при-

роды... Природа — смерть моя! Вепе-иси, Карпаче! (*Уходитъ съ Карпачовымъ.*)

Елецкій (*идетъ за нимъ вслѣдъ, запираетъ дверь, возвращается къ Кузовкину и скрещиваетъ руки*).

Милостивый государь! вчера я видѣлъ въ васъ вздорнаго и нетрезваго человѣка; сегодня я долженъ считать васъ за клеветника и за интригана... Не извольте перебивать меня!.. за интригана и за клеветника. Ольга Петровна мнѣ все сказала. Вы, можетъ-быть, этого не ожидали, милостивый государь? Какимъ образомъ вы мнѣ объясните ваше поведеніе? Нынче утромъ вы лично сознаетесь мнѣ, что сказанное вами вчера—совершенная и чистая выдумка... А сейчасъ, въ разговорѣ съ моей женой...

Кузовкинъ.

Я виноватъ... Сердце у меня...

Елецкій.

Мнѣ до вашего сердца дѣла нѣтъ, а я снова спрашиваю васъ: вѣдь вы солгали? (*Кузовкинъ молчитъ.*) Солгали вы?

Кузовкинъ.

Я уже вамъ докладывалъ, что я вчера самъ не зналъ, что говорилъ.

Елецкій.

А сегодня вы знали, что говорили. И послѣ этого вы имѣете еще столько духа, что смотрите порядочному человѣку въ глаза? И стыдъ васъ еще не уничтожилъ?

Кузовкинъ.

Павелъ Николаичъ, вы, ей-Богу, слишкомъ со мною строги. Извольте милостиво сообразить, какую пользу могъ бы я извлечь изъ моего разговора съ Ольгой Петровной?

Елецкій.

Я вамъ скажу, какую пользу. Вы надѣялись этой нелѣпой басней возбудить ея сожалѣніе. Вы разсчитывали на ея великодушіе... денегъ вамъ хотѣлось, денегъ... Да, да, денегъ. И я долженъ вамъ сказать, что вы достигли вашей цѣли. Слушайте же: мы съ женой положили выдать вамъ нужную сумму для обезпеченія вашего существованія, съ тѣмъ, однако...

Кузовкинъ.

Да я ничего не хочу!

Елецкій.

Не прерывайте меня, милостивый государь!.. Съ тѣмъ, однако, чтобы вы избрали мѣсто жительства подальше отсюда. А я, съ своей стороны, прибавлю слѣдующее: принимая отъ насъ эту сумму, вы тѣмъ самымъ сознаетесь въ вашей лжи... Васъ это слово, я вижу, коробитъ—въ вашей выдумкѣ, и, слѣдовательно, отказываетесь отъ всякаго права...

Кузовкинъ.

Да я отъ васъ копейки не возьму!

Елецкій.

Какъ, сударь? Стало-быть, вы упорствуете? Стало-быть, я долженъ думать, что вы сказали правду? Извольте объясниться, наконецъ!

Кузовкинъ.

Ничего я не могу сказать. Думайте обо мнѣ, что̀ хотите, а только я ничего не возьму.

Елецкій.

Однако, это ни на что̀ не похоже! Вы, пожалуй, еще останетесь здѣсь!

Кузовкинъ.

Сегодня же меня здѣсь не будетъ.

Елецкій.

Вы уѣдете! Но въ какомъ положеніи оставите вы Ольгу Петровну? Вы бы хоть это сообразили, если въ васъ еще осталось на каплю чувства.

Кузовкинъ.

Отпустите меня, Павелъ Николаичъ. Ей-Богу, у меня голова кругомъ идетъ. Что̀ вы отъ меня хотите?

Елецкій.

Я хочу знать, берете ли вы эти деньги. Вы, можетъ-быть, думаете, что сумма незначительная? Мы вамъ десять тысячъ рублей даемъ.

Кузовкинъ.

Не могу я ничего взять.

Елецкій.

Не можете? Стало-быть, жена моя ваша... Языкъ не поворачивается выговорить это слово!

Кузовкинъ.

Я ничего не знаю... Отпустите меня. (*Хочетъ уйти.*)

Елецкій.

Это слишкомъ! Да знаешь ли ты, что я могу принудить тебя повиноваться!

Кузовкинъ.

А какимъ это образомъ, смѣю спросить?

Елецкій.

Не выводите меня изъ терпѣнія... Не заставляйте меня напомнить вамъ, кто вы такой!

Кузовкинъ.

Я столбовой дворянинъ... Вотъ кто я-съ!

Елецкій.

Хорошъ дворянинъ, нечего сказать!

Кузовкинъ.

Каковъ ни на есть, а купить его нельзя-съ.

Елецкій.

Слушайте...

Кузовкинъ.

Это вы въ Петербургѣ съ вашими подчиненными извольте такъ обращаться.

Елецкій.

Слушайте, упрямый старикъ! Вѣдь вы не желаете оскорбить вашу благодѣтельницу? Вы уже сознались разъ въ несправедливости вашихъ словъ; что же вамъ стóитъ успокоить Ольгу Петровну окончательно—и взять деньги, которыя мы вамъ предлагаемъ? Или вы такъ богаты, что вамъ десять тысячъ рублей нипочемъ?

Кузовкинъ.

Не богатъ я, Павелъ Николаичъ; да подарочекъ-то вашъ больно горекъ. Ужъ и такъ я вдоволь стыда наглотался... да-съ. Вы, вотъ, изволите говорить, что мнѣ денегъ надо; не надо мнѣ денегъ-съ. Рубля на дорогу отъ васъ не возьму-съ.

Елецкій.

О, я понимаю вашъ расчетъ! Вы притворяетесь безкорыстнымъ; вы надѣетесь этакъ больше выиграть. Въ послѣдній разъ говорю вамъ: либо вы возьмете эти деньги на тѣхъ условіяхъ, которыя я изложилъ вамъ, либо я прибѣгну къ такимъ мѣрамъ... къ такимъ мѣрамъ...

Кузовкинъ.

Да что вы хотите отъ меня, Господи! Мало вамъ того, что я уѣзжаю; вы хотите, чтобъ я замарался, вы хотите купить меня... Такъ нѣтъ же, Павелъ Николаичъ, этого не будетъ!

Елецкій.

О, чортъ возьми! Я тебя... (*Въ это мгновеніе раздается подъ окномъ въ саду голосъ Тропачева; онъ напѣваетъ: „Я здѣсь, Инезилья, я здѣсь, подъ окномъ“*). Это невыносимо! (*Подходя къ окну*). Я сейчасъ... сейчасъ... (*Кузовкину*). Даю вамъ четверть часа на размышленіе... а тамъ ужъ не пеняйте! (*Уходитъ*).

Кузовкинъ (*одинъ*).

Что это со мною дѣлаютъ, Господи! Да этакъ лучше прямо въ гробъ живому лечь! Погубилъ я себя! Языкъ мой — врагъ мой. Этотъ баринъ... Вѣдь онъ со мной, какъ съ собакой говорилъ, ей-Богу... Словно во мнѣ и души-то нѣтъ!.. Ну, хоть убей онъ меня... (*Изъ кабинета выходитъ Ольга; у ней въ рукахъ бумага. Кузовкинъ оглядывается*). Господи...

Ольга (*нерѣшительно подходя къ Кузовкину*).

Я желала видѣть васъ еще разъ, Василій Семенычъ...

Кузовкинъ (*не глядя на нее*).

Ольга Петровна... зачѣмъ... вы вашему супругу... все изволили сообщить...

Ольга.

Я никогда ничего не скрывала отъ него, Василій Семенычъ.

Кузовкинъ.

Такъ-съ..

Ольга (*постыдно*).

Онъ повѣрилъ мнѣ... (*Понизивъ голосъ*). И согласенъ на все.

Кузовкинъ.

Согласенъ-съ? На что согласенъ-съ?

Ольга.

Василій Семенычъ, вы добрый... вы благородный человѣкъ... Вы меня поймете. Скажите сами, можете ли вы здѣсь остаться?

Кузовкинъ.

Не могу-съ.

Ольга.

Нѣтъ, послушайте... Я хочу знать ваше мнѣніе... Я успѣла оцѣнить васъ, Василій Семенычъ... Говорите же, говорите откровенно...

Кузовкинъ.

Я чувствую вашу ласку, Ольга Петровна, я, повѣрьте, тоже умѣю цѣнить... (*Онъ останавливается и продолжаетъ со вздохомъ*). Нѣтъ, не могу я остаться,—никакъ не могу. Еще побьютъ, пожалуй, подъ старость. Да и что грѣха таить?—теперь я, конечно, остепенился, пу, и хозяина тоже давно въ домѣ не было... некому было, этакъ, знаете... Да вѣдь старики-то живы; они, вѣдь, не забыли... вѣдь я, точно, у покойника въ шутахъ состоялъ... Изъ-подъ палки, бывало, наясничалъ, а иногда и самъ... (*Ольга отворачивается*). Не огорчайтесь, Ольга Петровна... Вѣдь, наконецъ, я... я вамъ, все-таки, чужой человѣкъ... остаться не могу.

Ольга.

Въ такомъ случаѣ... возьмите... это... (*Протягиваетъ ему бумагу*).

Кузовкинъ (*принимаетъ ее съ недоумѣніемъ*).

Что это-съ?

Ольга.

Это... мы вамъ назначаемъ... сумму... для выкупа вашего Вѣтрова... Я надѣюсь, что вы намъ... что вы мнѣ не откажете...

Кузовкинъ (*роняетъ бумагу и закрываетъ лицо руками*).

Ольга Петровна, за что же и вы, и вы меня обижаете?

Ольга.

Какъ?

Кузовкинъ.

Вы отъ меня откупиться хотите. Да я жъ вамъ сказывалъ, что доказательствъ у меня нѣтъ никакихъ... Почему вы знаете, что я это все не выдумалъ, что у меня не было, наконецъ, намѣренья...

Ольга (*съ живостью его перебивая*).

Если бъ я вамъ не вѣрила, развѣ мы бы согласились...

Кузовкинъ.

Вы мнѣ вѣрите—чего же мнѣ больше, на что мнѣ эта бумага? Я сызмала себя не баловалъ... не начинать же мнѣ подъ старость... Что мнѣ нужно? Хлѣба ломоть—вотъ и все. Коли вы мнѣ вѣрите... (*Останавливается*).

Ольга.

Да... да... я вамъ вѣрю. Нѣтъ, вы меня не обманываете — нѣтъ... Я вамъ вѣрю, вѣрю... (*Вдругъ обнимаетъ его и прижимается къ его груди головой*).

Кузовкинъ.

Матушка, Ольга Петровна, пол... полноте... Ольга... (*Шатаясь, опускается въ кресло налѣво*).

Ольга (*держитъ его одной рукою, другой быстро поднимаетъ бумагу съ земли и жмется къ нему*).

Вы могли отказать чужой, богатой женщинѣ,—вы могли отказать моему мужу, но дочери, вашей дочери, вы не можете, вы не должны отказать... (*Суетъ ему бумагу въ руки*).

Кузовкинъ (*принимая бумагу, со слезами*).

Извольте, Ольга Петровна, извольте, какъ хотите, что хотите прикажите, я готовъ, я радъ — прикажите, хоть на край свѣта уйду. Теперь я могу умереть, теперь мнѣ ничего не нужно... (*Ольга утираетъ ему слезы платкомъ*). Ахъ, Оля, Оля...

Ольга.

Не плачьте, не плачь... Мы будемъ видѣться... Ты будешь ѣздить...

Кузовкинъ.

Ахъ, Ольга Петровна, Оля... я ли это, не во снѣ ли это?

Ольга.

Полно же, полно...

Кузовкинъ (*вдругъ торопливо*).

Оля, встань; идутъ. (*Ольга, которая почти сѣла ему на колѣни, быстро вскакиваетъ*). Дайте только руку, руку, въ послѣдній разъ.

(*Онъ поспѣшно цѣлуетъ у ней руку. Она отходитъ въ сторону. Кузовкинъ хочетъ подняться и не можетъ. Изъ двери направо входятъ Елецкій и Тропачевъ; за ними Карпачовъ. Ольга идетъ къ нимъ навстрѣчу мимо Кузовкина и останавливается спиною къ нему*).

Тропачевъ (*кланяясь и рисуясь*).

Enfin—мы имѣемъ счастье васъ видѣть, Ольга Петровна. Какъ ваше здоровье?

Ольга.

Благодарствуйте—я здорова.

Тропачевъ.

У васъ лицо, какъ будто...

Елецкій (*подхватывая*).

Мы оба съ нею что-то сегодня не въ своей тарелкѣ...

Тропачевъ.

И тутъ симпатія, хе-хе. А садъ у васъ удивительно хорошъ.

(*Кузовкинъ черезъ силу поднимается*).

Ольга.

Я очень рада, что онъ вамъ понравился.

Тропачевъ (*словно обиженный*).

Да вѣдь, послушайте, я вамъ скажу — вѣдь онъ прелесть какъ хорошъ — mais c'est très beau, très beau... Аллеи, цвѣты—и все вообще... Да, да. Природа и поэзія—это мои двѣ слабости! Но что я вижу? Альбомы! Точно въ столичномъ салонѣ!

Елецкій (*выразительно глядя на жену, съ разстановкой*).

Развѣ тебѣ удалось устроить? (*Ольга киваетъ головой; Тропачевъ изъ приличія отворачивается*). Онъ принялъ? Гмъ! Хорошо. (*Отводя ее немного въ сторону*). Повторяю тебѣ, что я всей этой исторіи не вѣрю, но я тебя одобряю. Домашнее спокойствіе не десяти тысячъ стоитъ.

Ольга (*возвращаясь къ Тропачеву, который началъ-было разсматривать альбомъ на столѣ*).

Чѣмъ вы тутъ занялись, Флегонтъ Александрычъ?

Тропачевъ.

Такъ-съ... Вашъ альбомъ—вотъ-съ. Все это очень мило. Скажите, вы не знакомы съ Ковринскими?

Ольга.

Нѣтъ, не знакома.

Тропачевъ.

Какъ, и прежде не были знакомы? Познакомьтесь—я вамъ совѣтую. У насъ это почти что лучшій домъ въ уѣздѣ, или, лучше сказать, былъ лучшій домъ до вчерашняго дня, ха-ха!

Елецкій (*между тѣмъ подошелъ къ Кузовкину*).

Вы берете деньги?

Кузовкинъ.

Беру-съ.

Елецкій.

Значитъ—солгали?

Кузовкинъ.

Солгалъ.

Елецкій.

А! (*Обращаясь къ Тропачеву, который разсыпается передъ Ольгой и волнообразно сгибаетъ свой станъ*). А вотъ, Флегонтъ Александрычъ, мы вчера съ вами подсмѣивались надъ Васильемъ Семенычемъ... а вѣдь онъ свое дѣло-то выигралъ... Извѣстіе сейчасъ получено. Вотъ, пока мы въ саду гуляли.

Тропачевъ.

Что вы?

Елецкій.

Да, да. Ольга, вотъ, мнѣ сейчасъ сказала. Да спросите его самого.

Тропачевъ.

Неужели, Василій Семенычъ?

Кузовкинъ (*который все время до конца сцены улыбается, какъ дитя, и говоритъ звенящимъ отъ внутреннихъ слезъ голосомъ*).

Да-съ, да-съ. Достается-съ, достается-съ.

Тропачевъ.

Поздравляю васъ, Василій Семенычъ, поздравляю. (*Вполголоса Елецкому*). Я понимаю... вы его вѣжливымъ образомъ удаляете послѣ вчерашней... (*Елецкій хочетъ увѣрять, что нѣтъ*). Ну, да... да... и какъ благородно, великодушно, деликатно... Очень, очень хорошо. Я готовъ объ закладъ побиться, что эта мысль (*съ сладкимъ взглядомъ на Ольгу*) вашей женѣ въ голову пришла... хотя и вы, конечно... (*Елецкій улыбается. Тропачевъ продолжаетъ громко*). Хорошо, хорошо. Такъ теперь вамъ, Василій Семенычъ, туда переѣзжать надо... Хозяйствомъ попризаняться...

Кузовкинъ.

Конечно-съ.

Елецкій.

Василій Семенычъ мнѣ сейчасъ сказалъ, что онъ даже сегодня съѣздить туда собирается.

Тропачевъ.

Еще бы! Я очень понимаю его нетерпѣнье. Хе, чортъ возьми! водили человѣка за носъ, водили-водили, — ну, наконецъ, досталось имѣнье... Какъ тутъ не захотѣть посмотрѣть на свое добро? Не такъ ли, Василій Семенычъ?

Кузовкинъ.

Именно-съ, такъ-съ.

Тропачевъ.

Вѣдь вамъ, чай, и въ городъ придется заѣхать?

Кузовкинъ.

Какъ же-съ: все въ порядокъ привести слѣдуетъ.

Тропачевъ.

Такъ вамъ мѣшкать нечего. (*Подмигивая Елецкому*). Каковъ Лычковъ, отставной стряпчій? Чай, вѣдь это онъ все? (*Кузовкину*). Ну, и рады вы?

Кузовкинъ.

Какъ же-съ, какъ же не радоваться?

Тропачевъ.

Вы мнѣ позволите васъ навѣстить на новосельѣ... а?

Кузовкинъ.

Много чести, Флегонтъ Александрычъ.

Тропачевъ (*обращаясь къ Елецкому*).

Павелъ Николаичъ, какъ же это? надо бы Вѣтрово-то вспрыснуть.

Елецкій (*нѣсколько нерѣшительно*).

Да... пожалуй... да. (*Подходитъ къ двери залы*). Позвать мнѣ Трембинскаго!

Трембинскій (*быстро выскакивая изъ двери*).

Чего прикажете?

Елецкій.

А! вы здѣсь... бутылку шампанскаго!

Трембинскій (*исчезая*).

Слушаю-съ.

Елецкій.

Да, послушайте! (*Трембинскій опять появляется*). Я, кажется, въ залѣ господина Иванова видѣлъ — такъ попросите его войти.

Трембинскій.

Слушаю-съ.

Тропачевъ (*подходя къ Ольгѣ, которая все время стояла у стола съ альбомами, и то опускала глаза, то тихо поднимала ихъ на Кузовкина*).

Madame Ковринская чрезвычайно будетъ рада съ вами познакомиться... enchantée, enchantée. Я надѣюсь, что она вамъ понравится... Я у нея въ домѣ совершенно какъ свой... Умная женщина и, знаете ли, этакъ... (*Вертитъ рукой въ воздухѣ*).

Ольга (*съ улыбкой*).

А!

Тропачевъ.

Вы увидите. (*Трембинскій входитъ съ бутылками и бокалами на подносѣ*). А! Ну, Василій Семенычъ, позвольте васъ душевно поздравить...

(*Ивановъ входитъ, останавливается у двери и кланяется*).

Ольга (*ласково Иванову*).

Здравствуйте, я очень рада васъ видѣть... Вы слышали... вашему пріятелю Вѣтрово достается...

(*Ивановъ вторично кланяется и пробирается къ Кузовкину. Трембинскій подноситъ всѣмъ бокалы*).

Ивановъ (*вполголоса и скороговоркой Кузовкину*).

Василій, что́ они врутъ?

Кузовкинъ (*тоже вполголоса*).

Молчи, Ваня, молчи; я счастливъ...

Тропачевъ (*съ бокаломъ въ рукѣ*).

За здоровье новаго владѣльца!

Всѣ (*исключая Иванова, который даже свой бокалъ не выпиваетъ*).

За его здоровье! За его здоровье!

Карпачовъ (*басомъ, еще разъ, одинъ*).

Многая лѣта!

(*Тропачевъ сурово на него взглядываетъ; онъ конфузится. Кузовкинъ благодаритъ, кланяется, улыбается; Елецкій держитъ себя строго; Ольга неловко, она готова заплакать; Ивановъ изумленъ и посматриваетъ исподлобья*).

Кузовкинъ (*трепещущимъ голосомъ*).

Позвольте мнѣ теперь... въ такой для меня торжественный день, изъявить мою благодарность за всѣ милости...

Елецкій (*перебивая его, строго*).

Да за что́ же, за что́, Василій Семенычъ, вы насъ благодарите?..

Кузовкинъ.

Да-съ. Да вѣдь, все-таки-съ, вы мои благодѣтели... А что касается до вчерашняго моего — какъ бы сказать — поступка, то простите великодушно старика... Богъ знаетъ, съ чего я это и обижался-то вчера, и говорилъ такое...

Елецкій (*опять перебивая его*).

Ну, хорошо, хорошо.

Кузовкинъ.

И изъ-за чего было обижаться? Ну, что́ за бѣда... Господа пошутили... (*Взглянувши на Ольгу*). Впрочемъ, нѣтъ-съ, я не то-съ. Прощайте, благодѣтели мои, будьте здоровы, веселы, счастливы...

Тропачевъ.

Да что вы такъ прощаетесь, Василій Семенычъ,—вѣдь вы не въ Астрахань уѣзжаете...

Кузовкинъ (*растроганный, продолжаетъ*).

Дай Богъ вамъ всякаго благополучія... а я... мнѣ ужъ и у Бога нечего просить — я такъ счастливъ, такъ... (*Останавливается и усиливается не плакать*).

Елецкій (*въ сторону, про себя*).

Что за сцена... Когда онъ уѣдетъ?

Ольга (*Кузовкину*).

Прощайте, Василій Семенычъ... Когда вы къ себѣ переѣдете—не забывайте насъ... Я буду рада васъ видѣть (*понизивъ голосъ*), поговорить съ вами наединѣ...

Кузовкинъ (*цѣлуя у ней руку*).

Ольга Петровна... Господь васъ наградитъ.

Елецкій.

Ну, хорошо, хорошо, прощайте...

Кузовкинъ.

Прощайте...

(*Кланяется и вмѣстѣ съ Ивановымъ идетъ къ дверямъ залы. Всѣ его провожаютъ. Тропачевъ у порога еще разъ восклицаетъ: „Да здравствуетъ новый помѣщикъ!“ Ольга быстро уходитъ въ кабинетъ*).

Тропачевъ (*оборачивается къ Елецкому и треплетъ его по плечу*).

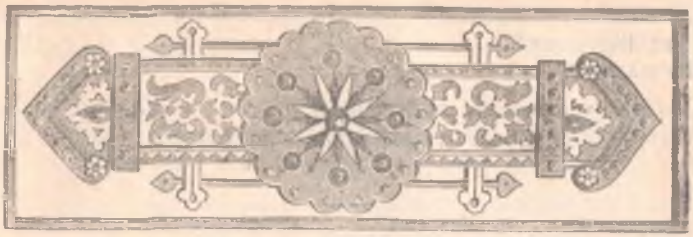
А знаете ли, что я вамъ скажу? Вы благороднѣйшій человѣкъ.

Елецкій.

О, помилуйте! Вы слишкомъ добры...

(*Занавѣсъ падаетъ*).

1848 г.



ХОЛОСТЯКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Михайло Иванычъ Мошкинъ, коллежскій ассесоръ, 50 лѣтъ. Живой, хлопотливый, добродушный старикъ. Довѣрчивъ и привязчивъ. Сангвиническаго темперамента.

Петръ Ильичъ Вилицкій, коллежскій секретарь, 23 лѣтъ. Нерѣшительный, слабый, самолюбивый человѣкъ.

Родіонъ Карловичъ фонъ-Фонкъ, титулярный совѣтникъ, 29 лѣтъ. Холодное, сухое существо. Ограниченъ, наклоненъ къ педантизму. Соблюдаетъ всевозможныя приличія. Человѣкъ, какъ говорится, съ характеромъ. Онъ, какъ многіе обрусѣлые нѣмцы, слишкомъ чисто и правильно выговариваетъ каждое слово.

Филиппъ Егоровичъ Шпуньдикъ, помѣщикъ, 45 лѣтъ. Съ претензіями на образованность.

Марья Васильевна Бѣлова, сирота, проживающая у Мошкина, 19 лѣтъ. Простая русская дѣвушка.

Екатерина Савишна Пряжкина, тетка Марьи Васильевны, 48 лѣтъ. Болтливая, слезливая кумушка. Въ сущности, эгоистка страшная.

Алкивіадъ Мартыновичъ Созомэносъ, пріятель Фонка, 35 лѣтъ. Грекъ, съ крупными чертами лица и низкимъ лбомъ.

Маланья, кухарка Мошкина, 40 лѣтъ. Тупоумная чухонка.

Стратилатъ, мальчикъ, въ услуженіи у Мошкина, 16 лѣтъ. Вообще глупый, но еще болѣе поглупѣвшій отъ роста.

Митька, слуга Вилицкаго, 25 лѣтъ. Бойкій слуга, доразвившійся въ Петербургѣ.

Почтальонъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ: 1-е и 3-е дѣйствіе на квартирѣ Мошкина; 2-е—на квартирѣ Вилицкаго; между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіемъ пять дней; между 2-мъ и 3-мъ—недѣля.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ гостиную не богатаго, но и не бѣднаго чиновника. Направо два окна; между окнами зеркало; столикъ передъ зеркаломъ. Прямо дверь въ переднюю; налѣво дверь въ другую комнату. Спереди, тоже налѣво, диванъ, круглый столъ и нѣсколько креселъ; уголъ направо огороженъ зелеными ширмами. На диванѣ лежитъ Стратилатъ. Стѣнные часы бьютъ два часа.

Стратилатъ.

Разъ... два... Два часа. Что это баринъ нейдетъ? (*Молчитъ*). Я, кажется, соснулъ маленько. (*Опять молчаніе*). А мнѣ, пикакъ, опять ѣсть хочется. (*Посвистываетъ, беретъ со стола и развертываетъ книгу*). Эка, подумаешь, словъ-то, словъ-то! Ну-ка, это... да длинное же оно какое! (*Начинаетъ разбирать по складамъ*). Покой, арцы, онъ—про; слово, веди, ять—свѣ—просвѣ; ща, есть, нашъ—щен—просвѣ... просвѣ... просвѣщен; нашъ, ять, иже съ краткой—нѣй—просвѣ... просвѣщеннѣй; ша, иже—ши—про... свѣ... щеннѣйши; мыслете, иже. (*Въ передней раздается звонокъ. Стратилатъ поднимается, но не выпускаетъ книги изъ рукъ*). Мыслете, иже—ми—просвѣ... просвѣщеннѣй... (*Опять звонокъ*). Тьфу ты, чортъ! Вотъ тутъ и выучись читать! (*Бросаетъ книгу на столъ и бѣжитъ отворять*).

Мошкинъ (*Входитъ. У него подъ мышкой голова сахару; въ одной рукѣ бутылка, въ другой дамскій картонъ*). Спалъ, небось?

Стратилатъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Мошкинъ.

Да... можно тебѣ повѣрить. (*Указывая ему шеей и плечомъ на сахарную голову*). На, возьми. Отнеси Маланьѣ.

(*Стратилатъ достаетъ голову. Мошкинъ идетъ на авансцену. Стратилатъ хочетъ идти*). Марья Васильевна дома?

Стратилатъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Мошкинъ.

Куда она пошла, не знаешь? (*Ставитъ картонъ и бутылку на столъ и вынимаетъ изъ задняго кармана пакетъ*).

Стратилатъ.

Не знаю-съ. Тетушка за ней заходили-съ.

Мошкинъ.

Давно?

Стратилатъ.

Съ часъ будетъ-съ.

Мошкинъ.

А Петръ Ильичъ безъ меня не былъ?

Стратилатъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Мошкинъ (*помолчавъ немного*).

Ну, ступай. Да позови, кстати, Маланью.

Стратилатъ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Мошкинъ (*ощупываясь*).

Кажется, ничего не забылъ. Все, кажется, купилъ. Все. Точно. (*Вынимая изъ кармана завернутую стклянку*). Вотъ и одеколонъ. (*Кладетъ стклянку на столъ*). Который-то часъ? (*Глядитъ на часы*). Третій въ началѣ. Что жъ это Петруша нейдетъ? (*Опять глядитъ на часы*). Въ началѣ третій. (*Опуская руку въ боковой карманъ*). Вотъ, и деньги его готовы. (*Ходитъ по комнатѣ*). Захлопотался я совсѣмъ. Ну, да и случай-то вѣдь какой! (*Входитъ Маланья и Стратилатъ. Мошкинъ живо обращается къ нимъ*). Вѣдь сегодня пятница?

Стратилатъ.

Пятница-съ.

Мошкинъ.

Ну, конечно. (*Маланьѣ*). Что жъ, обѣдъ—будетъ?

Маланья.

Будетъ-съ. Какъ же-съ!

Мошкинъ.

И хорошій обѣдъ?

Маланья.

Хорошій. Какъ же-съ!

Мошкинъ.

Смотри, матушка, не опоздай. Все у тебя есть?

Маланья.

Какъ же-съ! Все-съ.

Мошкинъ.

Ничего тебѣ не нужно?

Маланья.

Ничего-съ. Къ буденику мадеры пожалуйте.

Мошкинъ (*подавая ей со стола бутылку*).

На, на, на тебѣ мадеру. Ну, смотри же, Маланья, отличись. У насъ сегодня гости обѣдаютъ.

Маланья.

Слушаю-съ.

Мошкинъ.

Ну, я тебя не держу; ступай съ Богомъ. (*Маланья уходитъ*). Стратилатъ! Новый фракъ мнѣ приготовь и галстукъ съ бантомъ—слышишь? (*Стратилатъ тоже уходитъ. Мошкинъ останавливается*). Да что это я бѣгаю, словно угорѣлый? (*Садится и утираетъ лицо платкомъ*). Усталъ я, нечего сказать!.. (*Раздается звонокъ*). Кто бы это? Должно-быть, Петруша. (*Прислушивается*). Нѣтъ, не его голосъ.

Стратилатъ (*входитъ*).

Какой-то господинъ васъ желаютъ видѣть-съ.

Мошкинъ (*торопливо*).

Какой господинъ?

Стратилатъ.

Не знаю-съ. Незнакомый-съ.

Мошкинъ.

Незнакомый! Да ты бы спросилъ у него, кто онъ такой?

Стратилатъ.

Я и то у нихъ спрашивалъ-съ. Они говорятъ, что васъ самихъ желаютъ видѣть-съ.

Мошкинъ.

Странно! Ну, проси. (*Стратилатъ выходитъ. Мошкинъ съ волненіемъ смотритъ на дверь. Входитъ Шпуньдикъ. На немъ длинный гороховый сюртукъ*).

Шпуньдикъ (*подходя къ Мошкину*).

Вы меня не узнаете?

Мошкинъ.

Я? Я, признаюсь, кажется... не имѣю чести...

Шпуньдикъ (*съ дружелюбнымъ упрекомъ*).

Миша, Миша! старыхъ пріятелей такъ-то ты забываешь...

Мошкинъ (*вглядываясь*).

Неужели?.. да нѣтъ... точно... Филиппъ! (*Шпуньдикъ раскрываетъ объятія*). Шпуньдикъ?

Шпуньдикъ.

Я, Миша, я... (*Бросаются другъ другу на шею*).

Мошкинъ (*прерывающимся голосомъ*).

Другъ... какими судьбами... давно ли? Садись. Вотъ, не ожидалъ... вотъ случай... (*Они опять обнимаются*). Садись, садись. (*Оба садятся и глядятъ другъ на друга*).

Шпуньдикъ.

Эге-ге, братъ, какъ мы съ тобой постарѣли!

Мошкинъ.

Да, братъ, да. Постарѣли, братъ, постарѣли. Да вѣдь легкое ли дѣло? Что жъ, чай, лѣтъ двадцать не видались?

Шпуньдикъ.

Да, двадцать лѣтъ будетъ. Какъ время-то проходитъ!

Мошкинъ (*перебивая его*).

Я, братъ, гляжу на тебя и просто глазамъ не вѣрю. Шпуньдикъ, Филиппъ, у меня въ Питерѣ—а? Добро пожаловать, дружище! Какъ ты меня сыскалъ?

Шпуньдикъ.

Вона! Чиновника развѣ мудрено сыскать? Я зналъ, въ

какомъ ты департаментѣ служишь. Кучинъ, Ардаліонъ, прошлымъ лѣтомъ ко мнѣ въ деревню заѣзжалъ... Вѣдь ты Ардашу Кучина помнишь?

Мошкинъ.

Какой это Кучинъ? Ахъ, да это не тотъ ли, что̀ на дочери купца Караваева женился и приданаго, помнится, не получилъ?

Шпуньдикъ.

Тотъ, тотъ самый.

Мошкинъ.

Помню, помню. А онъ еще живъ?

Шпуньдикъ.

Живъ, какъ же! Ну, вотъ отъ него-то я и узналъ, что ты служишь... Да! Лупинусь велѣлъ тебѣ кланяться.

Мошкинъ.

Иванъ Аѳанасьичъ?

Шпуньдикъ.

Какое Иванъ Аѳанасьичъ! Ивана Аѳанасьича давно на свѣтѣ нѣтъ; сынъ его, Василій... помнишь, онъ еще хромой?

Мошкинъ.

Ахъ, да, да.

Шпуньдикъ.

Ну, вотъ онъ. Онъ у насъ судьей теперь.

Мошкинъ (*качая головой*).

Скажи, пожалуйста! Время-то, время — а? Да, кстати, Бундюковъ живъ?

Шпуньдикъ.

Живъ. Что̀ ему дѣлается? Онъ въ прошломъ году старшую дочь за нѣмца землемѣра выдалъ. Какъ же, какъ же! Бундюковъ тебѣ тоже кланяться велѣлъ. Мы всѣ о тебѣ часто вспоминаемъ, Миша!

Мошкинъ.

Спасибо, Филиппъ, спасибо. Да не хочется ли тебѣ чего-нибудь? Водки, что ли, закусить... Пожалуйста. Трубки не прикажешь ли? Вѣдь мы съ тобой по-старому? (*Треплетъ его по ляшкѣ и отнимаетъ у него картузъ*).

Шпуньдикъ.

Благодарствуй, Миша. Я не курю.

Мошкинъ.

А закусить?

Шпуньдикъ.

Нѣтъ, благодарствуй.

Мошкинъ.

Чай, усталъ съ дороги?

Шпуньдикъ.

Ну, не могу сказать; почитай, съ самой Москвы все спалъ.

Мошкинъ.

Вѣдь ты у меня обѣдаешь?

Шпуньдикъ.

Изволь.

Мошкинъ.

Ну, вотъ, умница. Такъ-то, дружище, такъ-то. Не ожидалъ, признаюсь, не ожидалъ. Кстати, ты женатъ?

Шпуньдикъ *(со вздохомъ)*.

Женатъ. А ты?

Мошкинъ.

Нѣтъ, я, братъ, того... я не женатъ. И дѣти есть?

Шпуньдикъ.

Какъ не быть! Пять человѣкъ. По ихъ милости я, вотъ, и сюда притащился.

Мошкинъ.

А что́!

Шпуньдикъ.

Да нельзя же, братъ. Вѣдь надобно жъ ихъ куда-нибудь помѣстить.

Мошкинъ.

Разумѣется, разумѣется... А гдѣ ты остановился?

Шпуньдикъ.

Представь, близехонько. Трактиръ „Европу“ знаешь?.. вотъ, за Сѣнной. Тоже по рекомендаціи Кучина. Ну, братъ, Петербургъ, скажу, городъ! Я еще только на Дворцовую площадь успѣлъ сходить. Признаюсь... Исакій-то, Исакій-то одинъ чего стоитъ? Ну, вотъ и тротуары... достойны удивленья.

Мошкинъ.

Да, да... у тебя еще глаза разбѣгутся, погоди... А что, Филиппъ, помнишь, тамъ у насъ сосѣдка была...

Шпуньдикъ.

Татьяна Подольская, небось?

Мошкинъ.

Да, да, она, она.

Шпуньдикъ.

Приказала долго жить, Миша... вотъ ужъ девятый годъ.

Мошкинъ (*помолчавъ немного*).

Царство ей небесное! Ну, а что дѣла твои какъ идутъ?

Шпуньдикъ.

Помаленьку, братъ, слава Богу; я не жалуюсь. А твои какъ? Съ тѣхъ поръ, какъ ты отъ насъ переселился, чай, въ большіе чины попасть успѣлъ?

Мошкинъ.

Нѣтъ, братъ, куда намъ! Какіе тутъ большіе чины. Тоже помаленьку.

Шпуньдикъ.

Однакожъ, крестикъ-то есть?

Мошкинъ.

Ну, крестикъ-то есть... (*Взглядываетъ на дверь.*)

Шпуньдикъ.

Ты словно ждешь кого-то?

Мошкинъ.

Да, жду. (*Потирая руки.*) Я, братъ, въ большихъ хлопотахъ теперь.

Шпуньдикъ.

А что?

Мошкинъ.

Угадай.

Шпуньдикъ.

Да гдѣ же мнѣ...

Мошкинъ.

Нѣтъ, угадай, угадай.

Шпуньдикъ (*глядя ему прямо въ глаза*).

Да ты... послушай, ты ужъ не женпться ли хочешь? Не женись, Миша, я тебѣ говорю!

Мошкинъ (*смѣясь*).

Не безпокойся, братъ... Въ мои-то лѣта! А только ты угадалъ—у меня и то въ домѣ свадьба.

Шпуньдикъ (*указывая на столъ*).

То-то я гляжу... Что за покупки такія? Кто жъ это у тебя женпится?

Мошкинъ.

А вотъ, погоди, я тебѣ—не теперь, теперь недосугъ... а этакъ, вечеркомъ, что ли, многое кое-что поразскажу. Ты удивишься, братецъ. Впрочемъ, въ короткихъ словахъ можно, пожалуй, и теперь. Вотъ, видишь ли, Филиппъ, вотъ это у меня гостиная, а я вотъ самъ тутъ сплю... (*Указывая на ширмы.*) Въ другихъ-то комнатахъ у меня воспитанница живетъ, сирота круглая. Ее-то, вотъ, я замужъ и выдаю.

Шпуньдикъ.

Воспитанница?

Мошкинъ.

Да; то-есть она, впрочемъ, дѣвица благородная, титулярнаго совѣтника Бѣлова дочь; съ покойницей ея матушкой я незадолго до смерти познакомился—и странный такой случай вышелъ. Удивительно, право, какъ это иногда бываетъ... точно, должно сознаться, судьбы неисповѣдимы! Надобно тебѣ сказать, Филиппъ, что я на этой квартирѣ всего третій годъ живу; а Машина-то матушка съ самой смерти мужа своего двѣ маленькія комнаты здѣсь въ четвертомъ этажѣ занимала; а умеръ онъ таки давненько. (*Со вздохомъ.*) Говорятъ, передъ смертью ноги себѣ отморозилъ—посуди, каковъ ударъ? Старушка жила въ крайней бѣдности; пенсія небольшая, кой-кто благотворилъ — плохіе, знаешь, доходы. Вотъ я, братъ, иду разъ къ себѣ по лѣстницѣ,—а дѣло было зимой,—дворникъ наплескалъ воды, да и не подтеръ, вода-то на ступенькахъ замерзла... (*Вынимая табакерку.*) Ты табакъ нюхаешь?

Шпуньдикъ.

Нѣтъ, спасибо.

Мошкинъ (*сильно понюхалъ табаку*).

Вотъ, иду я... Вдругъ мнѣ навстрѣчу старушка, Машина-то мать; я съ ней тогда еще знакомъ не былъ. Посторониться, что ли, она захотѣла, или ужъ такая задача вышла, только вдругъ она какъ поскользнись, да навзничь, да и переломи себѣ ногу... Подъ себя, знаешь, этакъ. (*Встаетъ, показываетъ Шпуньдику, какъ, и опять садится.*) Посуди, братъ, въ ея лѣта, каково положеніе? Я, разумѣется, тотчасъ ее поднялъ, позвалъ людей, снесъ ее въ комнату, уложилъ, побѣжалъ за костоправомъ... Намучилась она, бѣдняжка, а ужъ дочь-то, Господи, Боже мой! Вотъ съ тѣхъ поръ я и началъ къ нимъ ходить, да каждый день, каждый день... Полюбилъ ихъ, ты не повѣришь,—словно родныхъ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ вылежала старушка; ну, наконецъ, выздоровѣла, стала на ноги; да вдругъ нелегкая ее дерни сходить въ баню: опрятность, вишь, одолѣла; сходила, простудилась, похворала дня четыре, да Богу душу и отдала. Похоронили мы ее на послѣднія денежки... (*Складываетъ руки крестомъ.*) Ну, теперь посуди самъ, Филиппъ, каково было положеніе дочери — а? Нѣтъ, скажи, а? Родныхъ — никого. То-есть, признаться сказать, есть у нея одна родственница, вдова, Пряжкина Екатерина—по отцу тетка ей доводится; да у Пряжкиной самой гроша нѣтъ за душой мѣднаго. Правда, въ Конотопскомъ уѣздѣ жилъ тогда, да и теперь, чай, не издохъ, матери ея двоюродный братъ, Грачъ-Пехтеря, помѣщикъ, говорятъ, съ достаткомъ человѣкъ; я ему тотчасъ же послѣ смерти старухи Бѣловой и написалъ, что, дескать, вотъ какъ, вотъ какъ; помогите, дескать, войдите; а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „всѣхъ-де нищихъ не накормишь; коли васъ-молъ такъ состраданье разобрало, такъ возьмите ее къ себѣ, а мнѣ не до того“. Что жъ? Я-то ее и взялъ къ себѣ. Она сперва долго не соглашалась... да я настоялъ. Что, я говорю, помилуйте? Что вы? Я старый человѣкъ, бездѣтный; я васъ какъ родную дочь люблю. Куда же вы дѣнетесь, помилуйте? не на улицу же

вамъ идти. Притомъ же, и покойница на смертномъ одрѣ мнѣ ее поручала... Ну, вотъ, она и согласилась. Вотъ и живетъ она съ тѣхъ поръ у меня. А ужъ что за дѣвушка, Филиппъ, кабы ты зналъ! Да ты ее увидишь... Вотъ, посмотри, ты ее съ перваго взгляда полюбишь...

Шпуньдикъ.

Вѣрю тебѣ, Миша, вѣрю... А за кого же ты ее замужъ выдаешь?

Мошкинъ.

А тоже за хорошаго человѣка; за отличнаго молодого человѣка. И все это устроилъ твой покорный слуга. Я, братъ, долженъ про себя сказать: я на судьбу жаловаться не могу; я счастливъ, ей-Богу, счастливъ... не по заслугамъ.

Шпуньдикъ.

А какъ его зовутъ, можно спросить?

Мошкинъ.

Отчего же? конечно, можно. Дѣло совсѣмъ слажено; недѣли черезъ двѣ, Богъ дастъ, и свадьба. Вилицкій, Петръ Ильичъ. Его Вилицкимъ зовутъ. Онъ со мной въ одномъ министерствѣ служитъ. Прекрасный молодой человѣкъ. Въ двадцать три года коллежскій секретарь, надняхъ титулярный, и на виду. Онъ далеко пойдетъ. Не богатъ онъ, точно, да что за бѣда! Малый съ головой, работящій, скромный... Знакомства хорошія имѣетъ. Онъ сегодня у меня обѣдаетъ; впрочемъ, онъ почти каждый день у меня обѣдаетъ, — только сегодня онъ хотѣлъ съ собой привести одного своего пріятеля, молодого тоже человѣка, но, знаешь, этакаго... (*Дѣлаетъ значительныя движенія*). Состоитъ при самой особѣ министра... ну, понимаешь...

Шпуньдикъ.

Э, э! (*Взглянувъ на себя*). Какъ же, братъ? мнѣ нельзя же такъ остаться... Позволь, я схожу, фракъ надѣну.

Мошкинъ.

Вотъ, вздоръ какой!

Шпуньдикъ (*вставая*).

Ну, нѣтъ, Миша... на этотъ счетъ позволь ужъ мнѣ...

того... распорядиться. Этакъ гость твой, пожалуй, подумаетъ Богъ знаетъ что; это что, скажетъ, за степная ворона такая?.. Нѣтъ, я, братъ... я вѣдь тоже съ амбиціей, воля твоя.

Мошкинъ (*вставая тоже*).

Ну, какъ хочешь... только, смотри, не опоздай.

Шпуньдикъ.

Духомъ сбѣгаю. (*Беретъ картузъ*). Такъ вотъ, братъ, ты съ какими людьми водишься... (*Пожимая ему руку.*) А я на тебя, Миша, надѣюсь... пасчетъ сынишки, знаешь... да и, кромѣ того, жена моя мнѣ столько комиссій надавала, что бѣда! Одной помады на десять рублей заказала, и все перваго сорта, косметикъ-бергамотъ. Помоги, братъ; ты, я вижу (*указывая на покупки*), на все мастеръ.

Мошкинъ.

Съ моимъ удовольствіемъ, душа моя. И самъ похлопочу, и Петю попрошу. Онъ у меня такой услужливый; гордости, знаешь, ни малѣйшей. Только онъ все какъ будто хвораетъ съ нѣкоторыхъ поръ; словно не въ духѣ.

Шпуньдикъ.

Передъ свадьбой-то?

Мошкинъ.

Да и мнѣ что-то нездоровится. Впрочемъ, это пустяки. Захлопотались мы съ нимъ — вотъ и все тутъ. А я, все-таки, къ твоимъ услугамъ. Сдѣлай одолженіе, братъ, безъ церемоній.

Шпуньдикъ (*жметъ ему руку*).

Спасибо. Ты, я вижу, не перемѣнился.

Мошкинъ.

Надѣюсь. (*Тоже жметъ ему руку*). А вѣдь вотъ и съ Петрушей тоже удивительно какъ я сошелся!

Шпуньдикъ (*который собирался идти*).

А что?

Мошкинъ.

Ну, это я тебѣ послѣ разскажу. Вообрази себѣ, вѣдь и онъ сирота. Родителей лишился въ дѣтствѣ, дядя-опекунъ въ Петербургъ его привезъ, на службу его помѣстилъ, и странное такое при этомъ вышло обстоятельство...

Впрочемъ, я это тебѣ все послѣ разскажу, а только онъ полный курсъ наукъ въ гимназіи окончилъ, имѣнье впрочемъ, все потерялъ; къ счастью, я тутъ подвернулся... Однако, я тебя не удерживаю... скоро три часа...

Шпуньдикъ.

А обѣдъ въ которомъ часу?

Мошкинъ.

Въ четыре, братъ, въ четыре...

Шпуньдикъ.

Ну, такъ я еще успѣю... (*Въ передней раздается звонокъ*). Ужъ это не гости ли?

Мошкинъ (*прислушиваясь*).

Можетъ-быть... Да что жъ это Маша нейдетъ?

Шпуньдикъ (*въ волненіи, оглядываясь*).

Какъ же, братъ, это... нельзя ли... того... какъ-нибудь... (*Входитъ Маша съ Пряжкиной, въ салопахъ. Онѣ ихъ не снимаютъ*).

Мошкинъ (*увидя ихъ*).

А! легка на поминѣ!.. Гдѣ это вы пропадали?

Пряжкина.

Да, батюшка, покупки, покупки все...

Мошкинъ.

Ну, хорошо, хорошо. (*Машѣ*). Маша, рекомендую тебѣ стараго моего пріятеля и сосѣда, Филиппа Егорыча Шпуньдика. (*Шпуньдикъ кланяется; Маша присѣдаетъ; Пряжкина глядитъ на Шпуньдика во всѣ глаза*). Онъ, вотъ, только сегодня изъ деревни пріѣхалъ, съ родины мнѣ вѣсточку привезъ. Прошу любить и жаловать.

Шпуньдикъ (*Машѣ*).

Вы извините меня, сударыня, если я... въ такомъ, такъ сказать, дорожномъ неглиже... Я не могъ знать... (*Шаркаетъ*).

Мошкинъ.

Вотъ вздумалъ извиняться! Экой политичный! (*Машѣ*). А ты сегодня что-то блѣдна, Маша? или ты устала?

Маша (*слабымъ голосомъ*).

Устала.

Мошкинъ (*Пряжкиной*).

Ужъ вы слишкомъ много съ ней бѣгаете, Катерина Савишна; право, вы ее замучите... Ну, однако, ступайте... Четвертый часъ, а вы еще не одѣты. Что нашъ новый гость подумаетъ? А онъ, того и гляди, нагрянетъ... Ступайте.

Пряжкина.

Мы не опоздаемъ, не бойтесь...

Мошкинъ.

Ну, хорошо, хорошо. Да вотъ, возьмите шляпку, одеколонъ тоже, и прочее тутъ все. (*Отдаетъ ей покупки. Маша и Пряжкина уходятъ въ дверь налѣво. Мошкинъ обращается къ Шпуньдику*)... Ну, что, Филиппъ, какъ тебѣ моя Маша нравится?

Шпуньдикъ.

Очень, братъ, она мнѣ нравится... Очень, очень.

Мошкинъ.

Ну, я зналъ... Однако ступай, коли ужъ тебѣ такъ надобно.

Шпуньдикъ.

Какъ же, братъ, нельзя... Мнѣ и такъ передъ дамами смерть было совѣстно... Впрочемъ, я сейчасъ явлюсь. (*Уходитъ въ переднюю*).

Мошкинъ (*кричитъ ему вслѣдъ*).

Смотри же, не замѣшкайся! (*Ходитъ по комнатѣ*). Экой денёкъ! А я радъ Шпуньдику... Онъ хорошій человѣкъ. (*Останавливается*). Что, бишь?.. Да: отчего это Маша блѣдна сегодня? Ну, впрочемъ, это понятно... Однако, что жъ я не одѣваюсь? Стратилатъ! А Стратилатъ! (*Стратилатъ входитъ*). Фракъ подай и другой галстукъ. (*Снимаетъ сюртукъ и шейный платокъ. Стратилатъ идетъ за ширмы и выноситъ оттуда фракъ и другой галстукъ. Мошкинъ глядится въ зеркало*). Что это у меня лицо словно измято? (*Проводитъ щеткой по головѣ, начиная съ затылка*). Отчего это Петруша не заходилъ сегодня? Дай галстукъ. (*Съ помощью Стратилата надѣваетъ галстукъ*). Точно, Петра Ильича сегодня не было?

Стратилатъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Я ужъ вамъ докладывалъ-съ.

Мошкинъ (*съ неудовольствіемъ*).

Я знаю, что ты мнѣ докладывалъ... Удивительно! Ужъ онъ, полно, здоровъ ли?

Стратилатъ.

Не могу знать-съ.

Мошкинъ (*плюетъ*).

Тьфу, какой ты! Я не съ тобой говорю.

Маланья (*вдругъ входя изъ передней*).

Михайло Иванычъ.

Мошкинъ (*круто оборачиваясь къ ней*).

Чего тебѣ?

Маланья.

Денегъ на корицу пожалуйте.

Мошкинъ.

На корицу? (*Хватаясь за голову*). Да ты меня погубить собираешься, я вижу! Какъ же ты мнѣ сказывала, что у тебя все, что нужно? (*Роется въ жилетѣ*). На тебѣ четвертакъ. Только смотри, если обѣдъ не будетъ готовъ черезъ (*смотритъ на часы*)... черезъ четверть часа... я тебя... ты у меня... Ну, ступай же, ступай. Чего ты ждешь?

Стратилатъ (*вполголоса уходящей Маланьѣ*).

Ай-да куфарка!

Маланья.

Ну, ну, фуфыря!

Мошкинъ.

Поди сюда, ты, зубоскалъ, подай мнѣ фракъ. (*Надѣваетъ фракъ; Стратилатъ обдергиваетъ его сзади*). Ну, хорошо, ступай. Да лампы что жъ ты не зажигаешь? Вишь, смеркается. (*Стратилатъ выходитъ въ переднюю*). Что за притча? Не много я, кажется, сегодня ходилъ... во всякомъ случаѣ, не больше вчерашняго, а ноги у меня такъ и подкашиваются. (*Садится и глядитъ на часы*). Четверть четвертаго... Что жъ это они нейдутъ? (*Оглядывается*). Кажется, все въ порядкѣ. (*Встаетъ и сметаетъ платкомъ пыль со стола. Звонокъ*). А! наконецъ!

Потомъ—казалось мнѣ, что ты...

Пустыя женскія мечты!
Мнѣ совѣстно... но въ извиненье,
Андрей, ты пріймешь положенье
Мое... Подумай: на кого
Меня ты здѣсь оставилъ? скука,
Тоска... не знаешь ничего...
Наѣдутъ гости—что́ за мука!
Сосѣдки-сплетницы; сосѣдъ
Молчитъ, сопитъ во весь обѣдъ,
Глотаетъ, давится насильно,
Да къ ручкѣ подойдетъ умильно.
Съ утра ждешь вечера, свѣчей...
Занятій нѣту... нѣтъ дѣтей...
Книгъ нѣту... душно, страшно-душно...
Попросишь мужа—равнодушно
Проговоритъ онъ: „Погоди,
Зайдетъ разносчикъ“... Впереди
Все то же, то же до могилы...
О, Господи, пошли мнѣ силы!!!

. . . . . .

Но прежде—прежде жизнь моя
Была спокойна... Помню я
Себя веселой, безмятежной,
Передъ домашнимъ очагомъ...
Какой любовью кроткой, нѣжной,
Тогда дышало все кругомъ!
Какъ были хлопоты, заботы
Хозяйки, легкія работы
Въ то время сердцу моему,
Сама не знаю почему,
Невыразимо-сладки, милы!..
Но мнѣ прошедшаго не жаль—
Тогда ребяческія силы
Щадила строгая печаль...

О, мнѣ конечно въ наказанье

Мошкинъ.

Маша здорова... г-мъ! (*Фонку*). Изволили сегодня гулять-съ?

Фонкъ.

Да, я прошелся раза два по Невскому.

Мошкинъ.

Весьма пріятная прогулка; такое все благовидное общество; ну, песокъ тоже по тротуарамъ... магазины... все это очень удобно. (*Помолчавъ немного*). Можно сказать, Петербургъ—первѣйшая столица міра сего.

Фонкъ.

Петербургъ прекрасный городъ.

Мошкинъ (*не безъ робости*).

Вѣдь за границей-съ... ничего подобнаго не имѣется?

Фонкъ.

Я думаю, ничего.

Мошкинъ.

Вотъ особенно когда Исакій будетъ оконченъ; вотъ уже тогда точно... преферансъ будетъ значительный-съ.

Фонкъ.

Исакіевскій соборъ превосходное зданіе во всѣхъ отношеніяхъ.

Мошкинъ.

Я совершенно съ вами согласенъ-съ. А позвольте узнать, его высокопревосходительство какъ въ своемъ здоровьѣ?

Фонкъ.

Слава Богу.

Мошкинъ.

Слава Богу! (*Помолчавъ опять*). Г-мъ! (*Съ улыбкой*). А вотъ, Родіонъ... Родіонъ Карлычъ... Вы, надѣюсь, намъ сдѣлаете честь... черезъ двѣ недѣли, вотъ... его свадьба... (*указывая на Вилицкаго*), удостоите своимъ присутствіемъ.

Фонкъ.

Мнѣ будетъ очень лестно...

Мошкинъ.

Помилуйте, напротивъ, намъ... (*Помолчавъ немного*). Вы

не повѣрите, Родіонъ Карлычъ, какъ я счастливъ, глядя на нихъ, на обоихъ... (*Неопредѣленно указывая на Вилицкаго и на дверь налѣво*). Для старика, холостого человѣка, какъ я... можете себѣ представить... какое это... неожиданное...

Фонкъ.

Да-съ. Бракъ, основанный на взаимной склонности и на разсудкѣ (*онъ значительно выговариваетъ это слово*), есть одно изъ величайшихъ благъ человѣческой жизни.

Мошкинъ (*съ благоговѣніемъ выслушивая Фонка*).

Такъ-съ, такъ-съ.

Фонкъ.

И потому я, съ своей стороны, вполнѣ одобряю намѣренія тѣхъ молодыхъ людей, которые съ обдуманностью (*онъ поднимаетъ брови*) исполняютъ этотъ... этотъ священный долгъ.

Мошкинъ (*еще съ большимъ благоговѣніемъ*).

Да-съ, да-съ; я совершенно съ вами согласенъ-съ.

Фонкъ.

Ибо что̀ можетъ быть пріятнѣе семейной жизни? Но обдуманность при выборѣ супруги—необходима.

Мошкинъ.

Конечно-съ, конечно-съ. Все, что̀ вы говорите, Родіонъ Карлычъ, такъ справедливо.. Признаюсь... вы меня извините... по, по-моему, Петруша долженъ почесть себя счастливымъ, что заслужилъ ваше... благорасположеніе.

Фонкъ (*слегка жмурясь*).

Помилуйте!

Мошкинъ.

Нѣтъ, увѣряю васъ, я...

Вилицкій (*поспѣшно перебивая его*).

Скажите, Михайло Иванычъ... я бы желалъ видѣть Марью Васильевну... мнѣ нужно ей сказать слова два...

Мошкинъ.

Она у себя въ комнатѣ... должно-быть, теперь одѣвается... Впрочемъ, ты можешь постучаться.

Вилицкій.

А! Я сейчасъ вернусь. (*Фонку*). Вы позволите...

Фонкъ.

Сдѣлайте одолженіе. (*Вимицкій выходитъ въ дверь налѣво*).

Мошкинъ (*глядитъ ему вслѣдъ, пододвигается къ Фонку и беретъ его за руку*).

Родіонъ Карлычъ, вы извините меня, я человѣкъ простой... у меня что̀ на сердцѣ, то̀ и на языкѣ... Позвольте еще разъ отъ души, именно отъ души, поблагодарить васъ...

Фонкъ (*съ холодной учтивостью*).

За что̀ же, помилуйте...

Мошкинъ.

Во-первыхъ, за ваше посѣщеніе; во-вторыхъ... я вижу, вы любите моего Петрушу... У меня не было дѣтей, Родіонъ Карлычъ... но я не знаю, можно ли къ сыну больше привязаться, чѣмъ я къ нему... Такъ вотъ это-то меня и трогаетъ, просто такъ трогаетъ, что и сказать нельзя... (*У него слезы навертываются*). Вы извините меня... (*Понизивъ голосъ, словно самому себѣ говоритъ*). Что̀ это? какъ не стыдно... (*Смѣется, достаетъ платокъ, сморкается и украдкой утираетъ глаза*).

Фонкъ.

Мнѣ, повѣрьте, очень пріятно видѣть такія чувства...

Мошкинъ (*оправившись*).

Вы извините откровенность старика... но я столько объ васъ наслышался... Петруша отзывается объ васъ съ такимъ уваженіемъ... Онъ такъ дорожитъ вашимъ мнѣніемъ... Вы увидите мою Машу, Родіонъ Карлычъ; вы увидите... какъ передъ Господомъ Богомъ говорю, она составитъ его счастіе, Родіонъ Карлычъ; она истинно прекрасная дѣвушка!

Фонкъ.

Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь... Одно расположеніе друга моего, Петра Ильича, уже громко говоритъ въ его пользу.

Мошкинъ (*впадая въ благоговѣніе*).

Такъ-съ, такъ-съ...

Фонкъ.

Я, съ своей стороны, Петру Ильичу отъ души желаю всякаго добра. *(Помолчавъ немного).* А позвольте узнать, вы, кажется, въ первомъ департаментѣ столоначальникомъ служите?

Мошкинъ.

Точно такъ-съ.

Фонкъ.

У кого въ отдѣленіи, смѣю спросить?

Мошкинъ.

У Куфнагеля, Адама Андреича.

Фонкъ *(съ уваженіемъ).*

А! Отличный чиновникъ! Я его знаю. Отличный чиновникъ!

Мошкинъ.

Какъ же-съ, какъ же-съ! *(Помолчавъ).* А позвольте полюбопытствовать—вѣдь уже съ полгода будетъ, какъ вы съ моимъ Петрушей познакомились?

Фонкъ.

Съ полгода. *(Г-жа Пряжкина выходитъ изъ боковой двери, разряженная въ пухъ, съ большимъ бантомъ желтыхъ лентъ на чепцѣ; она тихонько подвигается къ говорящимъ, слегка присѣдая имъ въ спину и перебирая гинурки ридикюля).* Мнѣ въ вашемъ пріятелѣ особенно нравится то, что онъ, можно сказать, молодой человѣкъ съ правилами... *(Мошкинъ внимательно слушаетъ).* Это въ наше время рѣдко. Въ немъ нѣтъ этого вѣтра... знаете, вѣтра... *(Вертитъ рукой на воздухъ; Мошкинъ также вертитъ рукой и одобрительно киваетъ головой).* А это важно. Я самъ также молодой человѣкъ... *(Михайло Ивановичъ дѣлаетъ движеніе, какъ бы желая сказать: о, помилуйте!).* Я не какой-нибудь Катонъ... но...

Пряжкина *(скромно, но громко кашляя дискантомъ).*

Эх-емъ! *(Фонкъ останавливается и оглядывается; Мошкинъ оглядывается тоже. Пряжкина присѣдаетъ).*

Мошкинъ *(съ нѣкоторой досадой).*

Что̀ вамъ надобно, Катерина Савишна? *(Фонкъ медленно приподнимается; Мошкинъ тоже встаетъ).*

Пряжкина *(съ смущеніемъ).*

Я-съ... я-съ... пришла къ вамъ-съ... *(Фонкъ ей важно кланяется; она присѣдаетъ ему и умолкаетъ).*

Мошкинъ.

Эхъ, какъ... *(Спохватившись).* Позвольте, Родіонъ Карлычъ, представить вамъ... Пряжкина, Катерина Савишна, штабъ-офицерша... Марьѣ Васильевнѣ тетка двоюродная...

Фонкъ *(холодно кланяясь).*

Я очень радъ... *(Пряжкина опять присѣдаетъ).*

Мошкинъ *(Пряжкиной).*

Вамъ что-нибудь нужно?

Пряжкина.

Да-съ... Меня Марья Васильевна просила... то-есть, не то, чтобъ просила... а только если бъ вамъ можно было... на минуточку...

Мошкинъ *(съ укоризной).*

Что̀ тамъ такое?.. Какъ же теперь?.. *(Украдкой указывая ей на Фонка).* Эхъ!..

Фонкъ.

Прошу васъ не церемониться... если вамъ нужно...

Мошкинъ.

Вы очень добры... Право, я не знаю, зачѣмъ это меня зовутъ... Впрочемъ, я сію минуту возвращусь...

Фонкъ *(поднимая руку).*

Помилуйте...

Мошкинъ.

Сейчасъ, сейчасъ. *(Уходя съ Пряжкиной, онъ ей высказываетъ свое неудовольствіе).*

Фонкъ *(одинъ; глядитъ имъ вслѣдъ, пожимаетъ плечами, начинаетъ ходить по комнатѣ. Подходитъ къ зеркалу, охорашивается, потомъ съ догадливостью приподнимаетъ щетку, взглядываетъ на ширмы).*

Что̀ это такое? Что̀ это? *(Разставляя руки).* Куда это меня привели? Что̀ это за смѣшная женщина, и старикъ этотъ тоже, болтаетъ, плачетъ... и что̀ за фамильярность такая? Мальчикъ въ какомъ-то мерзкомъ казакинѣ; все

нечисто... Постель, вотъ — и квартира, наконецъ, — что это такое? Должно быть, обѣдъ будетъ прескверный, и шампанское скверное... придется пить... *(Стратилатъ входитъ и прицѣпляетъ зажженныя лампы къ стѣнѣ; Фонкъ глядитъ на него, скрестя руки; Стратилатъ съ робостью взглядываетъ на него и выходитъ).* Что это? какъ это можно, наконецъ? Рѣшительно не понимаю... Ослѣпленіе какое-то. Впрочемъ, посмотримъ невѣсту. *(Изъ боковой двери выходитъ Вилицкій).* А, Вилицкій!

Вилицкій.

Мнѣ Михайло Иванычъ сказалъ, что вы здѣсь одни остались... Извините его, пожалуйста... старикъ совсѣмъ захлопотался.

Фонкъ.

Помилуйте, что за бѣда?

Вилицкій *(жметъ ему руку).*

Вы очень добры и снисходительны... Я васъ предувѣдомилъ... Михайло Иванычъ отличный человѣкъ... Я его могу назвать своимъ благодѣтелемъ... но вы видите сами: онъ довольно простой... *(Вилицкій ждетъ, чтобъ Фонкъ его прервалъ; Фонкъ молчитъ).* Не правда ли, онъ...

Фонкъ.

Отчего же?.. нѣтъ. Г-нъ Мошкинъ, мнѣ кажется, весьма порядочный человѣкъ. Конечно, онъ, сколько я могъ замѣтить, не получилъ блестящаго образованія... Но это вопросъ второстепенный. Кстати, я здѣсь видѣлъ одну даму... Она тетка вашей невѣсты?

Вилицкій *(слегка краснѣя и принужденно улыбаясь).*

Она... небогатая женщина,—впрочемъ, тоже весьма добрая... и...

Фонкъ.

Я не сомнѣваюсь. *(Помолчавъ).* Вы съ г. Мошкинымъ давно знакомы?

Вилицкій.

Года съ три.

Фонкъ.

А въ Петербургѣ онъ давно на службѣ?

Вилицкій.

Давно.

Фонкъ.

Сколько г. Мошкину лѣтъ?

Вилицкій.

Лѣтъ пятьдесятъ, я думаю, будетъ.

Фонкъ.

Долго жъ онъ остается столоначальникомъ! А скоро ли я буду имѣть удовольствіе увидѣть вашу невѣсту?

Вилицкій.

Она сейчасъ явится.

Фонкъ.

Г-нъ Мошкинъ мнѣ очень лестно объ ней отозвался.

Вилицкій.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Михайло Иванычъ въ ней души не чаетъ... Но, въ самомъ дѣлѣ, Маша очень милая, очень добрая дѣвушка... Конечно, она выросла въ бѣдности, въ уединеніи, почти никого не видала... Ну, и робка немного, даже дика... Нѣтъ этой развязности, знаете... Но вы, пожалуйста, не судите ее строго, съ перваго взгляда...

Фонкъ.

Помилуйте, Петръ Ильичъ, я, напротивъ, увѣренъ...

Вилицкій.

Не судите съ перваго взгляда—вотъ все, о чемъ я васъ прошу.

Фонкъ.

Вы меня извините... но ваша довѣренность... ваша истинно легкая довѣренность ко мнѣ... даетъ мнѣ нѣкоторое право... Впрочемъ, съ другой стороны, я не знаю...

Вилицкій.

Говорите, сдѣлайте одолженіе, говорите.

Фонкъ.

Ваша невѣста... вѣдь она... не имѣетъ большого состоянія?

Вилицкій.

У ней ничего нѣтъ.

Фонкъ *(помолчавъ).*

Да? Ну, впрочемъ, я понимаю... Любовь...

Вилицкій *(тоже помолчавъ).*

Я ее очень люблю.

Фонкъ.

Да? Ну, въ такомъ случаѣ, больше нечего желать, и если этотъ бракъ можетъ составить ваше счастіе—я васъ отъ души поздравляю. А что, вы сегодня вечеромъ не намѣрены ли въ театръ? Рубини поетъ въ „Лучіи".

Вилицкій.

Сегодня вечеромъ? Нѣтъ, не думаю. Я на-дняхъ собираюсь съѣздить съ моей невѣстой и съ Михайломъ Иванычемъ... Но вы какъ будто еще что-то мнѣ хотѣли сказать насчетъ... насчетъ моей свадьбы...

Фонкъ.

Я? Нѣтъ... А скажите, пожалуйста, вашу невѣсту, кажется, Марьей... Марьей Васильевной зовутъ?

Вилицкій.

Марьей Васильевной.

Фонкъ.

А фамилія какъ?

Вилицкій.

Фамилія... *(Глянувъ въ сторону).* Бѣлова... Марья Васильевна Бѣлова.

Фонкъ *(помолчавъ немного).*

Да. А, кстати, отправляемся мы завтра съ вами къ барону Виденгопфъ?

Вилицкій.

Какъ же... если вы хотите меня представить...

Фонкъ.

Я съ величайшимъ удовольствіемъ. Однако, который часъ? *(Глядитъ на часы).* Безъ четверти четыре.

Вилицкій.

Пора бы обѣдать... Да что жъ это Михайло Иванычъ? *(Оглядывается... Изъ передней входитъ Шпуньдикъ. На немъ старомодный черный фракъ съ крошечной тальицей и высокимъ воротникомъ; бѣлый, тѣсный галстукъ съ пряжкой; весьма короткій полосатый бархатный жилетъ*

съ перламутровыми пуговицами и свѣтло-гороховыя панталоны; въ рукѣ у него пуховая шляпа. Увидя двухъ незнакомыхъ людей, онъ начинаетъ кланяться, косвенно шаркая впередъ правой ногой, приподнимая лѣвую и прижимая обѣими руками шляпу къ желудку. Онъ вообще изъявляетъ большое смущеніе. Вилицкій и Фонкъ оба молча ему кланяются).

Фонкъ *(вполголоса Вилицкому).*

Что́ это за господинъ?

Вилицкій *(тоже вполголоса).*

Я, право, не знаю. *(Шпуньдику).* Позвольте узнать... Вамъ кого угодно?

Шпуньдикъ.

Шпуньдикъ, Филиппъ Егорычъ, тамбовскій помѣщикъ... Впрочемъ, не извольте безпокоиться. *(Вынимаетъ платокъ и утираетъ лобъ).*

Вилицкій.

Мнѣ очень пріятно... Вы, можетъ-быть, Михайла Иваныча желаете видѣть?

Шпуньдикъ.

Не извольте безпокоиться... Я уже того-съ... Я-съ... *(Краснѣетъ, смѣется и бокомъ отходитъ въ сторону направо).*

Фонкъ *(Вилицкому).*

Что́ за чудакъ?

Вилицкій.

Должно-быть, знакомый какой-нибудь Михайла Иваныча... Я его, впрочемъ, никогда здѣсь не видалъ... *(Громко Шпуньдику).* Михайло Иванычъ сейчасъ явится. *(Шпуньдикъ дѣлаетъ неопредѣленный знакъ рукою, улыбается и отворачивается. Вилицкій обращается почти съ умоляющимъ видомъ къ Фонку).* Родіонъ Карлычъ... пожалуйста... вы извините...

Фонкъ *(пожимая ему руку).*

Полноте, полноте... *(оборачивается).* А! да вотъ, кажется, и самъ господинъ Мошкинъ...

(Изъ двери налѣво выходятъ Мошкинъ и Маша. Онъ ведетъ ее за руку. Вслѣдъ за ними выступаетъ Пряжкина. Маша

вся въ бѣломъ, съ голубою лентой вокругъ пояса. Она очень сконфужена).

Мошкинъ *(съ торжественностью, сквозь которую проглядываетъ робость).*

Маша, честь имѣю представить тебѣ господина фонъ-Фонка. *(Фонкъ кланяется; Маша присѣдаетъ; Пряжкина присѣдаетъ сзади ея. Мошкинъ Фонку, указывая на Машу).* Вотъ-съ, Родіонъ Карлычъ, моя Маша...

Фонкъ *(Машѣ).*

Мнѣ очень лестно... Я почитаю себя счастливымъ... Я давно желалъ имѣть удовольствіе... *(Маша не отвѣчаетъ ни на одну изъ его фразъ и наклоняетъ голову).*

Вилицкій.

Я надѣюсь, Марья Васильевна, что вы полюбите моего пріятеля... *(Маша исподлобья взглядываетъ на Вилицкаго... онъ видимо робѣетъ. Маленькое молчаніе).*

Мошкинъ *(увидя Шпуньдика).*

А, Филиппъ Егорычъ, милости просимъ. *(Беретъ его за руку и представляетъ всему обществу).* Шпуньдикъ, Филиппъ Егорычъ, мой сосѣдъ, тамбовскій помѣщикъ... Сегодня изъ деревни пріѣхалъ... Филиппъ Егорычъ Шпуньдикъ... Шпуньдикъ, Филиппъ Егорычъ...

Шпуньдикъ *(раскланивается со всѣми и проговариваетъ).*

Много благодаренъ, Михайло Иванычъ, много благодаренъ...

Мошкинъ *(громко ко всему обществу).*

Милости прошу присѣсть. *(Маша садится на диванъ).* Родіонъ Карлычъ! Сюда не угодно ли? *(Указывая на мѣсто возлѣ Маши; Фонкъ садится).* Филиппъ Егорычъ! *(Указывая на кресло напротивъ; Шпуньдикъ садится).* Катерина Савишна! *(Указываетъ на диванъ подлѣ Маши. Пряжкина садится, сильно сжимая ридикюль руками. Мошкинъ самъ садится на кресло налѣво).* И ты, Петруша, присядь. *(Вилицкій дѣлаетъ знакъ головою и становится возлѣ Фонка. Молчаніе).* Г-мъ! Какая сегодня пріятная погода...

Фонкъ (*улыбаясь*).

Да. (*Опять маленькое молчаніе. Онъ обращается къ Машѣ*). Петръ Ильичъ мнѣ сказывалъ, что вы имѣете намѣреніе на-дняхъ съѣздить въ оперу.

Маша.

Да-съ... Петръ Ильичъ... намъ предложилъ... (*Голосъ у нея прерывается*).

Фонкъ.

Я увѣренъ, вы останетесь очень довольны. (*Мошкинъ, Шпуньдикъ и Пряжкина слушаютъ его съ напряженнымъ вниманіемъ*). Рубини удивительный артистъ. Метода необыкновенная... голосъ... Это удивительно, удивительно! Вы навѣрное любите музыку?

Маша.

Да-съ... Я очень люблю музыку.

Фонкъ.

Можетъ-быть, вы сами играете?

Маша.

Очень мало-съ.

Мошкинъ.

Какъ же-съ, она играетъ на фортепіанахъ-съ. Варіяціи и прочее все. Какъ же-съ...

Фонкъ.

Это очень пріятно. Я тоже немножко играю на скрипкѣ.

Мошкинъ.

И, навѣрное, очень хорошо.

Фонкъ.

О, нѣтъ! Такъ, больше для собственнаго удовольствія. Но я всегда удивлялся тѣмъ родителямъ, которые пренебрегаютъ, такъ сказать, музыкальнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Это, по-моему, непонятно. (*Ласково обращаясь къ Пряжкиной*). Не правда ли? (*Пряжкина отъ испуга передергиваетъ губами, моргаетъ однимъ глазомъ и издаетъ болѣзненный звукъ*).

Мошкинъ (*поспѣшно приходя ей на помощь*).

Совершенную истину изволили сказать-съ. Я тоже этому не разъ удивлялся. Что за пентюхи, подумаешь, живутъ на свѣтѣ!

Шпуньдикъ (*скромно обращаясь къ Мошкину*).

Я съ тобой, Михайло Иванычъ, совершенно согласенъ. (*Фонкъ оборачивается на Шпуньдика, Шпуньдикъ почтительно кашляетъ въ руку*).

Фонкъ (*продолжая поглядывать на Шпуньдика*).

Мнѣ весьма пріятно замѣтить, что у насъ, въ Россіи, даже въ провинціи, начинаетъ распространяться охота къ искусствамъ. Это очень хорошій признакъ.

Шпуньдикъ (*трепетнымъ голосомъ, ободренный вниманіемъ Фонка*).

Именно-съ, какъ вы изволите говорить-съ. Я, вотъ-съ, человѣкъ не богатый-съ — вотъ, даже можете спросить Михайла Иваныча,—я тоже для своихъ дочерей фортепіаны изъ Москвы выписалъ-съ. Одно горе: въ нашихъ палестинахъ учителя сыскать довольно затруднительно.

Фонкъ.

Вы, смѣю спросить, изъ южной Россіи?

Шпуньдикъ.

Точно такъ-съ. Тамбовской губерніи, Острогожскаго уѣзда.

Фонкъ.

А! Хлѣбородныя мѣста!

Шпуньдикъ.

Мѣста, конечно, хлѣбородныя, но въ послѣднее время нельзя сказать, чтобъ очень были удовлетворительны—для нашего брата-помѣщика.

Фонкъ.

А что?

Шпуньдикъ.

Урожаи больно плохи-съ... вотъ уже третій годъ.

Фонкъ.

А! это не хорошо!

Шпуньдикъ.

Хорошаго, точно, въ ефтомъ мало-съ. Ну, а все-таки, по мѣрѣ силъ трудишься... хлопочешь... ибо долгъ. Конечно, мы люди простые, деревенскіе; за столицей намъ не угнаться, точно; въ столицѣ, конечно, все первѣйшіе

продукты, и прочее... По крайней мѣрѣ, какъ говорится, по мѣрѣ силъ стараешься, по мѣрѣ силъ...

Фонкъ.

Это очень похвально.

Шпуньдикъ.

Долгъ прежде всего-съ. Но неудобства большія-съ. Иногда просто не знаешь, какъ ступить. То, сё... бѣда-съ! Просто совсѣмъ втупикъ приходишь... Воображенье даже вдругъ, этакъ, ослабнетъ. *(Онъ принимаетъ утомленный видъ).*

Фонкъ.

Какія же неудобства, напримѣръ?

Шпуньдикъ.

А какъ же-съ! Не то плотину вдругъ прорветъ. Рогатый, съ позволенья сказать, скотъ-съ тоже сильно колѣетъ-съ. *(Со вздохомъ).* Воля Всевышняго, конечно. Должно покоряться.

Фонкъ.

Это непріятно. *(Онъ снова оборачивается къ Машѣ).*

Шпуньдикъ.

И при томъ-съ... *(Замѣтивъ, что Фонкъ отъ него отвернулся, онъ конфузится и умолкаетъ).*

Фонкъ *(Машѣ, которой Вилицкій шепталъ раза два на ухо во время его разговора съ Шпуньдикомъ).*

Вы, вѣроятно, также любите танцы?..

Маша.

Нѣтъ-съ... не слишкомъ...

Фонкъ.

Неужели? Какъ это странно! *(Вилицкому).* Послѣдній балъ въ Дворянскомъ собраніи былъ удивительно блестящъ; я думаю, тысячи три было людей.

Мошкинъ.

Скажите! *(Обращаясь къ Шпуньдику).* А? Филиппъ? Вотъ бы куда тебѣ съѣздить. Какъ ты думаешь, у васъ этого не увидишь? *(Смѣется. Шпуньдикъ уныло поднимаетъ глаза).*

Фонкъ *(Машѣ).*

Но неужели же вы не любите туалета и вообще удовольствій?.. Это такъ свойственно...

Маша.

Какъ же-съ... я люблю-съ...

Фонкъ *(улыбаясь въ направленіи къ Пряжкиной).*

Вашимъ туалетомъ, вѣроятно, занимается ваша тетушка? Это не по части господина Мошкина. *(Пряжкину опять отъ испуга пучитъ).*

Маша.

Да-съ, моя тетушка... какъ же-съ... *(Фонкъ неподвижно глядитъ нѣкоторое время на нее. Маша опускаетъ глаза).*

Вилицкій *(подходя сзади къ Мошкину, вполголоса).*

Да что жъ обѣдъ, Михайло Иванычъ? Это ужасно... разговоръ не клеится...

Мошкинъ *(вставая и почти шопотомъ Вилицкому, но съ необыкновенной энергіей).*

Да что̀ прикажешь дѣлать съ этой анаѳемской кухаркой? Это созданье меня въ гробъ сведетъ. Поди, Петя, ради Бога, скажи ей, что я завтра же ее прогоню, если она не сейчасъ намъ обѣдать подастъ. *(Вилицкій хочетъ идти).* Да вели хоть этому дармоѣду Стратилаткѣ закуску принести — да на новомъ подносѣ; а то вѣдь онъ, пожалуй! Ему что̀! Знай только ножами въ передней стучитъ. *(Вилицкій уходитъ. Мошкинъ обращается торопливо и съ свѣтлымъ лицомъ къ Фонку).* Такъ-съ, такъ-съ, такъ-съ, я совершенно съ вами согласенъ.

Фонкъ *(не безъ нѣкотораго удивленія взглядываетъ на Мошкина).*

Да-съ. А скажите, пожалуйста... *(Онъ не знаетъ, что сказать).* Да! Г-нъ Куфнагель гдѣ живетъ?

Мошкинъ.

Въ Большой Подьяческой, въ домѣ Блинникова, на дворѣ, въ третьемъ этажѣ-съ. Надъ воротами еще вывѣска такая мудреная. Прелюбопытная вывѣска: ничего понять нельзя; а ремесло, должно-быть, хорошее.

Фонкъ.

А! покорно васъ благодарю. Мнѣ нужно съ Куфнагелемъ поговорить. *(Смѣется).* Съ нимъ однажды въ моемъ присутствіи случилось престранное происшествіе. Вообразите, идемъ мы однажды по Невскому...

Мошкинъ.

Такъ-съ, такъ-съ...

Фонкъ.

Идемъ мы по Невскому; вдругъ намъ навстрѣчу какой то низенькій господинъ въ медвѣжьей шубѣ, и вдругъ этотъ господинъ начинаетъ обнимать Куфнагеля, цѣлуетъ его въ самыя губы — вообразите! Куфнагель, разумѣется, его отталкиваетъ, говоритъ ему: „съ ума вы сошли, что ли, милостивый государь?“ А господинъ въ шубѣ опять его обнимаетъ, спрашиваетъ, давно ли онъ изъ Харькова пріѣхалъ... и все это, вообразите, на улицѣ! Наконецъ, все дѣло объяснилось: господинъ въ шубѣ принялъ Куфнагеля за своего пріятеля... Каково, однако, сходство, прошу замѣтить! *(Смѣется; всѣ смѣются).*

Мошкинъ *(съ восторгомъ)*

Прелюбопытный, прелюбопытный анекдотъ! Впрочемъ, такія сходства бываютъ. Вотъ и у насъ—помнишь, Филиппъ, двое сосѣдей проживало—братья Полугусевы—помнишь? Просто, другъ отъ друга не отличишь, бывало. Ни дать, ни взять, одинъ какъ другой. Правда, у одного носъ былъ пошире и на одномъ глазу бѣльмо — онъ же скоро потомъ спился съ круга и оплѣшивѣлъ; а все-таки, сходство было удивительное. Не правда ли, Филиппъ?

Шпуньдикъ.

Да, сходство, точно, было большое. *(Глубокомысленно).* Впрочемъ, это, говорятъ, иногда зависитъ отъ разныхъ причинъ. Наука, конечно, дойти можетъ.

Мошкинъ *(съ жаромъ).*

И дойдетъ, непремѣнно дойдетъ!

Шпуньдикъ *(съ достоинствомъ).*

Съ достовѣрностью, я думаю, этого сказать нельзя; а впрочемъ, можетъ-быть. *(Помолчавъ).* Почему же и нѣтъ?

Фонкъ (*Машѣ*).

Игра природы въ такихъ случаяхъ очень замѣчательна. (*Маша молчитъ. Изъ передней входитъ Стратилатъ съ закуской на подносѣ. За нимъ Вилицкій*).

Мошкинъ (*который не садился съ тѣхъ поръ, какъ всталъ, суетливо*).

Не прикажете ли чего закусить передъ обѣдомъ? (*Стратилату, указывая на Фонка*). Поди сюда, ты. (*Фонку*). Не прикажете ли икорки? (*Фонкъ отказывается*). Нѣтъ? Ну, какъ угодно. Катерина Савишна, милости просимъ—и ты, Маша. (*Пряжкина беретъ кусокъ хлѣба съ икрой и ѣстъ, съ трудомъ разѣвая ротъ. Маша отказывается*). Филиппъ, не хочешь ли ты? (*Шпуньдикъ встаетъ, отводитъ немного Стратилата въ сторону и наливаетъ себѣ рюмку водки. Вилицкій подходитъ къ Фонку. Вдругъ изъ двери передней показывается Маланья*).

Маланья.

Михайло Иванычъ...

Мошкинъ (*какъ изступленный бросаясь ей навстрѣчу и упираясь колѣнкой ей въ животъ, вполголоса*).

Куда, медвѣдь, лѣзешь, куда?

Маланья.

Да обѣдъ...

Мошкинъ (*выталкивая ее*).

Хорошо, ступай. (*Быстро возвращается*). Никому больше не угодно? Никому? (*Всѣ молчатъ. Мошкинъ шепчетъ Стратилату*). Поди, поди, скорѣй докладывай: обѣдъ готовъ. (*Стратилатъ выходитъ. Мошкинъ обращается къ Фонку*). А позвольте узнать, Родіонъ Карлычъ, вы вѣдь въ карточки поигрываете?..

Фонкъ.

Да, я играю; но теперь, кажется, мы вѣдь скоро обѣдать будемъ. Притомъ же, я въ такомъ пріятномъ обществѣ... (*Указывая на Машу. Вилицкій слегка сжимаетъ губы*).

Мошкинъ.

Конечно, мы сейчасъ обѣдать будемъ. Это я только такъ. Вотъ, если угодно, послѣ обѣда, по маленькой.

Фонкъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. (*Къ Машѣ*). Вотъ вы, я думаю, къ картамъ совершенно равнодушны?

Маша.

Да-съ, я не играю въ карты...

Фонкъ.

Это понятно. Въ ваши лѣта другія мысли въ головѣ... А ваша почтенная тетушка играетъ?

Маша (*немного обращаясь къ Пряжкиной*).

Играетъ-съ.

Фонкъ (*Пряжкиной*).

Въ преферансъ?

Пряжкина.

Въ свои козыри-съ.

Фонкъ.

А! я этой игры не знаю... Но вообще дамы имѣютъ у насъ право жаловаться на карты...

Маша (*невинно*).

Почему же?

Фонкъ.

Какъ почему же? Вашъ вопросъ меня удивляетъ.

Вилицкій.

Въ самомъ дѣлѣ, Марья Васильевна... (*Маша страшно конфузится*).

Стратилатъ (*выходя изъ передней, громогласно*).

Кушанье готово!

Мошкинъ.

А, слава Богу! (*Всѣ встаютъ*). Милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ. Маша, дай руку Родіону Карлычу. Петруша, возьми Катерину Савишну. (*Шпуньдику*). А мы, братъ, съ тобой. (*Беретъ его подъ руку*). Вотъ такъ. (*Всѣ идутъ въ переднюю. Мошкинъ и Шпуньдикъ позади всѣхъ*). Вотъ, скоро мы на свадьбу такъ отправимся, Филиппъ... Да что ты это носъ на квинту повѣсилъ?

Шпуньдикъ (*со вздохомъ*).

Ничего, братъ, теперь полегчило... А только, я вижу, въ Петербургѣ—это не то, что у насъ. Нѣ-ѣтъ. Какъ озадачилъ меня!..

Мошкинъ.

Э, братъ, это все пустяки. Вотъ, постой-ка, мы бутылку шампанскаго разопьемъ за здоровье обрученныхъ — вотъ это лучше будетъ. Пойдемъ, дружище! (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ довольно бѣдную комнату молодого холостого чиновника. Прямо дверь; направо другая. Столъ, диванъ, нѣсколько стульевъ, книги на полочкѣ, чубуки по угламъ, комодъ. Вилицкій сидитъ, одѣтый, на стулѣ и держитъ на колѣняхъ раскрытую книгу.

Вилицкій (*помолчавъ немного*).

Митька!

Митька (*выходя изъ передней*).

Чего изволите-съ?

Вилицкій (*поглядѣвъ на него*).

Трубку. (*Митька идетъ въ уголъ и набиваетъ трубку*). Отъ Родіона Карлыча сегодня записки не приносили?

Митька.

Никакъ нѣтъ-съ. (*Подаетъ Вилицкому трубку и спичку*).

Вилицкій (*раскуривая трубку*).

Да!.. Михайло Иванычъ, можетъ-быть, сегодня зайдетъ—такъ ты... опять ему скажешь, что меня дома нѣтъ. Слышишь?

Митька.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Вилицкій (*нѣкоторое время куритъ трубку и вдругъ встаетъ*).

Это должно, однакожъ, чѣмъ-нибудь кончиться! Это невыносимо! это рѣшительно невыносимо! (*Ходитъ по комнатѣ*). Мое поведеніе, я знаю, непростительно грубо; вотъ уже пять дней, какъ я у нихъ не былъ... съ самаго того проклятаго обѣда... но что жъ мнѣ дѣлать, Боже мой!

Я не умѣю притворяться... Однако, это должно чѣмъ-нибудь кончиться. Нельзя же мнѣ все прятаться, по цѣлымъ днямъ сидѣть у знакомыхъ, ночевать у пихъ... Надо на что-нибудь рѣшиться, наконецъ! Что обо мнѣ въ департаментѣ подумаютъ? Это слабость непростительная, просто дѣтство! (*Подумавъ немного*). Митька!

Митька (*выходя изъ передней*).

Чего изволите?

Вилицкій.

Вѣдь ты, кажется, сказывалъ... Михайло Иванычъ вчера тоже заходилъ?

Митька (*закидывая руки за спину*).

Какъ же-съ! они съ самаго воскресенья каждый день изволили заходить-съ.

Вилицкій.

А!

Митька.

Въ воскресенье изволили даже въ большомъ безпокойствѣ прибѣжать-съ, здоровъ ли, дескать, твой баринъ, отчего его вчера у насъ не было?

Вилицкій.

Да, да, ты мнѣ сказывалъ. Что жъ? ты ему отвѣчалъ, что я...

Митька.

Я имъ доложилъ-съ, что васъ въ городѣ нѣту-съ... Дескать, уѣхали по дѣламъ.

Вилицкій.

Ну, а онъ что?

Митька.

Они-съ удивлялись, какія это, дескать, такія дѣла... и отчего это вы вдругъ такъ уѣхать изволили-съ, ни слова имъ не сказамши. Они, говорятъ, потомъ въ департаментѣ спрашивали-съ: тамъ не знаютъ, стало, дѣла не служебныя-съ. Очень изволили безпокоиться. Спрашивали даже, какъ вы изволили поѣхать-съ, то-есть, возокъ ли съ биржи взяли-съ, или ямщика наняли, много ли бѣлья съ собой изволили забрать-съ... Очень безпокоились.

Вилицкій.

Что жъ ты ему отвѣчалъ?

Митька.

Я, какъ вы изволили приказывать-съ: „не знаю, молъ, куда баринъ отправиться изволилъ, а только поѣхалъ онъ съ пріятелями: стало-быть, за городъ погулять. Съ часа на часъ, молъ, ожидаемъ". Они-съ подумали и ушли-съ— да вотъ съ тѣхъ поръ каждый день навѣдываться изволятъ. Третьяго дня даже два раза. Вчера они часа съ полтора у васъ въ кабинетѣ высидѣть изволили: васъ все поджидали; записку оставили-съ.

Вилицкій.

Да, я ее прочелъ... Ну, послушай: если сегодня Михайло Иванычъ придетъ, ты скажи ему, что я вернулся, и опять со двора выѣхалъ но что я у него сегодня непремѣнно буду... Слышишь?.. непремѣнно. Ступай; да вицмундиръ мнѣ приготовь.

Митька (*уходя, съ улыбкой*).

Даже дворника разспрашивать изволили-съ... Дескать, молъ, не знаешь ли, братецъ, куда Петръ Ильичъ уѣхалъ?

Вилицкій.

Что же дворникъ?

Митька.

Дворникъ сказалъ, что не знаетъ-съ, а что, кажется, вы, точно, не изволите дома ночевать-съ.

Вилицкій (*помолчавъ немного*).

Ну, ступай. (*Митька уходитъ. Вилицкій начинаетъ ходить по комнатѣ*). Что за ребячество! И что за глупая мысль — прятаться! Какъ будто это возможно!.. Теперь лгать придется, выдумывать... Старика не обманешь — все наружу выйдетъ. Эхъ, какъ это все скверно, скверно!.. (*Останавливается*). И что со мной сдѣлалось такое? Отчего у меня—просто морозъ по кожѣ подираетъ, какъ только я подумаю, что мнѣ надо, наконецъ, къ нимъ съѣздить? Вѣдь я, все-таки, женихъ: вѣдь я на-дняхъ женюсь... Притомъ, я Машу люблю... Я... да; я готовъ на ней жениться. Да и дѣло слажено... я далъ слово... ну, и, наконецъ, я вовсе не прочь... (*Пожимаетъ плечами*).

Удивительно! Этого я никакъ, признаться, не предвидѣлъ! (*Опять садится*). Но этотъ обѣдъ! этотъ обѣдъ! Вѣдь я этого обѣда не забуду. И что сдѣлалось съ Машей? Вѣдь она не глупа... разумѣется, не глупа. Ну, слова, просто слова не умѣла сказать! Ужъ Фонкъ и такъ, и сякъ, и съ той стороны, и съ другой—всячески. Нѣтъ, сидитъ, какъ каменная! „Да-съ, какъ же-съ, я очень рада“... Я все время за нее краснѣлъ. Фонку я теперь въ глаза смотрѣть не могу; ей-Богу! Мнѣ все кажется, что онъ какъ будто посмѣивается. Да и есть чему. Разумѣется, онъ, какъ человѣкъ деликатный, всего своего мнѣнія не выскажетъ... (*Небольшое молчаніе*). Робка она, дика... въ свѣтѣ никогда не жила... Конечно. Отъ кого жъ ей и было заимствовать... это... ну, эти манеры, наконецъ... не отъ Михайла же Иваныча, въ самомъ дѣлѣ!.. Притомъ, она такъ добра, такъ меня любитъ... Да и я ее люблю. (*Съ жаромъ*). Развѣ я говорю, что ея не люблю? только, вотъ... (*Опять небольшое молчаніе*). Я съ Фонкомъ согласенъ: воспитаніе—важная вещь, очень важная вещь. (*Беретъ книгу*). Однакожъ, надо къ нимъ пойти... Да; я сегодня къ нимъ отправлюсь... (*Бросаетъ книгу*). Ахъ, какъ это все нехорошо! (*Входитъ Митька*). Что тебѣ?

Митька (*подавая ему записку*).

Письмо-съ.

Вилицкій (*взглянувъ на подпись*).

А! Ну, хорошо; ступай. (*Митька выходитъ. Вилицкій быстро распечатываетъ письмо.*) Отъ Маши! (*Читаетъ про себя, и кончивъ, опускаетъ руки на колѣни.*) Что за преувеличенія такія? Къ чему это? (*Встаетъ и читаетъ вслухъ.*) „Вы меня не любите больше; это для меня теперь ясно“.—Сколько разъ это было писано?—„Пожалуйста, не стѣсняйтесь ничѣмъ; мы оба еще свободны. Я уже давно замѣтила въ васъ постепенное охлажденіе ко мнѣ“... А вотъ и неправда! „Хотя вы наружно не измѣнялись... по теперь вамъ, кажется, тяжело стало притворяться... Да и къ чему? Вы, говорятъ, уѣхали изъ Петербурга... Правда ли это? Видно, вы боитесь встрѣчаться со мной. Во всякомъ случаѣ, я бы желала съ вами объяс-

ниться... Преданная вамъ“ и прочее. „Когда вы вернетесь, вы найдете это письмо. Придите къ намъ, не для меня, а для бѣднаго старика, который съ ума сходилъ всѣ эти дни. Если я ошибаюсь, если я васъ напрасно огорчила— извините меня... Но ваше послѣднее посѣщеніе... До свиданія“. (*Съ нѣкоторымъ смущеніемъ.*) Ну, къ чему это, къ чему это? Что это такое? Какъ не стыдно, наконецъ... Вѣчныя недоразумѣнія... Хороша перспектива въ будущемъ! Ну, положимъ, я точно неправъ, не былъ у нихъ пять дней сряду; но зачѣмъ же сейчасъ выводить такія заключенія?.. И что за торжественный тонъ? (*Взглядываетъ опять на письмо и важно качаетъ головой.*) Во всемъ этомъ гораздо больше самолюбія, чѣмъ любви. Любовь не такъ выражается. (*Помолчавъ.*) Впрочемъ, я, точно, къ нимъ пойти долженъ — сегодня же. Я передъ Машей виноватъ, точно. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Я къ нимъ теперь же заѣду, передъ департаментомъ... Оно и кстати. Да, да, рѣшительно поѣду... (*Останавливается.*) Да; только сначала мнѣ ужасно будетъ неловко... Ну, дѣлать нечего! (*Въ передней раздается стукъ. Онъ прислушивается и прячетъ письмо въ карманъ. Митька входитъ.*)

Митька.

Господинъ Фонкъ пришли. Желаютъ васъ видѣть-съ. Съ ними господинъ какой-то-съ.

Вилицкій (*помолчавъ немного*).

Проси. (*Митька выходитъ. Входитъ Фонкъ и Созомэносъ. Вилицкій идетъ имъ навстрѣчу.*) Какъ я радъ...

Фонкъ (*пожимая ему руку*).

Петръ Ильичъ, позвольте васъ познакомить съ однимъ изъ моихъ пріятелей... (*Вилицкій и Созомэносъ кланяются другъ другу.*) Вы, можетъ-быть, слыхали... Г-нъ Созомэносъ...

Вилицкій.

Какъ же... я...

Фонкъ.

Увѣренъ, что вы оба другъ друга полюбите...

Вилицкій.

Я не сомнѣваюсь...

Фонкъ.

Занимается литературой, и съ большимъ успѣхомъ.

Вилицкій (*съ уваженіемъ*).

А-га!

Фонкъ.

Онъ еще ничего не печаталъ... но онъ мнѣ на-дняхъ прочелъ повѣсть... Прекрасно написанное сочиненіе! Особенно слогъ—превосходный!

Вилицкій (*Созомэносу*).

Какъ заглавіе, позвольте узнать?

Созомэносъ (*отрывисто; онъ вообще отрывисто говоритъ*).

„Благородство судіи на берегахъ Волги".

Вилицкій.

А!

Фонкъ.

Много чувства, теплоты; есть даже возвышенныя мѣста.

Вилицкій.

Мнѣ бы очень было лестно, если бъ г. Созомэносу угодно было прочесть также мнѣ свою повѣсть...

Фонкъ.

О, я думаю, онъ очень будетъ радъ... (*Взглядывая на Созомэноса.*) Господа авторы отъ этого рѣдко отказываются. (*Смѣется; Созомэносъ отвѣчаетъ ему внутреннимъ и хриплымъ смѣхомъ.*)

Вилицкій.

Садитесь, господа; да не угодно ли трубокъ? (*Онъ подаетъ имъ чубуки и табакъ. Фонкъ отказывается. Созомэносъ садится, медленно набиваетъ трубку и медленно озирается кругомъ.*)

Фонкъ (*Вилицкому, пока Созомэносъ набиваетъ трубку*).

И вообразите, какая странность! Господинъ Созомэносъ, до сихъ поръ, нисколько не подозрѣвалъ въ себѣ литературнаго таланта... а онъ, какъ видите, не первой молодости... Сколько вамъ лѣтъ, Алкивіадъ Мартынычъ?

Созомэносъ.

Тридцать-пять. А огоньку нельзя ли?

Вилицкій (*подавая ему спички со стола*).

Вотъ, вотъ.

Созомэносъ.

Спасибо. (*Закуриваетъ трубку.*)

Фонкъ (*Вилицкому*).

Притомъ же, онъ и происхожденія не-русскаго... Впрочемъ, онъ въ весьма раннихъ лѣтахъ покинулъ свое отечество, состоялъ въ разныхъ должностяхъ, служилъ большею частью въ провинціи; пріѣхалъ, наконецъ, въ Петербургъ съ намѣреніемъ посвятить себя изученію мыловаренной промышленности—и вдругъ началъ сочинять... что значитъ талантъ! (*Вилицкій съ участіемъ глядитъ на Созомэноса.*) Я, признаюсь, не слишкомъ большой охотникъ до современной словесности: нынче какъ-то странно пишутъ; притомъ, я, хотя почитаю себя совершенно русскимъ человѣкомъ и русскій языкъ признаю, такъ сказать, за свой родной языкъ, все же я, подобно Алкивіаду Мартынычу, не-русскаго происхожденія, и, слѣдовательно, не имѣю, такъ сказать, голоса...

Вилицкій.

О, помилуйте! Да вы, напротивъ, вы превосходно владѣете русскимъ языкомъ; я даже всегда удивляюсь чистотѣ, изяществу вашего слога... помилуйте...

Фонкъ (*скромно улыбаясь*).

Можетъ-быть... можетъ-быть...

Созомэносъ.

Первый знатокъ.

Фонкъ.

Ну, положимъ. Что, бишь, я хотѣлъ сказать!.. Да! я, точно, не большой охотникъ до современной словесности (*садится; Вилицкій садится тоже*), но очень люблю хорошій русскій слогъ, правильный и выразительный слогъ. Оттого-то меня такъ и обрадовала повѣсть г. Созомэноса... Я поспѣшилъ изъявить ему искреннее удовольствіе. Впрочемъ, печатать я ему ее не совѣтую, потому что, къ сожалѣнію, въ нынѣшнихъ критикахъ я очень мало вкуса замѣчаю.

Созомэносъ (*вынувъ трубку изо рта и уткнувшись прямо лицомъ*).

Эти всѣ критики просто ничего не смыслятъ.

Вилицкій.

Да; мудрено они что-то пишутъ.

Созомэносъ (*не перемѣняя положенія*).

Просто ничего.

Вилицкій (*Фонку*).

Все, что вы мнѣ сказали о г. Созомэносѣ, сильно возбуждаетъ мое любопытство, и я бы очень желалъ познакомиться съ его произведеніемъ...

Созомэносъ (*все въ томъ же положеніи и понизивъ голосъ*).

Ничего. (*Онъ опять вкладываетъ трубку въ ротъ.*)

Фонкъ.

Онъ вамъ на-дняхъ свою повѣсть принесетъ. (*Вставая и отводя немного Вилицкаго въ сторону.*) Вы видите, онъ довольно странный человѣкъ, что называется, чудакъ, но это-то мнѣ въ немъ и нравится. Всѣ настоящіе писатели большіе чудаки. Признаюсь, я очень радъ моему открытію. (*Съ важностью.*) *Che le brodeche.* (*Фонкъ выговариваетъ Je le protége на нѣмецкій ладъ.*) Ну, а вы что подѣлываете, любезный мой Петръ Ильичъ? Какъ ваши дѣла?

Вилицкій.

Да все такъ же.

Фонкъ.

Въ эти дни въ департаментъ не ходили?

Вилицкій.

Не ходилъ... (*Помолчавъ.*) Вы знаете, почему?

Фонкъ.

Гмъ! Ну, какъ же вы намѣрены теперь?..

Вилицкій.

Я вамъ скажу откровенно, Родіонъ Карлычъ... Я сегодня собирался съѣздить... туда...

Фонкъ.

И прекрасно сдѣлаете.

Вилицкій.

Вы понимаете, это не можетъ такъ остаться... Я даже стыжусь... Это, наконецъ, смѣшно. Притомъ, я самъ не совсѣмъ правъ... Мнѣ нужно объясниться, и я увѣренъ, все это уладится какъ нельзя лучше.

Фонкъ.

Конечно.

Вилицкій *(оглянувшись).*

Я признаюсь вамъ... Я бы очень желалъ поговорить съ вами...

Фонкъ.

Такъ что жъ? Что вамъ мѣшаетъ теперь?..

Вилицкій.

Я бы желалъ поговорить съ вами наединѣ... Дѣло довольно щекотливое...

Фонкъ *(понизивъ голосъ).*

Васъ, можетъ-быть, стѣсняетъ присутствіе г. Созомэноса... Помилуйте! Посмотрите на него. *(Указываетъ на Созомэноса, который погруженъ въ тупое опьяненіе и лишь изрѣдка выпускаетъ дымъ изо рта.)* Онъ и не замѣчаетъ насъ. У него воображеніе не то, что у насъ съ вами: онъ, можетъ-быть, теперь на Востокѣ, въ Америкѣ, Богъ знаетъ гдѣ. *(Беретъ Вилицкаго подъ руку и начинаетъ съ нимъ ходить по комнатѣ).* Говорите, что вы хотѣли мнѣ сказать?

Вилицкій *(нерѣшительно).*

Вотъ, видите ли, я, право, не знаю, съ чего начать... Вы такое мнѣ оказываете расположеніе. Ваши совѣты всегда такъ дѣльны, такъ умны...

Фонкъ.

Пожалуйста, безъ комплиментовъ.

Вилицкій *(вполголоса).*

Помогите мнѣ, ради Бога. Я нахожусь, какъ уже вы могли замѣтить изъ нашихъ послѣднихъ разговоровъ, въ весьма затруднительномъ положеніи... Вы знаете, я женюсь, Родіонъ Карлычъ; я собираюсь жениться... Я дало слово — и, какъ честный человѣкъ, намѣренъ свое слово сдержать... Я ни въ чемъ не могу упрекнуть свою невѣсту; никакой въ ней перемѣны не произошло... Я ее люблю—и между тѣмъ... Вы не повѣрите, одна мысль о близкой моей свадьбѣ такое на меня производитъ впечатлѣніе, такое... что я иногда самого себя спрашиваю: имѣю ли я, въ теперешнемъ своемъ положеніи, право

принять руку моей невѣсты; не будетъ ли это, наконецъ, съ моей стороны обманъ? Что это такое, скажите? Боязнь ли потерять свою независимость, или другое какое чувство?.. Я въ большомъ затрудненіи, признаюсь.

Фонкъ.

Послушайте, Петръ Ильичъ... Вы позволите мнѣ изложить вамъ мое мнѣніе съ совершенной откровенностью?

Вилицкій.

Сдѣлайте одолженіе! сдѣлайте одолженіе! *(Останавливаясь и оглядываясь на Созомэноса).* Но, право... мнѣ совѣстно передъ господиномъ... А! да онъ, кажется, спитъ!

Фонкъ.

Неужели?.. Въ самомъ дѣлѣ! *(Подходитъ къ Созомэносу, который заснулъ, свѣсивъ голову на грудь, и въ продолженіе всего слѣдующаго разговора только изрѣдка вздрагиваетъ и, какъ говорится, «удитъ рыбу»).* — Ахъ, да это очень забавно! *(Про себя).* Eine allerliebste Geschichte! *(Громко).* Это съ нимъ довольно часто случается... Что за чудаки эти господа сочинители! *(Нагибаясь къ нему).* Спитъ, какъ моська! Но мнѣ, право, это очень нравится. Это очень оригинально—а?

Вилицкій.

Да-а.

Фонкъ.

Ну, вотъ, стало-быть, вамъ теперь и нечего безпокоиться. *(Оба обращаются на авансцену).* И такъ, послушайте, любезный мой Петръ Ильичъ... Вы желаете знать мое мнѣніе насчетъ вашего брака... не правда ли? *(Вилицкій киваетъ головой).* Этотъ вопросъ весьма деликатный. Я начну съ того... *(Останавливается).* Вотъ, видите ли, Петръ Ильичъ, по-моему, человѣку, особенно въ наше время, невозможно жить безъ правилъ. По крайней мѣрѣ, я, съ самой моей молодости, предписалъ себѣ нѣкоторые, такъ сказать, законы, отъ которыхъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступаю. Одно изъ моихъ главныхъ правилъ слѣдующее: „человѣкъ никогда не долженъ себя ронять; человѣкъ долженъ чувствовать уваженіе къ самому себѣ, долженъ отдавать себѣ отчетъ во

всѣхъ своихъ поступкахъ". Теперь я перехожу къ вамъ. Вы, года два тому назадъ, познакомились съ г-мъ Мошкинымъ; г-нъ Мошкинъ неоднократно оказывалъ вамъ услуги, можетъ-быть, даже, весьма значительныя...

Вилицкій.

Да, да, я ему многимъ обязанъ, многимъ...

Фонкъ.

Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь; я не сомнѣваюсь также въ вашей благодарности... Благородство вашихъ мыслей мнѣ слишкомъ извѣстно... Но тутъ представляется вопросъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе. Господинъ Мошкинъ, конечно, достойнѣйшій человѣкъ; но, скажите сами, любезный мой Петръ Ильичъ, вы и онъ, принадлежите ли вы одному и тому же обществу?

Вилицкій.

Я такъ же бѣденъ, какъ онъ; я еще бѣднѣе его.

Фонкъ.

Дѣло не въ богатствѣ, Петръ Ильичъ: я говорю объ образованности, о воспитаніи, объ образѣ жизни вообще... Вы извините мою откровенность...

Вилицкій.

Говорите, я васъ слушаю.

Фонкъ.

Теперь... теперь насчетъ вашей невѣсты. Скажите мнѣ, Петръ Ильичъ, вы ее любите?

Вилицкій.

Люблю. *(Помолчавъ немного).* Я ее люблю.

Фонкъ.

Вы въ нее влюблены? *(Вилицкій молчитъ).* Вотъ, видите ли, мой другъ, любовь... конечно... противъ любви говорить нечего: это огонь, это вихрь, это водоворотъ, что хотите, словомъ, феноменъ... съ любовью, точно, трудно справиться. Я, съ своей стороны, такъ думаю, что и тутъ разсудокъ не теряетъ своихъ правъ; но мое частное мнѣніе въ этомъ случаѣ не можетъ служить общимъ правиломъ. Если вы такъ сильно любите вашу невѣсту, то намъ нечего и разговаривать съ вами; всѣ

наши слова будутъ, такъ сказать, совершенно напрасны. Но мнѣ, напротивъ, кажется, что вы начинаете колебаться, вы въ недоумѣніи; вы, наконецъ, сомнѣваетесь въ собственныхъ чувствахъ,—а это очень важный пунктъ. Во всякомъ случаѣ, вы теперь въ состояніи, какъ говорится, принять совѣты дружбы. *(Беретъ Вилицкаго за руку).* Послушайте, бросимте холодный взглядъ на ваши отношенія къ Марьѣ Васильевнѣ. *(Вилицкій взглядываетъ на Фонка).* Ваша невѣста очень любезная, очень милая дѣвица, безспорно... *(Вилицкій опускаетъ глаза).* Но, вы знаете, самый лучшій алмазъ требуетъ нѣкоторой отдѣлки. *(Вилицкій быстро оглядывается на Созомэноса).* Не безпокойтесь, онъ спитъ. Не въ томъ вопросъ, Петръ Ильичъ, любите ли вы теперь вашу невѣсту или нѣтъ, а въ томъ, будете ли вы съ нею счастливы? У образованнаго человѣка есть потребности, которымъ супруга иногда не сочувствуетъ; его занимаютъ вопросы, которые ей недоступны... Повѣрьте, Петръ Ильичъ, равенство необходимо въ супружествѣ... то-есть, позвольте, я объясню́сь. Я нисколько не допускаю того ложнаго равенства мужа и жены, о которомъ толкуютъ иные сумасброды... Нѣтъ, жена должна слѣпо повиноваться мужу... слѣпо... Вы понимаете, я говорю о другомъ равенствѣ.

Вилицкій.

Все это такъ... и я во всемъ съ вами согласенъ. Но послушайте, Родіонъ Карлычъ, поставьте вы себя тоже на мое мѣсто. Какъ вы хотите, чтобъ я теперь отъ своего слова отступился? Помилуйте! Вѣдь я своимъ отказомъ убью Марью Васильевну... Вѣдь она, какъ дитя, отдалась мнѣ въ руки. Я, вѣдь, можно сказать, ее вывелъ на свѣтъ; я ее отыскалъ, я навязался ей!.. я теперь долженъ идти до конца. Какъ вы хотите, чтобъ я сбросилъ эту отвѣтственность?.. Да вы первый будете меня презирать...

Фонкъ.

Позвольте, позвольте; я не намѣренъ оправдывать васъ вполнѣ; но на ваши доводы еще можно возразить. По-моему, обязанности бываютъ двоякаго рода: обязанности

передъ другими и обязанности передъ самимъ собою. Какое вы имѣете право вредить себѣ, портить собственную жизнь? Вы молоды, во цвѣтѣ лѣтъ, какъ говорится; вы на виду; вамъ предстоитъ, можетъ-быть, блестящая карьера... Зачѣмъ же вы хотите бросить дѣло, такъ хорошо начатое вами?

Вилицкій.

Отчего же бросить, Родіонъ Карлычъ? Развѣ я не могу продолжать службу и...

Фонкъ.

Конечно, вы можете, женившись, продолжать службу— спора нѣтъ; да вотъ что, Петръ Ильичъ: до всего можно дойти современемъ; но кто же не предпочтетъ кратчайшаго пути? Трудолюбіе, усердіе, аккуратность — все это не остается безъ награды, точно; блестящія способности также весьма полезны въ чиновникѣ: онѣ обращаютъ на него вниманіе начальства; но связи, Петръ Ильичъ, связи, хорошія знакомства—чрезвычайно важная вещь въ свѣтѣ. Я вамъ уже сообщилъ мое правило насчетъ избѣжанія близкихъ сношеній съ людьми низшаго круга; изъ этого правила естественно вытекаетъ другое, а именно: старайтесь, какъ можно болѣе, знакомиться съ людьми высшими. И это даже не слишкомъ затруднительно. Въ обществѣ, Петръ Ильичъ, всегда готовы принять чиновника дѣятельнаго, скромнаго, съ образованіемъ, а будучи однажды принятъ въ хорошемъ обществѣ, онъ современемъ можетъ заключить выгодную партію, особенно, когда онъ одинокъ и не имѣетъ никакихъ неумѣстныхъ семейныхъ связей.

Вилицкій.

Я съ вами совершенно согласенъ, Родіонъ Карлычъ; но я не честолюбивъ; я самъ боюсь большого свѣта и готовъ весь вѣкъ прожить въ домашнемъ кружку... Къ тому жъ, я не признаю въ себѣ никакихъ блестящихъ способностей, а усердіе въ чиновникѣ, какъ вы сами говорите, не остается безъ награды... Меня другія мысли смущаютъ. Мнѣ все кажется, что на мнѣ лежитъ нравственная обязанность... Скажу болѣе, я не могу подумать

объ окончательной размолвкѣ съ своей невѣстой безъ нѣкотораго ужаса, а между тѣмъ, и бракъ меня пугаетъ... такъ что я совершенно не знаю, на что рѣшиться.

Фонкъ *(съ важностью).*

Я понимаю состояніе вашего духа. Оно не такъ странно, какъ вы думаете. Это, вотъ, видите ли, Петръ Ильичъ, это переходъ; это переходное, такъ сказать, состояніе, кризисъ. Поймите меня — кризисъ. Если бъ вы могли теперь удалиться отсюда, хоть на мѣсяцъ, я увѣренъ, вы бы вернулись совершенно другимъ человѣкомъ. И потомъ призовите на помощь всю силу вашего характера— и рѣшитесь!

Вилицкій *(взглядывая на Фонка).*

Вы думаете? Но Маша, Родіонъ Карлычъ, Маша? Совѣсть меня замучитъ.

Фонкъ.

Это, конечно, очень непріятно. Я вполнѣ вамъ сочувствую. Но что дѣлать?

Вилицкій.

Я гнусный, гнусный человѣкъ!

Фонкъ *(строго).*

Къ чему такія слова? Это, позвольте вамъ замѣтить, это ребячество... Вы извините меня... Но искреннее участіе, которое я въ васъ принимаю... *(Вилицкій жметъ ему руку).* Конечно, Марьѣ Васильевнѣ будетъ сначала очень тяжело; можетъ-быть, даже, ея горесть не скоро разсѣется; но будемъ разсуждать хладнокровно. Вы совсѣмъ не такъ виноваты, какъ вы думаете. А ваша невѣста, съ своей стороны, вамъ должна быть даже благодарна... Вы протянули ей, такъ сказать, руку, вы первый вывели ее изъ мрака тьмы, вы разбудили ея дремлющія способности, вы, наконецъ, начали ея образованіе... Но вы пошли далѣе. Вы возбудили въ ней надежды—несбыточныя; вы ее обманули, положимъ; но вы сами обманулись... Вѣдь вы, повторяю, не притворялись влюбленнымъ, не обманывали ея съ намѣреніемъ?

Вилицкій *(съ жаромъ).*

Никогда, никогда!

Фонкъ.

Такъ изъ чего же вы такъ волнуетесь? Зачѣмъ упрекаете себя? Повѣрьте, мой любезный Петръ Ильичъ, вы до сихъ поръ, кромѣ добра, ничего не сдѣлали Марьѣ Васильевнѣ!..

Вилицкій.

Боже мой, Боже мой! на что рѣшиться? (*Фонкъ молча глядитъ на него*). Вы должны презирать меня...

Фонкъ.

Напротивъ, я объ васъ сожалѣю.

Вилицкій.

Но увѣряю васъ, Родіонъ Карлычъ, я еще найду въ себѣ довольно силы, чтобъ выйти изъ этого положенія... Я вамъ душевно благодаренъ за всѣ ваши совѣты... Я не думаю, чтобъ я совершенно былъ съ вами согласенъ; всѣхъ вашихъ заключеній я принять не могу... Я пока еще не вижу никакой необходимости перемѣнить свое рѣшеніе; но...

Фонкъ.

Я нисколько этого не требовалъ, Петръ Ильичъ... Обдумайте ваше положеніе сами...

Вилицкій.

Конечно, конечно... Я несказанно благодаренъ...

Фонкъ.

Мое дѣло, вы понимаете, здѣсь постороннее.

Вилицкій.

Ради Бога, Фонкъ, не говорите этого... (*Митька входитъ изъ передней*). Кто это? А! ты? Чего тебѣ надобно? (*Митька посмѣивается*). Что такое?

Митька.

Госпожа какая-то васъ спрашиваютъ-съ.

Вилицкій.

Кто?

Митька (*опять ухмыляясь*).

Госпожа-съ. Дама-съ. Васъ однѣхъ желаютъ видѣть-съ.

Вилицкій (*съ волненіемъ поглядываетъ на Фонка и опять обращается къ Митькѣ*).

Зачѣмъ же ты не сказалъ ей, что меня дома нѣтъ? (*Митька ухмыляется*). Гдѣ эта дама?

Митька.

Въ передней-съ.

Фонкъ (*понизивъ голосъ*).

Да неужели жъ вы станете съ нами церемониться? Мы съ нимъ (*указывая на Созомэноса*) уйти можемъ. (*Будитъ его*). Алкивіадъ Мартынычъ, проснитесь. (*Созомэносъ мычитъ*). Проснитесь. (*Созомэносъ открываетъ глаза*). Какъ можно этакъ спать?

Созомэносъ.

А я, точно, кажется, вздремнулъ.

Фонкъ.

Да, вздремнули. А теперь пойдемте. Пора. (*Созомэносъ медленно поднимается*).

Вилицкій (*который все время стоялъ неподвижно, вдругъ торопливымъ голосомъ*).

Да зачѣмъ же, господа, зачѣмъ же вы уходите?

Фонкъ.

Какъ же...

Вилицкій.

Можетъ-быть, это такъ, ничего. Это такъ, кто-нибудь меня спрашиваетъ.

Созомэносъ (*громко*).

Мы, пожалуй, можемъ остаться.

Фонкъ (*Созомэносу*).

Тсссъ... Алкивіадъ Мартынычъ, поймите... Къ нимъ, вотъ, дама пришла...

Созомэносъ (*хрипло и выпуча глаза*).

Дама?

Вилицкій.

Да это ничего не значитъ... Я васъ увѣряю, это такъ. Это что-нибудь такое... Я не знаю... это ничего.

Созомэносъ (*такъ же хрипло*).

Молодая?

Вилицкій.

Я, право, не знаю... Да не хотите ли вы, господа, пройти ко мнѣ въ спальню, на минуточку, а то черезъ переднюю, можетъ-быть, знаете, неловко... На одну минуту.

Фонкъ.

Какъ угодно... но, пожалуйста, не церемоньтесь.

Вилицкій.

Нѣтъ, право, если вамъ не къ спѣху, если вы не собирались куда-нибудь, останьтесь, пожалуйста. Мы еще поболтаемъ.

Фонкъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. Пойдемте, Алкивіадъ Мартынычъ. (*Оба направляются къ двери направо*).

Созомэносъ (*на ходу, Фонку*).

Молодая? а?

Фонкъ (*съ улыбкой*).

Я не знаю... (*Оба входятъ въ спальню*).

Митька (*который все стоялъ, заложа руки за спину и посмѣиваясь*).

Такъ какъ-съ прикажете-съ?

Вилицкій.

Проси, разумѣется. (*Митька выходитъ. Вилицкій запираетъ дверь направо и возвращается на авансцену. Входитъ Маша, въ шляпкѣ подъ вуалемъ, и останавливается, не дойдя до середины комнаты. Вилицкій приближается къ ней*). Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю... (*Вдругъ вскрикиваетъ*). Марья Васильевна! (*Маша подходитъ нетвердыми шагами къ дивану, садится и поднимаетъ вуаль. Она очень блѣдна*). Вы!.. здѣсь, у меня!.. (*Въ теченіе всей слѣдующей сцены Вилицкій часто взглядываетъ на дверь спальни и говоритъ вполголоса*).

Маша (*слабо*).

Вы меня не ожидали, не правда ли?...

Вилицкій.

Могъ ли я подумать...

Маша.

Вы меня не ожидали... Не бойтесь, я скоро уйду... Вы одни?

Вилицкій.

Одинъ... но...

Маша.

Мнѣ кажется, я слышала голоса...

Вилицкій.

У меня были пріятели... они ушли...

Маша.

Я тоже сейчасъ уйду... Давно вы вернулись изъ-за города?

Вилицкій (*съ смущеніемъ*).

Марья Васильевна... я...

Маша (*взглянувъ на него*).

Стало-быть, это правда, правда... вы прятались... Боже мой! Не безпокойтесь... я не пришла сюда съ намѣреніемъ сдѣлать вамъ непріятность... (*Останавливается*).

Вилицкій.

Марья Васильевна, простите меня... Клянусь вамъ Богомъ, я сегодня собирался къ вамъ.

Маша.

Много чести... но я васъ не упрекаю... Я пришла только объясниться съ вами... Я сегодня написала къ вамъ письмо...

Вилицкій.

Успокойтесь, прошу васъ... вы такъ блѣдны... Здоровы ли вы?

Маша.

Я здорова... это ничего... я здорова, болѣе чѣмъ нужно. Я пришла...

Вилицкій (*садится съ ней рядомъ и перебиваетъ ее*).

Послушайте, Марья Васильевна, я виноватъ, кругомъ виноватъ передъ вами... простите меня. Ну, да, точно: я не выѣзжалъ изъ Петербурга... Я избѣгалъ встрѣчи съ вами. Отчего? спросите вы. Не знаю, ей-Богу. Я иногда... со мною иногда происходятъ непонятныя вещи.. глупыя мысли мнѣ лѣзутъ въ голову... я самъ на себя тогда не

похожъ... но у васъ тотчасъ рождаются такія подозрѣнія... Вы очень мнительны, Марья Васильевна.

Маша.

Я... мнительна, Вилицкій? Пять дней, цѣлыхъ пять дней...

Вилицкій.

Ну, да, да; виноватъ я, виноватъ; простите меня, будьте снисходительны...

Маша.

Не сказавши ни одного слова... (*Она готова заплакать*).

Вилицкій.

Ради Бога, успокойтесь... Это все пройдетъ. Все устроится къ лучшему... вы увидите.

Маша.

Нѣтъ, Вилицкій, это не пройдетъ. Одна любовь ваша прошла. Могла ли я думать, что за двѣ недѣли до свадьбы... Да какая свадьба! Какъ будто я могу вѣрить...

Вилицкій.

Послушайте, Марья Васильевна, намъ, точно, нужно съ вами переговорить; намъ нужно серьезно объясниться... разумѣется, не здѣсь и не теперь. Надобно прекратить всѣ эти недоразумѣнія...

Маша.

Прекратить? Они прекращены. Какъ будто я не чувствую, что вы меня больше не любите, что я вамъ наскучила, что я вамъ въ тягость? Я это очень хорошо чувствую, Петръ Ильичъ. Конечно, я васъ не стою: я не получила такого воспитанія... Но вы же сами, вы первый... вспомните, развѣ я напрашивалась на вашу дружбу? Я и теперь васъ объ одномъ прошу: не мучьте меня; скажите, что вы меня разлюбили, что между нами все кончено... и я, по крайней мѣрѣ, не буду больше въ неизвѣстности.

Вилицкій (*съ тоской*).

Да почему вы думаете...

Маша.

Почему? Еще бы я не замѣтила вашей холодности! Для

этого не нужно учености. Бывало, вы не отходили отъ меня, приносили мнѣ книжки, читали со мной... вы меня иногда... звали Машей... (*Понизивъ голосъ.*). Вы... даже... переставали говорить мнѣ „вы“, а теперь... Могла ли я не замѣтить этой перемѣны, скажите сами? Что мнѣ въ томъ, что вы мой женихъ, подарки мнѣ привозите?.. Ахъ, Вилицкій, вы меня не любите больше, вы меня не любите...

Вилицкій.

Маша, какъ вы можете это говорить?.. Конечно, я передъ вами виноватъ; но, повторяю вамъ, это все объяснится. Намъ надобно только переговорить съ вами, немножко переговорить. Я честный человѣкъ, Маша, вы это знаете; я никогда васъ не обманывалъ... вы мнѣ только напрасно раздираете сердце... Ну, да, я виноватъ... простите жъ меня...

Маша (*потупивъ голову*).

Вы меня не любите, вы меня не любите...

Вилицкій.

Опять! Это съ вашей стороны, право, жестоко. Вы очень хорошо знаете, что я васъ люблю. Взгляните на меня; неужели же вы не чувствуете?.. Успокойтесь, пожалуйста, и вернитесь домой... а сегодня вечеромъ...

Маша.

Какъ! вамъ хочется, чтобъ я ушла поскорѣй?

Вилицкій.

Къ чему это, Маша? Что за охота и себя мучить, и меня? Впрочемъ, я не имѣю права упрекать васъ: я виноватъ передъ вами и молчу. Но, право, послушайтесь меня...

Маша (*не поднимая головы*).

Чѣмъ могла я заслужить вашу холодность, Вилицкій, скажите?.. (*Понемногу начинаетъ плакать*). Конечно, я не получила такого воспитанія... Вашъ пріятель, должно-быть, надо мной много смѣялся... Богъ знаетъ, что онъ обо мнѣ вамъ наговорилъ... Я, вѣдь, знаю, вы его приводили для того, чтобы мнѣ экзаменъ сдѣлать... (*При словѣ:*

„*ихзаменъ*“ *Вилицкаго слегка коробитъ*). Но, по крайней мѣрѣ, я... (*Плачетъ*).

Вилицкій (*умоляющимъ голосомъ*).

Перестаньте, пожалуйста, перестаньте... Вѣдь это ничему не поможетъ... Вы только напрасно себя убиваете... какъ это можно!.. Перестаньте...

Маша (*сквозь слезы*).

Вы меня не любите!

Вилицкій.

А вы еще говорили, что хотите со мной объясниться... Вы теперь не въ состояніи ничего выслушать... Какъ же мы будемъ жить съ вами потомъ, если теперь, до свадьбы, вы уже такъ?.. (*Маша всхлипываетъ*). Маша, ради Бога... твои слезы мнѣ всю душу мутятъ... ради Бога, успокойся,—ты увидишь, все объяснится, все, повѣрь мнѣ... Мы должны помогать другъ другу; намъ обоимъ еще не такія затрудненія предстоятъ въ будущемъ.

Маша.

Вы меня не любите!..

Вилицкій (*съ легкой досадой*).

Полноте же, полноте, ради Бога... Неужели же вы потеряли всякую довѣренность ко мнѣ? Ну, я виноватъ; прости меня; смотри—я на колѣни сталъ передъ тобой... (*Онъ становится на колѣни*).

Маша (*сквозь слезы*).

Не надо, не надо...

Вилицкій (*нѣсколько рѣзко*).

Если вы меня любите — ради Бога, перестаньте... Вы и не подозрѣваете, въ какое вы меня ставите нелѣпое положеніе... (*Почти шопотомъ*). Ради Бога, Маша, уйди... Сегодня вечеромъ я непремѣнно, непремѣнно приду... (*Маша все плачетъ*). Перестаньте же, ради Бога!..

Маша (*сквозь слезы*).

Прощайте навсегда, Петръ Ильичъ... (*Она начинаетъ громко рыдать*).

Вилицкій (*вскакивая*).

О, это слишкомъ! Маша... Маша... (*Она все рыдаетъ*).

Маша! (*Она рыдаетъ. Съ досадой*). Да перестаньте же, наконецъ... Насъ могутъ услышать...

Маша (*отнимая вдругъ платокъ отъ лица*).

Какъ?

Вилицкій (*съ смущеніемъ и досадой указывая на дверь спальни*).

Тамъ... у меня пріятель.

Маша (*выпрямляясь*).

И вы мнѣ это не сейчасъ сказали?.. О! вы меня презираете! (*Бѣжитъ вонъ*).

Вилицкій (*устремляясь вслѣдъ за ней*).

Маша... погоди же, Маша... (*Онъ стоитъ нѣкоторое время неподвижно, схватываетъ себя молча за голову; потомъ, опомнившись, идетъ къ двери спальни, отворяетъ ее и говоритъ съ смущеніемъ и принужденно улыбаясь*). Господа, пожалуйте, теперь можно. (*Фонкъ и Созомэносъ входятъ. Фонкъ спокоенъ и равнодушенъ, какъ будто ничего не слыхалъ... Созомэносъ красенъ и пучится отъ сдержаннаго смѣха*). Пожалуйте...

Фонкъ.

Ваша посѣтительница ушла?

Вилицкій.

Да... (*Онъ украдкой поглядываетъ на обоихъ, какъ бы желая узнать, слышали ли они что-нибудь*). Она ушла. Вы меня извините... Я васъ, можетъ-быть, задержалъ...

Фонкъ.

Нисколько, помилуйте... (*Дѣлаетъ знаки Созомэносу, который готовъ лопнуть со смѣха*). Нисколько. А что, вы сами сегодня не выйдете со двора? Прекрасная погода.

Вилицкій.

Да; я въ департаментъ пойду... (*Фонкъ продолжаетъ дѣлать знаки Созомэносу*). А гдѣ вы сегодня вечеромъ?

Фонкъ.

Я сегодня собирался... (*Созомэносъ вдругъ прыскаетъ со смѣха*).

Вилицкій (*язвительно*).

Я вижу, господа, вы все слышали...

Созомэносъ (*сквозь хохотъ*).

Еще бы, еще бы...

Фонкъ (*строго Созомэносу*).

Алкивіадъ Мартынычъ, позвольте вамъ замѣтить, вашъ смѣхъ весьма неумѣстенъ... (*Созомэносъ давится, но продолжаетъ смѣяться. Фонкъ беретъ Вилицкаго подъ руку и отводитъ въ сторону*). Петръ Ильичъ, пожалуйста, не сердитесь на него... Всѣ эти сочинители — сумасшедшіе, и, по-настоящему, ихъ въ порядочные дома впускать нельзя: они понятія не имѣютъ о приличіи... Не будьте въ претензіи на меня, Петръ Ильичъ... Сдѣлайте одолженіе.

Вилицкій (*горько*).

Помилуйте, я нисколько не сержусь и не въ претензіи. Господинъ Созомэносъ совершенно правъ. Такая нелѣпая сцена... Я и не думаю сердиться... Помилуйте! (*Созомэносъ садится, охаетъ, отдыхаетъ и утираетъ слезы*).

Фонкъ (*обращаясь къ Созомэносу*).

Перестаньте же, наконецъ, Алкивіадъ Мартынычъ... (*Вилицкому, пожимая ему руку*). Вы можете быть увѣрены, что никто не узнаетъ...

Вилицкій.

Помилуйте, напротивъ; отчего же? Это презабавный анекдотъ.

Фонкъ (*съ упрекомъ*).

Петръ Ильичъ...

Вилицкій.

Нѣтъ, право...

Фонкъ.

Ну, хорошо, хорошо. Впрочемъ, во всемъ этомъ происшествіи ничего нѣтъ удивительнаго... Вы сами виноваты, позвольте вамъ сказать... Ваше отсутствіе... Я нахожу все это весьма естественнымъ. Оно даже съ нѣкоторой стороны похвально...

Вилицкій (*язвительно*).

Вы находите?

Фонкъ.

Конечно. Во всемъ этомъ видна большая привязанность...

Вилицкій.

О, безъ сомнѣнія!

Фонкъ (*помолчавъ*).

Вотъ вамъ и живой, такъ сказать, комментарій на мои слова... А, впрочемъ, будемте говорить о другомъ...

Вилицкій (*все такъ же горько*).

Да... будемте говорить о другомъ... О чемъ, бишь, будемъ мы говорить?

Фонкъ (*обращаясь къ Созомэносу*).

Ну, успокоились вы, наконецъ? (*Созомэносъ киваетъ головой*). Смотрите, не заспите теперь опять.

Созомэносъ.

Будто я все сплю?

Фонкъ.

Вы бы лучше намъ нѣсколько стиховъ прочитали... Я увѣренъ, что вы пишете стихи...

Созомэносъ.

До сихъ поръ не писалъ, а пожалуй, попробую.

Фонкъ.

Попробуйте, я вамъ совѣтую. (*Обращаясь къ Вилицкому*). Ахъ, да, кстати, слышали вы, наконецъ, Рубини?

Вилицкій.

Нѣтъ, я все собирался съѣздить въ театръ съ моей невѣстой. (*Громко усмѣхается*). Не знаю, когда удастся.

Фонкъ.

Я третьяго дня опять слышалъ его въ „Лучіи"... Онъ до слезъ меня тронулъ.

Вилицкій (*сквозь зубы*).

До слезъ, до слезъ...

Фонкъ.

Знаете ли что, Вилицкій? Вы очень строгій и взыскательный человѣкъ.

Вилицкій.

Я?

Фонкъ.

Да, вы.

Вилицкій (*громко*).

Напримѣръ?

Голосъ Митьки (*въ передней*).

Да нѣту ихъ дома-съ... нѣту-съ. Выѣхать изволили. (*Вилицкій умолкаетъ и слушаетъ. Фонкъ тоже*).

Голосъ Мошкина.

Въ такомъ случаѣ, я хочу записку ему оставить.

Голосъ Митьки.

Онѣ приказали вамъ сказать, что сегодня къ вамъ заѣдутъ-съ... а записку вы можете и здѣсь написать-съ.

Фонкъ (*обращаясь къ Вилицкому*).

Что такое? (*Вилицкій не отвѣчаетъ*).

Голосъ Мошкина.

Да отчего же ты не хочешь меня впустить?

Голосъ Митьки.

Нельзя-съ. Дверь заперта-съ. Они ключъ изволили унести.

Голосъ Мошкина.

А ты хотѣлъ въ комнату за чернильницей сходить?

Голосъ Митьки.

Да нельзя. Ей-Богу, нельзя-съ.

Голосъ Мошкина.

Митя, вѣдь баринъ твой дома... Я, вѣдь, знаю. Пусти.

Голосъ Митьки.

Никакъ нѣтъ-съ.

Голосъ Мошкина.

Полно, Митя, пусти. Твой баринъ не выѣзжалъ. Я въ овощной лавкѣ спрашивалъ и у дворника. (*Возвышая голосъ*). Петруша, Петруша, прикажи меня впустить. Я знаю, ты дома.

Вилицкій (*не смѣя взглянуть на Фонка и на Созомэноса, котораго опять начинаетъ смѣхъ разбирать, идетъ къ двери передней*).

Войдите, войдите, Михайло Иванычъ, сдѣлайте одолженіе... Ты съ ума сошелъ, что ли, Митька? (*Входятъ*

Мошкинъ и Митька. Мошкинъ чрезвычайно взволнованъ. При видѣ Фонка и Созомэноса, онъ начинаетъ раскланиваться на всѣ стороны. Вилицкій съ смущеніемъ пожимаетъ ему руку). Здравствуйте, Михайло Иванычъ, здравствуйте. Извините, пожалуйста... такое вышло недоразумѣніе... (*Митькѣ, который собирается говорить*). Ступай, ты.

Митька.

Да вы же сами...

Вилицкій.

Ступай, говорятъ. (*Митька выходитъ*).

Мошкинъ.

О, помилуй! что за бѣда! Напротивъ, ты меня извини... я, можетъ-быть, помѣшалъ... (*Опять кланяется Фонку и Созомэносу, которые ему отвѣчаютъ. Созомэносъ встаетъ со стула. Мошкинъ подходитъ къ Фонку*). Родіону Карлычу мое нижайшее... Я сначала не узналъ-было васъ... Знаете, этакъ, солнце... (*Вертитъ рукой на воздухѣ*). Какъ ваше здоровье?

Фонкъ.

Слава Богу; какъ ваше?

Мошкинъ.

Помаленьку-съ, покорнѣйше благодарю-съ. (*Еще разъ кланяется Фонку и улыбается*). Пріятнѣйшая сегодня погода-съ. (*Онъ въ видимомъ смущеніи. Тягостное молчаніе*).

Фонкъ (*Вилицкому*).

До свиданія, Петръ Ильичъ. (*Берется за шляпу*). Мы, вѣроятно, сегодня увидимся?

Мошкинъ (*Фонку*).

Я, надѣюсь, не помѣшалъ... Сдѣлайте одолженіе, если что-нибудь нужно, я могу и послѣ зайти... Я, вотъ, только желалъ взглянуть на Петра Ильича...

Фонкъ.

О, нѣтъ-съ... Мы и безъ того собирались уйти... Алкивіадъ Мартынычъ, пойдемте...

Вилицкій (*въ смущеніи*).

Такъ вы уходите?..

Фонкъ.

Да... но мы увидимся... Гдѣ вы обѣдаете?

Вилицкій.

Я не знаю... а что̀?

Фонкъ.

Если васъ гдѣ-нибудь не задержатъ, приходите ко мнѣ... часу въ пятомъ... А впрочемъ, прощайте. (*Мошкину*). Честь имѣю вамъ кланяться. (*Мошкинъ кланяется*).

Вилицкій.

Прощайте, Родіонъ Карлычъ... Алкивіадъ Мартынычъ... Гдѣ вы живете?

Созомэносъ.

Въ Гороховой, въ домѣ купчихи Жмухиной.

Вилицкій.

Я буду имѣть удовольствіе... (*Провожаетъ ихъ до передней. Они уходятъ; Вилицкій возвращается. Мошкинъ стоитъ неподвижно и не глядитъ на него. Вилицкій нерѣшительно къ нему подходитъ*). Я очень радъ васъ видѣть, Михайло Иванычъ.

Мошкинъ.

И я... и я... тоже очень радъ... Петруша, конечно... Я... того... я... (*Умолкаетъ*).

Вилицкій.

Я собирался сегодня къ вамъ, Михайло Иванычъ... мнѣ и такъ скоро нужно будетъ выйти... Да что̀ жъ вы не садитесь?

Мошкинъ (*все въ томъ же положеніи*).

Спасибо... все равно... Ну, какъ твое путешествіе за городъ?.. Ты здоровъ?..

Вилицкій (*поспѣшно*).

Хорошо, хорошо... слава Богу... Который-то часъ?

Мошкинъ.

Должно-быть, второй.

Вилицкій.

Второй уже?

Мошкинъ (*быстро оборачивается къ Вилицкому*).

Петруша... Петруша, что̀ съ тобой?

Вилицкій.

Со мной... Михайло Иванычъ?.. Ничего...

Мошкинъ (*подходя къ нему*).

За что ты на насъ сердишься, Петруша?

Вилицкій (*не глядя на него*).

Я?...

Мошкинъ.

Вѣдь я все знаю, Петруша; вѣдь ты изъ города не выѣзжалъ. Цѣлыхъ пять дней тебя у насъ не было... Ты отъ меня прятался... Петруша, что съ тобой, скажи? Или кто-нибудь изъ нашихъ тебя обидѣлъ?

Вилицкій.

Помилуйте... напротивъ...

Мошкинъ.

Такъ отчего же вдругъ такая перемѣна?

Вилицкій.

Я вамъ это... потомъ все объясню, Михайло Иванычъ...

Мошкинъ.

Мы люди простые, Петруша; но мы тебя любимъ отъ всей души; извини насъ, коли мы въ чемъ передъ тобой провинились. Мы все это время не знали, что и придумать, Петруша; духомъ пали, вовсе измучились. Вообрази самъ, каково было наше положеніе! Знакомые спрашиваютъ: а гдѣ же Петръ Ильичъ? Я хочу сказать: отлучился, молъ, изъ города, на короткое время, — а языкъ не слушается... что будешь дѣлать? Передъ свадьбой— вообрази. А Маша-то бѣдная! О себѣ я ужъ и не говорю. Вѣдь Маша... представь: вѣдь она твоя невѣста. Вѣдь у ней, у бѣдняжки, кромѣ тебя да меня, никого на свѣтѣ нѣтъ. И хоть бы какая была причина, а то вдругъ— словно ножомъ въ сердце пырнулъ.

Вилицкій.

Право, Михайло Иванычъ...

Мошкинъ.

Вѣдь я знаю, Петруша, она у тебя сейчасъ была... (*Вилицкій слегка вздрагиваетъ*). Сегодня поутру она вдругъ надѣваетъ шляпку; я спрашиваю — куда? А она мнѣ. словно полоумная: пустите, говорить, за покупками,

(*Уныло*). Ну, какія ужъ тутъ покупки, Петруша, самъ посуди! Я ничего; отпустилъ ее — да за ней... Глядь, а она по улицѣ бѣжитъ-бѣжитъ, сердечная, да прямо сюда... Я за уголъ, знаешь, вотъ, гдѣ штофная... Смотрю, этакъ черезъ четверть часика, выходитъ она отъ тебя, моя сиротка, лица на сердечной нѣтъ; сѣла, голубушка, на извозчика, опустила этакъ голову, да какъ заплачетъ... (*Останавливается и утираетъ глаза*). Жалости подобно, Петруша, право!

Вилицкій (*съ волненіемъ*).

Я виноватъ, Михайло Иванычъ, точно, виноватъ и передъ ней, и передъ вами... Простите меня.

Мошкинъ (*со вздохомъ*).

Ахъ, Петруша, Петруша! не ждалъ я этого отъ тебя!

Вилицкій.

Простите меня, Михайло Иванычъ... Я вамъ разскажу... Вы увидите—все это уладится. Это такъ. Я сегодня же буду у васъ и самъ все объясню. Простите меня.

Мошкинъ.

Ну, вотъ и прекрасно, Петруша; ну, и слава Богу. Я зналъ, что ты не въ состояніи насъ огорчить умышленно... Дай же мнѣ обнять тебя, душа моя! вѣдь я цѣлыхъ пять дней тебя не видалъ... (*Обнимаетъ его*).

Вилицкій (*поспѣшно*).

Послушайте... Вы не подумайте, чтобъ я сказалъ что-нибудь Марьѣ Васильевнѣ непріятное... Напротивъ, я ее всячески старался успокоить... Но она была въ такомъ волненіи...

Мошкинъ.

Вѣрю тебѣ, Петруша... только ты вообрази себя на ея мѣстѣ... Петруша, вѣдь ты насъ не разлюбилъ?

Вилицкій.

Помилуйте, какъ вы можете думать...

Мошкинъ.

И ее тоже не разлюбилъ? Она такъ тебя любитъ, Петруша... Она умретъ, если ты ее бросишь.

Вилицкій.

Зачѣмъ вы это говорите, Михайло Иванычъ?..

Мошкинъ.

Ты представь, вѣдь она твоя невѣста... вѣдь ужъ и свадьба назначена... съ твоего же согласія...

Вилицкій.

Да развѣ кто свадьбу отмѣняетъ? Помилуйте!.. Я вѣдь люблю Марью Васильевну...

Мошкинъ.

Ну, и слава Богу! Ну, и слава Богу! Ну, стало-быть, это все ничего. Что-нибудь тебѣ такъ... не показалось... Но впередъ, Петруша, пожалуйста, лучше скажи, лучше просто выбрани; а этакъ, пять дней...

Вилицкій.

Не напоминайте мнѣ, пожалуйста, объ этомъ... Мнѣ и такъ совѣстно... Впередъ этого уже больше не будетъ— повѣрьте мнѣ.

Мошкинъ.

Ну, кончено, Петруша, кончено... Кто прошлое помянетъ, тому, ты знаешь...

Вилицкій (*не глядя на Мошкина*).

А я только, точно, Марьѣ Васильевнѣ говорилъ и теперь вамъ повторяю, что мнѣ нужно будетъ имѣть съ ней небольшое объясненіе... знаете, для того, чтобъ подобныя недоразумѣнія впередъ уже не повторялись...

Мошкинъ.

Да какія это недоразумѣнія? И что̀ такое значитъ „недоразумѣніе?“ Я вовсе не понимаю.

Вилицкій.

Мнѣ надобно съ Марьей Васильевной объясниться.

Мошкинъ.

Да кто жъ противъ этого спорить станетъ? Это твое право. Вѣдь она тебѣ жена, а ты ей есть мужъ и наставникъ; отъ кого жъ ей выслушивать наставленія, правила, такъ сказать, на путь жизни—какъ не отъ тебя? Вѣдь вѣкъ вмѣстѣ прожить—не поле перейти; надо правду другъ другу говорить. Ты ужъ безъ того много объ ней заботился, объ ея воспитаніи, то-есть, потому что она сирота, а я человѣкъ неученый. Это твое право, Петруша.

Вилицкій.

Вы меня не совсѣмъ понимаете, Михайло Иванычъ... а, впрочемъ, это все объяснится, вы увидите, въ весьма скоромъ времени—и все пойдетъ хорошо. (*Взглянувъ на него*). А вы даже въ лицѣ измѣнились, бѣдный мой Михайло Иванычъ... Какъ я виноватъ, какъ непростительно виноватъ передъ вами!

Мошкинъ.

Вона! Три года сряду ты меня радовалъ и утѣшалъ... разъ какъ-то опечалилъ, велика важность! Стоитъ говорить! А что касается до объясненія—я на тебя полагаюсь, ты, вѣдь, у меня уменъ... ты все къ лучшему устроишь. Только, пожалуйста, будь снисходителенъ. Машу, ты самъ знаешь, запугать ничего не стоитъ. А что она застѣнчива и сиротлива—ты на это не смотри; она не комъэль-фонтъ, положимъ; да не въ этомъ счастье жизни заключается, Петруша, повѣрь мнѣ; а въ нравственности, въ любви, въ добротѣ сердечной. У тебя, конечно, друзья ученые—ну, и разговоръ, конечно, этакой, все отвлеченный... а мы... мы только любить тебя умѣемъ отъ всего сердца... Въ этомъ, Петруша, съ нами ужъ никто не поспоритъ...

Вилицкій (*пожимая ему руку*).

Добрый, добрый Михайло Иванычъ... Чѣмъ я заслужилъ такое расположеніе? (*Мошкинъ улыбается и махаетъ рукой*). Право, не знаю, чѣмъ. (*Небольшое молчаніе*).

Мошкинъ.

Посмотри-ка мнѣ въ лицо... Ну, вотъ, это Петруша мой опять...

Вилицкій.

Какъ вы добры, какъ вы добры!.. (*Опять небольшое молчаніе*). Какая досада, мнѣ пора въ департаментъ.

Мошкинъ.

Въ департаментъ? Что жъ! Я тебя не удерживаю... А когда жъ ты къ намъ, Петруша?

Вилицкій.

Сегодня вечеромъ, Михайло Иванычъ, непремѣнно.

Мошкинъ.

Ну, хорошо. А что бы... Петруша... теперь...

Вилицкій.

Теперь, Михайло Иванычъ, мнѣ право нельзя. Митька!

Мошкинъ.

Ну, какъ знаешь! А ужъ какъ бы Маша-то была рада!..

Митька (*входя*).

Чего изволите-съ?

Вилицкій.

Форменный фракъ.

Митька.

Слушаю-съ. (*Выходитъ*).

Мошкинъ.

Вдругъ, послѣ всѣхъ этихъ слезъ и тревогъ... вообрази! А? Петруша?

Вилицкій.

Право, Михайло Иванычъ... Сегодня вечеромъ я непремѣнно, непремѣнно...

Мошкинъ (*со вздохомъ*).

Ну, хорошо.

Вилицкій.

Вѣдь я все это время въ департаментѣ даже не былъ... Вообразите вы себѣ... вѣдь это, наконецъ, замѣтить могутъ.

Мошкинъ.

Ну, на минуточку... передъ департаментомъ.

Вилицкій.

Мнѣ и то мочи нѣтъ какъ будетъ совѣстно... Вы, пожалуйста, этакъ, приготовьте Марью Васильевну... Скажите ей, чтобъ она меня простила...

Мошкинъ.

Вотъ еще, что выдумалъ! Нужны приготовленія—какъ же! просто, приведу тебя и скажу: вотъ онъ, нашъ бѣглецъ... а она тебѣ на шею бросится—вотъ и приготовленья всѣ... (*Митька входитъ съ фракомъ*). Надѣнь-ка фракъ—да поѣдемъ.

Вилицкій.

Ну, извольте, только на минуту... (*Надѣваетъ фракъ*).

Мошкинъ.

Да ужъ увидимъ тамъ... (*Митькѣ, подающему фракъ*). А! безстыжіе глаза! Вѣдь вишь, какой! (*Митька ухмыляется*). А впрочемъ, я хвалю: слуга долженъ барскую волю соблюдать. Ну, Петруша, спасибо тебѣ, воскресилъ ты всѣхъ насъ... Ѣдемъ!

Вилицкій.

Ѣдемъ. (*Уходя, Митькѣ*). Если господинъ Фонкъ опять зайдетъ, скажи ему, что я у него сегодня буду...

Мошкинъ.

Ну, это мы все тамъ увидимъ... Надѣвай шляпу—пойдемъ. (*Оба уходятъ*).

Митька (*остается, глядитъ имъ вслѣдъ и медленно идетъ на авансцену*).

Безстыжіе глаза! Ну, кто ихъ разберетъ! Вѣдь приказывали не пускать... А вотъ, я лучше сосну маленько, такъ оно и того... (*Заваливается на диванъ*). Вѣдь вотъ, что бы новый диванъ купить, а то у этого пружины больше не дѣйствуютъ. Да куда! ему не до того! Ужъ эти мнѣ ферлакуры!.. А впрочемъ, Господь съ ними!.. Это все вѣдь... Э-это... (*Глядя на свои высоко поднятыя ноги*). Хорошо шьетъ бестія Капитонъ! (*Засыпаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же декорація, какъ въ первомъ дѣйствіи. **Мошкинъ** въ архалукѣ, озабоченный и опечаленный, стоитъ у двери налѣво и прислушивается. Черезъ нѣсколько мгновеній на порогѣ показывается **Пряжкина.**

Мошкинъ (*почти шопотомъ*).

Ну, что?

Пряжкина (*такъ же*).

Заснула.

Мошкинъ.

И жара нѣтъ?

Пряжкина.

Теперь нѣтъ.

Мошкинъ.

Слава Богу! (*Молчаніе*). А знаете ли что̀, Катерина Савишна, все-таки не отходите отъ нея... что-нибудь, знаете, понадобится неравно.

Пряжкина.

Какъ же, батюшка, какъ же!.. Прикажите только самоварчикъ мнѣ поставить...

Мошкинъ.

Прикажу, матушка, прикажу. (*Пряжкина уходитъ. Мошкинъ медленно идетъ на авансцену, садится, глядитъ нѣсколько времени неподвижно на полъ, проводитъ рукой по лицу и кличетъ*). Стратилатъ!

Стратилатъ (*выходя изъ передней*).

Чего-съ?

Мошкинъ.

Самоваръ для Катерины Савишны поставь.

Стратилатъ.

Слушаю-съ. (*Хочетъ идти*).

Мошкинъ (*нерѣшительно*).

Никто не приходилъ?

Стратилатъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Мошкинъ.

И ничего... этакъ, не приносили?

Стратилатъ.

Ничего-съ.

Мошкинъ (*вздохнувъ*).

Ну, ступай. (*Стратилатъ уходитъ. Мошкинъ оглядывается, хочетъ встать и опять опускается въ кресло*). Боже мой, Боже мой, что̀ жъ это такое? Вдругъ опять, опять все рухнуло... Теперь ужъ дѣло-то ясно... (*Опускаетъ голову*). Какое средство, какое средство, наконецъ... (*Помолчавъ немного*). Никакого нѣтъ средства. Это все... (*Махаетъ рукой*). Само собой, развѣ какъ-нибудь... авось, этакъ, перемелется. (*Вздыхаетъ*). О, Господи, Боже! (*Изъ передней входитъ Шпуньдикъ. Мошкинъ оглядыва-*

вается). А, это ты, Филиппъ? Спасибо, что хоть ты не забываешь.

Шпуньдикъ (*жметъ ему руку*).

Вона! я развѣ вашъ братъ, столичная штука? (*Помолчавъ*). Ну, что̀, былъ?

Мошкинъ (*поглядѣвъ на него*).

Нѣтъ, не былъ.

Шпуньдикъ.

Гмъ! не былъ. Какая же причина?...

Мошкинъ.

Господь его знаетъ. Все извиняется — дескать, некогда...

Шпуньдикъ (*садясь*).

Некогда! Ну, а что̀ Марья Васильевна?

Мошкинъ.

Маша несовсѣмъ здорова. Всю ночь не спала. Теперь отдыхаетъ.

Шпуньдикъ (*качая головой*).

Эка, подумаешь... (*Вздохнувъ*). Да, да, да.

Мошкинъ.

Что̀ ты подѣлываешь?

Шпуньдикъ.

Хлопочу, братъ, по дѣламъ все. А только признаюсь тебѣ, Михайло Иванычъ, какъ погляжу я на вашу братью, на петербургскихъ—нѣ-ѣтъ, съ вами бѣда! Подальше отъ васъ. Нѣтъ, вы, господа, ой-ой-ой!

Мошкинъ (*не глядя на него*).

Да почему же ты... такъ?.. здѣсь тоже есть хорошіе люди.

Шпуньдикъ.

Я не спорю, можетъ-быть... а только съ вами держи ухо востро... (*Помолчавъ*). Такъ не былъ Петръ Ильичъ?

Мошкинъ (*вдругъ оборачиваясь къ нему*).

Филиппъ, что̀ мнѣ передъ тобой скрываться? Ты видишь во мнѣ совершенно убитаго человѣка.

Шпуньдикъ.

Помилуй Богъ!

Мошкинъ.

Совершенно, совершенно убитаго человѣка. И какъ неожиданно! Ты помнишь, Филиппъ, когда ты пріѣхалъ, всего двѣ недѣли назадъ... помнишь, какъ я тебя встрѣтилъ, какіе планы составлялъ, помнишь? А теперь... теперь все это рухнуло, братъ, все это провалилось сквозь землю, въ самую преисподнюю—ко дну, братъ, все пошло, и я сижу, какъ дуракъ, думаю, и ничего не придумаю.

Шпуньдикъ.

Да ты, можетъ-быть, преувеличиваешь, Миша...

Мошкинъ.

Какое преувеличиваю! Вѣдь ты почти каждый день здѣсь бываешь, ты можешь самъ разсудить. Ну, положимъ, послѣ того обѣда, помнишь, что-нибудь ему не понравилось, онъ не ходилъ—ну, повздорилъ, такъ, что-нибудь; положимъ. Я къ нему отправился, объяснился съ нимъ; ну, привелъ его сюда; Маша поплакала, простила его... хорошо. Ну, стало-быть, все ладно, не такъ ли? Правду сказать, онъ недолго у насъ тогда посидѣлъ—совѣстно ему было, что ли... только онъ опять ее увѣрялъ, этакъ, знаешь, какъ слѣдуетъ: все, дескать, попрежнему останется—ну, словомъ, какъ женихъ. Хорошо. На другой день пріѣзжаетъ, и гостинчикъ еще привезъ; повертѣлся съ минутку — глядь... ужъ и уѣхалъ. Говоритъ: дѣла. На слѣдующій день не былъ вовсе... потомъ опять пріѣхалъ, посидѣлъ всего часъ и почти все время молчалъ. Я, знаешь, о свадьбѣ, дескать, то-есть, какъ и когда... пора, молъ; онъ: да, да — и только; да вотъ съ тѣхъ поръ опять и пропалъ. Дома его никогда застать нельзя, на записки не отвѣчаетъ. Ну, самъ скажи, Филиппъ, что жъ это значитъ? Вѣдь это, наконецъ, слишкомъ ясно! Онъ, значитъ, отказывается. А? Онъ отказывается! Вообрази же ты себѣ теперь, въ какомъ я положеніи? Вѣдь отвѣтственность, можно сказать, вся на мнѣ лежитъ: я вѣдь эту кашу заварилъ... а она, конечно, сирота круглая; за нее некому заступиться. Да и какъ могъ я подумать, что Петруша... (*Останавливается*).

Шпуньдикъ (*съ глубокомысленнымъ видомъ*).

А знаешь ли, что̀ я тебѣ скажу, Михайло Ивапычъ?

Мошкинъ.

А что̀?

Шпуньдикъ.

Не зашалилъ ли ужъ онъ какъ-нибудь? Фоссъ-паркэ, какъ говорится. Вѣдь Петербургъ на это — городъ, чай, не послѣдній.

Мошкинъ (*помолчавъ*).

Нѣтъ, это не то. Не такой онъ человѣкъ, да и не такъ бы онъ поступалъ.

Шпуньдикъ.

А можетъ-быть, ему какая-нибудь другая дѣвица приглядѣлась? Пріятель его, этотъ важный-то, можетъ-быть, его познакомилъ съ какой-нибудь этакой особой...

Мошкинъ.

Это скорѣе. А впрочемъ, нѣтъ, все не то. Въ немъ какая-то перемѣна вдругъ произошла; я просто понять его не могу, словно кто его подмѣнилъ. И глядитъ-то онъ на меня не такъ, и смѣется не такъ, и говоритъ иначе, а Машу просто избѣгаетъ. Ахъ, Филиппъ, Филиппъ! тяжело мнѣ, вотъ какъ тяжело! Вѣдь что̀ ужасно, Филиппъ: подумаешь, давно ли?.. а теперь... И отчего же это̀? какъ это, какъ могло?..

Шпуньдикъ.

Да, да, Миша, оно, точно... того... не легко, какъ говорится. Только, все-таки, мнѣ кажется, ты напрасно ужъ такъ падаешь духомъ...

Мошкинъ.

Эхъ, Филиппъ, Филиппъ, вѣдь ты не знаешь... вѣдь я его какъ сына любилъ! Вѣдь я съ нимъ все дѣлилъ— все до послѣдняго. И вѣдь что̀ меня сокрушаетъ: хоть бы онъ сердился, знаешь—легче было бы мнѣ: скорѣе бы я надѣялся; а то, просто, равнодушіе оказываетъ, сожалѣніе даже... Вотъ что̀ убивственно, Филиппъ. Вѣдь вотъ, онъ и нейдетъ, и не придетъ, и завтра не придетъ, и мнѣ словно ужъ и странно думать, что онъ будто можетъ придти къ намъ.

Шпуньдикъ.

Да, братъ, да; не даромъ говорится въ стихахъ: „Такъ на свѣтѣ все превратно“. Да.

Мошкинъ.

Просто, хоть ложись, да умирай... (*Входитъ Пряжкина*). А! Катерина Савишна! Ну, что?

Пряжкина.

Ничего-съ, Михайло Иванычъ, ничего-съ; не извольте безпокоиться. (*Шпуньдикъ ей кланяется*). Здравствуйте, Филиппъ Егорычъ.

Шпуньдикъ.

Наше вамъ почтеніе, Катерина Савишна. Какъ вы въ своемъ здоровьѣ?

Пряжкина.

Слава Богу, батюшка, слава Богу. Какъ вы?

Шпуньдикъ.

Я тоже слава Богу. А Марья Васильевна какъ въ своемъ здоровьѣ?

Пряжкина.

Теперь получше-съ. А ночь совсѣмъ худо спала. (*Вздыхая нараспѣвъ*). Эхъ-и-эхъ. (*Мошкину*). А что жъ самоварчикъ, батюшка, изволили приказать?

Мошкинъ.

Приказалъ, какъ же, приказалъ... а онъ вамъ не принесъ? Стратилатка! (*Стратилатъ входитъ съ самоваромъ*). Что это ты?

Стратилатъ.

Только теперь закипѣлъ-съ. (*Несетъ самоваръ въ комнату Маши*).

Шпуньдикъ (*Пряжкиной*).

Вы, я воображаю, такъ и не отходите отъ Марьи Васильевны...

Пряжкина.

Какъ же-съ. Кому же объ ней и заботиться? Сами извольте разсудить.

Шпуньдикъ.

Вы, я увѣренъ, примѣрная родственница.

Пряжкина.

Много благодарна-съ, Филиппъ Егорычъ.

Мошкинъ.

Ну, хорошо, хорошо. (*Стратилатъ возвращается изъ комнаты Маши и подаетъ Мошкину письмо*). Отъ кого это?

Стратилатъ.

Не могу знать-съ.

Мошкинъ (*взглянувъ на подпись*).

Петрушина рука. (*Быстро распечатываетъ и читаетъ. Шпуньдикъ и Пряжкина со вниманіемъ глядятъ на него. Мошкинъ страшно блѣднѣетъ во время чтенія и, окончивъ письмо, падаетъ на кресло. Шпуньдикъ и Пряжкина хотятъ приблизиться къ нему, но онъ тотчасъ вскакиваетъ и говоритъ прерывающимся голосомъ*). Кто... это... кто тамъ... принесъ... кто... позови...

Стратилатъ.

Чего изволите-съ?

Мошкинъ.

Позови... кто принесъ... кто принесъ... (*Дѣлаетъ знаки руками Шпуньдику и Пряжкиной. Стратилатъ выходитъ и тотчасъ возвращается съ почталіономъ. У почталіона на головѣ киверъ*).

Почталіонъ.

Что̀ вамъ угодно-съ?

Мошкинъ.

Вы, мой любезный... Вы принесли это письмо... отъ господина Вилицкаго?

Почталіонъ.

Никакъ нѣтъ-съ... Съ почтой пришло-съ. Частныя письма намъ строжайше запрещено носить.

Мошкинъ.

Ахъ, да, точно, извините... Я, то-есть, думалъ... (*Онъ совершенно растерялся*).

Шпуньдикъ (*Мошкину.*)

Успокойся. Стратилатъ, поди, заплати ему. (*Стратилатъ и почталіонъ выходятъ*). Миша, опомнись...

Мошкинъ (*вдругъ останавливаясь*).

Все кончено, друзья мои! Все! Я пропалъ, Филиппъ, и мы всѣ пропали. Все кончено!

Шпуньдикъ.

Да что такое?

Мошкинъ (*развертывая письмо*).

А вотъ, послушай. И вы тоже, Катерина Савишна, послушайте. Онъ отказывается, друзья мои, онъ рѣшительно отказывается. Свадьбѣ ужъ не бывать, и вообще — все кончено, все провалилось, все, все совершенно! Вотъ, вотъ, что онъ мнѣ пишетъ. (*Шпуньдикъ и Пряжкина становятся по бокамъ Мошкина*). „Любезный мой Михайло Иванычъ, послѣ долгой и продолжительной бо... борьбы съ самимъ собою, я чувствую, что я долженъ, наконецъ, объясниться съ вами... откровенно (*взглядывая на Шпуньдика*)... откровенно. Повѣрьте, это рѣшеніе стоитъ мнѣ многаго, очень многаго. (*Мошкинъ выговариваетъ многаго, а не многова*). Я, видитъ Богъ, никакъ этого не могъ предвидѣть и желалъ бы избавить васъ отъ подобной непріятности... Малѣйшее замедленіе было бы теперь непростительно... Я и такъ слишкомъ долго колебался... Я не признаю себя способнымъ составить счастье Марьи Васильевны, и умоляю ее принять отъ меня обѣщаніе обратно“. Обратно. (*Къ Шпуньдику.*) Вотъ, посмотри—такъ, такъ и стоитъ. „Я не признаю себя“, вотъ посмотри. „Обратно“. Вотъ, посмотри. (*Шпуньдикъ глядитъ въ письмо. Мошкинъ продолжаетъ.*) „Я не смѣю даже просить у нея извиненія; чувствую, до какой степени я виноватъ передъ ней и передъ вами, и спѣшу объявить, что я не знаю дѣвицы болѣе достойной всякаго уваженія“... Слышите, слышите? „всякаго уваженія“. Слышите?—„Предвидя необходимость прекратить на нѣкоторое время наши сношенія, разстаюсь съ вами съ сокрушеннымъ сердцемъ“... А? а?—„Я не могу не сознаться, Михайло Иванычъ, что вы имѣете полное право считать меня неблагодарнымъ... (*Мошкинъ качаетъ головой.*) я не стану увѣрять васъ и вашу воспитанницу въ моей преданности, въ моемъ искреннемъ участіи; подобныя слова могутъ теперь, по справед-

ливости, возбудить ваше негодованіе, и потому я умолкаю... Будьте оба счастливы"... Счастливы, счастливы!.. Это онъ можетъ говорить — онъ, онъ!.. (*Мошкинъ закрываетъ лицо руками.*)

Шпуньдикъ.

Успокойся, Михайло Иванычъ; что жъ дѣлать? (*Помолчавъ.*) Ты, кажется, не дочиталъ...

Мошкинъ (*отрывая руки отъ лица*).

Да это вздоръ! Это быть не можетъ... Онъ, наконецъ, не имѣетъ права... Вотъ еще! Я къ нему сейчасъ отправлюсь... (*Начинаетъ быстро ходить по комнатѣ.*) Стратилатка! шапку мнѣ подай! шубу! сейчасъ! извозчика мнѣ—сію минуту!

Шпуньдикъ.

Куда ты, Михайло Иванычъ, куда ты, помилуй!

Мошкинъ.

Куда? Къ нему. Я ему покажу... я... я... А! ты, голублубчикъ, такъ-то? Ну, хорошо. Ну, хорошо. Къ отвѣту я его потребую. Къ отвѣту!

Шпуньдикъ.

Да какимъ образомъ ты его къ отвѣту потребуешь?

Мошкинъ.

Какимъ образомъ? Вотъ какимъ образомъ. Я ему скажу: милостивый государь, прошу отвѣчать мнѣ безъ обиняковъ. Марья Васильевна васъ чѣмъ-нибудь оскорбила? оскорбила она васъ чѣмъ-нибудь, милостивый государь? Поведеніемъ ея, что ли, вы недовольны, милостивый государь?

Шпуньдикъ.

Да онъ...

Мошкинъ.

Нѣтъ, отвѣчайте мнѣ, милостивый государь, отвѣчайте! Развѣ она не благовоспитанная дѣвица, милостивый государь? Развѣ она не съ правилами дѣвица, а? а? (*Наступаетъ на Шпуньдика.*)

Шпуньдикъ.

Конечно, конечно, да, вѣдь, онъ тебѣ...

Мошкинъ.

Какъ? Вы два года ѣздите къ намъ въ домъ, васъ принимаютъ, какъ родного, дѣлятся съ вами послѣдней копейкой, отдаютъ вамъ, наконецъ, по вашей неотступной просьбѣ, такое сокровище—свадьба уже назначена, а вы... о-о-о!.. Нѣтъ, извините! Это не можетъ такъ кончиться... Нѣтъ, нѣтъ... Шапку, Стратилатка! (*Стратилатъ входитъ.*) Вы вдругъ раздумали; взялъ перо—чёркъ, чёркъ, чёркъ — да и воображаете, что отдѣлались? Анъ, нѣтъ! Извините. Я вамъ покажу, милостивый государь, погодите; я вамъ не позволю насмѣхаться надъ нами. Еще въ концѣ приписываетъ: „долги я всѣ мои сполна заплачу". Да я гроша отъ него не хочу! Шапку мнѣ, что жъ не подаютъ? (*Стратилатъ подаетъ ему шапку; но онъ ея не беретъ и продолжаетъ ходить.*) Онъ это могъ... Петруша, ты это... (*Съ сердцемъ махая рукой*). Какой тутъ, къ чорту, Петруша! Межъ нами все кончено, все! Вишь онъ думаетъ, что за Машу некому заступиться, такъ и того — расходился. Что, дескать, за бѣда! Возьму, да и откажу. Анъ вотъ и ошибся... не на того наскочилъ, братъ. Да я, даромъ что старикъ, я его на дуэль вызову!

Пряжкина (*вскрикивая*).

Ахъ, батюшки мои!

Шпуньдикъ.

Что ты, Миша, что ты, что ты!

Мошкинъ.

А что жъ? ты думаешь, я и не сумѣю изъ пистолета-то выпалить? Не хуже другого! Да что жъ это, я шапку спрашиваю, спрашиваю, двадцать-четыре раза сряду шапку спрашиваю!

Стратилатъ.

Да вотъ она-съ... Я вамъ ее уже подавалъ-съ.

Мошкинъ (*вырывая у него шапку*).

Ну, и ты туда же. Шубу мнѣ! (*Стратилатъ бѣжитъ за шубой*). Я ему покажу, постой.

Шпуньдикъ.

Миша, да погоди, внемли голосу разсудка.

Мошкинъ.

Убирайся ты съ своимъ голосомъ и съ своимъ разсудкомъ!.. Человѣкъ, ты видишь, въ отчаяньи, просто остервенился, а ты ему разсудокъ суешь... Пропадай все заодно! (*Надѣвая шубу*). А не то, я на колѣни брошусь передъ нимъ: не встану, скажу, просто, на мѣстѣ умру, пока ты не возвратишь намъ своего слова. Сжалься, скажу, надъ несчастной сиротой; за что, скажу, за что зарѣзалъ? помилуй! А вы, друзья мои, побудьте здѣсь — побудьте здѣсь, отцы мои родные! Я вернусь, я скоро вернусь, такъ или сякъ, а ужъ вернусь... Только, ради Бога, чтобъ Маша не узнала какъ-нибудь безъ меня, ради Бога! А я сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ. Вы дождитесь меня.

Шпуньдикъ.

Мы съ удовольствіемъ, только, право...

Мошкинъ.

И не говори! Слушать ничего не хочу! А я вернусь, я сейчасъ вернусь. Умру, а вернусь... (*Убѣгаетъ. Шпуньдикъ и Стратилатъ стоятъ въ недоумѣніи; Пряжкина, охая, садится. Стратилатъ, переглядываясь съ Шпуньдикомъ, медленно уходятъ.*)

Пряжкина (*охая, задыхаясь и складывая руки*).

Ахъ, батюшки мои! Ахъ, родные! О-охъ! Согрѣшила я, окаянная! Чѣмъ это кончится, Боже мой, Боже мой милостивый! Ахъ, батюшки вы мои, голубчики вы мои! заступитесь за меня, сироту горемычную...

Шпуньдикъ (*подходя къ ней*).

Успокойтесь, Катерина Савишна, можетъ, Богъ дастъ, все еще уладится какъ-нибудь.

Пряжкина.

Ахъ, Филиппъ Егорычъ, голубчикъ вы мой, пропала моя головушка! Какое уладится, гдѣ ужъ тутъ? Вишь какая бѣда стряслась! Вотъ до чего пришлось дожить! Господи Іисусе Христе, помилуй меня, грѣшную...

Шпуньдикъ (*садясь подлѣ нея*).

Успокойтесь, право, успокойтесь. Этакъ вы себѣ повредить можете.

Пряжкина (*сморкаясь и приходя немного въ себя, плаксивымъ голосомъ*).

Ахъ, Филиппъ Егорычъ, да вы войдите въ мое положеніе... Вѣдь Маша-то мнѣ родная племянница, Филиппъ Егорычъ. Каково же мнѣ это переносить — вы это представьте. Ну, и Михайло Иванычъ, каково это мнѣ? Вѣдь съ нимъ Богъ знаетъ, что могутъ сдѣлать; каково жъ все это?

Шпуньдикъ.

Конечно, это все очень непріятно.

Пряжкина (*тѣмъ же плаксивымъ голосомъ*).

Ахъ, Филиппъ Егорычъ! Ужъ хуже этого быть ничего не можетъ, Филиппъ Егорычъ! голубчикъ вы мой! И вѣдь вотъ что я должна сказать: вѣдь я это все предвидѣла... все предвидѣла!

Шпуньдикъ.

Неужели?

Пряжкина (*все тѣмъ же голосомъ*).

Ка-акъ же, ка-акъ же! Да меня не слушались; не слушались, батюшка вы мой, Филиппъ Егорычъ. А я всегда говорила: не быть въ этой свадьбѣ проку, охъ, не быть проку, охъ, не быть... Только меня не слушались.

Шпуньдикъ.

Отчего же васъ не хотѣли слушать?

Пряжкина (*мгновенно перемѣняя голосъ*).

А Господь вѣдаетъ отчего, Филиппъ Егорычъ. Сталобыть, думали: человѣкъ старый-съ, все, небойсь, пустяки говоритъ-съ. А я вамъ скажу, Филиппъ Егорычъ, конечно, я человѣкъ простой, не изъ самаго перваго обчества; что говорить! а только мужъ у меня, царство ему небесное! до штабъ-офицерскаго чина дослужился, въ провіантахъ, батюшка, состоялъ; мы тоже, батюшка, съ хорошими людьми водились—отъ чужихъ всякое уваженіе получали; а свои, вотъ, въ грошъ меня теперь не ставятъ. Генеральша Бондоидина насъ къ себѣ принимала, Филиппъ Егорычъ, и въ особенности меня очень, можно сказать, жаловала. Бывало, я одна съ ней, этакъ, сижу

въ ея спальнѣ, а она мнѣ говоритъ: удивляюсь, молъ, вамъ, говоритъ, Катерина Савишна, какой у васъ во всемъ скусъ. А Бондоидина, генеральша, съ первыми господами зналась. Я, говоритъ, съ вами очень пріятно время провожу. И чаю мнѣ подать велитъ — ей-Богу-съ. Что̀ мнѣ лгать? А родная, вотъ, племянница меня слушать не хочетъ! Зато теперь, вотъ, и плачется. Да ужъ поздно.

Шпуньдикъ.

Ну, можетъ-быть, еще не поздно.

Пряжкина.

Какъ не поздно, Филиппъ Егорычъ? Помилуйте! что̀ вы это говорите? Разумѣется, поздно. Этого ужъ нельзя вернуть, извините. Ужъ это кончено. Что̀ вы, помилуйте!

Шпуньдикъ.

Можетъ-быть, можетъ-быть. Но, Катерина Савишна, скажите мнѣ на милость—я вижу, вы женщина разсудительная,—отчего это молодые люди нашего брата старика никогда слушаться не хотятъ? Вѣдь мы имъ же добра желаемъ. Отчего бы это, а?

Пряжкина.

А по причинѣ вѣтренности, Филиппъ Егорычъ. Бондоидина, генеральша, мнѣ не разъ объ этомъ говорила. Охъ, бывало, говоритъ, Катерина Савишна, какъ погляжу я на нынѣшнюю молодежь — ну! просто, руки растопыришь, и только! Вѣдь я что̀ моей племянницѣ говорила: „не выйдешь ты за него замужъ, я ей говорила: вишь, онъ какой бойкій, да и человѣкъ онъ такой опасливый; не туда глядитъ... охъ, не туда!“ А она мнѣ: „тетенька, оставьте“. Ну, какъ хочешь, голубушка моя. Вотъ тебѣ и оставьте! Вѣдь и у меня была дочка, Филиппъ Егорычъ. Какъ же, какъ же! И красавица же была; такихъ теперь что-то ужъ не видать, батюшка вы мой, право-слово не видать. Брови, носъ—просто удивленье; а ужъ глаза... и сказать нельзя, что̀ за глаза такіе были. Съ лукошко, батюшка! Такъ, вотъ, бывало, она и мечетъ ими, такъ, вотъ, и мечетъ, такъ, вотъ, и мечетъ. Что̀ жъ, вѣдь я ее замужъ выдала; и такъ, батюшка, хорошо выдала, за хорошаго

человѣка, за ахтихтехтора. Ну, виномъ онъ, точно, зашибалъ, да за кѣмъ не водится грѣха? Вотъ, я посмотрю, какъ Михайло Иванычъ Машу-то теперь пристроитъ? Насидится она въ дѣвкахъ, мать моя!

Шпуньдикъ.

Ну, и ваша дочь довольна своимъ мужемъ, счастлива?

Пряжкина.

Охъ, Филиппъ Егорычъ, не говорите мнѣ объ ней! Она въ прошломъ году умерла, мой батюшка; да я ужъ и передъ смертью года за три отъ нея отступилась.

Шпуньдикъ.

За что̀ же это?

Пряжкина.

Да, батюшка мой, неуважительная такая была: за пьяницу, говоритъ, мать выдала меня; говоритъ, не зарабатываетъ мой мужъ ничего, да еще бранится... Вѣдь вотъ, право, какъ тутъ угодить прикажешь? Велика бѣда: человѣкъ пьетъ! Какой же мужчина не пьетъ? Мой покойникъ, бывало, иногда такъ, съ позволенія сказать, нахлещется, что ахти мнѣ—я его, все-таки уважала. Денегъ у нихъ не было; конечно, это непріятно; но бѣдность не порокъ. А что онъ ее бранилъ, такъ, стало-быть, она заслуживала; а по моему простому разумѣнію, вѣдь мужъ—глава; кто жъ ему учить не велитъ, Филиппъ Егорычъ, посудите сами. А жена развѣ на то жена, чтобъ великатиться?

Шпуньдикъ.

Я съ вами согласенъ.

Пряжкина.

Но я ее простила: она ужъ умерла... Что̀ жъ? Царство ей небесное! Теперь она сама, чай, раскаивается. Богъ съ ней! А я человѣкъ незлобивый. Куда мнѣ! Нѣтъ, батюшка; мнѣ только вѣкъ-то дожить какъ-нибудь.

Шпуньдикъ.

Что̀ вы такое говорите, Катерина Савишна!.. Вы еще не такъ стары...

Пряжкина.

И-и-и, помилуйте, батюшка! Конечно, Бондоидина, ге-

неральша, мнѣ ровесница была, а ужъ на лицо гораздо постарше казалась. Даже мнѣ удивлялась. (*Прислушиваясь*). Ахти, кажись, Маша... нѣтъ. Нѣтъ; это ничего. Это у меня въ ушахъ шумитъ. У меня завсегда передъ обѣдомъ въ ушахъ шумитъ, Филиппъ Егорычъ, а не то вдругъ подъ ложечку подопретъ, такъ подопретъ, даже духъ захватитъ. Отчего бы это, батюшка? Мнѣ одна знакомая лѣкарка совѣтуетъ конопляным масломъ на ночь животъ растирать, какъ вы думаете? А лѣкарка она хорошая, даромъ что арапка. Черна, представьте, какъ голенище, а рука прелегкая-легкая...

Шпуньдикъ.

Отчего же? Попробуйте. Иногда, знаете, средства, такъ сказать, простыя, удивительно помогаютъ. Я вотъ своихъ ближнихъ лѣчу. Вдругъ, этакъ, знаете, въ голову придетъ: сѣмъ, попробую, напримѣръ, это средство. И что̀ жъ? глядишь, помогло. Я старосту своего отъ водяной дегтемъ вылѣчилъ: мажь, говорю, и только. И вылѣчилъ, вообразите вы себѣ!

Пряжкина.

Да, да, да; это бываетъ-съ; а все Богъ, все Богъ. Во всемъ Его святая воля.

Шпуньдикъ.

Ну, конечно, я воображаю, здѣсь доктора, все первые ученые, нѣмцы, самые лучшіе. А мы, степнячки, въ глуши, такъ сказать, прозябаемъ; намъ за докторами не посылать-стать: мы по простотѣ живемъ, конечно.

Пряжкина.

Да оно и лучше, по простотѣ-то, Филиппъ Егорычъ; а въ этихъ докторахъ, въ этихъ ученыхъ мало толку, батюшка вы мой. Вотъ, не хуже Петра Ильича. А кто виноватъ? Сами мы виноваты. Вѣдь вотъ, напримѣръ, хоть бы Михайло Иванычъ: ну, скажите сами, развѣ ему слѣдъ у себя чужую дѣвицу воспитывать, развѣ слѣдъ? Его дѣло, что ли, ее замужъ выдавать? мужское это развѣ дѣло? Онъ ее облагодѣтельствовать хотѣлъ—ну, что̀ жъ, и дай Богъ ему здоровья, а не въ свое дѣло все-таки не слѣдъ ему было мѣшаться; вѣдь не слѣдъ—скажите?

Шпуньдикъ.

Оно, положимъ, не слѣдъ, точно. Это дѣло женское. Да вѣдь не всегда оно и вашей-то сестрѣ удается. Вотъ, у насъ сосѣдка есть, Перехрянцева, Олимпіада; три дочки у ней на рукахъ, и всѣ невѣстами побывали, а замужъ хоть бы одна вышла. Послѣдній женихъ даже ночью, въ трескучій морозъ, изъ дому бѣжалъ. Старуха Олимпіада, говорятъ, ему, вся разстрепѐ, изъ слухового окна кричала: „постойте, постойте, позвольте объясниться“, а онъ по сугробамъ—зайцемъ, зайцемъ, да и былъ таковъ.

Пряжкина.

На грѣхъ мастера нѣтъ, батюшка, Филиппъ Егорычъ... Оно точно... А все-таки, коли бы меня послушались... У меня въ предметѣ былъ человѣкъ, то-есть, я вамъ скажу, просто первый сортъ—что̀ въ ротъ, то спасибо. (*Цѣлуетъ концы своихъ пальцевъ*). Да-съ! (*Со вздохомъ*). Да что̀! Теперь все это въ воду кануло. А пойду, посмотрю-ка я на Машу... Что̀ она дѣлаетъ? Чай, все еще спитъ, моя голубушка. Что-то она скажетъ, какъ проснется, какъ узнаетъ!.. (*Опять хнычетъ*). Ахъ, батюшки мои, батюшки мои! что̀ съ нами будетъ? Что̀ жъ это Михайло Иванычъ не возвращается? ужъ не случилось ли что̀ съ нимъ? Не убили ли его? Ужъ пришибутъ его, моего голубчика!

Шпуньдикъ.

Да помилуйте, хоть оно отсюда и близко, все-таки время нужно. Туда, да назадъ, ну, и у него вѣдь онъ посидитъ... надо жъ объясниться.

Пряжкина.

Да, да, батюшка, оно точно... а только мнѣ сдается, охъ, не къ добру все это, охъ, не къ добру! Изуродуетъ онъ его, Филиппъ Егорычъ, просто изуродуетъ.

Шпуньдикъ.

Э, полноте!

Пряжкина.

Ну, вотъ, увидите... Я никогда не ошибаюсь, батюшка вы мой... я, повѣрьте, я ужъ знаю... Вы не глядите на него, на Петра Ильича-то, что онъ такимъ смиреннымъ прикидывается... Первый разбойникъ!

Шпуньдикъ.

Да нѣтъ...

Пряжкина.

Да ужъ повѣрьте же мнѣ. Просто изобьетъ его, въ кровь изобьетъ.

Шпуньдикъ.

Какая же вы, матушка, странная... что́ мы, въ разбойничьемъ вертепѣ, что ли, живемъ? Здѣсь не велѣно драться никому. На то здѣсь власть. Что́ вы, перекреститесь!

Пряжкина.

Просто скажетъ ему: „Да какъ ты меня безпокоить смѣешь? Да пропадайте вы совсѣмъ съ вашей Марьей Васильевной... Да съ чего ты это, старый пёсъ, взялъ?“ Да въ зубы его, въ зубы.

Шпуньдикъ.

Полноте! что́ вы? Какъ это можно, право?

Пряжкина.

Такъ-таки въ зубочки его и треснетъ; охъ, треснетъ онъ его, моего родимаго!

Шпуньдикъ.

Эхъ, Катерина Савишна!

Пряжкина (*начиная плакать*).

Треснетъ, Филиппъ Егорычъ, треснетъ... Ванька-Каинъ этакой...

Шпуньдикъ.

А я васъ еще за благоразумную женщину считалъ!

Пряжкина (*рыдая*).

Охъ, треснетъ, голубчикъ вы мой!..

Шпуньдикъ (*съ досадой*).

Ну, положимъ, треснетъ.

Пряжкина (*утирая слезы*).

И ништо ему, и ништо ему.

Шпуньдикъ (*оглядываясь*).

Да вотъ и онъ самъ! (*Пряжкина оборачивается: изъ передней входитъ Мошкинъ въ шапкѣ и шубѣ. Онъ медленно идетъ до середины сцены, уронивъ руки и непо-*

движно уставивъ глаза на полъ. Стратилатъ идетъ за нимъ).

Пряжкина и Шпуньдикъ (*вскакивая вмѣстѣ*).

Ну, что̀? Ну, что̀?

Мошкинъ (*не глядя на нихъ*).

Съѣхалъ!

Шпуньдикъ.

Съѣхалъ?

Мошкинъ.

Да, съѣхалъ, и не велѣлъ сказывать, куда... то-есть, мнѣ не велѣлъ сказывать; недаромъ шельма дворникъ смѣялся... Да я узнаю, завтра, сегодня же узнаю; въ департаментѣ узнаю. Онъ отъ меня не отдѣлается... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Шпуньдикъ.

Да сними же шубу, Михайло Иванычъ...

Мошкинъ (*сбрасывая шапку на полъ*).

Возьмите, возьмите все, что̀ хотите. На что̀ мнѣ это все? (*Стратилатъ стаскиваетъ съ него шубу*). Къ чему? Все едино! Тащите все, берите все. (*Садится на кресло и закрываетъ лицо руками. Стратилатъ поднимаетъ шапку съ пола и уходитъ съ шубой*).

Шпуньдикъ.

Да разскажи намъ, по крайней мѣрѣ...

Мошкинъ (*вдругъ поднимая голову*).

Что̀ тутъ еще разсказывать? Пріѣхалъ, спрашиваю: дома? Никакъ нѣтъ-съ; выѣхалъ. — Куда? — Неизвѣстно. — Ну, что̀ жъ тутъ еще разсказывать? Дѣло ясно. Просто, всему конецъ, вотъ и все. А давно ли, кажется, мы съ нимъ искали квартиру для... Его, вишь, тѣсна была. Ну, а теперь, разумѣется, мнѣ остается только одно: взять да удавиться, больше ничего.

Шпуньдикъ.

Что̀ ты, что̀ ты это, Миша? Господь съ тобой!

Мошкинъ.

А что̀? (*Вскакивая*). Хотѣлъ бы я тебя видѣть на моемъ

мѣстѣ! Что̀ жъ мнѣ теперь дѣлать? Боже мой, что̀ мнѣ теперь дѣлать? Какъ я Машѣ на глаза теперь покажусь?

Пряжкина.

То-то вотъ и есть, батюшка мой, Михайло Иванычъ, не хотѣли вы меня послушаться...

Мошкинъ.

Эхъ, Катерина Савишна! надоѣли вы мнѣ пуще горькой... рѣдьки... Не до васъ теперь, матушка... Что̀ Маша дѣлаетъ?

Пряжкина (*съ глубокимъ чувствомъ оскорбленнаго достоинства*).

Почиваетъ-съ.

Мошкинъ.

Вы меня извините, пожалуйста... Видите, въ какомъ я положеніи... Притомъ же, вы сами всегда были на сторонѣ этого... этого человѣка, Петра Ильича, то-есть... (*Кладетъ руку на плечо Шпуньдику*). Да, братъ, Шпуньдикъ, получилъ я ударъ, получилъ братъ... прямо въ сердце, братъ... да. (*Останавливается*). Однако, между прочимъ, надобно жъ на что-нибудь рѣшиться. (*Подумавъ*). Поѣду въ департаментъ. Узнаю адресъ. Да, да.

Шпуньдикъ (*убѣдительнымъ голосомъ*).

Другъ мой, Михайло Иванычъ, позволь мнѣ тебѣ сказать слово, какъ говорится, отъ избытка чувствъ. Позволь, Миша. Иногда, знаешь, совѣтъ этакъ... Позволь.

Мошкинъ.

Ну, говори, что̀ такое?

Шпуньдикъ.

Послушайся меня, Миша: не ѣзди. Не ѣзди, послушайся меня. Брось. Хуже будетъ. Отказался—ну, дѣлать нечего. Этого поправить нельзя, Миша, никакъ нельзя. Просто, нѣтъ никакой возможности это поправить. Повѣрь мнѣ. Вотъ и почтенная Катерина Савишна тебѣ то же самое скажетъ. Только напрасно осрамишься. Больше ничего.

Мошкинъ.

Тебѣ легко говорить!

Шпуньдикъ.

Нѣтъ, ты этого не говори. Я тоже чувствую, Миша, какъ оно... того... горько. Но благоразуміе — вотъ что. Надо тоже подумать: что изъ этого выйдетъ? Вотъ на что слѣдуетъ, какъ говорится, вниманіе обратить. Ибо кому отъ этого хуже будетъ? Тебѣ, во-первыхъ, и Марьѣ Васильевнѣ тоже. (*Пряжкиной*). Не правда ли? (*Пряжкина киваетъ головой*). Ну, вотъ, видишь. Право, брось. Будто кромѣ его жениховъ на свѣтѣ нѣтъ! А Марья Васильевна дѣвица благоразумная.

Мошкинъ.

Эхъ, какъ это вы, право, толкуете-толкуете, а у меня голова кругомъ идетъ, словно кто меня черезъ лобъ по затылку дубиной съѣздилъ. Женихи найдутся... да, какъ бы не такъ! Вѣдь дѣло было гласное, свадьба на носу торчала, вѣдь тутъ честь запятнана, честь страдаетъ! Вы это поймите. Да и Маша захочетъ ли за другого выйти? Вамъ легко говорить. А мнѣ-то каково? Вѣдь она моя воспитанница, сирота; вѣдь я Богу за нее отвѣчаю!

Шпуньдикъ.

Да вѣдь ужъ дѣла поправить нельзя; вѣдь онъ отказался. Только себя, значитъ, мучить...

Мошкинъ.

А я его пугну.

Шпуньдикъ.

Эхъ, Михайло Иванычъ, не намъ съ тобой пугать людей. Право, брось. Просто выкинь изъ головы.

Мошкинъ.

Оно, ты думаешь, легко? Если бъ ты вотъ, этакъ, тоже два года, каждый день... Да что тутъ толковать! Удавлюсь—и больше ничего.

Шпуньдикъ.

Ну, зачѣмъ это говорить, Миша? Какъ не стыдно? Въ твои лѣта...

Мошкинъ.

Въ мои лѣта?

Шпуньдикъ.

Полно, братъ, право полно. Это нехорошо. Полно. Опомнись. Плюнь.

Пряжкина.

Плюньте, батюшка, Михайло Иванычъ!

Шпуньдикъ.

Право, плюнь. Послушайся стараго пріятеля. Эй, плюнь!

Пряжкина.

Эй, плюньте, Михайло Иванычъ!

Мошкинъ (*начиная ходить по комнатѣ*)

Нѣтъ, это все не то. Это вы все не то толкуете. Мнѣ съ Машей нужно поговорить, вотъ что. Мнѣ нужно ей объяснить... Пусть она рѣшитъ. (*Останавливаясь*). Это, вѣдь, ея дѣло, наконецъ. Пойду, скажу ей: я передъ вами, Марья Васильевна, виноватъ. Я, молъ, все это затѣялъ, необдуманно поступилъ на старости лѣтъ. Извольте меня наказать, какъ знаете. А коли, молъ, сердцу вашему не терпится, я тотчасъ же къ нему пойду, шиворотъ-навыворотъ его къ вамъ притащу — вотъ и все. А вотъ, молъ, Марья Васильевна, извольте теперь сообразить... (*Ходитъ по комнатѣ*).

Шпуньдикъ.

Ну, это я, братъ, одобрить тоже не могу. Это, братъ, не дѣвичье дѣло. Не правда ли, Катерина Савишна?

Пряжкина.

Правда, ангелочикъ вы мой, Филиппъ Егорычъ, правда.

Шпуньдикъ.

Ну, вотъ, видишь. Это, братъ, ты все не то, не такъ... Ты послушай-ка лучше совѣтъ голоса благоразумія. Притомъ, все еще можетъ поправиться. Ты вспомни-ка лучше вотъ эти стишки: „Мила Хлоя, коль ужасно—Друга сердца потерять;—Но печаль твоя напрасна;—Вѣрь, не должно унывать“.

Мошкинъ (*продолжая ходить по комнатѣ и разсуждать съ самимъ собою*).

Да, да. Точно, это хорошая мысль. Это хорошо. Что она скажетъ, тому и быть. Да, да.

Шпуньдикъ.

Ибо... (*Останавливается и значительно взглядываетъ на Пряжкину*). Ибо, повторяю тебѣ, это не дѣвичье дѣло. Да она и не пойметъ тебя—какъ можно! Это Богъ знаетъ, что̀ ты такое выдумалъ! Она просто заплачетъ; возьметъ да заплачетъ; что̀ ты тогда станешь дѣлать?

Пряжкина (*хныкая*).

Охъ, Филиппъ Егорычъ, не говорите такія слова. Хоть меня-то пощади, Филиппъ Егорычъ. О-охъ! Хоть старуху-то пожалѣй, голубчикъ ты мой.

Мошкинъ (*не слушая ихъ*).

Да, да. Рѣшительно. Это такъ. (*Къ Шпуньдику и Пряжкиной*). Ну, друзья мои, спасибо вамъ, что дождались меня... а теперь, знаете что̀? оставьте-ка меня одного, этакъ, на полчасика; погода, вишь, хорошая: по прешпехту, этакъ, знаете, прогуляйтесь немножко, друзья мои.

Шпуньдикъ.

Да зачѣмъ же?..

Мошкинъ (*торопливо*).

Ну, да, да, прощайте, прощайте... На полчасика, на полчасика.

Шпуньдикъ.

Да куда же ты насъ гонишь?

Мошкинъ.

Куда хотите... (*Шпуньдику*). Вотъ хоть въ Милютины лавки ее свези: тамъ, братъ, вы такіе ананасы увидите, просто съ солдатскій кулакъ... Кстати же и манументы тамъ стоятъ... (*Слегка понукаетъ ихъ въ спину*).

Шпуньдикъ.

Да я все это уже видѣлъ.

Мошкинъ.

Ну, еще разъ посмотри... И вы тоже ступайте, Катерина Савишна, ступайте...

Пряжкина.

А самоварчикъ-то, Михайло Иванычъ, самоварчикъ-то... Вишь, кипитъ...

Мошкинъ.

Ну, ничего... Не пропадетъ вашъ самоварчикъ... Прощайте...

Шпуньдикъ.

Да, право же...

Мошкинъ.

Филиппъ, ради Бога... Вотъ твоя шапка...

Шпуньдикъ.

Ну, какъ хочешь. Такъ черезъ полчаса...

Мошкинъ.

Да, да, черезъ полчаса. Вотъ ваша шляпка, Катерина Савишна... Салопъ, чай, въ передней виситъ... Прощайте, прощайте... *(Выпроваживаетъ ихъ, быстро возвращается на авансцену и вдругъ останавливается).* Ну, теперь наступаетъ рѣшительная минута. Ихъ я спровадилъ, теперь дѣйствовать надо... Что̀ жъ я ей скажу? Я ей скажу, что̀ вотъ, молъ, какъ, вотъ какое дѣло; что жъ теперь намъ дѣлать, душа ты моя?.. Подготовлю ее, какъ слѣдуетъ, а потомъ... ну, потомъ представлю письмо. А, впрочемъ, тутъ же присовокуплю, что, дескать, это все еще можно какъ-нибудь устроить, надежду терять еще не нужно... (*Помолчавъ*). Но вообще я буду остороженъ... У, какъ остороженъ!.. Тутъ политика нужна... Ну, что̀ жъ? надо къ ней войти. *(Подходитъ къ двери).* Боюсь, ей-Богу, боюсь... Сердце такъ и замираетъ... Чай, на себя не похожъ. *(Быстро подходитъ къ зеркалу).* Вона, вона лицо! вона какъ! (*Взбиваетъ щеткой волосы*). Хорошъ, братъ, хорошъ, нечего сказать. Красивъ!.. Однако, мѣшкать нечего. Фу! *(Проводитъ рукой по лицу).* Вотъ положеніе! На сраженьи, чай, не такъ жутко бываетъ... Да ну же, чортъ возьми! *(Застегивается).* Главная бѣда — начать. *(Подходитъ къ двери).* Что̀, она спитъ? Не можетъ быть. Мы всѣ тутъ такъ шумѣли. Что̀, если она услышала?.. Тѣмъ лучше. Конечно, тѣмъ лучше. Да ну же, трусъ, ступай. А вотъ, постой, я воды выпью немножко. (*Возвращается къ столу, наливаетъ стаканъ и пьетъ. Изъ боковой двери выходитъ Маша*). Ну, теперь съ Богомъ!

(Оборачивается и, при видѣ Маши, теряется совершенно). Ахъ... это ты... это... это... какъ же это... ты...

Маша *(съ недоумѣніемъ).*

Я, что̀ съ вами?

Мошкинъ *(торопливо).*

Ничего, ничего. Я такъ... Я не ожидалъ тебя... Мнѣ сказали, что ты почиваешь.

Маша.

Да, я все время спала... Вотъ теперь только встала.

Мошкинъ.

А какъ ты себя чувствуешь?

Маша.

Недурно. Голова немножко болитъ.

Мошкинъ.

И не удивительно послѣ этакой ночи. *(Маша садится).* Такъ ты лучше себя чувствуешь?.. Ну, слава Богу. Сегодня погода хорошая... Можно будетъ потомъ немножко въ санкахъ прокатиться... А? какъ ты думаешь?

Маша.

Какъ хотите.

Мошкинъ.

Нѣтъ, какъ ты хочешь... Развѣ я тебя когда принуждаю?.. Что̀ тебѣ угодно, то и будетъ исполнено.

Маша.

Вы такой добрый, Михайло Иванычъ.

Мошкинъ *(подсаживаясь къ ней).*

Вотъ еще, что̀ выдумала!.. Какой я... то-есть, того, я точно... Ну, да все равно. А посмотри-ка на меня.. *(Она взглядываетъ на него).* Ахъ, Маша, Маша, ты опять плакала. *(Маша отворачивается).* Я понимаю, Маша, я все понимаю, а все-таки, право... Право, ты напрасно этакъ. Право, оно еще можетъ... того... все... Конечно... *(Онъ дѣлаетъ неопредѣленныя движенія руками).* Вотъ, ты увидишь, право.

Маша.

Да я, Михайло Иванычъ, я ничего...

Мошкинъ.

Какое ничего!.. Ты... нѣтъ. Ты... не ничего. Ты, вотъ, плачешь. А отчего? Какая, то-есть, причина? Конечно, я не спорю, а все-таки... То-есть, разумѣется... А, впрочемъ, мы увидимъ... (*Утираетъ лицо платкомъ*). Что̀ это дуракъ Стратилатка какъ здѣсь натопилъ!...

Маша.

Вы напрасно безпокоитесь, Михайло Иванычъ, право, напрасно.

Мошкинъ.

Да кто тебѣ сказалъ...

Маша.

По крайней мѣрѣ, обо мнѣ вамъ не изъ чего тревожиться... Повѣрьте *(съ горькой усмѣшкой)*, я совершенно покорилась своей участи.

Мошкинъ.

То-есть, какъ однакоже покорилась?

Маша.

Да. Я ни на что̀ не надѣюсь, Михайло Иванычъ, и ничего не желаю. Я не хочу больше себя обманывать. Я знаю: все кончено. Что̀ жъ? тѣмъ лучше, можетъ-быть.

Мошкинъ.

Да нѣтъ... почему же?...

Маша.

Посмотрите-ка на меня вы теперь въ свою очередь.

Мошкинъ.

А что жъ? развѣ?.. *(Хочетъ взглянуть на нее и не можетъ)*.

Маша.

Ахъ, Михайло Иванычъ! Къ чему еще притворяться? Какая изъ этого польза?.. Кого мы обманемъ?

Мошкинъ (*помолчавъ*).

Ну, да... я согласенъ... ну, да, конечно. Конечно, я никакъ не могъ ожидать такого поступка.

Маша (*вдругъ съ большимъ волненіемъ*).

Что̀ вы хотите сказать?

Мошкинъ (*конфузясь*).

Я... я... то-есть... я...

Маша.

Вы были у него сегодня опять?

Мошкинъ.

Я... да... точно... да, я былъ.

Маша (*быстро*).

Ну, и что жъ?

Мошкинъ

Я его дома не засталъ.

Маша.

Такъ что жъ вы говорите... чего вы не могли ожидать?

Мошкинъ.

Онъ, конечно... Впрочемъ, ты сама... Онъ... онъ мнѣ письмо написалъ.

Маша (*быстро*).

Письмо?

Мошкинъ (*съ принужденной улыбкой*).

Да, письмо... Этакъ, ты знаешь... Впрочемъ, оно... то-есть; нельзя сказать, чтобъ... вообще...

Маша.

Гдѣ оно?

Мошкинъ.

Оно... у меня...

Маша.

Дайте мнѣ это письмо... ради Бога, ради Бога, Михайло Иванычъ, дайте мнѣ это письмо.

Мошкинъ.

Право, я не знаю, Маша... Мнѣ, по-настоящему, не слѣдовало сказывать... Я, этакъ, немножко потерялся...

Маша.

Дайте, дайте, дайте!..

Мошкинъ (*ища у себя въ карманахъ*).

Я не знаю, право, куда я его дѣлъ... Право, Маша, ты напрасно, этакъ... Ты теперь въ такомъ волненіи...

Маша.

Я совершенно спокойна... но это письмо...

Мошкинъ (*съ отчаяніемъ*).

Да я же не могу... Господи, Боже мой! Мнѣ нужно тебя приготовить. Я, то-есть, собирался... А то ты, пожалуй, этакъ, вообразишь... И какъ это я, право, вдругъ такъ, съ бухта-барахты...

Маша.

Вы меня терзаете...

Мошнинъ.

Обѣщай мнѣ, по крайней мѣрѣ...

Маша.

Все, что хотите; только ради Бога... вы видите... Ради Бога...

Мошкинъ.

Маша, ты, пожалуйста, не подумай... Это ничего. Это такъ, знаешь, написано, какъ говорится, сгоряча. Это все еще ничего. Это все очень легко поправить. Чрезвычайно легко. То-есть, просто ничего не стоитъ.

Маша.

Дайте же, ради Бога, дайте...

Мошкинъ (*медленно вынимая письмо изъ бокового кармана*).

Только, пожалуйста... (*Маша вырываетъ у него письмо и съ жадностью начинаетъ читать. Мошкинъ встаетъ, отходитъ немного въ сторону и отворачивается. Маша кончаетъ письмо, остается на мгновеніе неподвижной, и вдругъ съ глухими рыданіями закрываетъ лицо руками. Мошкинъ подбѣгаетъ къ ней*). Маша, Маша, ради Бога! Я тебѣ говорилъ, это ничего. Маша, Маша! ради самого Господа! Маша! (*Къ самому себѣ*). Эхъ, старая скотина, дуракъ безмозглый! а еще объ осторожности толковалъ, о политикѣ... Ну, гдѣ тебѣ, необразованному олуху, до политики! Взялъ, да и сунулъ письмо сейчасъ. (*Снова обращаясь къ Машѣ*). Душа ты моя, успокойся, пожалуйста. Не плачь. Я за все ручаюсь. Я все улажу. Маша, ты меня убиваешь, я не могу видѣть тебя въ такомъ положеніи. (*Она протягиваетъ ему руку*). Не плачь, пожалуйста.

Маша (*сквозь слезы*).

Извините меня, Михайло Иванычъ. Это сейчасъ прой-

детъ. Это только въ первую минуту. (*Утираетъ глаза платкомъ*).

Мошкинъ (*опять подсаживается къ ней и отбираетъ у ней письмо*).

Это ничего, Маша, это все ничего...

Маша.

Если бъ я этого не ожидала, а то, вы сами знаете, я на все была готова. Конечно, это письмо, вдругъ, послѣ всѣхъ обѣщаній... но я и прежде не обманывалась... Желаю ему всякаго счастія... (*Опять плачетъ*).

Мошкинъ.

Я съ нимъ поговорю, Маша...

Маша.

Ни за что въ свѣтѣ, Михайло Иванычъ! Онъ отказывается отъ меня—ну, и Богъ съ нимъ. Я не хочу ему навязываться, Михайло Иванычъ, я васъ прошу, слышите, ни слова обо мнѣ Петру Ильичу. Я сирота... у меня нѣтъ никакой опоры... онъ обидѣлъ меня... Что жъ? я ему прощаю; но не хочу ему навязываться. Слышите, Михайло Иванычъ, ни слова, ни одного слова, если вы меня любите...

Мошкинъ.

У тебя нѣтъ никакой опоры, Маша; а я-то что? Развѣ я не люблю тебя пуще родной дочери? Вѣдь что меня убиваетъ? Меня убиваетъ, такъ сказать, та мысль, что въ сущности-то я, я одинъ всему причиной, я все дѣло затѣялъ. Онъ меня зарѣзалъ, снора нѣтъ, онъ меня просто надулъ, да что жъ? намъ отъ этого все такъ и бросить, поклониться ему, да и прочь отойти? Нѣтъ, это невозможно, воля твоя. Притомъ, можетъ-быть, онъ самъ еще опомнится. Привелъ же я тебѣ его тогда.

Маша.

И совершенно напрасно. Какая вышла польза? Вы сами видите.

Мошкинъ.

Да помилуй, однако, Маша, что жъ мнѣ было другого дѣлать? Посуди. Стань тоже на мое мѣсто. Давно ли, ка-

жется, все такъ прекрасно шло? Вѣдь если бъ ты сама не захотѣла отсрочить—вѣдь объ эту нору ты бы уже была замужемъ. Какъ же ты хочешь, чтобъ я этакъ, разомъ, отъ всего отказался? Да это просто сонъ, какое-то навожденіе, туманъ какой-то! Вотъ, посмотри, мы вдругъ съ тобой проснемся; глядь, анъ, все по-старому. Какъ это отъ тебя отказаться, помилуй; скажи сама? Чѣмъ, ну скажи, чѣмъ ты не берешь?

Маша (*уныло*).

Вы слишкомъ добры, Михайло Иванычъ; вы меня любите, такъ вамъ все во мнѣ и нравится. А онъ... Нѣтъ, ему не то нужно. Сначала я его, точно, забавляла, а потомъ... Я уже давно все это замѣчала, Михайло Иванычъ; но я вамъ этого не сказывала, потому что боялась васъ огорчить. Видите вы, какіе у него пріятели... Гдѣ намъ съ вами!.. Для него мы слишкомъ просты, Михайло Иванычъ. Для него мы низки. Онъ нами гнушается, просто...

Мошкинъ.

Гнушается! а деньги у меня онъ не гнушался брать? Вишь, у него нѣмецъ-пріятель, такъ вотъ онъ и зазнался. Нѣтъ, братъ, не на того наскочилъ...

Маша.

Къ чему все это, Михайло Иванычъ? къ чему? Прошедшаго намъ съ вами не воротить...

Мошкинъ.

Да вѣдь, Маша, помилуй, вспомни, что̀ скажутъ, Маша, что̀ скажутъ...

Маша.

Что̀ же дѣлать, Михайло Иванычъ?

Мошкинъ.

Что̀ дѣлать? Объ этомъ-то вотъ я и думаю.

Маша (*помолчавъ немного*).

А только, конечно... мнѣ у васъ больше жить нельзя.

Мошкинъ.

Что̀-о?..

Маша.

Я должна съѣхать отъ васъ, Михайло Иванычъ.

Мошкинъ.

Это зачѣмъ? Это что̀ такое? Ужъ не тетка ли твоя тебѣ это натолковала?

Маша.

Тетенька мнѣ, точно, объ этомъ говорила; впрочемъ, я и безъ того... Повѣрьте, Михайло Иванычъ, сердце у меня обливается кровью при одной мысли разстаться съ вами...

Мошкинъ.

Да ты лучше заразъ прикажи мнѣ изъ окошка выпрыгнуть! Помилуй, Маша, что̀ ты, въ своемъ ли ты умѣ? Да и куда ты пойдешь, помилуй, скажи!.. Ахъ, она старая чертовка! Да она меня, я вижу, просто убить собирается. За что̀ жъ это ты, Маша, ты-то за что̀ меня погубить хочешь? Помилуй, помилуй!.. Что̀ ты это?

Маша.

Михайло Иванычъ, выслушайте меня хладнокровно, и вы согласитесь со мной!

Мошкинъ.

Ни за что̀, матушка, не соглашусь, ни за что̀!

Маша.

Послушайте. Вы меня къ себѣ взяли послѣ матушки, послѣ покойницы; вы одни заботились обо мнѣ; вотъ, наконецъ, съ Петромъ Ильичемъ вы меня познакомили; потомъ, вотъ, все это случилось: онъ посватался, а теперь отказался... Какое же мое положеніе, Михайло Иванычъ? Что̀ жъ вы хотите, чтобъ обо мнѣ подумали?..

Мошкинъ.

Какъ, что̀ подумали?

Маша (*поспѣшно*).

Вѣдь я, все-таки, вамъ чужая, Михайло Иванычъ. Всѣ скажутъ: онъ отказался, ну, что̀ жъ такое? Она вѣдь воспитанница, пріемышъ: даромъ хлѣбъ ѣстъ. Ее взяли, а теперь, вотъ, бросили — что̀ жъ изъ этого? Вотъ, велика важность! И за то уже спасибо, что позанялись ею. Подѣломъ ей! Кто за нее отвѣчаетъ? Жила бы у своихъ родственниковъ—съ ней бы этого не случилось. Даровой хлѣбъ, знать, вкусенъ. А работать ей, видно, не хочется!..

Вы поймите, Михайло Иванычъ, мое положеніе. Я васъ люблю больше, чѣмъ кого-нибудь на свѣтѣ; но что́ же дѣлать? До сихъ поръ я еще могла жить у васъ, а теперь... Мнѣ теперь невозможно остаться; право, невозможно. За что́ же я буду презрѣніе сносить, посудите сами? А я еще сумѣю кусокъ хлѣба себѣ заработать...

Мошкинъ.

Я ничего не понимаю, рѣшительно ничего не понимаю, что́ ты мнѣ такое говоришь? Какой кусокъ хлѣба? и какое презрѣніе? и кто посмѣетъ? Христосъ съ тобой, Маша!.. Кто за тебя отвѣчаетъ? — Я за тебя отвѣчаю! Я никому не позволю надъ собой насмѣхаться. Я это всему свѣту докажу, молокососу этому докажу...

Маша.

Полноте! что́ вы это?

Мошкинъ.

Да вотъ, посмотришь. Ты меня еще не знаешь. „Ты у меня живешь“, — да, Маша, перекрестись: вѣдь я старикъ, вѣдь я степенный человѣкъ, вѣдь всѣ знаютъ, что ты мнѣ дочь... Помилуй, помилуй! Я тебя, ей-Богу, не понимаю.

Маша.

Нѣтъ, Михайло Иванычъ, вы меня понимаете.

Мошкинъ.

Да полно же, Маша! неужели ты это не шутя говоришь?

Маша (*вставая*).

Мнѣ теперь не до шутокъ, Михайло Иванычъ.

Мошкинъ.

И ты можешь меня оставить?

Маша.

Я должна.

Мошкинъ.

Да куда же ты пойдешь?

Маша.

Куда-нибудь. Сперва я къ теткѣ переѣду, а тамъ посмотрю: можетъ-быть, мѣсто гдѣ-нибудь найду.

Мошкинъ (*складывая руки*).

Я съ ума сойду, ей-Богу, съ ума сойду. Ты къ теткѣ

переѣдешь?.. Да ты спроси прежде, гдѣ тетка-то сама живетъ? У повивальной бабки, въ чуланѣ за перегородкой, вмѣстѣ съ банными вѣниками, сушеными грибами, да старыми юбками.

Маша (*нѣсколько обиженная*).

Я не боюсь бѣдности.

Мошкинъ (*вскакивая*).

Да нѣтъ! это вздоръ! это вздоръ! Я не въ состояніи буду это вынести. Какъ? И онъ, и ты, — и все, все разомъ... Докажи же мнѣ хоть ты, по крайней мѣрѣ, что у тебя сердце доброе, не то что у него. Неужели вы всѣ, молодые люди, нынче такіе? Ты посуди: вѣдь я только для тебя и живу... Вѣдь твое отсутствіе меня убьетъ... Маша, сжалься надъ бѣднымъ старикомъ... Что я тебѣ такое сдѣлалъ?..

Маша.

Михайло Иванычъ, да войдите же и вы въ мое положеніе... Я не могу, ей-Богу, не могу у васъ остаться...

Мошкинъ.

Тьфу, вы, женщины! Сущее Божеское наказаніе! Что разъ вошло имъ въ голову — ну, хоть тресни!.. Нѣтъ, Маша, я не могу позволить тебѣ уйти отсюда... Здѣсь твое гнѣздо, твой кровъ; здѣсь все твое, и все для тебя — я не могу съ тобой разстаться... но я... Ну, да; я готовъ, пожалуй, согласиться, что ты права; да, тебя должны всѣ уважать, а я съ своей стороны долженъ тебя защищать, какъ бы родную дочь защитилъ; это мое дѣло, потому что ты у меня живешь, потому что я за тебя отвѣчаю передъ Богомъ и передъ людьми; а вслѣдствіе этого я тебѣ вотъ что скажу: ты теперь будь спокойна, а я вотъ что намѣренъ сдѣлать: либо я все устрою попрежнему, либо я его на дуэль вызову...

Маша (*съ испугомъ*).

На дуэль?

Мошкинъ.

Да, на дуэль. На шпадронахъ, на пистолетахъ — мнѣ все равно.

Маша (*задыхающимся голосомъ*).

Послушайте, Михайло Иванычъ! Я вамъ говорю: если вы сейчасъ не откажетесь отъ своего намѣренія, я, ей-Богу, въ вашихъ же глазахъ... ну, я не знаю... я себя жизни лишу.

Мошкинъ (*почти крича*).

Такъ что жъ мнѣ дѣлать, Боже мой, что жъ мнѣ дѣлать? У меня умъ теряется... (*Вдругъ останавливается*). Послушай, Маша... Да нѣтъ! я совсѣмъ съ панталыка сбился... ну, да все равно. Слушай. Ты хочешь, чтобъ тебя уважали, не правда ли? Ты хочешь, чтобъ никто не смѣлъ даже подумать что-нибудь нехорошее на твой счетъ? Тебѣ твое теперешнее положеніе въ тягость — а? не правда ли? Ну, такъ слушай же—только, ради Бога, не считай меня за безумнаго... Вотъ, видишь ли... я... ты останешься здѣсь... и никто... понимаешь?.. ужъ совершенно никто не будетъ смѣть — ну, словомъ сказать, хочешь ты за меня замужъ выйти?

Маша (*съ невыразимымъ удивленіемъ*).

Михайло Иванычъ...

Мошкинъ (*необыкновенно быстро*).

Не перерывай меня... я самъ не знаю, какъ эта мысль мнѣ въ голову пришла, но я долженъ ее высказать. Средство, я согласенъ, отчаянное, да и положеніе-то наше каково?.. Если бъ я надѣялся на возвращеніе Петруши... (*Маша дѣлаетъ движеніе рукой*). Ну, вотъ; видишь, видишь... Позволь же мнѣ, по крайней мѣрѣ, объясниться, а то ты меня точно въ правѣ за сумасшедшаго счесть или даже... Нѣтъ! ты не можешь подумать, что я въ состояніи тебя оскорбить...

Маша.

Нѣтъ... но...

Мошкинъ.

Ты сама виновата... Вольно жъ тебѣ было пугнуть меня своимъ отъѣздомъ... Да и все, что ты мнѣ натолковала о презрѣніи тамъ, о кускѣ хлѣба и прочее — все это мнѣ голову вскружило. Вѣдь изъ чего я бьюсь, Маша? Чего мнѣ хочется? Мнѣ хочется, чтобъ тебя всѣ ува-

жали, какъ королеву; мнѣ хочется доказать всѣмъ, всѣмъ, что руку твою получить—да это верхъ степени благополучія!.. Одинъ дуракъ, мальчишка, отказался—отъ своего счастья отказался; а вотъ я, человѣкъ степенный, безукоризненный, какъ говорится, чиновникъ, и передъ тобой на колѣняхъ; дескать, Марья Васильевна, удостойте. Вотъ что мнѣ хочется всему міру доказать — ему тоже, Петру Ильичу то-есть. Вотъ что пойми... Ради Бога, не вздумай ты...

Маша.

Михайло Иванычъ...

Мошкинъ.

Постой, постой, я знаю, я все знаю, что ты мнѣ хочешь возразить; но пойми меня. Какой я тебѣ мужъ—помилуй! объ этомъ нечего и говорить... Но я чувствую, точно, тебѣ нельзя жить у меня этакъ, попрежнему, а оставить меня ты не можешь. Я предлагаю тебѣ покой, тишину, уваженіе, пріютъ — вотъ что я тебѣ предлагаю. Я человѣкъ честный, ты знаешь, Маша, ничѣмъ не замаранный; я буду тебя лелѣять такъ же точно, какъ до сихъ поръ лелѣялъ. Отцомъ я тебѣ буду — вотъ что. А! тебя хотѣли бросить, обидѣть; ты, вотъ, сирота безпомощная, пріемышъ; ты у чужихъ людей изъ милости на хлѣбахъ живешь — такъ нѣтъ же! Вотъ, ты хозяйка, ты госпожа, ты барыня... а я... ширмы, понимаешь, ширмы, и больше ничего. Ну, что ты на это скажешь?

Маша.

Я такъ удивлена, Михайло Иванычъ... и такъ тронута... Какъ вы хотите, чтобъ я теперь вамъ отвѣчала...

Мошкинъ.

Да кто жъ тебя принуждаетъ, помилуй! Ты обсуди это дѣло на досугѣ. Вѣдь я это придумалъ для твоего спокойствія... Это твое дѣло. Ты только скажи мнѣ сегодня, что ты остаешься у меня. Вотъ я и буду счастливъ. Больше мнѣ ничего не надо.

Маша.

Но остаться у васъ я вѣдь не могу, если... Я только тогда останусь... Я не могу вамъ отвѣтить теперь

Мошкинъ.

Ну, какъ хочешь, какъ хочешь... Подумай..

Маша.

Но, Михайло Иванычъ, если бъ даже... имѣю ли я право располагать вами... за что̀ же вы...

Мошкинъ.

Вотъ тебѣ на̀! А на что̀ жъ я, по-твоему, пуженъ на семъ свѣтѣ? Скажи-ка, а? На что̀? Вотъ что̀ выдумала! Да старому дураку, какъ я, такое счастье и сниться-то не должно! Господи, Боже мой! Вотъ еще что̀! Ты мнѣ только одно теперь скажи, что ты остаешься... а отвѣтъ ты мнѣ дашь потомъ, когда вздумается, и какой вздумается...

Маша (*помолчавъ*).

Я въ вашей власти.

Мошкинъ (*съ сердцемъ*).

Если ты мнѣ еще разъ это скажешь, я, какъ передъ Богомъ говорю, я сейчасъ пойду въ кухню и стану сапоги Маланьѣ чистить — слышишь! Ты въ моей власти? Ахъ, Господи, Боже мой!

Маша (*глядитъ на него нѣкоторое время; тронутымъ голосомъ*).

Я остаюсь, Михайло Иванычъ.

Мошкинъ.

Остаешься? Душа ты моя! (*Хочетъ ее обнять*). Нѣтъ, не смѣю, не смѣю, не смѣю...

Маша (*обнимая его*).

Добрый, добрый мой Михайло Иванычъ... Да, вы меня любите, вы мнѣ преданы... да, да, это такъ. Вы не обманете меня, вы не измѣните. Я на васъ могу положиться. Только позвольте мнѣ уйти теперь къ себѣ... У меня голова кругомъ идетъ. Я къ себѣ пойду.

Мошкинъ.

Сдѣлай одолженье, Маша... Помилуй, какъ тебѣ угодно. Надъ тобой здѣсь на̀большаго нѣтъ. Отдохни. Это главное. А остальное уладится какъ-нибудь. (*Провожая ее до двери*). Такъ ты остаешься?

Маша.

Остаюсь.

Мошкинъ.

Ну, и слава Богу, слава Богу! лишь бы ты была покойна и счастлива. А о прочемъ не безпокойся, ради Бога... Говорятъ, въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ спросить у возлюбленной, то-есть, особы: могу ли я, дескать, надѣяться? Но ты не бойся, я ничего у тебя не спрошу...

Маша *(помолчавъ немного)*.

Напрасно. Вы можете надѣяться. (*Подумавъ*). Вы можете надѣяться. (*Быстро уходитъ*).

Мошкинъ *(одинъ)*.

Что это она сказала? Вы можете надѣяться! (*Прыгаетъ*). Стой, старый дуракъ! Что это ты разскакался? Развѣ ты не понимаешь? Но, Господи, Боже мой! Кто бы могъ это все предвидѣть? Это, просто, такія чудеса, какихъ на свѣтѣ никогда не бывало! Тотъ отказывается, Маша остается, я, вотъ, по всей вѣроятности, женюсь... Я женюсь? Въ мои года, и на комъ же? На совершенствѣ, на какомъ-то, на ангелѣ... Да это сонъ, это бредъ; просто, я въ чаду хожу... въ горячкѣ; я въ горячкѣ. А? Петръ Ильичъ? Вы думали насъ подкузьмить? Анъ, нѣтъ же, вотъ! Шишъ тебѣ, мой голубчикъ! *(Оглядываясь и тихонько про себя)*. То-то у меня и прежде сердце замирало, когда я ее сваталъ... *(Махая рукой)*. Молчи, молчи, старый, молчи! А только я задыхаюсь, ей-Богу, задыхаюсь... Пойду, по улицѣ немножко пробѣгаюсь... *(Схватываетъ шапку и въ дверяхъ сталкивается съ Шпуньдикомъ и Пряжкиной)*.

Шпуньдикъ *(съ недоумѣніемъ)*.

Куда это ты?

Мошкинъ.

На воздухъ, Филиппъ, на воздухъ — немножко, такъ, пробѣгаться. Я сейчасъ вернусь...

Шпуньдикъ.

Да что съ тобой? Не случилось ли чего? Что Марья Васильевна?

Мошкинъ.

Ничего, ничего... Вы ее не безпокойте... Она у себя въ комнатѣ... Все хорошо. (*Шпуньдику*). Филиппъ, душа моя! дай тебя обнять... Я сейчасъ... а вы не входите къ ней... Все хорошо, все прекрасно... (*Убѣгаетъ*).

Шпуньдикъ (*обращается въ величайшемъ недоумѣніи къ Пряжкиной*).

Что̀ это значитъ? Что̀ это съ нимъ такое случилось?

Пряжкина (*задыхающимся голосомъ и ловя рукой ручку кресель, словно падая въ обморокъ*).

Ахъ... ударъ... ударъ... голубчикъ мой, помоги... ударъ...

Шпуньдикъ (*поддерживая ее, съ испугомъ*).

Что̀ такое? что̀ такое? Съ вами ударъ? (*Кричитъ*). Стратилатъ, Стратилатъ, за докторомъ скорѣй!

Пряжкина (*замирая*).

Ахъ, батюшки... ахъ...

Шпуньдикъ (*съ отчаяніемъ*).

Стратилатъ! Да гдѣ жъ онъ? Стратилатка!

Стратилатъ (*выбѣгая изъ передней*).

Чего изволите?

Шпуньдикъ.

За докторомъ скорѣй... Катеринѣ Савишнѣ дурно... Ударъ... вотъ...

Пряжкина (*выпрямляясь и съ достоинствомъ отталкивая Шпуньдика*).

Перекрестись, отецъ мой. Что̀ ты это? съ ума спятилъ, что ли? Какой ударъ?

Шпуньдикъ (*съ изумленіемъ*).

Да вѣдь вы сами...

Пряжкина (*хныкая*).

Не со мной ударъ, а съ нимъ, съ моимъ голубчикомъ, съ Михайломъ Иванычемъ—вотъ съ кѣмъ ударъ.

Шпуньдикъ (*съ досадой*).

Тьфу ты, мать моя, какъ вы меня перепугали!.. (*Стратилату*). Ступай. (*Стратилатъ выходитъ. Пряжкиной*). Какъ вамъ не стыдно, право...

Пряжкина.

Да какъ же, батюшка мой, али ты слѣпъ? аль не видалъ? Вѣдь у него и личико-то все перекосилось, и губки тоже. Ударъ, батюшка, ударъ. Повѣрь мнѣ. Вонъ надняхъ лѣкаря нашего такъ же этакъ хватило—пьяница, правда, былъ отъявленный, даже отёкъ весь... Ну, совершенно вотъ одно лицо! Ахъ, я горемычная, на кого я теперь осталась!

Шпуньдикъ

Ну, опять пошла! Эхъ... (*Мошкинъ вбѣгаетъ изъ передней*). Ну, посмотри на милость сама, больной онъ, что ли? Эхъ, ты, баба... (*Мошкину*). Вообрази, Миша: Катерина Савишна увѣряетъ, что съ тобой ударъ приключился.

Мошкинъ

Что жъ? Въ нѣкоторомъ смыслѣ оно справедливо. Я знаю, я знаю, васъ должно удивить, что я этакъ... Но вотъ, постой, это все объяснится... современемъ.

Шпуньдикъ.

Да что съ тобой, братъ, скажи, пожалуйста... Ты внѣ себя.

Мошкинъ.

Можетъ-быть. Еще бы!.. (*Отводя Шпуньдика въ сторону*). Филиппъ, знаешь, свадьба-то, можетъ, еще будетъ.

Шпуньдикъ.

Ой ли? Уладилось дѣло?

Мошкинъ.

Уладилось,—да не съ тѣмъ.

Шпуньдикъ.

Какъ не съ тѣмъ? съ кѣмъ же?

Мошкинъ.

А вотъ узнаешь, Богъ дастъ... Ну, обними же меня...

Шпуньдикъ.

Изволь... только я, право... (*Обнимаются*).

Мошкинъ (*тихонько*).

И поздравь меня.

Шпуньдикъ (*съ недоумѣніемъ*)

Э-э!

Мошкинъ.

А вѣдь ты, знать, предчувствовалъ, Филиппъ...

Шпуньдикъ.

Предчувствовалъ? Что я предчувствовалъ?

Мошкинъ (*не отвѣчая ему, Пряжкиной*).

И вы меня обнимите... (*Обнимаетъ ее*). Да не горюйте, полноте... Мы будемъ всѣ счастливы... Посмотрите, какъ мы заживемъ... Филиппъ, когда ты ѣдешь въ деревню?

Шпуньдикъ.

Да недѣли, этакъ, черезъ три... А что?

Мошкинъ.

Ну, до того времени, мы еще, можетъ-быть... Или нѣтъ! нѣтъ! какъ бы не сглазить...

Пряжкина.

Да что такое, отецъ мой?

Мошкинъ.

Не разспрашивайте меня, друзья мои, а лучше обнимите-ка меня опять.. (*Обнимаетъ ихъ обоихъ*). Вотъ такъ. А Маша будетъ счастлива... Въ этомъ я клянусь передъ Богомъ! Слышите—вы свидѣтели. Она будетъ счастлива! Она будетъ счастлива!

1849 г.

Профессиональный союз РСХМ СССР
Заводской комитет завода № 518
№ 2013 274.

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕСЯТАГО ТОМА:

стр.

Вмѣсто предисловія 3

Неосторожность, комедія въ одномъ дѣйствіи. 5

Безденежье, сцены изъ петербургской жизни молодого дворянина 53

Гдѣ тонко—тамъ и рвется, комедія въ одномъ дѣйствіи. . 88

Нахлѣбникъ, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ 138

Холостякъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ 215

Инв 2213

ПД-1

23 / 10 94